

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
по
АРХЕОЛОГИИ СССР

2

92

МАТЕРИАЛЫ
и ИССЛЕДОВАНИЯ

A:

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'URSS
INSTITUT N. J. MARR D'HISTOIRE DE LA CULTURE MATÉRIELLE

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

MATÉRIAUX ET RECHERCHES
D'ARCHÉOLOGIE DE L'URSS

№ 2

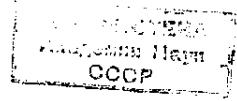
ÉDITION DE L'ACADEMIE DES SCIENCES DE L'URSS
МОСКОУ • 1947 • ЛЕНИНГРАД

ЕВ_1941_AKS_314

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР. № 2

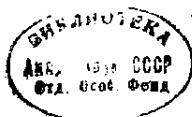
ПАЛЕОЛИТ
И НЕОЛИТ СССР

Под редакцией
П. П. ЕФИМЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1941 • ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор
директор Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра
М. И. АРТАМОНОВ

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>(стр.)</i>		<i>(стр.)</i>
В. А. Городцов. Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки (предварительное сообщение)	7	Б. Ф. Земляков. О древнейших следах человека в окрестностях Ленинграда (стоянка у ст. Разлив Приморской ж. д.)	158
И. Г. Пидопличка. Кремневые «гигантолиты» из Новгород-Северска	26	Н. Гурина. Орудия Вознесенской стоянки	169
П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Боршево II	37	М. Фосс и Л. Ельницкий. О добывании камня и о древнейших каменоломных орудиях на севере Восточной Европы	182
С. Н. Бибиков. Раскопки Усть-Катавской костеносной пещеры и археологическое обследование правобережья р. Катав в районе поселка Усть-Катав (Южный Урал)	61	А. П. Окладников. К вопросу о назначении неолитических каменных рыб из Сибири	193
М. М. Герасимов. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта	65	С. А. Семенов. Следы употребления на неолитических орудиях из Ангарских погребений	203
П. И. Борисковский. Кирилловская палеолитическая стоянка	86	М. Е. Фосс. Костяные и деревянные изделия стоянки Веретье	212
А. П. Окладников. Палеолитическая статуэтка из Бурети (раскопки 1936 г.)	104	П. А. Дмитриев. Землянки на зуравльских стоянках	236
Г. П. Сосновский. Палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Катуни	109	Е. Ю. Кричевский. О процессе исчезновения трипольской культуры	245
О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье	126	П. П. Ефименко и Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР	254
С. Н. Бибиков. Об использовании улиток <i>Neix</i> в позднепалеолитическое время	140	Алфавитный список палеолитических стоянок СССР	291
М. В. Воеводский. Стоянка Гремячее	142	Резюме	293
М. З. Паничкина. Мезолитическая стоянка Борки	149		

SOMMAIRE

Page	Page		
V. Gorodcov. Résultats de l'étude de la station paléolithique d'Ilskaja (communication préliminaire)	7	M. Voevodskij. La station mésolithique de Gremiačeje	142
I. Pidoplička. Les "gigantolithes" en silex de Novgorod-Seversk	26	M. Panickina. La station mésolithique de Borki	149
P. Boriskovskij. La station paléolithique de Boršovo II	37	B. Zemliakov. Sur les plus anciennes traces de l'homme dans les environs de Leningrad (station de Razliv, ch. de fer Primorskij, 1938)	158
S. Bibikov. Les fouilles de la grotte ossifiée d'Ust-Katav et l'exploration archéologique de la rive droite du Katav dans la région du village d'Ust-Katav (Oural méridional)	61	N. Gurina. L'outillage de la station de Voznesenskaja	169
M. Gerasimov. Le travail de l'os à la station paléolithique de Malta	65	M. Voss et L. Elinickij. Sur l'extraction de la pierre et les plus anciens outils de carrier dans le Nord de l'Europe orientale	182
P. Boriskovskij. La station paléolithique de Kirillovo	86	A. Okladnikov. Sur la destination des poissons de pierre néolithiques trouvés en Sibérie	193
A. Okladnikov. Une statuette paléolithique trouvée à Bureti (fouilles de 1936)	104	S. Semenov. Les traces d'utilisation sur les outils néolithiques des sépultures de la région de l'Angara	203
G. Sosnovskij. La station paléolithique près du village de Srostki sur la rivière Katuni	109	M. Voss. Les objets en os et en bois de la station de Veretje	212
O. Bahder. Dessins anciens sur le plafond des grottes de la région de la mer d'Azov	126	P. Dmitriev. Les habitations demis-terraines des stations transouraliennes	235
S. Bibikov. Sur l'utilisation des escargots du genre <i>Helix</i> du Paléolithique tardif	140	E. Kričevskij. Sur le processus de la disparition de la culture de Tripolje .	245
		P. Efimenko et N. Beregovaja. Les gisements paléolithiques de l'URSS .	254

В. А. Городцов

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИЛЬСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

ВСТУПЛЕНИЕ

Наблюдая за развитием исследования палеолита в пределах Восточной Европы и северной Азии, легко заметить у исследователей некоторую склонность к преувеличению дат открываемых ими памятников. Склонность эта иногда так велика, что побуждает выдавать пережиточные формы изделий из камня и даже простые осколки за руководящие и замалчивать те находки, которые указывают на более позднее и более верное время. Первый пример такого отношения явил В. В. Хвойко. Желая внушить, что им открыты в Кирилловской стоянке самые древние человеческие орудия, он демонстрировал и издавал только осколки, уверяя, что это и есть орудия, так как иных форм орудий в стоянке нет, да и не может быть. Когда же раскопку провели другие лица, то им удалось найти вполне типичные орудия, определявшие время стоянки в верхнем палеолите.

Второй пример явил французский археолог Ж. де-Бай (de Baye), который очень неосторожно отнес стоянку Афонтовой горы ко времени мустьерской культуры, когда в действительности она относится к гораздо более позднему времени. Ошибка де-Бая, по-видимому, произошла вследствие его торопливости: он поспешил поставить определение времени на недостаточных материалах. Но плохо то, что его неверное определение времени стоянки поддержали в более поздних работах русские исследователи (И. Т. Савенков и др.), в руках которых уже были типичные формы, ясно указывающие на более позднее время. Ошибку И. Т. Савенкова исправил Н. К. Ауэрбах. Другую ошибку де-Бая, в отношении времени стоянки в Ильской, очень долго не только не исправляли, но и подтверждали, вводя неверно определенную стоянку в тип, с которым начали сравнивать другие стоянки. Неправильное представление об Ильской стоянке получило распространение не только среди археологов, но и работников других научных дисци-

плин. Вот как, например, пишет В. И. Громов: «Фауна единственной здесь [в русской равнине] мустьерской стоянки Ильской, по данным В. И. Громовой, показывает совершенно отличный фаунистический комплекс от верхнепалеолитического прежде всего своим характерным преобладанием *Bovidae*.¹ Из этой цитаты видно стремление установить особый фаунистический тип для мустьерской культуры русской равнине. Решив совершенно правильно, что Ильская стоянка относится ко второй половине более теплой предвюрмской эпохи, В. И. Громов все-таки относит ее ко времени мустьерской культуры, хотя были уже известны факты, указывающие, что к предвюрмской теплой эпохе относится культура, не имеющая ничего общего с мустьерской.

Неверное определение времени Ильской стоянки мною лично замечено еще в 1928 г., когда впервые удалось видеть орудия из этой стоянки в Краснодарском музее, которые ясно указывали, что они не мустьерского времени. Это побудило меня тогда побывать на месте самой стоянки, которую в то время раскалывал С. Н. Замятнин, и там я еще больше убедился в том, что не только орудия, но и условия геологического залегания памятников Ильской стоянки указывают на принадлежность ее не к мустьерскому, а к более позднему времени.

В 1936 г. я решил произвести раскопки в Ильской стоянке, чтобы более основательно решить вопрос о времени ее. Работа велась с 18 июля по 12 августа, и достигнутые результаты оправдали ожидания: стоянка, действительно, оказалась не мустьерской, а солютрейской; ее время совпадает с средним горизонтом средней поры палеолитической эпохи нашей классификации.²

¹ В. И. Громов. О геологии и фауне палеолита СССР. Проблемы ист. матер. культуры. ГАИМК, 1933, № 1—2, стр. 25.

² В. А. Городцов. Археология, т. I, стр. 223 и др., таблица в конце книги.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Стоянка занимает место в расстоянии трех километров к югу от центра Ильской станицы, расположенной при железнодорожном пути, километрах в 30 от г. Краснодара. Станица стоит на берегах речки Или, у выхода ее из горного ущелья в поемную до-

менами принимала вид очень мощного потока, воды которого в период рисского оледенения поднимались метров на 20, а в период вюрмского оледенения — метров на 10 выше современного ее уровня. Высокие воды сильно разрушали доломитовые известняки коренного берега, образуя недоступные кручи и навесы, которые могли служить для

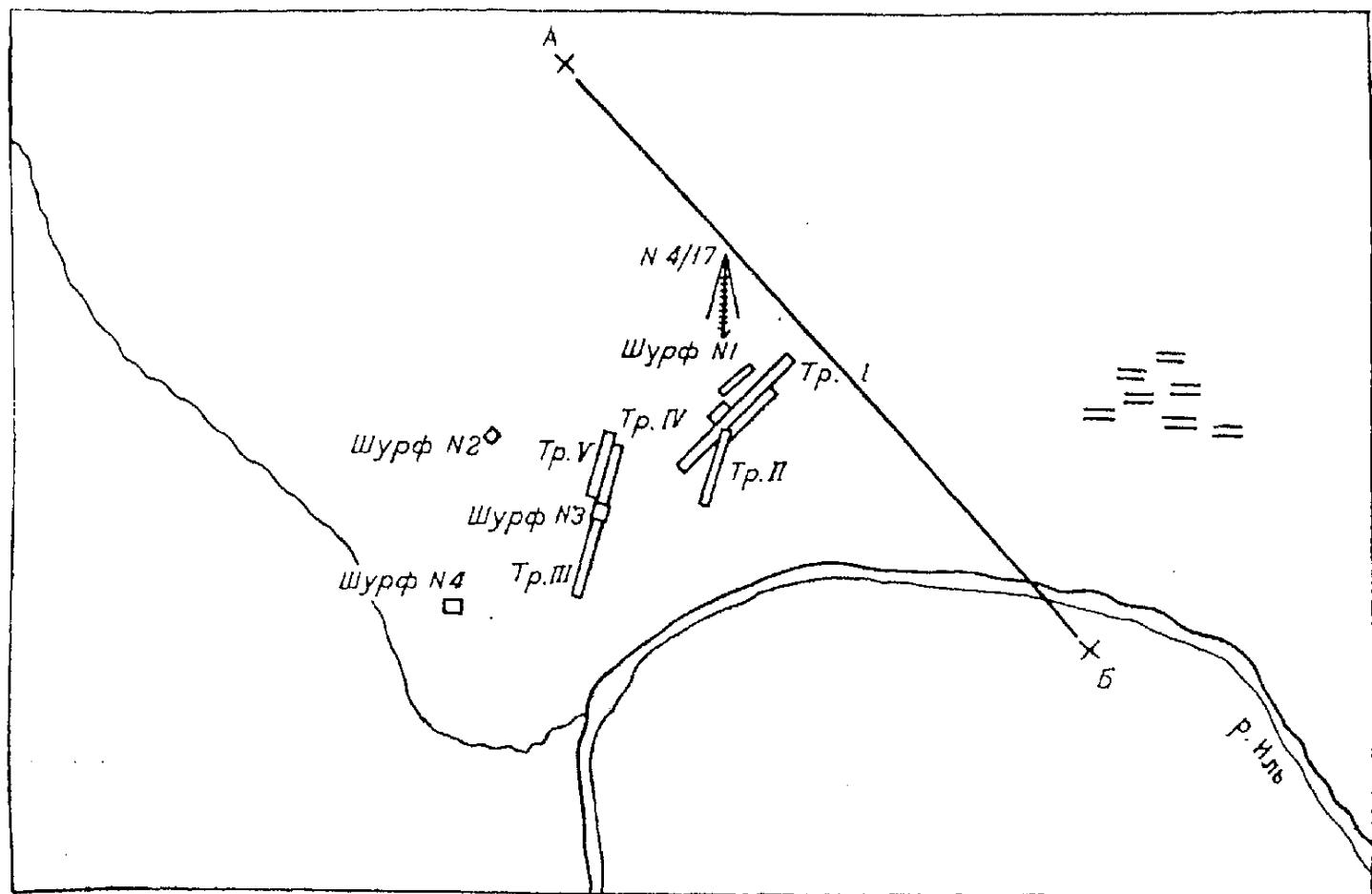

Рис. 1. План местонахождения палеолитической стоянки Ильская.

лину р. Кубани. Палеолитическая же стоянка находится в одном километре к югу от южной окраины станицы, на левом берегу р. Или.

Местность представляет вогнутый береговой скат, обращенный к юго-востоку (рис. 1). Вогнутость ската сообщает местности некоторую обособленность. С севера она охватывается береговым гребнем, с юга — речкой Илью, с запада — ущельем пересыхающего ручья, впадающего в Иль, и только с востока остается более открытой. В древности тот же характер местности был еще более выражен, так как северный береговой гребень тогда являлся во много раз круче и неприступнее. Слагающие его скалы, теперь закрытыми осыпями, выдавались наружу в виде навесов, один из которых еще наблюдается здесь и в настоящее время. Река Иль, судя по ее террасам, вре-

первобытных людей не только защитой от диких животных, но и убежищем от непогоды.

Хорошие питьевые воды и хорошие климатические условия способны были привлекать сюда человека, и в древнее время он долго пользовался местностью для своих стоянок.

Идя от современной реки Или к гребню коренного берега, легко заметить на подъеме три террасы: 1) нижнюю аллювиальную, 2) среднюю или первую надпойменную и 3) вторую надпойменную, перекрытую осыпями и делювиальными отложениями. Аллювиальная терраса здесь имеет совершенно незначительное развитие как в высоту, так и в ширину.

Нормально террасы должны бы иметь горизонтальные поверхности, но в изучаемом разрезе уже первая надпойменная тер-

раса утратила эту характерную черту, и ее поверхность, по мере удаления от реки, становится все более и более высокою, обогащенною делювиальными отложениями почв, смытых с более высоких пунктов берега. Еще более деформировалась вторая надпойменная терраса: поверхность ее в настоящее время скрыта под более новыми наносами, в отношении которых играли наиболее активную роль процессы осыпей и делювиальных сносов. Осыпи получались за счет выветривания доломитовых пород коренного берега, обнаженного водами, отложившими вторую надпойменную террасу. Осыпи совершались быстрее и обильнее

ской, метров на 300 выше устья Парашевой балки, где видны четыре террасы, из которых особенно хорошо выражены первая и вторая надпойменные, но третья видна только в отдалении и в ослабленных очертаниях.

В самом устье балки Парашевой, километрах в трех от Ильской палеолитической стоянки, на левом берегу реки Иль, наблюдается особенно хорошо выраженная вторая надпойменная терраса, а несколько южнее наблюдается также прекрасно выраженная первая надпойменная терраса, где она сохранилась гораздо лучше и полнее, чем у Ильской стоянки.

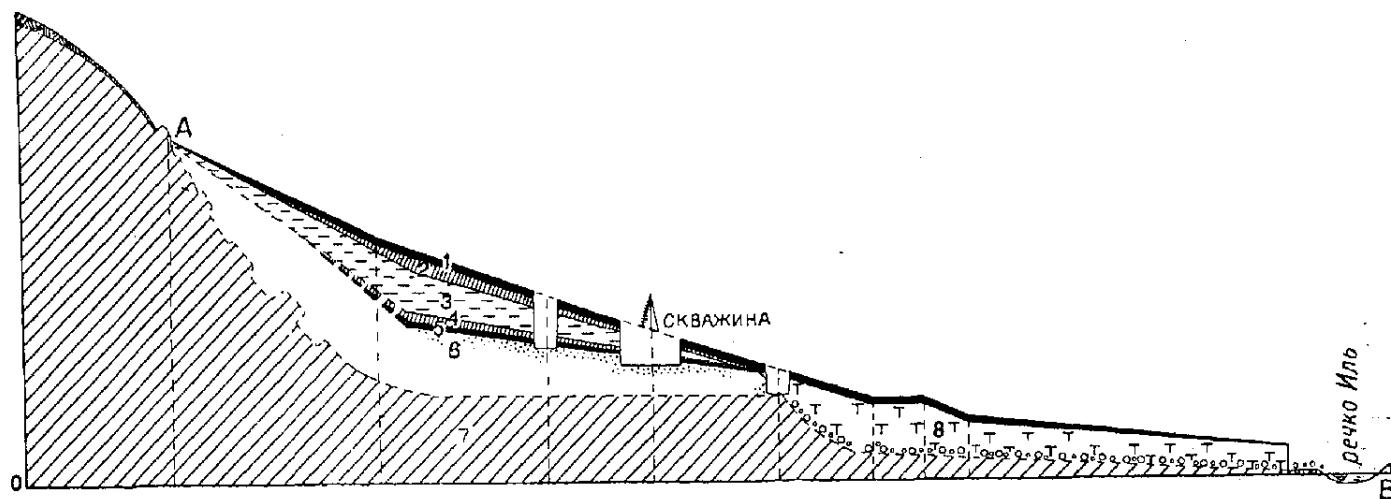

Рис. 2. Разрез террасы р. Иль на месте стоянки.

1 — чернозем; 2 — желтовато-бурый суглинок; 3 — мергель; 4 — темнобурый суглинок, содержащий культурный слой мадленской культуры; 5 — ископаемая рисс-вюрмская почва, содержащая солютрейский культурный слой; 6 — рисская (вторая надпойменная) терраса; 7 — доломитовые известняки чокракского яруса (среднего миоцена); 8 — вюрмская (первая надпойменная) терраса.

у подошвы береговых крутостей. В состав осыпей входят главным образом выветрившиеся обломки доломитов, доломитовый мергель и некоторые другие рыхлые землистые породы. Расположение осыпавшихся материалов довольно хаотично. Более регулярными являются делювиальные отложения. Удаляя материалы от материнских пород, делювиальные процессы постепенно сортировали их и доставляли к отдаленнейшим пунктам разноса в наиболее тонко отмеченном виде и в значительно меньшем объеме. Оба типа наносов легко отличаются специфическими чертами своих отложений от отложений террас, что весьма важно для определения древности попавших в те и другие отложения посторонних предметов, в том числе и предметов человеческой культуры.

Чтобы ближе познакомиться с террасами р. Иль, нами сделан осмотр всей долины, начиная от истоков реки до выхода ее из предгорий, всего на протяжении километров 15. Река Иль берет начало в станице Дербент. Протекая между каменистыми холмами, она размывает и отлагает то справа, то слева террасы, которые также часто разрушает и перестраивает. Лучше сохранившиеся террасы наблюдаются в 4 км от станицы Иль-

Произведенный осмотр долины убедил в том, что Иль в течение четвертичного периода выработала по меньшей мере четыре террасы, а это указывает на то, что и на месте Ильской стоянки также должны быть остатки четырех террас, если только не разрушила какую-нибудь из них горная речка.

После осмотра террасовых отложений долины р. Иль нами снова были подвергнуты внимательному изучению террасы палеолитической стоянки.

Поднявшись на соседнюю возвышенность, можно наблюдать слаборазвитый землистый покров, на котором произрастают бурьяны и кустарники. Во многих местах из-под землистого покрова выступают доломитовые слоистые известняки, ранее относимые к сарматскому ярусу; в 1927 г. геолог С. Ф. Федоров определил их как принадлежащие к чокракскому ярусу среднего миоцена. Это определение в 1930 г. подтвердил геолог Максимов, и в настоящее время оно считается общепринятым.

Мощность доломитовых известняков в Ильской довольно значительна. Следя за распространением их вглубь по западному ущелью ручья к реке, можно

видеть, что эти известняки составляют бока и дно реки Или и прилегающие высоты, иногда сверху перекрытые более молодыми отложениями понтийского яруса.

Выступая на поверхность, ильские доломитовые известняки оказываются стоящими почти вертикально, с наклоном на юго-восток. Они состоят из очень плотных, но не толстых слоев твердого доломита, разделенных более рыхлыми и пористыми слоями доломитового мергеля.

Спускаясь к гребню ильского коренного берега, можно наблюдать, как слои известняка местами выступают над скатами берега, образуя навесы. Такие же навесы наблюдаются и внизу, у современного уровня р. Или, как раз против места палеолитической стоянки. В древние времена, когда выступы известняков были свежее, такие навесы распространялись вдоль всего берега палеолитической стоянки, и очень возможно, что они служили жилищами палеолитического человека. В настоящее время почти все выступы известняка разрушились и осыпались вниз в виде щебня и мергеля. Только в одном месте довольно хорошо сохранилась выступающая над скатом скала, образовавшая настоящий навес, под которым еще и теперь можно скрыться от дождя.

Спустившись около навеса на скат берега, можно видеть уже довольно заплывший котлован. В северном боку котлована наблюдается очень интересный разрез, в котором залегают: 1) дерновый слой, 2) слой сплошного доломитового щебня и 3) слой белого, как мел, доломитового мергеля.

Изучая последний слой, можно убедиться, что он лежит *in situ*. Для разъяснения генезиса наноса, покрывающего вторую надпойменную террасу, этот слой имеет особое значение.

Около котлована, на скате, лежат большие глыбы оторвавшейся сверху скалы. Вдоль гребня к западу всюду наблюдается крупный доломитовый щебень, который книзу, по скату, постепенно мельчает и исчезает под верхним покровом почвы.

На скате Ильской стоянки, метрах в 30 от гребня, заметен перегиб, от которого книзу скат идет более отлого; вместе с этим меняется и характер пейзажа, который выше перегиба является типично степным, а ниже — типично луговым. Выше растительность более суха и желта, а ниже более свежа и зелена. Это явление объясняется тем, что вверху ската почва развивается на грубых каменистых осыпях, а внизу на более тонких делювиальных почвах.

Внутреннее геологическое строение пологого ската, насколько позволяют судить разрезы наших траншей и шурфов, слагается из следующих наслоений:

1) чернозема, 2) буровато-желтого суглинка, 3) серого доломитового мергеля, 4) желтовато-темнобурого суглинка, местами пропитанного и залитого сгущеною нефтью, 5) ископаемого почвенного слоя, содержащего древнейшие остатки палеолитической стоянки, и 6) слоя темносерой супеси. Мы рассмотрим более подробно каждый из них (рис. 2).

1) Чернозем покрывает весь скат стоянки. Вверху, до перегиба ската, он тонь и тонок, ниже перегиба, на пологом скате, толст и тучен. Наибольшей мощности слой достигает в средней полосе пологого ската.

Черноземы и соответствующие им другие почвенные слои развиваются в разных горизонтах четвертичных геологических отложений, соответствующих межледниковым эпохам. Наши личные наблюдения над процессами развития современных почвенных слоев выясняют, что рост их происходит за счет субоэральных пылевых отложений и растительного перегноя. Время их развития идет параллельно с развитием речного современного аллювия и измеряется в пределах восточной Европы приблизительно в 13 000 лет.¹ Можно полагать, что эта цифра близка к истине и в отношении ильского чернозема, где она могла быть даже больше.

Современные почвенные слои и аллювий включают в себя только памятники неолитической эпохи и металлического периода. Первичное залегание (*in situ*) более древних памятников в этих слоях невозможно.

2) Желтовато-бурый суглинок по своему внешнему виду близок к лессу, но это — типичный делювий. Он покрывает весь пологий скат стоянки и составляет основу всего делювия, отложившегося на поверхности ископаемого почвенного слоя, относящегося к рисс-вюрмской межледниковой эпохе. Желтовато-бурый суглинок является результатом усиленной деятельности делювиального процесса, оживившегося во время последнего (вюрмского) оледенения классификации Пенка. В состав слоя несомненно вошли продукты осыпей, скопившихся у подошвы скалистых берегов рисской террасы, что ясно доказывается слоем мергеля, включившимся в слой желто-бурых суглинков. Цвет последних неустойчив: он иногда становится ржаво- и черно-бурым, что зависит от соприкосновения его с болотисто-ржавыми осадками и нефтью. Включенный в суглинки ярко выраженный слой серого мергеля делит его на два отдела: верхний и нижний. Верхний отдел в свою очередь подразделяется на две зоны: верхнюю — переходную от чернозема и нижнюю — желтого суглинка. В обеих зонах слоя изредка встречаются палеолитические орудия, но не в первичном, а во вторичном положении, которое они заняли во время движения и отложения суглинка делювиальными силами.

3) Слой серого делювиального мергеля является особенно интересным. Он покрывает почти весь береговой скат палеолитической стоянки, но немного не доходя до ее нижнего края. Этот слой интересен тем, что он прослеживается от своего первоисточника до периферийного разноса. Слой этот, как было выше отмечено, получает свое начало из обнаженного у гребня слоя доломитового мергеля,

¹ Труды Секции археологии РАНИОН, вып. II, стр. 25.

представляющего белую мучнистую массу, включающую сильно выветрившиеся куски белого рассыпчатого доломита. Слой этот, повидимому, распространялся вдоль всего ската, залегая несколько ниже его гребня. Когда усилился процесс разрушения скалистого гребня, что могло совпадать со временем вюрмского оледенения, то эта легко размываемая порода была подхвачена делювиальным процессом и рассеяна им по всему скату. Чем ближе к первоисточнику, тем больше и гуще она отлагалась, а чем дальше, тем она становилась тоньше и наконец совершенно выклинивалась. То же следует сказать и про цвет слоя: он тем белее, чем ближе к своему первоисточнику, и тем темнее, чем дальше от последнего. Вначале он как бы подавляет и заглушает желто-бурый цвет суглинка, составляющего основную массу делювия, а затем начинает подчиняться последнему, и, наконец, совсем им выгесняется.

Совершенно определено выраженный делювиальный характер разноса мергеля по скату как нельзя лучше подчеркивает делювиальный характер и желто-бурых суглинков, что установить в настоящей работе весьма важно.

Мощность мергельного слоя не одинакова. Она уменьшается к самому низу, где сходит на нет. Но наибольшая толщина этого слоя по нашему предположению должна быть у перегиба ската (рис. 2).

В мергельном слое встречаются, и местами нередко, палеолитические орудия и кости животных мамонтовой фауны, но как те, так и другие носят все признаки вторичного их положения. К таким признакам относятся, прежде всего, небольшие размеры и вес предметов: в мергеле встречаются почти исключительно мелкие осколочки костей с окатанными поверхностями. Из предметов каменного инвентаря встречаются также только мелкие и легкие предметы и чаще всего пластинчатые орудия и осколки; наиболее крупные из них всегда оказываются доломитовыми, т. е. сделанными из более легкой горной породы. Откуда разносились делювием эти предметы — в настоящее время еще трудно ответить. Несомненно они разносились сверху ската, а мергель, содержащий их, может указывать, что первоначальное место их залегания было не далее гребня ската, где наблюдается коренной выход доломитового мергеля. Снова вспрекдается мысль, не обитал ли человек именно под навесом верхнего гребня ската.

4) Слой желтовато-темнобурых суглинков, как выше замечено, является нижнею частью желтовато-бурых делювиальных суглинков, с которыми они, как только выклинивается мергельный слой, составляют одно целое. Его более темная окраска зависит от нефти.

Красновато-ржавая окраска нижних суглинков встречается редко и, повидимому, связана с ржавыми болотцами. Красновато-ржавые суглинки очень плотны, их рыть можно только кирками.

Толща желтовато-темнобурых суглинков по мере подъема ската заметно увеличивается. В этом находки памятников палеолитической культуры редки и залегают во вторичных положениях.

5) Ископаемый почвенный слой, повидимому, покрывает всю поверхность II надпойменной террасы. Цвет слоя черный, получившийся от углистых шримесей. Этот слой отложился в рисс-вюрмскую эпоху, когда действие делювиального процесса почти прекратилось, и поэтому мощность слоя на всем вскрытом нами протяжении оказалась

одинаковою, а плоскость залегания менее наклонною, чем плоскости всех налегающих на него слоев. В нем нами открыты памятники палеолитической стоянки, залегающие *in situ*. Отсюда следует положительный вывод, что время стоянки совпадает с рисс-вюрмской межледниковой эпохой.

Интересно отметить, что сверху ископаемой почвы наблюдается тонкий (около 1—2 см) прослой серого песка. Этот прослой прослежен нами в траншеях IV и V, причем в последней он явился руководящим признаком приближения к памятникам палеолитической стоянки. Происхождение прослойка загадочно, но мне приходилось наблюдать подобные песчаные прослойки на пониженных поверхностях современного чернозема, где они отлагаются сильными дождями ливнями. Возможно, что и описываемый древний прослойок также отложился ливнем, после которого наступил период усиленного действия делювиального почвообразовательного процесса и излияния нефти.

б) Слой темносерой супеси залегает под слоем ископаемой почвы. Нами он прорезался посредством небольшого шурфа на 0.50 м. Он однороден и рыхл. Происхождение его еще загадочно, но вероятно вся эта супесь входит в состав погребенной рисской террасы. Мощность его нам пока неизвестна.¹ Поверхность слоя слегка поката в направлении реки.

К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ

Ильская палеолитическая стоянка открыта в 1898 г. известным французским археологом Ж. де-Баем; первые же находки предметов стоянки сделаны при разведках на нефть; материалы были доставлены Ж. де-Баю, который и определил их мустьенский тип. Производил ли он раскопки на месте вновь обнаруженной стоянки, неизвестно, но, вероятнее всего, не производил. Коллекцию предметов он переправил во Францию. Русские археологи того времени коллекции, насколько мне известно, совсем не видали и весть об открытии приняли на веру. В 1908 году, т. е. спустя десять лет, стоянку посетил геолог Н. И. Криштафович, определивший правильно принадлежность стоянки к межледниковой эпохе,² но раскопок им не производилось. В последующие 15 лет Ильскую стоянку как будто никто из исследователей не посетил. В это время у некоторых русских исследователей являлось сомнение в самом существовании стоянки,³ но ее отнюдь не забывали и вводили в курс археологических институтов и университетов,⁴ и

¹ Имелось намерение пройти его толщу ручным буром; к сожалению, случившийся в последний день работ довольно грохочный обвал целой стенки траншеи, изогнувшись в дугу наш бур, помешал осуществлению этого намерения.

² Н. И. Криштафович. Предел распространения доисторического человека восточной Европы в различные эпохи послетретичного времени. Доклад в заседании Моск. археол. общ. 17 декабря 1908 г.

³ Д. Н. Анучин. Предисловие к соч.: Г. Обермайер. Доисторический человек, т. I, 1913, стр. XX.

⁴ В. А. Городцов, ук. соч., т. I, стр. 160.

лишь отсутствие средств являлось препятствием к ее раскопкам, которые удалось осуществить в 1926 и 1928 гг. С. Н. Замятину.¹ С. А. Захаров первый установил связь нижнего горизонта стоянки с ископаемой почвой,² что совершенно верно, но указанное им существование другого ископаемого почвенного горизонта, залегающего выше слоя с культурными остатками, в наших раскопках не наблюдалось, хотя возможность существования его может оправдаться уже тем, что в делювии поверхность каждого слоя служила почвенным слоем для покрывавшей его растительности. По мнению В. И. Громова, возраст первой надпойменной террасы определяется как вюрмский, а второй надпойменной — как рисский. Возраст же палеолитической стоянки соответствует времени начала аккумуляции аллювиальной толщи вюрмской (первой надпойменной) террасы и таким образом датируется началом вю尔ма.³ При столь ясном определении геологического возраста В. И. Громов, вслед за Ж. де-Баем, утверждает, что Ильская стоянка относится ко времени мустерьских культур, время которых должно совпадать со временем не вюрмского, а рисского оледенения и его начальной стадии отступления. Противоречивость в определении возраста стоянки и геологических отложений, содержащих ее, была замечена мною, и это еще более заставило меня относить Ильскую стоянку не к мустерьскому, а к значительно более позднему времени, на что указывали и типы каменных орудий, среди которых фигурируют такие, как *grattoire caréné*, *burin busqué*, ножевидные узкие пластинки, отбитые от пирамидальных нуклеусов, и даже лавролистные, с обеих плоскостей ретушированные, солютрейские остроконечники.

Анализируя противоречивые определения возраста стоянки, необходимо вскрыть корни ошибки. В современной археологии существуют два руководящих мнения, по одному из которых мустерьские культуры синхронизируются с рисс-вюрмской межледниковой эпохой, а по другому — с рисскими оледенениями. Первое мнение принадлежит Булю, второе геологу Пенку. Последний специально занимался вопросом о связи и соотношениях археологических культур каменного периода с четвертичными ледниками и межледниковыми отложениями и решил вопрос правильно. К сожалению, неправильное мнение

¹ S. N. Zamiatnine. Station moustérienne à Il'skaja, prov. Kouban (Caucase du Nord). Revue anthrop., 1929, pp. 282—295.

² С. Н. Замятин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. Тр. II Междунар. конфер. АИЧПЕ, вып. V, стр. 209. В этой работе (стр. 207) автор говорит, что «лишь в 1925 г. мне удалось вновь открыть это [Ильское] местонахождение».

³ В. И. Громов, ук. соч., стр. 25 и др.

М. Буля, благодаря широкому рекламированию его очень способными популяризаторами, вроде Г. Обермайера, Осборна и др., пользуется еще большим распространением.

В одной из своих работ¹ я указал, что мнение Буля, поддерживаемое Обермайером, основывается только на двух весьма шатких устоях, а именно: 1) на случайной находке в пределах Франции кремневого орудия (*coup de poing*) ашельского типа, на поверхности морены рисского оледенения, и 2) на существовании послеледникового лёссса, связанного с мадленскими культурами, что будто бы и указывало та связь предшествующих культур солютре и ориньяка со временем вюрмского оледенения, а культура мустье — со временем рисс-вюрмского межледникового. На этих устоях возникала буль-обермайеровская хронологическая классификация в археологии. Но случайная находка одного орудия ашельского типа на поверхности рисской морены, сделанная при неизвестных условиях, едва ли может служить основанием для серьезного научного построения. Что же касается послеледникового лёссса, то в настоящее время лучшими геологами-четвертичниками установлено, что эта преимущественно субэральная порода отлагалась не в межледниковые времена, а во времена оледенений, а это, уничтожая мысль о существовании послеледникового лёссса, указывает ему место во времени последнего вюрмского оледенения, что потребовало передвижку культур мадленских ко времени вю尔ма, солютрейских и ориньских — к рисс-вюрму и мустерьских — к риссу, что и доказывал своими исследованиями А. Пенк и что подтверждается фактами, открываемыми в особенности часто в восточной Европе, где лёссовые и ледниковые отложения имеют широкое распространение. В 1896 г. геолог Н. И. Криштрафович открыл на левом берегу р. Вислы Ново-александрийскую палеолитическую стоянку, повидимому ориньского типа и времени, и установил, что остатки ее залегают между двумя моренами рисского и вюрмского оледенения,² а это и заставило его отнести стоянку к рисс-вюрмской межледниковой эпохе.

В 1932 и 1933 гг. мною установлена связь Тимоновской палеолитической стоянки с ископаемым почвенным слоем рисс-вюрмской межледниковой эпохи; культура же стоянки характеризуется хорошо выраженными руководящими формами позднего ориньяка.

Приблизительно в то же время П. П. Ефименко установил, что солютрейская костенковская стоянка № 1 также связана со слоем

¹ В. А. Городцов, ук. соч., т. I, стр. 125—126.

² Н. Криштрафович. Последнетретичные образования в окрестностях Ново-Александрии. Варшава, 1896, стр. 1—68.

ископаемой почвы, которую, по моему мнению, можно приурочивать только ко времени рисс-вюрмского межледниково¹я.

В последнее десятилетие найдены палеолитические стоянки на Днепрострое, связанные со слоем ископаемой почвы рисс-вюрмской межледниковой эпохи, и все они несут характер верхне-палеолитической, а не мусьевской культуры.

Таким образом получается уже достаточное количество крупных фактов, удостоверяющих верность пенковской хронологической классификации.

ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИЛЬСКОЙ СТОЯНКИ

В состав памятников материальной культуры стоянки входят: 1) кухонные отбросы, 2) орудия труда, 3) материалы их производства и 4) предметы других бытовых назначений. Соответственно залеганию в почвах, памятники эти делятся на две геологически обособленные группы: 1) залегающих в делювии и 2) залегающих в слое ископаемой почвы рисс-вюрмской межледниковой эпохи. Исследуя и сравнивая между собой памятники обеих групп, легко убедиться, что они относятся к одному времени к одной культуре. Их сортировка и рассеяние по разным слоям почвы имеют случайный характер. Кости, встречающиеся в делювии, обычно представляют небольшие обломочки с окатанными и выветрившимися поверхностями. Каменные орудия и осколки имеют небольшие размеры и плоские, чаще всего листовидные формы, удобные для переноса их стекающими ручейками воды по наклонной плоскости берегового ската. Предметы культуры в делювии залегают рассеянно и всегда поодиночке, то чаще, то реже; иногда совсем отсутствуют. Все эти черты указывают на то, что памятники культуры залегают в делювии не в первичном, а во вторичном положении: они несомненно снесены атмосферными водами вместе со включающей их почвой по скату вниз, но откуда именно — вопрос еще не решен; рассуждая теоретически, можно полагать, что памятники эти происходят из слоя той же ископаемой почвы, в которой находятся памятники второй группы, но лежащей где-то выше раскопанных нами мест. Слой ископаемой почвы (рис. 2) залегает не в горизонтальной, а в наклонной плоскости, опускающейся от береговой кручи. Возможно, что скальные береговые навесы и служили для палеолитического человека убежищем в холодные и дождливые времена года.

¹ П. П. Ефименко. Палеолитические стоянки восточно-европейской равнины. Тр. II Междунар. конфер. АИЧПЕ, вып. V, стр. 95.

Допуская, что памятники палеолитической культуры делювия и слоя ископаемой почвы относятся к одному времени, на что имеется достаточное количество доказательств, мы ниже будем рассматривать их в одном комплексе, указывая признаки, связанные с памятниками только одного слоя.

Начнем обзор с фауны кухонных отбросов.

В раскопках предшествующих лет, по определению В. И. Громова, в состав фауны Ильской стоянки входят следующие виды:¹

- 1) мамонт (*Elephas primigenius*)
- 2) зубр (*Bison priscus*)
- 3) гигантский олень (*Megaceros* sp.)
- 4) благородный олень (*Cervus elaphus*)
- 5) лошадь (*Equus caballus*)
- 6) осел дикий (*Equus [asinus]*)
- 7) кабан (*Sus scrofa*)
- 8) пещерный медведь (*Ursus spelaeus*)
- 9) пещерная гиена (*Hyaena spelaea*)
- 10) волк (*Canis lupus*).

Фаунистический материал наших раскопок еще не получил научной обработки, но по предварительному определению он в общих чертах совпадает с вышеприведенным.

В нашем собрании, как и в собрании предшествующих лет, первое по количеству костей место занимает зубр, второе мамонт, затем следуют олени, лошади, гиена и др.

По поводу описываемой фауны интересно привести замечание В. И. Громова: «Фауна мусьевской Ильской стоянки, — говорит он, — представляя совершенно отличный фаунистический комплекс от верхнепалеолитического, прежде всего своим характерным преобладанием *Bovidae*, несет несколько обедненный за счет наиболее древних форм (*Elephas trogontherii*, *Rhinoceros etruscus*) облик довюрмской (хазарской) фауны нижнего Поволжья и характерна заменой слона трогонтерия мамонтом» и далее продолжает: «время поселения человека на этой стоянке может быть датировано геологически началом вюрма, но не очень ранней его стадией, так как в основании вюрмских галечников р. Кубани, например, у разъезда Гирей близ Крапоткина (кавказский карьер), мы находим еще только *Elephas primigenius* (*trogontherii*), т. е. более примитивную форму мамонта, чем в Ильской».²

В этих замечаниях любопытны два положения: 1) что ильская фауна представлена совершенно отличным от верхнепалеолитического фаунистическим комплексом и 2) что *Elephas trogontherii* и *Rhinoceros etruscus* относятся к фауне рисс-вюрмской межледниковой эпохи.

¹ С. Н. Замятнин, ук. соч., стр. 210.

² В. И. Громов, ук. соч., стр. 25—27.

Фауна Ильской стоянки вполне принадлежит к верхнепалеолитическому комплексу и носит только местный фациальный характер.

Что же касается видов *Elephas trogontherii* и *Rhinoceros etruscus*, то они к рисс-вюрмской межледниковой эпохе, повидимому, никакого отношения не имеют; это явствует уже из того, что ни в одной палеолитической стоянке времени рисс-вюрмской межледниковой эпохи, в пределах восточной Европы, остатки этих животных не были найдены, да и не могли быть найдены, так как жили не во время рисс-вюрмской, а во время миндель-рисской межледниковой эпохи;¹ они должны сопровождать культуры ашельского типа, следов которых в восточной Европе еще нигде не найдено, за исключением разве только одного *soup de poing* ашельского типа, будто бы найденного в Куйбышевском Поволжье, но генезис его пока еще темен.²

Итак, следует заключить, что фауна Ильской стоянки типична для местности, расположенной на Северном Кавказе, и для времени рисс-вюрмской межледниковой эпохи. Почти все мозговые кости стоянки оказались разбитыми на довольно мелкие куски. Целыми найдены два черепа зубров и шея гигантского оленя, от которой осталось шесть позвонков, лежавших плотно сомкнутыми друг с другом в их естественном положении. Все эти кости залегали в слое ископаемой почвы.

Судя по фауне и почве, современных стоянке, климат был мягкий и среднего увлажнения. Заболачивание прослеживается только в нижнем слое делювия, непосредственно налагающего на слой ископаемой почвы. Интересно, что параллельно с заболачиванием местности начала усиленно вытекать и нефть, большие сгустки которой также лежат выше ископаемой почвы.

Покончив с фаунистическим материалом кухонных отбросов стоянки, перейдем к обзору орудий труда и материалов их производства. Начнем с последних.

Материалы в выработке каменных орудий играют весьма большую роль: из недоброкачественных материалов хороших орудий сделать нельзя, поэтому эти формы всегда несут отсталый, архаический характер. Лучшим материалом в течение всего каменного периода служит кремень, хотя не все сорта его одинаково доброкачественны, а суще-

¹ В. И. Громов позже сам исправил свою ошибку (в печатной работе «Итоги изучения четвертичных млекопитающих и человека на территории СССР»). С этой работой я познакомился, когда настоящая моя статья была сдана в печать.

² Кремневый *soup de poing* хранится у автора, получившего его от приват-доцента Московского университета Т. Жаворонкова.

ствуют сорта и совсем для обработки непригодные.

Ниже кремня по качеству стоят яшмы (лидиты), обсидиан, кварцит, диабаз и др., в которых также имеются разновидности неодинакового качества; особенно капризны яшмы, то дающие отличные отщепы, то совсем неудовлетворительные.

К худшим материалам относятся доломиты и другие разновидности известняков; они и дурно ретушируются и непрочны в работе; поэтому люди каменного периода хотя и пользовались орудиями из этого материала, но относились к выработке их весьма небрежно, оставляя их в самых первобытных формах.

Ильский палеолитический человек, судя по найденным орудиям, вырабатывал их из пяти горных пород: 1) кремня, 2) яшмы, 3) кварцита, 4) хальцедона и 5) доломита.¹ Доломит для него является материалом вполне подручным: целые доломитовые скалы окружали стоянку, и обитатель ее мог пользоваться доломитовым материалом сколько угодно, а если он пользовался им в ограниченном количестве, то это только потому, что материал казался ему и, действительно, был недоброкачественным. Ильский человек употреблял его только для грубых работ и в большинстве случаев пускал его в дело без добавочной отделки. Получались грубые формы орудий, напоминающие мустерские формы. Представляется весьма правдоподобным, что эти-то небрежно сделанные орудия и послужили причиной отнесения Ильской стоянки к мустерской культуре. Однако уже давно выяснено, что для определения времени и степени развития первобытной культуры могут служить только орудия, сделанные из кремня или очень близких к нему других кристаллических пород; орудия же, сделанные из недоброкачественных материалов, для этой цели совсем не пригодны. К великому сожалению, эти аксиомы далеко не всем археологам известны, а поэтому часто можно наблюдать открытия «культур» с мустерскими, ашельскими, шельскими и даже с какими-то «аморфными» орудиями, хотя эти «культуры» относятся к сравнительно позднему времени.

Кварцитовые и хальцедоновые орудия в Ильской стоянке очень редки: нами найден только один кварцевый маленький скребок круглой формы и один также маленький скребок из хальцедона.

Редки и кремневые орудия, что показывает на большой недостаток этого материала. Нам удавалось находить кремневые жел-

¹ В Ильской палеолитической стоянке яшмовые орудия дают 63.3%, доломитовые — 21.8%, кремневые — 13.7%, кварцитовые — 0.6% и хальцедоновые — 0.6%.

ваки среди щебня и галек на берегах р. Или, где могли собирать их и обитатели Ильской стоянки.

Гораздо обильнее орудия, сделанные из яшмы. Яшмовый материал в окрестностях стоянки встречается не очень часто, но чаще, чем кремневый. Он всегда имеет вид окатанных галек, обычно малых размеров. Мы находили такие гальки в щебне и галевнике р. Или. Из яшмы ильские палеолитические мастера вырабатывали очень хорошие орудия, придавая им лезвиям весьма тонкую обработку отжимниками. Благодаря небольшим размерам яшмовых галек, палеолитическим мастерам приходилось часто иметь дело с боковыми отщепами, несущими слаженные поверхности галек, и в этом виде перерабатывать в те или другие формы орудий, которые также часто несут на себе эти пришлифованные поверхности галек.

В общем материал Ильской стоянки, служивший для выработки каменных орудий, не отличается ни особенной доброкачественностью, ни изобилием запасов, кроме доломитового материала, к которому человек прибегал только по причине легкости его приобретения. Недостатком хорошего материала объясняется и то, что за редкими исключениями ильские каменные орудия отличаются грубоватостью отделки.

В вышецитированной работе С. Н. Замятнина, посвященной раскопкам в Ильской, три раза упоминаются мустырские дисковидные нуклеусы и ни одного раза не говорится о нуклеусах других, еще чаще встречающихся форм, что создает неверное представление об их отсутствии. На самом же деле в ильской культуре господствуют весьма характерные призматические нуклеусы и не только из кремневых и яшмовых материалов, но и доломита. В нашей коллекции нет ни одного дисковидного нуклеуса, а имеется только один дисковидный метательный камень (табл. I, 1). Судя по фотографии, такой же метательный камень издан С. Н. Замятниковым под названием дисковидного нуклеуса.¹ Оба камня отесаны приемом сколотой техники, так как более тонкой техники в данном случае не требовалось: она уменьшила бы эффективность поражения цели.

В нашей коллекции имеется около десятка призматических нуклеусов (табл. I, 2—3). Но что особенно интересно, так это находка отбитой вершинки кремневой гальки для образования плоскости удара на призматическом или вообще длинном нуклеусе. В моей долголетней исследовательской практике это первая и единственная находка, свидетельствующая о том, что в Ильской стоянке призматические нуклеусы пользовались самым широким распространением, о чём свиде-

тельствуют и длинные осколки (табл. I, 4).

Изучая призматические нуклеусы Ильской стоянки, можно видеть, что от них иногда отделялись микролитические ножевидные пластиночки, отщепить которые можно только отжимниками, т. е. такими специальными инструментами, какие мустырской культуре абсолютно чужды.

Ретушировка ильских орудий производилась четырьмя приемами: 1) тесаной, 2) сколотой, 3) отжимной и 4) контр-ударной техники. Тесаная ретушь выполнялась отбойниками. В Ильской стоянке тесаная ретушь применялась только к обработке доломитовых орудий.

Прием сколотой техники довольно сильно распространен.

Отжимная ретушь обычно выполнялась костяными и каменными «отжимниками», первые из них формою напоминали шилья, а вторые — пирамидальные нуклеусы или вообще продолговатые тонкие галечки с острым концом, какие часто встречаются в галечнике р. Или.

Отжимники, как отбойники и ретушеры, в Ильской стоянке еще не найдены, но несомненное существование их доказывается характерными чертами ретуши каменных орудий.

О широком употреблении контр-ударной техники свидетельствуют костяные и каменные наковални (табл. IV, 1). Последние нами найдены в нескольких экземплярах. Они представляют длинные брусковидные гальки, очень обычные в береговом щебне р. Или. Костяные наковални найдены С. Н. Замятниковым, в нашей же коллекции они отсутствуют. Контр-ударная ретушь возникла в самом конце существования мустырской культуры, и если бы Ильская стоянка действительно принадлежала к мустырскому времени, то она никоим образом не могла относиться к середине его, как утверждает С. Н. Замятников, а только к концу. Но такой расцвет этой техники, какой наблюдается в Ильской стоянке, возможен только в верхнем палеолите. Приемы отжимной и контр-ударной техники указывают место Ильской стоянки в верхнем палеолите.

В состав каменных орудий Ильской стоянки входят: 1) ножевидные пластинки с ретушью и без ретуши, 2) скребки, 3) скобели, 4) резцы, 5) проколки и буравчики, 6) ланцетовидные остроконечники, 7) двойные остроконечники с солютурской ретушью, 8) точильный камень, 9) молотообразный камень, 10) метательный камень, 11) каменные наковални и 12) каменное кольцо, похожее на кольца палок-копалок бушменского типа (табл. IV, 2).

Мы остановимся только на самых характерных вещах.

1. Ножевидные осколки встречаются

¹ С. Н. Замятников, ук. соч., табл. III, 6.

часто; многие из них сломаны. Все ножевидные осколки, имеющие почти параллельные лезвия, сделаны из доброкачественных материалов (кремня и яшмы) и отбиты от призматических нуклеусов, что доказывается их узкими и длинными формами. Обращают на себя особенное внимание длинные ретушированные пластинки. Лучшие из них сделаны из яшмы и достигают в длину 9.2 и в ширину 1.5 см (табл. I, 5). Одно лезвие пластинки прекрасно ретушировано; назначение не ясно: пластинка могла служить пилкой и ножом. Экземпляр найден в культурном слое, связанном с ископаемой почвой. Почти рядом с ним найдена другая прекрасная яшмовая пластинка, но с отломанным концом. Она ретуширована вдоль обоих лезвий (табл. I, 6). Третья яшмовая пластинка без ретуши имеет в длину 5.5 и в ширину 0.4 см. Столь узкие и длинные пластинки могут относиться только к верхнему палеолиту. Есть одна ножевидная яшмовая пластинка с круто ретушированным изогнутым обушком, напоминающая ножи типа шатель-перрон, характерного для раннего орильяка (табл. II, 5). Имеются и другие менее выразительные формы пластинок с назначением служить преимущественно в роли ножей.

2. Скребки обычны; из них особенно замечательны три группы: 1) широких боковых, 2) концевых и 3) круглых. Широкие скребки с ретушью по одному краю встречаются очень часто. Особенno интересен очень крупный скребок, с точностью воспроизводящий форму современных женских каменных ножей (*ulu*) эскимосов. Его широкое лезвие очень тщательно отретушировано и напоминает лезвие пилы, а толстый обух обтесан смелыми ударами отбойника и прекрасно приспособлен для схватывания сверху рукою. Длина лезвия его достигает 12.6 см, а ширина всего инструмента 7.3 см (табл. IV, 3). В нашей коллекции имеется несколько таких скребков, но все они значительно меньших размеров (табл. IV, 4). Назначение их было, повидимому, разнообразно: они могли служить и в роли ножей, и пил, и скребков.

Концевые скребочки также не редки. Среди них особенно замечательны прекрасно выраженные скребки типа *grattoire caréné*, характерного для среднего орильяка (табл. II, 1), но встречающегося даже в мадлене.

В этой группе есть замечательный дублированный скребок, один конец которого отделан по типу *grattoire caréné*, а другой отретуширован по косой поперечной линии (табл. IV, 5). Очень хороший дублированный экземпляр имеется в коллекции С. Н. Замятнина. В нашей коллекции есть еще один дублированный концевой скребок типа *grattoire caréné*, он имеет в длину 7, в ширину 1.3 см (табл. II, 3).

Круглых скребков нами найдено три: два из яшмы и один из кварцита (табл. II, 7). Все они небольших размеров и указывают на близость к мадленским круглым скребкам, для которых ильские скребки являются прототипами. Наиболее крупный из них интересен тем, что имеет нижнюю плоскость стесанную (табл. II, 7).

3. Скобелей найдено несколько экземпляров; все они сделаны на длинных пластинках в форме боковых выемок, только один скобель относится к типу поперечных; он имеет выемку на одном узком конце; такие скобели были найдены в значительном количестве в Тимоновской стоянке верхнеорильтского типа, но они известны и в мадленской культуре. Длина пластинки равна 5, а ширина 1.4 см. Оба боковые лезвия кремня ретушированы (табл. II, 2). Концевая выемка глубокая, диаметром около 0.4 см.

4. Резцов найдено 12; сделаны они из кремня и яшмы; по форме разнообразны (табл. III, 1—3 и табл. IV, 6). Имеются резцы, близкие по форме к типу *burin busqué* (табл. II, 4).

5. Проколки и буравчики сравнительно часты. Проколки отличаются тонкой ретушью их острых концов, сохранившихся иногда так хорошо, что ими можно было бы работать в настоящее время (табл. I, 7). К буравчикам относятся яшмовые трехгранные остроконечники с весьма тщательной ретушью их рабочих концов (табл. III, 7).

6. Совершенно особый интерес представляют трехугольные ланцетовидные остроконечники, которые бывают крупными и малыми. Крупных остроконечников найдено два, оба кремневые, хорошо отретушированные с обеих плоскостей типичною солютрейскою ретушью. Они похожи были друг на друга. Длина уцелевшего равна 5, а ширина у основания 4 см (табл. III, 6). Наиболее вероятное назначение их — служить навершиями копий. Лучший экземпляр имеется в коллекции, опубликованной С. Н. Замятним.¹

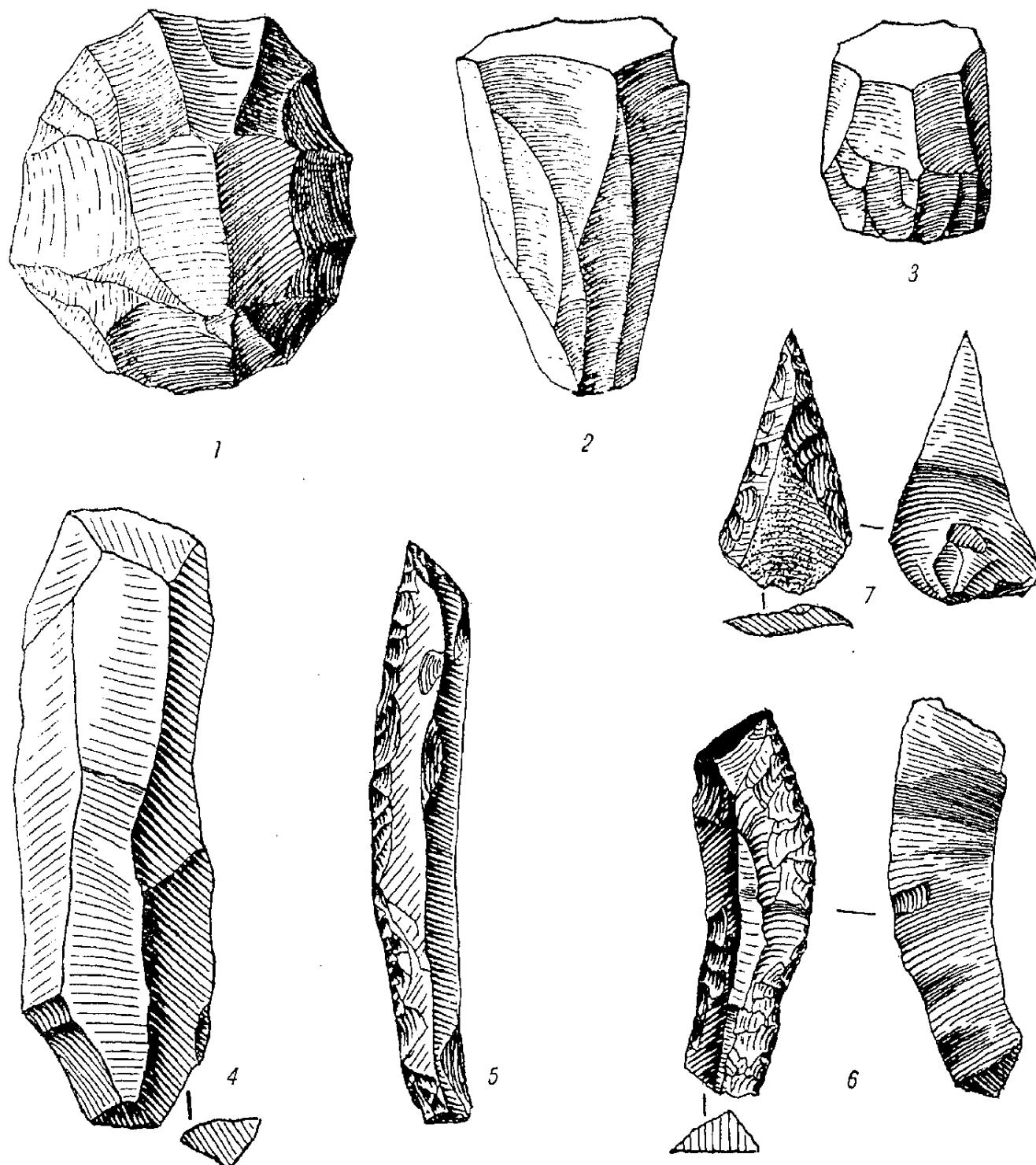
Малых остроконечников встречается больше. Сделаны они из кремня и яшмы. Отличаются тонкостью, а иногда изяществом отделки, в двух случаях они ретушированы очень тонко солютрейскою ретушью с обеих плоскостей. Назначение их пока загадочно, но некоторые из них могли быть наконечниками дротиков, а другие буравчиками (табл. IV, 7).

7. Двойные листовидные остроконечники представляют особенно характерную группу орудий Ильской стоянки. Всего их найдено нами 9 экземпляров, считая с обломками.

По размерам они делятся на малые и крупные. Малые, повидимому, служили наконечниками стрел или дротиков, а крупные — на-

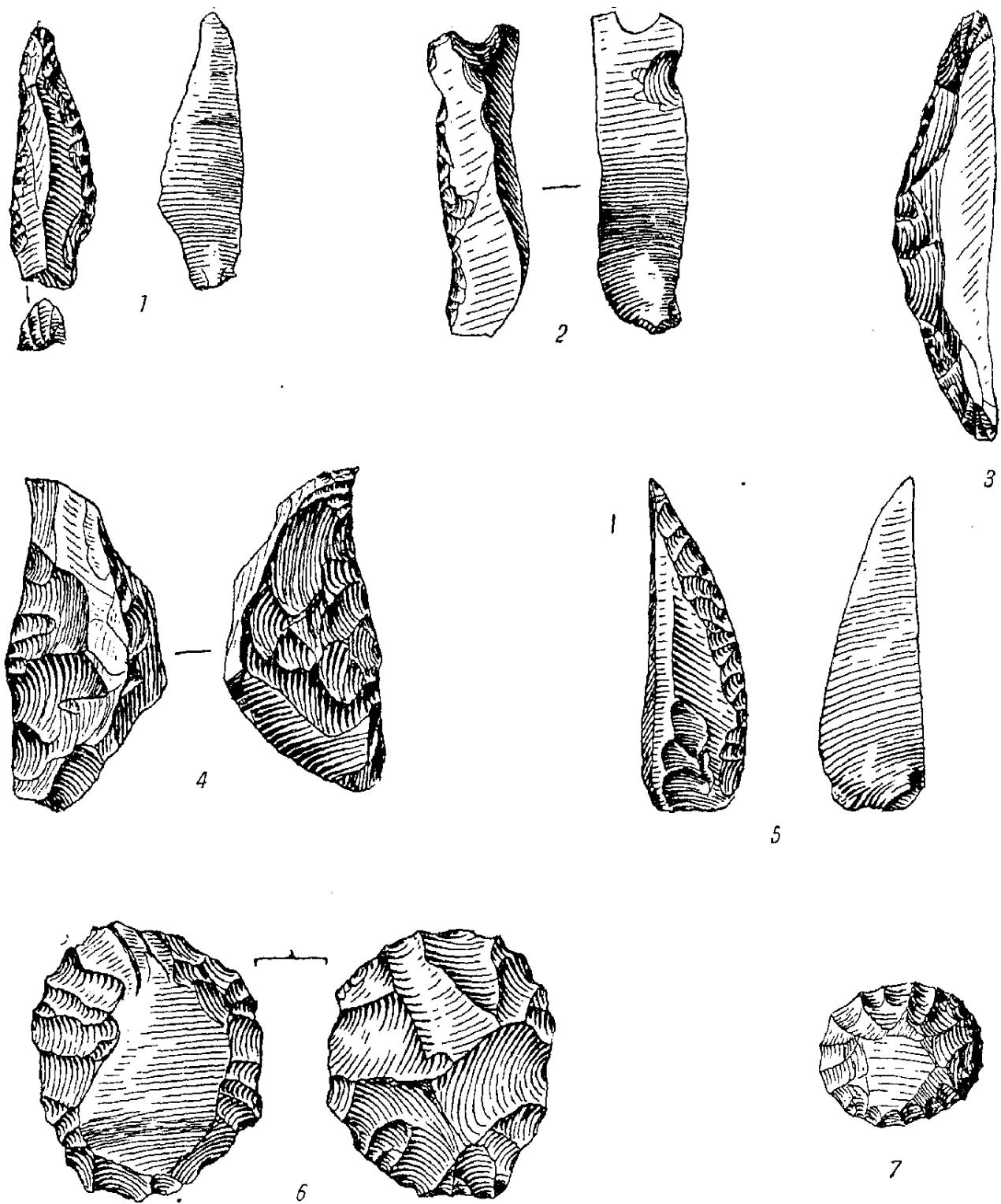
¹ С. Н. Замятнин, ук. соч., табл. I, 4.

ТАБЛИЦА I

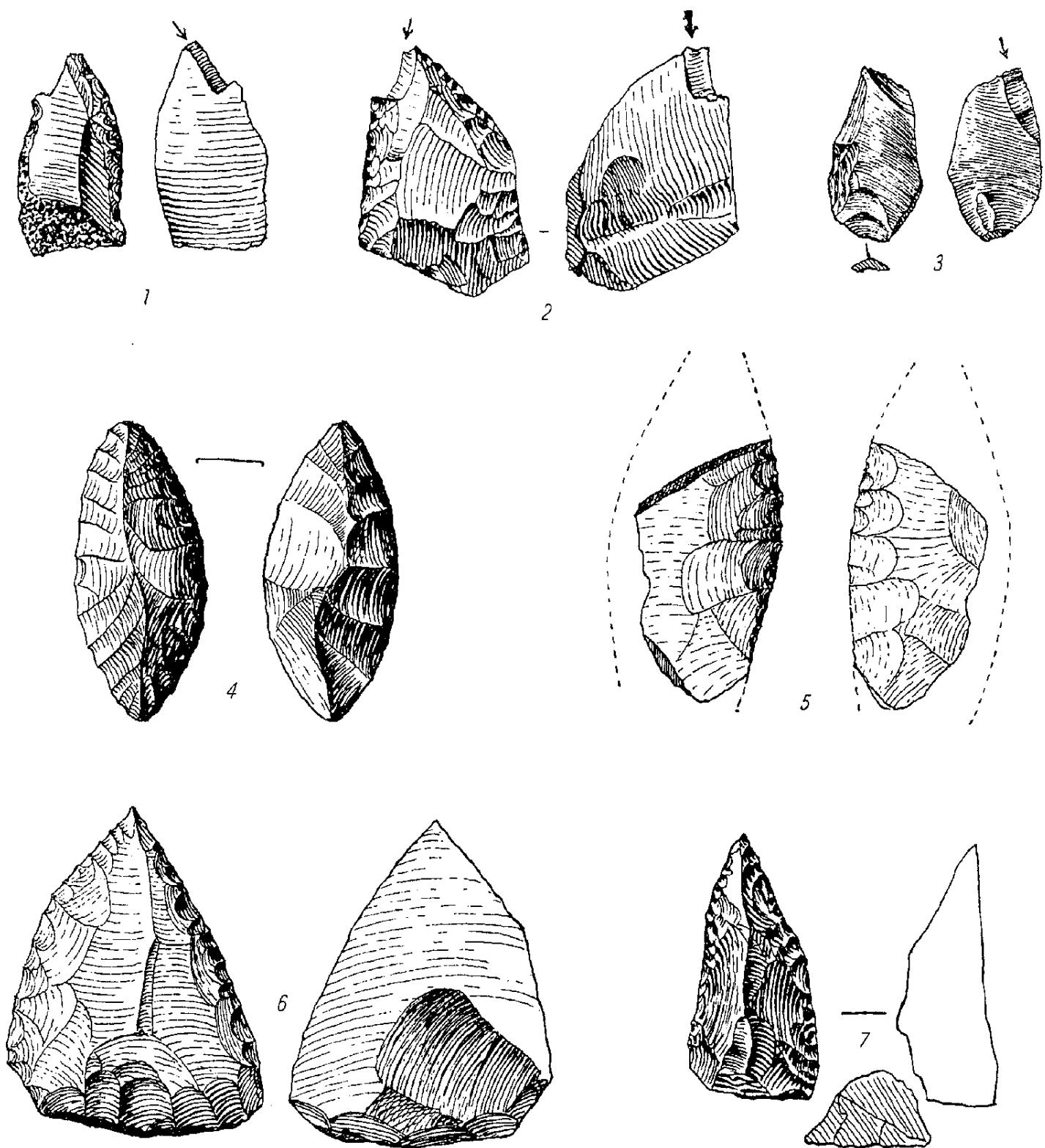
1 — дисковидный нуклеус; 2—3 — призматические нуклеусы; 4 — осколок от призматического нуклеуса;
5—6 — ретушированные пластинки; 7 — остроконечник. Нат. вел.

ТАБЛИЦА II

1 и 3 — скребки типа *grattoire caréné*; 2 — скобель; 4 — резец типа *burin busqué*; 5 — ретушированная пластинка; 6 — 7 — круглые скребки. Нат. вел.

ТАБЛИЦА III

1—3 — резцы; 4—5 — листовидные наконечники; 6 — остроконечник; 7 — трехгранный остроконечник. Нат. вел.

конечниками копий. Все они имеют двухстороннюю солютрейскую ретушь, иногда отличающуюся большою тщательностью отделки (табл. III, 4—5). Нами найден один обломок яшмового остроконечника, повидимому достигавшего сантиметров 16 в длину

коллекции С. Н. Замятнина,¹ о которых он пишет: «встреченные пока в единичных экземплярах два инструмента, приготовленные из черной яшмы, также несомненно представляют наконечники копий. Первый из них, длиною в 8 см, чрезвычайно правильной листовидной формы и очень незначительной толщины. Орудие поражает тщательностью

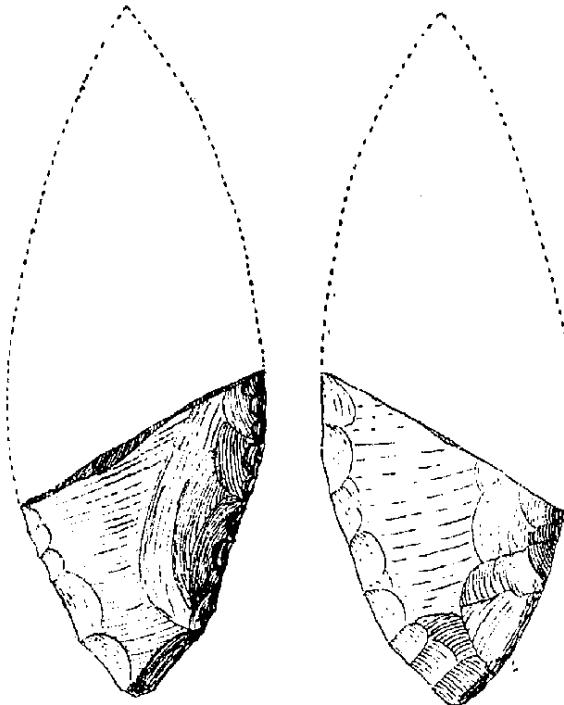

Рис. 3. Крупный листовидный наконечник из яшмы. $\frac{1}{2}$ nat. вел.

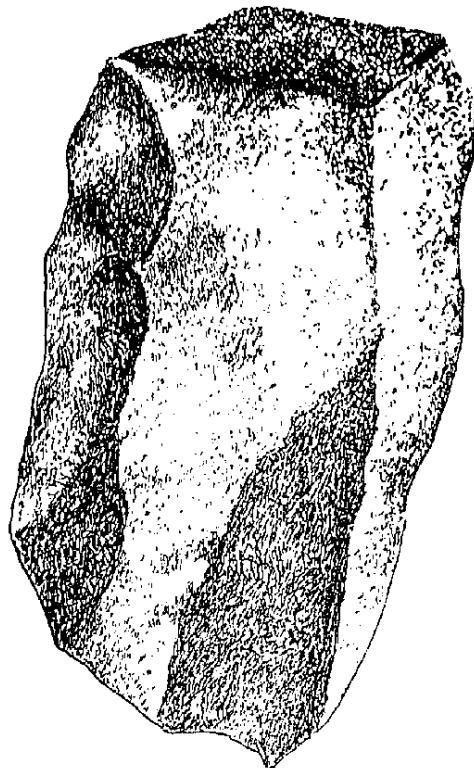

Рис. 5. Нуклевидный кусок доломита для разбивания костей. $\frac{1}{2}$ nat. вел.

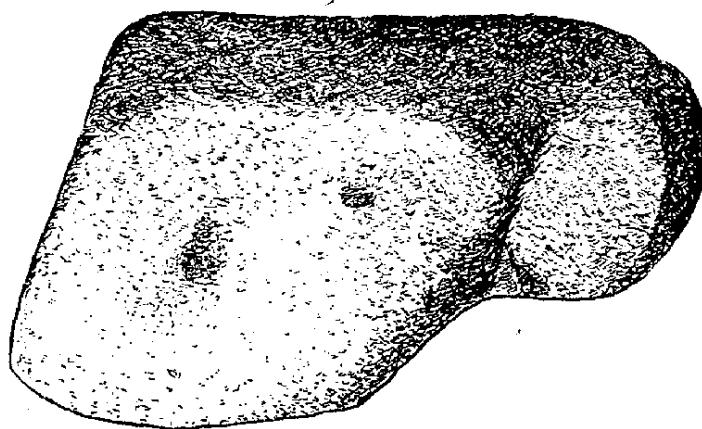

Рис. 4. Молотообразный доломитовый камень. $\frac{1}{2}$ nat. вел.

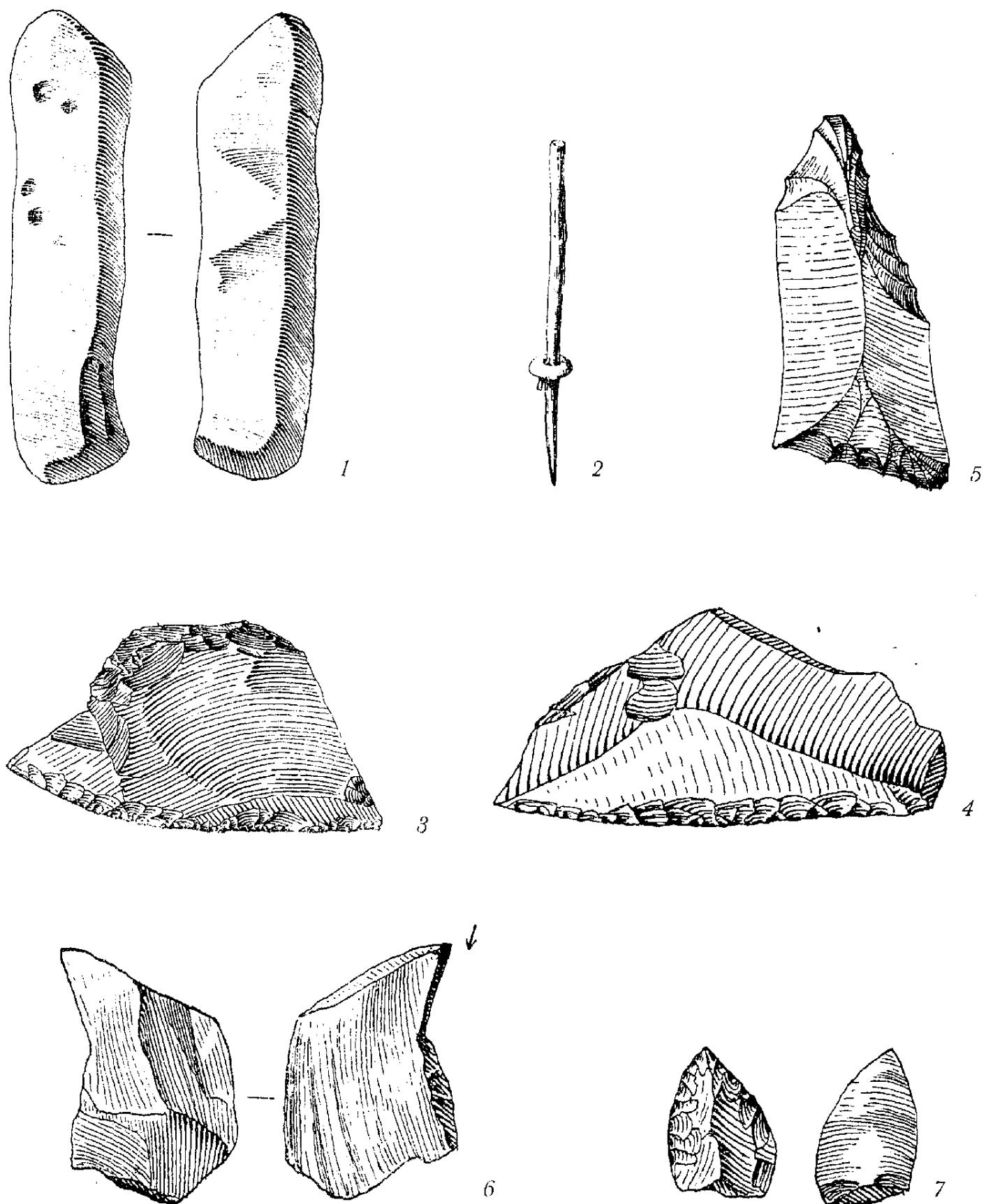
и сантиметров 6 в ширину, при незначительной толщине (рис. 3). Орудия такого типа являются руководящими для среднего солюtre, время которого как раз совпадает со второю половиной рисс-вюрмской межледниковой эпохи, в отложениях которой и залегает Ильская стоянка. Очень типичные лавролистные остроконечники имеются в

своей плоской ретуши и имеет совершенно солютрейский облик. Не будь он извлечен мною из слоя в условиях, не допускающих никаких сомнений в его возрасте, он должен был бы возбудить не меньшие споры, чем пресловутая находка в Мискольче (Miskolcz). Я думаю, что эта последняя находка в Ильской, вместе с описанными выше наконечниками, дает решающий для определения возраста названных спорных венгерских кремней ответ». Последняя мысль, повидимому, верна, так как мискольческие орудия определяются как солютрейские. Найденные С. Н. Замятниным листовидные остроконечники, как такие же остроконечники, найденные нами в Ильской стоянке, являются нормальными в среднесолютрейское время.

8. Точильный камень найден один; он представляет точильную плитку с слегка сглаженной рабочей плоскостью, в середине

¹ Там же, табл. I, 2; табл. II, 5.

ТАБЛИЦА IV

1 — каменная паковальня; 2 — кольцо из песчаника от палки-коналки; 3 — 4 — крупные скребки типа эскимосского женского ножа; 5 — скребок; 6 — резец; 7 — остроконечник. Нат. вел.

которой имеется глубокая продольная бороздка, служившая для натачивания шил и игл и свидетельствующая о существовании у ильского палеолитического человека костяных орудий.

9. Молотообразный доломитовый камень найден в нижнем слое; он похож на современный молоток с ручкой, но происхождение его не искусственное, а случайное, природное. Камень, очевидно, был принесен человеком для использования его в роли молота.

Он имеет вес в 1 кг 200 г, его рукоятка хорошо держится в руке (рис. 4).

10. Нуклевидный большой доломитовый камень, служивший для раскола костей (рис. 5).

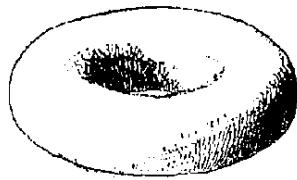

Рис. 6. Кольцо из песчаника от палки-копалки. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

11. Метательный камень найден только один; он нуклевидной формы и небольших размеров. В Тимоновской палеолитической стоянке такие камни найдены в количестве нескольких сот (табл. I, 1).

12. Каменных наковален найдено несколько. Все они брусковой формы и представляют собою речные гальки, встречающиеся часто и теперь на берегах р. Или. Использование их в качестве наковален для обработки кремневых орудий приемом контрударной техники доказывается их формой, а иногда и выбоинами, наблюдаемыми на обоих концах. Костяные наковални нами пока не найдены.

13. Очень любопытно найденное в нижнем слое каменное кольцо, похожее на кольца палок-копалок (табл. IV, 2). В Европе, насколько мне известно, в палеолите это первый случай такой находки. Диаметр отверстия кольца равен 4, а диаметр всего кольца 8.5 см. Кольцо сделано из песчаников (рис. 6). Оно могло быть естественного происхождения, но человек пользовался им для своих нужд.

На этом мы покончим с кратким обзором каменных орудий, полагая, что описанные формы их нисколько не противоречат определению ильской культуры как принадлежащей к типу солютрейской культуры с пережитками из более древних времен.

Костяных предметов нами найдено восемь: 1) три обломка трубчатых костей со следами обтерости их поверхности (рис. 7, a, b, c) и 2) пять обломков костяных полированных пластинок. Два обломка трубчатой кости, повидимому, принадлежали к одному продольно расколотшемуся предмету, назначение которого определить затруднительно. Длина одного из них равняется 7.3 см при ширине в 1 см; длина другого 6.5 см при ширине также в 1 см.

Третий обломок представляет часть склоненной трубчатой кости длиною в 6.5, а шириной в 1.8 см (рис. 7).

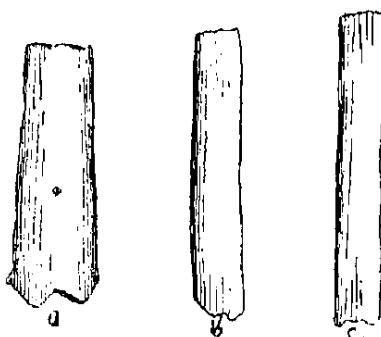

Рис. 7. Обломки склоненной трубчатой кости. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

Из полированных костяных пластинок заслуживает особенного внимания одна. Судя по тщательности отделки ее, она должна представлять часть украшения, мо-

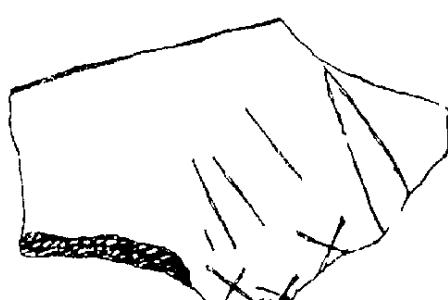

Рис. 8. Полированная костяная пластина с нарезками. Нат. вел.

жет быть нагрудной привески. На одной стороне проведены черточки и крестики. Длина пластиинки равна 5.5, а ширина 3.4 см (рис. 8).

Усмотрены еще энергичные штрихи, сделанные тонким острием на кости быка (рис. 9).

При более подробном изучении костяного материала стоянки, вероятно, найдутся еще и другие изделия; но и приведенные говорят уже о значительном мастерстве. Нам не удалось найти ни одного костяного орудия, но о существовании их свидетельствует и вышеописанный точильный камень с желобком для натачивания острых концов колющими орудий (может быть шильев или игл) и найденное С. Н. Замятниным шило.

Отсутствие костяных орудий в нашем собрании можно объяснить незначительностью площади стоянки, вскрытой раскопками. При продолжении раскопок эти пред-

раскола костей, положенных на более крупные камни. В расстоянии около 2 м к юго-востоку от камня-столика лежали четыре камня, окружавшие небольшой очаг, обозначенный золой и угольками. Пол этого очага состоял из уплотненной и выглаженной почвы. К югу от камня-столика, в расстоянии метров 4, открылась целая гряда камней, расположенных по дуге окружности большого круга. Камни в гряде лежали в один ряд, иногда перекрывая концами друг друга. На одном из камней найдено каменное кольцо, похожее на кольцо палки-копалки. С внутренней стороны гряды почва

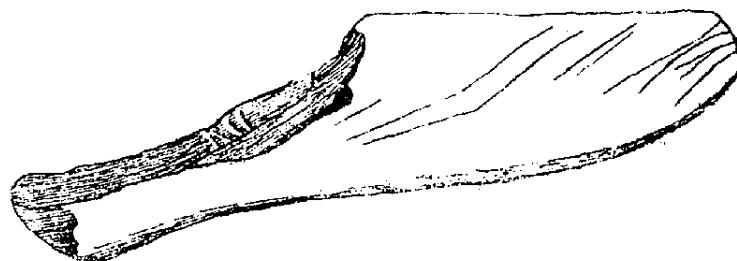

Рис. 9. Кость с нарезками. $\frac{1}{2}$ nat. vel.

меты могут явиться сразу в значительном количестве, так как почва для их сохранения довольно благоприятна.

Следует упомянуть еще о случаях находок краски и углей. Краска попадалась несколько раз то в виде порошка, то в виде небольших кручинок и кусков. Это была охра красноватого и желтоватого цветов.

Угли, а иногда и зола попадались в слое стоянки в небольших количествах. Более крупные угольки тщательно выбирались для их исследования.

В заключение остается коснуться бытовой обстановки самой стоянки. Нами вскрыта только часть ее, но и она развернула перед нашими глазами чрезвычайно интересную картину бытовой обстановки (рис. 10). На вскрытой площади всюду лежали большие и малые доломитовые камни, сопровождаемые множеством расколотых костей и других предметов. В одном пункте лежал большой, округленный, плоский камень, названный рабочим «столиком». Около него найдены: 1) разбитые кости животных, 2) две каменные наковални, 3) каменный молот и 4) большой доломитовый клин, похожий на нуклеус. Кругом лежали разбросанно другие камни немного меньших размеров, сопровождаемые также разбитыми костями животных. Около крупных камней лежали малые, повидимому, служившие ударниками для

была черна и насыщена разными бытовыми вещами, а снаружи она становилась светлее и никаких находок не содержала. У западного конца гряды — самый большой камень, достигший в длину 45, в ширину 40 см. К северному боку его был приставлен целый череп зубра так, что один рог его поднимался кверху, а другой опускался вниз. Череп казался совершенно целым, но был раздавлен тяжестью налегавшей на него земли и держался только на выполнившей его почве.

От черепа по прямой линии к северу лежали сомкнуто шесть шейных позвонков гигантского оленя. Севернее линии шейных позвонков лежал второй череп со сбитыми рогами, один из которых найден недалеко от черепа; недалеко от него оказались и две нижние челюсти с отбитыми передними концами. Этот череп также был раздавлен землею. Еще далее к северу лежали без видимого порядка большие и малые камни, сопровождаемые осколками костей животных. К западу, в траншею V, наблюдалась такая картина: лежали разбросанно крупные и мелкие камни и сопровождающие их, обязательно разбитые, кости животных. В северной части траншеи удалось вскрыть второй очаг, кругом обложенный камнями (рис. 10, тр. V, B). Диаметр очага равнялся приблизительно 1 м. Внутри очага находи-

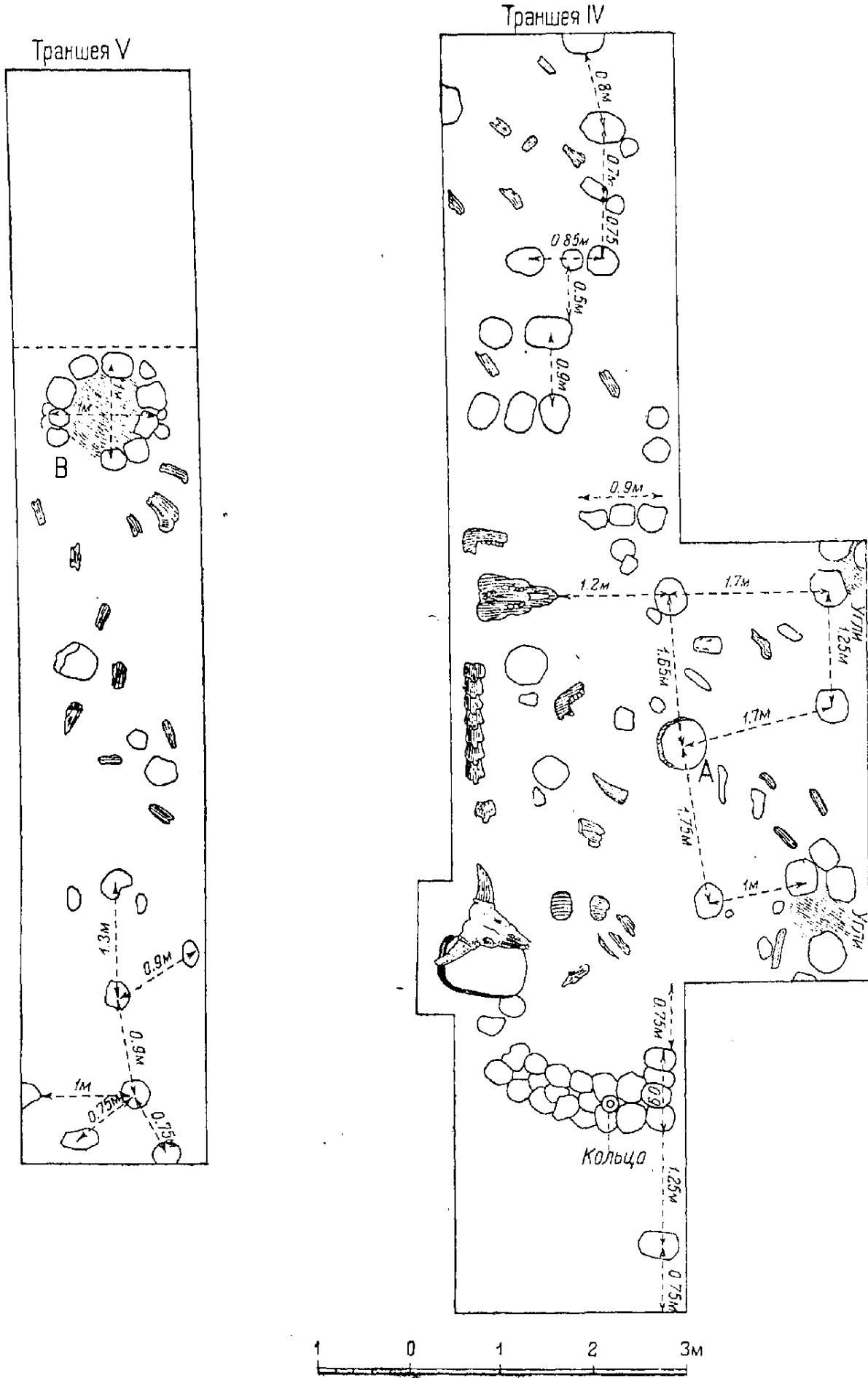

Рис. 10. Траншей IV и V с остатками бытовых сооружений.

лась зола и измельченные угольки. В очаге найдены два лучших яшмовых «женских ножа» (*ulu*), а вокруг очага много разбитых костей.

На ряду с костями и камнями на всей вскрытой площади были находимы каменные орудия, входящие в нашу коллекцию. Отсюда же происходят и все костяные изделия.

Судя по кривизне дуги обнаруженной части ограды, вся окружность ее могла иметь радиус не более 5 м, а при этих условиях площадь круга равнялась бы 75 кв. м. Вскрыть всю эту площадь нетрудно. Выполнение же такой работы представляет большой научный интерес, так как оно может дать исключительно важный материал.

И. Г. Шидоничка

КРЕМНЕВЫЕ „ГИГАНТОЛИТЫ“ из НОВГОРОД-СЕВЕРСКА

При разработках во время земляных работ песчаника в Новгород-Северске в 1933 г. в базальной части четвертичной толщи суглинков обнаружены были многочисленные остатки животных так называемой смешан-

мента, ошейникового лёмминга и других животных в сопровождении немногочисленных кремней со следами обработки. Хотя раскопки 1933 г. оказались бедны кремневым материалом, все же они доказали суще-

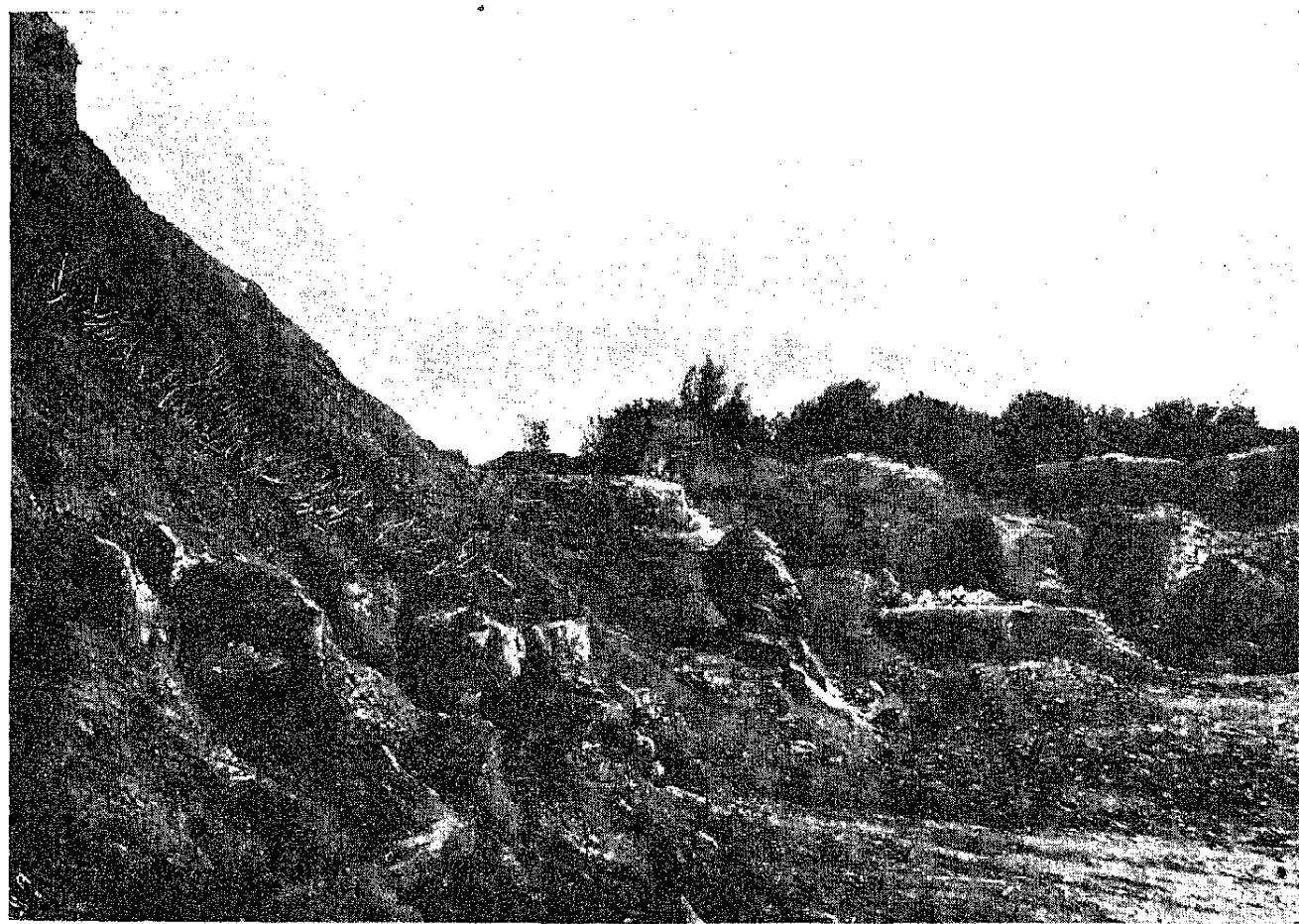

Рис. 1. Общий вид разведывательного раскопа 1936 г. в новгород-северском песчаниковом карьере. Знаком X показано место нахождения гигантолитов. На переднем плане раскопа глыбы песчаника. (Фот. Археол. эксп. Инст. матер. культ. АН УССР 1938 г.)

ной — тундровой и степной — фауны. Среди костного материала попадались и обработанные обломки кремня.

Археологической экспедицией Академии Наук УССР в северо-западной части этого карьера на площади около 34 кв. м произведены были разведочные раскопки, давшие находки костей шерстистого носорога, ма-

ствование следов палеолитической стоянки в Новгород-Северске, на высоком (30 м над уровнем реки) участке правого берега современной р. Десны, представлявшем в послеледниковое время, т. е. во время существования стоянки, низкую террасу тогдашней реки. Поверхность этой древней террасы на месте стоянки составлял бучакский

песчаник и покрывающие его желтые крупнозернистые бучакские пески.

Судя по находке обработанного куска кремня и обломков костей мамонта, сделанной нами в 1933 г. в прослойке валунного суглинка, налегающего на желтые бучакские пески, т. е. гораздо (на 8 м) выше уровня находок на месте раскопок, стоянка была расположена на склонах бугра и на самом бугре, высота которого над предполагаемым уровнем реки равнялась 8—10 м.

Учитывая большой интерес, вызванный нахождением смешанной фауны в Новгород-Северске¹ и связью этой фауны с палеолитической стоянкой, автор статьи, по заданию Института истории материальной культуры Академии Наук УССР, производил систематические исследования новых обнажений костеносного суглинка, вскрывавшихся в результате выборки песчаника.

Таким образом в 1935 г. были собраны новые материалы по фауне, сопровождавшиеся всего несколькими обломками кремня.

В 1936 г., во время очередного осмотра обнажений карьера, вместе с костями шерстистого носорога были найдены *in situ* описываемые в этой статье три очень крупных кремневых орудия — «гигантолиты».²

Во время работ Археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН УССР в апреле и мае 1936 г. на месте находок гигантолитов были установлены разведывательные раскопки (рис. 1) на площади в 24 кв. м, обнаружившие среди глыб песчаника и в нижней части суглинка, их покрывающего, огромное количество костей и одно орнаментированное «лощило» из расщепленного вдоль ребра мамонта. Продолжавшиеся в 1937 г. раскопки Новгород-северской стоянки дали несколько сот кремней, среди которых оказались орудия, аналогичные найденным в Мезине, Чулатове I и Пушкиарях.

Отложения, покрывающие палеолитические остатки в Новгород-Северске, представляют собой лёссовидный суглиночек, переходящий книзу в валунную глину, подстилаемую бучакским песком и песчаником. В прослойке валунной глины (около 40 см мощности) на глубине 7 м от поверхности найдены кости носорога, мамонта, северного оленя, волка, ошейникового лемминга и гигантолиты, лежавшие вместе, друг на друге, причем один из них (№ 3) лежал одним концом непосредственно на песке.

Геологические условия захоронения гигантолитов, состав сопровождающей их

фауны¹ и наличие палеолитического лощила (рис. 2) в одном слое с ними не оставляют сомнения в палеолитическом возрасте этих орудий. Это подтверждается также и характером самих гигантолитов.

Приводимые в этой статье штриховые рисунки, исполненные художником Ю. Ю. Павловичем, представляют каждое орудие с четырех сторон (обозначение сторон условное). 1-й рисунок (считая слева) представляет орудие с левой боковой стороны (плоскость), 2-й рисунок — с нижней стороны (табл. I, II, III), 3-й рисунок — с правой боковой стороны, 4-й рисунок — с верхней стороны, т. е. со стороны «спинки» (табл. Ia, IIa, IIIa).

На табл. IV изображены поперечные разрезы каждого орудия по линиям а—б, в—г, д—е, отмеченным на рисунках табл. I—III.

О размерах и весе гигантолитов можно судить по следующей сводке:

№ орудия	Наибольшая длина, в см	Наибольшая ширина, в см	Наибольшая толщина, в см	Вес, в г
1	44.0	17.5	12.1	8250
2	33.9	13.9	9.2	4550
3	45.4	19.3	9.9	8050

Все три гигантолита сделаны из огромных желваковых конкреций темного кремня местного происхождения.

В настоящее время крупные конкреции подобного кремня (до 47 см в длину) найдены нами в меловом карьере с. Чулатова, в 8 км к югу от Новгород-Северска, на глубине 18—20 м от поверхности мела. Этот же слой мела имеется и в Новгород-Северске, поэтому можно думать, что гигантолиты сделаны из конкреций, происходящих из самого Новгород-Северска или же из окрестностей, расположенных всего в нескольких километрах от него.

Особенности каждого из описываемых нами изделий в кратких чертежах следующие.

Гигантолит № 1 (табл. I) по характеру нижнего конца представляет собою орудие, напоминающее огромный «многофасеточный резец» типа резцов, встречающихся в близких к Новгород-Северску стоянках Чулатово I и Мезин. По общей же форме он представляет собою прототип топора с выгнутым лезвием. Нижняя сторона и верхний конец, который мы назвали лезвием, несут на себе ретушь, являющуюся не только результатом отделки самого орудия, но и результатом его сработанности. Противоположный конец орудия не несет ясных

¹ См. об этом статьи в журн. «Природа» (1934, № 5, стр. 80—82; № 8, стр. 73—74; № 11, стр. 92—95).

² Сообщение об этой находке сделано в газете «Известия ЦИК СССР» от 6 IV 1935.

¹ Подробные данные о новгород-северской фауне приведены нами в работе «Новгород-Северська верхньочетвертинна фауна» (Матер. до вивчення минулих фаун УРСР, випн. 1, 1938).

следов сработанности, но был, видимо, также употребляем для работы.

Техника оббивки этого орудия показывает тщательность его изготовления. На нижнем конце имеется один короткий и два длинных (до 20 см) дуговых (резцовых) скола, ширина которых достигает 2.4 см. Тыльная площадка получена в результате немногих сильных ударов. Один из таких сколов вдоль боковой площадки поражает своими размерами, достигая 33 см длины и 5.5 см ширины.

Кремень, из которого сделано это орудие, темного цвета, переходящего в темно-серый оттенок на нижнем конце.

сама ретушь несет явные следы стертости.

На нижнем конце мелкая ретушь имеется на тыльной стороне. Таким образом это орудие имеет как бы двустороннее рабочее лезвие и рабочий верхний конец.

Боковые площадки этого орудия асимметричны: левая сторона двускатная, т. е. от срединной части орудие уточняется к краю. Правая боковая сторона орудия более или менее плоская.

Как и первые два, орудие № 3 тщательно обработано путем многочисленных ударов.

На верхнем конце (с левой стороны) имеется известковая корка. Кремень, из ко-

Рис. 2. Орнаментированное лощило из палеолита

Кроме того, имеется сквозной канал длиной 9.5 см и диаметром 6—7 мм, проходящий на протяжении от упомянутой лунки на тыльную сторону орудия.

Этот канал представляет собою естественное образование, имевшееся в конкреции (пустота, заполнившаяся в породе какой-то окаменелостью).

Гигантолит № 2 (табл. II) по своей форме однотипен с орудием № 1, отличается от него меньшими размерами и некоторыми деталями обработки. По нижней стороне нижнего (резцового) конца имеется три длинных дуговых скола. Длина одного из них (среднего) 24.6 см, наибольшая ширина левого скола 3.7 см. Почти половина площади левой стороны орудия покрыта первичной известковой коркой, т. е. представляет собою поверхность конкреции.

Ретушь так же, как и у орудия № 1, расположена по нижней стороне и на верхнем конце. Следы сработанности этого орудия заметны на верхнем конце.

Орудие сделано из кремня темного цвета, который сверху переходит в дымчатосерый участок, очерченный концентрическими дуговыми линиями.

Гигантолит № 3 (табл. III) по форме совершенно отличен от первых двух. Он имеет остроконечно-овально-листовидную (миндалевидную) форму; нижняя и верхняя стороны почти симметричны и в одинаковой мере несут ретушь, в значительной степени представляющую результат сработанности орудия. Особенно хорошо заметны следы сработанности на верхнем конце орудия, где

торого сделано орудие, темного цвета с дымчатосерыми пятнами и участками. На нижнем конце имеются два кривых канальца диаметром до 5 мм, такого же происхождения, как и у орудия № 1. Подобные же канальцы имеются и на орудии № 2.

Все три орудия покрыты ржавожелезистыми пятнами и пятнами известкового налета.

Эти ржавые пятна и вторичная известковая корка аналогичны железистым пятнам, мергелистой накипи и известковому налету, имеющимся на многих костях, а также на лощиле, найденном вместе с гигантолитами в культурном слое стоянки.

Нам удалось обнаружить следы существования подобных же орудий и в известной палеолитической стоянке Мезин, расположенной в 25 км к югу от Новгород-Северска, на правом берегу р. Десны, в геологически сходных условиях.

Путем просмотра костей из этой стоянки, хранящихся в Академии Наук УССР, нам удалось обнаружить более 10 обломков крупных костей мамонта, несущих явные следы ударов и срезов крупными орудиями.

Такие кости известны были и прежним исследователям (часть из них выкопана в Мезине еще в 1916 г.), однако на них не было обращено внимания видимо потому, что подобные крупные срезы на костях приписывались действию лопат при раскопке.

Кроме разбивания костей, о другом производственном значении гигантолитов говорить пока трудно, однако не подлежит сомнению, что их применение могло быть

очень разнообразным: так, напр., орудие № 3 могло быть использовано для земляных работ, все три орудия могли быть применяемы для работы по дереву.

Вопрос о том, применялись ли эти гигантолиты вручную или снабжены были путем привязи деревянными рукоятками, пока также является открытым.

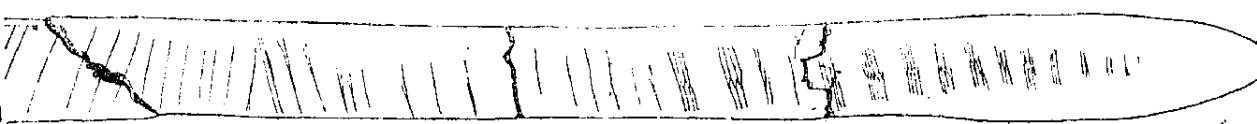
Орудие № 3 при снабжении его деревянной рукояткой могло быть употребляемо наподобие огромной мотыги.

Заметное сужение на нижнем конце гигантолита № 3 может быть можно рассматривать как признак, указывающий на приспособление к привязыванию.

Описаний гигантолитов, найденных в верхнепалеолитической стоянке Ондратиц¹ в Моравии (Чехо-Словакия) нам, к сожалению, достать не удалось, поэтому сравнить с ними нашу находку мы не имеем возможности.² Имеются также данные, что в музее Ложери Басс во Франции хранится кремневое орудие длиной около 40 см, происходящее из мадленского слоя.

В палеолите СССР других подобных находок нам не известно.

Что касается неолитических массивных рубящих орудий, сделанных из кремня, то во всех известных нам случаях они имеют меньшие размеры по сравнению с новгород-

тической стоянки Новгород-Северска. 1/2 nat. vel.

И. П. Ефименко¹ высказал мнение о возможности прикрепления к рукоятке также и гигантолитов №№ 1 и 2. Предположение об использовании подобных орудий для охоты на мамонтов нам кажется сомнительным потому, что мы не считаем доказанным наличие живых мамонтов в Новгород-Северске во времена существования там палеолитической стоянки.

Переходя к подысканию аналогий описываемым изделиям как в палеолите, так и в более позднее время, нужно отметить, что по размерам они превосходят все, что известно нам из литературы по палеолиту. Что же касается формы, то до некоторой степени подобное №№ 1 и 2 орудие (длина 12,2 см) найдено В. А. Городцовым в палеолитической стоянке Тимоновка.²

¹ На научном собрании ГАИМК 29 XII 1936.

² В. А. Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. Результаты раскопок в 1933 г. Тр. Инст. антроп., этногр. и археол., вып. 3, изд. АН СССР, 1935, стр. 31.

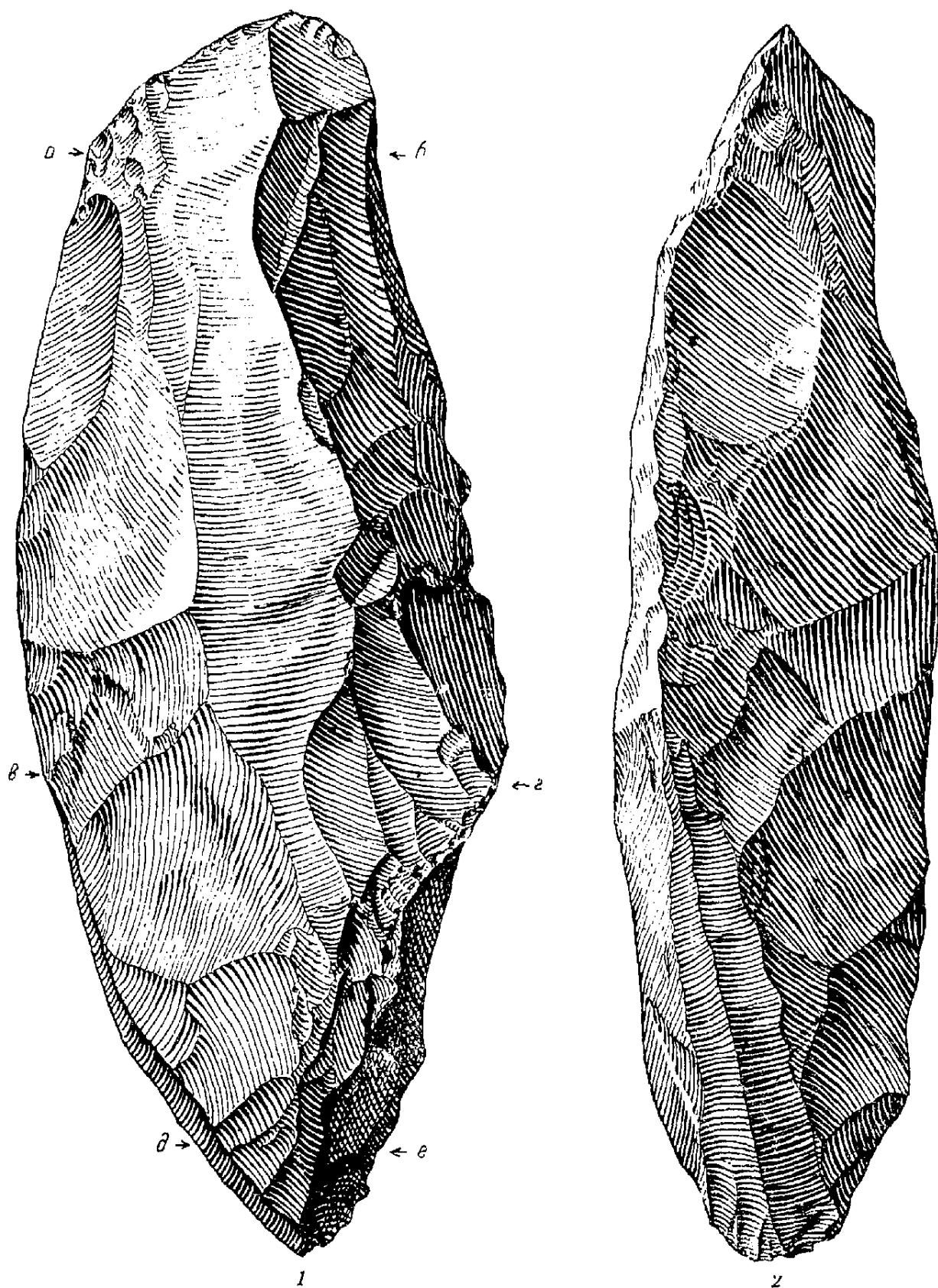
северскими. Самое большое орудие этого типа, указанное Монтелиусом для неолитического поселения Богуслен (западная Швеция), имеет в длину около 39 см. По форме оно напоминает новгород-северский гигантолит № 3, но по технике обработки является более грубым орудием.

Открытие верхнепалеолитических гигантолитов в Новгород-Северске свидетельствует о существовании крупных рубящих каменных орудий не только в нижнем палеолите, и гораздо позже в неолите, но и в промежуточное время между этими периодами.

¹ И. Скутиль. История исследований четвертичного периода в Чехо-Словакии. Тр. Междунар. конфер. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 16.

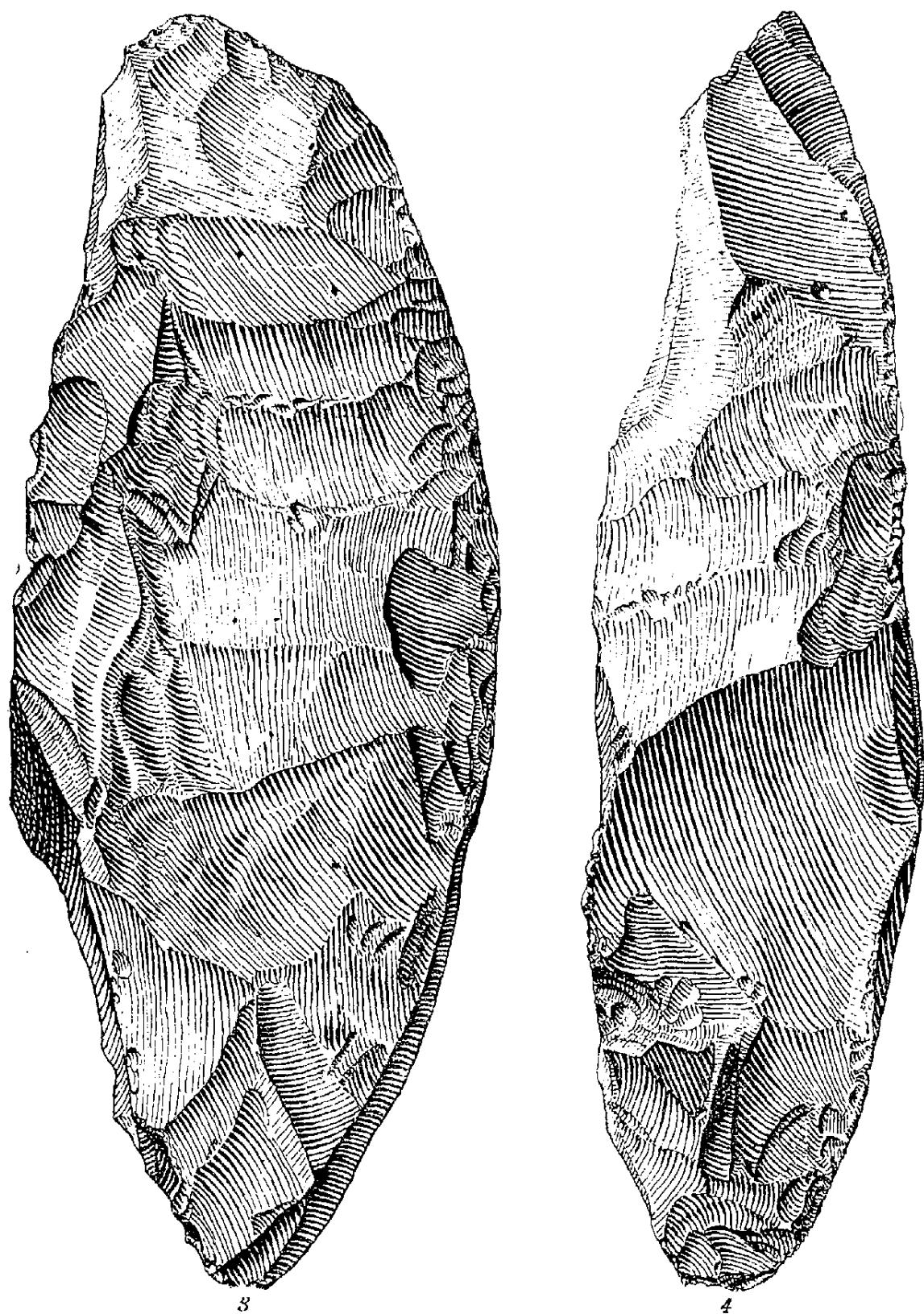
² Согласно сведениям из сообщения К. А. Абсолона на II международной конференции АИЧПЕ в Ленинграде в 1932 г., чехословацкие гигантолиты, найденные им, сделаны из кварцита.

ТАБЛИЦА I

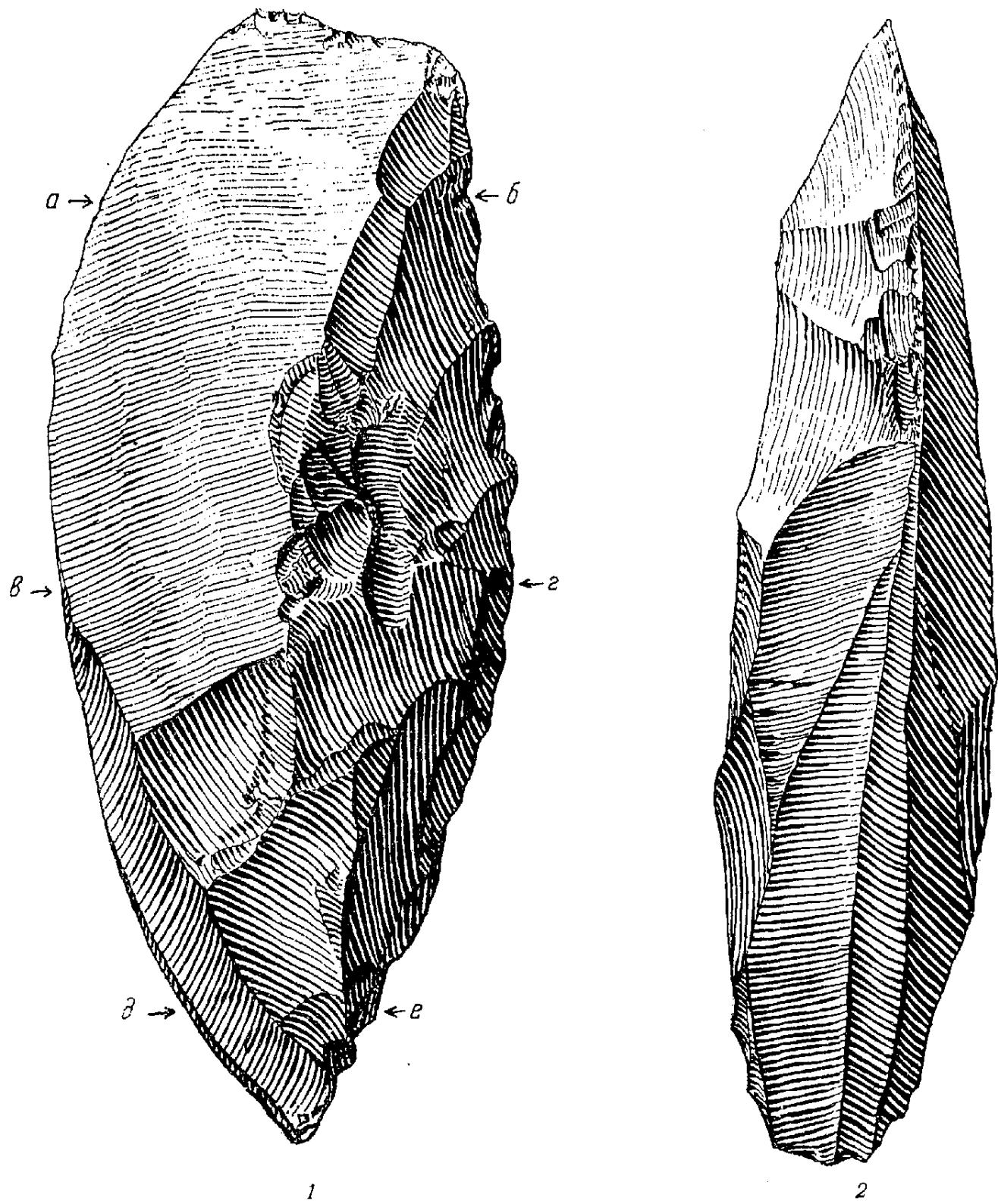
Гигантолиг № 1 (вид с левой боковой и с нижней стороны). Ок. $\frac{3}{7}$ нат. вел.

ТАБЛИЦА 1а

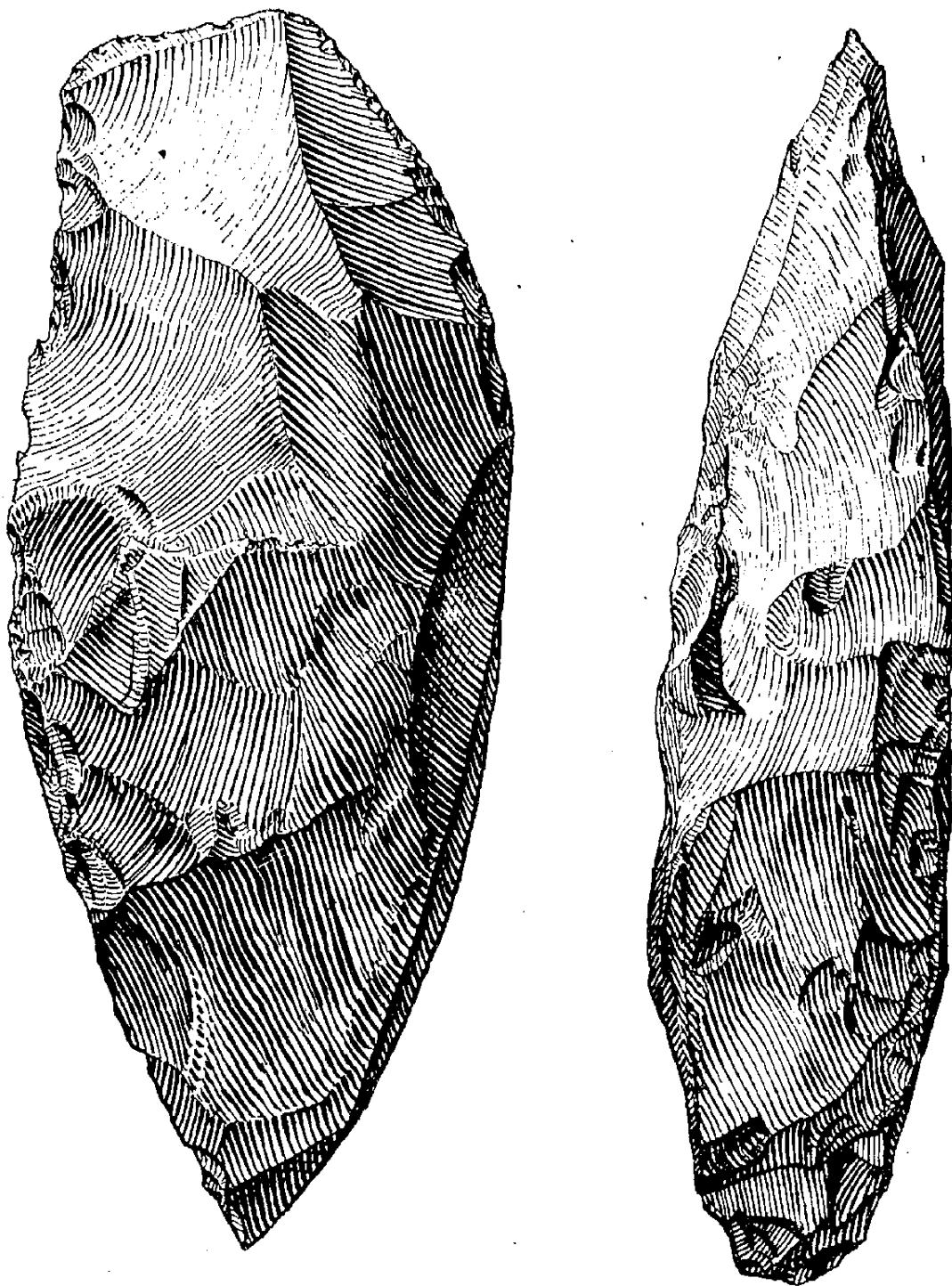

Гигантолит № 1 (вид с правой боковой и с верхней стороны). Ок. $\frac{3}{7}$ нат. вел.

ТАБЛИЦА II

Гигантолит № 2 (вид с левой боковой и с нижней стороны). $\frac{1}{2}$ nat. вел.

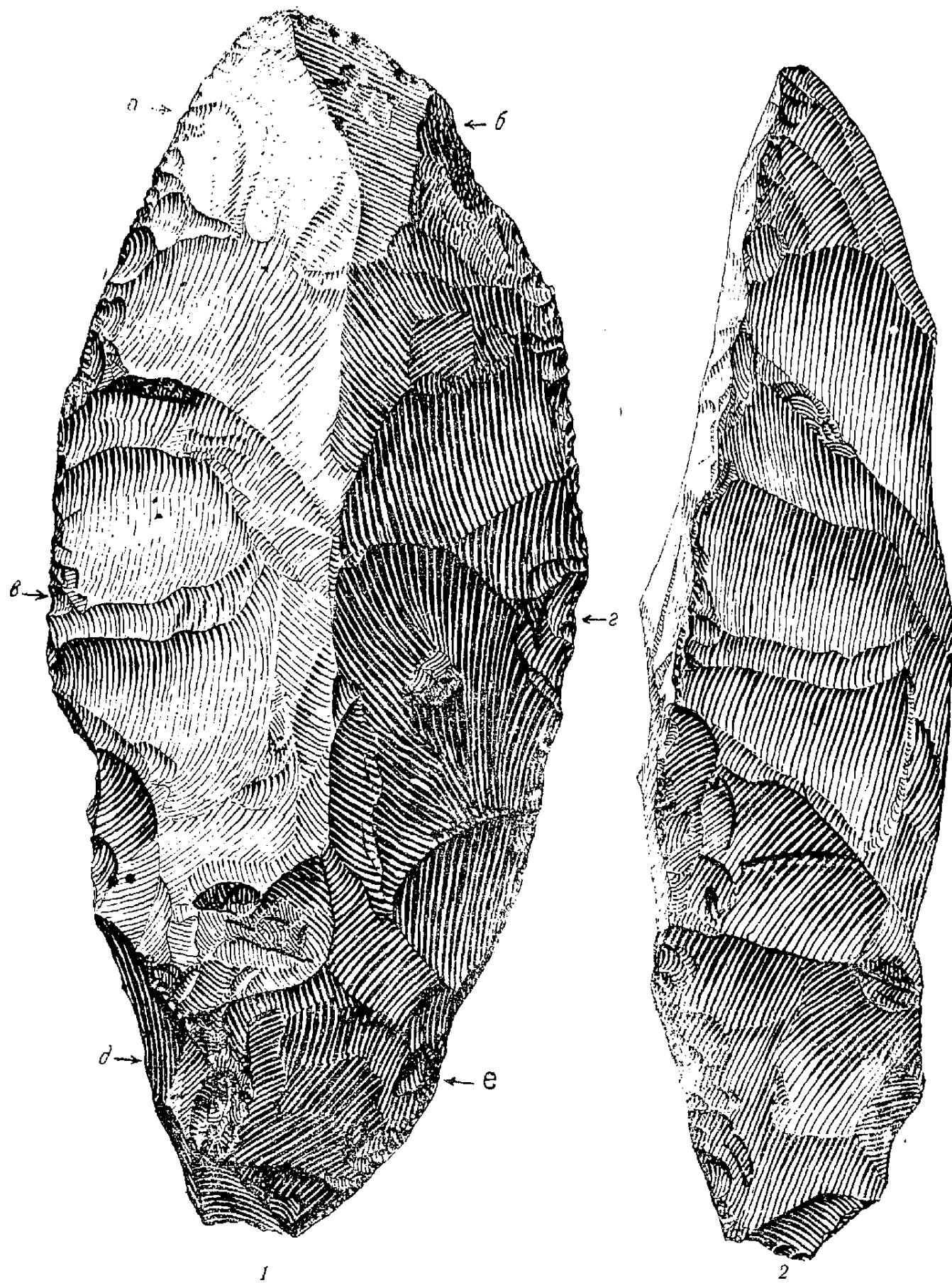

3

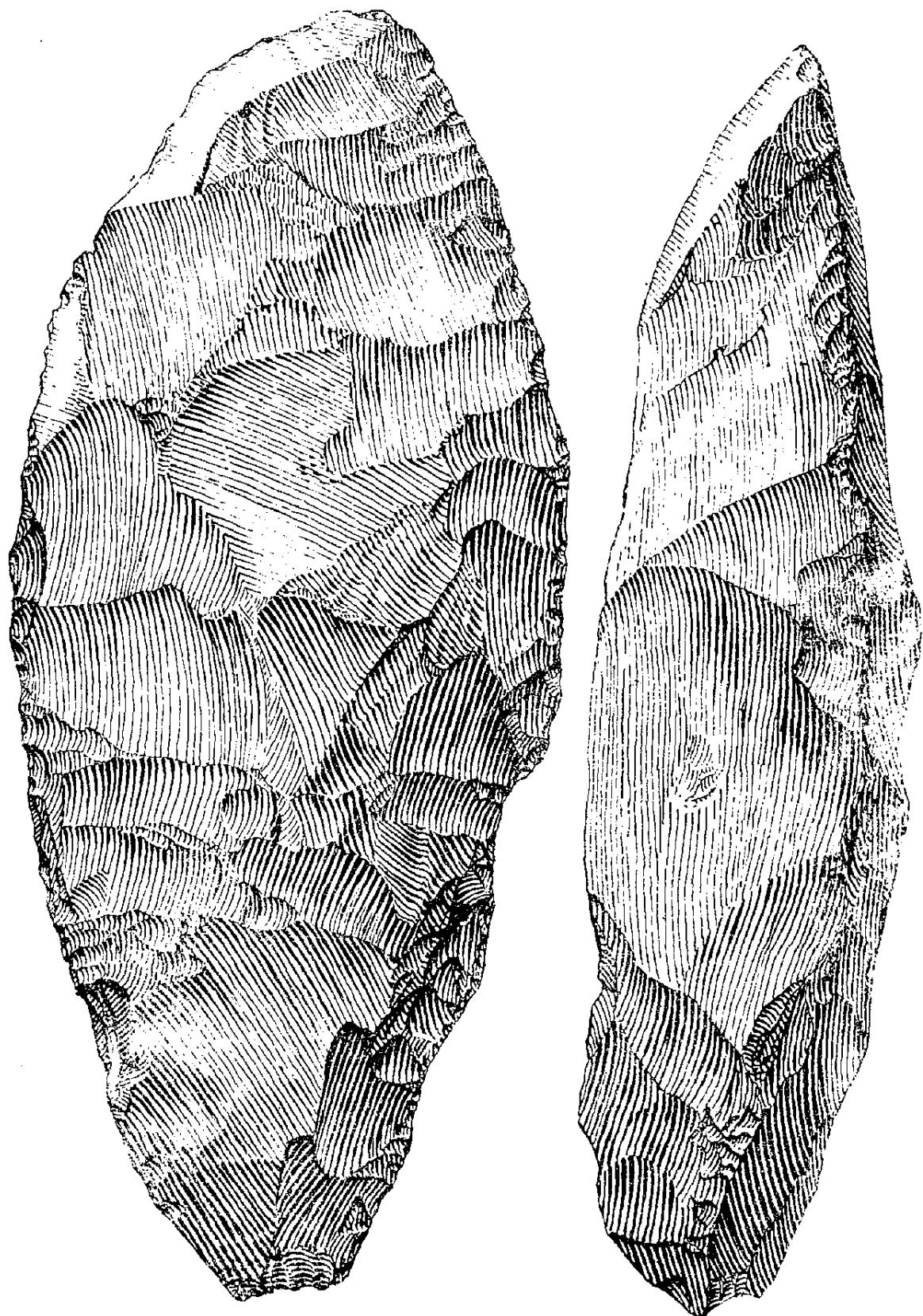
4

Гигантолит № 2 (вид с правой боковой и с верхней стороны). $\frac{1}{2}$ нат. вел.

ТАБЛИЦА III

Гигантолит № 3 (вид с левой боковой стороны). Ок. 3/7 нат. вел.

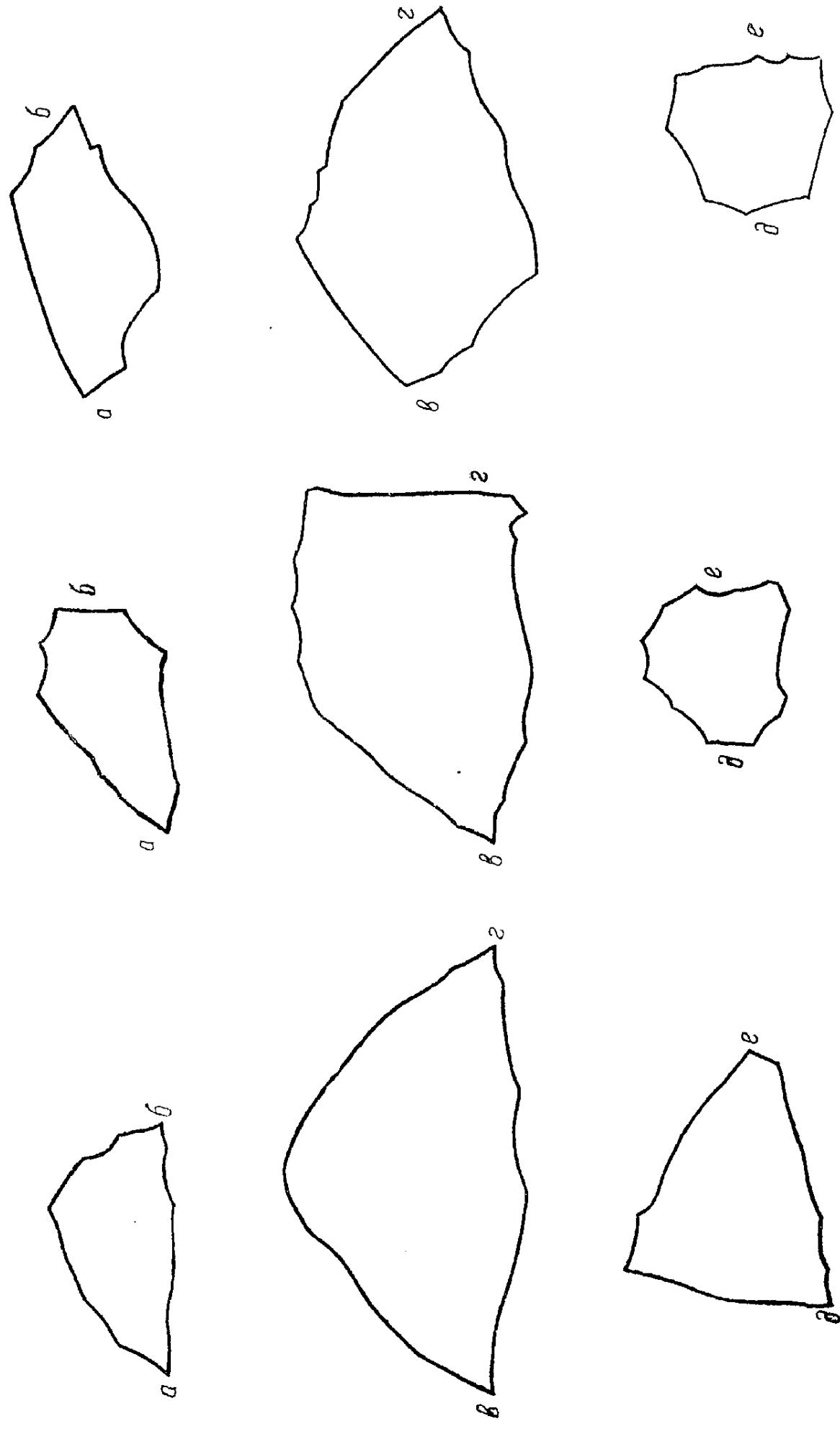

3

4

Гигантолит № 3 (вид с правой боковой и с верхней стороны). Ок. $\frac{3}{7}$ нат. вел.

ТАБЛИЦА IV

Поперечные сечения гигантолитов из Новгород-Северска. № 1, № 2, № 3.
Слева — гигантолит № 3; посередине — № 1, справа — № 2.

П. И. Борисковский

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БОРШЕВО II
(нижний культурный слой)

Боршевская вторая палеолитическая стоянка была открыта в 1923 г. П. А. Никитиным и С. Н. Замятниным. В 1923, 1925 и 1929 гг. она была исследована экспедицией ГАИМК, возглавляемой П. П. Ефименко.¹

Стоянка расположена на правом берегу Дона, на невысокой береговой террасе, подмываемой Доном. Терраса поднимается над уровнем Дона на 4—5 м и в половодье заливается водой (рис. 1 и 2).

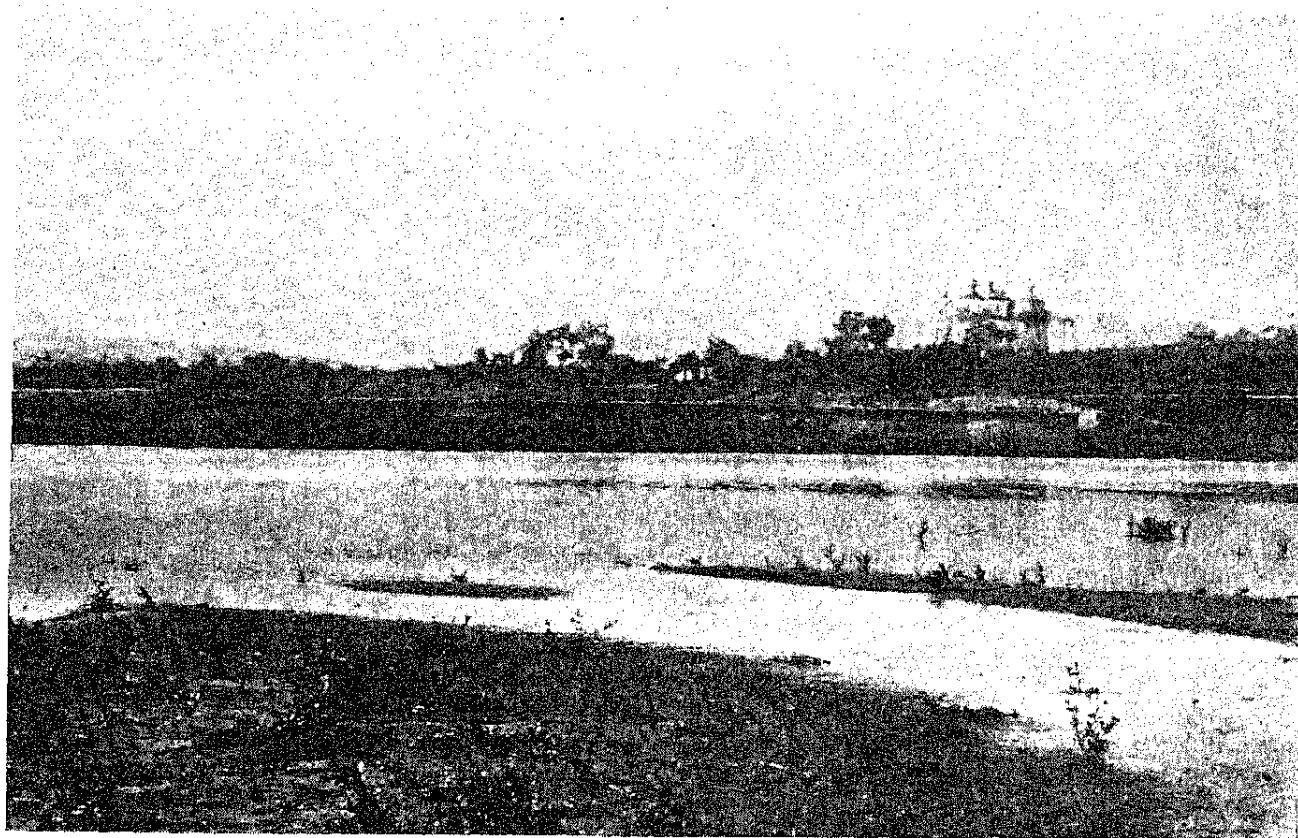

Рис. 1. Стоянка Боршево II. Общий вид с левого берега Дона во время раскопок 1936 г.

В 1936 г. раскопки на территории стоянки производились руководимым мною отрядом.²

¹ В раскопках 1923 г. ближайшее участие принимал С. Н. Замятин, в раскопках 1929 г.—Л. Н. Соловьев. Я принимал участие в раскопках 1929 г. в качестве студента-практиканта.

² Мой отряд входил в состав возглавляемой П. П. Ефименко Костенковско-Боршевской экспедиции Академии Наук СССР и ГАИМК. В работах отряда участвовали: К. В. Вяткина, П. В. Серебровский, С. Г. Баргина, Х. Л. Дейч и В. Д. Рыбадова.

Как показали заложенные раскопы и шурфы, стоянка тянется по берегу Дона не менее чем на 120 м. От реки в сторону террасы она распространяется недалеко, всего лишь на 20—25 м. На этом расстоянии от берега культурные остатки в шурфах совершенно исчезают. Можно предположить, что первоначально площадь стоянки была больше, но культурный слой частично обрушился в реку и был смыт. В настоящее время культурный слой подмывается рекой.

Раскопки обнаружили на территории стоянки три разновременных культурных слоя. Не на всей площади стоянки все три культурных слоя представлены одинаково. В этом отношении стоянку можно разделить на две части — верхнюю и нижнюю (по течению Дона), или, иначе, на северо-западную и юго-восточную части. До 1936 г. обе части назывались «выше моста» и «ниже моста», но так как в настоящее время моста через Дон в этом месте нет, то и старое обо-

территории стоянки по течению Дона он уходит под воду).

Сероватая глинистая супесь, являющаяся, очевидно, аллювиальным образованием; глинистая супесь переходит в иловатую вязкую серую глину.

В верхней части стоянки прослеживаются два культурных слоя, залегающих почти целиком в глинистой супеси. Верхний культурный слой расположен в верхней части супеси, непосредственно под погребенным гу-

Рис. 2. Стоянка Боршево II. Общий вид во время раскопок 1929 г.

значение потеряло свой смысл. Можно говорить лишь о верхней и нижней частях стоянки. Приводим стратиграфию верхней части стоянки (толщина отдельных слоев дается по юго-западной стенке раскопа XIV 1929 г.):

Современный слоистый гумусный речной намыв.

Почвенный слой.

Желтовато-бурый суглинок, носящий характер делювиального наноса, намыва весенними и дождевыми ручьями продуктов разрушения береговых пород.

Древний погребенный почвенный горизонт (он заметно падает по направлению к береговому обрыву; метрах в 100 ниже

гумусом, а частично заходит и в гумус, не будучи с ним связанным. Он очень сильно размыт. Это отдельные изолированные находки, вкрапленные в супесь; уровень их залегания колеблется в пределах 20—30 см.

Нижний культурный слой расположен несколько ниже, на глубине 40—60 см под погребенным гумусом, также в глинистой супеси. От находок верхнего культурного слоя он отделен стерильной прослойкой супеси. Он также сильно размыт и резко не выражен, но в отличие от верхнего слоя связан с темными углистыми прослойками, напоминающими тем самым культурный слой обычного типа. Можно предположить, что он образовался на месте некогда существовавшего здесь почвенного покрова.

Последовательность геологических отложений в нижней части стоянки та же, что и в верхней части. Но здесь в погребенном гумусе залегает культурный слой. Слой этот связан с прослойкой погребенного гумуса и не спускается ниже ее. Он значительно отличается, как по характеру залегания, так и

Об этом в частности свидетельствует характер подбора кремня, а также сравнение типов орудий, происходящих из нижнего слоя обеих частей стоянки.

Таким образом в стоянке Боршево II прослеживается по общему подсчету три культурных слоя (ср. рис. 4 и 5):

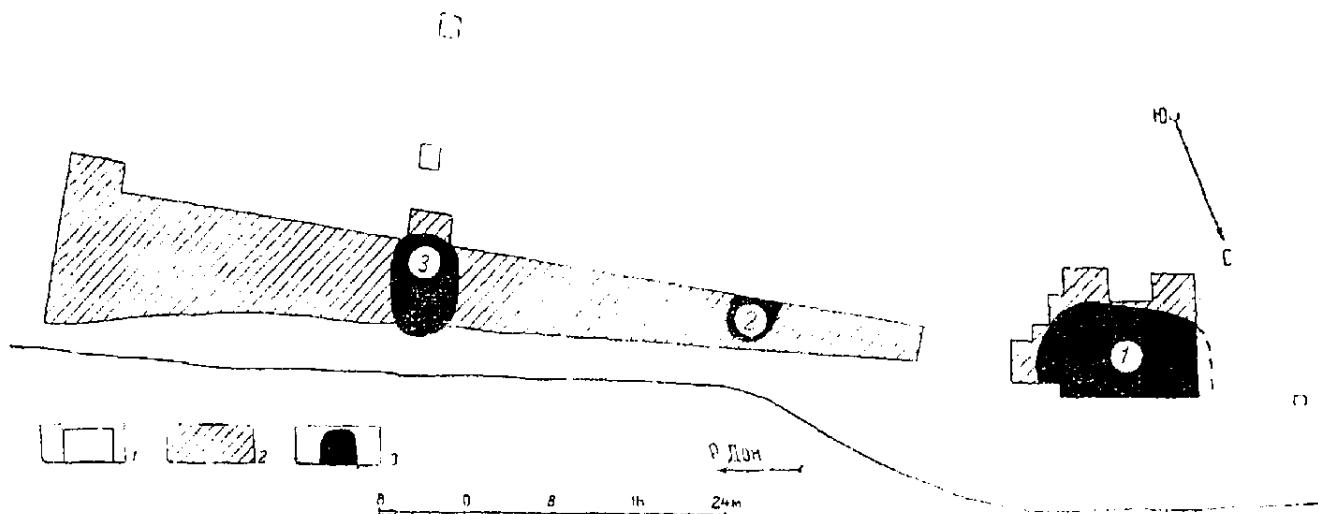

Рис. 3. Схема распространения нижнего культурного слоя.

1—границы раскопов; 2—территория распространения редких изолированных находок нижнего культурного слоя; 3—скопления.

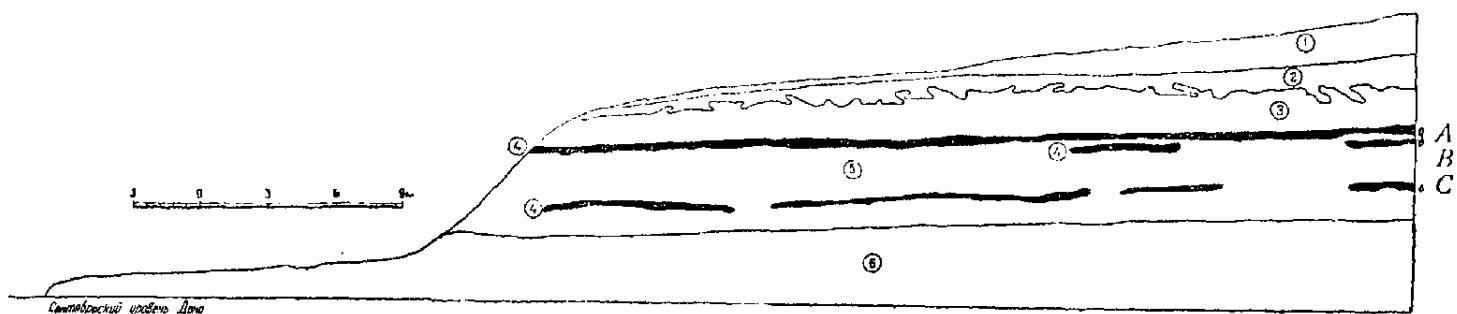

Рис. 4. Сводный схематический разрез береговой террасы р. Дона с палеолитическими остатками.
По материалам раскопок 1929 г.

1—современный речной намыв; 2—почва; 3—желто-бурый делювиальный суглинок; 4—погребенная почва; 5—глинистая супесь; 6—иловатая вязкая серая глина; А—верхний культурный слой; В—средний культурный слой; С—нижний культурный слой.

по фауне и по культурным остаткам, от верхнего культурного слоя верхней части стоянки и является более молодым, чем последний.

Под этим слоем в глинистой супеси залегает нижний культурный слой (рис. 3). Он сильно размыт и представляет собой изолированные находки кремней, костей и зольных линз, вкрапленных в суглинок. Лишь в двух местах в нижней части стоянки налицо интенсивные, окрашенные скопления относящихся к нему культурных остатков. Прослеживаемый в нижней части стоянки нижний культурный слой, судя по характеру фауны и культурных остатков, составляет продолжение нижнего культурного слоя верхней части стоянки.

1) верхний, связанный с погребенным гумусом, представлен лишь в нижней части стоянки;

2) средний, залегающий сразу под погребенным гумусом, представлен лишь в верхней части стоянки;

3) нижний, залегающий в глинистой супеси, представлен в той или иной мере на всем протяжении стоянки.¹

¹ Раскопки 1923 и 1925 гг. велись и в нижней и в верхней частях стоянки, так что исследовались все три культурных слоя. Раскопки 1929 г. были сосредоточены на верхней части стоянки; при этих раскопках были исследованы средний и нижний культурные слои. Во время работ 1936 г. раскапывалась нижняя часть стоянки, так что исследовались верхний и нижний культурные слои.

Г. Ф. Мирчинк, исследовавший геологию стоянки Боршево II, указывает, что нижний культурный слой ее приурочен к верхней части делювиальных образований, т. е. соответствует времени окончания накопления этих последних. Это свидетельствует, по мнению Г. Ф. Мирчинка, о мадленском возрасте нижнего горизонта.¹ Г. Ф. Мирчинк отмечает также, что нижний культурный слой Боршево II уходит под уровень Дона. Сопоставление этого с уходом под воду в этой части Дона нижней надпойменной террасы, с которой стоянка была связана, заставляет делать предположение об опускании среднего течения Дона во второй половине четвертичного периода.²

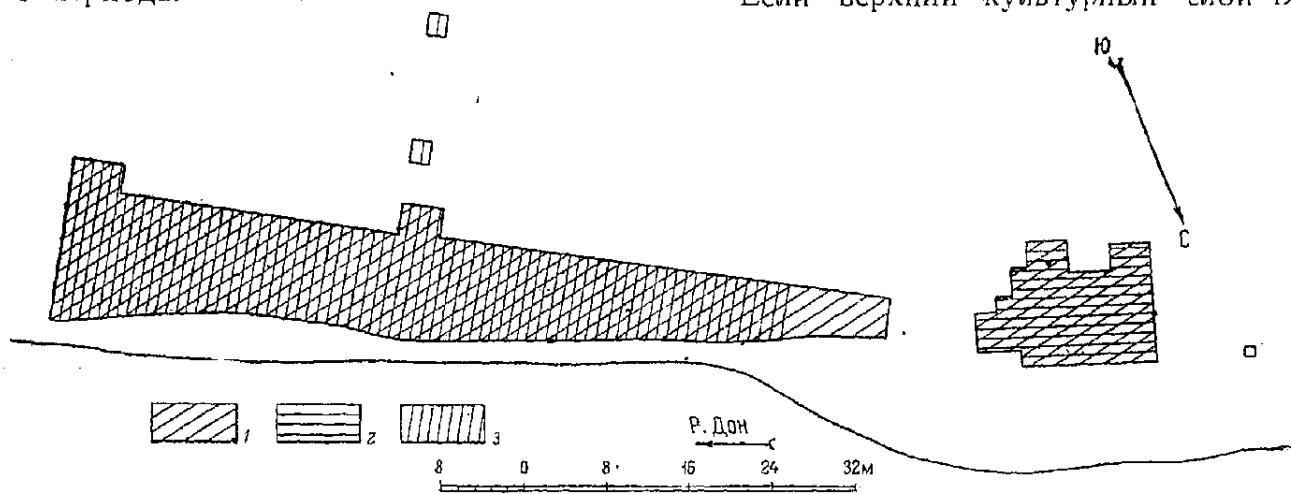

Рис. 5. Схема распространения культурных остатков нижнего, среднего и верхнего культурных слоев.
1—нижний культурный слой; 2—средний культурный слой; 3—верхний культурный слой.

Геологическая интерпретация стоянки Боршево II содержится в книге П. П. Ефименко «Дородовое общество». П. П. Ефименко полагает, что человека могло привлекать на место стоянки соседство огромного оврага, представляющего целую систему логов и широких долин, с вытекающим из него многоводным ручьем. Большое значение имело удобное расположение под защитой возвышенности, а главное, вероятно, близость водного бассейна, судя по характеру наноса,— или реки с очень спокойным течением, или затона, а может быть и озерка, подобного поенным озерам, какие имеются и сейчас в долине Дона.

Уровень этого бассейна, на берегах которого поселился человек, продолжал повышаться, заполняя слоями осадков древнюю долину реки. Этот процесс продолжался до эпохи, когда поверхность речного наноса покрылась почвенным слоем, а поверх него начал отлагаться намываемый с возвы-

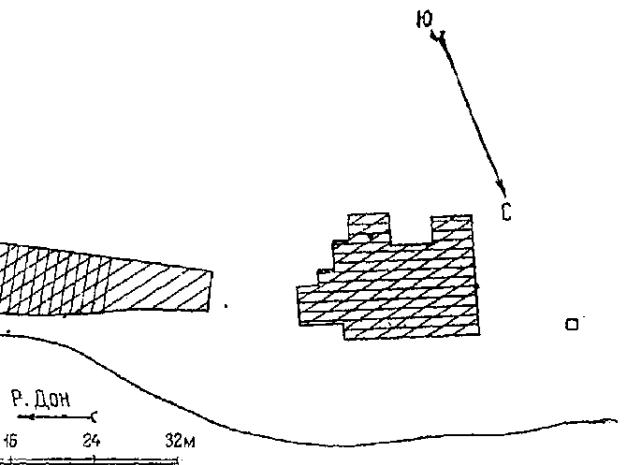
¹ Г. Ф. Мирчинк. Геологические условия нахождения палеолитических стоянок в СССР и их значение для восстановления четвертичной истории. Тр. II Междунар. конфер. Ассоц. по изуч. четвертичн. периода Европы (АИЧПЕ), вып. V, 1934, стр. 53.

² Там же, стр. 54.

шенностей суглинок. В последующее время река еще раз значительно углубила свое русло, проложив в древнем аллювии свою пойменную низину. Нанос, заполнивший ее уже в современную эпоху, имеет совершенно иной характер, чем древний нанос, содержащий остатки палеолитической культуры.¹

Материалы Боршевской II стоянки были введены в научный обиход рядом работ П. П. Ефименко.² Но так как эти работы носили обобщающий характер, то и материалы Боршево II были описаны в них очень скжато. Исчерпывающей публикации Боршево II еще не было.

Если верхний культурный слой Боршев-

во II описан в работах П. П. Ефименко несколько более подробно и даже изданы рисунки десяти происходящих оттуда кремневых орудий, то среднему и нижнему горизонтам посвящено лишь несколько строк, а рисунки кремневого инвентаря, происходящего оттуда, совершенно не опубликованы. Помимо работ П. П. Ефименко, материалы Боршево II, происходящие только из раскопок 1923 г., кратко описаны и в работе Савицкого.³

Стоянка Боршево II представляет большой научный интерес как наиболее поздняя из палеолитических стоянок Костенковско-Боршевского района. К тому же она является почти единственной многослойной стоянкой этого района (нижние слои Костенок I и Тельманской стоянки выражены чрезвычайно слабо) и таким образом имеет

¹ П. П. Ефименко. Дородовое общество. Лгр., 1934, стр. 446.

² П. П. Ефименко. Некоторые итоги изучения палеолита СССР. Человек, № 1, 1928, изд. Акад. Наук СССР.—Он же. Палеолитические стоянки восточно-европейской равнины. Тр. II Междунар. конфер. АИЧПЕ, вып. V, 1934.—Он же. Дородовое общество. Лгр., 1934.

³ L. Sawicki. Materiały do znajomości prehistory Rosji. Przegląd archeologiczny, т. III, вып. 2, Познань 1926.

большое значение для установления относительной хронологии палеолитических стоянок СССР. Настоящая работа в виду широты темы ограничена материалами нижнего горизонта стоянки Боршево II, наименее известного в нашей литературе. Материалы среднего и верхнего горизонта будут привлекаться лишь для сравнения. Работа строится с привлечением материалов раскопок как 1936 г., так и предшествующих лет.¹

В работе, наравне с нашими дневниковыми материалами 1936 г., широко использованы дневниковые материалы П. П. Ефименко 1923, 1925 и 1929 гг.²

Раскопками 1923, 1925, 1929 и 1936 гг. была вскрыта большая площадь стоянки. В верхней части было вскрыто около 150 кв. м, а в нижней части (где нижний культурный слой представлен чрезвычайно слабо) около 600 кв. м.

При раскопках извлечен значительный культурный инвентарь. Из нижнего культурного слоя в результате раскопок всех лет происходит около 370 кремневых орудий (включая сюда и нуклеусы), не считая пластин и отщепов.³

Дадим сперва суммарную характеристику кремневого инвентаря нижнего культурного слоя, с тем, чтобы на планировке находок и пропорции орудий в различных частях стоянки остановиться позднее.

Кремень, из которого изготовлены орудия нижнего горизонта, в большинстве своем черный меловой. Не менее половины кремней покрыто густой молочнобелой патиной, подобно кремням более древних стоянок этого района — Боршево I и Костенок I. Но многие имеют поверхность темносинего цвета и покрыты лишь легким белесым налетом патины. Это сближает их с кремнями верхнего горизонта Боршево II, которые, как правило, патинизированы лишь в очень незначительной мере. Цветного валунного кремня немного. В различных частях стоянки количество его колеблется в пределах от 13 до 25% общего количества кремня. Валунный кремень — коричневого, красного и светло-желтого цвета. Отщепов и пластин из кварцита очень мало (около 1% по отношению

¹ Публикация материалов всех трех культурных горизонтов Боршевской II стоянки намечена на будущее как совместная работа П. П. Ефименко и автора.

² Пользуюсь случаем принести благодарность моему учителю П. П. Ефименко как за помощь и ценные указания во время раскопок 1936 г., так и за предоставление в мое пользование дневниковых материалов прежних лет.

³ Кремневые материалы стоянки Боршево II хранятся в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР (Ленинград). Кроме того, небольшая коллекция, происходящая из раскопок 1925 г., хранится в Гос. Историческом музее (Москва). Основная масса фаунистических материалов хранится в Зоологическом институте Академии Наук СССР (Ленинград).

к кремневым отщепам и пластинам). Известен один нуклеус из кварцита, а кварцитовые орудия вовсе отсутствуют. Многие кремни частично покрыты известковым настеком.

Обращают на себя внимание малые размеры всего кремневого инвентаря — нуклеусов, пластин, отщепов, орудий. Высота нуклеусов не превосходит 5 см. Из 680 пластин, происходящих из нижнего горизонта Боршево II, лишь 5 экземпляров имеют длину от 7 до 9 см, около двадцати пластин имеют 5—7 см длины. Основная же масса пластин имеет длину 3—5 см.

Среди отщепов также преобладают мелкие (2—3 см в поперечнике) или же совсем миниатюрные чешуйки — 1.5 см в поперечнике. Единицами насчитываются орудия, превышающие 5 см длины, а орудия, превышающие 7 см, вовсе отсутствуют.¹ Средние и наиболее обычные размеры орудий 4 см, а ширина 1.5 см. Орудия, как правило, подготовлены из правильных тонких пластинок (2—5 мм толщиной).

Нуклеусы. Их 21 экземпляр (табл. I). Они очень небольших размеров, высота их 3—5 см, поперечник 1.5—2.5 см. Все они удлиненные, правильной призматической формы; в нескольких случаях площадка наблюдается на обоих концах. Последнее, так же как и характер фасеток, указывает на то, что пластинки откалывались как с одного, так и с другого конца. Нуклеусы имеют обычно ряд параллельных пластинчатых сколов (иначе фасеток), опоясывающих нуклеус почти по всему кругу. С той стороны, где таких сколов нет, нуклеусы сформованы поперечными стесами. У некоторых нуклеусов площадка образует с поверхностью пластинчатых сколов острый угол. Фасетки плоские и неглубокие, имеют правильные очертания. Предполагается, что пластины отделялись от нуклеусов с помощью отжима.

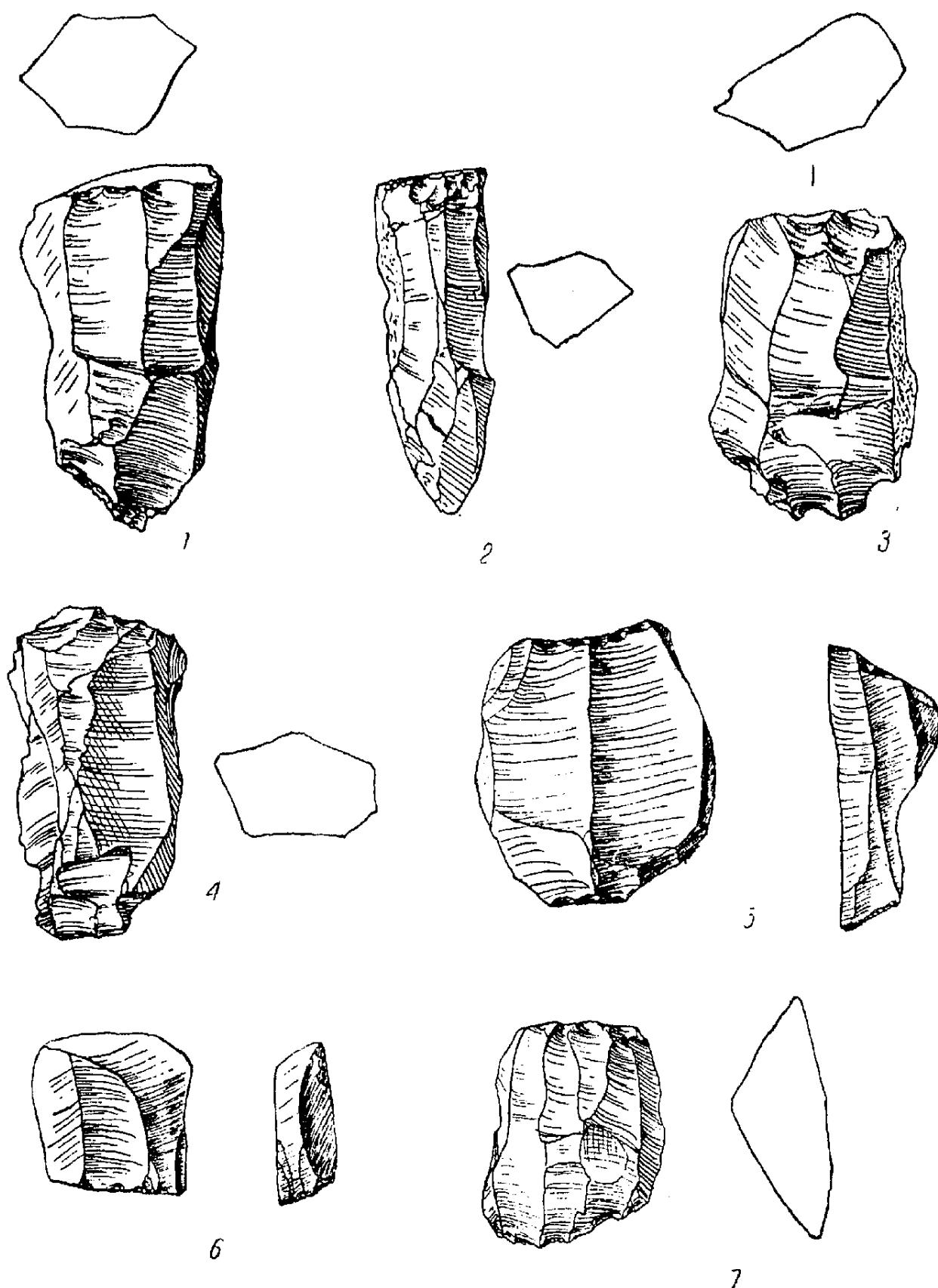
Ряд нуклеусов имеет по краю на ребре большое количество выщербинок, получившихся в результате наносившихся нуклеусом ударов или нажима. Можно предполагать, что сработанные нуклеусы иногда употреблялись в качестве отбойников или отжимников.

Типичные отбойники из кремня отсутствуют. Функции отбойников в некоторых случаях могли выполнять вышеописанные нуклеусы и куски кремня, имеющие в небольшом числе выщербинки (*étoile* — звездчатость), получившиеся в результате нанесения ударов по кремню.

Пластины кремня. Их около 680 экз. В большинстве своем они имеют правильное параллельное ограничение. Средняя длина их, как мы уже указывали, 3—5 см. Обращает на себя внимание обилие

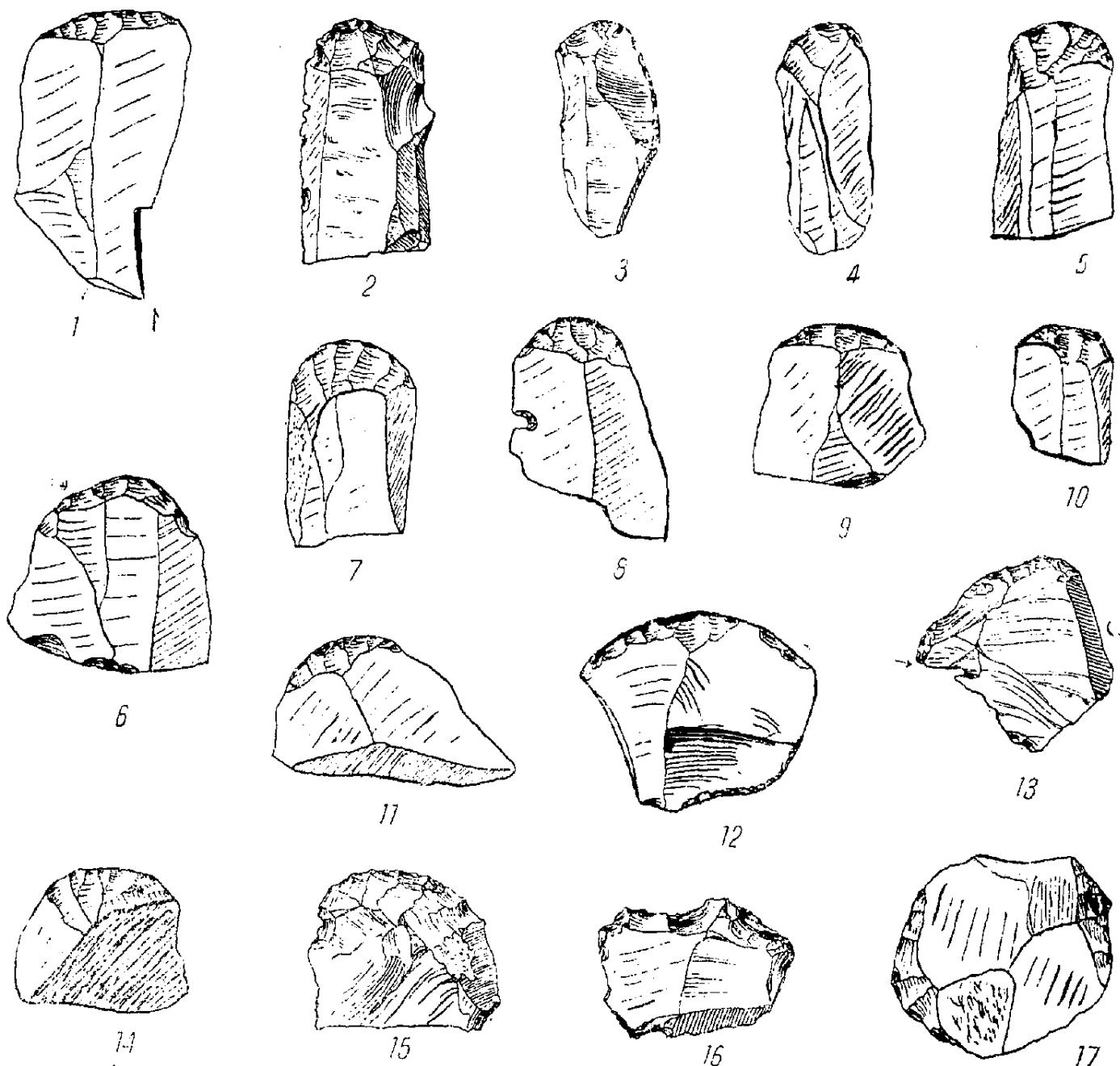
¹ Исключение составляют четыре массивных плитки-отщепа кремня с ретушью, о которых будет сказано ниже.

ТАБЛИЦА I

Нуклеусы из нижнего культурного слоя. Нат. вел.

ТАБЛИЦА II

Скребки из нижнего культурного слоя. Нат. вел.

сечений пластин, т. е. пластин, ровно обломанных с обоих концов или с одного конца. Как известно, обилие сечений пластин и орудий, приготовленных на сечениях пластин, характерно для позднего мадлена. Много и миниатюрных пластиночек размерами 2×0.5 см. Большая часть правильных пластин утилизировалась в качестве режущих орудий. На это указывают наблюдаемые при сильном увеличении по их краю следы легкой подретушовки, мелкие выщербинки, а также интенсивная заполированность. Следы употребления у различных пластин носят различный характер. Они заметны или с одного или по обоим краям. Иногда они захватывают весь край, иногда же сосредо-

точены лишь у одной его части. Заслуживает внимания тот факт, что у большей части пластин заполированность и выщербинки лучше выражены с брюшка, чем со спинки. Это можно связывать с тем, что пластинами резали твердые материалы — дерево или кость. Резанье мяса оставило бы равные следы заполированности и со спинки и с брюшка.

Отщепы, осколки, мелкие чешуйки и вообще всякого рода отбросы обработки кремня. Их около 2600 экз. Среди них преобладают маленькие отщепы, имеющие 2—3 см в поперечнике, и совсем миниатюрные чешуйки, имеющие 1.5 см в поперечнике. Отщепы со следами желвачной корки

очень редки. Создается впечатление, что отщепы откалывались, как правило, не от желваков и плиток кремня, а от уже принесенных на территорию стоянки нуклеусов. Куски кремня почти совершенно отсутствуют.

Скребки. Их 54 экз. (табл. II). Длина их 2—4 см, они изготовлены на коротких правильных сечениях пластин или на коротких небольших отщепах. Лишь несколько экземпляров — на целых пластинках, но тоже коротких, не превышающих 4 см длины и, таким образом, мало отличающихся от сечений пластин. Все скребки имеют полукруглое, обработанное тщательной ретушью лезвие; сильная сработанность делает его иногда очень крутым. Некоторые скребки — удлиненные, типичные концевые, без ретуши по краям. Края их имеют лишь легкие выщербинки и заполированность — следы того, что ими иногда могли пользоваться для резанья.

Большая же часть скребков — окружных или приближающихся к квадратным очертаниям, но с лезвием не кругом, а лишь на одном конце. Ширина лезвия нередко превышает длину скребка. Лезвие иногда слегка скощенное на правую или на левую сторону (если смотреть со спинки). Несколько экземпляров имеют на противоположном конце лезвие резца (табл. II, 1). Общий облик скребков довольно правильный, но двойные и вообще геометризованные формы отсутствуют. Исключение составляют три экземпляра, сделанные на коротком сечении пластиинки и имеющие правильное лезвие на обоих концах. Они имеют прямоугольную форму и примыкают к геометризованному типу, столь распространенному в верхнем горизонте Боршево II (табл. II, 17). В нижнем горизонте они являются исключением.

Резцы разных типов составляют наиболее многочисленную группу орудий. Их 206 экз. (табл. III—VI). Почти все они изготовлены на маленьких тонких правильных пластинках, характерных вообще для кремневой техники нижнего горизонта Боршево. II. Большая часть их (135 экз.) боковые (иначе их называют угловыми) с резцовым лезвием, полученным путем сочетания резцового скола и ретуши (табл. III, 1—24 и IV, 1—10). Резцовое лезвие у боковых резцов узкое — 2—4 мм ширины. Резцовый скол — один, идет вертикально по ребру пластиинки или слегка заходя на брюшко (плоский резец). Резцовое лезвие оказывается, таким образом, на углу пластиинки. Характерно, что всегда это верхний левый угол пластиинки, если смотреть на нее со спинки. Противоположный, правый, край почти никогда не имеет резцового скола. Это указывает на устойчивую технику приготовления, а, главное, использования резцов бокового типа.

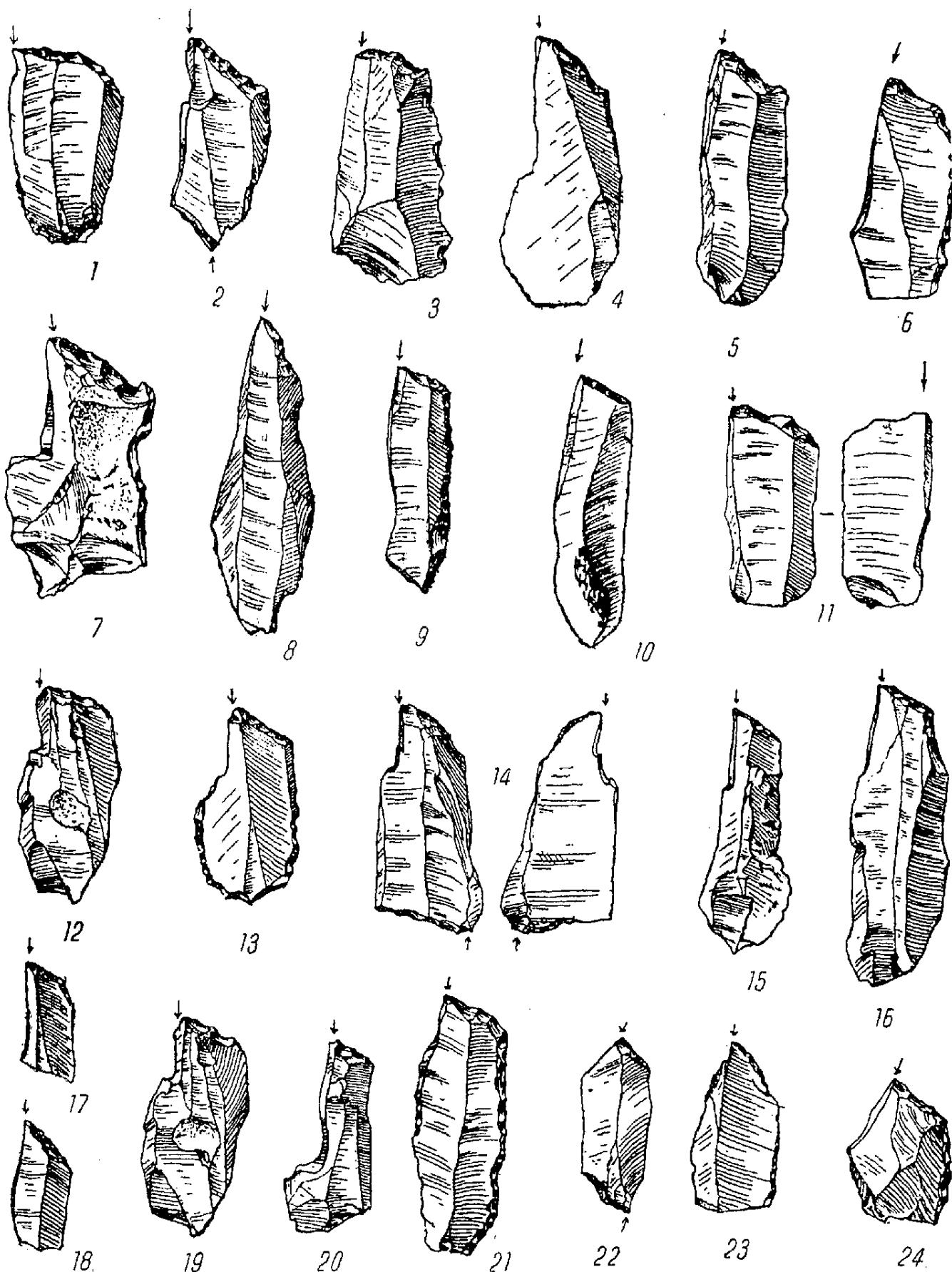
Ретушь, которой обработан конец пластиинки и которая в сочетании с резцовым сколом формует лезвие скребка, — крутая, очень мелкая и тщательная. Иногда отретушированная поверхность перпендикулярна резцовому сколу (*burin à troncature gâtée*); иногда же отретушированный конец пластиинки скошен или же дугообразно изогнут.

Единицами среди боковых резцов насыщиваются двойные экземпляры, имеющие резцовое лезвие не только на верхнем левом, но и на верхнем правом или на одном из нижних углов (табл. III—2, 14, IV—1, 5, 13).

Кроме боковых резцов здесь есть также, в значительно меньшем количестве, другие типы резцов: срединные, многофасеточные, резцы на углу сломанной пластиинки и массивные нуклевидные. В отличие от боковых резцов каждая из этих групп не представляет собой выдержанной серии. Срединных или иначе обычновенных резцов (включая сюда и многофасеточные резцы на пластиинках) — 25 экз. (табл. IV—11, 12, 13; V—5). Размеры их и характер пластин, на которых они сделаны, те же, что и у боковых резцов. Лезвие узкое, получено путем сочетания двух, а в некоторых случаях нескольких резцовых сколов. Иногда резцовые сколы заходят слегка на брюшко. Однако типичные срединные резцы среди них отсутствуют: у большей части их лезвие расположено асимметрично. Один резцовый скол идет вертикально, а другой косо, так что резцовое лезвие оказывается на углу пластиинки. Этим они напоминают описанные выше боковые резцы, отличаясь от последних резцовым сколом (вместо ретуши). У некоторых (семи) экземпляров на месте резцового скола заметны следы крутой ретуши, снятой этим сколом. Вероятно, это были первоначально боковые резцы, которые затем с целью «оживления» лезвия были превращены в обычновенные. Несколько обычновенных резцов имеют на противоположном конце пластиинки также резцовое лезвие. Резцов на углу сломанной пластиинки — 30 экз. (табл. IV—14). Они, как и ранее описанные, сделаны на небольших пластиинках. Их лезвие получено в результате сочетания поверхности слома и небольшого вертикального резцового скола. У ряда экземпляров поверхность слома идет не перпендикулярно вертикальному резцовому сколу, а скошенно, под острым углом к нему; этим они опять-таки напоминают вышеописанные резцы.

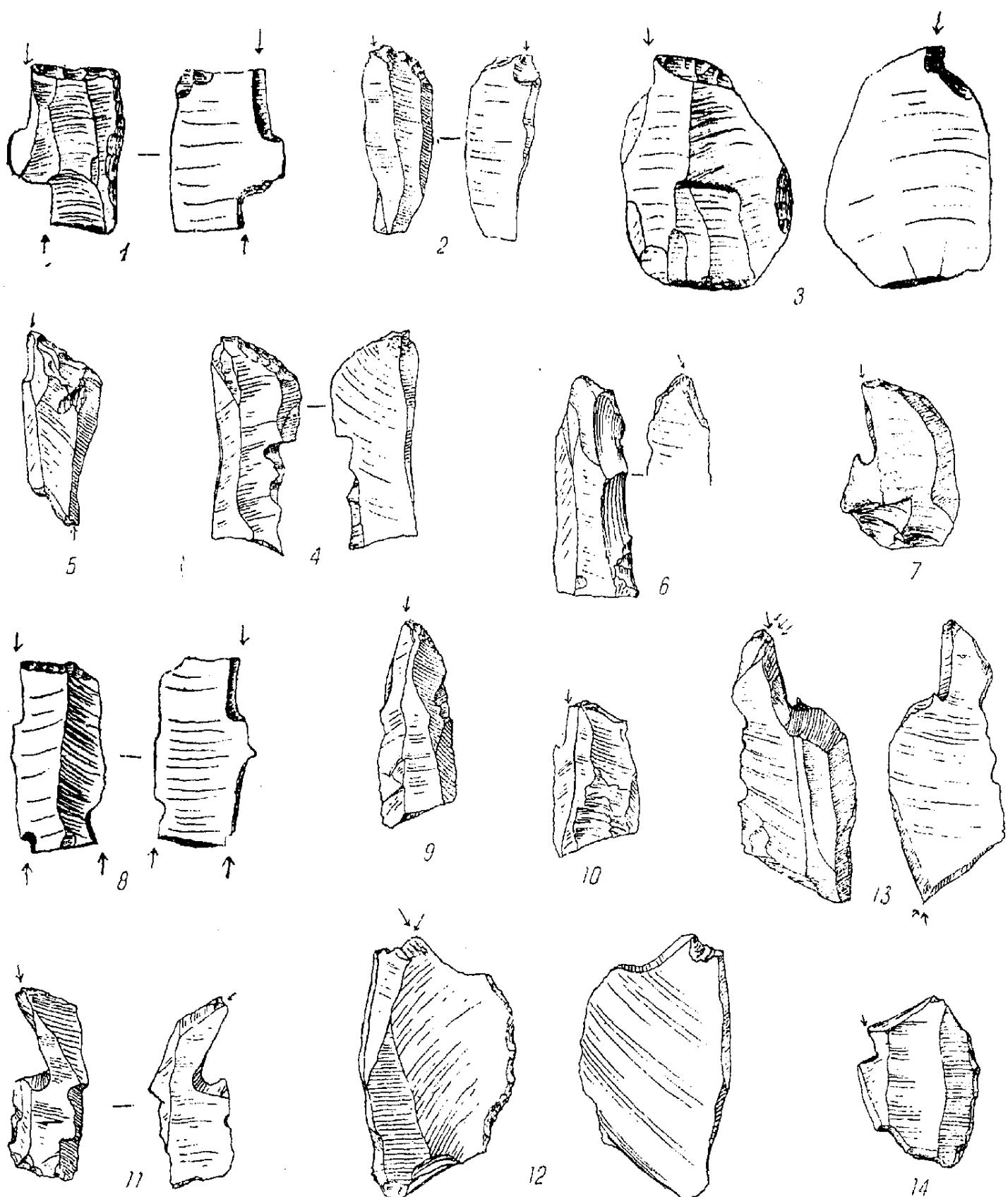
Многие из резцов имеют по краю легкую подретушовку или чаще мелкие выщербинки. Заполированность, сопровождающая выщербинки и обнаруживаемая при увеличении, свидетельствует о том, что острым краем пластиинки могли пользоваться для работы на ряду с лезвием резца. Следы работы на

ТАБЛИЦА III

Резцы бокового типа из нижнего культурного слоя. Нат. вел.

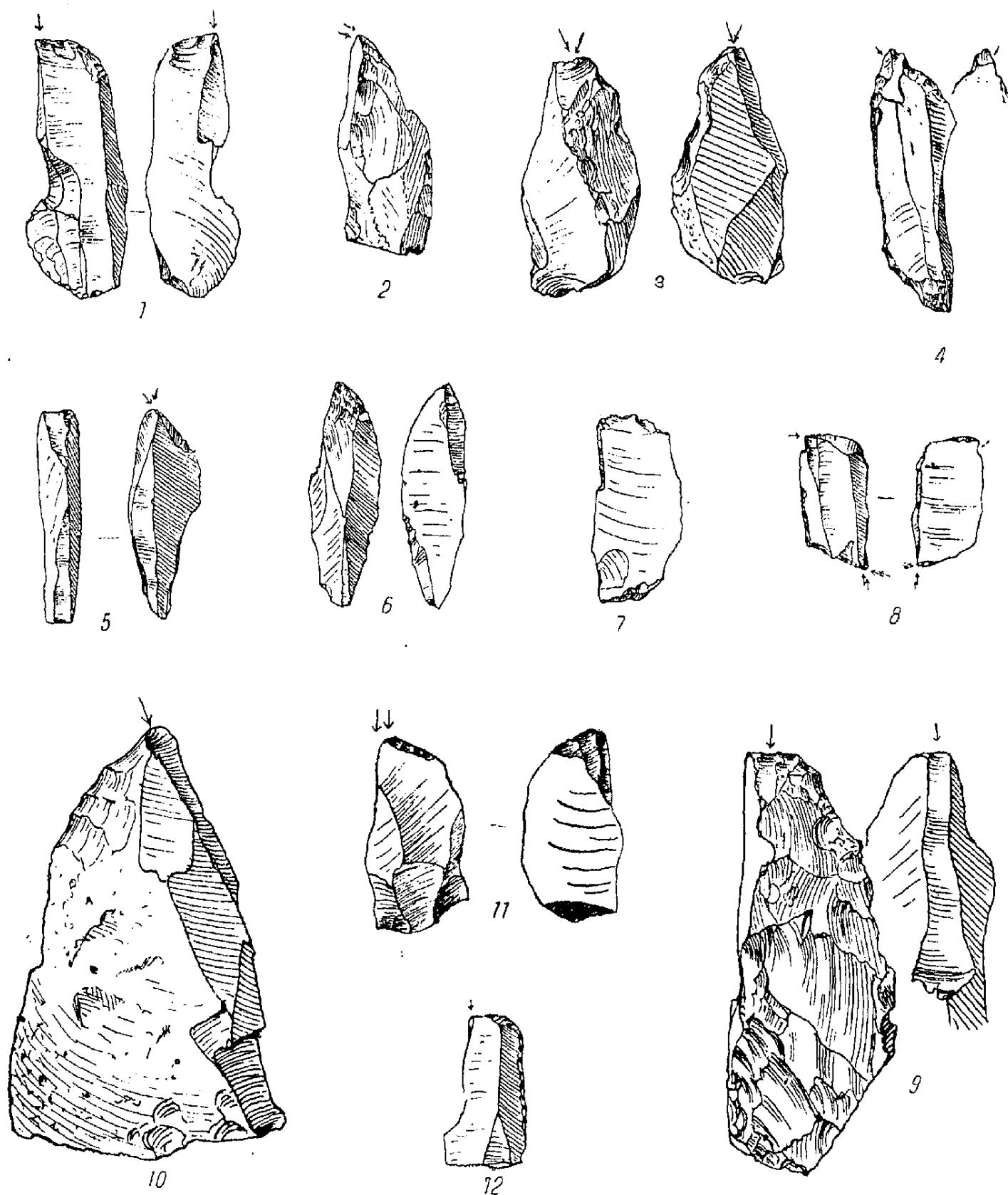
ТАБЛИЦА IV

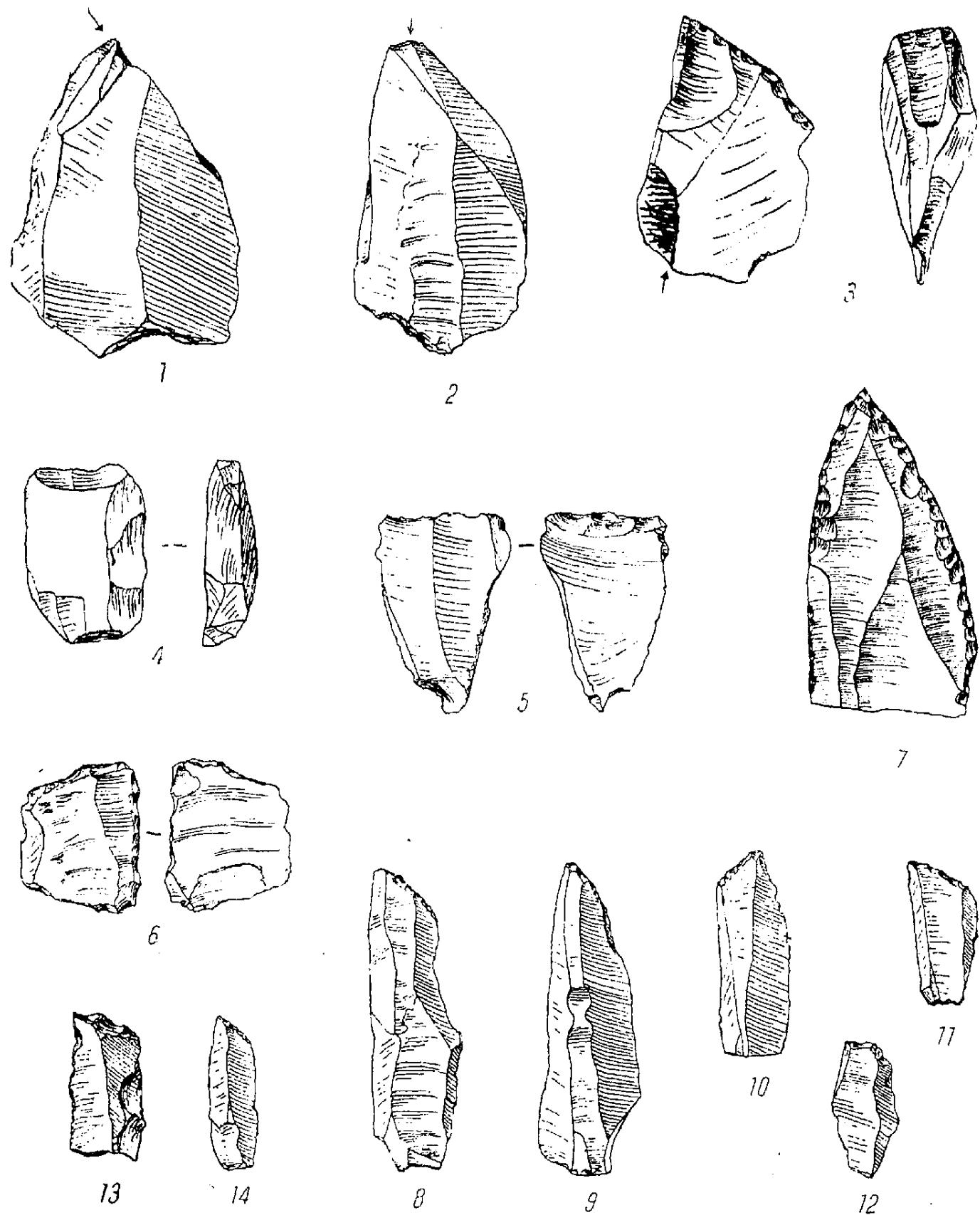
Кремневые орудия нижнего культурного слоя. Нат. вел.

I—10—резцы бокового типа; II—13—резцы среднего типа; 14—резец на углу сломанной пластинки.

ТАБЛИЦА V

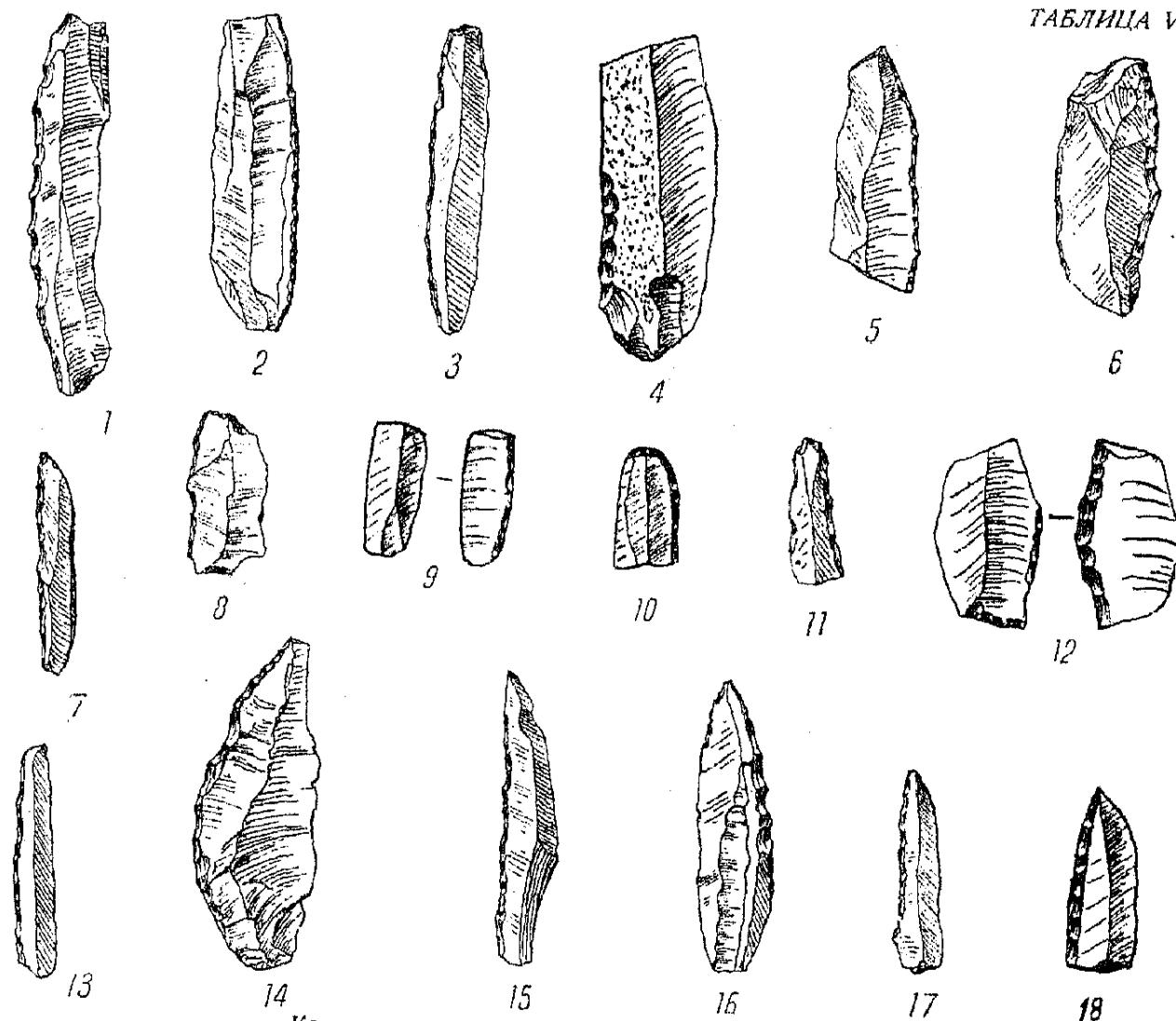

Резцы разных типов из нижнего культурного слоя. Нат. вел.

Кремневые орудия нижнего культурного слоя. Нат. вел.
1—3— массивные резцы; 4—7— единичные формы орудий; 8—14 — острия со скошенным концом.

ТАБЛИЦА VII

Кремневые орудия нижнего культурного слоя Нат. вел.
1—13—пластинки с затупленным краем; 14—18—острия с затупленным краем.

резцах выражаются также в мелких выщербинах, заметных у лезвия со стороны резцового скола.

Массивные долотовидные резцы, столь характерные для Костенок II и Костенок III, в нижнем горизонте Боршево II представлены лишь 10 экз. (табл. V, 9, 10). Да и о массивности их приходится говорить очень условно, так как их длина не превосходит 7 см, а толщина 1—1.5 см. Сколько-нибудь выраженный тип среди них отсутствует. Они представляют собой плитку или массивный отщеп кремня неправильных очертаний с долотовидным лезвием около 1 см шириной, полученным сочетанием резцовых сколов или же сколов и ретуши.

Такова наиболее многочисленная группа орудий нижнего горизонта Боршево II — резцы. Преобладание их над остальными группами орудий можно связывать с довольно развитой здесь обработкой кости, о которой мы будем говорить ниже.

В дальнейшем придется остановиться и на некоторых любопытных моментах, связанных с распределением резцов на площади стоянки.

Говоря о резцах, мы не упомянули еще о двух десятках небольших пластин и отщепов, имеющих по краю нехарактерный резцовый скол. Помимо резцов, в нижнем горизонте Боршево II было найдено около 100 экз. краевых отщепов резцов — отбросов производства последних. Они, как обычно, большей частью трехгранные, с ретушью или без ретуши по краю, длиной 2.5—3.5 см.

Небольшую группу орудий в нижнем горизонте Боршево II составляют острия. Их 15 экз. (табл. VI, 8—14). Это небольшие правильные пластинки (2.5—5 см длины, 0.5—1 см ширины) с параллельным огранением. Конец их скошен или дугообразно изогнут и образует острый угол с одним из краев пластиинки. Он отретуширован мелкой тщательной ретушью, напоминающей ретушь боковых резцов, но несколько менее крутой.

В большинстве случаев это левый угол, как и у боковых резцов. Здесь только отсутствует резцовый скол и налицо более плоская ретушь. Неотретушированный край пластины имеет легкие выщербины — следы сработанности, а также заполирован-

ность. Последняя бывает заметна при сильном увеличении и на отретушированном конце. Описанные остряя могли быть режущими орудиями наподобие остряй типа Шательперрон.

Пластинок и остряй с затупленным краем 35 экз. (табл. VII). Это узкие тонкие пластинки с правильным параллельным ограничением. Длина их 2—4.8 см, ширина 0.5—1 см. По одному краю их идет тщательная крутая ретушь. Иногда край этот прямой и параллелен противоположному краю, тоже в некоторых случаях несущему легкую подретушовку. В этом случае мы имеем дело с пластинками с затупленным краем. Конец их (или оба конца) нередко обломан. Иногда же отретушированный край дугообразно изогнут и формует острие с затупленным краем. Край, противоположный отретушированному, имеет заметные выщербинки и заполированность. Очевидно, неотретушированным краем и производилась работа (резанье), в то время как затупленный край вставлялся в рукоятку. Один экземпляр тонкий, симметрично заостряющийся, имеет ретушь по обоим краям: с одного края более крутую, с другого более мелкую и приостряющую. Может быть это наконечник.

Мы перечислили основные типы орудий нижнего горизонта Боршево II. Теперь остановимся на нескольких единичных орудиях, происходящих оттуда же. Они не образуют серий, но все же представляют известный интерес.

Пять орудий изготовлены из небольших нуклевидных кусков кремня, не превышающих 5 см в поперечнике, и имеют округлое, очень крутое лезвие, обработанное узкими пластинчатыми стесами и выщербинками; это форма, приближающаяся к скобелю (*gabot*) (табл. VI, 3). Четыре довольно толстых отщепа имеют на одном конце лезвие резца. Другой конец слегка вогнут и обработан ретушью или легкой подтеской с брюшком. Таким образом получено острое вогнутое лезвие (табл. VI, 4, 5). Эта форма напоминает *pièces écaillées*, а также известные в Костенках I пластины с выемкой на конце, полученной с помощью ретуши с брюшком.

Один срединный резец имеет по брюшку ряд далеко находящих фасеток, полученных в результате легкой отжимной ретуши.

Три боковых резца на узких пластинках обычного для нижнего горизонта Боршево II типа. Их отретушированный дугообразно изогнутый конец имеет с брюшком легкие стесы, напоминающие *pièces écaillées*. В нижнем горизонте Боршево II типичные *pièces écaillées*, как и проколки, отсутствуют.

Часть пластинки, имеющая правильную форму трапеции. Основание и два боковых края этой трапеции покрыты крутой ре-

тушью; с одного края она имеет стесы с брюшком (табл. VI, 6). Орудие это стоит совершенно особняком среди кремневого инвентаря нижнего горизонта Боршево II.

Обломок правильной листовидной заостренной пластины (5.5 см длиной), тщательно кругом отретушированной. Обломок этот напоминает наконечник кошья (табл. VI, 7).

Четыре массивных отщепа-плитки светло-желтого кремня плохого качества.

Первый экземпляр представляет собой удлиненный отщеп, закругленный на одном конце и неровно заостряющийся по направлению к другому. Длина его 12 см; ширина у основания 4 см. С обеих поверхностей он имеет стесы, так что спинку и брюшко различить нельзя. Цеппный край его довольно ровный, слегка выпуклый, слегка отретуширован приостряющей ретушью. Противоположный край неправильных очертаний и вторичной обработке не подвергался. Таким образом получено массивное режущее орудие наподобие мустерьского скребла.

Второй экземпляр представляет собой отщеп неправильных очертаний со стесами с обеих поверхностей. Размеры его 9 × 5 см. По краю на протяжении около 3.5 см правильная ретушь формует режущее лезвие с зазубринами.

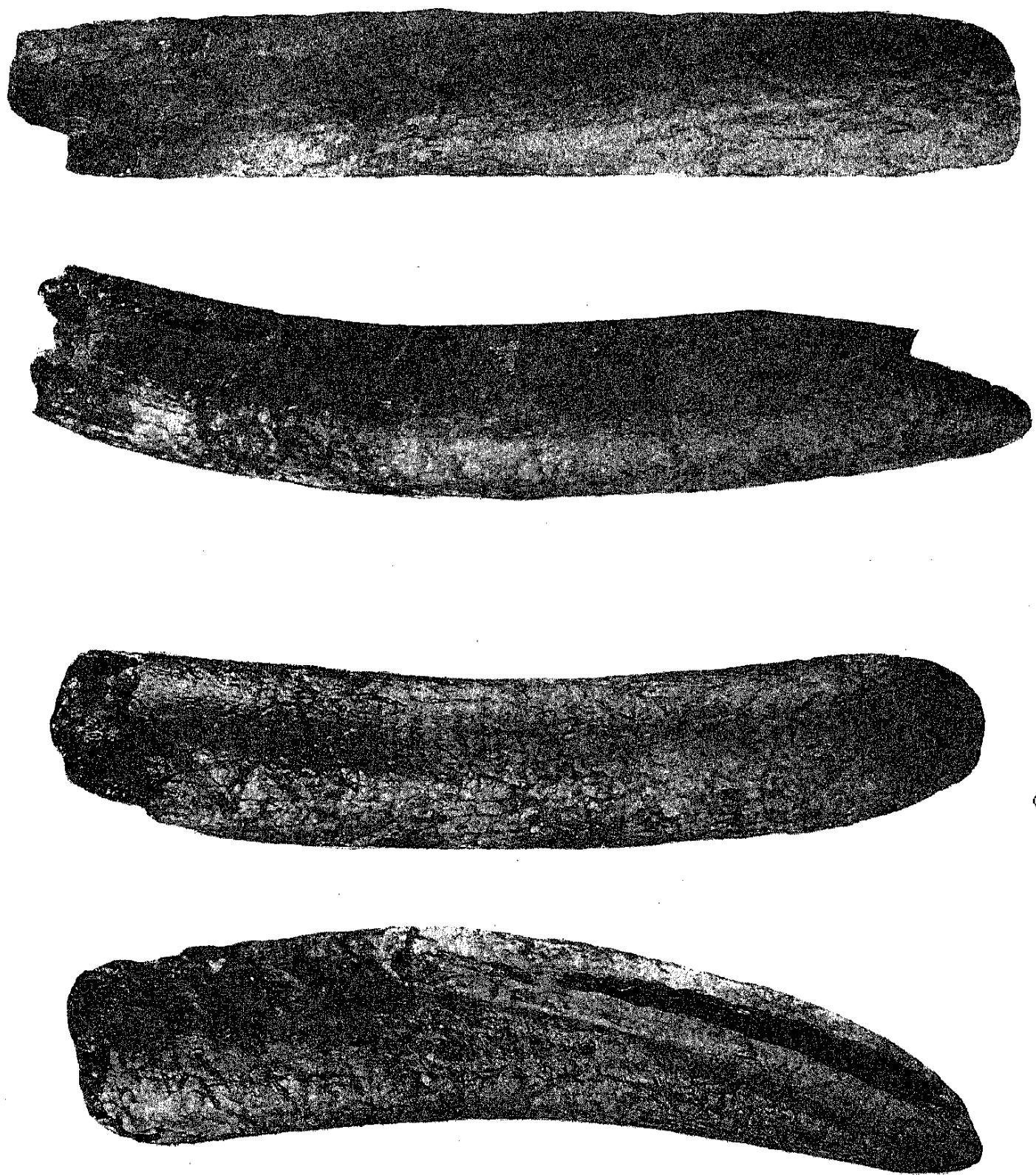
Третий экземпляр представляет собою отщеп или плитку размерами 9.5 × 7.5 см и 1—1.5 см толщины. Часть края отретуширована несколькими фасетками.

Четвертый экземпляр представляет собой отщеп размерами 7 × 6 см. По одному краю его заметны легкие выщербинки — следы подретушовки.

Описанные четыре орудия были обнаружены в северо-западной части раскопа 1936 г. Они представляют значительный интерес потому, что подтверждают факт наличия в верхнепалеолитических стоянках крупных орудий, предназначенных для резанья, а может быть и для рубки.

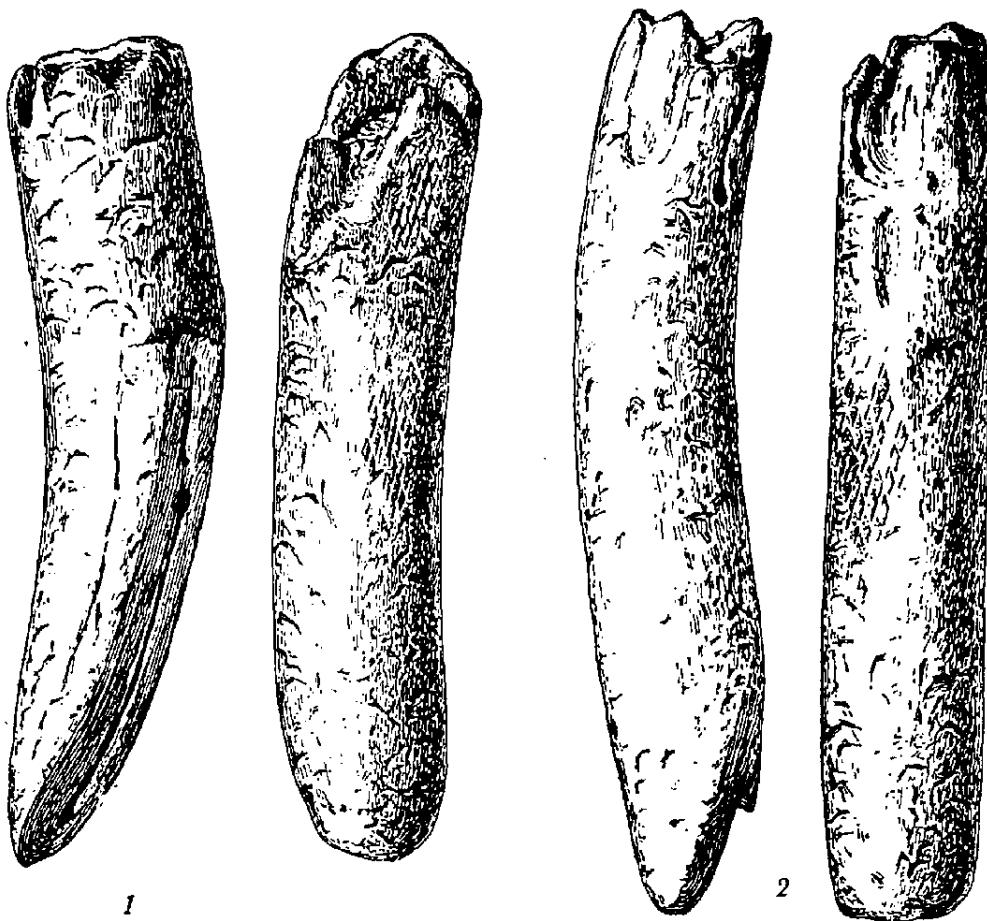
Таков кремневый инвентарь нижнего горизонта Боршево II. Даже если мы включим в общий подсчет мелкие осколки кремня, окажется, что отретушированные орудия составляют в нижнем горизонте свыше 10% всего кремневого материала. Процент этот довольно велик. Он позволяет предполагать, что стоянка Боршево II в период образования нижнего культурного слоя не была мастерской — местом, где обрабатывались желваки кремня и выделялись кремневые орудия. Об этом же свидетельствует почти полное отсутствие отбойников и небольшое количество найденных в стоянке нуклеусов.

Орудия могли изготавливаться на территории стоянки, но в сравнительно незначительном числе и по преимуществу из принесен-

Орнаментированные костяные мотыги (нат. вел.).

ТАБЛИЦА IX

Орнаментированные костяные мотыги (прорисовка). Ок. $\frac{2}{3}$ нат. вел.

ных кремневых заготовок (пластин и отщепов).¹

Мы охарактеризовали кремневый инвентарь нижнего горизонта Боршево II. Остановимся на костяных орудиях.

Семь шильев из заячьих костей. Они носят следы незначительной обработки и довольно примитивны. Длина их 6—8 см. Они плоские и приготовлены из расколотых трубчатых костей. Один их конец равномерно заострен и отточен. Противоположный конец сохраняет следы эпифиза. Эта форма шильев распространена в ряде верхнепалеолитических стоянок; в частности они характерны для Гонцовской стоянки. Кроме того, здесь была найдена незаконченная костяная игла — очень правильная и тонкая, но без ушка, а также пластинки из бивня мамонта, очевидно заготовки для изделий.² Во время наших раскопок 1936 г. в нижнем горизонте Боршево II были найдены два интересных орнаментированных костяных орудия, попол-

няющие наши представления о верхнепалеолитическом костяном инвентаре (табл. VIII и IX).

Оба эти орудия изготовлены из оленевого рога. По всей вероятности это рог северного оленя. Первое из них представляет собой слегка изогнутый отрезок оленевого рога 15.5 см длиной и 3—3.5 см в поперечном сечении.

Лишь около трети длины этого отрезка сохранило свою первоначальную форму. Остальные две трети косо срезаны с наружной, выпуклой стороны рога. Поверхность среза слегка выпуклая, ровная, правильная и заглаженная. Срезом раскрыта полая внутренность рога. Края среза ровные и правильные. Конец образует, сходясь с вогнутой стороной рога, правильное, тщательно заточенное полукруглое лезвие — лезвие мотыги или тесла. У лезвия заметны ясные следы заполированности. Противоположный конец специальной обработке не подвергался.

Второе орудие также представляет собою слегка изогнутый отрезок оленевого рога 16.5 см длины и 2.5—3 см в поперечном сечении. Один конец его косо срезан в целях получения рабочего лезвия, но срез занимает не $\frac{2}{3}$ длины орудия, как у первого экземпляра, а лишь около одной четверти его длины. Срез идет не от наружной выпуклой стороны рога к вогнутой внутренней,

¹ Ср. пропорцию орудий среди кремней в нижнем горизонте Боршево II с материалами стоянки Пушкари I (раскопки 1937 г.), где на 15 000 экз. кремня приходится лишь 2% орудий и 2% нуклеусов (то же Костенки IV, Шан-коба и т. д.).

² Костяные орудия нижнего горизонта Боршево II, происходящие из раскопок до 1929 г. включительно, описаны (без рисунков) в указанной работе П. П. Ефименко «Палеолитические стоянки восточно-европейской равнины» (стр. 110).

а от вогнутой внутренней — к выпуклой наружной. Таким образом и само орудие и его лезвие оказываются изогнутыми в противоположную сторону по сравнению с первым орудием. Самый срез является у второго орудия менее правильным и менее тщательно сделанным и лезвие носит иной характер, будучи слегка вогнутым, подобно круглым долотам (*gouges*). Это также, очевидно, мотыга или тесло. Противоположный конец, как и у первого экземпляра, имеет кругом следы срезов.

Оба орудия орнаментированы нарезкой. Орнамент, к сожалению, очень плохо сохранился и прослеживается лишь на части поверхности орудий. Орнамент представляет собою сетку из небольших, вытянутых по направлению длины орудия, ромбов.

У первого орудия орнамент сосредоточен на вогнутой поверхности, а у второго на выпуклой (мы указывали выше, что оба орудия изогнуты в противоположные стороны). У обоих орудий орнамент сохранился в их средней и верхней (примыкающей к рукоятке) части. Можно предположить, что первоначально орнамент покрывал от одной трети до половины поверхности каждого орудия.

Описанные орудия имеют сходство с мотыгами из бивня мамонта, найденными в стоянке Костенки I в 1931, 1933 и последующих годах.¹ Однако костенковские мотыги отличаются от боршевских как формой и материалом, из которого они приготовлены, так и совершенно иной орнаментацией. Некоторые аналогии боршевским мотыгам представляют и долота из оленевого рога, происходящие из Мальтинской палеолитической стоянки.²

Делажем издан цилиндрический, полый внутри костяной объект, происходящий из убежища Реверди, которое он датирует ранним мадленом.³ Длина этого объекта около 14 см при 3 см в поперечнике. Он слегка изогнут и один конец его обработан. Делаж рассмотривает его как рукоятку орудия-вкладыша. Объект этот имеет значительное сходство со второй боршевской мотыгой.

Напоминает боршевские мотыги и изданный Р. Шмидтом отрезок рога северного оленя с косо срезанным, закругленным долотообразным концом. Длина его около 16 см, а поперечник около 3 см. В отличие от боршевских мотыг он прямой, не изогнутый и напоминает тем самым мальтинские

¹ П. П. Ефименко. Костенки I. Сообщ. ГАИМК, Лгр., 1931, № 11/12. — Он же. Итоги работы в Костенках. Проблемы ист. докапит. общ., Лгр., 1934, № 4.

² М. М. Герасимов. Мальта, палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931, стр. 14.

³ F. Delage. Les roches de Sergeac (Dordogne). L'Anthropologie, 1935, № 11, стр. 300, рис. 11.

долота. Он происходит из известной мадленской стоянки Таинген (Кеслерлох).⁴ Оттуда происходит и другой подобный экземпляр.⁵ Сюда же примыкают долота из оленевого рога, происходящие из мадленской пещеры Петерсфельс, находящейся в 15 км от Таинген.⁶ Длина их от 7 до 16 см. Общие очертания их очень напоминают долото из Таинген и несколько — вторую боршевскую мотыгу. Как и долото из Таинген, они не орнаментированы. Наконец аналогичный экземпляр происходит и из Фриденталя.⁷

Известен происходящий из Предмоста олений рог с заостренным нижним отростком. Предполагается, что он мог служить мотыгой или киркой.⁸

Каково назначение боршевских мотыг? По своим размерам они значительно превосходят узкие костяные долота и заостренные палочки, распространенные в ряде верхнепалеолитических стоянок Западной Европы. Понять их назначение помогает нам привлечение сравнительного этнографического материала. У ряда племен Крайнего Севера распространены мотыги и кирки, очень сходные с боршевскими.

У чукчей в XIX в. была распространена мотыга или кирка для копанья, состоящая из деревянной рукоятки, к концу которой с помощью ремней привязано идущее под прямым углом к рукоятке костяное, слегка изогнутое долотовидное острие.⁹ Рабочий конец острия уплощенный, долотовидный, полукруглый. Мотыги описанного типа употреблялись женщинами для выкапывания летом из земли дикорастущих съедобных корней, которыми питались чукчи. С этой же целью с помощью мотыг разрывались норы мышей, содержащие запасы съедобных корней. Мотыги также употреблялись приморскими чукчами при постройке их зимних жилищ для выкапывания лишней земли и для выравнивания места, на котором будет стоять жилище.

У соседей чукчей коряков в XIX в. бытоваля сходная с чукотской костяная мотыга, также употреблявшаяся женщинами для вы-

¹ R. Schmidt. Die diluviale Vorzeit Deutschlands. Stuttgart, 1912, табл. XXX, 9. ранее он был издан Мерром (K. Merck. Der Höhlenfund im Kesslerloch bei Thaingen. Zürich, 1875, табл. V, 44).

² Heierli. Das Kesslerloch bei Thaingen. 1907, табл. XX, рис. 7.

³ E. Peters. Die altsteinzeitliche Kulturstätte Petersfels. 1930, табл. XXII.

⁴ H. Karsten. Studie der Urgeschichte des Menschen in einer Höhle des Schaffhauser Jura. Zürich, 1874.

⁵ H. Breuil. Notes de voyage paléolithique en Europe Centrale. L'Anthropologie, т. XXXIV.

⁶ W. Bogoras. The Chukchee. P. I. Material culture. Mem. of the Amer. Mus. of Nat. Hist., т. VII, 1904, стр. 170, 178, 198. — В. Г. Богораз. Очерк материального быта оленевых чукчей. Сборн. Музея антропол. и этногр., II, 1901. — В. Г. Богораз. Краткий путеводитель по выставке „Чукотское общество“. 1934, стр. 11.

кальвания съедобных корней.¹ Мотыга коряков, в отличие от чукотской, состоит из сильно изогнутой деревянной рукоятки, на конце которой не под прямым углом к ней, а в качестве ее продолжения, привязано ремнями костяное, тоже изогнутое острие.

У ряда племен эскимосов описаны костяные мотыги, сходные с чукотскими и корякскими. Их лезвие сделано из кости или из моржовых клыков. Они употребляются для выкапывания растительной пищи, а в некоторых случаях для рытья земли (особенно промерзлой) при сооружении жилищ.² У некоторых из них лезвие имеет отверстия, через которые проходят ремни, привязывающие его к рукоятке. Но часто отверстия отсутствуют, так что орудие очень близко напоминает палеолитические экземпляры.

Большое сходство с боршевскими мотыгами имеют кирки, с помощью которых делают проруби во льду для рыбной ловли, для помещения сетей и т. п. Кирки эти являются весьма распространенным орудием у эскимосов.³ Такая кирка состоит из деревянной рукоятки 1—2 м длиной. К концу ее с помощью ремней привязано острие. Острие привязано не под прямым углом к рукоятке, как это мы видели у вышеописанных мотыг, а составляет ее прямое продолжение (по типу пешни). Острие кирки обычно делается из оленевого рога (как и боршевские мотыги), который, в отличие от клыков моржей, эластичен и не ломается. Длина острия — от 12 до 30 см. Олений рог, из которого сделано острие, обычно расколот или косо срезан наподобие боршевских мотыг. Нередко кирка для льда прикреплена на противоположном конце гарпуна.⁴ С помощью таких кирок эскимосы прорубают проруби 18—20 см в попечнике; толщина прорубаемого льда достигает нескольких футов.

Приведенные этнографические материалы помогают нам понять назначение боршевских мотыг. Скорее всего они были кирками для прорубания льда наподобие эскимосских. Обитатели Боршевской стоянки жили на берегу водного бассейна и, несомненно, нуждались в такого рода орудиях, в частности для рыболовства. Не исключена возмож-

¹ W. Jochelson, The Koryak. Mem. of the Amer. Mus. of Nat. Hist., t. VI, ч. II, 1908, стр. 577.

² Nelson. The Eskimo about Bering Strait. Smithsonian Inst., Bureau of Amer. Ethnol., Annual Report, 18, стр. 75.—J. Murdoch. Ethnological Results of the Point Barrow Expedition. Smiths. Inst., Bureau of Amer. Ethnol., Annual Report, 9, 1887—1888, стр. 302—304.

³ Nelson, ук. соч., стр. 174—175.—Murdoch, ук. соч., стр. 307—308.—Jenness. The Life of the Copper Eskimos. Report of the Canadian Arctic Exped. 1913—1918, вып. XII, 1922, стр. 153.—Birket-Smith. The Caribou Eskimos, ч. I, 1929, стр. 122.

⁴ Murdoch, ук. соч., стр. 231—233.—Birket-Smith, ук. соч., ч. II, 1929, стр. 109.—К. Рассумуссен. Великий санный путь. Лгр., 1935, стр. 178.

ность, что боршевские мотыги служили и для выкапывания растительной пищи подобно мотыгам чукчей, коряков и эскимосов.

В настоящее время трудно сделать выбор между этими двумя предполагаемыми их назначениями. Не исключена возможность и иного их назначения. Заслуживает внимания тот факт, что боршевские орудия, в отличие от вышеописанных мотыг и кирок чукчей, коряков и эскимосов, орнаментированы. Может быть это свидетельствует о том, что их не насаживали на конец древка, а просто держали в руке. О возможности последнего свидетельствует и изогнутая форма боршевских орудий, хорошо приспособленная для захвата их рукой.

Большой интерес представляет орнамент боршевских мотыг. Он сильно напоминает орнамент на одной костяной поделке из Тимоновки, опубликованной В. А. Городцовым.¹

Большой интерес представляет орнамент покрывающим костяную пластинку из Елисеевичей (рыбья чешуя). Большое сходство с орнаментальными мотыгами нижнего горизонта Боршево II обнаруживает Мезин.

В мезинском искусстве очень распространены ромбы.²

Характерно, что хорошо известное искусство Костенок I сильно отличается от орнаментальных мотивов Боршево II.

В Западной Европе ближе всего к искусству Боршево II стоит искусство Предмоста, для которого также характерны сплошные площади, занятые угловатыми геометрическими фигурами.³

Значительные аналогии орнаменту боршевских мотыг мы находим и в мадленском искусстве Франции.

Прежде всего следует назвать известную пещеру Ложери Басс, относящуюся к развитому мадлену и содержащую, на ряду с реалистическими рисунками, большое число образцов геометрического орнамента. Жиро и Массна издан целый ряд костяных изделий из Ложери Басс, с нанесенным на них нарезным геометрическим орнаментом, близко напоминающим то, что мы видим в нижнем горизонте Боршево II, в Тимоновке, Елисеевичах, Мезине и Предмосте.⁴

Сходные орнаментальные мотивы вообще широко распространены в развитом мадлене

¹ В. А. Городцов. Социально-экономический строй древних обитателей Тимоновской палеолитической стоянки. Сов. этногр., 1935, вып. 3, стр. 10.

² Мезин. Киев, 1931, табл. XII, XIV, XVII—XIX, XXII, XXIV.

³ M. Hoernes. Der diluviale Mensch in Europa. Braunschweig, 1903, стр. 143.

⁴ P. Girod et E. Massenat. Les stations de l'âge de renne dans les vallées de la Vezère et de la Corrèze. 1900, табл. VI, 4, 7, 8, 9, 11, 13; табл. VII, 11; табл. IX, 2, 5, 11; табл. XIX, 5; табл. XXVII, 5а, 5в; табл. XLII, 4; табл. LXXIV, 6.

Ложери От, Плакар, Марсулас, Брюникель, Раймонден, Ла Мадлен и ряда других стоянок.¹

Это сходство орнаментальных мотивов, широко прослеживаемое, преимущественно в мадленских стоянках от Боршево II на востоке до Ложери Басс на западе, объясняется, разумеется, не миграциями «носителей орнаментальных мотивов» и не их влиянием друг на друга. Мы имеем дело с обычным в верхнем палеолите явлением синдиальности. Сходство орнаментальных мотивов, вообще сходство искусства мадленцев востока и запада Европы обусловлено сходством их мышления.

В настоящей работе, посвященной анализу одного памятника, не представляется возможным специально остановиться на этих идеологических представлениях. Отметим лишь, что в связи с возникновением в верхнем палеолите новой, более развитой общественности расширяется кругозор человеческой группы, в него начинают входить и астрально-космические явления.² Отражением этих представлений и являются, вероятно, перечисленные памятники искусства.

Отмеченные аналогии позволяют нам в дальнейшем сделать некоторые выводы и по вопросу о датировке нижнего горизонта Боршево II.

Мы охарактеризовали каменные и костяные орудия нижнего горизонта Боршево II. Следует сказать несколько слов об оставленном найденном в культурном слое инвентаре.

Несколько плиток темнозеленого сланца. Они небольших размеров, не превышают 7 см в попечнике. На их поверхности заметны следы использования их в качестве наковаленок и отжимников. Первый экземпляр представляет собой обломок плитки неправильных очертаний со средними размерами 4×4 см при 0.8 см толщины. На одной его поверхности с обоих краев заметны следы утилизации. С одного края это многочисленные мелкие выщербинки, следы отжима. С другого края это многочисленные штрихи, имеющие одно направление. Вероятно плитка служила для отделения пластин от нуклеуса с помощью отжима или же в нее упирались нуклеусы и пластины при их обработке. Использование ее в качестве отжимника более вероятно, так как следы утилизации сосредоточены не в ее средней части, а по краям. Противоположная поверхность плитки носит такие же следы. Один край плитки имеет следы распила.

¹ H. Breuil et R. de Saint-Périer. Les poissons, les batraciens et les reptiles dans l'art quaternaire. Arch. de l'Inst. de Paléontol. Humaine, Mém. 2, 1927, рис. 21, 23, 25, 26, 27, 55, 71, 72.

² На это нам уже приходилось указывать в работе «Исторические предпосылки оформления так наз. „Homo sapiens“» (Проблемы ист. докапит. общ., 1935, № 5–6, стр. 34).

Второй экземпляр также неправильных очертаний, 7 см длиной. Явные следы утилизации он имеет лишь с одной поверхности. Они также сосредоточены у обоих концов плитки и состоят, как и у первого экземпляра, из выщербинок и идущих в одном направлении штрихов. Очевидно, и вторая плитка служила отжимником.

Третий экземпляр, достигающий 1.3 см толщины, имеет на одной поверхности легкое заглаженное углубление 4 см длины и 1.5 см ширины. Оно могло служить для натачивания костяных орудий. Никаких следов краски оно не сохранило.

Из нижнего горизонта происходит около 15 расколотых кусков сферосидерита, возможно использовавшегося для получения из него красящего вещества. Найдено много мелких обломков красного и желтого минерального красящего вещества. Один кусок желтой краски выделяется своими размерами; его длина 7 см при попечнике в 5 см. Один фрагмент раковины был наполнен порошком минеральной краски.

Кроме остатков краски найдено много угольков и золы, а также значительное количество расколотых и целых (в некоторых случаях обожженных) костей животных.

Фауна нижнего горизонта Боршево II по материалам раскопок 1923 г. включает следующие виды (фаунистические материалы из раскопок 1929 г. не определены): мамонт — *Elephas primigenius* (много), лошадь — *Equus caballus* (много), заяц — *Lepus* sp. (много), северный олень — *Rangifer tarandus*, россомаха — *Gulo borealis*, волк — *Canis lupus*, лисица — *Vulpes vulpes*. Кроме того, *Cervus* sp. и 2 обломка клыка мелкого хищника.

Остановимся на характере культурного слоя и на распространении в нем культурных остатков. Как мы уже указывали, нижний культурный слой залегает в глинистой супеси на глубине от 20 до 60 см ниже слоя погребенного гумуса. В верхней части стоянки, где нижний культурный слой лучше выражен, он представляет собой цепь углистых прослоек и гнезд, тянущихся в одну линию, но волнообразно переслаивающихся и выклинивающихся. Углистые прослойки тонки и содержат в небольшом количестве кости (особенно зайца, мамонта и лошади), кремни и кусочки охры. В некоторых местах углистые прослойки утолщаются и содержат больше находок. Они содержат, в частности, кости лапок зайцев, которые, видимо, бросались человеком как части, не пригодные в пищу.¹

Лишь два метровых квадрата (раскопы XIV и XVI, 1929) содержат по 50 осколков

¹ П. П. Ефименко. Дородовое общество, стр. 445—446.

кремня. Семь квадратов содержат примерно по 20 осколков кремня каждый. В остальных же квадратах количество кремня не превосходит 10 экземпляров в каждом. Количество костей в каждом квадрате тоже невелико (за исключением утолщений). Характер культурного слоя позволяет предполагать, что он был сильно размыт.

В нижней части стоянки нижний культурный слой представлен еще слабее. На большей части раскопанной здесь площади можно говорить не о культурном слое, а лишь о горизонте залегания в глинистой супеси отдельных изолированных кремней и костей (главным образом мамонта). На один квадратный метр приходится в нижней части стоянки 1—2 кремня. Кое-где лишь в этом горизонте находки культурных остатков приурочены к небольшим темным углистым прослойкам. В нижней части стоянки находки нижнего культурного горизонта залегают на глубине 20—40 см ниже погребенного гумуса, к которому здесь приурочен верхний культурный слой. Отдельные кости мамонта, принадлежащие нижнему культурному слою, выходят в верхний культурный слой.

Только в двух местах в нижней части стоянки были обнаружены более интенсивные скопления культурных остатков нижнего горизонта.

Это квадраты 33—36 и 62—64 раскопа 1936 г.

В этой части стоянки культурные остатки нижнего горизонта тянутся очень далеко по берегу Дона, на всем протяжении раскопа 1936 г., длина которого равнялась 80 м. В глубь же берега они не уходят здесь дальше чем на 13 м.

В верхней части стоянки культурные остатки тянутся примерно на 20 м по берегу Дона, на всем протяжении раскопов 1923, 1925 и 1929 гг. В глубь от берега они уходят также всего на 10—12 м.

Таким образом находки нижнего культурного слоя тянутся по берегу Дона длинной узкой полосой около 115 м длиной и 10—13 м шириной. Верхняя по течению Дона граница этой полосы определена производившимися по берегу зачистками. Нижняя же граница полосы точно не определена. Возможно, что полоса тянется вниз по Дону и за пределы раскопа 1936 г.

Таким образом цифра 115 м является несколько преуменьшенной. Ширина же нижнего культурного слоя по направлению от Дона в глубь берега хорошо прослеживается в ряде раскопов и шурфов.

Можно предполагать, что первоначально эта полоса была значительно более широкой, но затем была смыта в реку. На этой большой площади (свыше 1000 кв. м) помимо занимающих ее основную часть от-

дельных изолированных находок прослеживаются три довольно интенсивных скопления культурных остатков (рис. 3).

Первое — в верхней части стоянки, второе и третье — в нижней ее части. Скопления эти отличаются друг от друга как по размерам, так и по характеру сделанных в них находок культурных остатков.

Первое скопление (в верхней части стоянки) имеет около 16 м длины (по течению Дона) и около 10 м ширины (в глубь берега). Точные его границы установить трудно, так как находки постепенно сходят на нет. Кроме того северо-западная его часть уходит в стену раскопа. Скопление это наиболее крупных размеров. К нему приурочены находки зольных прослоек, угольков, костей и кремней. Квадраты насыщены культурными остатками не очень сильно. Как мы уже указывали, лишь несколько квадратов содержат до 20 кремней каждый. Большая же часть квадратов содержит по 10 кремней каждый и немного костей. Наиболее насыщенные культурными остатками квадраты расположены на всем протяжении 16-метровой длины скопления, но в средней его полосе в нескольких метрах от берега. Описание первого скопления мы уже дали, говоря о характере залегания нижнего культурного слоя в верхней по течению Дона части стоянки.

Из первого скопления происходит около 120 кремневых орудий, в том числе около 40 скребков, около 46 резцов и около 30 других форм (считая и нуклеусы). Найдено также 25 краевых отщепков резцов. Эта пропорция сильно отличается от приведенной нами выше общей пропорции орудий нижнего горизонта. Мы помним, что при общем подсчете в нижнем горизонте Боршево II оказывается резцов в $3\frac{1}{2}$ раза больше, чем скребков. Все семь вышеописанных костяных шильев также происходят из первого скопления.

Второе скопление культурных остатков расположено в нижней части стоянки на 62—64-м квадратах раскопа 1936 г. Оно находится примерно на таком же расстоянии от берега Дона, как и первое скопление. На протяжении 30 м, отделяющих второе скопление от первого (около двух третей этой полосы было вскрыто при раскопках), в нижнем горизонте залегают лишь отдельные редкие изолированные кремни и кости.

Второе скопление значительно меньших размеров по сравнению с первым. Длина его (по течению Дона) около 4 м, ширина (в глубь берега) около 4 м. Оно постепенно сходит на нет. Четкие его границы проследить не удается. Кроме того, с одной стороны оно уходит в стенку раскопа.

Для второго скопления характерно значительное количество золы (скопление окра-

шено в черно-серый цвет; ряд кремней, происходящих из скопления, пережжен), куски красной краски, небольшое количество костей и сильная насыщенность кремнем. Насыщенность эта значительно превосходит насыщенность кремнем первого скопления. На площади около 16 кв. м найдено свыше 1500 кремней и в том числе 68 орудий. Любопытна пропорция орудий во втором скоплении. В нем найдено 3 скребка, 48 резцов, 15 отретушированных пластин и 2 нуклеуса. Найдено также 30 краевых отщепов резцов. Картина — резко отличающаяся от описанной нами в первом скоплении. Одна из сланцевых плиток-отжимников также происходит из второго скопления. Из части раскопа 1936 г., примыкающей ко второму скоплению, происходят и четыре описанных выше кремневых орудия, выделяющихся своими крупными размерами.

Очевидно, второе скопление имеет совершенно иной характер и совершенно иное бытовое назначение, нежели первое. Помимо пропорции орудий обращает на себя внимание во втором скоплении очень большое количество мелких чешуек кремня.

Третье скопление культурных остатков нижнего горизонта также расположено в нижней части стоянки и отделено 25 м от второго скопления. Его расстояние от берега примерно то же, что и первых двух скоплений.

На площади, отделяющей его от второго скопления (вся эта площадь была раскопана), залегают лишь отдельные изолированные кости (главным образом мамонта) и кремни.

Длина третьего скопления около 5 м; ширина его (в глубь берега от Дона) около 9 м. Точные его границы очертить трудно. Оно включает ряд костей мамонта, золу, угольки, краску и значительное количество кремня (около 500 экз.). В нем обнаружен обрезанный на конце бивень мамонта, составлявший одно целое с примыкавшей к нему частью черепа мамонта, 6 мамонтовых зубов и несколько других крупных костей мамонта — лопатка, часть таза, расколотые трубчатые кости и т. д. Вероятно, череп мамонта вместе с бивнем был целиком принесен на стоянку и затем уже бивень подвергся некоторой обработке. Кости окружены интенсивным скоплением золы и мелких угольков, содержащим и кремни. В частности, несколько кремней лежало под бивнем мамонта.

Кремней в третьем скоплении значительно меньше, чем во втором, хотя по своим размерам оно превосходит второе. Однако здесь значительно больший процент принадлежит кремневым орудиям. На общее число около 500 кремней в третьем скоплении приходится 73 орудия, в то время как во втором

скоплении 65 орудий приходится примерно на 1500 кремней. Но пропорция различных типов орудий в третьем скоплении та же, что и во втором, и резко отличается от первого скопления. В третьем скоплении найдено 5 скребков, 54 резца, 10 пластинок с ретушью и 4 нуклеуса, а также описанная выше такая же, как во втором скоплении сланцевая плитка-отжимник. Найдено также 27 краевых отщепов резцов.

В третьем скоплении были найдены и два костяных орудия. Это вышеописанные орнаментированные мотыги из оленевого рога. Одна из них лежала возле бивня мамонта; другая же находилась на расстоянии около одного метра от первой у самого черепа мамонта. Для третьего скопления характерно большое количество краски. Отсюда происходит упоминавшийся выше кусок желтой краски, достигающий 7 см в поперечнике, а также плитка песчаника, сильно окрашенная красной краской. Отсюда же происходит большой окатанный булыжник размерами 9×8×4 см. Возможно, что с его помощью был разбит череп мамонта. Наконец, помимо мотыг, здесь был найден обломок оленевого рога, может быть получившийся при изготовлении мотыг.

За третьим скоплением ниже по течению Дона на протяжении оставшихся 30 м раскопа 1936 г. в глинистой супеси на уровне нижнего горизонта шли редкие изолированные находки костей и кремней.

Таков характер и планировка нижнего культурного слоя стоянки Боршево II на всей площади, вскрытой раскопками за ряд лет. Можно предположить, что первое скопление культурных остатков, наиболее крупное (площадь его около 160 кв. м) и содержащее наиболее разнообразный инвентарь, служило основным местом жилья обитателей стоянки. Здесь могли стоять наземные жилища, гореть костры; здесь могла поедаться пища и изготавливаться некоторые орудия.

Второе и третье скопления, как мы видели, резко отличаются от первого и по размерам и по характеру культурных остатков. Второе скопление, очень небольшое (около 20 кв. м), очень насыщенное кремнем, могло иметь производственное назначение. Малое количество нуклеусов, найденных на стоянке, и большой процент орудий среди кремня не позволяют предполагать, что стоянка была местом обработки кремня. Но изготовление отдельных орудий и, в частности, вторичная обработка заготовок кремня, их обивка и ретуширование могли иметь место на территории стоянки. Вероятно, второе скопление и было местом вторичной обработки кремня, местом изготовления орудия. Об этом свидетельствует очень большое количество найденных здесь от-

бросов кремня, в частности мелких чешуек. Большой процент резцов во втором скоплении можно объяснить тем, что на этом месте производилась и обработка кости. Последняя, как мы видели, была довольно развита у обитателей нижнего горизонта Боршево II.

Что касается третьего скопления, то здесь отбросов кремня немного. Наличие в скоплении ряда костей мамонта, а также наличие двух крупных костяных орудий позволяет предположить, что оно было по преимуществу местом обработки кости. Этим объясняется присутствие здесь среди кремневых орудий почти исключительно резцов — орудий обработки кости, а также обрезанного на конце бивня мамонта и обломка оленевого рога.

Из первого скопления происходят кости ряда видов животных, в том числе большое количество костей зайца. Из второго и третьего скоплений происходят почти исключительно кости мамонта. Этот факт можно связать с другим отмеченным нами выше фактом: различным распределением скребков и резцов. Вероятно, на территории первого скопления происходила обработка шкур животных, для чего применялись скребки, тогда как другой распространенный здесь вид орудия — резцы — встречается преимущественно в местах скопления костей мамонта. Это соображение является лишним подтверждением того, что первое скопление было территорией жилища или жилищ, в то время как второе и третье имели по преимуществу производственное назначение.

Заканчивая сравнение трех скоплений, отметим, что процент цветного кремня в первом скоплении значительно выше, чем во втором и в третьем. Если в первом скоплении около 25% цветного кремня, то во втором и третьем его лишь около 13%. При том во втором скоплении среди цветного кремня преобладает светло-желтый, а в третьем — коричневый и красный.

Все три скопления подвергались размыванию водами Дона. С этим можно связывать нечеткость их границ. Изолированные находки кремней и костей за пределами скоплений можно связывать тоже с действием размыва.

Нам предстоит остановиться на вопросе датировки нижнего горизонта. Для этого необходимо кратко охарактеризовать соотношение нижнего слоя со средним и верхним культурными слоями. Описание последних не входит в задачу настоящей работы. Мы остановимся здесь на нем очень кратко, лишь постольку, поскольку это необходимо для разрешения вопроса о датировке нижнего культурного слоя.

Средний культурный слой прослеживается лишь в верхней части стоянки. Тер-

ритория его распространения в горизонтальной плоскости в основном совпадает с территорией распространения первого скопления нижнего горизонта, лишь немногого превосходя последнюю. Средний культурный слой залегает в самой верхней части глинистой супеси и частично заходит в погребенный гумус. Он еще сильнее размыт, чем нижний культурный слой.

Фауна среднего горизонта представлена по преимуществу лошадью. Кроме костей лошади имеется немного костей мамонта и бизона.

Кремневый инвентарь среднего горизонта отличается от нижнего горизонта главным образом поделочным материалом. Здесь цветной кремень преобладает над темным меловым.

Типы кремневого инвентаря среднего горизонта очень близки к типам нижнего горизонта. Те же короткие скребки, многочисленные резцы небольших размеров (преобладают, как и в нижнем горизонте, резцы бокового типа), узкие правильные пластиночки с затупленным краем. Особенностью среднего горизонта является относительное обилие грубых нуклевидных резцов на кусках и плитках кремня, а также грубых, мало типичных нуклеусов. Эти особенности кремневого инвентаря среднего горизонта напоминают стоянки Костенки II и Костенки III того же района.

Из среднего горизонта происходит также найденный во время раскопок 1925 г. обломок кости с нарезным орнаментом. Орнамент состоит из чередующихся треугольников, обращенных попаременно вершиной вверх и вниз. В промежутках между треугольниками образуется идущая зигзагом полоса. Этот орнаментальный мотив вполне гармонирует с орнаментом описанных выше мотыг.

Верхний культурный слой стоянки Боршево II прослеживается лишь в нижней части стоянки. Он совпадает со слоем погребенного гумуса.

Фауна верхнего горизонта, по определению В. И. Громовой (по материалам раскопок 1936 г.), включает следующие виды: лошадь (около 90% всех костей), северный олень, волк, заяц, лось, бык, лисица и пещерная гиена. Мамонт совершенно отсутствует. В верхнем горизонте преобладает темный меловой кремень. Его здесь еще больший процент, чем в нижнем горизонте. Цветные кремни являются исключением. Кремень верхнего горизонта, как правило, патинизирован в значительно меньшей степени, чем кремень среднего и нижнего горизонтов.

Орудия, как и в нижнем горизонте, маленьких размеров. Они сделаны на узких правильных удлиненных пластинках и на коротких, тоже правильных сечениях пласти-

нок. Отметим большое количество скребков на коротких сечениях пластинок. Они отличаются от скребков нижнего горизонта большей правильностью своих очертаний. Есть также целый ряд округлых и коротких двойных скребочков геометризованных очертаний — в виде круга, прямоугольника и параллелограмма. Помимо скребков, из верхнего горизонта происходят резцы разных типов на правильных пластинках, типичные очень правильные острия с затупленным краем, так наз. типа клинка перочинного ножа, (*lames de canif*) и правильные нуклеусы.

Таков (в очень кратком изложении) кремневый инвентарь верхнего культурного слоя стоянки Боршево II. Датировка верхнего слоя из всех трех культурных слоев стоянки является наиболее бесспорной. В верхнем слое исчезает мамонт, известный из среднего и нижнего горизонтов, но в то же время продолжает существовать северный олень. Эта картина характерна для самого конца мадлена, когда вымирают сначала сибирский носорог, а затем мамонт и намечается переход к современной лесной фауне. Датировка верхнего слоя концом мадлена, вытекающая из анализа его фауны, подтверждается и анализом происходящего оттуда кремневого инвентаря. Уменьшение размеров орудий и их геометризация, наличие округлых и двойных геометризованных скребочков и острий в форме клинка перочинного ножа характерны именно для самого конца мадлена.

Минуя мало характерный средний горизонт, мы можем произвести непосредственное сравнение культурных остатков нижнего горизонта Боршево II с культурными остатками верхнего горизонта, возраст которых установлен. Наличие в нижнем горизонте костей мамонта уже говорит о более древнем возрасте нижнего горизонта. Кремневый инвентарь нижнего горизонта обнаруживает значительное сходство с кремневым инвентарем верхнего горизонта. Налицо те же малые размеры орудий и заготовок, их правильные очертания, обилие сечений пластин и коротких скребочков на сечениях пластин, маленькие узкие острия с затупленным краем. Но геометризованные короткие двойные скребочки, столь обильные в верхнем горизонте, представлены в нижнем горизонте лишь тремя экземплярами (5% всех скребков нижнего горизонта), да и то мало типичными. Короткие скребочки на сечениях пластин в нижнем горизонте имеют менее правильные очертания, чем в верхнем, и менее выдержаны по типу (представляют большее разнообразие неустановившихся форм). Острия с затупленным краем в верхнем горизонте имеют правильную устойчивую форму типа так наз. клинка перочинного ножа, характерную для конца мадлена. В нижнем горизонте отдель-

ные экземпляры острий с затупленным краем сильно варьируют, не представляя выдержанного типа, и в целом имеют менее правильные очертания.

Таким образом в нижнем горизонте Боршево II есть ряд признаков, конца мадлена, признаков уменьшения размеров орудий и зарождающейся их геометризации. Но эти признаки лишь начинают появляться. Нижний горизонт Боршево II можно относить, как это и сделано в работе П. П. Ефименко «Некоторые итоги изучения палеолита СССР»,¹ к середине мадлена, к началу второй половины мадлена. Это первое звено группы, завершающейся верхним горизонтом Боршево II.

Датировка нижнего горизонта Боршево II средним мадленом находит, как мы это уже видели, подкрепление в геологических наблюдениях Г. Ф. Мирчинка.

О большой близости во времени всех трех горизонтов Боршево II свидетельствует и решительное преобладание во всех трех горизонтах костей лошади. В течение всего времени существования стоянки обитатели ее были по преимуществу охотниками на лошадей. Возможно, с преобладанием охоты на лошадь было связано и продолжительное существование стоянки на одном и том же месте. Очевидно, формы хозяйства у обитателей всех трех горизонтов были довольно близки.

К нижнему горизонту Боршево II очень близок по времени средний горизонт. Происходящие оттуда кремневые орудия повторяют типы нижнего горизонта. Любопытно, что двойные геометризованные скребочки, обильные в верхнем горизонте и представленные тремя экземплярами в нижнем горизонте, совершенно не известны из среднего горизонта. Этот факт еще раз подчеркивает вопиющую неправильность датировки стоянок по отдельным, попадающимся, в виде исключения, единичным формам орудий.

Инвентарь среднего горизонта имеет и еще некоторые признаки, казалось бы тянувшие его во время более отдаленное, чем время нижнего горизонта. Это черты сходства его с более древними стоянками того же района — Костенками II и Костенками III. Черты сходства выражаются в обилии цветного кремня и грубых нуклевидных резцов.

Эти признаки отсутствуют в нижнем горизонте Боршево II, более близком по времени к Костенкам II и Костенкам III. Факт этот также подчеркивает, что наличие или отсутствие отдельных форм орудий часто имеет не хронологическое, а локальное и частное значение и связано со специфическими особенностями данной стоянки. Этот факт лишний раз свидетельствует о настоятельной

¹ Человек, № 1, 1928.

необходимости исследования многослойных памятников, так как лишь последние дают совершенно прочную опору для датировок.

Итак, нижний горизонт Боршево II можно отнести к началу второй половины мадлена. Ряд палеолитических стоянок СССР обнаруживает большое сходство с нижним горизонтом Боршево II и, видимо, близок к нему по времени.

Наиболее близок к инвентарю нижнего горизонта Боршево II инвентарь Тимоновской стоянки, раскопанной в 1928 г. М. В. Воеводским.¹ Для нее, как и для нижнего горизонта Боршево II, характерно обилие сечений пластин, малые размеры и правильные очертания орудий, наличие коротких скребочков на сечениях пластин. Над всеми орудиями преобладают резцы, большую часть которых составляют резцы бокового типа. Имеются и острия с отретушированным скошенным или дугообразно изогнутым концом — такие же, как в Боршево II. Воеводский считает их заготовками боковых резцов.

Значительное сходство с нижним горизонтом Боршево II обнаруживает и Гонцовская стоянка,² в фауне которой, как и в фауне нижнего горизонта Боршево II, преобладают мамонт и заяц (на ряду с северным оленем). В Гонцах найдены шилья, несколько напоминающие боршевские шилья из заячих костей; для кремневого инвентаря характерны малые размеры, правильные очертания и большое количество сечений пластин.

В Гонцах, как и в нижнем горизонте Боршево II, преобладают короткие скребочки на сечениях пластин и маленькие боковые резцы. Но в Гонцах налицо большое количество коротких двойных геометризованных скребочков и острий в виде клинка перочинного ножа. И то и другое характерно для верхнего горизонта Боршево II и свидетельствует о том, что Гонцы относятся к более позднему времени, чем нижний горизонт Боршево II. В то же время присутствие в Гонцах в большом количестве костей мамонта свидетельствует о более древнем возрасте Гонцов по сравнению с верхним горизонтом Боршево II. Таким образом Гонцы очень близки к нижнему горизонту Боршево II, но относятся к несколько более позднему времени.

Некоторые черты сходства с нижним горизонтом Боршево II обнаруживает и кремневый инвентарь Супонева. Здесь налицо (мы имеем в виду не единичные типы, а це-

¹ М. В. Воеводский. Тимоновская палеолитическая стоянка. Русский антроп. журн., т. XVIII, вып. 1—2, 1929.

² В. А. Городцов. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. Тр. Отд. археол. РАННОН, т. I, 1926—V. Sōerba kis kuj. Eine paläolithische Station in Honci. Eiszeit, т. III, ч. II, 1926.

лье серии) короткие скребочки на сечениях пластин, короткие двойные и округлые геометризованные скребочки, маленькие боковые резцы таких же типов, как в Боршево II, острия со скошенным отретушированным концом.

Но остальной кремневый инвентарь Супонева значительно отличается от инвентаря Боршево II, имея сходство с Мезином. В Супоневе этот инвентарь достаточно разнообразен: резцы разных типов, проколки, отсутствующие в Боршево II, и т. д. По времени Супонево непосредственно предшествует нижнему горизонту Боршево II, являясь более поздним, чем Мезин.

Тимоновская стоянка, раскопанная В. А. Городцовым, близка к Супоневу и тоже обнаруживает некоторые черты сходства с нижним горизонтом Боршево II (короткие скребочки, боковые резцы).¹ К сожалению, кремневый материал Тимоновки Городцовым почти совершенно не издан, так что суждение о нем очень затруднено. Вероятно, Тимоновская стоянка, исследованная Городцовым, близка по времени к Супоневу и непосредственно предшествует нижнему горизонту Боршево II.

О близости во времени Тимоновки и нижнему горизонту Боршево II свидетельствует уже отмеченная нами большая близость орнаментальных мотивов, происходящих из обеих стоянок.

Мы наблюдаем одну линию развития искусства — от Предмоста к Мезину, затем к Тимоновке и затем к нижнему горизонту Боршево II. Для всех названных стоянок характерен геометрический орнамент. Орнамент здесь составлен из геометрических угловатых (а не закругленных) фигур. Одним из постоянных орнаментальных мотивов, в частности в Мезине, Тимоновке и Боршево II, являются ромбы. В то же время искусство нижнего горизонта Боршево II резко отличается от искусства Костенок I.

Мы уже указывали на наличие сходных черт у искусства Боршево II с искусством развитого мадлена Франции. Это также говорит о среднемадленском возрасте нижнего горизонта Боршево II.

Таким образом нижний горизонт Боршево II является связующим звеном между группой Мезин — Супонево — Тимоновка и группой нижний горизонт Боршево II — Гонцы — верхний горизонт Боршево II.

Из других палеолитических стоянок СССР, близких к нижнему горизонту Боршево II, можно отметить верхний горизонт Кирилловской стоянки с его малыми размерами орудий и короткими скребками на сечениях пластинок. Наличие в верхнем гори-

¹ В. А. Городцов. Тимоновская палеолитическая стоянка. Акад. Наук, 1935.

зонте Кирилловской стоянки ряда грубых нуклевидных орудий скорее напоминает средний горизонт Боршево II, т. е. опять-таки свидетельствует о хронологической близости верхнего горизонта Кирилловской стоянки и нижнего горизонта Боршево II. Впрочем этот последний признак напоминает и несколько более древние стоянки Костенковско-Боршевского района — Костенки II и Костенки III.

Итак, для нас ясен вопрос о возрасте нижнего горизонта Боршево II и о месте в ряду других верхнепалеолитических стоянок СССР. Это — место между более поздними Гонцами и верхним горизонтом Боршево II, с одной стороны, и более древней Тимоновской стоянкой, исследованной Городцовым, Супоневым и Мезиным, — с другой. Оно чрезвычайно близко к месту Тимоновской стоянки, исследованной Воеводским, и довольно близко к месту верхнего горизонта Кирилловской стоянки.

Выясняя хронологическое место нижнего горизонта Боршево II, было бы интересно поставить вопрос о соотношении во времени этой стоянки и других палеолитических стоянок Костенковско-Боршевского района. Вопрос этот разрешен П. П. Ефименко, выделившим среди Костенковско-Боршевских стоянок три группы: первую, ориньякско-солютрейскую — Боршево I и Костенки I, вторую, раннемадленскую — Костенки II, Костенки III, Костенки IV, третью, средне- и позднемадленскую — Боршево II.¹

Не оспаривая этого деления, было бы интересно поставить вопрос о том, какая из стоянок второй группы наиболее близка по времени нижнему горизонту Боршево II.

Костенки II, Костенки III и Костенки IV по своему кремневому инвентарю сильно отличаются друг от друга, а также все вместе от Боршево II.

Изучение трех скоплений нижнего горизонта Боршево II показало нам необходимость большой осторожности при учете преобладания в стоянке какого-либо типа орудия или наличия в стоянке лишь двух-трех типов орудий, как хронологического момента. Если бы было раскопано лишь второе скопление нижнего горизонта Боршево II (а это вполне могло случиться), то создалось бы представление о специфической стоянке, содержащей почти исключительно одни резцы и аналогичной Костенкам II и Костенкам III.

¹ П. П. Ефименко. Некоторые итоги изучения палеолита СССР. Человек, № 1, 1928. — Он же. Дородовое общество. Лгр., 1934. — См. также другие работы того же автора.

В действительности же в этом случае мы имели бы лишь часть (хотя и замкнутую и ограниченную) стоянки, вероятно служившую местом ретуширования кремня и в частности изготовления резцов.

Из трех стоянок — Костенки II, Костенки III, Костенки IV — наиболее грубый архаичный характер имеет кремневый инвентарь Костенок III. Среди него преобладают грубые многофасеточные нуклевидные резцы. Костенки II и Костенки IV все-таки отдельными своими признаками свидетельствуют о развитом мадлене.

В Костенках II большая часть орудий изготовлена на узких довольно нравильных пластинках, напоминающих заготовки Боршево II. Короткие скребочки Костенок II тоже напоминают скребочки нижнего горизонта Боршево II.

В Костенках IV мы имеем такие типично-мадленские формы, как пластинки с зазубрниками (иначе пилки — *lames denticulées*).

Обильные в Костенках IV узкие правильные пластинки с затупленным краем также напоминают мадлен.

Все это позволяет предположить, что Костенки II и Костенки IV по времени несколько ближе нижнему горизонту Боршево II, чем Костенки III. Но все же между той и другой группой памятников налицо большая лакуна. Вероятно, в результате раскопок ближайших лет она заполнится.¹

Боршево II. Нижний горизонт

Сравнительная таблица трех скоплений культурных остатков

Наименование	Размеры в м ²	Общее колич. кремня	Колич. орудий			
			общее колич.	скребков	резцов	краевых отщепов резцов
Первое скопление . .	160	1200	120	40	46	25
Второе скопление . .	16	1500	68	3	48	30
Третье скопление . .	50	500	73	6	54	27
Промежуточные по-лосы	500	400	63	5	58	13

¹ Уже после сдачи этой работы в печать, вышла книга П. П. Ефименко (Первобытное общество, 1938), содержащая некоторые материалы, относящиеся к стоянке Боршева II. Вышло из печати также предварительное сообщение автора о раскопках стоянки Боршева II в 1936 г. (Советская археология, вып. V).

С. Н. Бибиков

РАСКОПКИ УСТЬ-КАТАВСКОЙ КОСТЕНОСНОЙ ПЕЩЕРЫ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ ПРАВОВЕРЕЖЬЯ Р. КАТАВ В РАЙОНЕ ПОСЕЛКА УСТЬ-КАТАВ

(ЮЖНЫЙ УРАЛ)

В июне 1936 г. рабочими Управления Башкирского дорожного строительства, производившими ломку камня у железнодорожной станции Усть-Катав (Южно-Уральская ж. д.), была открыта пещера. Вход в пещеру был обнаружен случайно в процессе подрывных работ, имевших целью подготовить карьер для разработки пластов известняка. Мощный намыв щебня, галечника и глины, снесенных с плато и склона над пещерой, прикрывал вход в нее. Посетившие пещеру сейчас же после взрыва, обнажившего вход, рабочие карьера вместе с прорабом т. Бадрухиным обнаружили на полу, у входа, огромное количество костей животных, торчавших из глины и разбросанных по поверхности пола.

Областной челябинский музей, заинтересовавшись сообщением об открытии пещеры, в июле 1937 г. командировал в Усть-Катав П. В. Мещерякова. В результате этой поездки выяснилась необходимость изучения пещеры. Таким образом в результате инициативы Челябинского музея и при поддержке Общества по изучению Челябинской области стало возможным организовать экспедицию для более подробного изучения Усть-Катавской пещеры.

В экспедиции приняли участие: С. Н. Бибиков — от Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии Наук СССР, П. В. Мещеряков — от Областного челябинского музея, тт. П. В. Красноперов, Д. Т. Щетинин, И. П. Биев, Т. И. Биев и др.

Усть-Катавская пещера расположена на правом берегу р. Юрзани в 100—150 м северо-западнее железнодорожной станции Усть-Катав (Южно-Уральская ж. д.), стоящей на западе Челябинской области почти на границе с Башкирской автономной республикой.

Река Юрзань, слившись с р. Катав в 2 км восточнее пещеры, образует у ст. Усть-Катав достаточно широкую долину, окаймленную известняковыми возвышенностями. Пра-

вый берег долины в районе пещеры высокий и имеет обрывистые обнажения,¹ обращенные к реке. Левый берег более отлогий. Профиль склона от пещеры к реке крутой, резко переходящий в пойму, застроенную железнодорожными сооружениями. Правобережные

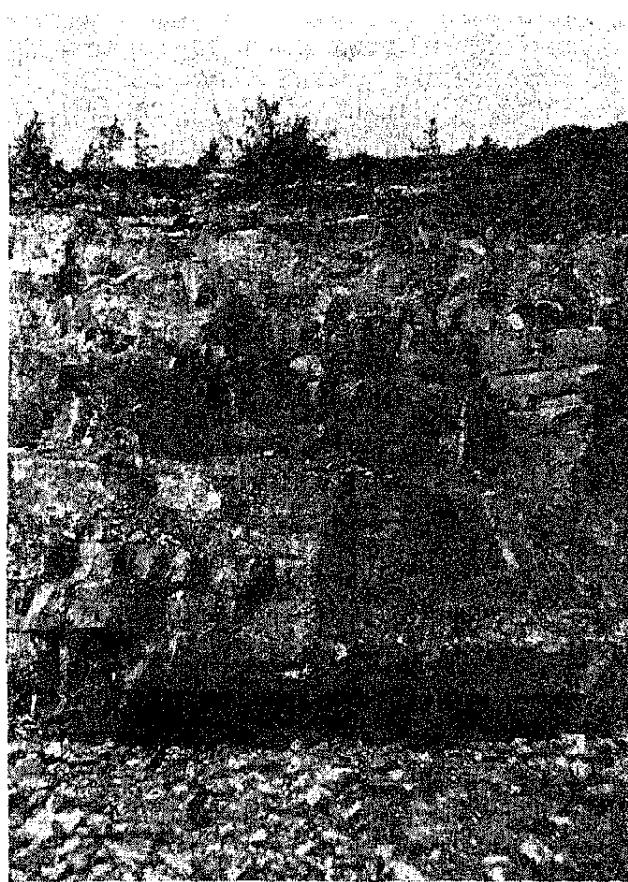

Рис. 1. Вход в Усть-Катавскую пещеру.

известняки, в которых образовалась пещера девонского возраста, преимущественно серого и желтого цветов, крепкие и тяжелые. У пещеры известняки залегают пластами с

¹ Ряд обрывов имеет искусственный характер и получен в результате прокладки здесь ж.-д. пути.

небольшим уклоном к западу и отделены горизонтальными и вертикальными трещинами. Плато над пещерой имеет довольно плавный рельеф, поросший сосновым лесом. Высота пещеры над уровнем реки 30—35 м. Вход в пещеру обращен на юг (рис. 1), он имеет вид щели, несколько наклоненной к западу по уклону пластов известняка; до подрывных работ вход в пещеру находился на 5—6 м южнее и был маскирован делювиальным наплывом. Хорошо выраженной площадки перед входом, вероятно, не было, и то, что сейчас представляет собою площадку, заваленную щебнем от каменоломен, в действительности было частью 1-й камеры пещеры. Наибольшая высота пещеры у входа 1.50 м, ширина у входа — 5.50 м.

Вход в пещеру является южной границей 1-й камеры, частично разрушенной, как указывалось выше, взрывом. Современные размеры 1-й камеры: длина с юга на север около 6 м, ширина с запада на восток около 7 м. Общая площадь около 40 кв. м. Пол в камере неровный и местами завален отслоившимися от потолка плитами известняка. В тех местах, где нет завала, выступает желтый рыхлый суглинок, содержащий в большом количестве ископаемые кости. К востоку от 1-й камеры идет боковой ход (A), заваленный крупными камнями. Этот ход сообщается с длинным коридором, расположенным выше первого зала на 5—6 м; вне территории пещеры, к западу от 1-й камеры, идет длинный (до 28 м) и очень узкий коридор (ход B), приводящий во 2-ю камеру. Коридор имеет одно боковое ответвление к северу (ход В), тоже низкое, но более широкое, чем сам коридор. Длина ответвления около 12 м.

2-я камера представляет собою округлое помещение высотой до 3 м (а по суживающимся щелям до 8 м), загроможденное крупными обломками скалы. Длина 2-й камеры с юга на север 7 м, с запада на восток 6 м. От 2-й камеры идут три основных хода; северный ход (Г), представляющий собою короткий (около 5.50 м) с повышающимся полом коридор, приводящий в длинный (около 27 м) боковой ход (Д), идущий параллельно основному направлению пещеры. Здесь, восточнее от входа, по уступам в стене можно попасть в длинную галерею (Е), находящуюся над самым ходом Д. Еще недавно из южной части 2-й камеры было возможно пройти в длинный коридор (ход З), обогнув каменную глыбу. Теперь этот проход засыпан обвалившимися камнями. Коридор З сообщается со 2-й камерой в западной части ее, откуда берет свое начало ход Ж, по существу являющийся продолжением коридора Б. Коридоры Ж и З сообщаются едва доступным очень узким и коротким проходом, расположенным несколько отступя от

западной границы 2-й камеры (ход К). Ход З вполне доступен, так как, несмотря на свою узость, он достаточно высок (местами до 150 см). Этот ход идет почти прямо на протяжении 33 м с небольшим понижением пола, затем, сужаясь, круто поворачивает к востоку, идет еще метров 9 и, поворачивая почти под прямым углом, все более суживаясь, вскоре, повидимому, заканчивается. Коридор З имеет ответвление к югу на 20 м от западной границы 2-й камеры (ход И), идущее перпендикулярно продольной оси коридора З. Ответвление проходит 19 м и заканчивается крутым поворотом. Ход Ж начинается в западной части 2-й камеры, идет с небольшим отклонением к северу от коридора З и заканчивается расширением. Длина хода Ж 24 м. Общая протяженность всех ходов пещеры, не считая галереи Е, равна не менее 175 м.

Обратившись к плану (рис. 2), не трудно заключить, судя по самой конфигурации пещеры, что происхождение ее стоит в связи с коррозионной деятельностью грунтовых вод.¹

Возможно, что пещера в древности служила руслом подземного ручья. Об этом свидетельствует и наличие галек, находимых почти во всех ходах пещеры. Сейчас пещера не содержит постоянно скапливающейся воды, хотя в общем она достаточно сырья и пропускает влагу сквозь трещины и поры в известняке, на котором заметны сталактитовые и сталагмитовые образования.

Найдены костей животных были сделаны почти во всех ходах пещеры, однако количество их распределяется по площади пещеры неравномерно. Главная масса костей обнаружена в 1-й камере. 2-я камера тоже заключает довольно много костей, трудно извлекаемых благодаря завалу камней. Между прочим, единственный зуб мамонта был найден под камнем во 2-й камере. В остальных ходах пещеры кости встречаются редко. Раскопки велись в 1-й камере, где обеспечивалась наибольшая полнота сборов костных материалов при наименее трудных технических обстоятельствах, в частности почти не прибегая к искусенному освещению. Кроме того, в 1-й камере сохранились напластования, тогда как на большей части площади пещеры дно скалистое. Разведочный шурф, заложенный почти в центре 1-й камеры, имевший целью установить границы залегания костеносного горизонта и проследить характер напластований в пещере, дал следующие результаты.

I слой. От поверхности до глубины 70—75 см залегает буро-желтый рыхлый су-

¹ Ср. с Лаклинской и Игнатиевой пещерами Южного Урала, известными с давних пор (С. И. Руденко, Тр. Общ. землевед. при СПб. унив., т. III, 1914, отд. отт.).

глинок с большим количеством плит известняка, обрушившихся с потолка. Наиболее богатый костеносный горизонт залегает от самой поверхности до глубины 30—35 см. Ниже 35 см количество костей резко уменьшается.

II слой. От глубины 75 см до глубины 180 см идет красно-бурый рыхлый суглинок с неменьшим количеством плит известняка. Кости в этом суглинке встречаются очень редко и попали сюда из желто-бурового суглинка по пустотам между плитами известняка.

ноту и точность, дает следующие виды животных:¹ 1) пещерный медведь, 2) носорог (*Rhinoceros*), 3) волк, 4) лиса, 5) марал, 6) лось (?), 7) дикая лошадь, 8) бык, 9) бобр, 10) кости грызунов и птиц. Сохранность костей в общем хорошая. Вес костей, взятых на определение, превышает 200 кг.

Появление костей в пещере может быть связано с двумя причинами; кости в дальних и узких ответвлениях пещеры, вероятнее всего, были занесены водой с плато над пещерой. Прямых указаний, правда, на это обстоятельство не имеется, однако слабая

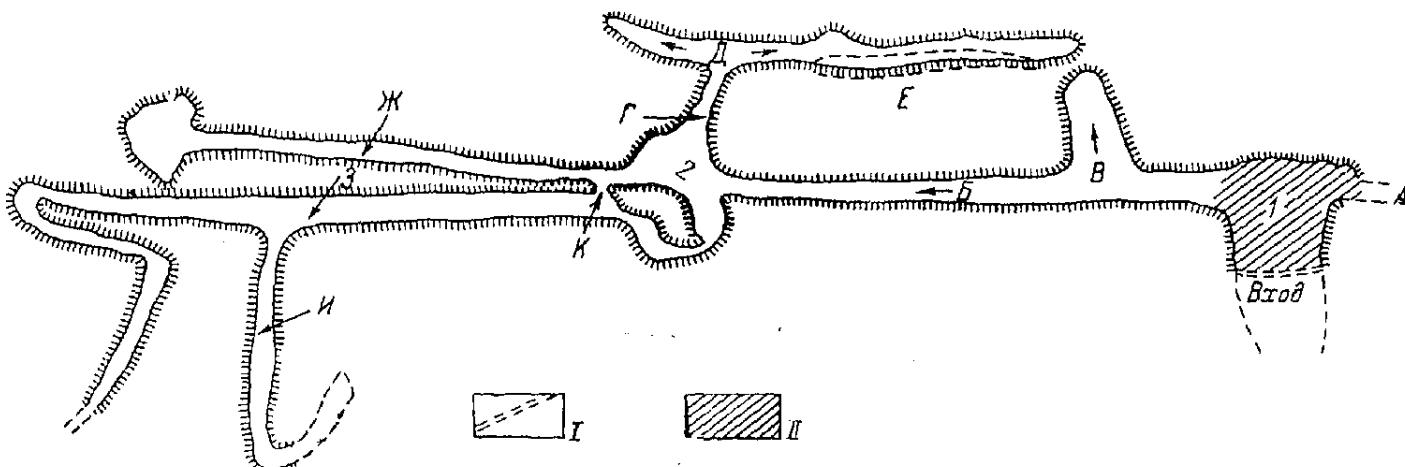

Рис. 2. Схематический план Усть-Катавской пещеры.
— современная граница зависания потолка; II — раскоп

Ниже красно-бурового суглинка напластований проследить не удалось. Этому помешало скопление крупных камней. Если судить по уклону материковой скалы на закраинах пещеры, то скалистое дно находится непосредственно под обнаруженным в шурфе завалом. От контрольного шурфа раскопки были расширены почти на всю площадь 1-й камеры, частично захватывая и начало коридора Б. Общая площадь, вскрытая раскопками, не менее 40 кв. м, глубина раскопа в среднем до 70 см. В западной части 1-й камеры и в начале хода Б было встречено наибольшее количество ископаемых костей, залегающих в верхней части желто-бурового суглинка и перекрытых обвалом плит с потолка, сохранившим их от разрушения. Слишком низкое положение потолка в западной части зала, а, главное, весьма опасное состояние огромных плит, отслоившихся от потолка и ежеминутно грозивших обвалом, заставило прибегнуть к искусственноому обвалу при помощи аммонала. Как раз в том месте, над которым была обрушена часть потолка, найдены: целый череп пещерного медведя, крупный обломок черепа марала с рогом, масса рогов марала, много челюстей животных и другие остеологические остатки. Предварительное определение костей, произведенное в условиях полевой работы, а поэтому не претендующее на пол-

окатанность костных остатков, положение их на поверхности скалистого дна, а не в слое, и нахождение их часто в малодоступных расщелинах позволяют предполагать, что эти кости находятся в переотложенном состоянии. Что касается костей из раскопок в 1-й камере и головной части хода Б, то, безусловно, они являются частями туш животных, натасканных сюда пещерными медведями, заселявшими 1-ю камеру пещеры. Доказательством этого может служить то, что кости в 1-й камере встречаются на всей ее площади, локализуясь в верхнем желтом суглинке, причем суглинок в верхней своей части, т. е. там, где проходит горизонт ископаемых костей, не содержит никаких признаков водных потоков. Особенно же важно то обстоятельство, что кости в массе своей изгрызаны зубами крупных хищников.

Любопытно отметить, что многие кости, главным образом трубчатые, были находимы в слое в раздробленном виде. Это явление дало повод некоторым товарищам, посетившим пещеру, предполагать в ней наличие стоянки человека древнего каменного века. Внимательный просмотр большой серии раздробленных костей показал, что раздробленность их произошла от обвалов потолка пе-

¹ Имеются в виду только кости из раскопа 1-й камеры.

щеры, часть же костей была раздроблена зубами хищников. В последнем случае изломы отличаются хорошо выраженной угловатостью, чем весьма напоминают характер изломов, обычно получаемых в результате дробления костей человеком с целью добывания костного мозга.

В заключение обзора результатов раскопок в Усть-Катавской пещере нельзя не указать на важность собранного здесь материала. До сих пор мы не имеем еще столь обильных и хорошо документированных сборов четвертичной фауны на Южном Урале. Усть-Катавские остеологические остатки впервые освещают вопрос о характере фауны, видимо, рисс-вюрмского времени. Этот крайне важный и интересный отдел палеостоцена оставался почти совсем не изученным для территории Южного Урала. Следует предполагать, что дальнейшее детальное изучение костных остатков из Усть-Катавской пещеры, в сочетании с исследованием четвертичных отложений этого района, даст возможность выяснить те естественно-исторические условия, которые сложились на Южном Урале в рисс-вюрмское время. Работами 1937 г. еще не исчерпаны возможности дальнейших сборов ископаемой фауны в Усть-Катавской пещере, однако следует считаться с техническими трудностями производства работ в пещере, требующими повышенных затрат.

Кроме работ экспедиции, связанных с раскопками Усть-Катавской пещеры, предполагалось провести ряд разведочных маршрутов с целью обнаружения остатков древних стоянок в районе поселка Усть-Катав. Местными жителями назывался ряд пещер, представляющих интерес с археологической точки зрения; так указывалось на пещеры близ селений Лимоновка, Минка и др. Не имея времени посетить эти пещеры в 1937 г., мы ограничились небольшим разведочным маршрутом от поселка Усть-Катав вверх по течению р. Катав. По склону возвышенности, прислоненной к правому берегу реки в 1.5—2 км юго-западнее поселка у Скрытого Ключа, на размыве склона была найдена кремневая пластинка.¹ Кремень, из которого сделана пластинка, прекрасного качества, имеет черный цвет и слегка просвечивает. Очертания пластинки правильны. У ее основания сохранился ударный бугорок. Одна из длинных граней пластинки подправлена тонкой ретушью, нанесенной со спинки и брюшка. Размер пластинки 5.5 × 1.7 см.

Далее, по берегу реки Катав, примерно

¹ Пластинка состоит из двух частей, найденных в разных местах.

в 1—1.5 км от первой находки, удалось найти еще ряд кремней. Они были приурочены также к береговому размыву возвышенности, у места впадения оврага Хапова Ключа в р. Катав. Из немногочисленных собранных здесь кремневых изделий обращают на себя внимание три поделки. Две из них представляют собою обломки правильных призматических пластинок, имеющих краевую ретушь. В одном случае ретушь оформляет небольшую выемку, напоминая, таким образом, известный по тарденузским стоянкам тип пластинок. Кремень, из которого изготовлены обе пластинки, вполне аналогичен находке у Скрытого Ключа. Третья поделка имеет вид миниатюрного призматического нуклеуса, сохранившегося не полностью. Датировка находок у Скрытого и Хапова ключей затрудняется крайней малочисленностью собранных объектов. Если же судить по тем морфологическим признакам, которые отмечены выше, то они довольно близки к изделиям позднепалеолитического времени (тарденузская эпоха). Отметим говорящий в пользу такой именно датировки факт отсутствия керамики вместе с находками кремня.

В плане общей постановки вопроса нелишним будет остановиться на необходимости дальнейших систематических разведочных работ по всей территории Южного Урала. Предпосылками к выполнению такого рода работ служат следующие данные:

1. Отсутствие на Южном Урале следов четвертичных оледенений в виде моренных образований и пр., могущих в древности послужить препятствием для заселения этой страны.

2. Удобство ландшафта, имеющего достаточно волнистый, но легко пересекаемый рельеф, не затруднявший передвижений охотниччьим коллективам.

3. Богатство фауны, судя по раскопкам Усть-Катавской пещеры.

4. Наличие множества пещер и навесов в известняковых обнажениях по берегам рек и ручьев, могущих быть использованными в качестве жилья.

5. Следы позднепалеолитических местонахождений в восточной части Башкирской АССР, находка, может быть, палеолитического отщепа в шурфе у сел. Миасс и следы, вероятно, позднепалеолитических стоянок близ Усть-Катава.¹

¹ В 1938—1939 гг. автор предпринял разведки пещер в бассейне р. Юрзинки, выше Усть-Катавской пещеры. Ему удалось обнаружить несколько верхнепалеолитических стоянок, из которых наиболее интересны стоянки в пещерах Ключевой и Бурановской. См. Краткие Сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК, вып. 3, стр. 35—39, 1940. (Ред.).

М. М. Герасимов

ОБРАБОТКА КОСТИ НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ МАЛЬТА

В настоящей работе дается описание костяного инвентаря Мальтинской палеолитической стоянки с изложением основных технических приемов, применявшихся древними мастерами при обработке кости. Касаясь этих вопросов, автор останавливается на назначении того или иного костяного орудия. Кроме того, автор ставит задачу найти среди предметов кремневого инвентаря орудия, применявшиеся при обработке кости.

Вряд ли можно понять то или иное производство палеолитического человека в отрыве от основного его источника существования — охоты. Учитывая, что обстановка первобытного лагеря имеет прямое отношение к интересующему нас производству, мы начнем с краткого общего описания Мальтинской стоянки.

Мальтинская стоянка дает достаточно богатый материал, раскрывающий бытовые особенности охотничьего поселения верхнего палеолита Сибири. Раскопанная часть стоянки представляет собою ряд более или менее обособленных комплексов находок, — очевидно, остатков жилых сооружений. Лагерь расположен на нижнем плёсе р. Белой, правого притока р. Ангары, на крутом левом берегу, на высоте 18 м от современного уровня воды. Терраса, привлекшая внимание человека, мало пересечена, она лишь слабо волниста и в северо-западном направлении имеет постепенный переход к 40-метровой террасе. Открытая со всех сторон жилая площадь требовала постройки более фундаментальных жилищ, чем это, вероятно, имело место обычно в палеолитических поселениях Сибири. Вряд ли можно предполагать, что в эпоху существования описываемого лагеря данная терраса была сплошь покрыта лесом, который мог являться защитой лагеря от ветра. Фауна скорее свидетельствует о тундренном ландшафте, так что с точки зрения физических условий место стоянки не было выбрано удачно. Сохранившиеся до сих пор солончаковые поля по обоим берегам реки в непосредственной близости со стоянкой, вероятно, массами привлекали стада северного оленя. Нередки

в этих местах были толстокожие — мамонт и носорог. Именно обилие крупной дичи, систематически появляющейся в этих местах, обусловило не только поселение в этом месте, но и некоторую оседлость древних охотников. Их лагерь представлял собой ряд жилищ, вытянутых параллельно краю террасы, с выходом к реке. Почти каждое из жилищ снабжено кострищем, находящимся либо внутри, либо перед входом. Чаще всего они имеют вид зольных пятен. Обожженность земли вокруг и масса обугленных костей свидетельствуют о продолжительности их использования. Нередко такие кострища снабжены специальными заслонами из плит от ветра. Три типа жилищ были вскрыты на стоянке Мальта, и только один из них по своей конструкции может быть отнесен к типу легко сооружаемых, т. е. переносных жилищ. Но и здесь кухонные остатки свидетельствуют о продолжительности существования этих жилищ.

Остатки этого типа жилищ представляют собою пятно округлой формы с попечником 3.5—4 м. В сечении оно чечевицеобразно. Слегка углубленная к центру круглая площадка вероятнее всего была перекрыта рядом сходящихся в вершине жердей, перекрытых в свою очередь шкурами оленей или каких-либо других животных. Различные бытовые отбросы, в виде разбитых и обожженных костей, остатки производства орудий из камня и кости, осколки, заготовки, болванки, стружки и щепки вперемешку с обломками и целыми орудиями, естественно, скоплялись в непосредственной близости жилища. С течением времени, после уничтожения самого жилища, слегка углубленное дно его заполнялось сползающими с периферии отбросами, образуя линзообразное скопление культурного слоя.

Второй тип жилищ, наиболее распространенный на данной стоянке, отличается большей фундаментальностью. Лучшее по сохранности жилище этого типа раскопано в 1929 г. В момент вскрытия оно представляло собою скопление крупных костей, ограниченное со всех сторон рядами плит. При дальнейшей

расчистке выяснилось, что плиты и крупные кости образуют подобие невысокой стены, причем многие из плит сохранили свое вертикальное положение. Внутри почти замкнутого четырехугольника (3×4 м), несколько ближе к выходу, находился очаг из камней. Нам представляется, что верхняя часть этого жилища была сложена из жердей в виде двускатной крыши, перекрытой шкурами животных. Более или менее сохранившийся вал из камней и крупных костей, вероятно, служил одновременно и основанием и стеной жилища. Более чем вероятно, что, убивая оленя, человек складывал на крышу его рога. Иначе совершенно не представляется возможным объяснить то, что наибольшее количество рогов, порой почти целых, найдено в пределах жилища, т. е. поверх культурных остатков (внутри вала): они могли попасть туда только после обвала крыши.

Третий тип жилищ еще не вполне ясен. О нем можно судить по двум находкам, сделанным во время раскопок 1934—1937 гг. В обоих случаях — это очень крупные жилища, площадью около 60 кв. м. Любопытно, что конструктивно здесь сочетаются элементы двух типов жилых сооружений. Жилище этого типа имеет вал, подобно жилищам второго типа, сложенный из костей, земли и плит, но более мощный, до 80 см высоты. Дно чашеобразно углубленное, типичное для жилищ первого типа, но пропорционально площади более глубокое, до 70 см в середине, что вместе с высотою вала дает глубину жилища около 1,5 м. Очень возможно, что верх этого жилища был сооружен из жердей в виде двускатной крыши и перекрыт шкурами животных. Почти полное отсутствие кухонных отбросов и незначительное количество инвентаря на полу этого сооружения, с нашей точки зрения, свидетельствуют о непродолжительности срока его использования как жилища.

Переходя к исследованию бытовых остатков, необходимо рассмотреть кухонные отбросы, из которых сложена большая часть толщи культурного слоя. Обильные остатки костей позволяют говорить не только о том, какие животные служили человеку пищей, но и о том, в какой мере они использовались для тех или других целей. Они дают также известное представление о количестве истребленных животных.

Наибольшее количество костей принадлежит северному оленю. Предварительный подсчет свидетельствует о том, что более четырехсот северных оленей было съедено в данном лагере. Любопытно, что хотя рога северного оленя редко употреблялись для поделок, они все же тщательно собирались человеком. Степень окостенения рога подтверждает предположение о зимнем времени существования лагеря, что вполне согла-

суется с фундаментальностью жилищ, какие тоже следует рассматривать как зимние. Мамонт и носорог, подобно другим животным, являлись объектом охоты. Кости, принадлежащие им, свидетельствуют о том, что мамонта убито было здесь не менее 12 особей, а носорога около 10, причем молодняк являлся основным объектом охоты. Другие копытные, как бык и лошадь, представлены единичными находками. Крупные хищники — лев, медведь, волк,rossomаха — не имели значения как охотничьи животные и представлены единичными экземплярами. Любопытно, что все убитые хищники либо очень стары, либо совсем молоды, что, конечно, облегчало охоту на них. Совсем не так обстояло дело с пescом; он уничтожался, видимо, в очень значительном количестве, независимо от возраста. Этот ис в меру назойливый зверек, вероятно, бывал частым гостем лагеря, где его убивали от случая к случаю.

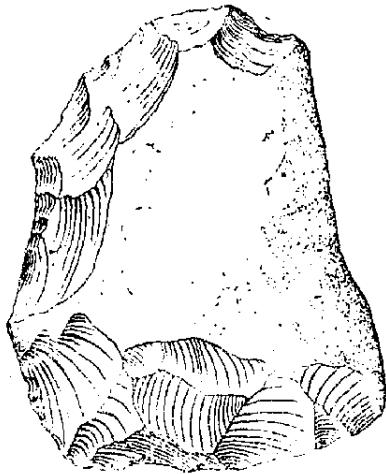
Обилие северного оленя обусловило то, что менее вкусное мясо хищников не шло в пищу; их убивали либо при самозащите, либо в целях добывания меха. То, что песец и россомаха не употреблялись в пищу, доказывается находками целых тушек, причем не безинтересна деталь: фаланги конечностей у них отсутствуют, так как они были удалены при сдирании шкурок. Кости грызунов отсутствуют совершенно. Очень редки кости птиц и рыб, что, конечно, исключает возможность предположения о систематической их ловле.

Суммируя весь изложенный материал, можно с достаточной долей вероятности говорить о том, что раскопанная часть палеолитической стоянки в селе Мальта является хорошо обжитым оседлым лагерем значительной группы охотников. Вряд ли можно ошибиться, считая, что лагерь был обитаем в осенне и зимнее время и что основным источником существования населения лагеря была охота.

Убитые крупные толстокожие, мамонт и носорог, расчленялись на месте охоты, и в лагерь приносились лишь наиболее ценные части, чем и следует объяснить отсутствие некоторых частей в пределах лагеря.

Северный олень в большинстве случаев приносился целиком и расчленялся на стоянке. Олень использовался целиком: шкура употреблялась на покрытие жилища и одежду, из сухожилий приготавливались нитки, мясо шло в пищу, а кости и рога, если не шли для изготовления орудий, часто служили топливом (для топлива могли быть использованы только губчатые кости, содержащие много жиров; они горят медленно, давая много тепла). Частые находки позвонков (порой до 7 штук вместе), с прилежащими к ним ребрами, без каких-либо следов

огня являются доказательством того, что мясо с костей снималось в сыром виде, вероятно для вяления и копчения. Однако искусство жаренья мяса было известно и широко применялось, о чем свидетельствуют расколотые и обожженные трубчатые кости. Кроме кости, во всем ее многообразии, культурный слой содержит остатки древесины, в виде угля и золы, и отбросы производства кремневых и костяных изделий. Груды раздробленного кремня, кварцита и других пород камня говорят о местном изготовлении всех каменных орудий. Последние представлены значительным количеством экземпля-

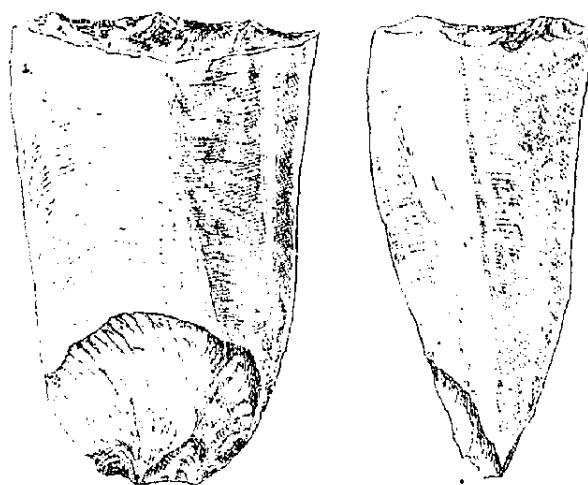
Рис. 1. Отбойник. $\frac{1}{3}$ nat. вел.

ров как сломанных, так и совершенно целых. Куски необработанного бивня, сложенные в группы, там и здесь разбросанные отбросы производства, стружки, заготовки, болванки и т. д. — все это прекрасно иллюстрирует детали производства орудий из кости.

Прежде чем давать описание найденных на стоянке Мальта орудий из кости, необходимо хотя бы в кратких чертах описать находки костей, имеющих несомненные следы работы каменными орудиями. Оставляя в стороне общий вопрос о времени появления орудий из кости, считаем возможным, однако, говорить о том, что «костяная индустрия» в примитивной своей форме возникла в результате разбивания трубчатых костей, необходимого при добывании костного мозга. Случайно полученные при этом острые осколки даже без предварительной обработки могли служить, да и несомненно служили, простейшими орудиями в обиходе первобытных людей.

Как вскрывались черепа мамонтов нам не известно, так как на Мальтинской стоянке еще не было найдено ни одного черепа этого животного. Зато целая серия из 8 черепов другого толстокожего — сибирского носорога — прекрасно иллюстрирует все способы извлечения мозга, этого лакомства первобытного человека.

Прежде всего обнаженный от мускулатуры череп носорога посредством ударов крупным каменным отбойником расчленялся на две половины, т. е. от мозговой коробки черепа в области глазниц отделялись все лицевые кости. По окончании этой в общем несложной операции освобожденная от лишних костей мозговая коробка раскраивалась по средней линии черепа, что делалось с помощью либо костяного долота, либо каменного клина при посредстве указанного выше каменного отбойника. Все эти орудия были найдены в непосредственной близости от разбитых черепов носорога.

Рис. 2. Клин. $\frac{1}{3}$ nat. вел.

Отбойник (рис. 1) следовало бы, пожалуй, назвать ударником, так как основная его функция — нанесение сильного тупого удара. Но иногда это орудие употреблялось и в качестве колуна, т. е. орудия для раскалывания. Изготавливались эти отбойники из крупных валунов плотных кристаллических пород: гнейса, диорита и др. Обработке, как правило, подвергали только одну сторону, остальная часть оставалась покрытой валунной коркой. Обработанная часть представляет собою как бы лезвие скребка высокой формы, но крупных размеров. Массивные сколы лезвия едва подправлены крутой повторной оббивкой. Как правило, на этих орудиях можно видеть следы их применения: прежде всего лезвие всегда несколько примято и на противолежащей ему стороне на валунной корке наблюдаются более или менее крупные выбоинки и царапины. Упомянутые выщербины на обухе орудия свидетельствуют о том, что не только лезвие имело функции рубящего орудия, но и обух систематически употреблялся в качестве ударника.

Каменный клин (рис. 2) представляет как бы некоторую разновидность только что описанного орудия. Точно так же он изготавливался из крупных валунов кристаллических пород. Но если для изготовления ранее описанных орудий употреблялись округлые

валуны, то для изготовления клина брались, по возможности, длинные.

Надо предполагать, что при пользовании клином удары отбойника наносились не непосредственно по его основанию, а через прокладку, т. е. через кусок дерева, либо кожи, ибо в противном случае обух клина разбился бы под ударами.

Долото из рога северного оленя будет подробно описано ниже, сейчас только отметим, что им работали посредством ударника, о чём говорит смятость его обуха.

Следует оговориться, что все раздробленные черепа носорогов принадлежат более или менее молодым животным, т. е. таким, у которых окостенение черепа не вполне закончилось. Единственный нераздробленный череп носорога принадлежал очень старому животному.

Трубчатые кости мамонта и носорога вскрывались удалением одного или обоих эпифизов. Во втором случае получалась полая трубчатая кость, из которой легко было извлечь мозг.

Первый способ применялся преимущественно при разбиении костей молодых животных, когда не было смысла вскрывать оба конца. При извлечении мозга из костей старых животных, кроме удаления эпифизов, обычно вскрывалась и трубчатая часть, причем кость всегда старались разбить по ее длине. Остальные кости — лопатки, тазовые, позвонки, — как правило, не носят на себе следов работы. Некоторые ребра имеют явные следы скобления на нижних своих частях, т. е. у места соединения ребра с грудными хрящами.

Особенно любопытный материал для изучения представляют обильные костные остатки северного оленя. Точно так же, как и при разбиении костей крупных млекопитающих, здесь соблюдались определенные приемы. Черепа молодых животных расчленялись преимущественно по швам, причем прежде всего отделялась лобная кость вместе с остатками ранее обломанных рогов. Нам удалось исследовать 32 черепа взрослых особей северного оленя для определения приемов извлечения мозга. Оказалось, что 25 из них вскрыты пробиванием лобной кости между глазницами и рогами. При этой операции человек прекрасно учитывал толщину костей черепа. Четыре черепа были вскрыты с внутренней стороны, путем удаления седла черепа, а остальные три, видимо, были раздроблены сильным ударом на мелкие куски. Первые два способа имеют то преимущество, что мозг остается в черепе и его легко извлечь. Последний прием вряд ли мог употребляться постоянно, так как из разбитого таким образом черепа мозг должен разбрзгиваться, смешиваясь с осколками кости.

Нахождение различных костей (их эпифизов), сохраняющих анатомическую связь, является наглядной иллюстрацией того, что убитое животное не расчленялось по связкам на мелкие части. Нам кажется вероятным, что у убитого животного отделялись сначала ноги и затем на более или менее крупные куски разрубалась туши, причем не-

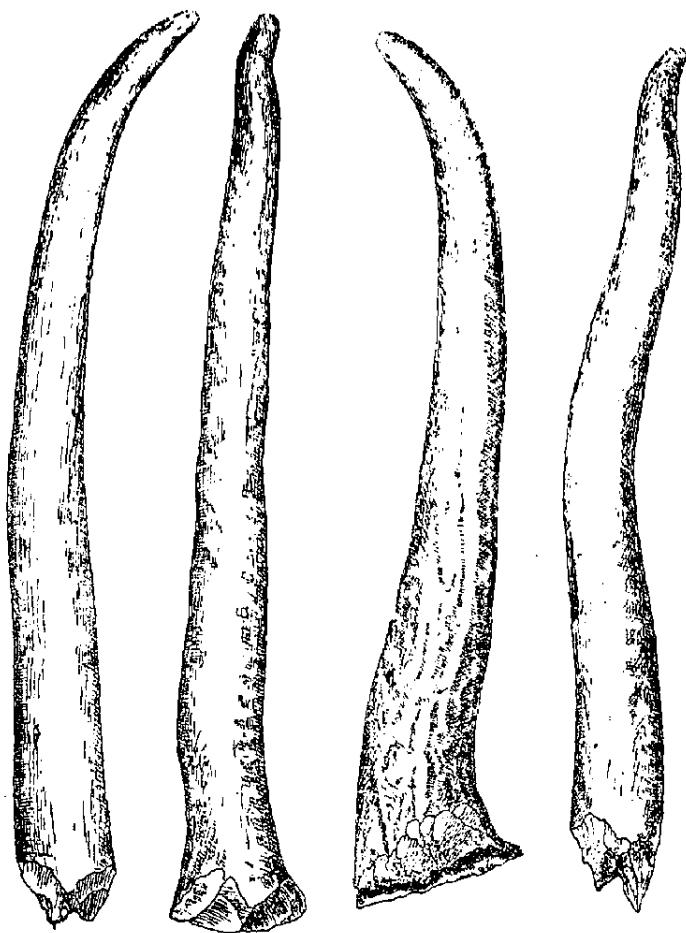

Рис. 3. Обрубленные глазничные отростки рога.
1/2 нат. вел.

редко перерубались позвонки. Этим следует объяснить отсутствие следов режущих орудий на эпифизах крупных костей оленя, так как даже знание анатомии животного не могло бы гарантировать от случайных порезов при расчленении туши по сочленениям. Фаланги северного оленя вместе с прилегающей к ним частью конечности (эпифизом), как мало съедобная часть, отделялись сразу, еще при сдирании шкуры, чем и следует, с нашей точки зрения, объяснить частые находки этих костей в анатомически правильных взаимоотношениях. По мере уничтожения мяса с той или иной трубчатой кости, последняя разбивалась, дабы возможно было достать мозг. Чаще всего, насколько нам это удалось проследить на массе обломков костей, это делалось путем удаления одного из эпифизов кости, после чего продольно раскалывалась ее трубчатая часть. Позвонки не вскрывались и мозг из них из-

влекался проталкиванием кусочком кости или дерева.

Летом 1934 г. при разборке одного из жилых комплексов были найдены два позвонка северного оленя, лежавших в естественной связи. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что каналы их проткнуты длинным кусочком трубчатой кости. Ребра чаще всего обламывались, так что нередки находки их эпифизов в естественной связи с позвонками.

Кроме следов на костях, оставленных человеком в процессе еды, среди кухонных остатков имеются кости со следами другого характера. Эти кости имеют явно выраженные

роге можно найти следы преднамеренной работы, хотя цель ее и неясна. Многие из этих рогов имеют явные следы рубящих орудий. Нередко основные стержни рогов на концах грубо уплощены. Почти как правило, встречаются рога с обрубленным глазничным отростком. Вообще нет рога, на котором не был бы удален хоть один отросток. Очень любопытно, что многие глазничные отростки имеют глубокие зарубки у самого основания. Это как бы следы неоконченной работы. Есть в нашей коллекции и обрубленные глазничные отростки (рис. 3), но ни одного раза нам не удалось найти глазничный отросток, который был бы пре-

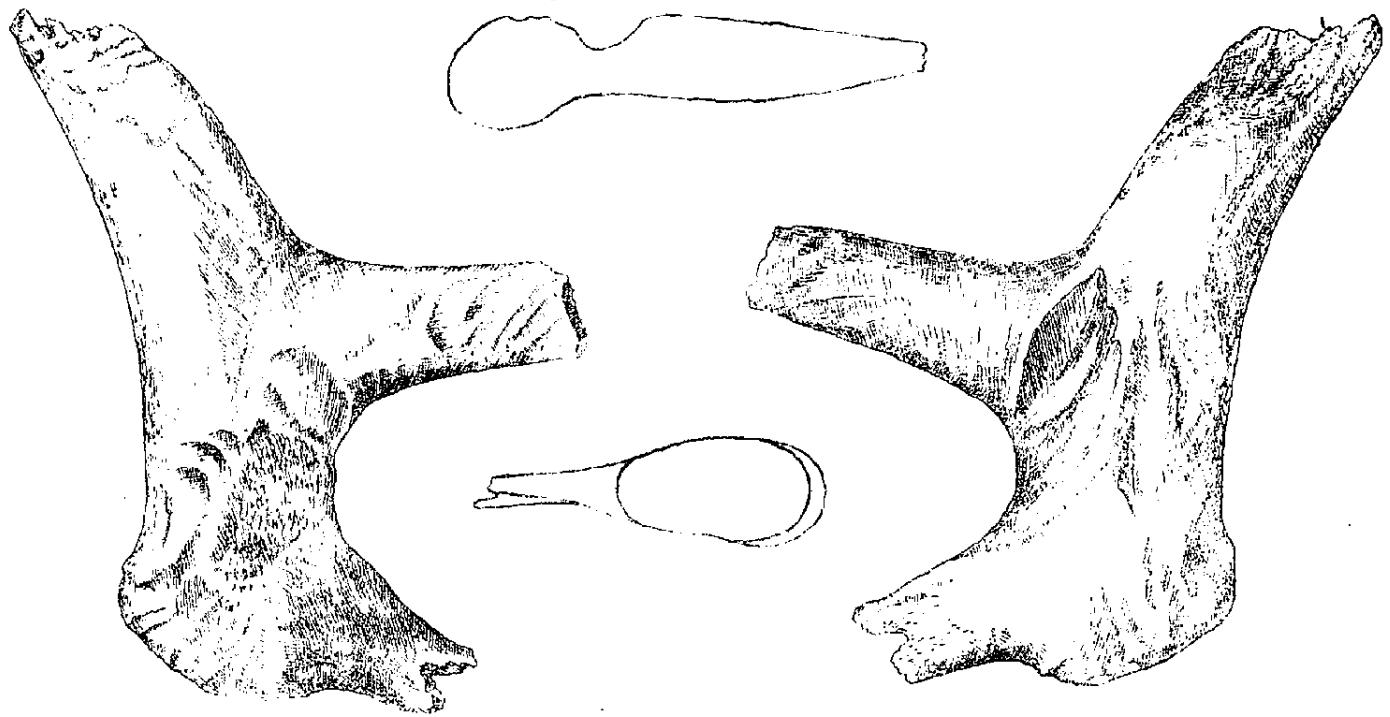

Рис. 4. Нижняя часть рога северного оленя со следами скобления. $1/2$ nat. vel.

ные следы воздействия на них каменным орудием. Несмотря на очевидность этой работы, цель ее пока не везде нам понятна. Несомненно, что в более раннюю пору палеолита наряду с костяными орудиями могли быть в довольно широком употреблении простые осколки кости, служившие для тех или иных надобностей. Но в ту эпоху, когда дифференциация костяных орудий достигла высокого развития, объяснить бытование случайных орудий не всегда представляется возможным. Иногда очень трудно установить: что является результатом работы орудием и что является следами его приготовления. Все кости со следами зарубок, насечек, царапин и т. д. не могут не интересовать исследователя.

Мальтинец употреблял рог северного оленя очень редко, преимущественно для изготовления рукояток, долот и т. д. Но это, однако, не мешало ему очень тщательно собирать рога северного оленя возле своего жилища. Любопытно, что почти на каждом

вращен в какое-либо орудие. Рассматривая края зарубин на роге, можно констатировать, что поверхность их ступенчата. Из всей серии каменных орудий Мальтинской стоянки только одно орудие могло быть применено для данной работы, — это орудие, напоминающее «ручное рубило». Еще более трудно объяснить целесообразность другого случая работы над рогом северного оленя: это кусок рога, поверхность которого скоблена со всех сторон (рис. 4) настолько, что обнажена всюду губчатая структура и все отростки сведены на нет. Любопытно также ребро северного оленя, по гребню которого через правильные промежутки нанесены четыре довольно глубокие зарубки, причем каждая сделана двумя срезами, направленными навстречу и вглубь. Зарубки нанесены острым режущим орудием, с более или менее правильным тонким лезвием, вероятно ножевидной пластинкой.

Довольно часто среди кухонных отбросов Мальтинского лагеря встречаются более или

менее крупные куски кости с несомненными следами рубящего орудия. Характер насечек и выщербинок на этих костях свидетельствует о том, что они являлись подкладкой при отесывании деревянных и костяных изделий. Таким образом покрывающие их следы получились случайно, иначе трудно было бы объяснить их беспорядочность. Такие кости в свое время Мортилье назвал наковаленками. Значительно реже встречаются небольшие, удлиненной формы осколки трубчатых костей с выщербинками и зарубками на одном из концов. Вероятнее всего эти следы не случайного происхождения, а являются результатом использования данной кости как ретушера. Часто встречаются также крупные куски бивня с бесчисленными тонкими прямыми бороздками и царапинами, причем многие из них расположены параллельно. Пытаясь найти объяснение происхождению этих следов, мы приходим к заключению, что данные куски кости представляют собою нечто в роде прототипа доски закройщика; ими пользовались как подкладкой при раскрашивании шкур убитых животных. Нам известны среди коллекций Красноярского музея подобные же подкладки с Афонтовой горы.

Знание кости как материала и умение эти знания претворить в жизнь характеризуют мальтинских резчиков как больших мастеров этого дела. Они безусловно знали, что свежая кость, т. е. сырая кость только что убитого животного, отличается от высохшей, так сказать, мертвкой кости. Совершенно то же можно сказать о бивне и о роге.

Свежая трубчатая кость довольно мягка, вязка и при некотором усилии режется кремневой пластиной и нуклевидным скребком, давая не вполне гладкую короткую стружку. Во всяком случае, сырая кость при некоторой сноровке легко может быть обработана кремневыми орудиями. Другое дело, если кость полежит на солнце или ветру: она в очень короткое время теряет жиры и влагу в верхних своих слоях, становясь твердой и хрупкой. Кремень по ней скользит, не давая стружки. Лишь при очень сильном воздействии нуклевидным скребком можно получить мелкую занозистую стружку.

Бивень отличается еще большей плотностью и вязкостью по сравнению с обычной костью, а потому даже в свежем состоянии обрабатывается с большим трудом. При высыхании обработка его кремневыми орудиями почти невозможна. Кроме того, высохший бивень очень часто расслаивается, чем еще больше усугубляется сложность его обработки. Следует отметить, что полируется бивень безусловно лучше в сухом виде. Полировка бивня в Мальтинском лагере достигалась тонким скоблением,

Рог северного оленя в свежем состоянии сравнительно мягок и без особого труда может быть обработан кремнем. Но с течением времени, все большее высыхая, рог теряет удобные для обработки свойства, становясь твердым. Вполне высохший рог вряд ли мог быть обработан каменными орудиями без применения шлифовального камня. Следует отметить, что из рога изготавливается очень небольшой процент орудий, главным образом рукоятки к кремневым орудиям.

Рог имеет очень большую сопротивляемость на раскол, что особенно ценялось при изготовлении долот и рукояток. Есть основания полагать, что мальтинские резчики по кости прекрасно знали способы размягчения кости. Это можно доказать осмотром диадемы из детского погребения, которая изготовлена из тонкого стерженька бивня с продольной слоистостью и представляет собою гнутий обруч. Согнуть в кольцо стержень, изготовленный из бивня, без предварительной процедурымягчения кости невозможно, так как сухой бивень неминуемо сломался бы при первой же попытке согнуть его. Автор имеет некоторый опыт в обработке кости. Кроме того, с простейшими способамимягчения кости он ознакомился, наблюдая обработку простой и мамонтовой кости у эвенков Верхне-Ангарска (оз. Байкал), у долган и гольдов на Амуре и, наконец, у старожилов Забайкалья в деревнях Турка, Нюки, Фароново.

Все туземцы Севера, пользующиеся для своих изделий мамонтовой костью, высохший бивень, прежде чем пускать его в работу, более или менее длительно мочат в воде. Неплохие результаты достигаются при нагревании мокрой кости. Нам удалось однажды наблюдать, как эвенк исправлял мензурку для пороха из бивня мамонта. Необходимо было прорезать новое отверстие («петлю»). Сначала кость была завернута в несколько рядов мокрой тряпки, после чего этот сверток был еще обильно смочен в воде и положен в специально выкопанную в золе горящего костра лунку. Когда начала обугливаться верхняя часть тряпки, пакет был извлечен. Распаренная кость была быстро обработана.

Значительно более простой способмягчения обыкновенной трубчатой кости автору пришлось наблюдать на оз. Котокель. Местные рыбаки, наряду с деревянными иглами для вязания сетей, иногда заготовляют и kostяные из трубчатых костей крупных млекопитающих (лошадь, корова, лось). Для этой цели грубо отесанная стенка трубчатой кости просто нагревалась на пламени костра. Оказывается, что даже просто горячая кость обрабатывается значительно лучше и легче холодной. Указанный способ имеет существенные недостатки: под влиянием дей-

ствия огня кость становится более хрупкой. У гольдов на р. Амуре, в истоках речки Черной, автору удалось наблюдать обработку всех видов кости. Ее погружают в котел с кипящей водой, где и держат в зависимости от требований работы. Чем тоньше и сложнее по своей форме изготавляемая вещь, тем мягче должна быть кость, и тем дольше она должна распариваться. Средние сроки такой варки — от 5 до 10, иногда и более часов. В результате длительной варки кость, кроме мягкости, становится гибкой, причем исключительную гибкость обнаруживает бивень мамонта. Будучи еще в горячем и влажном состоянии, он может быть согнут в обруч, спираль и т. д. Если закрепить пластину распаренного бивня на специальном лекале либо просто обмоткой, придав пластине желаемую изогнутость, то по высыхании последняя сохраняет приданную форму. Обработанная таким образом кость по высыхании вновь приобретает все ей присущие свойства — твердость, упругость и т. д. Аналогичные по своему существу способы размягчения кости применяются русскими старожилами Восточной Сибири. Крестьянки, изготавливая длинные тонкие костяные спицы для вязания шерсти, поступают совершенно так же, как и гольды. Для изготовления спиц выбирается краинная кость (лошади, коровы). Несколько ударами топора отделяются эпифизы и раскалывается по длине на два-три куска трубчатая часть кости. Полученные осколки кладутся в чугун с водой и ставятся в русскую печь на 5—7 час., после чего кость прекрасно стругается обыкновенным ножом и изготовление из нее спиц не представляет большого труда.

Конечно, простое вымачивание бивня в эпоху палеолита было известно. Однако приготовление некоторых изделий из бивня мамонта не могло иметь места без длительного распаривания. Не может быть и речи о простом нагревании, так как интересующий нас материал — бивень — при нагревании растрескивается. Отсутствие в палеолите огнестойкой посуды, необходимой для длительного распаривания кости, поставило перед автором задачу: опытным путем найти способ размягчения кости, возможность которого в условиях палеолитической культуры не вызывала бы сомнения.

Вымачиваемый в течение 5 дней кусок бивня мамонта был завернут в кусок свежей шкуры, предварительно тоже вымоченной до разбухания кожи. Шкура, обращенная мехом внутрь, была обернута вокруг кости три раза. Затем приготовленный таким образом пакет был положен в костер, где и держался до полного спекания шкуры, которое наступило через 1 час 45 мин. Совершенно спекшаяся мягкая обертка из шкуры развалилась

при прикосновении. Температура кости была так велика, что некоторое время ее нельзя было взять в руки. Кусок кости свободно строгался перочинным ножом и кремневой пластиной. Стружка получалась длинная, завивающаяся в спираль. Отколотая пластинка распаренного бивня свободно сгибалась. Вполне вероятно, что аналогичный способмягчения кости применялся и во времена палеолита.

Излюбленным материалом обитателей Мальтинского лагеря был бивень; из него изготавливались все виды костяных изделий, начиная от игл и кончая сложными орнаментированными украшениями. Большая часть обломков слоновой кости представляет собою нижнюю полую часть бивней, т. е. вместилище пульпы, конусообразный канал, обращенный основанием к черепу, достигающий 75 см длины. Бивни в нижней своей части глубоко заключены в сильно выдающихся трубообразных альвеолах черепа. Бивни извлекались целиком и вместе с мясом и шкурой переносились к жилищу.

Извлечение бивней мамонта нам представляется в следующем виде: череп освобождался от покрывавшей его шкуры и мускулатуры, альвеолы разбивались, обнаженные бивни легко вынимались. Нам известно, что находят достаточно часто черепа мамонта на других палеолитических стоянках. Нередко черепа имеют бивни, у других они выломаны, но, как известно, исследователи, как правило, не давали себе труда более тщательно изучить эту деталь.

Среди обломков бивня на стоянке Костенки I, раскопавшейся П. П. Ефименко при нашем участии в 1934 г., ни разу не попалось ни одного куска верхней части бивня (корня). Все куски бивней имели довольно ясные следы искусственных изломов и надрубов. Это дает возможность предполагать, что на некоторых палеолитических стоянках бивни не выламывались, а обрубались, т. е., не нарушая альвеол, на бивне у самого его края делались надрубы каменным топорообразным орудием, после чего бивень обламывался по намеченной границе. Но это лишь предположение, подтвердить которое может только тщательный анализ найденных на стоянках черепов мамонта. Следует отметить, что бивень в корневой своей части, т. е. в части, заключенной в альвеоле, значительно хуже по материалу. Указанная часть бивня отличается более рыхлой, легко трескающейся структурой кости. Учитывая это, малтинец отделял корневую часть бивня как недоброкачественную. Очень трудно говорить о способах расчленения бивня на куски. В работах исследователей палеолита можно встретить глухие замечания: «бивень был распилен» или «бивень имел круговую борозду», «бивень перерезан» и

т. д. Но, к сожалению, ни один из авторов не дает даже краткой характеристики упоминающихся им порезов, распилов, надрезов и т. д., точно так же никто не пытается определить орудие, оставившее те или иные следы.

В настоящее время мы располагаем незначительным количеством образцов бивня со следами его расчленения. Среди большого количества разнообразных кусков этого материала на стоянке Мальта только 4 куска могут служить свидетельством применения того или иного способа расчленения бивня. Один из этих кусков имеет раковистую поверхность излома. Получение такого излома возможно лишь при условии очень сильного удара, причем предварительно бивень должен был быть уложен на горизонтальную твердую поверхность и под один из концов его подложен кусок кости или камня. Даже самые крупные отбойники Мальтинской стоянки вряд ли могли служить для данной работы, так как самый тяжелый из них едва превышает 4 кг, и естественно, что удар, нанесенный таким отбойником, не может быть достаточно силен. Вполне вероятно, что для этой цели употреблялись крупные куски известняка, плиты которого в изобилии были разбросаны по всей площади лагеря. Эти же плиты могли быть использованы в качестве подкладок под бивень.

Два других обломка бивня, взаимно дополняя друг друга, указывают на умение мальтинцев расчленять бивень несколько более совершенным способом. Смежные края этих обломков имеют довольно правильную широкую зарубину на глубину трети толщины бивня. Края и дно зарубин красноречиво свидетельствуют о величине и форме орудия, а также и о степени эффективности его работы. Из всего ассортимента кремневых орудий для данной цели могло служить орудие, представленное довольно полной серией на нашей стоянке. Это то, что может быть названо «ручным рубилом» овальной или миндалевидной формы. Следы лезвия этого рубящего орудия на поверхности заруба указывают на сравнительно слабую его эффективность. Даже самый сильный удар едва проникал на глубину 0,5 см. Любопытно, что насечка производилась совершенно так же, как и по сию пору она производится топором. Первый удар почти перпендикулярен к поверхности бивня, второй — под углом 45° к поверхности первого и т. д. Поверхность заруба ступенчата и передает все неровности лезвия орудия.

Перерубив бивень на треть толщины, мальтинец сильным ударом переломил его на две половины, но так и не использовал их для дальнейших целей, оставил лежать оба куска рядом.

Последний, четвертый, кусок бивня не

вполне расчленен, хотя широкая зарубина и прорезает его почти на треть толщины. Эта зарубина или скорее выемка поражает своей шириной и характером плоскостей. Верхние края ее расположены друг от друга на 25 см.

Несомненно, что работа производилась орудием, имеющим тупое широкое лезвие, посредством очень сильных ударов. При рассматривании в лупу поверхности зарубки ясно видно, что волокна бивня не перерублены, а как бы смяты. Рядом с бивнем

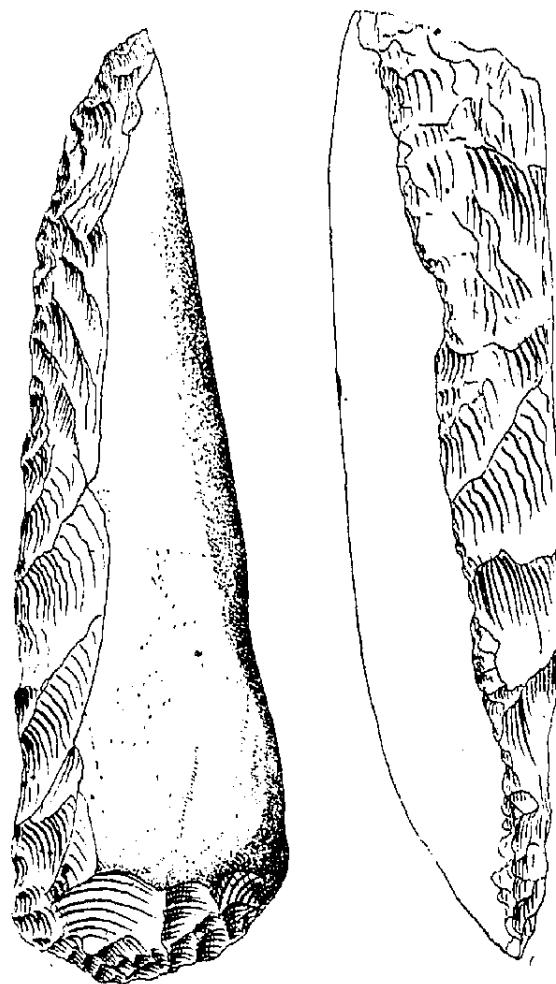

Рис. 5. Рубящее орудие из крупной гальки диорита. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

было найдено довольно крупное орудие из гнейса, по своему типу принадлежащее к серии так называемых крупных отбойников; оно изготовлено из валуна и имеет грубо оббитое лезвие (рис. 5).

В Костенковской стоянке имеется кусок толстого бивня, длиной около 80 см. Одна из сторон его имеет явные следы рубящего орудия. Эти следы с достаточной убедительностью свидетельствуют о небольших размерах рубящего орудия и о том, что лезвие его было неправильно, с рядами углов и выщербин. Поворачивая бивень, человек почти перерубил его, и только с одной стороны небольшой конец был обломан.

Исключительный в своем роде образец расчленения тонкого бивня дает сибирская

стоянка Афонтова Гора. Здесь применен совершенно другой технический прием, и рубящее орудие заменено режущим. Указанный бивень имеет круговую нарезку, прорезающую бивень на $\frac{1}{4}$ всей толщины. Полное расчленение достигалось ударом тяжелого орудия. В. И. Городцов на стоянке Тимоновка нашел три куска бивня молодого мамонта с аналогичными следами расчленения путем кругового надреза.

Дальнейшей стадией обработки бивня является оформление полуфабриката, т. е. грубых заготовок для тех или иных поделок. Среди отбросов производства мальтийских мастеров имеются следы бытования двух приемов предварительной обработки бивня.

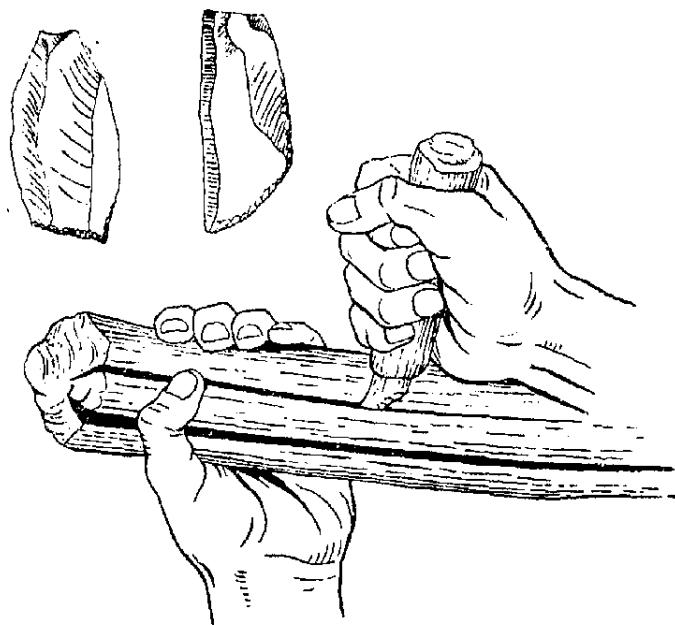

Рис. 6. Способ продольного расчленения бивня режущим орудием и кремневые лезвия режущего орудия.

Первый способ чрезвычайно прост. Крупный кусок бивня ставился вертикально на твердое основание и по верхней его части наносился удар отбойником. Удар отбойником должен был быть всегда направлен несколько наискось от центра к краю. Кусок бивня являлся как бы нуклеусом, а полученные отщепы служили материалом для дальнейшей обработки. Подобные нуклеусы, с целым рядом больших и малых фасеток, известны не только на стоянке Мальта. По словам П. П. Ефименко, они встречались ему на стоянке Супонево; совершенно такой же нуклеобразный кусок бивня найден автором при раскопках в Костенках I в 1933 г.

Второй способ был более сложным (рис. 6) и, насколько нам известно, применялся только мастерами Мальтийского лагеря. Во всяком случае, ни одна из стоянок СССР не имеет зафиксированных отбросов,

характеризующих данную работу. Сущность этого способа такова. По всей длине куска бивня глубоко прорезались две параллельные борозды режущим орудием. Последнее представляет собою ножевидную пластину, конец которой, противоположный ударному бугорку, превращен мелкой ретушью в лезвие. Указанные пластины были снабжены либо деревянными либо костяными рукоятками. Для прорезания борозд мог употребляться и так называемый клювовидный резец. Резание производилось только в одном направлении. Ясно видимая здесь штриховатость идет в одном направлении без перекрещивания. По окончании прорезания борозд заключенная между ними часть бивня отбивалась отбойником. В результате операции мальтинец получал длинный, тонкий кусок кости с правильной скоистостью, вполне пригодный для дальнейшей обработки. Указанный способ применялся, главным образом, при изготовлении длинных и тонких наконечников, булавок, острый и т. д. Полученный кусок кости после предварительного размягчения обрубался и обстругивался до придания желаемой формы. По высыхании поделка тщательно склаживалась и полировалась, после чего сверлилось отверстие и наносился тот или иной орнамент.

Любопытно, что на стоянке Мальта среди всего многообразия костяных изделий до сих пор не найдено ни одного со следами шлифования на точильном камне. Точно так же ни одного куска песчаника или другого какого-либо камня, могущего нести функции шлифовального камня. Между тем техника шлифовки костяных орудий посредством точильных камней известна еще с солютрейского времени. Все стоянки Костенковско-Боршевского района имеют и шлифованные предметы из кости и плитки песчанистых сланцев, служивших в качестве шлифовальных камней. Среди материалов Гагаринского жилища известны крупные подвески из слоновой кости в форме оленевого зуба и одно острие; и подвески и острие заполированы и заточены с помощью шлифовального камня. Весь енисейский палеолит и Верхоленская Гора дают ряд прекрасных образцов шлифовальных камней, а равно и предметов из кости, подправленных посредством точильного камня.

Простая кость утилизировалась, вероятно, только свежая.

Подобно кремню, кость легко оббивается, давая осколки, совершенно сходные с кремневыми отщепами. Палеолитический мастер знал это свойство кости и в целях упрощения процесса работы грубо ее оббивал, придавая осколку кости желаемую форму, приближенную к форме изготавляемого орудия. Затем тщательным скоблением работа завершалась. Оббивание кости производи-

лось легким отбойником, представляющим собою небольшие речные гальки, на концах которых обыкновенно имеется выщербина от ударов.

Еще проще работа по рогу северного оленя. Мастер просто стругал, резал и скоблил не успевший еще высокнуть рог, придавая ему желаемую форму. Так же, как при работе по бивню и простой кости, основную работу при резьбе по рогу человек производил не ножевидными пластинами и пластинами-скребками, а крупными нуклевидными орудиями и скребком высокой формы. Резцы и микрорезцы употреблялись при нанесении деталей и орнамента; мелкие скребки служили для зачистки, скобления и полировки.

Кончая общую часть, переходим к описанию нашего материала, причем следует помнить, что нами будут даваться описания наиболее характерных изделий из кости, с попыткой объяснения их функций и возможным освещением приемов изготовления. При описании костяного инвентаря мы не склонны делить его на какие-либо группы, связанные с бытом мальтицев, так как, несмотря на значительную дифференциацию костяных орудий, большинство из них могло служить при самых разнообразных работах. Считаем возможным описывать обработанную кость в порядке сложности изготовления, объясняя вероятное назначение отдельных вещей.

Ножи являются наиболее простыми орудиями из кости по технике их изготовления. Чаще всего для них использовались случайные осколки трубчатых костей, края которых превращены в грубое лезвие.

Незначительное число таких орудий говорит о малом их употреблении. Величина этих костяных орудий незначительна, в пределах 87—90 мм. Трудно определенно говорить о назначении их. Во всяком случае для работы по кости и дереву они не могли служить. Остается предполагать, что посредством их сдирались с убитых животных шкуры.

Гладильники приготовлены из случайных кусков бивня. Поверхность их несет следы небрежной обработки. Они представляют собою плоские стержни с заполированными концами. Объяснение их функции возникло у нас при сравнении их с гладильниками у скорняков. Последние имеют среди своего инвентаря небольшие уплощенные палочки из кости или из твердого дерева, употребляющиеся ими для разглаживания швов.

Сравнивая орудия скорняков с орудиями стоянки Мальта, можно убедиться, что характер изношенности их рабочих концов совершенно аналогичен. Якуты, юкагиры, коряки, эвенки, гольды при шитье одежд и обуви из шкур животных обязательно упо-

требляют для размягчения и разглаживания швов очень сходные по форме рабочего конца костяные гладильники, но более изящной формы, передко орнаментированные. Кроме гладильников, для аналогичных целей употребляются так называемые лопаты. Эти лопаты чрезвычайно разнообразны по своим формам, но рабочий конец их всегда имеет один и тот же характер изношенности. Одно такое лопаты найдено на стоянке Мальта. Это лопаты представляет собою кусок отростка рога оленя с сильно изогнутым концом. Самый конец рога искусственно уплощен с обеих сторон, а сильная стертость его по внешней стороне не вызывает сомнения в смысле применения этого примитивного орудия.

Широкое употребление различных минеральных красок на стоянке Мальта¹ послужило основанием предполагать здесь наличие специальных приспособлений для их размельчения. Ни ступок, ни каких-либо приспособлений для растирания красок не найдено. Правда, на целом ряде плит известняка встречены следы как бы втертой краски. Среди костяных изделий были обнаружены куски стержневой части рога северного оленя цилиндрической формы, длиной от 12 до 15 см при диаметре 3—3.5 см, с сильно стертными концами, на которых были обнаружены мельчайшие кусочки минеральных красок, застрявшие глубоко в порах рога.

Костяные долота — сравнительно редко встречающийся тип орудий на палеолитических стоянках. Из всей массы различных костяных орудий стоянки Мальта только три могут быть названы типичными долотами. Два из них приготовлены из рога северного оленя (рис. 7, 8), а третье из толстой стенки трубчатой кости. Одно из них изготовлено из крупного куска рога. Односторонне обработанное лезвие его сильно скошено и носит выщербину, вероятно полученную в результате работы. Верхняя часть сильно смята, по краям видны зазоры от ударов. Второе долото тоже изготовлено из рога, но несколько меньше по своим размерам и имеет двусторонне обработанное лезвие. Обух его точно так же смят в результате работы с помощью ударника или колотушки. Функции этих долот немногоОразны; они служили в качестве клиньев при расчленении черепов крупных млекопитающих и, вероятно, при изготовлении не-

¹ Найдены зеленая (сернистая медь), вишневая, сиреневая, коричневая, яркокрасная (различные железистые соединения), белая (мел, известняк). Все эти краски, судя по большим количествам остатков, широко использовались человеком, вероятно, с самыми разнообразными целями, начиная от покраски бытового инвентаря, орудий охоты, украшений, кончая возможной раскраской лица и тела.

сложного бытового инвентаря из дерева. Для этих же целей, вероятно, служило небольшое долотообразное орудие, к сожалению представленное в нашей коллекции единичным и поломанным предметом. Это — овальный, слегка уплощенный в сечении стержень, сделанный из массивной стенки трубчатой кости. Сохранилась лишь нижняя часть орудия с круто приостренным плоским острием. Величина фрагмента

Рис. 7. Долото из рога северного оленя.
1/2 нат. вел.

8.5×0.65 см. Аналогичные орудия известны на многих стоянках. Афонтова Гора дает прекрасные серии этого типа долот. Верхняя часть всех этих орудий имеет более или менее ясные следы ударов.

Величина и форма орудий верхнего палеолита нередко заставляли исследователей задумываться над вопросом о креплении их в рукоятке. Были попытки реконструировать рукоятки путем обмотки нерабочего конца орудия кусками кожи, заливки смолой и т. д. Но некоторые из археологов отстаивали возможность применения кремневых орудий непосредственно от руки. Нам не представляется возможной работа по кости каменным орудием без предварительного его укрепления в деревянной или костяной рукоятки.

Без сомнения большинство рукояток делалось из дерева, почему почти нельзя рассчитывать на находку их в условиях от-

крытых стоянок средних широт. Что рукоятки в эпоху верхнего палеолита имели место, блестяще доказано находкой рукоятки с кремневым лезвием на Мальтинской стоянке. Насколько нам известно, еще ни разу среди культурных остатков палеолита не было найдено кремня в прямой связи со специально сделанной рукоятью из кости. Орудие это не представляет собою ничего необычного: это пластина со скошенным

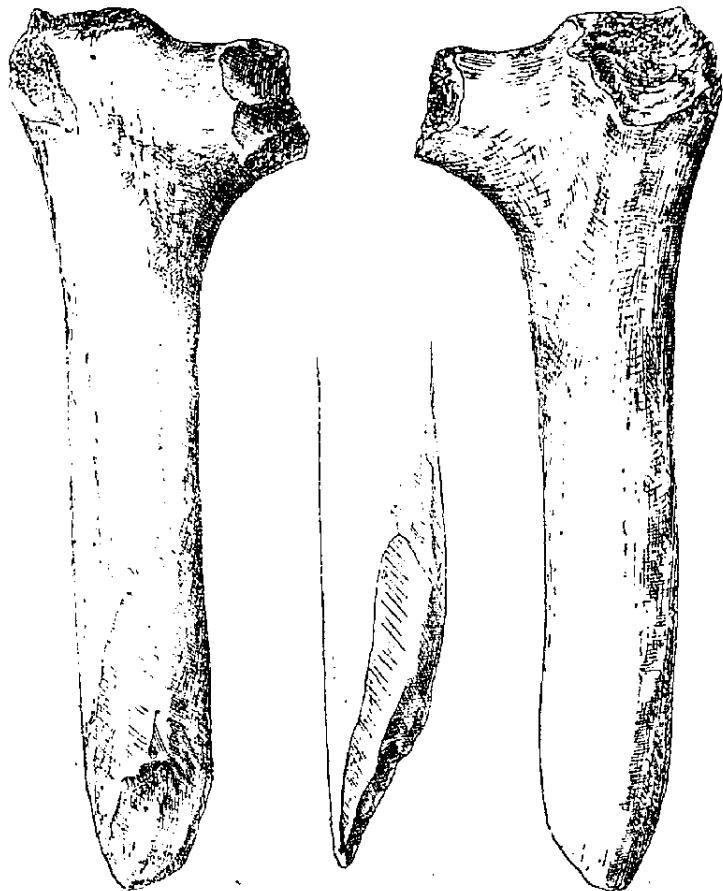

Рис. 8. Долото из рога северного оленя.
1/2 нат. вел.

лезвием на конце, одно из распространенных орудий Мальтинского лагеря. Рукоятка очень примитивна, изготовлена она из куска основного стержня оленевого рога. Вверху рог обломан, причем неровности излома даже не заглажены. Рукоятка очень удобно укладывается в руке. Рентгенологический снимок показывает, что кремневая пластина глубоко всажена в предварительно прорезанный паз. Приходится удивляться мастерству человека, с таким искусством прорезавшего глубокий паз, в точности передающий очертания основания кремневой пластины. Судя по этому снимку, нижний конец кремневой пластины заведомо уплощен ретушировкой и сужен. Не исключена возможность, что, для придания большей стойкости кремневому лезвию в рукоятке, паз, а быть может и внешняя часть рукоятки у лезвия были залиты асфальтом из растительной смолы с примесями золы, песка,

как обычно практикуется различными туземными племенами Африки, Австралии и Азии. Автор лично наблюдал, как закреплялось лезвие эвенкийской «пальмы» (охотничья рогатина) посредством вареной лиственничной смолы и сухожилия оленя. Для придания смоле большей стойкости на излом, при ее варке примешивались зола, песок и немного глины. Решая вопрос о назначении пластины с лезвием на конце, автор, до находки рукоятки, считал ее разновидностью концевого скребка с функциями скобления.

В настоящее время есть основания пред-

тиалом для ее изготовления послужил, как обычно, рог северного оленя, причем использованы изгиб стержня и место ответвления глазничного отростка. Глазничный отросток удален и на его месте тщательно прорезано широкое вместилище для обуха крупного орудия. Более или менее длинные куски стержня рога по обе стороны прореза представляют собою удобные для захвата руками концы рукоятки. Среди кремневых орудий Мальтинской стоянки имеется целый ряд уплощенных широких скребел, со слегка выпуклым лезвием (рис. 9).

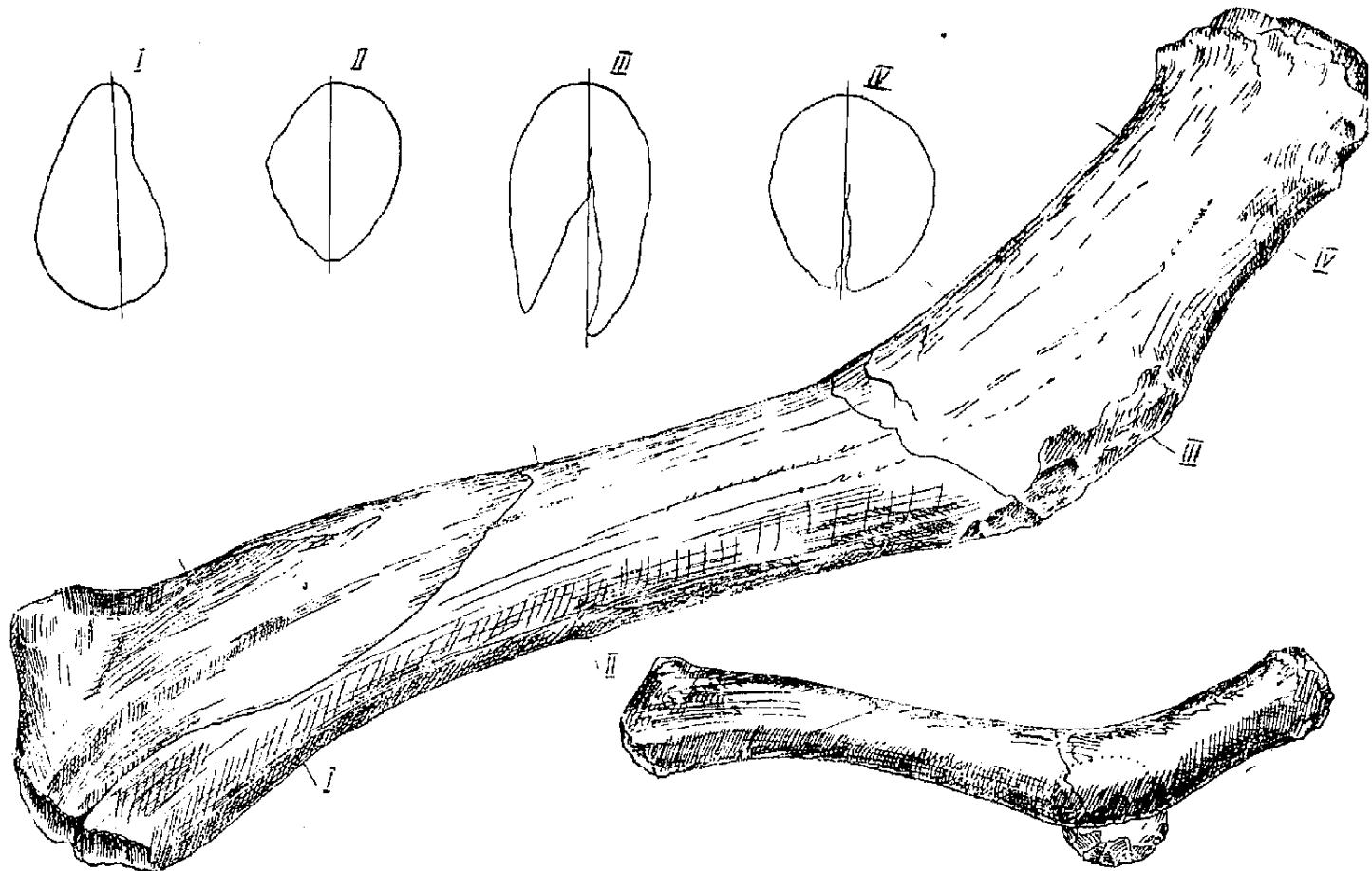

Рис. 9. Рукоятка скребка из рога оленя и реконструкция всего орудия.

полагать, что пластины с прямым либо скошенным лезвием, заключенные в рукоятку, являлись режущим орудием. Орудие со скошенным лезвием имеет функции, сходные с работой ножа, а орудие с прямым лезвием — ближе, по характеру работы, к стамеске. Обобщая функции пластин с лезвием на конце, следует сказать, что ими можно резать, стругать, скоблить дерево, кость, шкуру. Вполне оформленных рукояток, аналогичных только что описанной, на стоянке Мальта не найдено, но имеется ряд цилиндрических кусков рога оленя, удобных для держания в руке, в которых можно видеть недоделанные рукоятки. Очень интересна одна рукоятка, но, к сожалению, она дошла до нас в фрагментарном виде. Ма-

Путем реконструкции автор получил орудие, тождественное скобелю для обработки шкуры, а именно для сдирания мездры. Этого типа орудия бытуют и сейчас у всех народностей севера и востока Сибири, с той лишь разницей, что у якутов, бурят, танну-тувинцев и эвенков камень заменен железной пластиной округлой формы. Среди коллекций Иркутского и Хабаровского музеев имеются каменные скобели юкагиров (одулы), коряков, чукчей и алеутов, по форме совершенно аналогичные скобелю Мальтинского лагеря.

Еще Мортилье отмечал возможность употребления, начиная с мустьевского времени, случайных осколков кости, приостренных скоблением. Эти более или менее слу-

чайные орудия представлены во всех своих разновидностях колющими орудиями Мальтинской стоянки. Назначение этих орудий многообразно. Вероятно, они служили шильями, булавками, сверлами для сверления дерева, а иной раз применялись в качестве орудий охоты в виде кинжалов, острый, наконечников копий и т. д. в зависимости от формы острия и его величины. Простейшими из них являются случайные осколки трубчатых костей, один из концов которых тщательным скоблением превращен в довольно тонкое круглое острие. Столь же примитивные по своей обработке, но более крупные острия изготавливались из отростков рога северного оленя. Следует отметить случайность этих примитивных орудий, целиком подчиняющихся формам материала. Большинство таких острий дошло до нас в фрагментарном виде, за исключением целого ряда мелких шилообразных орудий.

Результатом улучшения случайного острия является шило — инструмент, имеющий более узкое применение. Шитье одежды из разных мехов, шивание покровов для жилищ — все это, естественно, обусловило величину и форму этих орудий. Для их изготовления мальтинец употреблял материал двух родов: а) бивень мамонта, б) трубчатую кость северного оленя, служившую ему для изготовления особо тонких шильев. Любопытно, что большая часть подобных орудий изготовлена из стенки метакарпальной кости северного оленя. Достаточное количество заготовок и не вполне доделанных орудий прекрасно иллюстрирует детали изготовления шила. Взяв метакарпальную кость северного оленя, мальтинец несколькими ударами отделял один из гребней внутренней стороны кости, т. е. место наибольшей ее утолщенности. Затем удалялись лишние части кости, после чего посредством скобления массивным скребком сглаживались все неровности и стержню придавалась округлая форма. Приострение конца шила достигалось скоблением. Из стенки метакарпальной кости был образован стержень шила, постепенно утончающийся, рукояткой же шила служила часть эпифиза. Длина всего шила 150 мм. Несколько особняком стоит крупное шилообразное орудие, изготовленное из нижней челюсти северного оленя. Мастером весьма удачно было использовано утолщение кости в нижней части челюсти. Все альвеолы коренных зубов вместе с зубами, а также сочленовое ответвление челюсти удалены. Передняя часть челюсти, т. е. альвеолярный край резцов, и диостема, без всякой подправки являли собою естественную рукоятку, а основная часть челюсти скоблением превращена в массивное круглое острие. Это орудие могло служить при шивании покровов жилищ из толстых

шкур крупных животных, но могло с успехом применяться и как колющее ручное оружие.

Немногочисленные шильца из бивня мамонта однообразны. Это короткие, не более 10 см, круглые в сечении стерженьки с постепенно утончающимися концами. Вероятно, толстый конец вставлялся в деревянную рукоятку. Эти шилья изготавливались путем предварительного расщепления пластины бивня на тонкие граненые стержни, закругление и заострение которых достигалось тщательным обстругиванием. Первая часть работы, вероятно, производилась либо крупным клювообразным резцом, либо пластиной со скошенным лезвием на конце. Обстругивались стерженьки скорее всего массивными ножевидными пластинами, либо нуклевидными скребками, имеющими двустороннее лезвие.

Совершенно особняком в серии разнообразных шильев стоит крупное орудие из трубчатой кости крупного млекопитающего. Первоначально это орудие было описано как изготовленное из лучевой кости человека. Дальнейшие исследования показали, что в определение кости вкарались ошибки. Это не лучевая кость человека, а кусок стенки трубчатой кости какого-то толстокожего (мамонт, носорог). Указанное орудие представляет собою грубо оформленный стержень с головкой. Тупое острие и прымывающая к нему часть орудия сильно сглажены в результате работы. Нам кажется вероятным, что данный инструмент, величина которого 160 мм, при толщине в 5 мм, служил для расширения отверстий в шкуре.

Появление иголок с ушками обычно связывают с так называемой ориньякской культурой. Действительно, начиная с первых этапов верхнего палеолита, появляются грубые иголки, ушки которых оформлялись еще очень примитивно. Параллельно с ними появляются иголки, снабженные зарубками или желобком вместо ушка. Любопытно, что развитие ушка в смысле приспособления к нитке идет на первых порах к удлинению его. Если в ориньяке и солюtre ушки игл еще совершенно круглы или слегка овальные, то к мадлену они все овальные. В конце же мадлена появляются первые признаки вводного в ушко канала для нитки. К неолиту человек уже знал и умел использовать вводный канал ушка иглы в той же мере, что и мы. Среди отбросов костей нашей стоянки обнаружено свыше 30 экземпляров иголок. Они чрезвычайно неустойчивы по своим размерам, а по форме могут быть размещены в четыре группы. Наибольшее количество их сделано из трубчатой кости северного оленя, остальные из бивня мамонта.

а) Крупные круглые иглы достигают 150 мм длины, диаметр около 4 мм. Слегка

отогнутый верхний конец имеет неширокую сверлину, не более 2 мм в диаметре, служащую ушком. Как правило, эти иглы изготавливались из трубчатой кости оленя.

б) Мелкие иглы, от 40 до 60 мм длиной, отличающиеся изящными формами, не превосходят по толщине современную стальную штопальную иглу. Круглые ушки, очевидно, предназначались для очень тонкой нитки. Материалом для изготовления этого типа игл служил бивень.

браслетов и т. д. Характерной и общей чертой найденных игл является отсутствие вводного желобка и округлость ушка.

г) Кроме описанных игл с ушками для продевания нитки, на стоянке Мальта была найдена игла, снабженная не ушком, а глубокой круговой зарубкой. К сожалению, эта игла дошла до нас в виде небольшого обломка.

Иглы выстругивались из предварительно размоченной и расцепленной на узкие па-

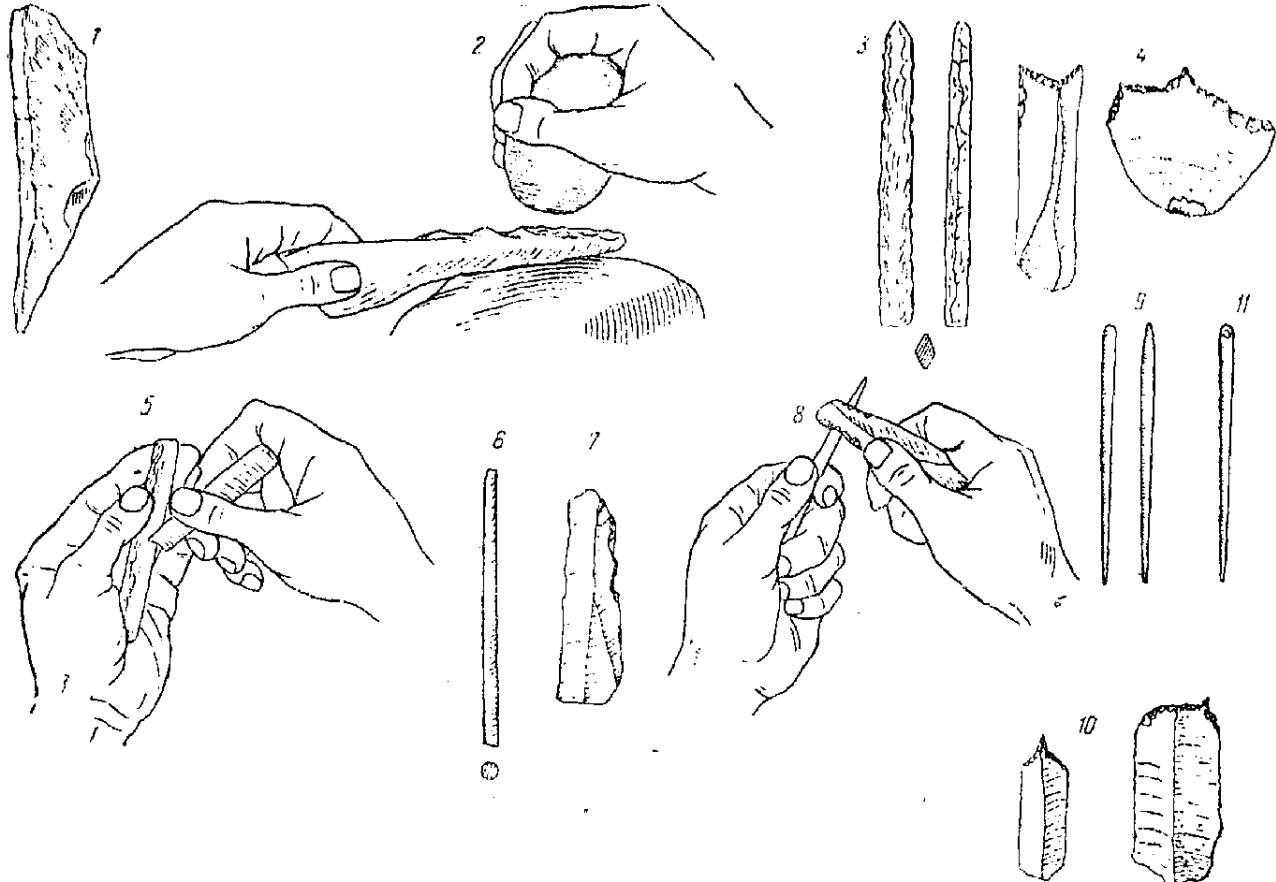

Рис. 10. Техника изготовления костяной иглы.

1—осколок трубчатой кости; 2—оббивка трубчатой кости; 3—оббитый стерженек из трубчатой кости; 4—кремневые орудия с вогнутым лезвием, служащие для обработки кости, пластика и скребок; 5—скобление костяного стержня; 6—круглый костяной стержень; 7—кремневая пластинка с боковой выемкой; 8—заострение стержня скоблением; 9—полуфабрикат иглы; 10—проколки, служащие для просперлиивания ушка иглы; 11—законченная игла из кости.

в) Крупные плоские иглы из бивня. Особенностью этих широких плоских игл является их сильная изогнутость и то, что некоторые из них по внешнему краю скруплены нанесением ряда неглубоких ямок. Широкие ушки, нередко достигающие в диаметре 3 мм, имеют округлую или слегка овальную форму. В 1934 г. был найден небольшой фрагмент такой иголки с изящным орнаментом в виде ряда волнобразных параллельных линий. К сожалению, следует указать, что иголок указанного типа совершенно целых не найдено. Не исключена возможность, что найденные нами иглообразные фрагменты нередко в действительности являются обломками предметов совершенно другого назначения, например тонких головных обручей, либо

лочки слоновой кости. Один из концов круглого стерженя тщательным подсверливанием кремневой пластинки с вогнутым лезвием превращался в острие. Ушко просверливалось тонкими каменными серединными или угловыми проколками, причем сверление происходило только с одной стороны, и по окончании отверстие рассверливалось с другой стороны.

Следует отметить, что проколкой не производили круговоротельного движения, а методически поворачивали ее в одну и другую стороны на полоборота. Изготовление плоских игл несколько сложнее, так как после изготовления плоских стержнейков последние распаривались и стягивались ремешком наподобие лука. По высыхании кости на внешней стороне наносился орна-

мент в виде неглубоких ямок и просверливалось ушко (рис. 10). Изготовление игл из трубчатой кости происходило другим путем. Стругать простую кость трудно, не легко она и скоблится, а потому ее предварительно подвергали оббивке. Свежая трубчатая кость легко оббивается при легких, наискось направленных ударах. Непременным условием при оббивании кости является твердое основание, на котором производится данная операция. Таким основанием, подкладкой, с успехом может служить кусок крупной кости либо камень. Оббитая таким образом кость представляет собою тонкий, в сечении ромбoidный стерженек, грани которого образованы массой мелких фасеток. Дальнейшая обработка велась посредством скобления. Для этой цели употреблялись специальные кремневые орудия, пластины с вогнутым лезвием на конце и погнутые скребки из отщепов, либо случайные осколки, которые в результате работы приобретали на рабочей своей стороне одну или несколько выщербин с мельчайшей ретушью.

Место, где просверливалось ушко, обычно уплощалось, что облегчало работу по просверливанию отверстия.

Следует оговориться, что изготовление игл, видимо, было делом нелегким, так как среди игл нашей коллекции можно видеть ряд таких, которые имеют вторичную сверлину, сделанную после поломки первого ушка.

Постоянная охота на крупных животных, служившая чуть ли не единственной возможностью существования обитателей Мальтинского лагеря, как будто бы должна была оставить определенный след в костяном инвентаре указанной стоянки в виде разного рода орудий, связанных с охотой на крупного зверя.

Однако это не так. Нам совершенно неизвестны орудия охоты на крупных толстокожих. Немногочисленные, действительно охотничьи орудия, имеющиеся в нашей коллекции, в лучшем случае могли служить при охоте на сравнительно мелкую дичь.

Простейшим орудием этой группы является кинжалообразное острие. Это крупный, приостренный к одному концу стержень из трубчатой кости мамонта. Имея в своем основании овальное сечение, данное орудие к концу уплощается, образуя шпателевидное острие (рис. 11).

К группе специальных орудий охоты несомненно принадлежат длинные, тонкие, с обеих сторон заостренные стержни из бивня мамонта. Значительное количество обломков орудий этого типа было найдено в первые годы раскопок, но их состояние не дает права делать какие-либо предположения об их назначении. Поэтому особенно

ценен факт нахождения целого подобного орудия.

В 1932 г. при раскопках участка V, обнаружившего часть небольшого жилого комплекса, под плитой известняка были най-

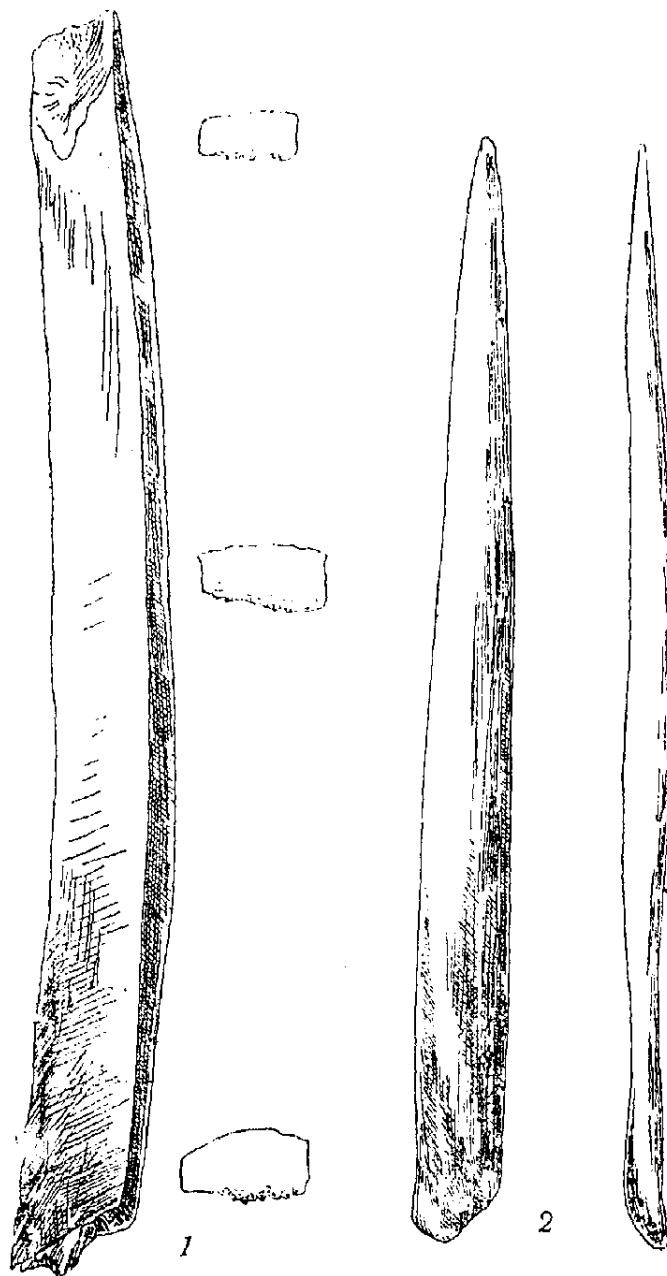

Рис. 11.
1 — заготовка орудия; 2 — готовое кинжалообразное орудие из трубчатой кости мамонта. $\frac{1}{2}$ nat. vel.

дены фрагменты орудия из бивня. В результате реставрационной работы, позволившей собрать целиком эту находку, был получен длинный тонкий стержень, равномерно утончающийся к концам и заостренный с обеих сторон. Некогда прямой стержень был сильно искривлен. Орудие покрыто тонким орнаментом в виде спиральной линии, опоясывающей стержень по всей длине. Любопытно, что на поверхности стержня сохранились следы, до некоторой степени указывающие на технику его изготовления. Все всякого сомнения данное орудие приго-

твлено посредством тщательного выстругивания. Длинные узкие грани срезов отчетливо видны по всей поверхности стержня. Работа могла быть выполнена посредством острого кремневого лезвия, снабженного массивной рукояткой. Нам представляется работающий, вооруженный данным орудием, протаскивающий обрабатываемый стержень между своим коленом и плотно поставленным лезвием инструмента над ним. Только при таком техническом приеме возможно получение правильных длинных и гладких срезов. Считаем уместным упомянуть, что все народы, изготавлиющие древки для стрел, поступают совершенно аналогично.

Пытаясь объяснить назначение описанного предмета, автор обращался к этнографическим материалам и пришел к заключению, что этот стержень является частью очень распространенного орудия охоты на птиц и крупных рыб. Это орудие в его целом представляет собою ряд острий (от 3 до 10 штук), аналогичных описанному, укрепленных в виде расходящегося пучка на более или менее длинном древке. Пользуясь таким орудием в качестве дротика, можно с успехом бить водоплавающую птицу в момент ее нахождения на воде. При ловле крупной рыбы такое орудие нисколько не уступает современной остроге.

Подобные орудия были распространены у арктических племен и обитателей островов Тихого океана. Однако последние, делая подобные орудия, острия их изготавливали не из кости, а из дерева.¹

Наконечники копий или дротиков представлены двумя фрагментами. Это более или менее короткие, эллипсовидные в сечении, массивные острия с грубо прорезанными в основании пазами для вставки древка. Сохранилась нижняя часть орудия с широким прорезом в основании. К сожалению, фрагменты настолько плохой сохранности, что трудно судить о технике их изготовления. Наконечник плотно укреплялся посредством обмотки сухожилиями к более или менее длинному древку. Дротик снабжался легкой рукояткой, употреблялся как метательное орудие, способное поразить средней величины животное на значительном расстоянии. Копье — более тяжелое, по функции является прототипом пальмы-рогатины и могло служить для поражения крупных животных на близком расстоянии.

Кроме описанных орудий, назначение которых не вызывает, с нашей точки зрения, особых сомнений, отмечаем группу предметов, функции которых нам совершенно не ясны. Не желая давать каких-либо названий,

¹ По материалам музеев Иркутска, Красноярска, Хабаровска и Ленинградского музея антропологии и этнографии.

могущих вызвать ложное представление об описываемом предмете, автор считает возможным привести их описание.

Чрезвычайно любопытная серия однотипных орудий из бивня мамонта,¹ при поверхностном осмотре которых можно приписать им функции колющих орудий. Достаточно подробное описание этих орудий²дается в отчете о раскопках стоянки Мальта за 1928—1929 гг.³

Как правило, — это крупные орудия, представляющие собою стержни от 20 до 27 см длиной, всегда более или менее изогнутые. Типичным орудием этой серии является совершенно целый наконечник, найденный при разборке одного из жилищ в 1928 г. Это — слабо изогнутый стержень, длиной 27 см, эллипсовидный в средней своей части, с наибольшим диаметром в 15 мм. По мере удаления от середины, концы его постепенно утончаются, с одной стороны переходя в острие, с другой — образуя рукоятку орудия, снабженную для укрепления древка рядом круговых борозд. Интересно, что все орудия этой группы имеют непрерывный ряд поперечных борозд от рукоятки до острия, что придает данным орудиям большое сходство с рашпилем. Рассматривая эту бороздчатость, автор склонен считать ее результатом определенной работы, в то же время он совершенно не представляет характера работы, следы которой могли бы создать эту своеобразную поперечную штриховатость. Для нас является несомненным, что данную бороздчатость следует рассматривать как следы определенной работы, а не как нарочито сделанную. Это может быть иллюстрировано рядом орудий, штриховатость которых менее чиста, т. е. орудие является как бы менее сработанным. При увеличении можно видеть, что борозды имеют характер желобчатости, а не зарубин. Кроме того, можно заметить, что правые стороны борозд более глубоки и широки, чем их остальная часть. Явно видно, что в средней части стержня борозды менее глубоки, чем у острия. Между тем совершенно ясно, что обнаруженные следы несут характер случайности, так как нередко ряд параллельных борозд пересекается. Отсутствие определенной правильности в расположении бороздок исключает возможность говорить о преднамеренном нанесении их на поверхность данных орудий.

Кроме того, найдены рукоятки и острия с явными следами кругового перерезания. Для чего расчленялись эти орудия и в какой связи это находится с их назначением,

¹ Одно орудие этой серии сделано из стержня рога северного оленя.

² Они описаны как кинжалообразные острия.

³ См.: Мальта — палеолитическая стоянка. Изд. Краевого музея, Иркутск, 1931.

нам совершенно не ясно. В своем первом отчете эту группу орудий автор описал как кинжалообразные острия. Приведенное описание следов работы на их поверхности противоречит такому определению. На одном из заседаний Кафедры дородового общества ИИМК автором был поднят вопрос о назначении этой многочисленной группы орудий Мальтинской стоянки. П. П. Ефименко указал на известный факт находок в верхнем палеолите составных гарпунов, состоящих из основного стержня и прикрепленной к нему под углом длинной заостренной костяной палочки, образующей и острие и бородку гарпуна. Штриховка, наблюдающаяся на интересующих нас предметах, могла быть нанесена с целью облегчения прикрепления костяных зубцов. Не считая возможным указать действительную функцию этих орудий, автор все же склонен искать для них иное объяснение. При высокой технике обработки кости мальтинцам безусловно было бы значительно легче вырезать гарпун целиком, т. е. вместе с шипами, чем потом, отдельно изготовив шипы, прикреплять их сложной обмоткой к гладкому стержню. Наконец, если принять предложенное объяснение, то оставалось бы непонятным наличие описанной штриховатости, так как для прикрепления зубцов требовалось бы иного характера насечки, располагающиеся не на одной из сторон стержня, а кольцами вокруг него.

Среди неопубликованных мелких обломков обработанной кости Афонтовой Горы находится фрагмент (3 см длины), имеющий совершенно аналогичную штриховатость по одной из сторон (см. материалы Г. П. Сосновского, Афонтова Гора, хранится в Эрмитаже).

К разделу предметов неопределенного назначения относится поделка из бивня, напоминающая маленький лук. Это длинный, тонкий стержень (580×4 мм), круглый в сечении, тщательно выструганный, с пристранными концами.

Кроме того, можно отметить несколько орудий, рассматриваемых нами вначале как обломки рукояток шильев. Позднее, при более тщательном анализе этих фрагментов выяснилось, что это не обломки, а совершенно целые орудия. Все орудия этого типа изготовлены из верхней части метоподии северного оленя. Небольшая часть эпифиза служила рукояткой, а из стенки кости была сделана рабочая часть орудия, представляющая собою короткий массивный стержень с тупым уплощенным острием с поперечной штриховостью вследствие работы им. Отсутствие сравнительного материала не дает возможности достаточно достоверно объяснить назначение этих орудий.

Большая часть мальтинской резной кости

включает предметы, использованные в качестве украшений. Многие изделия, однако, никак не могут быть отнесены к группе только украшений, так как покрывающий их орнамент носит очевидно магический характер. Автор не ставит себе задачей истолкование изображений или орнамента, покрывающих тот или иной предмет. В данной своей работе мы пытаемся рассматривать всю обработанную кость с точки зрения технических приемов ее изготовления.

Если предположить, что мальтинцы носили одежду, сходную по своему покрою с меховой одеждой арктических племен, то, несомненно, масса мелких украшений носилась ими непосредственно на теле. Не исключена возможность, что, будучи охотниками, они носили более удобные для передвижения костюмы, подобные одеждам эвенков. Тогда, вероятно, грудь такого костюма богато расшивалась мелкими бусинами, подвесками и другими украшениями. Для их изготовления обитатели мальтинского стойбища использовали многое из того, что они встречали в окружающей природе. Почти прозрачный, с перламутровым блеском, ромбовидный кристалл кальцита в необработанном виде употреблялся в качестве пуговиц и подвесок. Темновелевые, с маслянисто-жирным блеском, кусочки мягкого волокнистого гипса также служили в качестве подвесок. Темнокоричневые, почти черные, с жирным блеском при полировке, божеды шли на изготовление массивных браслетов. Бивень мамонта перерабатывался в самые разнообразные подвески, бусины и пуговицы. В поисках красивой формы человек использовал и почти необработанные позвонки крупных рыб. Простейшими украшениями были бусы из просверленных позвонков средней и крупной величины рыб. Видовое определение последних затрудняется тем, что при утилизации позвонков человек орезал отростки, придавая позвонкам округлую форму. Некоторые из этих бус достигали в диаметре до 20 мм, другие же едва 10 мм. До сих пор — это единственные остатки рыб, свидетельствующие о знакомстве мальтинского человека с рыболовством. Однако находки этих позвонков не могут являться доказательством развитой рыбной ловли. Вероятно, человек случайно убивал крупную рыбу в обмелевших частях реки, пользуясь острогой либо копьем.

Среди массы костей, найденных на стоянке Мальта, не последнее место по количеству занимают кости, принадлежащие песцу. Нахodka целых скелетов этого животного позволила с уверенностью говорить о том, что песец на стоянке Мальта не представлял собою объекта мясной охоты. Его били в целях использования меха для изготовления

одежды и некоторых костей для украшений. Кроме основной массы костей песца, не имеющих на себе никаких следов воздействия на них человека, в нашей коллекции имеется достаточное количество эпифизов трубчатых костей этого животного с ясными следами работы по ним.

Обрабатывались лишь крупные трубчатые кости и чаще всего голень, реже плечевая кость.

Несомненно, эти кости не являются использованными остатками пищи, так как ни на одном из эпифизов нет следов ни от орудий, ни от зубов человека, ни даже признаков действия огня.

Целью работы было освобождение трубчатой части ее от обоих эпифизов. Трубчатая часть кости в свою очередь расчленялась на ряд нешироких пронизок, не шире 6—7 мм. Эпифизы отпиливались посредством тонкой ретушированной пластинки. При увеличении можно видеть некоторую штриховатость среза. Указанные следы на срезе могли быть оставлены только при условии употребления слегка зазубренного ретушью лезвия тонкой пластины. В последнее время на стоянке Мальта нам удалось найти целую серию пронизок из кости песца. Сильная заполированность этих пронизок свидетельствует о долгом их употреблении, от которого заполироваться успела не только внешняя плоскость, но и внутренняя сторона, причем совершенно сглажены все следы среза.

Рог северного оленя очень редко употреблялся для изготовления украшений. Всего только четыре бусины сделаны из оленьего рога, причем одна из них недоделана. Первая из этих бусин, цилиндрической формы, представляет собою короткий кусок рога со сверлиной в середине, длиной 14 мм, диаметром 6 мм.

Вторая, аналогичная первой, наглядно иллюстрирует способ изготовления этого сорта украшений. Для изготовления такого рода бусин брался тонкий, по возможности круглый в сечении кусок рога, один из концов которого тщательно обрезался и сверлился в средней части проколкой. По окончании сверления, до половины просверленный цилиндр рога обрезался, после чего он просверливался с противоположной стороны. Кроме цилиндрических бус, из рога оленя изготавливались плоские. Технические приемы их изготовления совершенно тождественны изготовлению цилиндрических бус.

Излюбленным материалом для изготовления всякого рода украшений в палеолитическое время был бивень мамонта. Его плотность, способствующая получению особого блеска при полировке, и целый ряд других свойств заставляли первобытных мастеров ценить этот благородный материал.

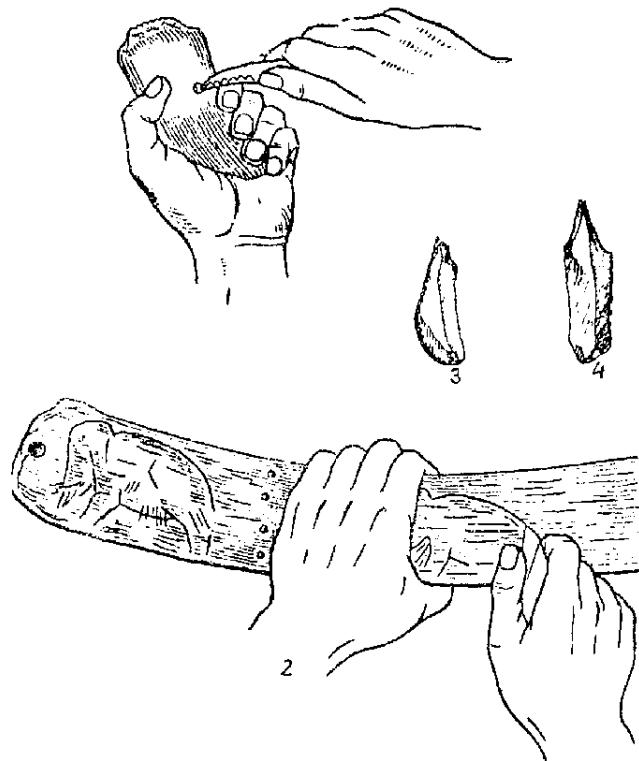
Простейшим украшением из бивня являются обыкновенные плоские пронизки. Распаренный кусок бивня обстругивался в виде неширокой пластины. Далее, посредством проколки просверливалось отверстие. Сверление производилось обязательно с двух сторон. По окончании сверловки пластина обрезалась кружочком вокруг отверстия. Подобные пронизки очень распространены и имеются чуть ли не на всех стоянках верхнего палеолита. Специфическими украшениями Мальтинской стоянки являются так называемые сферические бусины. Двусторонняя коническая сверловка прорезает бусину. Размер этих бусин колеблется от 18 до 3,5 мм в диаметре. Кроме бус и пронизок неизменной частью ожерелья были подвески. Интересно, что форма их почти стандартна. Это — овальные пластиинки, снабженные крупными массивными ушками. Подвески с одной стороны всегда имеют один и тот же орнаментальный мотив в виде спирали, выполненной рядом неглубоких ямок.

Наряду с украшениями в нашей коллекции имеются разнообразной формы пуговицы и пряжки, которые являются неотъемлемой частью одежды, частично выполняя функцию украшений, частично имея несомненную связь с религиозно-магическими представлениями.

Простейшие пуговицы нашей коллекции изготовлены из тонкого рога северного оленя и представляют собою цилиндр в 25 мм с тонким перехватом посередине для прикрепления к одежде. Для изготовления более сложных пуговиц использован кусок круглого в сечении рога. С наружной стороны нанесен орнамент в виде ряда волнообразных линий, дошедших до нас в едва заметном состоянии. Обратная сторона со стругиванием концов куска рога подготовлена таким образом, что образует выступ или ушко. В образовавшемся выступе двусторонней сверловкой просверлена дырочка, служившая петлей. Пуговицы из бивня всегда более или менее округлые, уплощенные диски, в средней части которых имеется отверстие, высверленное с двух сторон, служащее для продергивания ремешка, соединяющего пуговку с одеждой. Особого внимания заслуживает орнамент, покрывающий лицевую сторону диска. Большинство пуговиц имеет один и тот же орнамент, выполненный всегда с большой тщательностью. Это — множество параллельных волнообразных линий. Только одна из этих пуговиц имеет орнамент несколько иного характера. Она покрыта рядами полуулунных вырезов. Не исключена возможность, что данная пуговица недоделана и в процессе дальнейшей обработки она имела бы типичный для пуговиц волнообразный характер. В виду того, что указанный волнообразный орна-

мент покрывает абсолютно все пуговицы Мальтинского лагеря, возникает вопрос о значении данного орнаментального мотива.

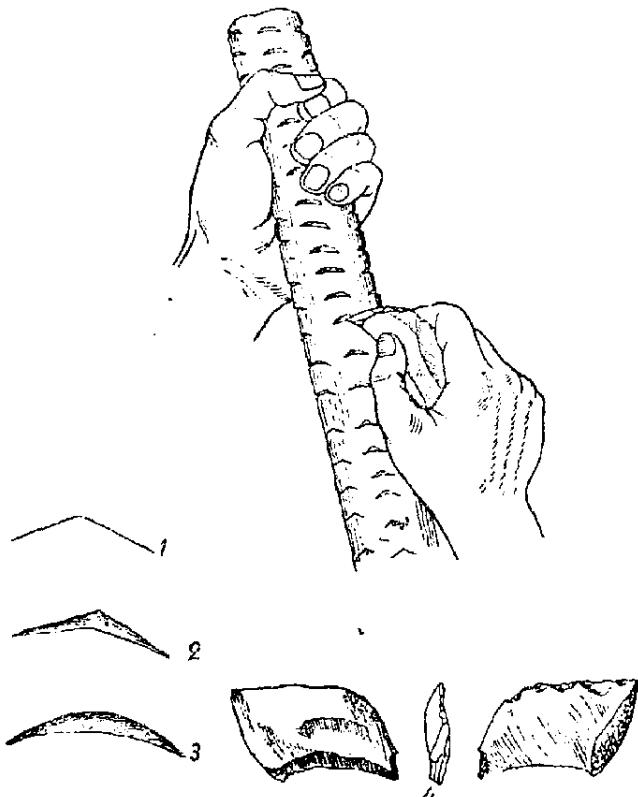
Любопытной подробностью является то, что пластинка для изготовления пуговиц отделялась от бивня не по слоистости, а попрек ее, что делалось с целью предотвратить деформацию пуговицы в дальнейшем. Значительный интерес представляет крупная трапециевидная пластина, условно названная нами пряжкой. Двусторонняя сверлина в средней части пластины свидетельствует о том, что она как будто бы является частью одежды,

и, несмотря на это, обе плоскости ее тщательно орнаментированы. С одной стороны нанесена сложная система спиралей, с другой — грубыми бороздами выгравированы три змеи.

Любопытную группу в смысле изготовления составляют браслеты и диадемы. Те и другие представлены значительным количеством частично сохранившихся предметов. Лучшей из них по сохранности является половина браслета из бивня мамонта, с отверстием с каждой стороны для продергивания шнурковки. Браслет был согнут из тонкой широкой пластинки бивня, тщательно отполирован с внешней стороны, орнаментированной четырьмя рядами ямок, по четыре в каждом ряду. Ряды располагаются по ширине пластины. Внутренняя сторона браслета может быть прекрасной иллюстрацией приема предварительной полировки предмета. Там ясно видны перекрещивающиеся борозды и цара-

пины, получившиеся в результате скобления недостаточно верным и острым лезвием. Изготовление заготовки для браслета не представляло большого труда. Она была получена посредством предварительного вырезания, а затем расщепления массивной пластины. Не представляла также большого труда и остальная работа по отделке, т. е. полировка посредством скобления, нанесение орнамента и просверливание отверстий для шнурковки (рис. 12). Значительно сложнее было, с нашей точки зрения, придать прямой пластине

изогнутость. Эта часть работы нам представляется в следующем виде. Доведя изготовление пластины почти до конца (оставалось только нанести орнамент), мальтиец посредством распаривания достигал эластичности кости. После этого пластина была обмята на лекале, которым могла служить любая цилиндрическая кость, либо соответствующей толщины обрубок дерева, затем посредством сухожильной нитки либо тонкого ремешка были соединены концы пластины, придав ей изогнутость желаемых размеров. По окончании всех этих операций пластина медленно высыхала. Завершающей работой по изготовлению браслета, конечно, являлось нанесение орнаментального мотива и приданье поверхности большей гладкости путем полирования. Эта часть работы нам представляется совершенно аналогичной работе по заглаживанию деревянных изделий посредством осколка стекла. Изготовление диадем ничем

существенным не отличается от описанной работы над браслетом. Единственная реставрированная нами диадема, найденная в обломках на черепе ребенка, представляет собою тонкий обруч, выгнутый из тонкого прямолинейного стержня, овального в сечении (диам. 7 × 3.5 мм). Стержень был сильно распарен и согнут в обруч, причем концы в стыке были сведенены посредством специально сделанных на концах отверстий.

бою стилизованное животное, и целый ряд мелких предметов то в виде стерженьков, то в виде закругленных головок, всегда богато орнаментированных.

Нам остается осветить основные моменты процесса изготовления костяных статуэток.

Из ранее опубликованных отчетов известно, что на стоянке Мальта найдено 20 скульптурных изображений женщин и 8 изображений птиц. Все изображения птиц пред-

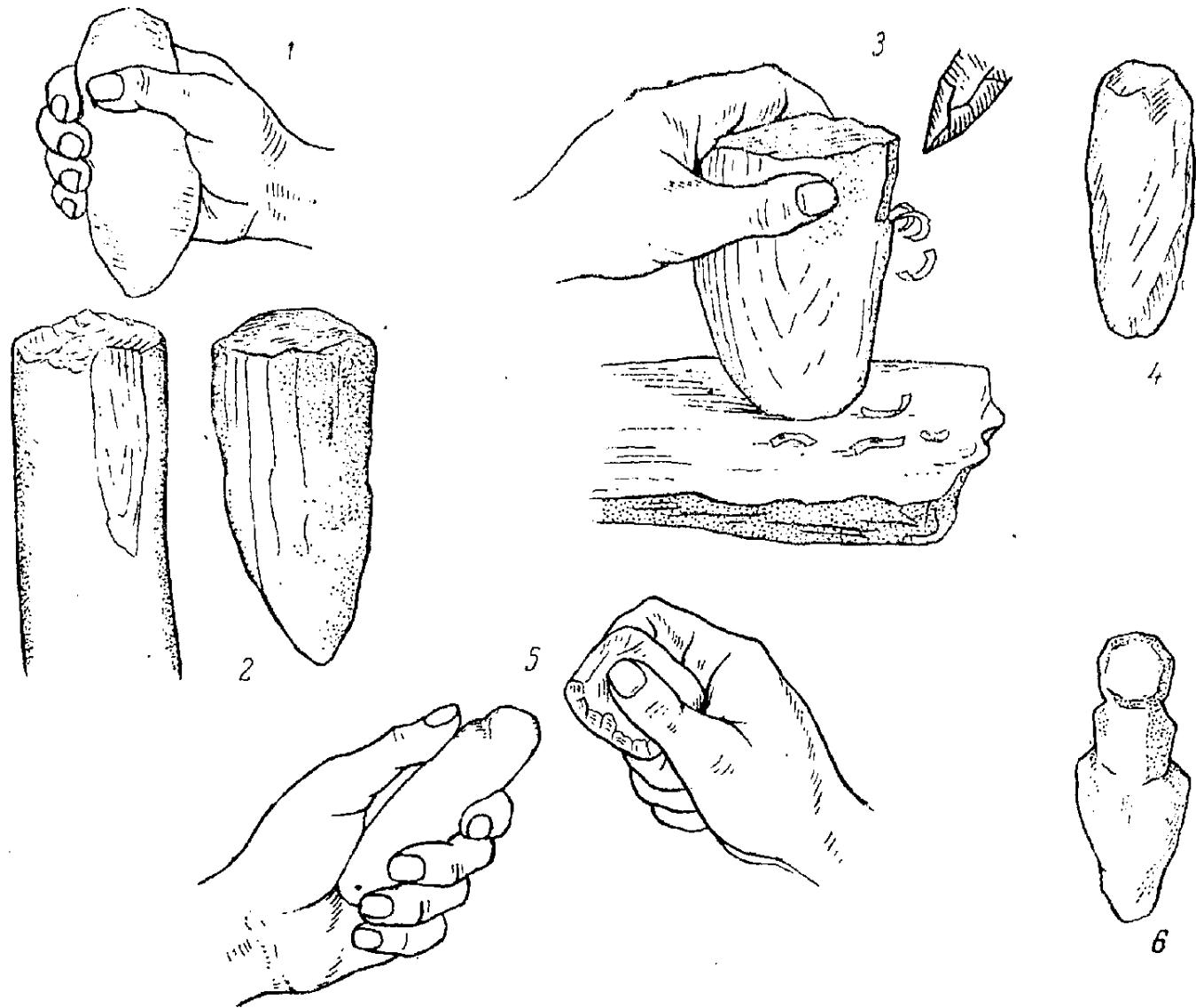

Рис. 14. Техника изготовления статуэтки.

1—склывание куска бивня отбойником; 2—осколок бивня; 3—стесывание куска бивня; 4—болванка-заготовка; 5—резьба кости скребковидным орудием; 6—оформленная болванка женской статуэтки.

В стороне оставлены те предметы из кости, которые представляют собою украшения и вещи культового (магического) назначения, ибо богатая орнаментировка, сплошь покрывающая предметы, уничтожила следы их изготовления (рис. 13). Таковы: стилизованное изображение змеи, богато орнаментированное полулунными вырезами, изображение рыбы, голова мамонта с вытянутым хоботом, стилизованное изображение парящей хищной птицы (центральная подвеска детского погребения), круглая подвеска, изображающая со-

ставляют собою совершенно законченные экземпляры и тем самым затрудняют возможность судить о технике их изготовления. Среди женских статуэток, наряду с совершенно законченными, имеются и незаконченные, которые могут иллюстрировать определенные этапы работы. Кроме 20 в разной мере оформленных статуэток, среди нашего материала имеется ряд заготовок, болванок, представляющих собою первоначальные моменты работы резчика по кости. Достаточное количество отбросов производства, как

то: стружек, осколков кости, найденных вместе с заготовками статуэток и каменными орудиями, позволяет до некоторой степени решить вопрос о том, каким орудием достигался тот или иной эффект в процессе производства резьбы статуэтки (рис. 14).

Статуэтки Мальтинской стоянки изготовлены из бивня мамонта, кроме одной, которая сделана из рога северного оленя. В отношении последней лока можно лишь отметить, что по своей трактовке статуэтка целиком подчинена форме того куска рога, из которого она была вырезана.

При изготовлении статуэток из бивня древний ваятель прежде всего запасался собственным куском бивня, который им отбивался отбойником ранее указанным нами способом. Получив необходимый кусок кости, он его вымачивал, и быть может даже и распаривал. Далее, вооружившись кремневым рубящим орудием типа ручного рубила, человек стесывал им кость, поместив ее на твердую подкладку. Оформленный в цилиндр кусок бивня делился на три основных части

глубокими зарубками: голова, торс, ноги. Дальнейшая обработка производилась орудием, имеющим массивное, но острое лезвие. Такими орудиями могли служить так называемые нуклевидные орудия, имеющие острое, массивное лезвие, работа которыми, как показали наши эксперименты, вполне пригодна для этой цели. По окончании грубого оформления, мастер путем скобления тонкой кремневой пластинкой сглаживал неровную поверхность кости. Одним из труднейших этапов работы над статуэткой являлось оформление головы, изображение лица, волос и, наконец, орнамента.

Кончая нашу статью, мы считаем необходимым отметить, что это первая попытка на основании раскопанного материала восстановить технику процессов работы по кости, а поэтому в нашем очерке имеется ряд пробелов. Наш материал далеко не исчерпан и, по мере накопления фактов, предстоит ити далее по линии освещения деталей работы палеолитических мастеров по кости.

II. И. Борисовский

КИРИЛЛОВСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА

Кирилловская палеолитическая стоянка расположена на правом берегу Днепра (на окраине Киева — Подоле). Место, на котором залегали отложения стоянки, представляло собою входящий в состав береговой возвышенности мыс между двумя оврагами; длина мыса около 150 м, ширина в основании около 50 м. Культурные остатки состояли из двух слоев — верхнего и нижнего, соседящих, но не перекрывающих друг друга. Слои залегали над синей, так называемой спондиловой, глиной, в зеленовато-серых песках, видимо, наплывших в течение плейстоцена с возвышенности. Глубина залегания культурных остатков очень большая. Нижний культурный слой расположен на глубине 20—22 м от поверхности, верхний на глубине 13—14 м.

Стоянка была открыта в 1893 г. В. В. Хвойко. Ее археологическое исследование было затем продолжено В. В. Хвойко при участии В. Б. Антоновича и П. Я. Армашевского в 1894, 1895, 1896, 1897, 1899 и 1900 гг. В. В. Хвойко производил раскопки, а также организовал систематическое наблюдение за производимыми на территории стоянки и ее окрестностей хозяйственными земляными работами. Результаты его исследований опубликованы в ряде работ, а также в работах Антоновича и Армашевского.¹

Обнаружение стоянки, настойчивое ее ис-

¹ Наиболее полная библиография дореволюционных работ по Кирилловской стоянке приведена у А. А. Спицына и В. А. Городцова. См.: А. А. Спицын. Русский палеолит. Зап. Отд. русск. и слав. археол. Русск. археол. общ., XI, 1915, стр. 145—146.— В. А. Городцов. Археология, т. I. Каменный период, 1923, стр. 232—233. К этим спискам Спицына и Городцова мы и отсылаем читателя. Отметим лишь, что наиболее обстоятельной из указанных там работ первых исследователей Кирилловской стоянки является работа В. В. Хвойко «Каменный век среднего Приднепровья» (Тр. XI Археол. съезда, т. I, 1901, стр. 736—754). Библиография по Кирилловской стоянке, приведенная в книге Н. И. Березина «Справочник по палеолиту СССР» (1936, стр. 17—19 и 27), является менее полной, чем сводка Спицына и Городцова; очень не полны и не точны и другие сведения, приводимые в этой книге и касающиеся Кирилловской стоянки. Ни у Спицына, ни у Городцова, ни у Березина не указаны очень важные статьи Ф. К. Волкова (Хв. Вовк), напечатанные в «Матеріали до українсько-руської етнології» (т. I, Львов, 1899).

следование, систематическое наблюдение за производившимися на ее территории земляными работами, а также выработанная им методика раскопок стоянки являются крупными заслугами Хвойко. Стоянка интересовала Хвойко как исторический источник, и при раскопках он обращал большое внимание на горизонтальную планировку культурных остатков, на их положение по отношению друг к другу. В работах Хвойко приводятся, пусть не совсем точные и составленные по памяти, но все же планы расположения культурных остатков. Такие планы, как правило, отсутствуют в работах современных ему и позднейших западноевропейских специалистов по палеолиту.

Но одновременно следует иметь в виду, что Хвойко очень слабо ориентировался в палеолитическом материале, в частности в палеолитической технике обработки камня. Вследствие этого он не смог дать научный анализ материалов стоянки и ошибочно считал ее одной из древнейших палеолитических стоянок вообще.

Также не смог он описать и издать каменные орудия Кирилловской стоянки. На приводимых в его работах фотографиях нельзя различить отбросы производства от орудий. Ф. К. Волков пишет по этому поводу следующее: «К сожалению, и эта великолепная находка [Кирилловская стоянка] исследована была далеко не безукоризненно: так, например, среди множества выставленных в Киевском музее в качестве каменных орудий предметов почти вовсе не оказывается собственно орудий, а лишь осколки, получившиеся при обработке кремня; это отсутствие самих орудий долгое время изумляло докладчика, пока он не увидел несколько экземпляров несомненных орудий из Киевской стоянки у французских археологов Годри и де-Бая, посещавших Киев во время раскопок Хвойко и, разумеется, умевших разобраться в массе найденных осколков кремня; не вполне удовлетворительно определено было и геологическое местонахождение стоянки».¹

¹ Протокольная запись доклада Ф. К. Волкова «Палеолит в Европейской России и стоянка в селе

В девятисотых годах Ф. К. Волков в ряде своих работ подверг пересмотру известные материалы по палеолиту России. Этот пересмотр был связан с критикой работ старых русских археологов, в первую очередь Уварова.

Палеолит Волков изучал, широко привлекая западноевропейские материалы, широко используя научные выводы Мортилье и его школы. Работы Волкова были заострены против дилетантизма и поверхностности большинства современных ему и предшествовавших ему русских археологов, занимавшихся палеолитом. Построения Волкова, будучи для своего времени прогрессивными, оставались в рамках буржуазной фетишистской палеонтологии, интересующейся только развитием каменных орудий, но не развитием человеческого общества. Очень детально описывая Кирилловскую стоянку, Волков не использовал составленных Хвойко планов расположения остатков по отношению друг к другу. Характерно, что Волков критиковал Хвойко за то, что он при расчистке культурного слоя оставлял на месте кости, так как это могло привести к их порче.¹

Ряд своих работ Волков посвятил Кирилловской стоянке. Он проанализировал памятники искусства этой стоянки.² Но он не занимался вплотную каменными орудиями ее и лишь в одной своей работе опубликовал ряд орудий Кирилловской стоянки, собранных Хвойко, а также находящихся в западноевропейских собраниях и привезенных де-Баем и Годри.³ На основании анализа каменных орудий, Волков в указанной работе, как и в ряде других, критикует предположения Хвойко о мустьевском возрасте стоянки и датирует ее мадленом.

В начале XX в. Кирилловская стоянка получила довольно широкую известность среди западноевропейских археологов и вошла в западноевропейские сводки по палеолиту. Адриан де-Мортилье, познакомившийся в Париже вместе с Волковым с материалами Кирилловской стоянки, как и Волков, отнес ее

Мезине Черниговской губернии». Доклад сделан 17 марта 1909 г. на заседании Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Протокол опубликован в «Записках Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества» (т. IX, 1913, стр. 299—306).

¹ Хв. Вовк. Предісторичні знахідки на Кирилівській улиці у Київі. Матер. до українсько-руської етнол., т. I, Львов, 1899, стр. 5.

² Ф. К. Волков. Искусство мадленской эпохи на Украине. Археол. листопись Ю. России, 1903, I. То же на украинском языке: Хв. Вовк. Магдаленське майстерство на Україні. Зап. Наукового товариства ім. Шевченка, т. XLVI, Львов, 1902.

³ Хв. Вовк. Палеолітичні знахідки на Кирилівській улиці у Київі. Матер. до українсько-руської етнол., т. I.

к самому концу палеолита.¹ К мадлену, по словам Волкова, отнес Кирилловскую стоянку и Пьетт.²

С другой стороны, Гернес считал сомнительным мадленский возраст Кирилловской стоянки. Не высказываясь окончательно о возрасте стоянки, он сближал ее с солютрейскими стоянками Австрии.³

Вопрос о возрасте Кирилловской стоянки оставлял открытым Дешелетт, скептически относившийся к датировке ее мадленом.⁴ Некоторые другие авторы склонны были относить ее к ориньяку.⁵ Ни одна из работ названных западноевропейских исследователей не содержит развернутого анализа материалов Кирилловской стоянки. Для изучения последних ознакомление с их работами дает очень мало. Только в книге Гернеса, в качестве сравнительного материала, приводится интересный и неиспользованный Волковым объект из бельгийской ориньякской стоянки Тру Магрит.

Из работ советских исследователей, касающихся в той или иной мере Кирилловской стоянки, следует назвать прежде всего работы П. П. Ефименко,⁶ который относит нижние горизонты стоянки к раннему мадлену, а верхний горизонт к самому концу мадлена, переходу к азилю. В. И. Громов относит Кирилловскую стоянку к верхнему ориньяку.⁷ В. А. Городцов датирует ее солютрейской эпохой («средняя пора палеолита», по классификации Городцова).⁸

В самое последнее время палеонтолог И. Г. Пидопличка изучил по материалам киевских собраний фауну Кирилловской стоянки. На основании данных палеон-

¹ Г. и А. де-Мортилье. Доисторическая жизнь. 3-е изд., 1903, стр. 532.

² Ф. К. Волков. Искусство мадленской эпохи на Украине.

³ М. Ноегнес. Der diluviale Mensch in Europa. 1903, стр. 182—183.

⁴ Ж. Дешелетт. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, т. I, 1928, стр. 197—198.

⁵ Г. Обермайер. Доисторический человек, стр. 363—365. Этой же датировке придерживался и Роберт Шмидт, ознакомившийся в 1913 г. в Киеве с ее материалами. Выводы Шмидта кратко изложены в книге: М. Эберт, Südrussland im Altertum. 1921, стр. 20—24. Эберт помещает и сделанные Шмидтом рисунки нескольких орудий из Кирилловской стоянки (рисунки воспроизводятся с сильным уменьшением и без указания масштаба). Зарисованные Шмидтом орудия были мною в оригинале изучены в Киеве, описание их вошло, таким образом, в настоящую работу.

⁶ П. П. Ефименко. Некоторые итоги изучения палеолита СССР. Человек, № 1, 1928.—Он же. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины. Тр. И Междунар. конфер. АИЧПЕ, вып. V, 1934.—Он же. Дородовое общество. 1934, стр. 433—437, 449.

⁷ В. И. Громов. О геологии и фауне палеолита СССР. Проблемы ист. матер. культуры, 1933, № 1—2.

⁸ В. А. Городцов. Археология, т. I. Каменный период. 1923, стр. 232—237.

тологии, а также данных геологии, Пидопличка относит названную стоянку к группе древнейших на территории УССР. По его мнению она позднее Кодака, но древнее всех верхнепалеолитических стоянок Украины, в частности Мезина, Гонцов, Чулатова и Пушкарей. Таким образом, по Пидопличке, ее следует отнести к самому началу верхнего палеолита.¹

Такова в кратких словах история исследования Кирилловской стоянки. Уже из изложенного ясно, что изучение стоянки очень затрудняется тем, что происходящий оттуда кремневый инвентарь почти совершенно не описан и не издан. Если мы хотим сколько-нибудь пройти вперед в деле изучения этой, бесспорно очень интересной, палеолитической стоянки, то первой работой, которую мы должны будем предпринять, явится издание, описание и анализ ее кремневого инвентаря.

Выполнению этой задачи и посвящена настоящая работа.²

Кремневый материал, происходящий из Кирилловской стоянки, постигла довольно печальная судьба. Он был распылен между отдельными коллекциями и коллекционерами и частично лишен необходимой документации об условиях его нахождения. Лучшие экземпляры были вывезены де-Баем и Годри (может быть, и некоторыми другими), использовавшими незнание Хвойко палеолитического материала, в Западную Европу и также лишиены необходимой документации.

Как известно, Кирилловская стоянка является многослойной. В ней можно выделить

¹ Изложенные сведения взяты из рукописи И. Г. Пидоплички «Фауна и геология палеолитических стоянок УССР» (на украинском языке), с которой автор меня ознакомил в 1936 г.

² Не описывая условия залегания культурных остатков, фаунистические остатки и предметы искусства, ограничусь лишь тем, что укажу наиболее важные обобщающие работы, знакомство с которыми может дать полное представление о Кирилловской стоянке:

В. В. Хвойко. Каменный век среднего Приднепровья. Тр. XI Археол. съезда, т. I, 1901.

В. В. Хвойко. Киево-Кирилловская стоянка и культура эпохи мадлен. Археол. летопись Ю. России, 1903, № 1.

Хв. Вовк. Предисторичні знахідки на Кирилівській улиці у Київі. Матер. до українсько-руської етнол., т. I, 1899, стр. 1—12.

Хв. Вовк. Палеолітичні знахідки на Кирилівській улиці у Київі. Там же, стр. 211—219.

Ф. К. Волков. Искусство мадленской эпохи на Украине. Археол. летопись Ю. России, 1903, № 1.

А. А. Спицын. Русский палеолит. Зап. Отд. русск. и слав. археол. Русск. археол. общ., т. XI, 1915.

В. А. Городцов. Археология, т. I. Каменный период. 1923, стр. 232—237.

П. П. Ефименко. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины. Тр. II Междунар. конфер. АИЧПЕ, вып. V, 1934.

П. П. Ефименко. Дородовое общество. 1934, стр. 433—437, 449.

группу нижних слоев и группу верхних слоев, значительно отличающиеся друг от друга по своему содержимому и, видимо, относящиеся к разному времени. А между тем далеко не весь кремень, происходящий из Кирилловской стоянки, имеет точные указания о том, к какому слою он относится. Отсутствие таких указаний, естественно, обесценивает материал.

В настоящее время материалы Кирилловской стоянки сосредоточены в Киеве в Центральном историческом музее. Коллекция Центрального исторического музея состоит из разных частей, имеющих различное происхождение. Основная масса кремней перешла из Археологического отдела Киевского музея древностей и искусств. Туда поступила в 1896—1897 гг. часть материала от Археологической комиссии, приобретшей ее у Хвойко, а другая, большая часть материала, была пожертвована Н. А. Терещенко. Помимо коллекции Археологического отдела Киевского музея древностей и искусств, в Центральном историческом музее находятся также коллекция, принадлежавшая Киевскому университету, и коллекция б. Археологического музея Высших женских курсов в Киеве, поступившая в дар от В. В. Хвойко в 1913 г.¹

Эти коллекции, находящиеся в настоящее время в Киеве, и были мною изучены в 1936 г.² Семь кремней (в том числе три орудия), происходящих из Кирилловской стоянки, хранятся в Геологическом музее Московского геолого-разведочного института (б. Геологический музей Московского Гос. университета).³ Можно предполагать, что они были собраны А. П. Павловым во время посещения им раскопок Кирилловской стоянки. К сожалению, отсутствуют указания о том, из какого культурного слоя происходят эти кремни. Помимо материалов Кирилловской стоянки, находящихся во Франции и описанных Волковым, можно предполагать наличие отдельных материалов по Кирилловской стоянке в других городах СССР. Характерно, что еще в 1913 г. Хвойко дарил отдельным учреждениям кремни Кирилловской стоянки. Вероятно, такие подарки делались не один раз.

Сведения о принадлежности кремней к нижнему или к верхнему горизонту имеются для коллекции, пожертвованной Терещенко в Киевский музей древностей и искусств,⁴

¹ Археологический музей Высших женских курсов в Киеве. Каталог доисторических древностей, №№ 1—23 (рукопись хранится в Центральном историческом музее в Киеве).

² Важные указания, помогшие мне в розыске коллекций, я получил от В. Е. Козловской.

³ На эту коллекцию обратил мое внимание С. Н. Замятин.

⁴ Киевский художественно-промышленный музей. Отдел археологии. Краткий указатель предметов, 1910, стр. 9. То же в издании 1913 г., стр. 8—9.

а также для коллекции, принадлежавшей Киевскому университету.¹ Что же касается коллекции кремней, поступившей в Музей древностей и искусств от Археологической комиссии, то ее принадлежность к нижнему слою доказывается тем, что она была передана в музей Археологической комиссией в 1896 г.,² а, как известно, верхний культурный слой Кирилловской стоянки впервые стал исследоваться Хвойко лишь в 1897 г. О принадлежности к верхнему или нижнему слою коллекции б. Археологического музея Высших женских курсов в Киеве отсутствуют какие-либо сведения. Но коллекция эта состоит всего лишь из 23 кремней, сплошь пластин и отщепов, без следов какой-либо вторичной обработки.

Таким образом мы имеем опорные точки для отнесения к тому или иному культурному слою большей части кирилловских материалов.

Происходящий из перечисленных коллекций и хранящийся в Киеве материал Кирилловской стоянки в виду частых реорганизаций и переездов музеев был мало доступен. Не сразу удалось его разыскать и обработать. Да и к настоящему времени он разыскан мною не весь. Но все же большая часть фигурирующего в инвентарных списках материала была изучена. Это составляет 750 кремней. Такой процент изученного материала дает уже возможность строить на его основании определенные выводы.

Перейдем к описанию кремневого инвентаря Кирилловской стоянки.

НИЖНИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Нижний культурный слой состоял из нескольких залегающих одна над другой прослоек обожженных и раздробленных костей и кремней. Слой был вскрыт в общей сложности на площади около 9000 кв. м. На этой огромной площади было обнаружено множество костей мамонта, принадлежащих минимум 67 особям. Кремней же здесь было найдено чрезвычайно мало, всего около 250 экз. Около 200 из них было мною изучено.

Материал, из которого изготавливались орудия нижнего горизонта, один и тот же — темносерый меловой кремень с блестящей поверхностью. Он имеет разные оттенки — от серого до почти черного, часто покрыт белыми пятнышками патины. Кремень такого рода служил единственным материалом для изготовления орудий нижнего горизонта.

¹ Каталог выставки XI Археологического съезда в Киеве. Киев, 1899, стр. 4.

² Инвентарная книга Киевского музея древностей и искусств, Археологический отдел, № 1, стр. 49 (рукопись хранится в Центральном историческом музее в Киеве), а также: Отчет Археологической комиссии за 1896 год, стр. 122, 236—237.

Лишь 5 экз. — из серого непрозрачного кремня с матовой поверхностью.

При ознакомлении с отщепами, пластинами и орудиями бросается в глаза, что все они очень небольших размеров. Длина пластин и орудий и поперечник отщепов не превышают 4—5 см. Большей частью размеры их равны 3—4 см; лишь около 15% кремней имеет длину 5—6.5 см, а пластины и орудия, превышающие 7 см длины, вообще отсутствуют. Малые их размеры связаны с величиной желваков камня, имевшихся в расположении обитателей стоянки.

В нижнем слое найден ряд кусков и желваков кремня, нередко сохранивших на своей поверхности в большей или меньшей мере корку. Все они небольших размеров: до 5—6 см в поперечнике.

Орудий в нижнем горизонте очень мало — всего 20 экз. Из них 7 экз. — так называемые «случайные орудия»; у них отсутствует выработанная форма и их вторичная обработка выражается лишь в легкой ретуши по той или иной части края или в резцовом сколе.

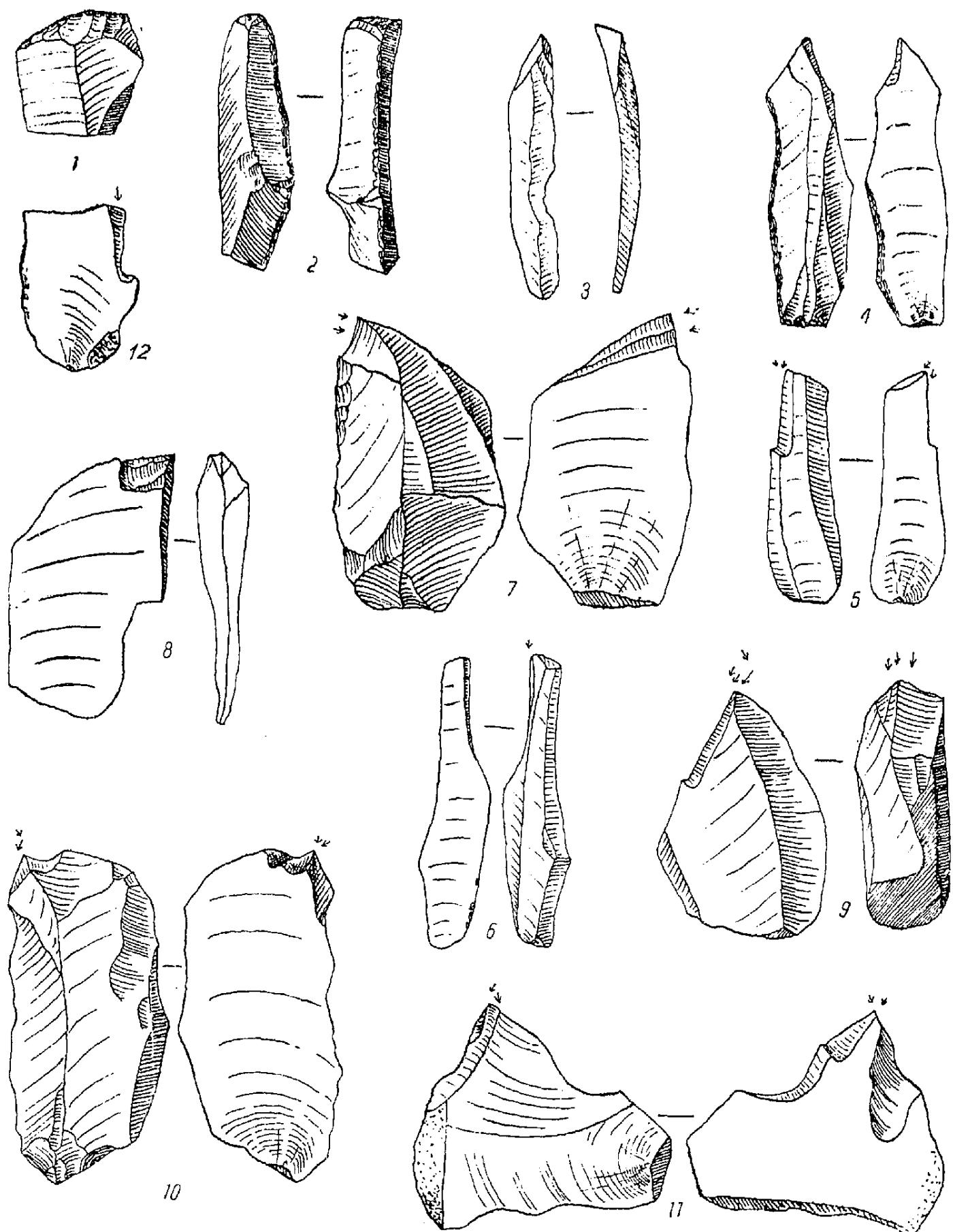
Скребков — 2 экз. Один (табл. I, 1) сделан на коротком правильном сечении пластины. На одном конце его ретушь формует слегка скошенное влево выпуклое лезвие скребка. Ограничение пластиинки близко к параллельному. Этот тип коротких скребочков на сечении пластины представлен рядом экземпляров в верхнем горизонте стоянки. Другой скребок (табл. I, 2) представляет собою специфическую форму. Это трехгранная, очень крутая, довольно массивная реберчатая пластиинка, видимо, являющаяся краевым сколом с нуклеуса. Ее длинный край отретуширован мелкой ретушью, а на узком конце ретушь формует крутое, почти вертикальное округлое лезвие скребка.

Больше всего в нижнем горизонте резцов; их — 10 экз. Определенная выработанная форма среди них отсутствует; у всех лезвие получено с помощью резцовых сколов без применения ретуши. Два обыкновенных резца (табл. I, 3, 4) сделаны на удлиненных пластиинках (длина 5—6 см); три резца на углу сломанной пластиинки (табл. I, 5, 6, 12); два случайных резцевидных орудия; три резца — массивные, близкие к нуклевидным (табл. I, 10, 11).

На табл. I, 8 изображен осколок кремня, на одном углу которого, в сочетании с поверхностью слома, несколько коротких широких резцовых сколов образуют полукруглое асимметричное лезвие многофасеточного резца.

К этому экземпляру примыкает широкая массивная пластина с параллельным ограничением, на конце ее — широкое, массивное резцовое лезвие (табл. I, 7). Оно образовано сочетанием плоскости спинки, на которой у кон-

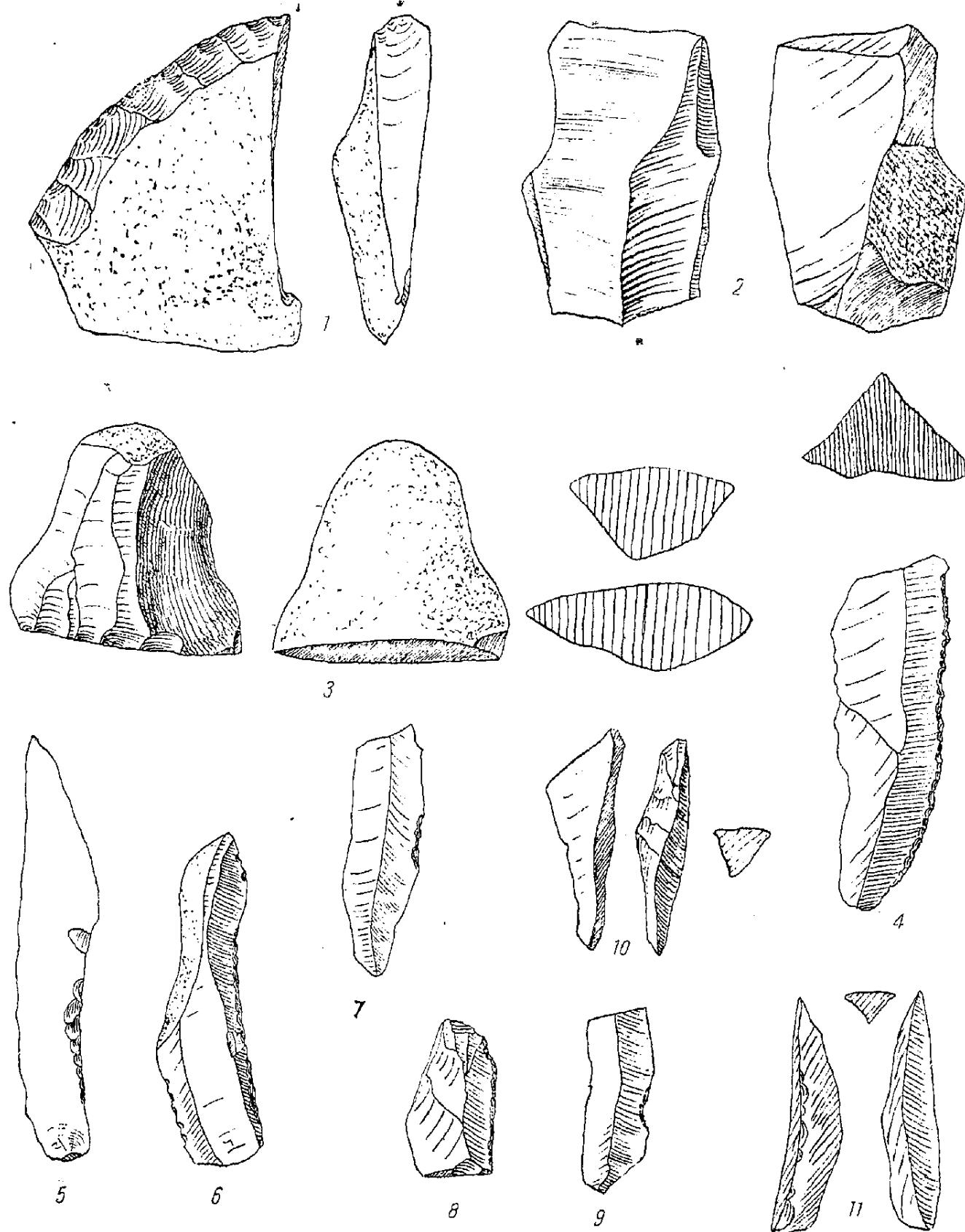
ТАБЛИЦА I

Кирилловская стоянка. Нижний культурный слой. Кремневые орудия. Нат. вел.

1, 2—скребки; 3—11—резцы.

ТАБЛИЦА II

Кирилловская стоянка. Нижний культурный слой. Кремневые орудия. Нат. вел.
1, 3—нуклевидные формы; 2—нуклеус; 10, 11—краевые отщепки резцов; 4—9—пластинки с ретушью.

ца пластины нанесен широкий скол, и двух удлиненных резцевидных сколов. Таким образом получен массивный долотовидный многофасеточный резец. Один край пластины имеет легкую ретушь.

Следует отметить еще кусок кремня подтреугольных очертаний (табл. I, 9). На одном углу его — неправильное полукруглое лезвие, среднее между лезвием резца и скобеля (ширина лезвия 1.6 см). Лезвие образовано сочетанием широкого продольного скола и четырех более узких резцовых сколов.

В нижнем горизонте имеется 16 краевых отщепов по большей части от резцов (табл. II, 10, 11). Некоторые из них, однако, скорее являются сколами с нуклеусов. Длина их не превышает 3—3.5 см, лишь один экземпляр имеет 5 см длины.

Помимо нуклевидных резцов есть и другие орудия нуклевидной формы.

На табл. II, 7 изображено одно из них. Это плоский кусок кремня, наполовину сохранивший корку. По краю его идет тщательная, круглая ретушь, формующая режущее или скобляющее лезвие. Другой край снят широким сколом. Рабочий конец орудия образует массивное долотовидное лезвие, приближающееся к лезвию резца.

Другой экземпляр (табл. II, 3) имеет вид куска кремня, также сохранившегося, примерно, на половине своей поверхности корку. Ряд узких пластинчатых сколов образует по его краю массивное полукруглое лезвие скобеля (*gabot*).

Среди пластин и отщепов много таких, которые имеют легкую ретушь или выщербинки по краю, свидетельствующие о том, что ими пользовались как орудиями. Можно выделить 32 пластины и 4 отщепа, имеющие по краю следы употребления. Такова, например, пластинка, изображенная на табл. II, 6. Один край ее сплошь обработан мелкой ретушью, также обработана и часть другого края. Легкие выщербинки вдоль края имеются и с брюшка. Но чаще легкая ретушь наблюдается лишь кое-где по краю кремневой пластинки; часто при этом она настолько незначительна, что скорее приходится говорить о следах утилизации, чем о вторичной обработке (табл. II, 5, 7, 8, 9). Следы ретуши и утилизации прослеживаются не только на целых пластинах, но и на их сечениях.

Среди пластин с ретушью особняком стоит пластина, изображенная на табл. II, 4. Материал, из которого она сделана, отличается от материала других орудий как нижнего, так и верхнего горизонта Кирилловской стоянки. Это светлоголубой глянцевитый кремень, напоминающий кварцит. Весь слегка выпуклый край пластинки на всем протяжении покрыт мелкой ретушью: ретушь формует по краю как бы пилку, состоящую из

мелких зубчиков. Край и со спинки и с брюшка сильно заполирован. Заполированность пластиинки напоминает заполированность неолитических кремневых серпов. Ее принадлежность к комплексу орудий палеолитической стоянки вызывает сильные сомнения.

К нижнему горизонту относятся также 90 пластин и 40 отщепов и осколков без следов вторичной обработки и употребления. Пластины в большинстве неправильной формы. Как и отщепы, они небольших размеров. Не исключена возможность, что некоторые из этих пластин все же утилизировались для той или иной работы. Характерно преобладание пластин над отщепами. Обычно в палеолитических стоянках мы видим обратное явление. Не объясняется ли это здесь специфическим характером сборов? Ведь Хвойко считал все пластины (особенно заостряющиеся) орудиями.

Отбойники отсутствуют. Нуклеус один (табл. II, 2), да и то мало типичный. Это довольно плоский кусок кремня призматической формы, с несколькими продольными фасетками — следами отделенных от него пластин. Часть его поверхности сохранила корку.

Четыре отделенных от нуклеуса довольно массивных реберчатых пластины со следами бывших на нуклеусе поперечных сколов. Их длина 5—6.7 см, а толщина 1.2—1.4 см. Наконец, четыре бесформенных куска кремня; лишь один из них имеет длину 9 см. Остальные, подобно пластинам и отщепам, небольших размеров. Один кусок носит следы сколов.

Таков кремневый инвентарь нижнего культурного слоя. По свидетельству Хвойко, в нижнем слое было найдено несколько орудий из бивней и костей мамонта. Одни из них на конце отбиты наискось, а затем сглажены, а другие представляют собою плоские лопаткообразные орудия. Поверхность некоторых из них носит следы зарубок. По предположению Хвойко, они употреблялись в качестве обухов или палиц.

ВЕРХНИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Верхний культурный слой был вскрыт на площади, примерно, 600 кв. м (20 × 30 м). Он состоял из небольших гнездообразных, круглых и овальных, темных утолщений, заполненных золой, углами, пережженными костями и кремнями. Диаметр утолщений — около 2 м, толщина — 10—15 см. На площади 600 кв. м прослежено 20 таких пятен. В верхнем культурном слое найдено, по словам Хвойко, множество мелких кремневых орудий. П. Я. Армашевский указывает, что оттуда происходит свыше трех тысяч крем-

ией.¹ В киевских собраниях мною было изучено, примерно, 550 кремней из верхнего горизонта.² Кроме того, 26 кремней из верхнего горизонта описано и издано Волковым; 6 из них принадлежат коллекциям Годри и де-Бая, а 20 воспроизведены по фотографиям, присланным Волкову Хвойко.³

Материал, из которого изготавливались орудия, в верхнем горизонте тот же, что и в нижнем. Это темносерый меловой кремень разных оттенков, покрытый нередко белыми пятнышками патины. Характер его патинизации не отличается от характера патинизации кремней нижнего горизонта. Иногда кремень имеет светлосерый, переходящий в желтый цвет или же коричневые полосы и пятна. Помимо этого темносерого кремня с блестящей поверхностью, налицо, как и в нижнем слое, небольшое количество серых непрозрачных кремней с матовой поверхностью, а также отщепов серого кварцита. Наконец, попадается и темный кремень, покрытый густой молочнобелой или голубоватой патиной, точно такой же, какая покрывает кремни Костенок I. Кремни этого последнего типа, как и кварцит, отсутствуют в нижнем слое. Но около 80% кремня верхнего горизонта составляет обычный темносерый кремень с блестящей поверхностью.

Характер заготовок верхнего слоя в общем тот же, что и в нижнем слое; они также небольших размеров — до 5 см длины и, во всяком случае, не превышают 6 см длины. Лишь несколько экземпляров имеют длину 7—9 см, а одно массивное нуклевидное орудие достигает 10.5 см. На ряду с целыми короткими пластинами и отщепами здесь много коротких сечений пластин с обломанным одним или обоими концами. Эти сечения пластин не превышают 2—2.5 см длины. Иногда из них сделаны орудия. Сечение пластин в верхнем горизонте значительно больше, чем в нижнем, хотя размеры заготовок здесь примерно те же.

На ряде кусков кремня, а также пластин и отщепов, сохранилась корка.

Среди кремня верхнего горизонта можно выделить 55 орудий (считая и изданные Вол-

ковым). В это число не вошли пластины и отщепы с легкой ретушью и с выщербинками — следами утилизации. Таких пластин и отщепов, также служивших орудиями, насчитывается в верхнем горизонте около 75. Таким образом здесь, примерно, в два раза больший процент орудий, нежели в нижнем слое.

Скребки — 19 экз. (табл. III, 1—11), все правильной формы, на конце удлиненной пластины или правильного сечения пластины. Полукруглое (в четырех случаях скошенное) лезвие на конце обработано очень тщательно. Ретушь по краям пластины совершенно отсутствует. 8 скребков (табл. III, 1—4) сделаны на коротких маленьких правильных сечениях пластин. Длина их не превышает ширины; они имеют правильную, приближающуюся к квадратной форму. Таков, например, изображенный на табл. III, 1. Спинка его имеет четыре грани. На одном конце тщательная ретушь формирует полукруглое лезвие. На другом конце — следы слома. На табл. III, 2 — скребок на очень коротком сечении, с параллельным огранением. Довольно крутая ретушь, занимающая около трети поверхности спинки, формирует на конце правильное полуциркульное лезвие скребка.

11 скребков на концах удлиненных пластинок или вытянутых отщепов (табл. III, 5—11). Длина их 4—6 см при ширине 1—2 см. Лишь один экземпляр (табл. III, 5) имеет расширяющееся и при этом слегка скошенное лезвие. У остальных лезвие обычное, такой же ширины, как пластина. Особенно типичен один экземпляр, изданный Волковым.¹ Это длинная правильная пластина (длина 5 см, ширина 1.1 см), с тщательно сформированным ретушью полукруглым лезвием скребка на конце. Другой такой же скребок (табл. III, 11). У края лезвия с брюшком идет вертикальный резцовый скол. На противоположном конце пластинки такой же вертикальный резцовый скол со стороны брюшка в сочетании с плоскостью спинки образует лезвие плоского резца. Таким образом получено двойное орудие — скребок-резец. Из 11 скребков на конце удлиненной пластины 4 мало типичных. Ретушь, которой у них обработан конец пластинки, очень мелкая, едва заметная, приуроченная к самому краю. Резцов на пластинах всего 3 экз.

На табл. IV, 3 изображена узкая удлиненная пластина. На конце ее двумя широкими резцовыми сколами получено лезвие обыкновенного резца. На противоположном конце пластинки легкой ретушью сформовано режущее острие.

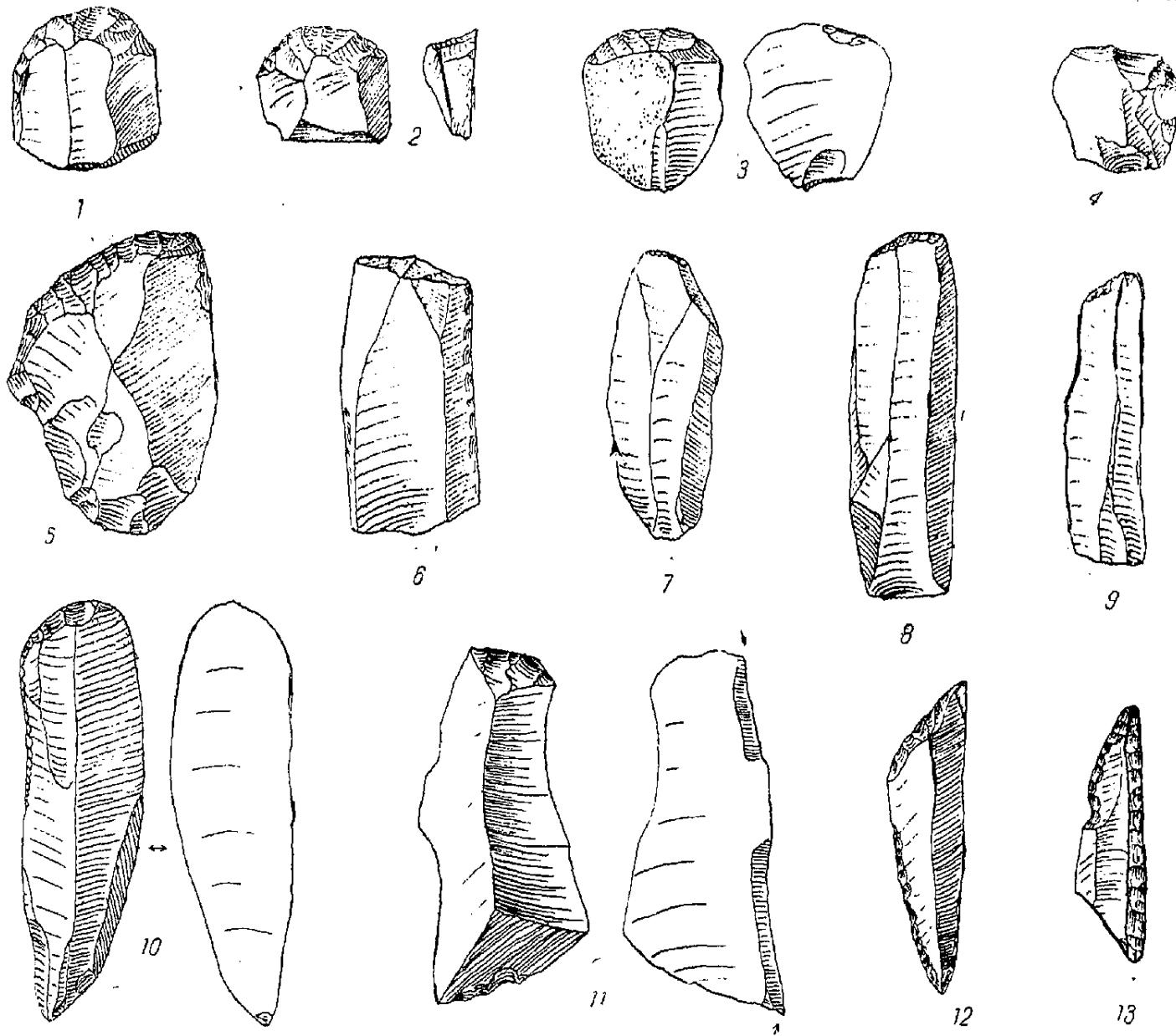
На табл. IV, 2 представлен обыкновенный

¹ П. Я. Армашевский. О стоянке человека палеолитической эпохи по Кирилловской улице в Киеве. Тр. XI Археол. съезда, т. II.

² Около 200 из них (почти исключительно пластины и отщепы без вторичной обработки) не зашифрованы, хотя и значатся вместе с остальным зашифрованным материалом Кирилловской стоянки. Вероятно, это №№ 3867, 3868, 3869 инвентарной книги Киевского музея древностей и искусств. Под каждым из этих номеров, относящихся к верхнему слою, значится по инвентарной книге целый ряд кремневых осколков и орудий.

³ Хв. Вовк. Палеолітичні знахідки на Кирилівській вулиці у Київі. Матер. до українсько-руської етнол., т. I, стр. 211—219. Указания о происхождении орудий см. во французском тексте на стр. 219.

¹ Хв. Вовк. Палеолітичні знахідки на Кирилівській вулиці у Київі. Матер. до українсько-руської етнол., т. I, рис. 1 с.

Кирилловская стоянка. Кремевые орудия. Нат. вел. 1—11—скребки; 12, 13—треугольные ланцетовидные пластиинки. (1—12—верхний культурный слой; 13—орудие из коллекции Геологического музея Московского геолого-разведочного института; культурный слой не указан).

резец; лезвие получено на конце удлиненной пластины двумя резцовыми сколами.

Табл. IV, 1 дает нам боковой резец. Конец удлиненной пластины с параллельным ограничением поперечно отретуширован крутой затупливающей ретушью. Вертикальный резцовый скол, идущий по краю пластины, образует в сочетании с отретушированной поверхностью лезвие бокового резца. По краю пластины, ниже резцового скола, идет с брюшком легкая ретушь.

На изготовление резцов указывает и наличие в верхнем слое 20—25 трехгранных, изогнутых, сужающихся к обоим концам, краевых отщепков резцов (табл. IV, 4). Длина их 3—4 см. Нужно сказать все же, что они мало типичны, в связи с чем трудно провести четкую грань между ними и трехгранными сколами с нуклеуса.

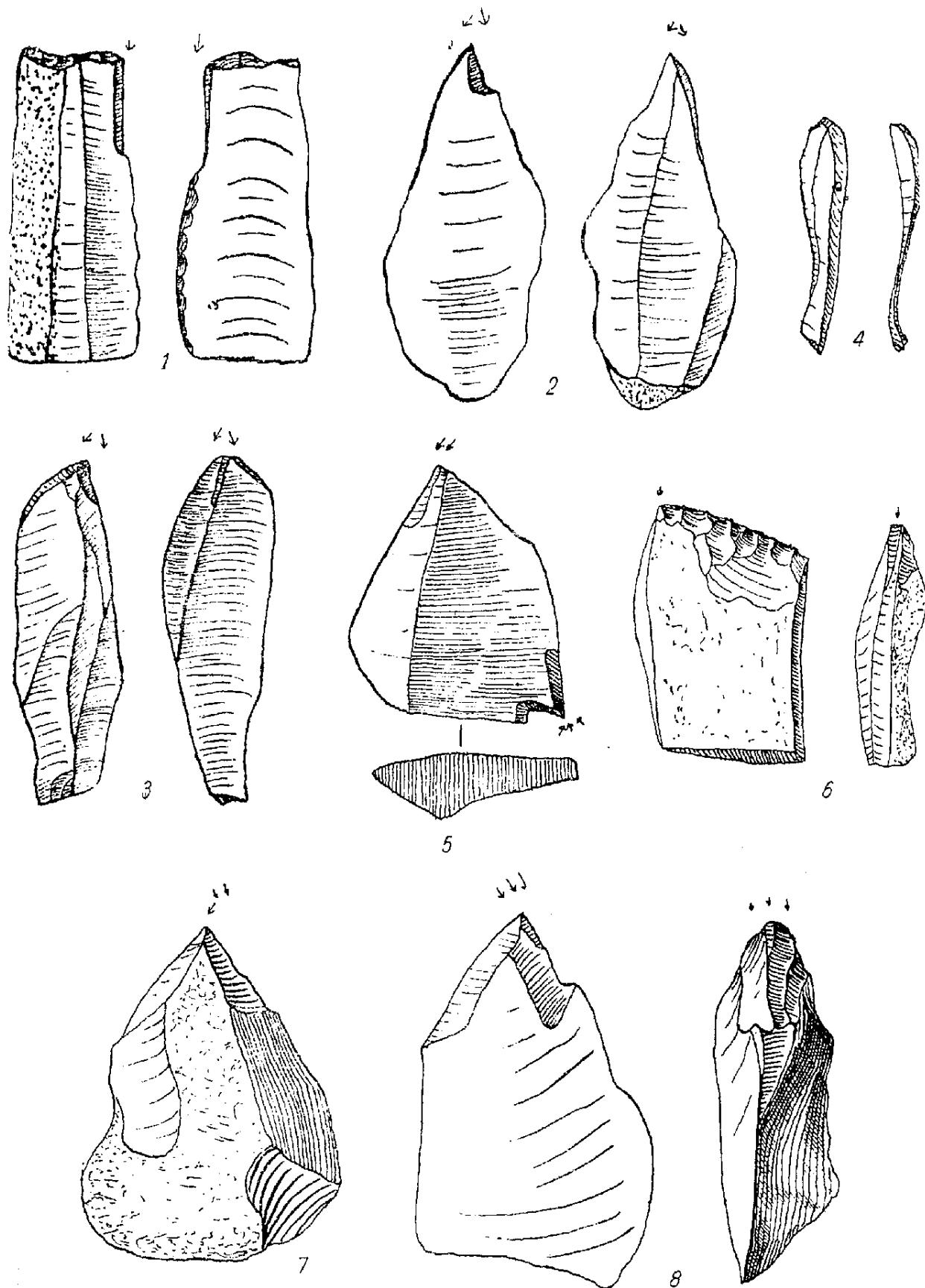
Нуклевидных орудий на массивных кусках

кремня — 12 экз. Они образуют постепенные переходы от резцов к килевидным скребкам и к скобелям (*rabots*) с все более и более расширяющимся лезвием. Длина их не превышает 5 см, т. е. обычные размеры пластин и отщепов верхнего горизонта. Лишь один экземпляр имеет 11 см длины. Они довольно сильно отличаются друг от друга, так что их приходится описывать поодиночке.

На табл. IV, 6 изображена кремневая плитка, один край которой обработан крутой затупливающей ретушью. Эта ретушь в сочетании с перпендикулярным к ней, идущим по другому краю плитки, резцовым сколом образует лезвие бокового резца.

На табл. IV, 5 изображен подтреугольный кусок кремня; на одном углу его сочетанием поверхности куска и двух резцовых сколов получено лезвие резца. На другом углу также получено лезвие резца сочетанием одного и

ТАБЛИЦА IV

Кирилловская стоянка. Верхний культурный слой. Кремневые орудия. Нат. вел.

1–3 резцы на пластинках; 4—краевой отщепок резца 5–8 нуклеидные резцы.

идущих с противоположной стороны двух резцовых сколов.

Представленный на табл. IV, 7 желвак кремня неправильной формы сохраняет на большей части своей поверхности корку. На одном углу желвака сочетанием довольно широкого скола и двух узких пластинчатых сколов получено лезвие неправильной формы, приближающееся к лезвию резца.

На табл. IV, 8 изображен подтреугольный кусок кремня. На одном углу сочетанием широкого скола и двух пластинчатых резцовых сколов получено угловатое лезвие — среднее между килевидным скребком и массивным резцом.

Изображенный на табл. V, 2 желвак кремня имеет долотообразное лезвие, шириной около 1 см, полученное рядом нанесенных с обеих сторон узких сколов. На другом конце — полукруглое крутое лезвие скобеля, сформованное рядом пластинчатых сколов в сочетании с поверхностью желвака.

Табл. V, 1 дает нам большой вытянутый желвак кремня. На одном конце сочетанием широкого скола и трех вытянутых пластинчатых сколов получено полукруглое лезвие шириной 2 см, среднее между лезвием массивного резца и килевидного скребка. Противоположный конец орудия сохранил со всех сторон корку и удобен для захвата рукой.

Четыре куска кремня имеют более широкое, массивное крутое полукруглое лезвие, полученное сочетанием широкого скола или поверхности куска кремня и ряда узких пластинчатых сколов. Лезвие этого типа уже не напоминает долотовидные лезвия резцов. Мы имеем дело с орудиями, близкими к килевидным скребкам и скобелям (табл. V, 3, 4, 5). Наконец, у четырех кусков (табл. VI, 1, 2 и VII, 3, 4) лезвие еще более округлое, пластинчатые сколы идут вертикально, как на нуклеусе, перпендикулярно нижней плоскости куска, образующей вместе с ними рабочее лезвие. Это типичные скобели (*rabots*). Один из них (табл. VI, 1) поразительно напоминает изображенный на табл. II, 3 экземпляр из нижнего горизонта. Помимо этих нуклевидных орудий, пять кусков кремня, на которых отсутствуют явные следы вторичной обработки, имеют по краю ряд выщербинок, позволяющих предполагать, что ими в некоторых случаях пользовались как нуклевидными скребками и скобелями.

Значительное число нуклевидных орудий при малом числе нуклеусов (да и то сомнительных), происходящих из верхнего горизонта, позволяет предполагать, что часть объектов, упоминаемых Хвойко как нуклеусы (Хвойко пишет о большом числе нуклеусов в верхнем горизонте), является на самом деле нуклевидными орудиями. Кусок кремня размерами 4.7×4.3 см с тремя хорошо обозна-

ченными фасетками от пластин, описанный Волковым как нуклеус, возможно, также является нуклевидным скобелем. Для нуклеуса он мало типичен.

П. П. Ефименко в своем описании верхнего горизонта Кирилловской стоянки отмечает небольшие ланцетовидные пластиночки с резко заретушированным краем; некоторые из них имеют характерные треугольные очертания, сходные с геометризованными формами азильско-тарденузских месторождений.

В киевских коллекциях мне удалось обнаружить лишь один подобный экземпляр (табл. III, 12). Это узкая вытянутая двускатная пластинка в форме треугольника. Довольно крутая, но приостряющая, а не затупляющая ретушь идет по всем трем сторонам пластинки, но не сплошь, а преимущественно у острия треугольника и по двум более коротким его сторонам.¹

Обломок подобного же экземпляра, происходящего из Кирилловской стоянки, хранится в Геологическом музее Московского геолого-разведочного института (табл. III, 13). Можно предполагать, что он также происходит из верхнего культурного слоя, хотя указания на это и отсутствуют.² Волков описывает восемь миниатюрных заостренных треугольных и ланцетовидных пластинок сходного типа. По одному или двум краям они имеют легкую затупляющую ретушь. Орудия эти из-за их малых размеров, вероятно, употреблялись как вкладыши.

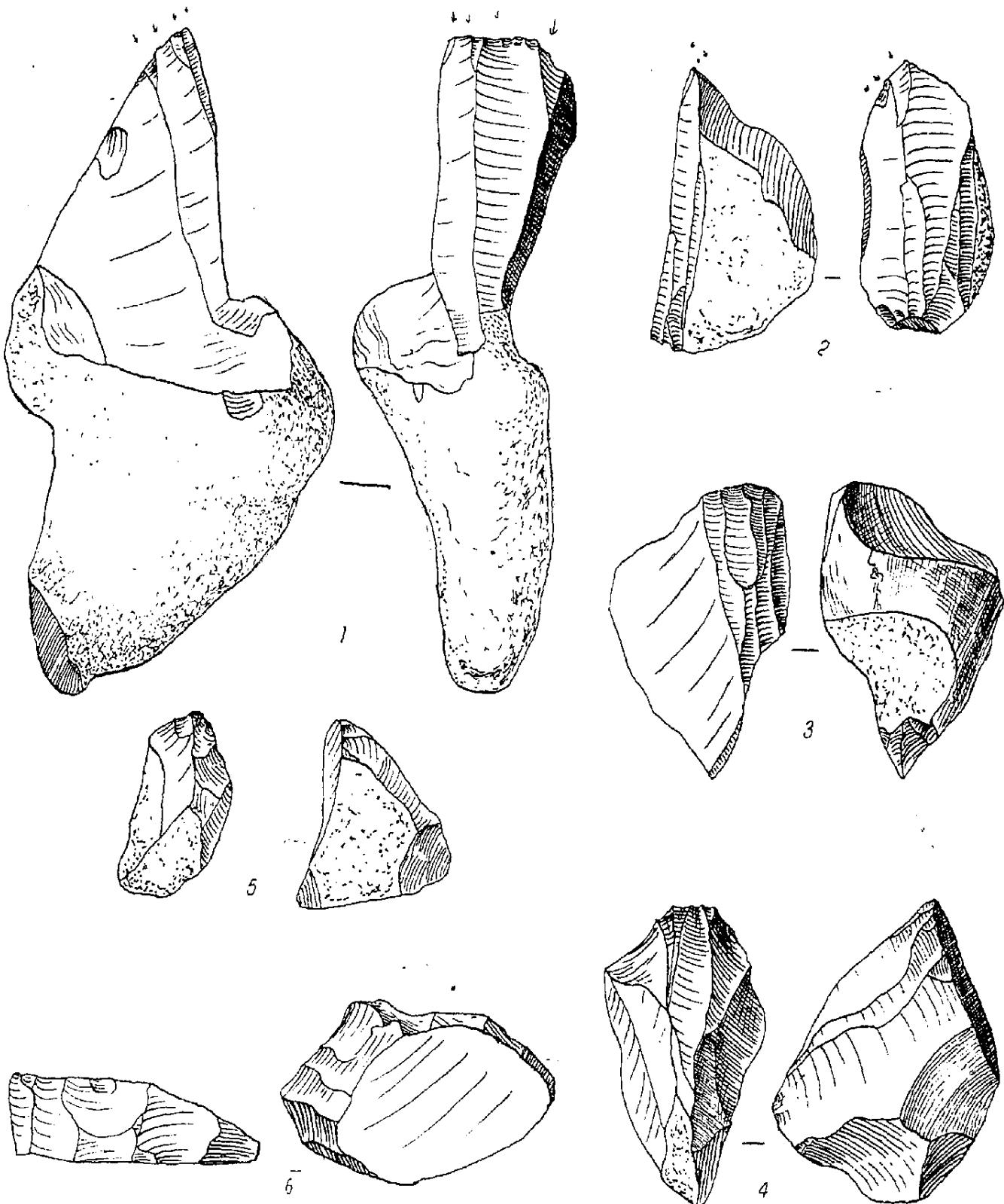
Следует, однако, иметь в виду, что Волков воспроизводит эти орудия не с натуры, а по фотографиям, присланным ему Хвойко. Фотографии, как известно, очень плохо передают ретушь на кремне. Она нечетко воспроизведена и на рисунках Волкова. Возможно, что тут налицо простые заостренные пластинки без ретуши.

Большую группу составляют пластины и отщепы с легкой ретушью по краю. Имеется, примерно, 50 таких пластин и 15 отщепов (табл. VII, 5—8 и VIII, 1—12, 17, 18); у двух пластин почти весь край тщательно отретуширован. Остальные пластины и отщепы имеют очень легкую едва заметную частичную ретушь со спинки или иногда с брюшка, чаще же имеют по краю легкие с трудом различимые выщербинки — следы утилизации. 9 экземпляров имеют по краю образо-

¹ Рисунок этого же экземпляра, равно как и одного из описанных нами выше коротких скребков, издан Н. Ф. Беляевским. Ценные стоянки неолитической эпохи на берегах реки Западного Буга в среднем его течении. Тр. XI Археол. съезда, т. I, стр. 713.

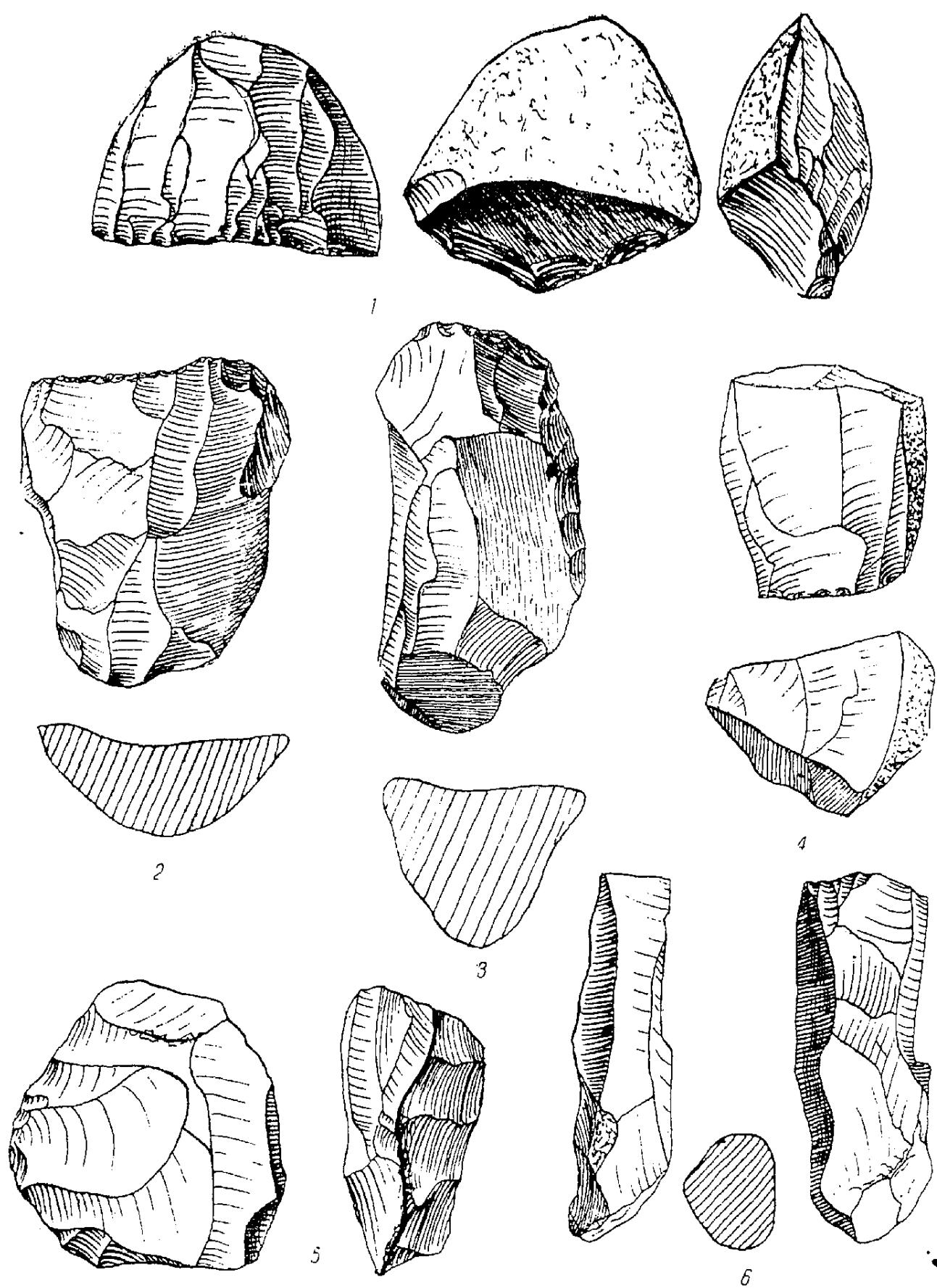
² Кроме того, в этой же коллекции хранятся два массивных многофасеточных резца, происходящие из Кирилловской стоянки. Трудно сказать, происходят ли они из верхнего или из нижнего культурного слоя.

ТАБЛИЦА V

Кирилловская стоянка. Верхний культурный слой. Кремевые орудия. Нат. вел.
1—5—нуклеидные формы; 6—площадка нуклеуса.

ТАБЛИЦА VI

Кирилловская стоянка. Верхний культурный слой. Кремневые орудия. Нат. вел.
1—3 — нуклевидные формы; 4—6 — нуклеусы.

ванные ретушью маленькие выемки. Такова на табл. VIII, 10 длинная узкая пластина, по краю которой ретушь образует три довольно широкие неглубокие выемки, разделенные слабо выраженным зубцами, а на табл. VIII, 17 — узкая пластинка с двумя маленькими выемками. На остальных пластинках наблюдается лишь по одной выемке.

Удлиненных пластин без следов ретуши и утилизации — 180 экз. Они имеют обычно небольшие размеры. Из них около 40 — короткие сечения пластин с обломанным одним или обоими концами (табл. VIII, 13—16). Около 30 — узкие тонкие правильные пластинки-чешуйки (длина 1.2—2.5 см, ширина 0.5—1.2 см). Обе эти группы заготовок нельзя было выделить в нижнем горизонте. Но пропорция сечений пластинок указывает, что здесь, как и в нижнем горизонте, малые размеры орудий нельзя связывать с техникой рассечения пластин на части. Лишь небольшая часть орудий (хотя и большая, чем в нижнем горизонте) приготовлена в верхнем горизонте из сечений пластин.

Бесформенных отщепов и осколков кремня — 210 экз. Они, так же как и пластины, не превышают 6 см в поперечнике и нередко имеют корку на поверхности.

Отбойники отсутствуют. На табл. VI, 3 изображен кусок кремня с рядом преимущественно продольных сколов: выщербинки на его конце свидетельствуют, видимо, о том, что он употреблялся в качестве отбойника.

Типичных нуклеусов нет. Но 4 призматических куска кремня (длина 3.5—6 см) имеют следы продольных сколов (табл. VI, 4, 5, 6): возможно, что это сработанные нуклеусы. Небольшая овальная плитка кремня имеет по краям фасетки (табл. V, 6). Это поперечный скол с нуклеусом. О нуклеусах дают также представление около десятка реберчатых пластин со следами поперечных сколов на спинке (табл. VII, 1, 2). Они были отделены от краев нуклеусов. Одна из них (табл. VII, 2) имеет на конце резцовидный скол, формующий в сочетании с поверхностью пластины двугранный угол — нечто вроде массивного долотовидного резца.

Около 15 небольших бесформенных кусков кремня; большинство из них сохраняет следы корки. Возможно, что некоторые из них служили нуклеусами.

Таков кремневый инвентарь верхнего культурного слоя Кирилловской стоянки.

Встает вопрос об интерпретации материала стоянки, прежде всего — о его датировке.

* * *

Хвойко приводит в своих работах план (правда не совсем точный, сделанный по памяти) расположения культурных остатков в нижнем слое, а также дает их описание.

Они залегают в самом низу толщи зеле-

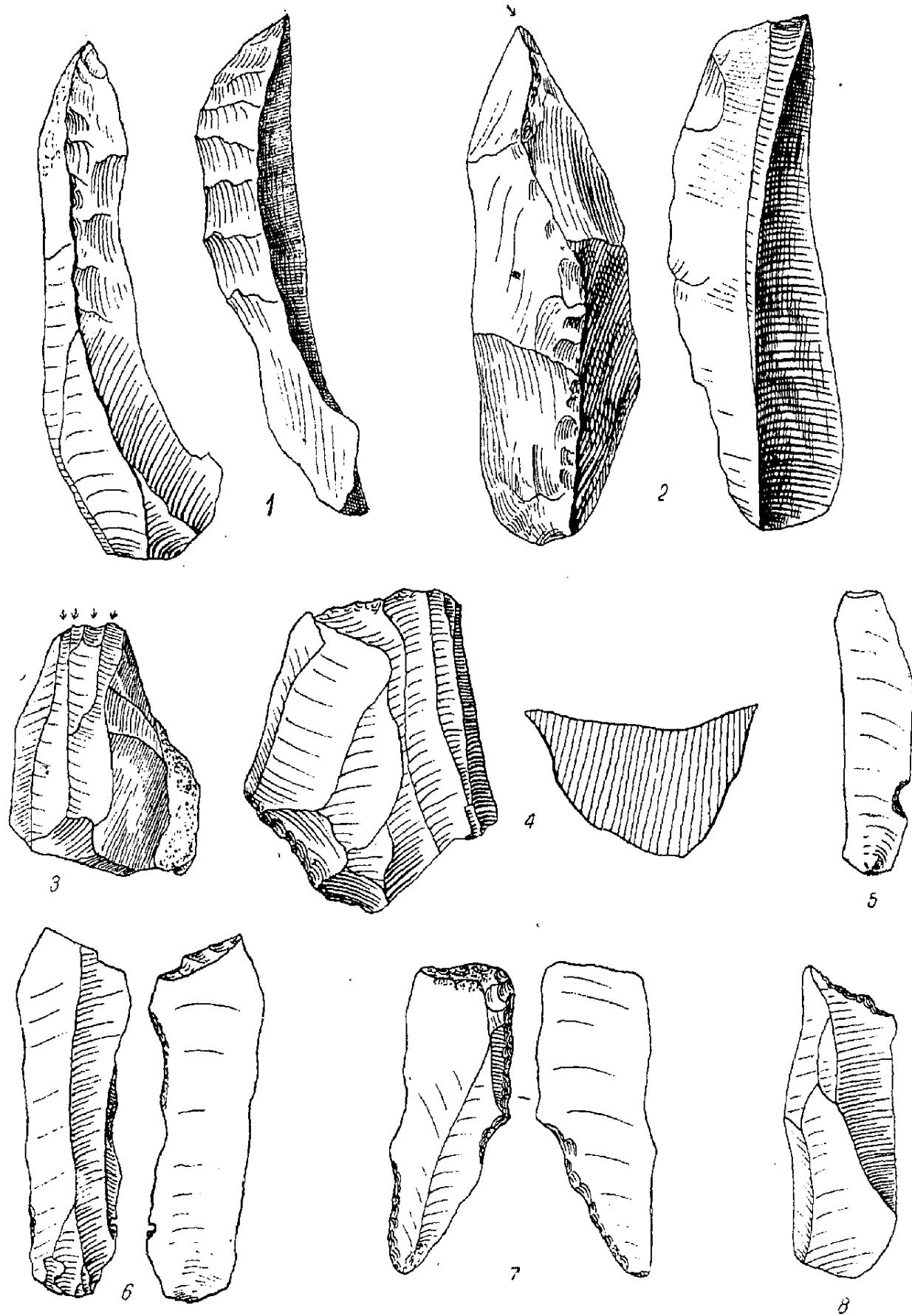
новато-серых песков, на глубине 20—22 м от поверхности земли, и состоят из нескольких перекрывающих друг друга наслоений. Эти наслоения, по словам Хвойко, представляют собою большое число кострищ с сопровождающими их скоплениями остатков мамонта и, отчасти, сибирского носорога. Некоторые из подобных скоплений отличались значительной мощностью и протяжением. Так, одно из них, имея 40—50 см толщины, имело свыше 50 м в длину и 15—18 м в ширину, причем содержимое его состояло преимущественно из пережженных или обгоревших костей мамонта, из золы и угля; вокруг него были нагромождены необгоревшие кости мамонта. О больших размерах скоплений костей свидетельствует тот факт, что здесь были обнаружены кости не менее чем 67 мамонтов. Кремня зато здесь чрезвычайно мало. Остатки каких-либо жилых сооружений Хвойко не были прослежены.

Нижний горизонт Кирилловской стоянки имеет, таким образом, характер типичного верхнепалеолитического охотниччьего лагеря. Сходные большие скопления костей и других культурных остатков наблюдаются в Предмосте, в Бердыже, Костенках III и т. д. Они позволяют говорить об определенной ступени оседлости, о том, что мы имеем дело не с кратковременным становищем, а с постоянным местом поселения. 67 мамонтов не могло быть убито в течение короткого срока.

Заслуживает внимания фауна нижнего горизонта.¹ Она представлена почти исключительно мамонтом и немногими костями сибирского носорога (с достоверностью можно говорить лишь об одном индивиде последнего). Это также свидетельствует о развитой специализированной охоте верхнего палеолита.

Кремневые орудия нижнего горизонта обычных верхнепалеолитических форм на удлиненных пластинках — резцы, скребки, пластины с ретушью, нуклевидные орудия. Трудно ответить на вопрос, чем объясняется чрезвычайно малое количество обработанного кремня в нижнем культурном слое, особенно по сравнению с количеством костей. Вероятно, это нужно связывать со специфическим характером поселения или части поселения, с которой мы имеем дело. Отсутствие отбойников и нуклеусов, очень малое количество отщепов и осколков по сравнению с другим кремневым инвентарем (сорок из двухсот) свидетельствует о том, что обработка кремня совершилась не на раскопанной территории, а где-то в другом месте. Раскопанная территория дает нам картину не мастерской, да и не обычного жилища, где нередко изготавливаются кремневые орудия. Это

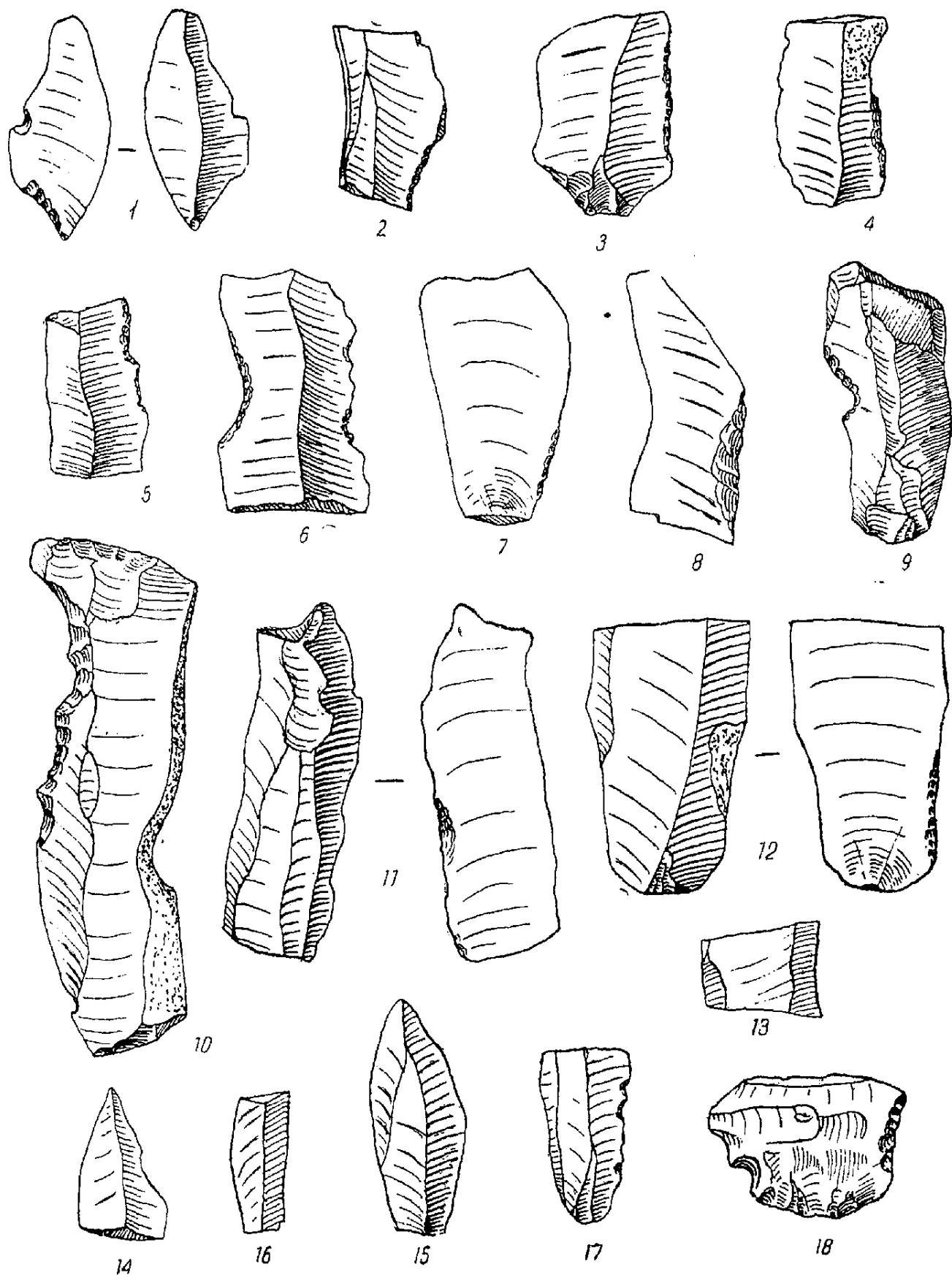
¹ При рассмотрении фауны Кирилловской стоянки использована упоминавшаяся выше рукописная сводка И. Г. Пидоплички.

Кирилловская стоянка. Верхний культурный слой. Кремневые орудия. Нат. вел.

1–4 — нуклевидные формы; 5—8 — пластинки с ретушью.

ТАБЛИЦА VIII

Кирилловская стоянка. Верхний культурный слой. Кремневые орудия. Нат. вел.
1—12, 17, 18 — пластины с ретушью; 13—16 — заготовки.

участок, предназначенный почти исключительно для трапезы, а может быть периферия стоянки, предназначенная для складывания костей, служивших топливом, и выбрасывания содержимого заполненных очагов. Но, разумеется, это лишь предположения.

К какой эпохе верхнего палеолита можно отнести нижний слой Кирилловской стоянки?

П. П. Ефименко относит нижний слой Кирилловской стоянки к началу мадлена и сопоставляет его с группой раннемадленских стоянок, содержащих довольно бедный кремневый инвентарь, — Костенки II, Костенки III, Каракарово, Студеница. Этот вывод П. П. Ефименко основан как на рассмотрении кремневой техники нижнего горизонта Кирилловской стоянки, так и на рассмотрении происходящих оттуда предметов искусства. Хвойко, в 120 м от места первоначальных раскопок, на глубине 12 м, в слое, видимо, одновременном нижнему культурному слою стоянки, сделал интересные находки. Было найдено несколько костей мамонта и осколов кремня, бивень мамонта 1 м 70 см длины с выдолбленным желобком и, наконец, отрезок острия бивня мамонта 30 см длины, украшенный сложной загадочной резьбой. Этот бивень с резьбой широко известен, его воспроизведение вошло во многие руководства по палеолиту. Ф. К. Волков в посвященной ему работе¹ показал тесную связь резьбы кирилловского бивня с искусством западноевропейского мадлена. Присоединяясь к выводам Ф. К. Волкова, П. П. Ефименко отмечает одновременно тесную связь искусства Кирилловской стоянки с искусством. Предмоста и Мезина. На основании рассмотрения искусства Кирилловской стоянки, как и на основании ее кремневого инвентаря, П. П. Ефименко относит ее нижний слой к раннему мадлену.

Можно согласиться с этими выводами П. П. Ефименко. Наше рассмотрение кремневого инвентаря, при котором был привлечен новый, ранее не опубликованный материал, их подтверждает и детализирует.

Для нижнего горизонта характерна та же кремневая техника, те же типы орудий, примерно, в тех же пропорциях, что и для остальных стоянок архаичной раннемадленской группы. Напомним относительное обилие резцов, причем таких, как многофасеточные и нуклевидные, при отсутствии в то же время определенно выраженной их формы, наличие значительного процента нуклевидных орудий, приготовленных из бесформенных кусков кремня. Такое же явление наблюдается в стоянках Костенки III и Костенки II, возраст которых установлен на основании

сравнения их с другими стоянками Костенковско-Боршевского района.

И. Г. Пидопличка относит Кирилловскую стоянку к ориньяку, считая ее самой древней из верхнепалеолитических стоянок Украины. Сходного мнения придерживается и В. И. Громов. Не вдаваясь в разбор геологической стороны вопроса, укажу, что факты из области археологии противоречат этой датировке. Датируя Кирилловскую стоянку ориньяком, нужно указать ее место в ряду других верхнепалеолитических стоянок Европейской части СССР и в частности Украины. Нам известны ориньяко-саютрейские памятники Украины. К ним принадлежит стоянка Пушкари I.

Она находится на правом берегу р. Десны, недалеко от Новгород-Северска. Фауна Пушкарей — мамонт, лошадь, пещец, водяная крыса, волк. В основе кремневой техники — узкие удлиненные пластинки с правильным параллельным огранением. Их средняя длина 6—7 см (некоторые достигают 9—11 см); средняя ширина 1,5—2 см.

Ряд больших пластин тщательно отретуширован по краям и превращен в ножи или ручные острия. Скребки на конце узких удлиненных пластин; по направлению к рабочему лезвию они не расширяются, а напротив суживаются. Специфическая форма Пушкарей — листовидные заостренные пластины, обработанные очень тщательной приостряющей ретушью. Ретушь формирует острие на их конце. Таким образом получаются овальные листовидные наконечники колий, приближающиеся к протосолютрейским. Помимо этого в Пушкарях найдено много нуклеусов.

Каменные орудия Пушкарей представляют аналогию каменным орудиям Костенок I. Это сходство еще подкрепляется находкой в стоянке Пушкари I наконечников с выемкой, правда, без солютрейской отжимной ретуши.

Нам известна, таким образом, по материалу Пушкарей I ранняя стадия верхнего палеолита Украины. Она существует в таких же формах, как и в Белоруссии (Бердыж), на среднем и нижнем Дону (Костенки I, Боршево I, Гагарино). Кирилловская стоянка не имеет ничего общего с этими памятниками. Если бы мы попытались поместить ее в число этих стоянок, она резко выклинивалась бы из их ряда. На тех же основаниях, на каких мы относим Костенки II и Костенки III к архаичному раннему мадлену, не лишенному многих ориньякских черт, мы должны сюда отнести нижний горизонт Кирилловской стоянки.

* * *

Верхний культурный слой Кирилловской стоянки расположен не непосредственно над нижним, а по соседству с ним. Он прослеживается в другой части холма, содержащего

¹ Искусство мадленской эпохи на Украине. Археол. летопись Ю. России, 1903, № 1.

палеолитические остатки, и залегает на глубине 13—14 м в верхней части зеленовато-серых песков. Подобно нижнему слою, он образуется из двух прослоек. Как мы уже упоминали, он занимает пространство около 30 м длиной, около 20 м шириной и состоит из небольших округлых зольных пятен. На пространстве в 600 кв. м было прослежено 20 таких пятен, заполненных культурными остатками. В отличие от нижнего слоя, здесь много кремней, тогда как костей совсем мало.

П. Я. Армашевский указывает, что в одном месте была встречена куча из нескольких сот кусков кремня, очевидно, собранная для выделки орудий.¹ Fauna верхнего слоя: лев (*Uncio leo*), волк и гиена (*Hyaena crocuta*),² а также стоящие под вопросом медведь и мамонт.³ Хвойко указывает, кроме того, на наличие значительного числа костей мелких животных. Но они не были определены и не сохранились до настоящего времени.

Характер человеческого поселения в верхнем горизонте, как мы видим, коренным образом отличается от нижнего горизонта. Это не место трапезы или периферия стоянки, а территория жилищ, на которой, в частности, производилась и обработка кремня. Возможно, что каждый из очагов соответствовал небольшому шалашу (разумеется, в несколько раз превышающему своей площадью площадь очага). Но возможно, что очаги группировали внутри нескольких больших коллективных жилищ, как мы это видим в Костенках I и IV. Признаки оседлости, выраженные в нижнем слое, здесь выражены в значительно меньшей степени. Исчезает и развитая охота на мамонта.

К какой эпохе можно отнести верхний горизонт Кирилловской стоянки? П. П. Ефименко относит верхний горизонт Кирилловской стоянки к самому концу мадлена и началу азия, сопоставляя его с Журавкой и верхним горизонтом стоянки Боршево II. Я не совсем согласен с этим выводом. Рассмотрение комплекса кремневых орудий верхнего слоя показывает, что он чрезвычайно сходен с комплексом нижнего слоя. Тот же кремень, тот же характер его патинизации, те же маленькие размеры орудий. Скребки, резцы, пластины с ретушью и значительное количество нуклевидных форм. В верхнем горизонте чаще, чем в нижнем, встречаются сече-

ния пластин; но они не являются преобладающими как тип заготовок. Появляются несколько коротких скребочков на сечениях пластин, но один такой экземпляр известен и из нижнего слоя, к тому же совершенно отсутствуют короткие двойные и округлые скребочки, характерные именно для конца мадлена, перехода к азию и известные в верхнем горизонте Боршево II. Имеется лишь одно треугольное острие с ретушью, достигающее 4 см длины. Но единичные экземпляры такого рода орудий известны задолго до азия.

Таким образом в верхнем слое лишь очень слабо начинает сказываться геометризация кремневого инвентаря. В целом же кремневый инвентарь верхнего слоя очень близок к нижнему слою. По нашему мнению, тот и другой разделены небольшим промежутком времени. Верхний горизонт Кирилловской стоянки следует, по нашему мнению, отнести к раннему или среднему мадлену, отделив его от переходных к азию стоянок типа верхнего горизонта Боршево II. Данные палеонтологии не противоречат этой датировке. По свидетельству Хвойко, в верхнем горизонте Кирилловской стоянки попадались изредка кости мамонта.

Характер планировки культурных остатков верхнего горизонта Кирилловской стоянки тоже нельзя безоговорочно сближать с верхним горизонтом Боршево II. В Кирилловской — резко очерченные пятна около 2 м в диаметре. В Боршево II округлые скопления культурных остатков более расплывчатых очертаний, имеющие не менее 5 м в диаметре и не являющиеся очагами в узком смысле слова, — возможно, они соответствуют жилищам.

Мы слишком еще плохо знаем характер планировки мадленских поселений. Но планировку типа верхнего горизонта Кирилловской стоянки можно допустить для мадлена, и не только для самого его конца.

Разумеется, не приходится говорить об орильякском возрасте верхнего горизонта, как это делают Р. Шмидт и др.

Каменные орудия верхнего горизонта имеют выраженный мадленский облик. Об этом свидетельствуют и орудия на коротких сечениях пластин, предвещающие конец мадлена, и отсутствие столь характерной для орильяка ретуши по краям концевых скребков, и наличие пластинок с зазубринками, сближающихся по своему функциональному назначению с мадленскими *lames denticulées*. А самое главное — верхний горизонт Кирилловской стоянки не имеет ничего общего с известными на территории Европейской части СССР орильякскими стоянками.

¹ П. Я. Армашевский. О стоянке человека палеолитической эпохи по Кирилловской улице в Киеве. Тр. XII Археол. съезда, т. II.

² Определены И. Г. Пидопличкой и М. В. Павловой.

³ Упоминаются В. В. Хвойко.

А. П. Окладников

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТАТУЭТКА ИЗ БУРЕТИ

(РАСКОПКИ 1936 г.)

В 1936 г. на правом берегу Ангары, неподалеку от устья р. Белой, в окрестностях дер. Нижняя Буреть были обнаружены следы палеолитического поселения. Возраст последнего определяется общей близостью сделанных там находок (фаунистические остатки, каменные изделия, обработанная кость) к мальтинским. О том же свидетельствует самая замечательная вещь, найденная в 1936 г. при раскопках в Бурети: резная статуэтка

размером из двух скоплений костей и плит, известняка, входивших в состав этого культурного комплекса. Здесь лежали *in situ*, сохранив нормальное анатомическое расположение, позвонки крупного травоядного (лошадь?). Рядом с ними лежали два лошадиных черепа и фрагменты других костей. Под крайними снизу (по склону) позвонками хребта животного лежала статуэтка. Она была положена слегка набок, головой обращена вниз по склону и заботливо прикрыта с боков плоской галечкой и трубчатой костью джигетая, у которой были предварительно удалены оба эпифиза. Сверху статуэтку защищали массивные позвонки хребта (рис. 1). Этим объясняется превосходная сохранность статуэтки, несмотря на то, что от поверхности ее отделяло очень незначительное расстояние. Следует отметить, что статуэтка помещалась почти у самого края раскопа, снизу по склону. В этом месте начинается область интенсивного размыва дождевыми и снеговыми водами склона террасы, которым несомненно была уничтожена часть раскопанного культурного комплекса. Ниже по склону на поверхность выходит голый галечник, а содержащий находки слой смыт и уничтожен полностью. Судя по очертаниям в плане уцелевшей части культурного комплекса, размывом захвачена половина последнего, очевидно, имевшего раньше вид сплошного и резко очерченного овального пятна. Статуэтка должна была, таким образом, находиться в самой середине, почти в центре культурного комплекса.

Длина статуэтки 12.2 см, наибольшая ширина (в плечах) 1.9 см. Сохранность ее превосходная. На поверхности заметны дендриты. Она была вырезана из бивня мамонта и представляет собою круглую скульптуру, одинаково тщательно оформленную со всех сторон. Мастер реалистически живо и точно передал в ней облик человека и, несомненно, женщины, изображенной стоя во весь рост. Поза фигурки, как и всех мальтинских, строго фронтальная, руки ее, прижатые к телу, вытянуты и опущены вниз. Тело узкое, сильно вытянутое в длину, обладает своеобразными

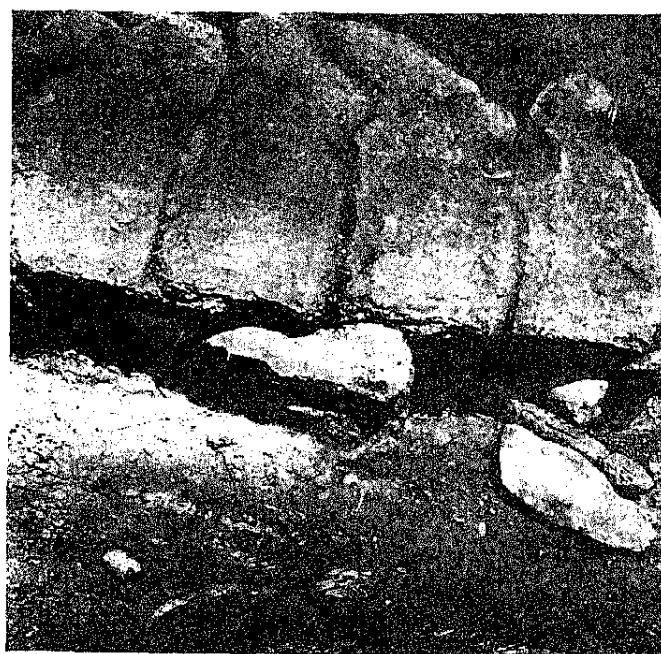

Рис. 1. Статуэтка в момент раскопок.

из бивня мамонта, заслуживающая специального описания как по ее своеобразию, так и по той причине, что Буреть является вторым в Сибири (после Мальты) поселением палеолитического времени, где сделана подобная находка.

Условия находки описываемой палеолитической статуэтки таковы: в 1936 г. в Бурети был вскрыт один культурный комплекс, представлявший, повидимому, остатки жилого сооружения, слегка углубленного в землю. Статуэтка была обнаружена в нем при зачистке одного, и наиболее обширного по

сочными пропорциями. Нижняя и верхняя части тела несоразмерны друг другу. Ноги резко укорочены по сравнению с торсом. Общая асимметрия в пропорциях тела подчеркивается чрезмерно короткими руками фигурки.

Столь же резко выражены особенности фигурки и в пропорциях головы по отношению к ширине плеч, где вместо обычного 1 : 2 наблюдается иное соотношение — 1 : 1. Диспропорция тела статуэтки, связанная с укороченностью рук и ног, противоречит правилу «классического квадрата» античности, согласно которому человек с вытянутыми горизонтально руками может быть вписан в квадрат, т. е. ширина его распостертых рук должна быть равна росту. При длине фигурки в 12,2 см длина ее распостертых рук должна составлять всего 8 см, т. е. на 4 см меньше нормы. И тем интереснее, что пропорции головы и тела статуэтки в основном соответствуют правилу, определяющему отношение длины головы к общей длине тела (отношение длины головы статуэтки и ее тела равно 1 : 6). Античный канон, принятый для изображения богов и героев, основан на том, что голова восемь раз укладывается в длину тела. Но, как установлено, он верен только для лиц высокого роста. У людей низкого роста (около 1,54 см) в длину тела укладывается примерно 7 голов.

Наша статуэтка, следовательно, могла довольно точно передавать действительные пропорции тела невысокого человека. Интересно в связи с этим и то обстоятельство, что столь своеобразное соотношение длины верхней и нижней половины туловища приближается к пропорциям женского тела, которому свойственна относительно меньшая длина верхней половины тела. Узкие плечи, массивные и сильно выпуклые бедра хорошо сочетаются с этими особенностями статуэтки. Плавная кривая спины статуэтки при взгляде на нее сбоку также соответственно близка к формам женского тела.

Голова статуэтки продолговатая и овальная, сужена кверху. На ней особо выделены лицо и головной убор. Лицо моделировано наиболее тщательно. Оно выпукло и оформлено объемно в основных своих деталях. Просто, но отчетливо переданы: маленький выпуклый лоб, выдающиеся щеки и скулы, круглый и мягко очерченный подбородок. Рта не обозначено, но он «угадывается», отсутствие его не бросается в глаза. Как бы расплывшийся, мягко очерченный, «монгольский» нос резко ограничен снизу. Глаза переданы в виде узких миндалевидных углублений. Впечатление от них совершенно необычно: узкие и раскосые, они невольно вызывают в памяти черты лица,ственные представителям монгольской расы. Это тем более ценно, что даже у самых крупных по размерам мальтинских статуэток, правда

за исключением одной,¹ лица изображены очень схематично и неотчетливо. Лицо отмеченной мальтинской статуэтки передано более примитивно, чем лицо статуэтки из Бурети, оно не столь жизненно и напоминает скорее произведения этнографического искусства (огромный плоский нос, широкая плоскость лица). Но и на нем, однако, обращают внимание широкие скулы, общая плоскость лица, которые столь же характерны для работ бурятских, например, или эвенкийских резчиков прошлого, очевидно именно потому, что они подражали определенной модели, сходной с той, которая послужила образцом для древних мастеров. В связи со сказанным следует отметить и новейшую находку на Афонтовой Горе части человеческого черепа, лицевые кости которого обнаруживаются, по словам антропологов, тяготение к монголоидности. Не исключена возможность, что люди, резцу которых принадлежали обе отмеченные статуэтки, имели перед своими глазами именно такую модель с монголоидными чертами лица.

Плечи статуэтки узкие, округленные и скошенные книзу. Короткие плоские руки заканчиваются прямыми срезами, слегка суживающимися книзу. Ноги плотно сжаты и разделены лишь глубокими продольными надрезами с обеих сторон. С передней стороны и сзади в средней части тела намечены короткие узкие «хвостики»-треугольники, обращенные вершиной вниз, причем сзади хвостик короче, чем спереди.

Статуэтка почти сплошь, за исключением лица, покрыта орнаментом из полукруглых насечек, обращенных выпуклостями вверх, а рогами вниз. Полулуния располагаются вертикальными рядами параллельно друг другу и проходят сзади от темени до самых пят. На одной стороне, в одном ряду вместо полулунных вырезок имеются маленькие конические ямки.²

Такие же ямочки размещены у плеч «под мышками» и на левом бедре, вклиниваясь между двумя полосами полулуний.

В композиционном отношении орнамент обладает своеобразной ритмической правильностью и находится при этом вне связи с формами статуэтки. Он совершенно атекtonичен. Линии нарезок с механической правильностью проходят вдоль статуэтки, следуя своим собственным путем. Они прерываются на плечах и ногах, но не подчеркивают их формы, а, наоборот, остаются независимыми от нее. Орнамент располагается как бы не по телу статуэтки, а по поверхно-

¹ М. М. Герасимов. Мальта. Палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931, табл. 12, а.

² По мнению М. М. Герасимова, такие ямки должны быть начальным моментом изготовления («наметкой») полулунного орнамента.

сти цилиндра; мастер, словно, вынужден был частично уничтожить его, отступая от исходной формы цилиндрической болванки и обнажая скрытые под ней очертания человеческого тела.

Головной убор, сплошь покрытый полулуенным орнаментом, как и все тело статуэтки, очень резко отделен от выпуклого лица, которое обрамлено его массивными краями-валиками. Мастер намеренно выделил эти края головного убора и подчеркнул их глубокими узкими желобками, оконтуривающими овал лица. Так можно передать только края головного убора из меха, плотно охватывающего лицо густой и пушистой каймой в виде чепчика. Убор этот несравненно шире, чем миниатюрное лицо, которое заключено в его

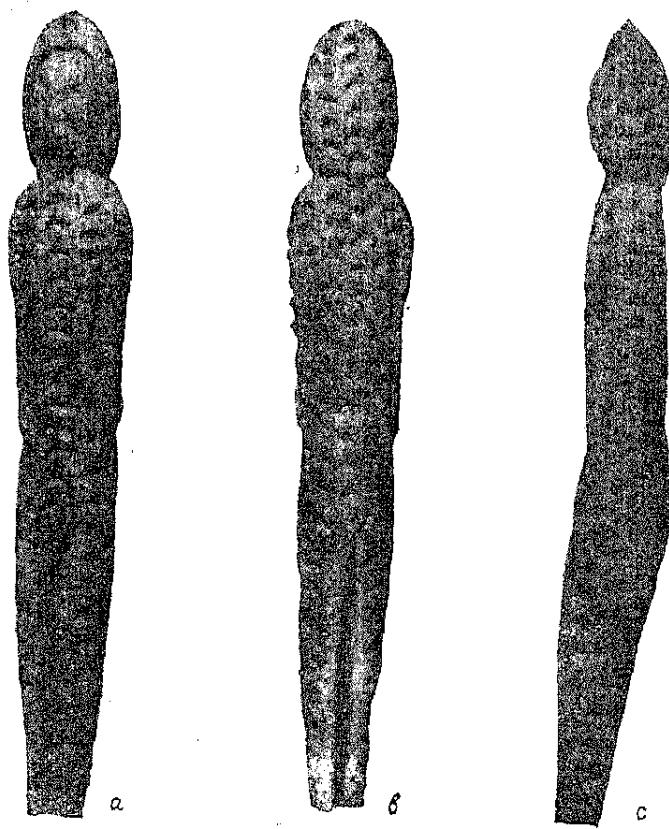

Рис. 2. Статуэтка из Бурети (вид с трех сторон — а, б, с). Около нат. вел.

овале. Он широкий и плоский сзади, узкий сбоку, скошен со лба назад — к темени и плавно суживается к шее, но не отделен от шеи сзади особым перехватом, а представляет непосредственное продолжение шеи и спины.

Связь головного убора с туловищем статуэтки видна уже из контраста его с лицом, которое, наоборот, отчетливо отделено от всего тела. Связь головного убора и туловища подчеркнута также орнаментом, который их непосредственно соединяет.

Головной убор, в чем не может быть сомнений, представлял собою большой капюшон, сшитый из шкуры и плотно облегавший лицо своей пышной меховой оторочкой от лба до шеи.

При такой тесной связи головного убора с туловищем статуэтки и обособленности от них ее лица, следует предполагать, что мы имеем изображение не обычной нагой фигуры, а женщины, одетой в теплый меховой костюм с пышным (откидывающимся) капюшоном вместо прически из собственных волос. Такое предположение подкрепляется еще одной своеобразной чертой статуэтки. Палеолитические статуэтки, некоторые мальтийские в том числе, обычно изображают женщин с зрелыми формами, с грудью много рожавшей матери. Статуэтка из Бурети поражает своей плоскогрудостью, отсутствием даже намека на грудь. И это вполне понятно, если грудь была скрыта под плотным и толстым покровом из шкур.

«Одетая» статуэтка из Бурети (рис. 2), как таковая, впрочем, не остается одинокой. Как и все остальные палеолитические находки, сделанные в Бурети, она находит ближайшие аналогии в мальтийских материалах, в драгоценном собрании скульптурных изображений из Мальты. Не говоря уже о тождестве сюжета и общем сходстве их формы, нужно отметить хотя бы столь своеобразную черту статуэтки из Бурети, как полулуенный и круглоячный орнамент, общий для нее и для резной кости Мальты в целом. Комбинации из рядов полулуенных вырезов и «комбинации из рядов неглубоких круглых ямок» представляют по сути, основные элементы, которыми пользовался мальтийский мастер при выполнении своих орнаментальных композиций, будь то «спирали-змеи» на пряжках или сплошное покрытие поверхности скульптурных поделок.¹

Среди мальтийских статуэток есть, далее, такие, где композиционный характер и общее распределение орнамента (на этот раз круглоячного) совершенно сходны с описанными выше. Одна из миниатюрных мальтийских статуэток так же, как и наша, сплошь покрыта орнаментом, в распределении которого нет прямой связи с формами поделки. Всего интереснее, что при сравнительно хорошо моделированном лице этой статуэтки она обладает также и головой, совершенно сходной по форме и головному убору с головой статуэтки из Бурети, причем головной убор одинаково резко отделен от лица и непосредственно связан с телом, покрывающим их «деструктивным» орнаментом. Эта мальтийская статуэтка точно так же не имеет и ярко выраженных признаков пола (груди).²

М. М. Герасимов, правда, видел в орнаменте, сплошь покрывающем миниатюрную статуэтку из Мальты, «полную татуировку

¹ Ср.: М. М. Герасимов. Мальта. Палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931, стр. 18.

² Там же, стр. 20, табл. 13, а,

тела». Но с этим объяснением трудно согласиться. Нужно принять во внимание то обстоятельство, не учтенное М. М. Герасимовым, что затылок и темя не только данной, но и ряда других мальтийских статуэток сплошь покрыты полуулунными или круглыми орнаментальными ямками. Татуировка темени и затылка, разумеется, мало вероятна при наличии естественного волосистого покрова. Татуируют, обычно, лицо, но как раз лицо-то и оставлено у мальтийских статуэток гладким. Учитывая, что орнамент ограничивается теменем и затылком, следует видеть в этих ямках лишь средство передачи волос или шерсти (если в виду имелась шапка), но никоим образом не татуировку.

Загадочное, если признавать наличие татуировки, сплошное (кроме лица) распространение орнамента на теле мальтийской статуэтки приобретает особое значение в связи с тем, что у нее, как и у нашей статуэтки, отчетливо изображен головной убор. Это явно не головной убор из собственных волос, как думал М. М. Герасимов, полагавший, что голова фигурки «украшена прекрасной прической», а собранные кверху пирамидально волосы выполнены рядами полуулунных вырезов».

Данная статуэтка из Мальты имела такой же капюшон, как и статуэтка из Бурети, только при ее миниатюрном размере менее отчетливо выраженный.

Орнамент и форма, свойственные капюшону, тем не менее здесь совершенно сходны с тем, что наблюдается на статуэтке из Бурети, особенно при взгляде на мальтийскую фигурку сбоку, когда хорошо видна специфически-уплощенная и приостренная верхушка этого столь характерного головного убора. Продолжение полуулунного орнамента по всему телу статуэтки должно рассматриваться и в данном случае как изображение одежды из той же шкуры мехом наружу, из которой был изготовлен капюшон.

Нужно отметить при этом, что, рассматривая другую, сплошь орнаментированную, статуэтку из Мальты, В. И. Громов также пришел к выводу, что на ней изображена не татуировка, а одежда из шкуры. В своей статье, посвященной вопросу о внешнем виде пещерного льва, он писал: «рассматривая замечательные находки, сделанные М. М. Герасимовым, я обратил внимание на одну маленькую статуэтку из бивня мамонта, изображающую женщину. Все туловище и ноги фигурки покрыты неглубокими, более или менее параллельно расположенным надрезами, а над головой возвышается какой-то треугольной формы «головной убор». Все это, казалось бы, довольно правдоподобно можно объяснить наличием татуировок со сложной прической, как это, повидимому, были склонны признать некоторые

из археологов, но одна деталь, оставшаяся незамеченной, придаёт, на мой взгляд, совершенно иной смысл этим «украшениям». Это — тонкий и длинный, свисающий ниже колен хвост, вполне отчетливо намеченный двумя глубокими параллельными надрезами вдоль ног. Он хорошо виден при внимательном рассматривании статуэтки со спины.

В поперечных нарезках В. И. Громов усматривал характерные для тигровой шкуры полосы, а в «прическе» голову самого животного. Статуэтку на этом основании он интерпретировал как изображение «человека с накинутой на него целой шкурой животного, с лапами, скрещенными спереди и просунутыми под них руками».¹

В. И. Громов предполагал также, что подобный костюм мог находиться в связи с религиозно-магическими действиями, т. е., повидимому, с церемониями, в которых люди стремились воспринять внешний вид животного, «уподобиться» зверю.

Мнение В. И. Громова, высказанное в отношении статуэтки с поперечными полосами, принял затем и М. М. Герасимов, который дополнил общую характеристику костюма мальтийской женщины предположением, что «содранная целиком с черепа шкура животного прикрывает как капюшон голову женщины, образуя над лицом выступ. Не исключена возможность того, что в шкуре для большего эффекта могли быть оставлены страшные зубы хищника. Вероятно, что это была шитая одежда с рукавами и капюшоном, подобная якутской малице».

М. М. Герасимов склонен, таким образом, полагать, что это мог быть и ритуальный костюм, описанный Громовым, и обыденная шитая одежда типа «малицы», причем в последнем случае зубастая пасть хищника украшала одежду в качестве капюшона.

Всего в нашем распоряжении три статуэтки палеолитического времени из Восточной Сибири, которые должны изображать не обнаженных, а одетых женщин: две миниатюрных и потому схематически трактованных мальтийских статуэтки и одна из Бурети, наиболее крупная, при изготовлении которой древний резчик обладал большой свободой в передаче всех деталей, в том числе особенностей одежды.

Рассматривая эти три статуэтки, приходится сделать вывод о несомненной близости их друг к другу как в общих формах, так и в деталях. Наиболее существенно, что все они имеют четко оформленный головной убор в виде капюшона и сплошь орнаментированы — за исключением лица. Нет сомнения,

¹ В. И. Громов. О внешнем виде пещерного льва в связи с некоторыми археологическими находками. Проблемы ист. доказат. общ., 1935, № 1/2, стр. 166—167.

ния и в том, что на всех трех статуэтках орнаментом условно передана не татуировка, а шерсть, волосиной покров шкуры, покрывавшей тела изображенных здесь женщин. Но какова была эта одежда по своему покрою? Изучение костных остатков «пещерного льва», сходного с тигром, подсказало В. И. Громову блестящую догадку, что поперечная полосатость одной из статуэток означает полосы тигровой шкуры, а длинная полоса сзади изображает хвост зверя.

Мы видели, однако, что на двух других статуэтках нет следов полосатости, хотя общее сходство их с третьей «полосатой» статуэткой, сказывающееся в аттракционной композиции орнамента, очевидно.

Во всех этих трех случаях орнамент совершенно условно передает поверхность звериной шкуры, подчеркивая своим распределением лишь полную независимость ее «фактуры» от тела статуэтки. Это могла быть, по крайней мере в двух случаях, и не тигровая шкура, а шкура, например, оленя. Для мастера, повидимому, одинаковой цели служили различные изобразительные средства — мотивы орнамента, будь то поперечные или полуулунные насечки.

Головной убор всех трех статуэток в основе совершенно аналогичен и также не дает права видеть в нем зубастую морду зверя, вооруженную клыками. Это, как и отмечалось выше, был всего вероятнее меховой капюшон, плотно охватывавший голову и обрамлявший лицо пушистой каймой. Наконец, решавшая деталь — «хвост», имеющийся и на статуэтке из Бурети, — выглядит там совершенно по-другому, чем на статуэтке из Мальты, о которой писал В. И. Громов. Он значительно короче, причем на статуэтке ясно виден и второй «хвост» — спереди.

Из сказанного можно сделать вывод, что все три статуэтки изображают женщин в шитой одежде с капюшоном на голове, а не в плащах из целой шкуры, содранной с зверя вместе с лапами и с черепом или, по крайней мере, с клыками.

Сравнивая, далее, наши палеолитические статуэтки и их костюмы с одеждами арктических племен — чукчей, коряков и в особенности эскимосов, — нетрудно обнаружить у них и очень близкую взаимную связь. Меховой капюшон — непременная принадлежность арктических костюмов. С капюшоном бывает непосредственно связана, как и у наших статуэток, остальная одежда, нередко сшитая в виде комбинезона, плотно облегающего тело. Загадочные хвосты на статуэтке из Бурети, помещающиеся спереди и сзади (если это не простые складки костюма), напоминают характерные детали эскимосского мехового костюма, снабженного такими же изящно скроенными хвостами с передней стороны и со спины. Эски-

мосские капюшоны имеют сбоку такие же треугольные очертания, как и наши палеолитические, точно так же сильно сужены и скошены кверху.¹ В связи с этим обращает внимание и наличие двух орнаментальных ямок над лбом статуэтки из Бурети. У американских эскимосов как раз в этом месте помещается своеобразный хохолок из шерсти оленя, украшающий головной убор.

Наличие великолепных игл из кости в Мальте подтверждает высказанные предположения о наличии и в то время шитой одежды. Люди, изготавлившие такие иглы и шилья, вряд ли хуже владели ими, чем современные нам обитатели Северной Америки и северной Азии. Общее же сходство шитого палеолитического костюма, как он представлен на трех отмеченных статуэтках, с костюмами современных арктических племен окончательно убеждает в том, что перед нами изображения женщин не в легком плаще или специальном культовом облачении, а в обыденной, шитой из меха, одежде того времени, целиком приспособленной к своеобразным бытовым условиям солютрейско-мадленской эпохи, во многом сходным с теми условиями, в которых и сейчас существуют племена Арктики.

Преобладание в палеолите обнаженных статуэток не противоречит этому выводу. напротив, оно вполне естественно, если учесть особый характер жилищ той поры.

В эскимосских снежных домах, в землянках оседлых коряков (нымылланов) и чукчей (луораведланов), равно как и в меховых пологах оленеводческих племен, люди сидят зимой плотно скрученные вокруг своих жировых ламп — источника тепла и света. Они должны поэтому сидеть и спать зимой в душном тесном помещении полураздетыми, а не плотно закутанными в шкуры. Кроме того, сидеть одетыми в шкуры внутри такого дома нельзя еще и потому, что шкуры легко впитывают испарения и влагу внутри жилищ, а затем быстро замерзают на морозе и перестают греть вне жилищ.

В прочных полуподземных сооружениях палеолитического времени должен был существовать сходный бытовой режим. Внутри жилища женщина палеолитического времени тоже, очевидно, находилась в обнаженном или полуобнаженном виде. Только вне жилья она появлялась в одежде из шкур, в меховом капюшоне. Такой ее и представляют три отмеченные нами произведения древних «скульпторов» из Бурети и Мальты, верных и на этот раз действительности в своем реалистическом мастерстве.

¹ Rasmussen Knud. The People of the Polar North a record. London, 1908 (см. таблицы на стр. 6, 110, 277).

Г. П. Сосновский

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА У С. СРОСТКИ НА Р. КАТУНИ

Летом 1935 г. археологическим отрядом Советской секции АИЧПЕ (INQUA) и Гос. музея этнографии, работавшим под руководством автора этих строк, были начаты раскопки первой палеолитической стоянки в районе Алтая у с. Сростки на р. Катуни.

На площади около 40 кв. м было найдено свыше 20 каменных орудий, несколько нуклеусов и значительное число осколков камня.¹

Палеолитические изделия залегали в лёссовидных отложениях, слагающих верх высокой надлуговой террасы.

Культурные остатки, обнаруженные в этих условиях, представляли интерес не только для археологов, но и для геологов, занимающихся изучением четвертичного периода Западной Сибири.

В 1936 г. раскопки у с. Сростки были продолжены при участии ГАИМК в более широком размере; вскрыто 160 кв. м площади древней стоянки и собран новый материал, который впервые позволяет дать характеристику палеолита предгорьев Алтая, определить время и место Сросткинской стоянки в ряду других памятников древнекаменного периода Сибири.

Ниже приводим описание результатов раскопок 1936 г. у с. Сростки.

ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ И ГЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МЕСТНОСТИ

Село Сростки расположено на правом берегу р. Катуни в 36 км от г. Бийска по Чуйскому тракту.

Дорога от г. Бийска в г. Ойрот-туру, после переправы через Бию, идет, пересекая водораздел Бии и Катуни, сложенный постплиоценовыми отложениями. На стороне водораздела, обращенной к Катуни у с. Ярки и Сростки, места почти равнинные с небольшими неправильными западинами, имеющими дюнное происхождение. Выше Сро-

сток правая часть побережья представляет собою широкую долину, лишенную крупной водной артерии, но сильно изрезанную длинными безисточными впадинами, иногда заполненными водой и в таком случае имеющими вид типичных стариц. Эта долина значительно выше современной долины Катуни, от которой она отделена высоким узким гребнем — остатками древней террасы, сложенным, как и терраса на правом берегу р. Бии у г. Бийска, лёссовидными суглинками, содержащими четвертичные гастроподы. Очевидно, вышеупомянутая безречная долина не что иное, как часть русла Катуни, покинутого по какой-то причине последней уже давно, когда уровень Катуни был значительно выше современного.

В самом с. Сростки на правом берегу Катуни, под террасой выходят скалы крупнозернистого розового гранита, прорезанного тонкими (до 5 см) жилами порфирита.

После паромной переправы, вблизи Катуни, на левом берегу среди пойменной части долины выходят совершенно изолированные небольшие гранитные скалы.

Очевидно, такого же характера и скалы правого берега, но только там они погребены под рыхлыми наносами, которые здесь смыты. Эти скалистые выходы имеют вид курчавых скал, и не исключена возможность, что в прошлом они представляли неровности дна Катунского ледника.¹ В окрестностях с. Сростки, по нашим наблюдениям, имеется 4 террасы, из которых одна луговая затопляемая разливами Катуни, остальные — надпойменные.

Селение расположено на первой надлуговой террасе, местами несколько повышенной. Эта терраса, если судить по ее обнажениям вдоль берега протока, сложена в основании из галечника, покрытого слоистыми песками.

¹ В. П. Некорощев. Материалы по геологии Горного Алтая. Тр. Всес. Геолого-развед. объед. НКТП, № 177, стр. 6 и 7.

* Краткая публикация об этих находках была помещена в «Трудах» Советской секции АИЧПЕ (вып. II, стр. 37—41), отчет о раскопках — там же (вып. III, стр. 144—154).

На них залегает желтая супесь и сверху почвенный слой черного цвета. Вторая надлуговая терраса отчетливо заметна к северо-востоку от села и прислонена к более высоким береговым уступам, известным у местного населения под названием горы «Ликет» или «Крутой солонец». Один из отрогов этой возвышенности в виде мыса подходит к р. Катуни (Сросткинская гора). Эта третья надлуговая терраса с севера и востока окаймляет с. Сростки и расчленена несколькими оврагами. Остатки палеолитического периода были обнаружены (рис. 1):

1) у северо-восточного склона Сросткинской горы,

2) на юго-западном ее склоне близ парома,

3) на юго-западном склоне «Крутого солонца».

Каменные орудия и осколки древней техники залегают в верхних слоях песчано-глинистой толщи, слагающей третью террасу.

Раскопки производились на северо-восточном склоне Сросткинской горы (в 350 м от крайних домов селения), где находится курганный могильник VIII—X вв. н. э., состоящий из 60 невысоких насыпей.

Поверхность террасы здесь ровная, с небольшим наклоном к юго-востоку и юго-западу (к р. Катуни) (рис. 2). Покрытая редкой травянистой растительностью терраса к северо-западу от места раскопок имеет небольшое понижение, затем снова повышается.

В результате раскопок был получен сле-

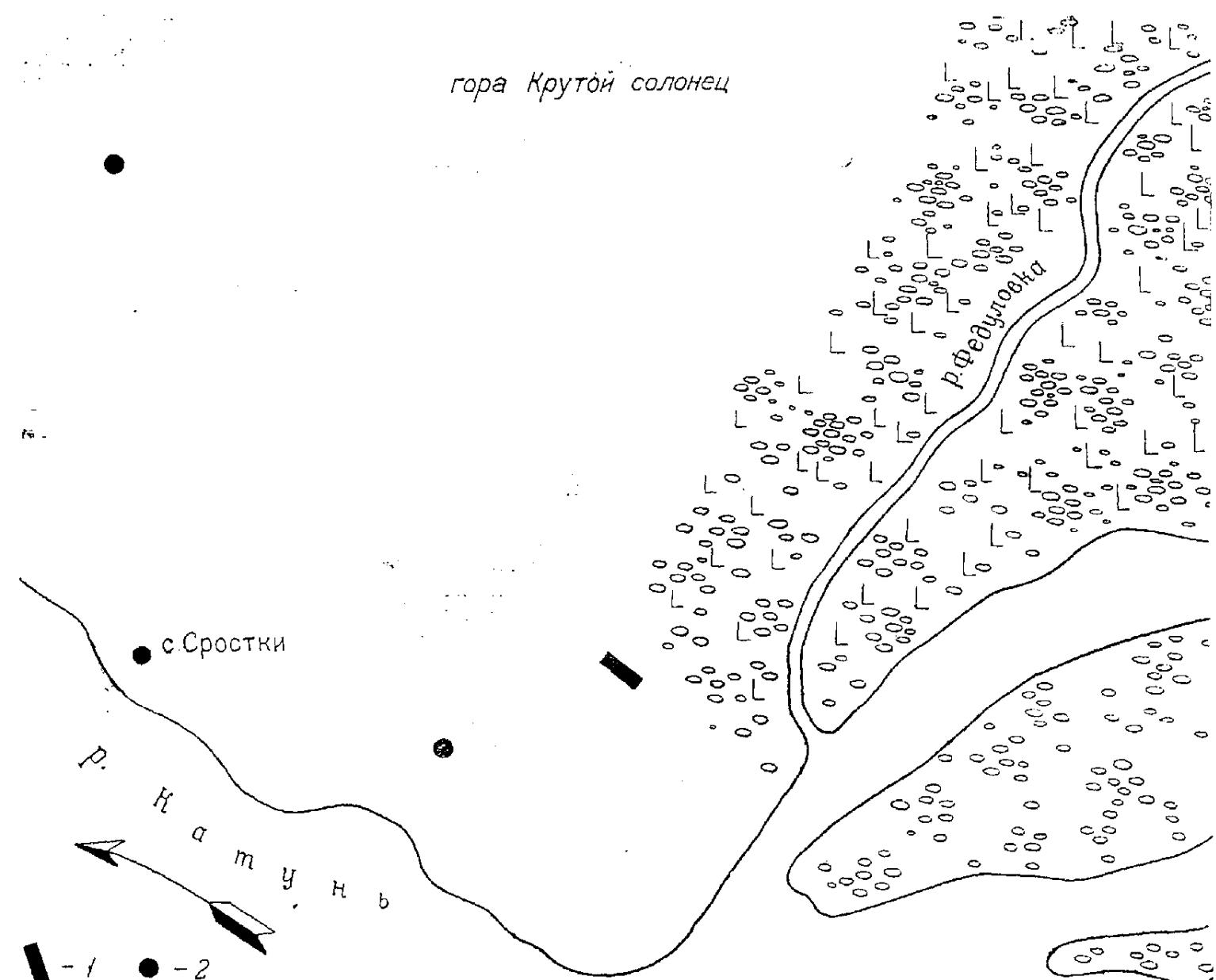

Рис. 1. План местности у с. Сростки.

(Черным прямоугольником показано место раскопок палеолитической стоянки; —черным кружком—пункты находок остатков палеолитической эпохи.

дующий геологический разрез террасы (сверху вниз) (рис. 3):

- 1) почвенный слой (супесь, окрашенная гумусом);
- 2) палево-серая лессовидная супесь, откалывается вертикальными стенками;
- 3) бурая супесь более плотная и глинистая, чем слой 2; в ней встречаются охри-

выми разводами, содержащий линзы песка и тонкие переслаивающиеся разности суглинка и супеси (низ маскирован осыпью); видимая мощность.

Палеолитические предметы были найдены: 1) в гумусном слое почвы на незначительной глубине от поверхности (верхний горизонт), 2) в лессовидной супеси на

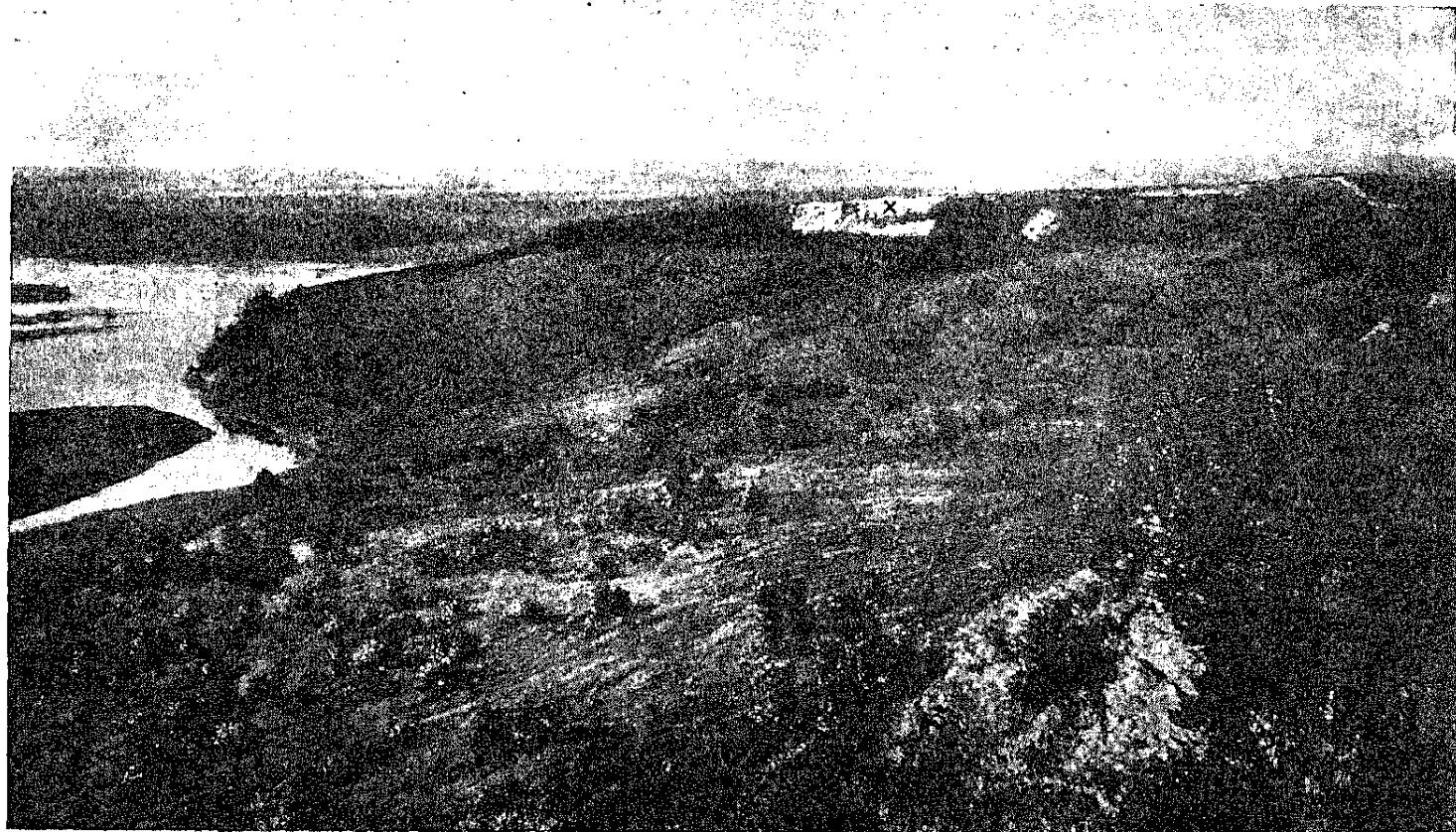

Рис. 2. Вид правого берега р. Катуни у места раскопок (X).

стые пятна рыжеватого оттенка; нижний ее уровень светлее; попадаются раковинки;

4) светлосерая супесь мелкозернистая, более сыпучая и слоистая, чем вышележащая; с отдельными охристыми включениями;

5) темносерая супесь с коричневатыми примазками и тоненькими полосками; в верхней части с ржавыми пятнами.

В 35 м к северо-востоку от раскопа № 1 имеется естественное обнажение края террасы. Здесь наблюдалось следующее продолжение разреза:

6) красно-бурый суглинок комковатой структуры с ржавыми разводами, плотный и тяжелый; в нем два темных прослоя; последний содержит обуглившиеся остатки и залегает на 23 см ниже верхнего темного прослоя и на 28 см выше слоя 7;

7) светлосерый тонкослоистый пропласток (илистый) с ржавыми разводами, более песчанистый;

8) коричневатый глинистый слой с ржа-

большой глубине (средний горизонт), 3) в буроватой супеси ниже дневной поверхности (нижний горизонт).

РАСКОПКИ 1936 г.

В 1935 г. у северо-восточного склона Сросткинской горы, вдоль края третьей террасы нами были заложены на некотором расстоянии друг от друга три раскопа: № 1 (18 кв. м), № 2 (12 кв. м) и № 3 (14 кв. м), а также шурф № 1 (2 × 2 м).

Этими раскопками было вскрыто свыше 40 кв. м площади древней стоянки и было собрано свыше 20 каменных орудий, несколько крупных нуклеусов и значительное число осколков камня.

Раскопки 1936 г. явились непосредственным продолжением работ 1935 г. В них принимала участие научный сотрудник Гос. Эрмитажа А. М. Виноградова. Было заложено пять раскопов: №№ 4, 5, 6, 7 и 8, кото-

рыми вскрыто около 160 кв. м площади стоянки (рис. 4 и 5).

Раскопы №№ 4 и 5 соединили небольшие раскопы 1935 г. в один общий раскоп протяжением в 50 м.

Раскоп № 6 (24 кв. м) примыкал к северо-восточной стене раскопа № 5. Его продолжением в юго-западном направлении явился раскоп № 8. Раскоп № 7 (35 кв. м) показал протяжение стоянки еще дальше к юго-западу (в 18 м от края террасы).

Кроме того, для выяснения распространения культурных остатков на северо-запад и запад было сделано 3 шурфа (2×2 м).

Раскоп № 4 был заложен для продолжения раскопа № 1 в юго-восточном направлении и соединил его с раскопом № 3. Им была вскрыта площадь в 46 кв. м вдоль склона террасы.

Юго-восточная часть раскопа (в 14 кв. м) по отношению к основной его линии имела выемку, расширявшую раскоп в сторону береговой возвышенности.¹

Верхний горизонт находок имеет несколько см от поверхности почвы и приурочен к нижней границе гумусного слоя. В нем было обнаружено несколько отщепов.

В среднем торизонте было найдено 8 отщепов и 1 каменный скребок. Несколько ниже, — 3 скребка, нуклевидное орудие с резцовыми сколами, 1 небольшой скребок, угловой резец и около 16 отщепов. Нижний горизонт был наиболее многочислен. Представлен разрозненными находками отщепов и каменных орудий и скоплением культурных остатков (комплекс II).

Комплекс II² находился в 6.5 м к ЮЮВ от комплекса I (раскоп № 1).

Скопление культурных остатков занимало площадь около 4 кв. м и имело неправильные очертания (при дл. 3 м 20 см и наиб. шир. до 1.5 м).

Оно было связано с остатками древнего кострища, залегавшего в буроватой супеси на значительной глубине от дневной поверх-

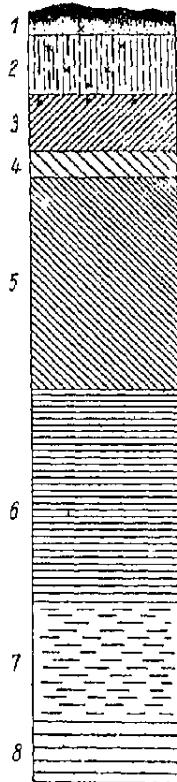

Рис. 3. Геологический разрез напластований 3-й террасы.

1—почвенный слой;
2—лессовидная супесь, палево-серая;
3—бурая супесь с охристыми пятнами;
4—светлосерая мелковзернистая супесь;
5—темносерая супесь;
6—красно-бурый суглинок;
7—светлосерый илистый слой;
8—коричневатый суглиник с линзами песка; X—культурные остатки палеолитической эпохи.

¹ Общие очертания раскопа видны на прилагаемом плане.

² Кв. III-6, 7 и 8 и примыкающая часть кв. IV-7.

ности. Следы этого огнища по горизонтали прослежены на площади 2.25 кв. м.

Здесь ясно была заметна окраска лессовидной породы в темносерый цвет от присутствия золы, мелких угольков (плохой сохранности) и других включений.

В одном месте, у края кострища, удалось обнаружить несколько кусочков угля, сохранивших структуру древесной породы. Зольный слой в средней части огнища имел толщину 6—7 см, ближе к краям 2—3 см.

Точную форму кострища установить не удалось, так как граница его была недостаточно ясно выражена.

На зольном пропластике лежали осколки и отщепы камня.

На нижней стороне раздробленных галек можно было заметить приставшие куски слоя с золой и угольками.

Под названным слоем также попадались осколки (до глуб. 1.30 м).

Плотность супеси ниже зольного пропластика уменьшалась.

В самом кострище и под ним было найдено свыше 100 мелких осколков камня.

Крупные обломки галек и массивные отщепы располагались вне границ кострища с северо-западной и юго-западной сторон его. Следует отметить еще следующее. На кв. III-7 в пределах огнища среди угольных примазок обнаружен обломок кости животного.

Северо-западную часть описываемого комплекса занимала группа из 9 отщепов и обломков гальки большей частью крупных размеров (рис. 6).

Некоторые из них лежали коркой вниз.

Один из кусков гальки имел вторичную обработку и представлял собою остроконечное орудие типа ручного рубила (табл. II, 1).

У юго-западного края огнища находился желвак речной гальки без следов обработки и рядом с нею крупный отщеп. Нижний край гальки был покрыт зольным слоем в 2 см толщины. Недалеко от вышеупомянутого отщепа лежало спинкой кверху скребло неправильных очертаний (табл. II, 5). Юго-восточную часть комплекса составляла группа более мелких и тонких отщепов. Близ зольного пятна среди осколков камня найдено три обломка костей животных. Один из них, повидимому, кусок рога олена.

На кв. III-5 в 1 м от огнища (на глубине 1.40 см) обнаружен зуб древней лошади.

За пределами охарактеризованного скопления культурных остатков находки встречались в ограниченном числе и разрозненно. Комплекс II достаточно ясно был локализирован в границах небольшой площади, обозначившейся при раскопках. Всего из этого комплекса собрано около 200 предметов. В их составе имеются массивные краевые сколы

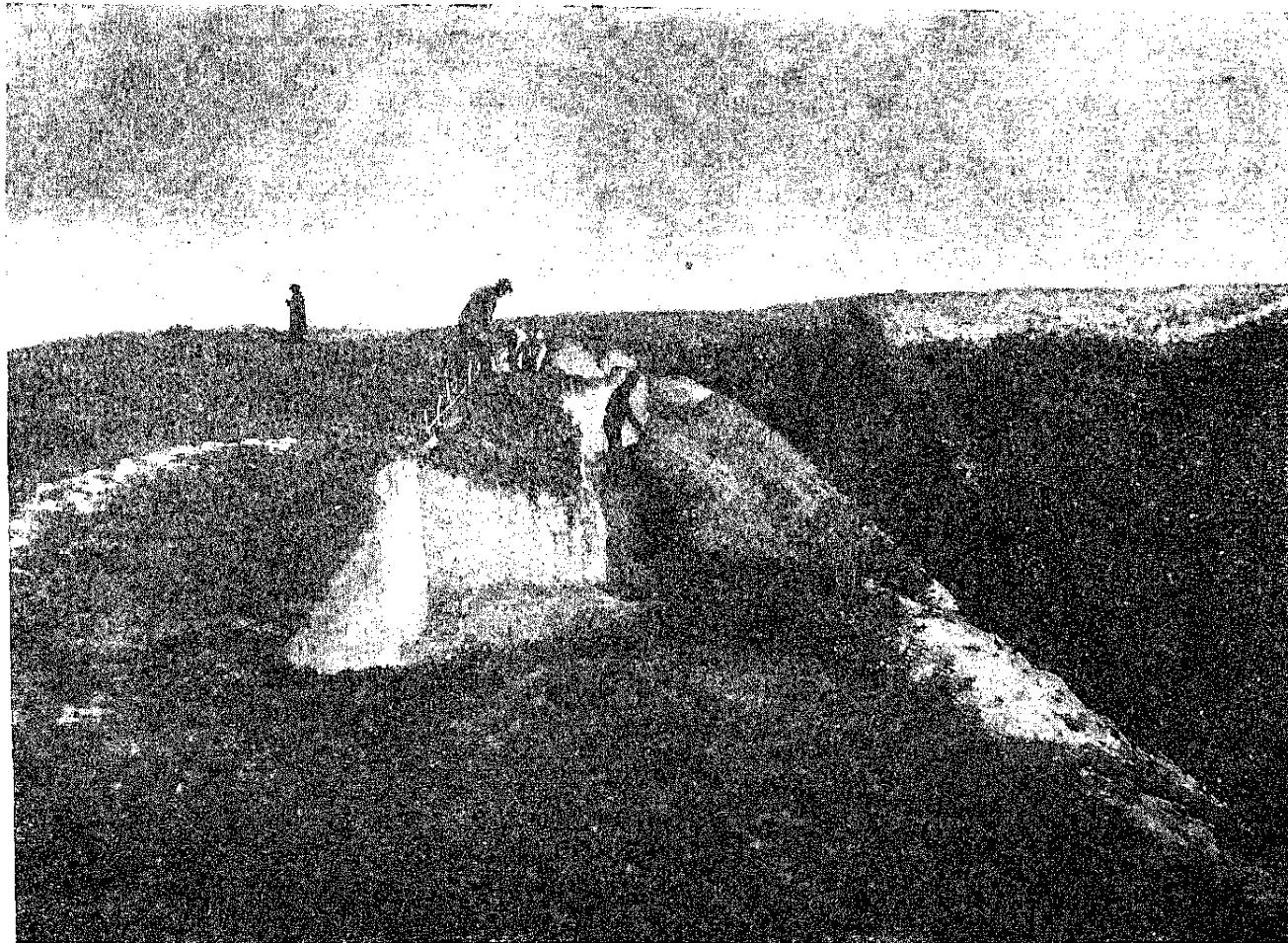

Рис. 4. Начальный момент раскопок стоянки.

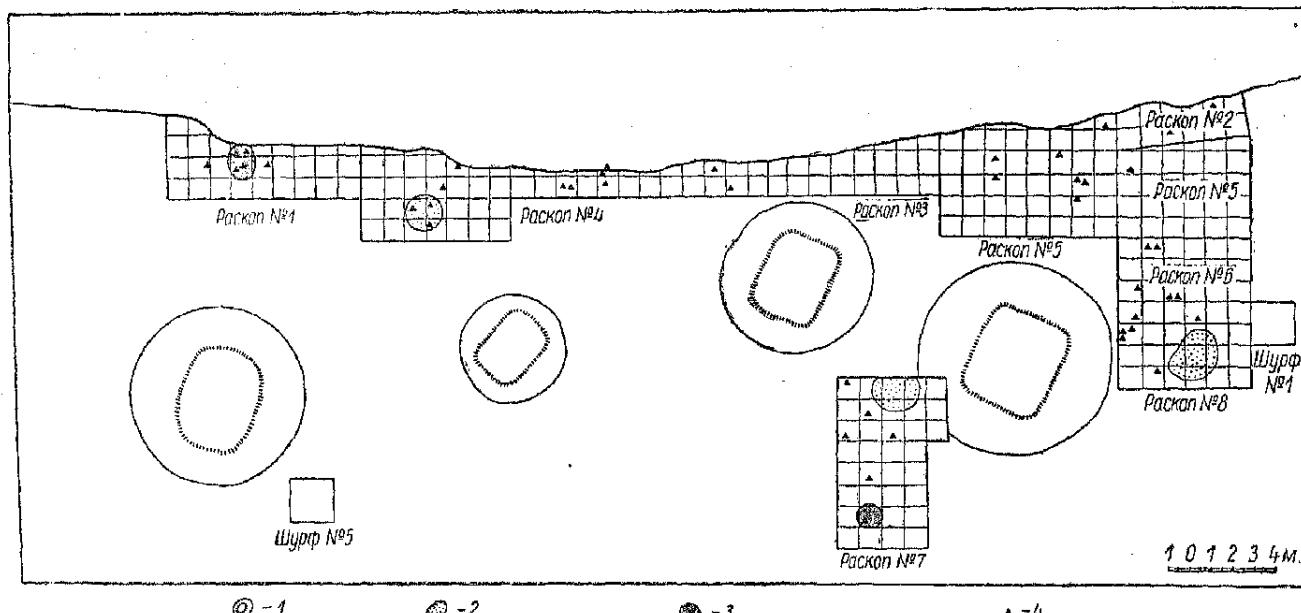

Рис. 5. План раскопаний площади стоянки у с. Сростки — нижний горизонт (короткие стороны плана ориентированы СВ — ЮЗ, а длинные СЗ — ЮВ).
1 — могилы; 2 — остатки очагов; 3 — скопление осколков; 4 — орудия.

галек с остатками корки, пластины, отщепы различного размера до очень мелких и, помимо перечисленных орудий, угловая проколка, сделанная на отщепе (табл. II, 3).

В нижнем культурном горизонте, кроме перечисленных находок, связанных с комплексом II, на других квадратах раскопа найдены: 2 скребла, пластина с ретушью по выпуклому краю, 2 орудия с резцовыми сколами, 36 отщепов, а также куски раздробленного камня и мелкие осколки.

Нами оставшаяся насыпь могилы была срыта. На раскопе № 5 в верхнем горизонте (гумусированный слой) были обнаружены первые находки отщепов и орудий: скребло, массивный кусок камня, обтесанный с двух сторон, и 16 осколков среднего и мелкого размеров.

Ниже, в лёссовидной супеси, культурные остатки залегали на глубине незначительной.

На границе кв. I-3 и 4 (глуб. 60--79 см)

Рис. 6. Комплекс II.

При зачистке борта раскопа № 4 на глубине 1—1.10 м от поверхности обнаружены были три обломка костей животных и кремневый скребок.

Раскоп № 5 (площадь в 64 кв. м) соединил раскопы №№ 3 и 2, сделанные в 1935 г.; примыкая к юго-западной стенке последнего, явился его продолжением. В этом месте находился небольшой курган, раскопанный Сергеевым и Марковым. При его исследовании в лёссовидном суглинке было обнаружено скребловидное палеолитическое орудие.¹

встретилось небольшое скопление каменных отщепов.

Из этого горизонта происходит 2 скребла (табл. I, 1 и 6), орудие типа ручного рубила (табл. I, 8), резец, нуклевидное орудие, небольшой нуклеус призматического типа (табл. I, 2), краевой резцовый скол (табл. I, 5), 90 отщепов, кусков камня и мелких отщепов.

Нижний горизонт связан с буроватой супесью. На кв. I-8 — небольшая группа мелких осколков камня.

На кв. IV-12 следы угольных примазок.

На остальных квадратах попадались отдельные отщепы и орудия, лежавшие большей частью разрозненно.

На некоторых квадратах их даже совсем

¹ Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки у г. Бийска, стр. 147.

не было, на других же попадалось до 10—15 осколков. Орудия встречались и около отщепов и в стороне от них.

В нижнем горизонте найдены: угловой резец, массивный скребок высокой формы (табл. II, 4), скребло, приготовленное на пластине, небольшое орудьице с желобчатым лезвием, обломок крупной призматической пластинки, орудие типа ручного рубила и около 45 отщепов, кусков камня, мелких отщепов и пр.

Раскоп № 6 (24 кв. м) примыкал к юго-западной стенке раскопа № 5¹ и являлся непосредственным продолжением его в этом направлении.

Квадрат VIII-14 описываемого раскопа с юго-восточной стороны граничил с шурфом № 1 (1935).

Верхний горизонт находок на глубине 28—40 см от поверхности почвы. Представлен небольшим числом отщепов — 10 экз. Средний, с отметками 47—58—60—70 см, имел несколько большее их число. Кроме отщепов, было найдено и 2 орудия: крупное скребло и обломок такового.

Нижний горизонт содержал более значительное число предметов.

Культурные остатки нижнего уровня группировались преимущественно в северо-западной части раскопа. В северо-восточной стороне вскрытого участка или их совсем не было или же попадались единичные экземпляры. Каменные орудия встречались отдельно и около осколков.² Последние иногда были находимы небольшими группами, но скоплений культурных остатков на этом раскопе обнаружено не было.

Раскоп № 8 (6 × 3 м) являлся непосредственным продолжением раскопа № 6 в юго-западном направлении. На его площади (18 кв. м) в гумусном слое в различных пунктах было обнаружено 7 небольших осколков камня.

В лёссовидной супеси — 9 небольших отщепов. Глубже — 40 экз. различных отщепов камня и пр.

В числе их один массивный краевой скол со следами корки на одной стороне. Из орудий небольшой скребок на отщепе с полукруглым рабочим краем и обломок какого-то орудия с ретушью по краю.

Из этого же горизонта происходит еще небольшой скребок на тонком отщепе с полукруглым лезвием и концевой скребок с круто-обработанным рабочим краем. Наибольшее количество культурных остатков встречалось ниже.

Здесь был найден комплекс III (рис. 7). Собою он представлял скопление каменных

осколков, залегавших на глубине незначительной от поверхности в верхней части буроватой супеси. Культурные остатки в этом месте группировались на площади около 5 м; границы комплекса достаточно четко обозначились при его расчистке. Он имел овальные очертания (дл. 2.5—2.75 м). Кроме большого числа отщепов, в нем обнаружено небольшое пятно диаметром в несколько сантиметров из золы и угольных примазок. Замечена также окраска суглинка на площади в 0.5 кв. м в красновато-бурый цвет (от действия огня?). Скопление состояло из 385 отщепов и обломков камня и около 200 экз. очень мелких отщепов.

Большинство их лежало плашмя, но попадались и экземпляры, занимавшие наклонное положение (на ребре). Преобладали отщепы небольшого размера. Они нередко вплотную прилегали друг к другу в 2—3 ряда (образуя слой в 4—5 см толщ.).

Обломки галек и более массивные отщепы располагались обычно за пределами комплекса несколько в стороне.

На кв. VIII-4 под мелкими осколками был найден крупный нуклеус.

Другой нуклеус (отработанный) находился у северо-восточного края скопления кв. X-5. В 70 см от него к югу был обнаружен крупный кусок гальки со сколами и остатками корки.

На остальных квадратах раскопа на этом уровне комплекса, но за его границами, попадались разрозненные отщепы и обломки гальки. Здесь было собрано около 60 экз. различного размера осколков камня. Следует отметить, что отдельные каменные отщепы встречались и ниже уровня описанного скопления осколков (комплекс III), залегая в буроватом суглинке. Их было собрано до 15 экз. Эти находки располагались разрозненно, без какого-либо порядка по отношению друг к другу и к вышележащим.

Раскоп № 7 (35 кв. м)¹ находился в 85 м к юго-западу от раскопа № 3 и позволил проследить распространение стоянки в этом направлении. Верхний горизонт находок — в гумусированной почве. Было собрано 11 отщепов и 1 небольшой скребок.

Средний горизонт связан с лёссовидной супесью. Найдено 9 осколков различного размера и 2 небольших скребка.

Нижний горизонт культурных остатков приурочен к буроватому суглинку. В нем обнаружено два комплекса (IV и V).

Комплекс IV был найден в юго-западном конце раскопа. Представлял скопление осколков (117 экз.), располагавшихся на площади около 1 кв. м. Преобладали мелкие отщепы, но на ряду с ними встретились и более

¹ Кв. IV-9—14.

² Найденный на этом раскопе материал поступил в Ойрот-туринский музей.

¹ Был заложен в расширение шурфа № 4.

крупные (до 10 см). В 70 см к западу от этого скопления были найдены два больших скола. Каменных орудий в этом комплексе не обнаружено.

Комплекс V занимал северо-восточную часть раскопа № 7. Здесь было кострище, которое ясно обозначалось на глубине 1.25—1.30 м темносерой окраской и наличием красновато-коричневых пятен (кв. б-1, 2, 3). Это кострище прослежено в длину на 2.5 м и в ширину на 1 м (на вскрытой площади). Остатки угольков и золы особенно хорошо оказались заметными там, где поверхность кострища была прикрыта крупными камен-

На 15 кв. м северо-восточной части раскопа было найдено свыше 380 отщепов, фрагмент скребка, небольшой скребочек, резец и пр. На кв. б-3 встретился обломок раковинки (*Planorbis*). Особо следует отметить находку в этой части раскопа 8 экз. отщепов, залегавших у нижней границы буроватой супеси.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАЛЕГАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОСТАТКОВ

Подводя некоторый итог описанию условий залегания палеолитических остатков по

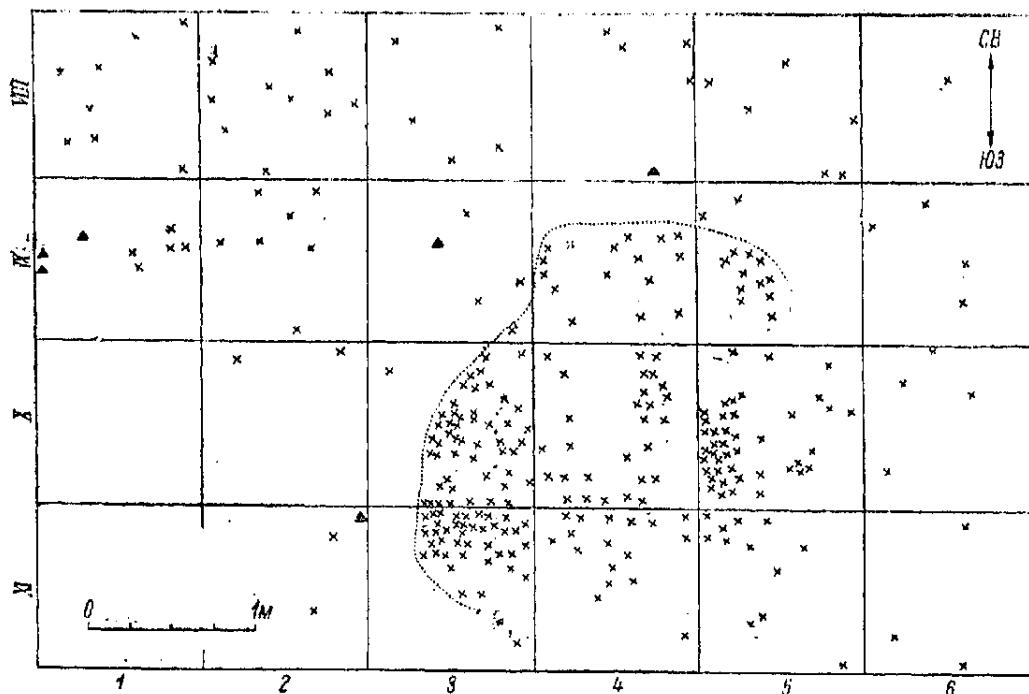

Рис. 7. Группировка культурных остатков на раскопе № 8
(крестиками показаны каменные отщепы; треугольниками — каменные орудия).

ными сколами, предохранявшими культурный пропласток от разрушения. Зольный слой имел толщину 2—3 см. В границах огнища встретилось несколько отщепов.

Нуклеусы крупного размера, группы осколков и каменные орудия (скребки, резцы, миниатюрные ножевидные пластинки) располагались на некотором расстоянии от описанного кострища (в 1—2 м).

Следы золы, вкрапления угольков с окраской суглинка в темный цвет нами были наблюдаемы и в некоторых других местах этой части раскопа, где попадались каменные отщепы, обломки гальки и пр. Раскопки на названном участке, повидимому, вскрыли одну из центральных площадей древнего стойбища. Исследование комплекса V еще не закончено.¹

¹ Непрерывные дожди в августе 1936 г. помешали нам расширить раскоп до необходимого размера. Культурные остатки здесь продолжаются в северо-восточном и северо-западном направлениях.

отдельным раскопам, необходимо отметить следующее. Предметы палеолитической техники встречались на различной глубине от поверхности и в несколько отличных друг от друга напластованиях.

Пласт породы, содержащий палеолитические находки, измерялся в 0.85—1 м. Но распределение древних остатков по вертикали было неодинаковое. Обращает на себя внимание тот факт, что в гумусированной почве они попадались в небольшом числе; ниже, в лессовидной супеси, каменные орудия и отщепы встречались значительно чаще, но основная масса их была собрана в переходном горизонте от лессовидной супеси к буроватой и в последней.

В буроватой супеси нами были обнаружены все пять культурных комплексов, представлявшие собою скопления предметов каменного инвентаря и осколков около остатков кострищ. Здесь палеолитические изделия были находмы *in situ* и их расположе-

ние связано с поверхностью древней стоянки. В северо-западном конце исследованного участка стоянки (раскоп № 1 и примыкающая к нему часть раскопа № 4), а также в шурфе № 5 каменные предметы попадались в гумусированном слое почвы в незначительном числе. Затем шел пропласток лёссовидной супеси, не содержащий культурных остатков. Палеолитические изделия встречались снова на глубине 70—1.20 см от поверхности.

В юго-восточной части стоянки (раскопы №№ 5, 1 и 3) целый ряд орудий и немало отщепов было обнаружено в среднем горизонте; вообще здесь палеолитические предметы залегали на различных уровнях лёссовидной супеси, но отчетливо был выражен только нижний горизонт.

Создается впечатление, что при пониже-

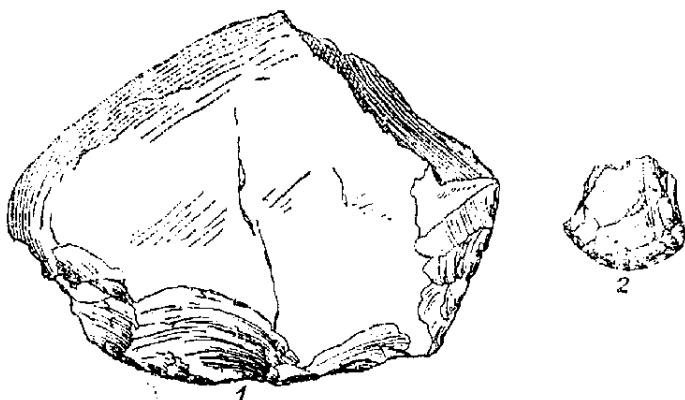

Рис. 8. Каменные орудия верхнего горизонта.
1/2 nat. вел.
1—скребло; 2—скребок.

нии склона возвышенности увеличивается число находок в верхних горизонтах.

Группировка этих остатков, отсутствие угольков, обломков костей животных и признаков культурного слоя — все это, быть может, указывает на несколько иные условия отложения здесь культурных остатков по сравнению с нижним их уровнем.

Для выяснения этого вопроса требуется заключение геологов относительно происхождения лёссовидных суглинков и супесей, покрывающих верх третьей террасы, и генезиса почвенного слоя, содержащего культурные остатки, а также изучение древнего микрорельефа местности.

Сравнение находок палеолитических орудий и отщепов из гумусированного слоя, лёссовидной и буроватой супеси дает нам основание говорить, что характерных отличий в составе каменного инвентаря отдельных горизонтов не наблюдается.

Форма орудий, техника их обработки, материал, из которого они сделаны, однородны.

Грубые скребла мустьерского облика, орудия типа ручного рубила, массивные отщепы и мелкие скребочки встречались на различной глубине (рис. 8).

Следует еще остановиться на некоторых деталях стратиграфии находок нижнего горизонта (в буроватой супеси).

Обнаруженные при исследованиях 1935 и 1936 гг. культурные комплексы не вполне одновременны друг другу. Например, на раскопе № 1 остатки мастерской залегали в верхней части буроватой супеси, а на раскопе № 7 комплекс V находился в ее нижнем уровне. Последнему, вероятно, соответствуют находки каменных отщепов и нуклеуса (на раскопе № 8), обнаруженные ниже комплекса III.

Эти данные позволяют высказать предположение о неоднократном посещении палеолитическими насељниками долины р. Катуни у нынешнего с. Сростки.

Древние обитатели края оставили после себя костища на различных горизонтах буроватой супеси. Пепелища эти имеют различную сохранность.

Стоянка, располагавшаяся на несколько покатой поверхности террасы, подвергалась действию водных потоков.

Имеются признаки вымывания зольного слоя огнищ, частичный снос угольков.

Темносерого цвета слой лучше сохранился там, где он был прикрыт крупными кусками камней и скоплениями отщепов. Однако признаков окатанности на каменных орудиях и осколках не замечено.

РАСПОЛОЖЕНИЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ОСТАТКОВ НА ПЛОЩАДИ СТОЯНКИ

Как мы уже указывали выше, за два года работ на Сросткинской стоянке было обнаружено около 200 кв. м ее площади. Раскопы №№ 1, 4, 5, 3 и 2 вскрыли ее северо-восточную часть на протяжении 50 м (вдоль края обрыва террасы).

Раскоп № 7 показал ее распространение в юго-западном направлении. Стоянка имеет протяжение и к юго-востоку, о чем свидетельствуют находки в раскопе № 8.

Северо-западная часть ее менее насыщена палеолитическими остатками.

Шурфы №№ 5 и 2 дали немного. В первом было обнаружено всего лишь три отщепа (1 на глубине 0.23 м и 2 на глубине 1.30 м). Во втором — один отщеп на глубине 0.30 м.

На всех участках раскопанной площади наблюдалась более или менее одинаковая картина в распространении культурных остатков.

Разрозненные находки орудий, отщепов и обломков галек чередовались с отдельными скоплениями их, часто приуроченными к местам древних костищ (отмеченных тонким зольным слоем — на небольшой площади).

Раскопки показали, что отдельные культурные комплексы обычно находятся на расстоянии 7—15 м друг от друга.

Из 5 исследованных культурных комплексов три (II, III, V) следуют связать с остатками костриц, вокруг которых располагались отщепы, обломки камня и отдельные орудия. Один из них (I) дает представление о настоящей мастерской по выделке орудий и один (IV) характеризуется только скоплением отщепов. Наличие костриц (диаметром 1,5—3 м при толщине зольного слоя в 2—6 см) говорит о том, что эти огнища следуют приравнивать к остаткам древних очагов, входивших в состав определенного жилого комплекса описываемой стоянки.

Обращает внимание также и то, что каждое скопление культурных остатков занимает площадь не более 4—5 кв. м.

На Сросткинской стоянке мы не имеем того огромного скопления кухонных отбросов, каменных и костиных изделий, как это типично для более древних палеолитических поселений Сибири (Мальта, Афонтова Гора).

При раскопке стоянки с 200 кв. м из различных уровней собрано всего 80—100 орудий и около 2000—2500 отщепов и обломков камня. Это обстоятельство свидетельствует о сравнительно малой насыщенности стоянки культурными остатками. Отмеченный факт заслуживает внимания. Нам известны подобного типа поселения для поздней стадии верхнего палеолита на Енисее и р. Ангаре (уже не содержащие остатков мамонта) — более кратковременные стойбища. Таковы наши замечания относительно характера распространения культурных остатков на стоянке. Раскопки 1935—1936 гг. вскрыли только часть ее. Дальнейшие работы следует вести прежде всего в направлении расширения раскопа № 7.¹

ОПИСАНИЕ НАХОДОК

При раскопке на Сросткинской стоянке было найдено около 100 орудий и 2500 других предметов каменного инвентаря.

К числу последних относятся ядрища-нуклеусы, заготовки орудий, различные сколы и отбросы производства (отщепы и пр.).

Основным материалом для приготовления орудий служили: кварц, кварцит, лидит, яшмовидные и другие породы, попадающиеся в валунчиках и в виде речной гальки,

¹ Наличие курганного могильника на площади, занятой стоянкой, при устройстве которой часть ее была разрушена, является весьма досадным обстоятельством, мешающим исследованию палеолитического поселения на всем его протяжении. Ряд более поздних выемок, получившихся в результате раскопки погребений, также прорезал поверхность стоянки более чем в пяти-шести местах до глубины залегания палеолитических остатков. В отвалах земли курганов, расположенных около наших раскопов, мы в 1935 г. находили каменные осколки, выброшенные при вскрытии могил.

которые палеолитические насельники долины Катуни собирали по берегу реки.

Среди найденного на Сросткинской стоянке каменного инвентаря обращают на себя внимание желваки камня, начатые обработкой (с отеской одного конца и формовкой их в нуклеус) раздробленные гальки, а также грубо-оббитые (эбоневидные) формы орудий со сколами на обеих поверхностях.

Из отщепов имеются различного размера красные сколы с коркой гальки на спинке и ударным бугорком на брюшке. Некоторые из них отличаются массивностью. Преобладающая форма отщепов — овальная и подтреугольная.

На стоянке также попадаются в значительном количестве отщепы, сколотые с предварительно отесанного желвака камня, без остатков корки, и отщепы более тонкие, а также правильной формы примитивные пластины.

Следует, кроме того, отметить продолговатые и крупные пластиинки с параллельными продольными краями и гранями на спинке. Последние найдены в небольшом числе.

Из отбросов производства собрано много мелких отщепов и чешуек.

Найдены и миниатюрные ножевидные пластиинки, резцовые сколы и пр.

Заготовками для производства каменных орудий, обнаруженных на Сросткинской стоянке, служили:

- 1) отщепы различного размера;
- 2) массивные широкие пластиинки;
- 3) крупные, удлиненные пластиинки, сколотые с призматического нуклеуса;
- 4) обломки камня (получавшиеся при раздроблении желвака гальки).

Отбойники. Найдены желваки гальки, сплошь покрытые коркой (13 × 8 × 4 см), со сбитым концом и метками от ударов (щербинами) на обеих широких, плоских сторонах. Могли употребляться и для раздробления костей животных.

Нуклеусы. Крупные формы представлены 4 экземплярами, принадлежащими к группе призматических нуклеусов. У них фасетки от сколов на одной стороне, другая же часть гальки покрыта коркой.

Следует также упомянуть о небольшом нуклеусе с 3 узкими правильными гранями на боковом утолщенном крае (табл. I, 2).

Пластиинки (2). Они прямоугольной формы; продольные края параллельны. На спинке имеются грани. Один конец обломан. У одного экземпляра удлиненный край обделан ретушью (табл. II, 9).

Пластиинки. Пластиинки, отделенные от нуклеусов, призматического типа представлены крупными и мелкими экземплярами. Первых найдено немного (табл. III, 6).

Они не обладают правильностью ограничения; сделаны из кварцита. Из лидита приго-

твлены пластинки меньшего размера. Среди мелких ножевидных пластинок необходимо особо выделить миниатюрные экземпляры призматического типа с 2 и 3 гранями на спинке. Некоторые из них отличаются правильностью формы и указывают на высокую технику их изготовления.

Овально-миндалевидные орудия (3 экз.) по своим морфологическим признакам могут быть причислены к формам орудий типа ручного рубила, известных в сибирском палеолите в различных местных вариациях.

Это двусторонне обработанные куски гальки (табл. I, 8); небольшие сколы заостряют один или оба края извилистых очертаний (если смотреть на орудие сбоку).

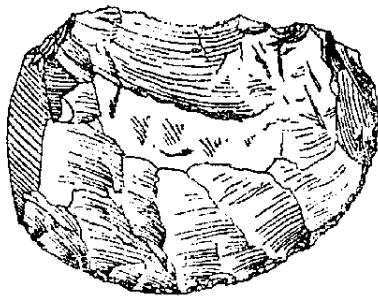

Рис. 9. Каменное скребло.
1/2 nat. vel.

У двух экземпляров противоположная лезвию часть орудия утолщена и сохраняет корку гальки (табл. II, 1).

Скребла (26 экз.) составляют наиболее многочисленную группу орудий. Приготовлены обычно на массивных отщепах. Нижняя поверхность (брюшко) у них гладкая — плоскость скола, верхняя (спинка) выпуклая, имеет фасетки от сколов и иногда сохраняет корку тальки.

У некоторых скребел край, противоположный лезвию, остается необделанным.

Найденные скребла распадаются на ряд разновидностей.

Большинство скребел обладает выпуклым рабочим краем и имеет форму, близкую к овалу, подтреугольную или подпрямоугольную. Лишь у некоторых экземпляров наблюдается более прямолинейное лезвие. Обращают на себя внимание скребла (4 экз.), у которых, кроме продольного края, бывает обделан со стороны спинки или брюшка еще боковой край, имеющий вогнутость (табл. I, 1).

У одного из них он является основной рабочей частью орудия и обладает желобчатостью (со спинки). Продольный край на $\frac{3}{4}$ подправлен ретушью.

На ряду с более грубыми формами скребел встречаются отдельные экземпляры превосходной обработки (например, сделанные из яшмы, рис. 9).

Выделяется своими огромными размерами скребло из кварцита (8×12.8 см, наиб. толщ. 3 см). Оно сделано из массивного краевого скола. На спинке видна корка валуна, занимающая всю ее центральную часть. Рабочий край сформован грубыми сколами; лезвие подправлено более мелкой ретушью. К крупным скреблам нужно причислить и орудие прямоугольной формы ($11 \times 10 \times 1.8$ см) с коркой на спинке и отчетливой ретушью по слабо выпуклому краю.

Скребла меньшего размера имеют длину 6—6.5 см, ширину 3.8—4.8 см, толщину 0.6—0.7 см.

В числе разновидностей скребел односторонней обработки следует выделить узкие скребла-ножи, приготовленные на продолговатых отщепах.

Совершенной техники экземпляр изображен на табл. III, 3.

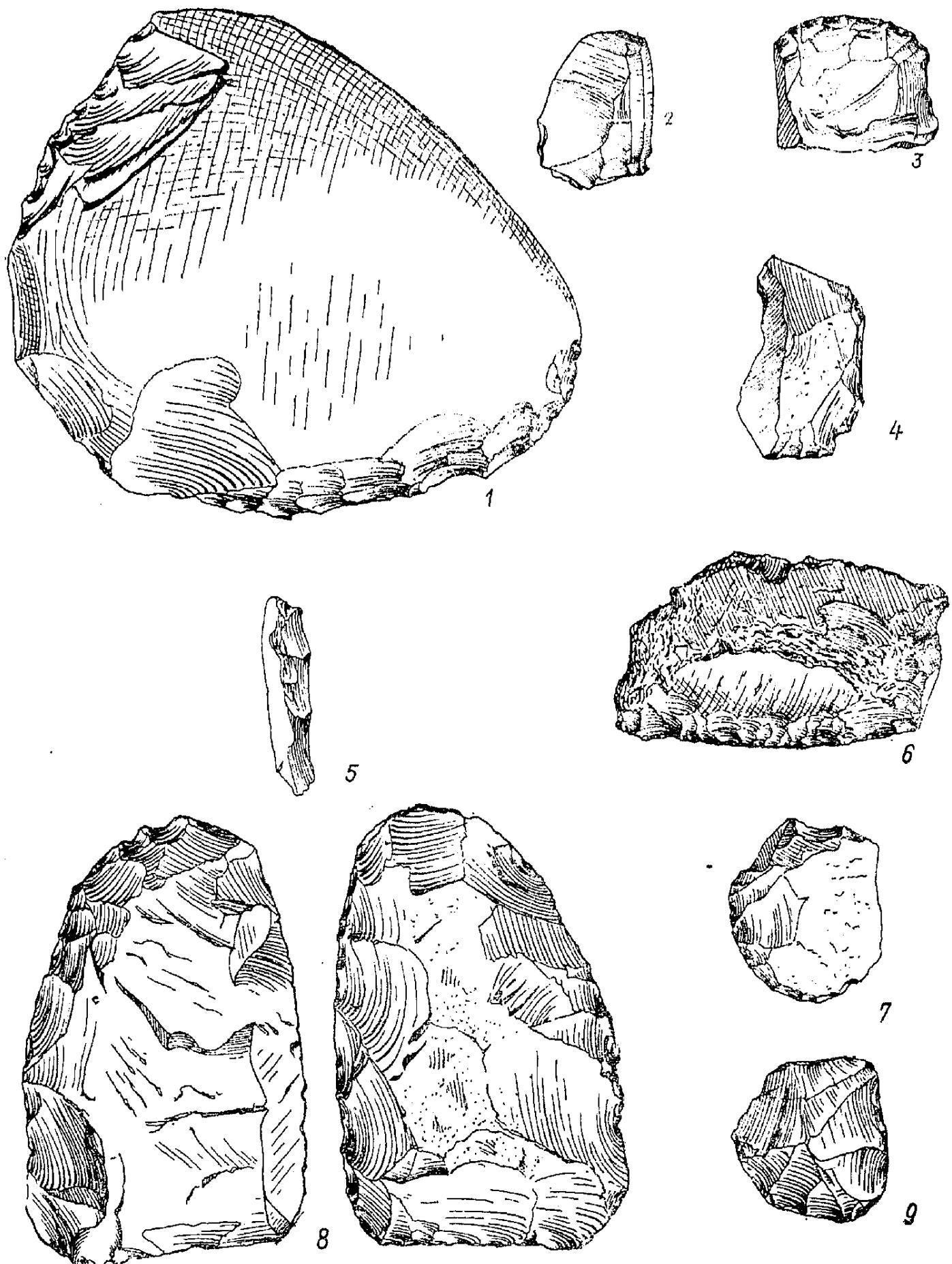
Половина рабочего края орудия обработана более крупной ретушью, другая — мелкой ретушью.

Одно скребло сделано из отщепа, у которого, кроме гладкого брюшка, спинка представляет также плоскость, образованную одним сколом (табл. II, 6). Из серии скребловидных орудий необходимо также упомянуть о тонких отщепах (дл. 5—5.5 см, шир. 4—4.5 см, толщ. 0.5 см), но достаточно широких с четко выраженной ретушью на одной стороне по слабо выпуклому рабочему краю. Они приближаются к примитивным пластинам (табл. II, 7 и 8). К скреблам случайной формы относятся 6 экз. Это отщепы неправильной формы, у которых один край преднамеренно обделан ретушью. На ряду с цельными экземплярами скребел встречаются и их обломки. Отдельно следует отметить массивный скребок высокой формы (дл. 7 см, шир. 6.3 см, наиб. толщ. 6 см), сделанный из куска гальки кубовидной формы. Брюшко гладкое. Прямой рабочий край подправлен ретушью (табл. II, 4).

Мелкие скребки (14 экз.). Они сделаны на отщепах подквадратной, неправильно-треугольной и овальной формы. Некоторые из них имеют признаки геометризации. Полукруглый рабочий край у орудий обработан ретушью. Брюшко обычно гладкое — плоскость скола. Среди скребков встречаются экземпляры, приготовленные из мелкозернистого кварца, кварцита, лидита, роговика, яшмы и других пород. Особо следует отметить продолговатый скребок высокой формы, сделанный из куска гальки, с крутонахищающим рабочим краем, подправленным мелкой ретушью с заломами (табл. III, 7).

Интересны скребки на тонких отщепах с превосходной обработкой лезвия.

У орудия, изображенного на табл. I, 7, выглаживающей ретушью заострен не только

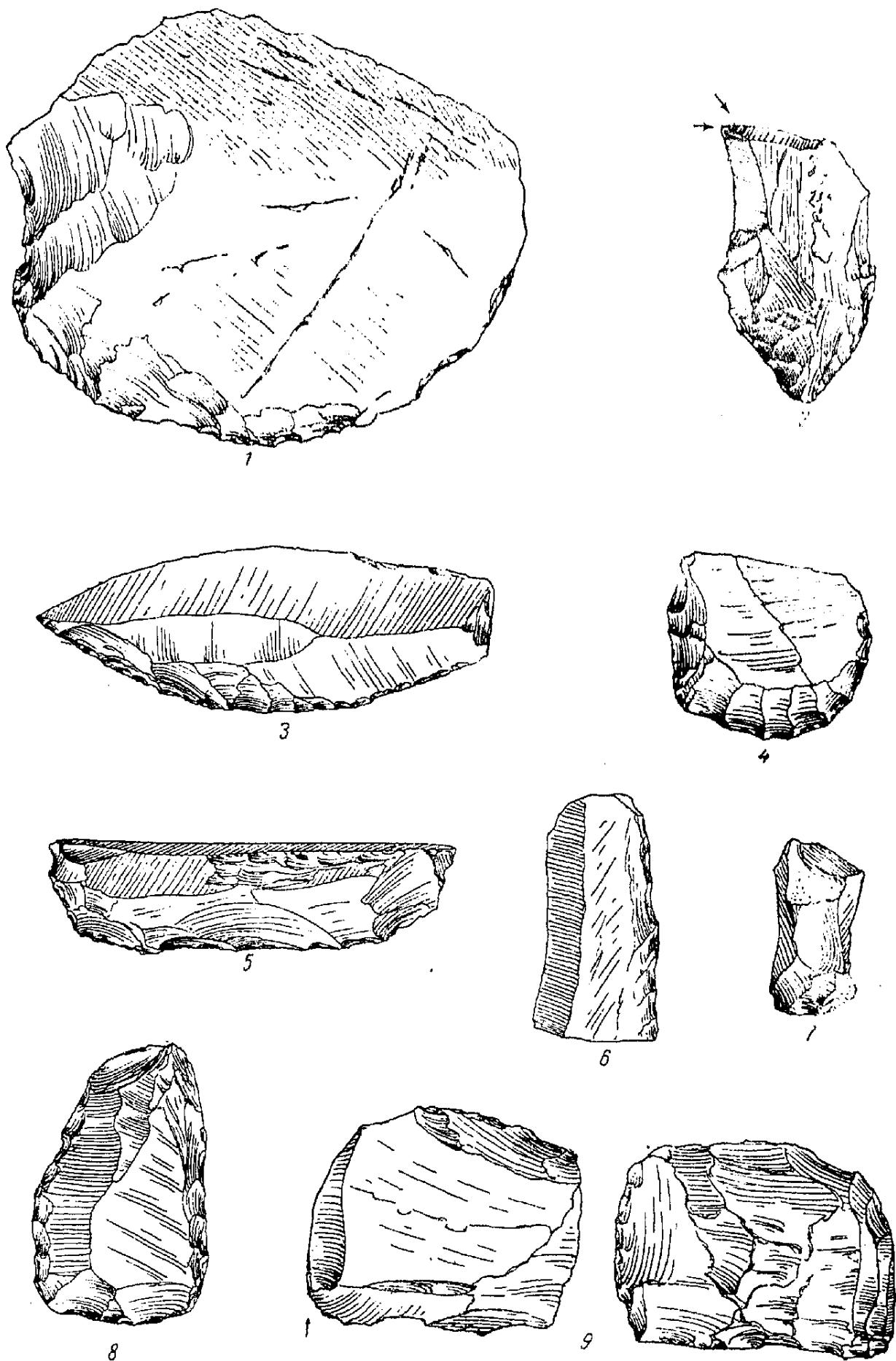
Каменные орудия среднего горизонта.

1 и 6—скребла; 2—нуклеус; 3, 4, 7, 9—мелкие скребки; 5—краевой скол; 8—орудие типа «ручного рубила» ($\frac{6}{7}$, наг., вел.).

Каменные орудия нижнего горизонта. $\frac{2}{3}$ нат. вел.

1 и 2—орудия типа «ручного рубила»; 3—проверка; 4—8—скребла и скребки; 9 и 11—пластини; 10 и 13—отщепы с сегментовидными выемками; 12 и 17—резца; 14—орудие с желобчатым краем; 15 и 16—мелкие скребки.

Каменные орудия из различных уровней. $\frac{2}{3}$ nat. вел.
 1—скребло; 2—резец; 3 и 5—узкие скребла; 4, 7, 8—скребки; 6—пластинка с ретушью по краю; 9—нуклевидное орудие.

основной рабочий край, но и боковые стороны. Основание оставлено без обработки.

Более крупные размеры имеет концевой скребок продолговатой формы. Рабочий край у него круто обработан, а боковые имеют мелкую затупляющую ретушь (табл. III, 8). С совершенной техникой обработаны и самые мелкие скребки (дл. 2—2.5 см, шир. 5 см, толщ. 0.5—0.6 см), обладающие четко выраженной ретушью по лезвию (табл. II, 15).

Случайной формы скребок приготовлен на отщепе удлиненно-неправильных очертаний, конец которого обработан ретушью.

Резцы (8 экз.). Принадлежат к числу угловых резцов, сделанных на отщепе. Несмотря на грубость материала (кварц и другие породы), имеют ясно выраженные боковые резцовые сколы (табл. II, 17 и III, 2).

У некоторых экземпляров наблюдается преднамеренная обработка затупляющей ретушью края, сходящегося под углом к резцовой грани (табл. II, 12).

Нуклевидные орудия (2 экз.). С узкими и неотчетливыми гранями по основанию из боковых утолщенных краев и тонким полукруглым скребловидным лезвием (табл. III, 9).

Провертка (1 экз.). Сделана на углу плоского отщепа. Острие грубо сформовано несколькими мелкими сколами. Противоположный край служит основанием и затуплен ретушью. Орудие удобно захватывается рукой (табл. II, 3).

Особую группу поделок составляют небольшие отщепы и обломки пластинок со следами вторичной обработки. У двух экземпляров имеются маленькие отретушированные сегментовидные выемки (табл. II, 10 и 13).

Третье орудие — с желобчатым рабочим краем, имеющим (со спинки) ретушь с заломами (как у *pièce écaillée*) (табл. II, 14).

В описании материала, собранного при раскопке стоянки у с. Сростки, нами был сделан обзор предметов каменного инвентаря, характеризующего это палеолитическое местонахождение. Но если проследить распределение находок по отдельным уровням, то обнаруживается следующее.

В верхнем горизонте найдено около 70 отщепов: 1 скребло, 1 небольшой скребочек и куски галек со следами обтесывания.

Из среднего горизонта собрано около 200 отщепов, 4 скребла и один обломок, 2 резца, 5 небольших скребков, овально-миндалевидное орудие, небольшой нуклеус призматического типа, массивный красовой скол валуна, резцовый скол и пр.

Нижний горизонт содержал наибольшее количество предметов каменного инвентаря. В нем было добыто свыше 2000 отщепов, нуклеусы крупного размера и различные каменные орудия.

Из этого уровня культурных остатков происходят 2 орудия типа ручного рубила, основная группа скребел, скребков, резцы, нуклевидные орудия, пластиинки с ретушью по краю, миниатюрные ножевидные пластиинки и пр.

На рис. 8 и табл. I и II даны изображения орудий по отдельным горизонтам. Характерных отличий в составе инвентаря различных уровней Сросткинской стоянки нами не обнаружено, хотя по времени верхний горизонт должен быть моложе нижнего. Происхождение отдельных напластований стоянки недостаточно еще установлено. Необходимо специальное изучение геологами-четвертичниками особенностей залегания палеолитических остатков у с. Сростки и, как мы уже указывали, выяснение генезиса лёссовидных отложений и почвенного слоя, содержащего грубые каменные орудия и отщепы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отчете о раскопках 1935 г. нами были высказаны предварительные соображения относительно возраста палеолитической стоянки у с. Сростки.

В связи с результатами работ 1936 г. необходимо их несколько уточнить. Прежде всего следует отметить, что археологический материал позволяет с достаточной определенностью датировать стоянку верхним палеолитом. На это указывает состав каменного инвентаря стоянки (присутствие резцов, мелких скребков с признаками геометризации формы), техника обработки каменных орудий (наличие мелких призматических нуклеусов, миниатюрных ножевидных пластиинок) и целый ряд других морфологических признаков. Обнаруженные на стоянке у с. Сростки широкие пластины, скребла, орудия типа «ручного рубила», резцы, миниатюрные ножевидные пластиинки, нуклевидные формы и мелкие скребки находят параллели в палеолитических комплексах из других районов Сибири и более близкую аналогию в инвентаре енисейских стоянок (конца палеолита).¹

Предметы каменного инвентаря у с. Сростки были собраны в слоях лёссовидной породы и могут быть стратиграфически приурочены к аллювиальным отложениям третьей надлуговой террасы, к моменту

¹ Сходные с сросткинскими скребла имеются в коллекции со стоянки Забочка (Сосновский. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины. Изв. ГАИМК, вып. 118, рис. 10, 3), Кипирный лог (ук. соч., рис. 17, 2), широкие пластины с ретушью по выпуклому краю — Забочка (ук. соч., рис. 10, 11), концевые скребки — Забочка (ук. соч., рис. 8, 10, 12), крупные пластиинки — Забочка (ук. соч., рис. 10, 5 и 6), резцы (некоторая аналогия) — Каменный лог (ук. соч., рис. 15, 6), нуклевидные формы — Тележный лог (ук. соч., рис. 14, 9), миниатюрные ножевидные пластиинки — Забочка (ук. соч., рис. 11, 2) и т. д.

окончания формирования ее уступа, происходившего в послеледниковое время.

Отсутствие костей мамонта в составе культурных остатков стоянки подтверждает ее возраст.¹

Раскопки у с. Сростки вскрыли древнейшее поселение в крае. На береговом мысе, откуда открывался далекий вид на широкую долину Катуни, был устроен лагерь первобытных охотников.

Место, выбранное для стоянки, обильно освещалось солнцем, находилось около реки и представляло ряд других удобств по своему топографическому положению.

Близ поселения, в прирусловой части долины р. Катуни, первые ее обитатели находили нужный им материал для изготовления орудий — валуны и окатанные водой желваки речной гальки. На стоянке обнаружены принесенные палеолитическим человеком камни (различного петрографического состава), употреблявшиеся им для выделки каменных изделий.

Около очагов первые наследники раскальвали гальки на отдельные куски и из массивных отщепов и пластин при последующей обработке их получали нужной им формы и размера орудия.

Большинство каменных орудий, собранных на Сросткинской стоянке, по своему хозяйственному назначению должно быть поставлено в связь с существованием обработки шкур животных, с расчленением туш убитых зверей, очисткой костей от мяса и пр. Для работы по кости и дереву служили резцы и некоторые отщепы и пластинки с сегментовидными выемками.

На Сросткинской стоянке законченные выделкой каменные орудия, осколки (отбросы производства) и крупные куски камней и желваки галек обычно располагаются около кострищ, где сосредоточивалась домашняя деятельность палеолитического человека.

Локализация культурных остатков около кострищ на определенной сравнительно небольшой площади, резко выраженная ограниченность ее контуров (что можно заметить по окраске зольного слоя и группировке находок) заслуживают внимания по целому ряду причин.²

Приведенная характеристика распределения культурных остатков на вскрытой площади Сросткинской стоянки не является случайной и указывает на определенный тип поселения палеолитической эпохи, хо-

¹ Кости мамонта встречаются в отложениях суглинка, слагающего низ террасы.

² Не следует ли предполагать наличие около очагов надземных жилищ палеолитических охотников? Они могли иметь вид примитивных шалашей из жердей, прутьев, покрытых шкурами животных или корой деревьев.

рошо известный нам по памятникам этого времени в других частях Сибири и Европейской части СССР.

Охота являлась основным источником существования для древнейших наследников края.

Если в более раннюю стадию палеолита мы видим остатки обширных ширстей около убитых зверей-гигантов (например, молодой мамонт, съеденный первобытными охотниками около южногородского г. Томска), то позднее объектами охоты были дикие лошади, олени и другие представители послеледниковой фауны.

Залегание на Сросткинской стоянке (в буроватой супеси) кострищ на разных уровнях указывает на то, что палеолитические обитатели долины р. Катуни не раз приходили на одно и то же место, удобное для устройства поселения.

На западе и в Восточной Сибири в конце четвертичного периода происходил аналогичный процесс перехода охотничьих групп к более подвижному образу жизни.

Сросткинская стоянка — не единственное местонахождение древнекаменного периода в районе Алтая. Кроме нее, известны еще четыре пункта, где были обнаружены палеолитические изделия.¹ Эти стоянки дали подъемный материал; хотя он количественно меньше Сросткинской коллекции, но имеет ряд типичных палеолитических форм. Сходство наблюдается не только в технике изготовления изделий, но и в материале, из которого они сделаны (кварцит, лидит и пр.).

Для инвентаря древнейших стоянок в окрестностях г. Бийска и долины р. Катуни характерно, так же как и для большинства палеолитических местонахождений Восточной Сибири, наличие, наряду с более «ранними»² типами орудий (скребла, ручные рубила), верхнепалеолитических форм (резцы, мелкие скребки, миниатюрные ножевидные пластинки).

Присутствие массивных («архаических») орудий в составе инвентаря приалтайских и других сибирских стоянок нельзя объяснять только следствием плохого качества материала, из которого они приготавливались (кварцит и другие породы речной гальки). «Очевидно хозяйствственно-бытовые условия

¹ Нам удалось определить по коллекциям Бийского музея остатки этого времени: в верховых р. Оби — из окрестностей с. Фоминского (старые сборы М. Д. Копытова), дер. Одинцовки (находки А. П. Маркова 1936 г.) и Быстрянского кордона (сборы А. П. Маркова 1936 г.); из низовьев р. Бии — с. Енисейское (находки А. П. Маркова и С. М. Сергеева 1933 г.). Кроме того, С. М. Сергеевым найдена стоянка в 12 км к ЮЗ от г. Бийска близ устья р. Бии (см. Бюллетень Московск. о-ва исп. природы. т. XLVII, нов. сер., 1939 г., стр. 90—91).

² По западноевропейской классификации,

жизни населения в эпоху верхнего палеолита Сибири, несмотря на знакомство человека с совершенными приемами обработки каменных орудий (мелкие сколы, отжим), требовали сохранения в инвентаре полезных по своему рабочему назначению орудий, хотя они имели более примитивную форму и простую выделку».¹

К сказанному можно добавить то, что эти примитивные орудия в сибирском палеолите имеются также в инвентаре древних верхнепалеолитических стоянок с прекрасной по технике обработки кремневой индустрией; они получают дальнейшее развитие в конце палеолита (Енисей, Прибайкалье) и встречаются в ранненеолитических комплексах Восточной Сибири.

¹ Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки Северной Азии. Тр. II Междунар. конфер. АИЧПЕ, вып. V, стр. 288.

На Енисее можно проследить, как орудия, близкие к «ручному рубилу», превращаются в грубо-оббитый эбошевидный топорик и, позднее, в более совершенный овальный топорик, которому сопутствуют орудия типа «ріс».

Данные анализа каменных изделий стоянки у с. Сростки позволяют ее сравнивать с палеолитическими местонахождениями Енисейской долины.

В алтайском материале, так же как и в енисейском, отразилось своеобразие инвентаря мадленских стоянок Сибири. Предгорья Алтая и верховья р. Оби наиболее западный район распространения памятников подобного типа.

Эти культурные остатки являются древнейшими следами пребывания человека на обширной территории Алтайского края, указывающими на его заселение в послеледниковое время.

О. Н. Бадер

ДРЕВНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ПОТОЛКАХ ГРОТОВ В ПРИАЗОВЬЕ

1

Во время работ Азово-Черноморской экспедиции ИЧМК АН СССР 1936 г. по обследованию местонахождений четвертичной фауны в Мелитопольском районе Днепропетровской области¹ мне удалось обследовать интереснейшие памятники первобытного искусства.

Директором Мелитопольского музея краеведения Н. И. Соболем мне были указаны две группы нанесенных на скалы древних начертаний. Мною был обнаружен здесь еще ряд пунктов с аналогичными знаками, в том числе замечательный грот с изображениями животных.

Прежде чем переходить к описанию указанных памятников, я должен изложить те краткие сведения, которые имелись об этом местонахождении еще в дореволюционной литературе. Сведения эти напечатаны в кратком отчете о раскопках в Таврической губернии, произведенных Н. И. Веселовским.² Считаю нужным привести их здесь целиком.

«В расстоянии версты на 3 от села Терпение в Мелитопольском уезде, у речки Молочной, на низменной местности, находится Каменный Курган, состоящий из громадных камней и имеющий до 250 саж. в окружности и от 4 до 5 саж. высоты. Образование кургана нужно приписать действию сил природы, а никак не рук человеческих, судя во-первых по массивности камней, заключающих многие тысячи пудов весу, во-вторых по беспорядочности расположения их. Река Молочная, теперь очень бедная водою, могла в доисторическое время иметь другой вид. У села Терпение заметно ее прежнее ложе, шириной до версты; в этом-то ложе и возвышается курган, а потому можно предположить, что вода нагромоздила здесь камни, которые тянутся немногого и дальше, по направлению течения реки.

¹ О. Н. Бадер. Две экспедиции по изучению палеолита в северном Причерноморье. Антр. журн., № 1, 1937.

² Отчет Археол. комиссии за 1890 г. СПб., 1893, стр. 2—4.

«Вследствие беспорядочности расположения камней, между ними образовались места неизранные, трудно доступные ходы и пещеры, которые могли служить (и действительно служили) временем притоном для людей. Ходы и пещеры эти затянуло теперь песком, но терпенские старожилы рассказывают, что лет сорок тому назад в пещерах свободно можно было стоять, а в некоторые спускались даже по канатам. Песок чрезвычайно мелкий образуется тут же на месте от выветривания камней; этому способствует и самое свойство камней, до того мягких, что во время проведения Лозово-Севастопольской железной дороги, когда материал для полотна дороги покупался за высокую цену, инженеры забраковали камень из кургана, хотя доставлять его пришлось бы до рельс только 7—8 верст, а до г. Мелитополя 17 верст.

«Местность, где расположен этот курган, называется „Красные могилы”, так как поблизости находится красный песок, и на нем расположены небольшие курганы. Красною могилою зовут и Каменный Курган, хотя песок на нем белый или бледно-желтый.

«Поводом, по которому пришлось обратить на курган внимание, послужило случайное открытие в песке 5 серебряных монет московского периода возле одной пещеры, отличающейся большими против других размерами. Слух о находке быстро распространился, крестьяне устремились на поиски, стали вырывать песок из пещеры, отыскивая клад, взрывали ее порохом и продолжали работы до тех пор, пока чуть-чуть было не убило одного из крестьян. Вместе с тем проник в печать слух, что в пещере имеются фрески. Раскапывая в 1889 г. курган в Шульговке (в 17 верстах от с. Терпение), проф. имп. Санкт-Петербургского университета Н. И. Веселовский, для проверки слухов, ездил туда, и из сообщения местного священника, неоднократно пробиравшегося в пещеру, узнал, что в ней находятся не фрески, а высеченные на потолке изображения какой-то птицы и зверя

в виде крокодила. Так как пещеру и ход в нее затянуло песком, то г. Веселовскому тогда нельзя было проникнуть в нее, и он занялся расследованием Каменного Кургана в 1890 г.

«Первоначально была очищена главная пещера под громадным камнем, имевшим упоры по сторонам. Вход в нее образовали два камня, неплотно прилегавшие друг к другу. Через этот ход и вычерпывали песок ведрами. Впоследствии обнаружился другой ход в пещеру, параллельный первому, несколько шире, но так же, как и первый, без всяких приспособлений для удобства спускания в нее. Вскоре пришлось остановить работу вследствие того, что с боков пещеры обвалились два камня, пудов по 10 весом. Потому ли, что жители села пороховыми взрывами расшатали пещеру, или вследствие того, что рабочие, подрывая песок, плотно слегшийся по краям пещеры, ослабили основание ее, только она стала опасно и угрожала осунуться. Рабочие не успели расчистить ее настолько, чтобы можно было произвести точные измерения ее. Всего расчищено в длину на 3 саж., шириной в 2 саж., а в глубину настолько, что в пещере можно было свободно сидеть, а местами стоять.

«На потолке нацарапаны довольно глубоко, местами в $\frac{1}{2}$ вершка, пересекающиеся прямые и изогнутые линии. Подобные же фигуры оказались и в другой небольшой пещере, возле так называемого „богатырского памятника“. На потолке ее высечен такой же рисунок, только меньшего размера. Эти насечки жители и приняли за надписи. Богатырским же памятником жители с. Терпение называют такое сооружение: на двух камнях, отстоящих друг от друга аршина на $1\frac{1}{2}$, лежит третий (длиной в $1\frac{1}{2}$ саж.), образуя проход, через который можно пройти немного согнувшись, т. е. род дольмена.

«Кроме этих пещер Веселовским были разрыты там же еще две пещеры, хотя и не вполне. Одна представляет узкий, неправильный коридор, потолок которого местами обделан искусственно, но без всяких рисунков; в другой пещере, тоже довольно длинной (расчищенной на $2\frac{1}{2}$ саж.), оказались грубо высеченные вглубь изображения козлов и лошадей. Производить работы дальше Веселовский нашел невозможным, потому что в одном случае, в главной пещере, они оказались опасными, в других — очень трудными и неудобными, так как масса песка на кургане никакими силами не устранима, и при неблагоприятных условиях (дождь или ветер) вся работа могла быть уничтожена разом. По мнению г. Веселовского, главная пещера едва ли могла служить местом погребения. Если бы в ней

устроили гробницу, то после погребения ее засыпали бы землею, как засыпают гробницы в курганах, или же завалили бы входы в пещеру, что не представляло никакого особенного труда; но ничего подобного не замечается».

Вот все, что нам известно о работах, произведенных здесь Веселовским. Последний не только не издал рисунков виденных им изображений, но даже не дал их подробных описаний, и находка вскоре была забыта специалистами.

В 1934—1935 гг. петроглифы «Каменного Кургана» были обследованы сотрудником Мелитопольского музея В. Н. Даниленко. Им было зарегистрировано около десяти пунктов с изображениями. Сведения об этом были получены мною, однако, позже и в 1936 г. использованы не были.

Мною памятник был посещен в первый раз в сентябре 1936 г. в сопровождении Н. И. Соболя. На следующий день, при посещении его вместе с учителем-краеведом из с. Тихоновки М. М. Виноградовым, старожилами соседней дер. Ново-Филипповки и двумя рабочими, мною было обнаружено несколько новых групп изображений, в частности открыт замечательный грот с фигурами быков, произведена предварительная работа по фиксации изображений и вырыт пробный раскоп у одного из гrotов-навесов. Наконец, в последний раз я был на памятнике в ноябре того же года. На этот раз в работах, длившихся около недели, приняли участие Н. И. Соболь, заведующий Историческим отделом Мелитопольского музея В. Ф. Пешанов, художник Музея П. Я. Коломийцев и специально вызванные мной из Музея антропологии Московского Гос. университета художницы-муляжистки О. А. Кирьянова и Н. И. Ильенко. Последними с большими трудностями, в крайне тяжелых условиях были сделаны гипсовые слепки с изображений в трех пунктах, в том числе в гроте, где отлиты в гипсе три основные группы изображений. В настоящей публикации приведены точные рисунки с этих слепков, выполненные К. Н. Никахристо. Одновременно П. Я. Коломийцевым произведены для нас многочисленные зарисовки. Сделаны также фотографические снимки. Несмотря на это наши работы на «Каменной Могиле» в 1936 г. носят лишь предварительный характер и будут продолжены.

2

Переходим к общему описанию памятника.

Так называемый «Каменный Курган» или «Каменная Могила» находится приблизительно на равном расстоянии между дер. Тамбовкой, Ново-Филипповкой и с. Терпе-

ние, на правом берегу р. Молочной. Каменная Могила расположена в речной пойме, близ правого коренного берега, обнажающего красные глины так наз. «Красной Горы», но к нему нигде не примыкает, будучи со всех сторон окружена поймой.

Каменная Могила представляет собой довольно большой, более или менее округлый холм от 15 до 20 м высотой и около 700 шагов в окружности. Этот холм состоит из светложелтого мелкозернистого песка и почти сплошь покрыт огромными, массивными плитами серого песчаника, нигде в окрестностях более не встречающегося и поэтому поражающего неожиданностью.

Не входя в обсуждение вопроса о геологическом происхождении этого интересного образования, отмечу лишь, что свой современный вид описываемый холм приобрел, без сомнения, в результате деятельности р. Молочной. Однако он не мог быть просто намыт рекою, как предполагал Веселовский. Представляется более вероятным, что массивный пласт песчаника, относительно небольшой по площади и залегавший на значительной толще песка, начал в свое время подмываться рекой. Найдя здесь трудно преодолимое препятствие, река обошла его с трех сторон, затем прорвала перешеек, отделявший его от коренного берега, и Каменная Могила стала как бы островом среди поймы. Старики из дер. Тамбовки хорошо помнят, что лет 50 тому назад между Красной Горой и Каменной Могилой еще было небольшое озеро, густо заросшее по берегам камышами. Это озеро, теперь совершенно исчезнувшее, несомненно, след еще не так давно протекавшей реки, в наше время вновь отступившей здесь от правого берега долины.

Песчаный холм, подмываемый со всех сторон рекою, постепенно оседал по краям, вследствие чего увенчавший его пласт песчаника терял по краям свое основание, разламывался, и массивные скалы сползали по склонам холма, меняя на этих склонах первоначально горизонтальное положение на наклонное, сообразно с направлением склона. Защищая склоны холма мощным панцирем, эти оползшие каменные плиты спасли его от полного размывания, но река, вешние и дождевые воды и, наконец, ветер все же сделали свое дело: холм, несомненно, сильно осел и принял современные нам очертания. Первоначальное горизонтальное положение сохранила лишь относительно небольшая площадь песчаникового пласта на уплощенной вершине холма.

Необходимо отметить, что и в наше время Каменная Могила продолжает интенсивно разрушаться; незадернованный песок между плитами размывается атмосферными осадками и развеивается ветром; в сильные

ветры холм буквально курится от массы тонкого, поднимаемого в воздух песка. Скалы на поверхности холма продолжают оседать и смешаться, представляя временами немалую опасность для попадающих сюда людей и животных. Быстрому разрушению Каменной Могилы чрезвычайно содействуют обширные выемки песка по краям, производящиеся населением окрестных сел и мелитопольскими организациями. Один из старожилов дер. Тамбовки, И. О. Шалудко, рассказал, что гора на его память, т. е. лет 60 тому назад, была значительно выше (она была, якобы, видна из Тамбовки) и гораздо шире. По его словам, со стороны Красной Горы, Тамбовки и с. Терпение за несколько десятков лет выбрана большая площадь песка. Действительно, с указанной стороны у подножия Каменной Могилы имеются доказательства этого показания в виде многочисленных плит песчаника на поле.

С Каменной Могилой у окрестного населения связан целый ряд легенд.

По словам старожилов, у подножия Каменной Могилы, с северной ее стороны, еще не так давно были заметны на поверхности следы «старых могилок».

На берегу р. Молочной, у южного подножия Каменной Могилы, расположено древнее поселение с довольно мощным культурным слоем, раскапывавшееся в последние годы Мелитопольским музеем краеведения. Поселение характеризуется красной керамикой греческого типа и относится, вероятно, к последним векам до или к первым векам после начала нашего летосчисления. На самом холме Каменной Могилы остатки этого времени отсутствуют.

Сообщаемые Веселовским сведения о находках на холме серебряных монет московского периода подтверждены нам местными старожилами: «раньше находили здесь стариные серебряные деньги в форме арбузных семячек».

Заканчивая на этом общее описание Каменной Могилы, считаю нужным изложить свою точки зрения на характер памятника в эпоху нанесения древних изображений.

Среди всех известных мне там пунктов с изображениями лишь два имеют в настоящее время характер гротов. В остальных случаях это изображения на нижних поверхностях песчаниковых плит, т. е. изображения, сделанные на каменном потолке. Правда, одна группа изображений находится на почти вертикально стоящем откосе скалы, но, судя по его положению на крутом склоне холма и по характеру гладкой, красновато-желтой, необомшелой поверхности, представляется несомненным, что и эта скала имела раньше горизонтальное положение, и, следовательно, знаки находились на ее нижней поверхности.

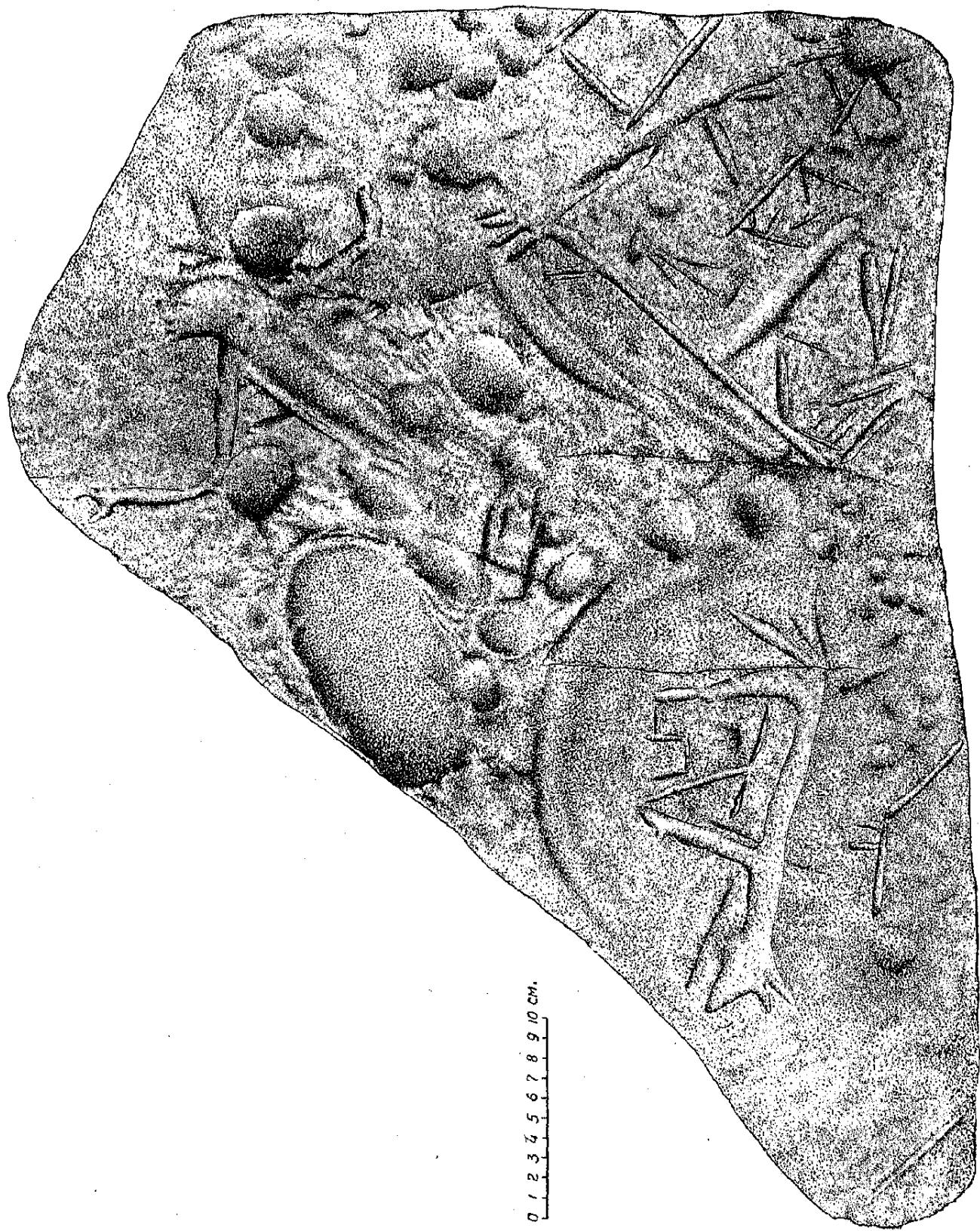

Рис. 1. Грот 1. Первая группа изображений. (Рисунок с гипсового стекла.)

Наиболее вероятно, что все скалы с изображениями представляли в свое время потолки естественных гротов и навесов или же гротов, вырытых человеком в песке под массивными, горизонтально ориентированными плитами песчаника. В позднейшее время эти гроты были смешены при общем оседании массива, разрушены или занесены песком.

3

В этой статье я остановлюсь, преимущественно, на описании одного из гротов, подробнее обследованного, и лишь кратко охарактеризую другие местонахождения Каменной Могилы.

Грот, который мы назовем первым, находится на северном конце Каменной Горы, довольно высоко, близ вершины, под очень массивными (4—5 м) плитами песчаника. Входом обращен на север.

В настоящее время вход находится в сделанной в песке яме глубиной более одного метра и чрезвычайно узок, так что через него можно только ползти или, в лучшем случае, входить на четвереньках.

Внутри грот также заполнен мелким, сухим песком, проникающим сюда во время сильных ветров через вход и щели. В момент обследования в нем нельзя было даже сидеть, можно было только лежать. Ширина его в среднем около 2 м, длина от входа 4.40 м до массивного, выступающего с пола камня-скалы и отсюда еще более 2 м до конца по узкому, поднимающемуся наискось вверх отрогу. Однако и в этом отроге имеются на потолке высеченные в камне знаки, хотя там сейчас так узко, что местами нельзя даже перевернуться с живота на спину. Поэтому, а также и по другим соображениям я считаю весьма вероятным, что в свое время, в момент нанесения на потолок изображений, грот мог, и, надо думать, должен был иметь другие очертания, изменившиеся вследствие оседания его стен и потолка вместе со всеми скалами Каменной Могилы. При раскопках грота, без сомнения, площадь его расширится, так как стены его далеко не везде каменные, и количество видимых изображений увеличится, в особенности с западной стороны, где изображения, как мы увидим дальше, уходят в песок.

Потолок грота неровный, изобилует как бы складками, впадинами, выпуклостями, среди которых имеются относительно ровные плоскости. И плоскости, и выступающие «ребра» выпуклостей покрыты большим количеством выбитых, начертанных, как бы вырезанных в камне различных изображений и знаков.

На расстоянии 2.60 м от выхода, прямо против него начинается первая группа изображений (рис. 1). Она состоит из довольно

глубокой (в северной части до 5 см глубиной), бесформенной выбоины с относительно плоской поверхностью, в южном конце переходящей в естественную плоскость потолка пещеры, но обрамленной здесь неглубоким желобком. На этой плоскости длиной в 52 см имеется сложное изображение, в северном конце которого находится сильно схематизированная фигура животного (видимо хищника), пересеченная несколькими линиями. Западнее¹ и южнее к этой группе примыкают еще две группы изображений, составляя с первой, повидимому, одно целое. Общая длина этого целого с севера на юг — 85 см, ширина с востока на запад — 45 см, в юго-западной части общей группы есть изображение, напоминающее человека с очень длинными руками и укороченными ногами. В южной части — совершенно непонятная система прямых, пересекающихся линий на слабо углубленной в потолок плоскости.

К юго-западу от этой группы — обширное поле с полушаровидными лунками, диаметром 2—4 см, иногда с идущими от них короткими линиями, как бы лучами. Такого рода ямки, лунки имеются повсюду. Мало вероятно предположение, что часть из них произошла от сильного нагревания потолка разведенным внизу костром, как это наблюдается с поверхностью кремня; некоторые же, в особенности с упомянутыми «лучами», сделаны явно намеренно.

Техника нанесения изображений этой группы, повидимому, однообразна: это неглубокое (2—4 мм) прочерчивание или, вернее, простижение линий в нужном направлении иногда узким (около 3 мм), заостренным орудием, иногда довольно широким предметом с закругленным концом. Возможно, что этот прием обусловлен относительной мягкостью и характером материала. Иногда линии производят впечатление как бы проведенных пальцем на глине. Определить орудие более точно невозможно. Это может быть и металлическое, и, скорее, кремневое орудие, и просто прочный камень с заостренным или закругленным концом.

Весь восточный, выступающий край описанной группы изображений и его продолжение в глубь пещеры, всего протяжением 1.35 м, покрыты резкими, частыми, короткими, параллельными линиями (подобно изображенными на рис. 10), сделанными тем же способом. Всего здесь более 60 черт, частью сбитых. На гипсовом слепке и на предлагаемом рисунке они не зафиксированы.

В 58 см левее первой группы (от входа) находится вторая группа изображений

¹ При определениях по странам света не надо забывать, что описываемые изображения расположены на потолке.

(рис. 2). Эта последняя занимает площадь 45×61 см и состоит из фигур четырех животных, переданных в реалистической манере.

Первое из них — вероятно бык, с мощным корпусом, горбатой холкою, длинными, почти прямыми рогами и подчеркнуто большим половым членом. Длина от конца морды до хвоста 30 см. Головой на север.

Перед быком (морда его упирается в хвост) почти в той же линии — животное несколько менее крупное, головой в ту же сторону, плохо сохранилось, в особенности морда; рога, впрочем, намечаются ясно.

Непосредственно под первым быком — еще более крупное изображение животного, ногами в ту же сторону, головой же — в противоположную. Длина фигуры от конца морды до корня хвоста 33 см. Эта фигура отличается коротким, мало свисающим хвостом и большими, загнутыми назад, рогами.

Наконец, четвертое изображение — дальше всех от центра грота, — головой на воссток, ногами на север. Длина его от конца морды до корня хвоста 30 см. По своему характеру это изображение похоже на предыдущее за исключением позы: здесь морда животного поднята, тогда как в предыдущем случае — опущена.

Все 4 изображения целиком выбиты (углублены) в камне (не контуры только, а вся площадь изображения). Вторая фигура выделяется очень слабо, особенно резко — первая (местами до глубины почти 10 мм), третья и четвертая — тоже хорошо.

О технике нанесения их можно сказать следующее. Несомненно первоначальный тонкий контурный набросок был затем обведен «протерт», вероятно, каменным орудием с относительно широким округлым концом, как на изображении животного в первой группе. Следы этой работы сохранились в виде более углубленных желобков вдоль контуров тела животных; рога и некоторые другие детали прорезаны и прочерчены острым орудием. Площадь внутри контуров обычно не столь углублена, как эти последние. Каким образом это сделано — сказать трудно. Судя по тому, что внутри контуров не заметно царапин и поверхность там не гладка, а шершовата, — надо думать, что площадь внутри контуров выбивалась путем ударов.

Необходимо отметить, что на площади первой фигуры имеется около 10 средней величины и мелких круглых лунок, а на другой фигуре — две таких лунки, еще более крупных. Одна из них прорезана длинной прямой чертой (рис. 2) явно искусственного происхождения.

Наконец, в глубине грота, прямо против входа, на расстоянии 1.45 м от начала (со

стороны входа) первой группы изображений находится третья группа (рис. 3 и 4). Она состоит из трех фигур в связной композиции, идущих одна за другой. От первого животного сохранилась лишь задняя половина с довольно длинным хвостом.

Второе животное именуется несколько «ниже» первого, его морда на уровне ног предыдущего. Длина его от конца морды до корня хвоста 20 см. Эта фигура более легка, с ушами, без рогов, но с длинным хвостом (новидимому самку). За ней следом, с вытянутой мордой, как бы инохая, идет самец той же длины, но более массивный, с большими, загибающимися сперва назад, а на концах вперед рогами и длинным хвостом.

Эта группа изображений также целиком выбита в камне, не так глубоко, как некоторые фигуры предыдущей группы, но очень четко. Техника — вполне аналогична.

В гроте имеется еще 5 отдельных изображений животных, более мелких, менее четких, вид которых определить трудно. Возможно, что некоторые из них изображают хищников.

Кроме того, в различных пунктах грота, частью на площади, занятой изображениями животных, но главным образом в глубине грота — по сторонам, на потолке, «карнизах» и даже на нижнем камне, заслоняющем глубину грота, — многочисленные знаки (насечки, прямые и изогнутые линии), вполне аналогичные знакам на некоторых скалах и во втором гроте.

В особенности многочисленны и богаты изображения этого рода в западной части потолка описанного грота. Для осмотра и изучения всего потолка должна быть выброшена наружу значительная масса песка, причем работа эта будет сопряжена с риском оседания скал. В момент нашего обследования часть упомянутых изображений была видна в узкую щель под потолком. Ближняя к гроту часть была с большим трудом и лишь схематически зарисована Н. И. Ильенко (рис. 5).

Необходимо отметить, что потолок грота сильно закопчен и имеет почти совершенно черный цвет. Такова же поверхность и внутри изображений первой и второй групп. Круглые выщербины-лунки далеко не все внутри закопчены: часть их, довольно значительная, показывает внутри светложелтый, непрочный, почти сыпучий песчаник. Потолок и края изображений лоснятся, блестят как бы от многочисленных прикосновений, сглаживания. (Во избежание превратных представлений отмечаю, что поверхность скалы на потолке в общем все же достаточно тверда). По мере углубления внутрь грота потолок делается все менее закопченным. Так, третья группа изображений закопчена уже слабо; но и здесь копоть имеется как

Рис. 2. Гроб 1. Вторая группа изображений. (Рисунок с гипсового слепка.)

Зак. 4559. Палеолит и неолит СССР.

Рис. 3. Гrott. I. Третья группа изображений. (Рисунок с гипсового слепка.)

Зар. 4550. Палеолит и неолит СССР.

Рис. 4. Схема расположения трех основных групп изображений на потолке грота 1.

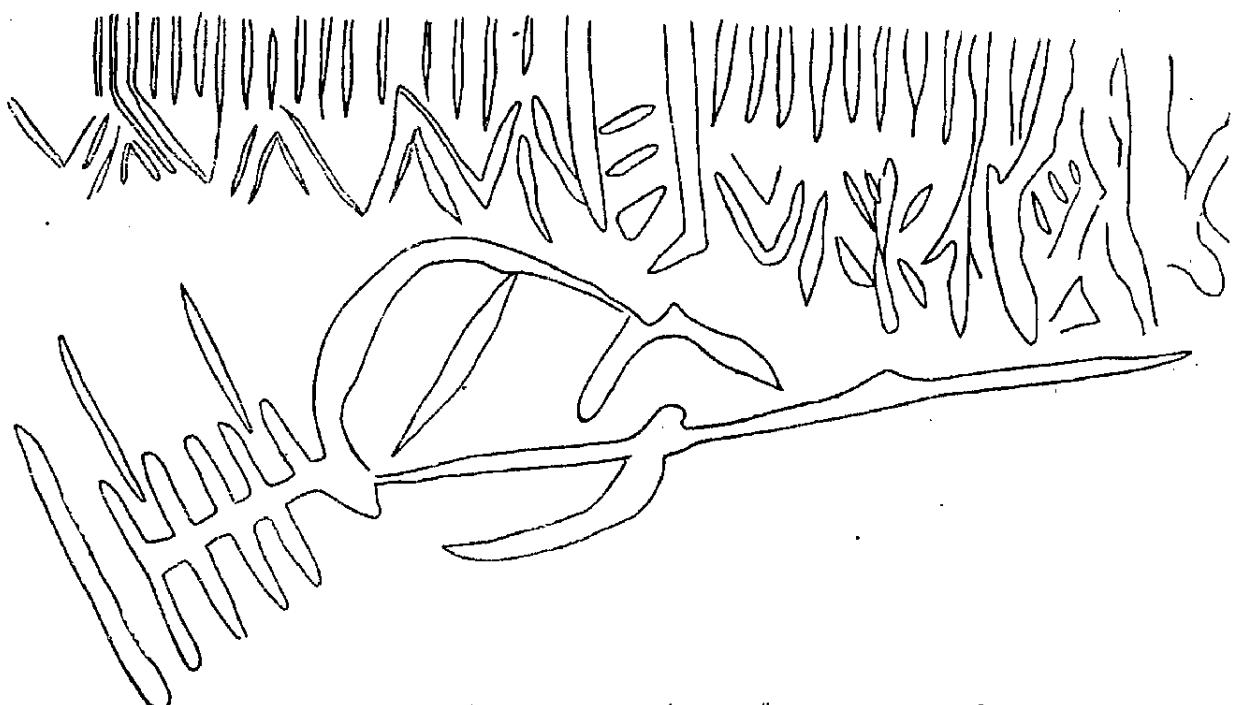

Рис. 5. Грот 1. Набросок части изображений направо от входа.

вне, так и внутри изображений. Законченность потолка следует считать явлением позднейшим.

Грот 2 находится к востоку от 1-го, пройдя узкую расселину между скалистых глыб, расположен на более низком уровне, приблизительно на половине высоты холма, в его северном конце, и открыт на север. Собственно, скорее это навес, около 9 м длиной и 3 м шириной, завешанный песком настолько сильно, что под его потолок теперь можно только вползать. Глубина грота заполнена песком почти до потолка и еле

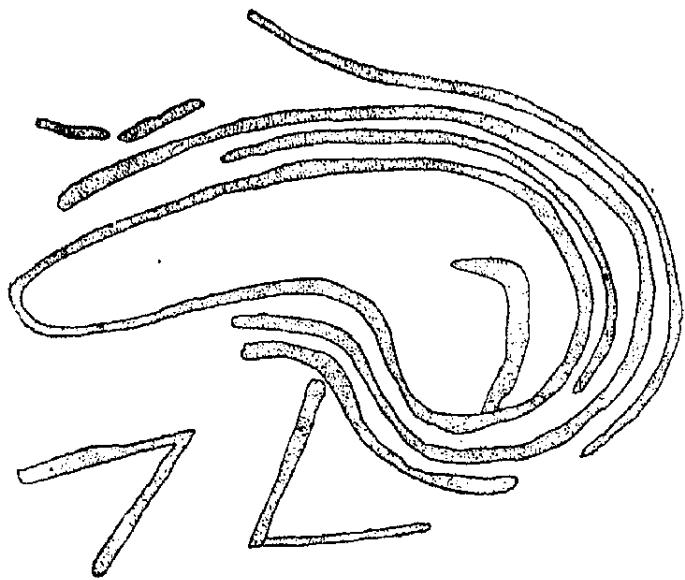

Рис. 6. Грот. 2. Одна из фигур на потолке.

доступна зренiu; возможно, что действительная длина его еще больше. В конце грота камни потолка и пола настолько сближаются, что проползти между ними в конце концов становится невозможno. Впрочем, первоначальная высота потолка и даже очертания грота могли быть иными, так как огромная скала-плита песчаника, под которой находится грот, несколько наклонна к востоку и производит впечатление осунувшейся, сползшей в том же направлении, как и другие, первоначально горизонтальные плиты этого склона холма.

Изображения начинаются на потолке почти у самого входа под навес грота с севера и кончаются в глубине грота на расстоянии около 5 м от его северного конца. Площадь, занятая изображениями, равна приблизительно 5 × 2 м.

Изображения состоят главным образом из прямых параллельных и пересекающихся линий в различных комбинациях, а также из круглых изображений (рис. 6). Среди них — нечто вроде изображения человеческой руки от плеча до кисти, с пятью пальцами, в крупном плане, а также схематическое изображение человека.

Перед входом в грот 2 нами заложен был в песке пробный участок. Он был доведен

при постоянных обвалах до глубины свыше 1,50 м, но не дал никаких находок или следов культурного слоя.

При втором посещении Каменной Могилы мною были получены от одного из местных старожилов сведения о существовании пещеры, в настоящее время совершиенно засыпанный песком, на потолке которой якобы имеются изображения коз и лошадей. Место этой пещеры было мне указано. Незначительные земляные работы позволили мне проникнуть в нее, но на потолке никаких изображений не оказалось, так что, по всей вероятности, местонахождение пещеры с упомянутыми изображениями было указано ошибочно. Однако в существовании ее я не сомневаюсь; это, видимо, именно та единственная пещера, в которой видел изображения животных — козлов и лошадей — Веселовский.

Над южным концом грота 2, в 7 м от входа в него, под карнизом выступающей на север скалы, переходя на ее козырек, находится небольшая, но сложная группа изображений. Ее основная часть, с которой нами был сделан гипсовый слепок (рис. 7), состоит из решетки внутри неправильного овала, в свою очередь обрамленного как бы короткими лучами; далее — из пересекающихся линий, елочных, древообразных фигур и четырех расположенных в ряд небольших кругов-лунок. Несколько в стороне от только что описанных начертаний находится изображение своеобразной фигуры в комбинации с несколькими короткими, параллельными и пересекающимися линиями (рис. 8).

Техника нанесения изображений здесь та же, что и в гроте 1 и в прочих пунктах. Глубина линий — от 1 мм, обычно значительно глубже, но не свыше 1 см. Ширина линий относительно большая. Все круглые лунки явно искусственные. Они не вполне круглые, что говорит о выполнении их в данном случае не с помощью сверления, а скорее всего вырезания каким-то прочным орудием.

Метрах в 10 почти прямо на север от грота 2, на склоне холма легко можно заметить почти вертикально стоящую скалу. Одна из ее сторон чистая, почти не обомшелая, желтого оттенка, видимо, представляла собой, как и во всех остальных случаях, низ огромной горизонтальной плитообразной скалы, не так давно принявшей вертикальное положение. Ее поверхность, очень неровная, с впадинами и карнизами, покрыта преимущественно в наиболее вылуковых частях многочисленными знаками (рис. 9) в виде рядов коротких параллельных линий (рис. 10), решеток (рис. 11) и пр.

Остальные известные нам на Каменной Могиле пункты с древними изображениями на скалах дают исключительно начертания

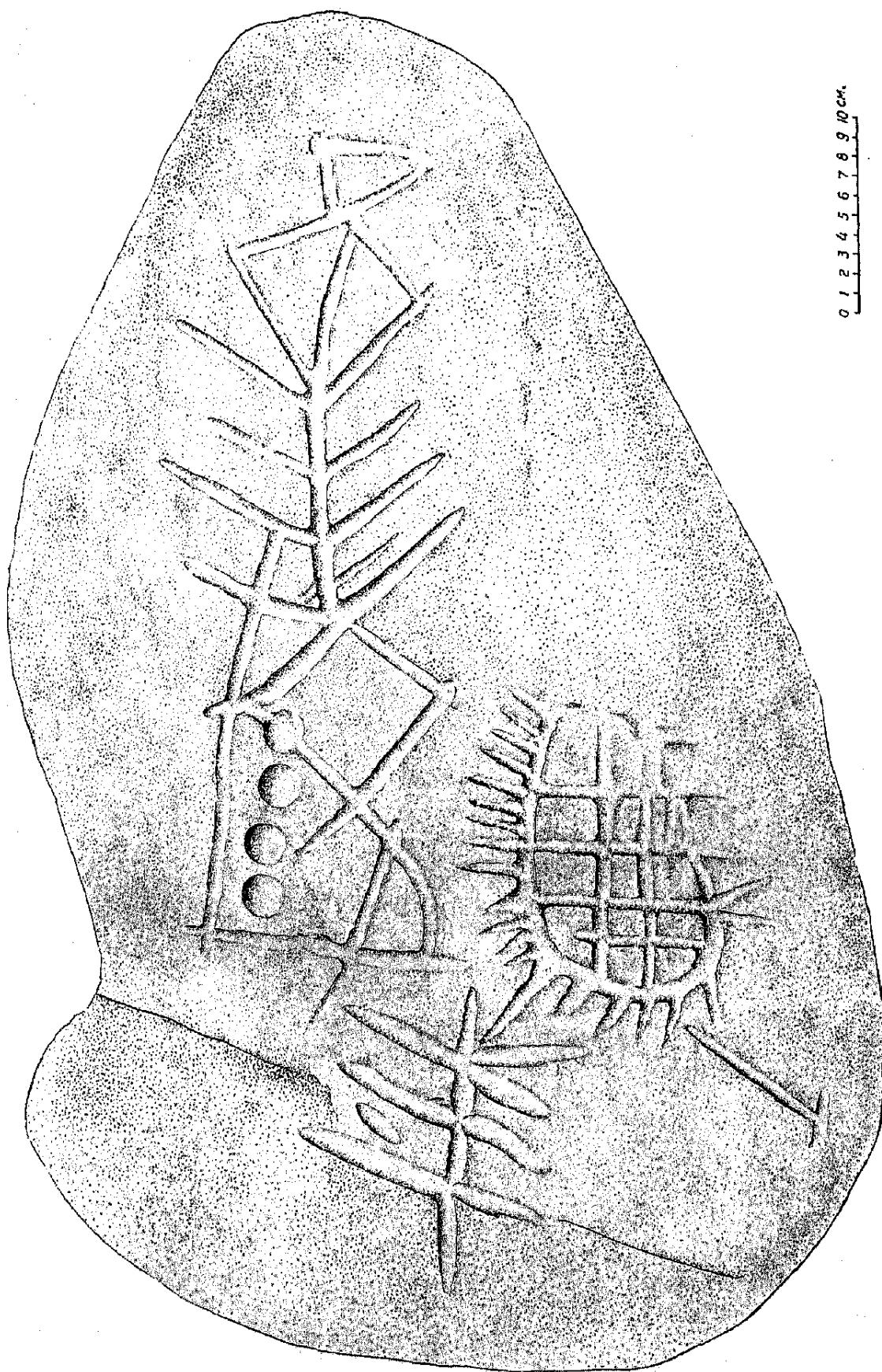

Рис. 7. Основная часть изображений на потолке небольшого навеса над гротом 2. (Рисунок с гипсового слепка.)

Зак. 4550. Палеолит и неолит СССР.

Рис. 9. Изображения на вертикально стоящей скале.

Зак. 4550. Палеолит и неолит СССР.

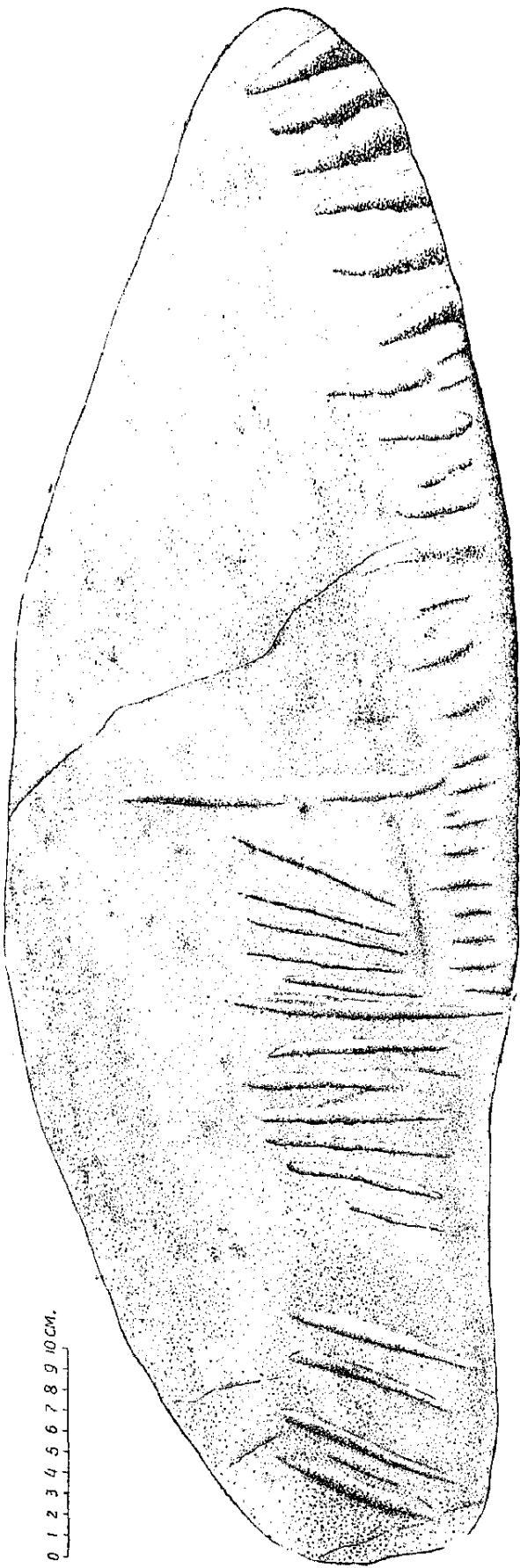

Рис. 10. Деталь знаков на вертикально стоящей скале. (Рисунок с гипсового слепка.)

Заг. 4550. Палеолит и неолит СССР.

линейно-геометрического характера. Для иллюстрации приведем схематический набросок части уходящих под землю изображений под небольшой скалой у северо-восточной стороны подошвы холма, лежащей среди выемок песка (рис. 12). Общая протяженность представленных на этом рисунке знаков — до 0,75 м.

4

Итак, перед нами новый обширный и крайне интересный комплекс памятников первобытного искусства, расположенный к тому же там, где подобные памятники не только еще не были известны, но где их трудно было и ожидать по условиям мест-

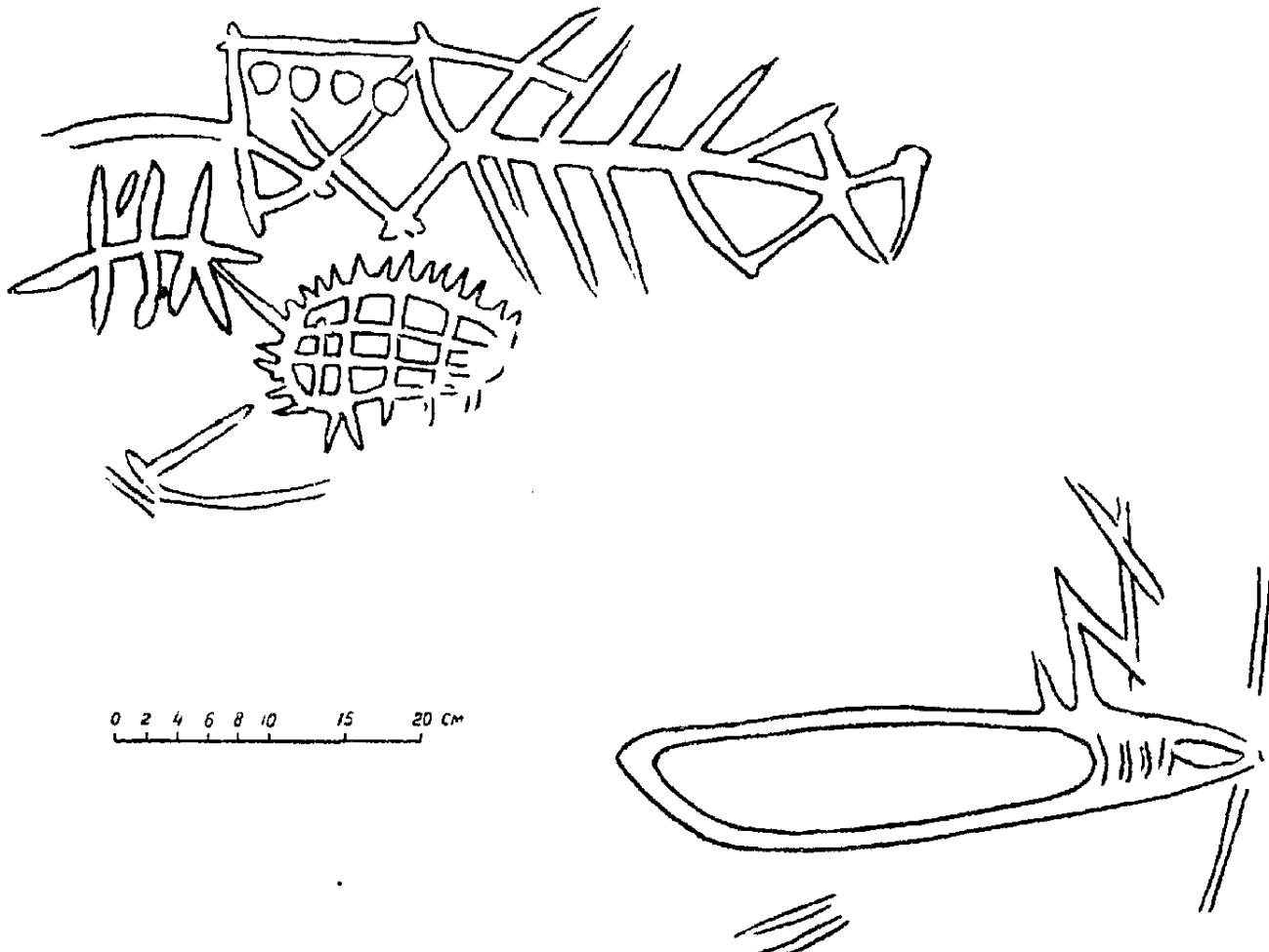

Рис. 8. Общая схема изображений над гротом 2. (По рисунку П. Я Колсмийцева.)

Таким образом мы видели, что описанные изображения представляют довольно разнообразный комплекс из линейно-геометрических начертаний, более или менее сильно стилизованных, и на ряду с ними реалистических изображений животных и людей. По материалам 1936 г., у нас нет пока достаточно реальных оснований считать их разновременными. Они однообразны и по характеру их поверхности, и по технике выполнения; а перемешанность реалистических изображений животных, изображений стилизованных и линейно-геометрических начертаний на небольшой площади потолка грота 1 говорит за то, что и те, и другие, и трети составляют здесь хронологически близкий комплекс.¹

¹ Обширный новый материал, собранный нами на Каменной Могиле в 1938 г., дал нам возможность подразделить изображения на несколько хронологически различных групп.

ности — среди равнин приазовских степей.

Изображения Каменной Могилы, обследованные во время наших первых работ, видимо, можно вполне объединить с группами изображений, наблюдавшихся здесь же Веселовским.

«Главная пещера» Веселовского и пещера у «богатырского памятника» дают знакомые нам пересекающиеся прямые и изогнутые линии. Не исключена возможность, что наш грот 2 является одной из этих пещер. В третьей пещере Веселовского рисунки отсутствовали. В четвертой «оказались грубо высеченные вглубь изображения козлов и лошадей». Не следует забывать также и слышанного Веселовским рассказа, правда, еще не проверенного, о том, что в одной из затянутых песком пещер имеются «высеченные на потолке изображения какой-то птицы и зверя в виде крокодила».

Что касается видовой принадлежности

изображений животных, обследованных нами в 1936 г., то здесь мы сошлемся на мнение некоторых специалистов, уделивших этому вопросу свое внимание.

Фигура хищника в первой группе изображений грота 1 (рис. 1) М. Н. Серебрянниковой и С. Н. Боголюбским определяется

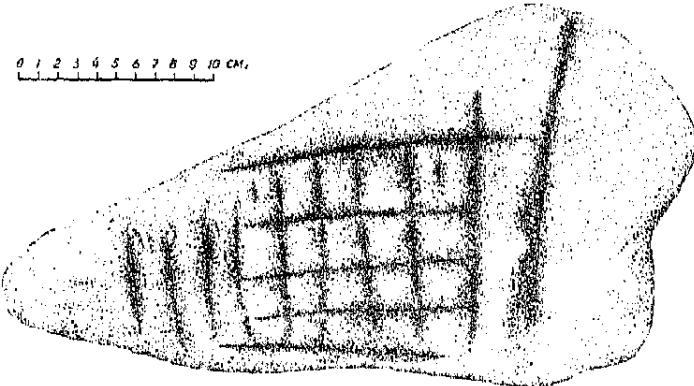

Рис. 11. Деталь знаков на вертикально стоящей скале.
(Рисунок с гипсового слепка.)

как принадлежащая волку или шакалу. В. И. Громовым она определяется как лисица или шакал. Впрочем, слишком большая схематичность этого изображения не дает возможности привести сколько-нибудь неопровергимые доводы в пользу того или иного заключения.

Относительно фигур группы второй и третьей грота 1 расхождения гораздо определенее. М. Н. Серебряникова и С. Н. Боголюбский склоняются к мнению, что во второй группе (рис. 2) три животных, за исключением верхнего, имеют характерные признаки *Cervus elaphus*, самцов различного возраста, а в третьей группе (рис. 3) изображены самка и самец того же вида.

Однако нам представляются более вероятными иные определения наших животных, сделанные В. И. Громовым. В своей специальной записке последний оговаривается, что «вполне уверенное определение изображаемых животных едва ли возможно», но все же считает, что на рис. 2 «изображены, повидимому, быки; за это говорит как весь экстерьер животных, так и наличие длинного хвоста и рогов. Судя по относительным размерам рогов, это может быть тур (*Bos primigenius*)». По мнению В. И. Громова, «наличие домашних быков здесь исключается, так как довольно хорошо переданы большие размеры и мощь животных в противоположность мелким домашним животным ранней стадии приручения, к которой мог бы относиться этот памятник».

«Другая группа при первом взгляде производит такое впечатление, — пишет В. И. Громов, — словно художник хотел представить здесь самца и самку оленя. Однако наличие длинных хвостов и рогов (у одного)

без боковых отростков заставляет меня склониться к тому, что и здесь изображены взрослый бык и молодой (или самка без рогов). Эта композиция, кроме того, очень напоминает известную палеолитическую гравюру...»

Необходимо подчеркнуть, что важнейшая задача датировки наших изображений не может быть, к сожалению, решена с помощью каких-либо сопутствующих находок остатков материальной культуры, так как последние здесь, не считая монет московского периода, отсутствовали. Правда, у входа в грот 1 нами найден небольшой кремневый отщеп, довольно широкий, тонкий, из хорошего камня, без следов патины, но он мало характерен, и датировка на нем базироваться не может. Поиски остатков древних поселений в окрестностях Каменной Могилы, наряду с раскопками самих гротов, являются одной из первоочередных задач при продолжении здесь наших работ. Таким образом единственная возможность определения изображений Каменной Могилы во времени заключается пока в их собственном характере и в соотношении их с другими, ранее изученными группами древних изображений. В настоящей публикации мы сделаем лишь некоторые предварительные сопоставления.

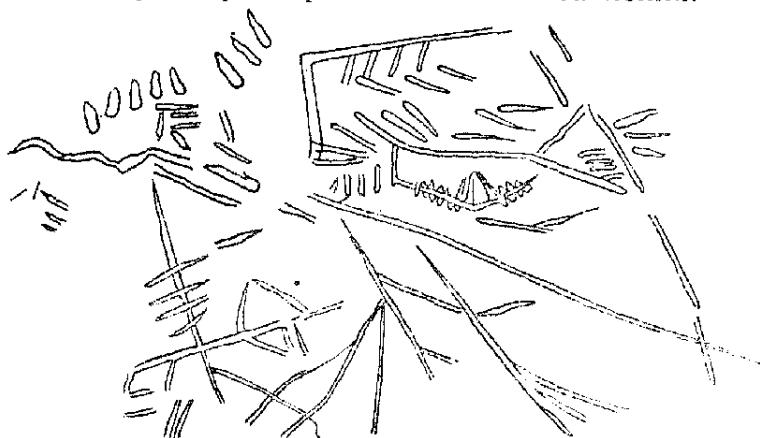

Рис. 12. Часть знаков из-под обломка скалы, лежащего среди выемок песка у подошвы холма с северо-восточной стороны. (По предварительному полевому наброску.)

За последние годы на территории СССР в области изучения наскальных изображений всеобщее внимание привлекают публикации петроглифов Карелии. Несмотря на то, что, согласно мнению целого ряда авторов, генетическая связь скандинавских наскальных изображений и по крайней мере древнейшей части карельских¹ «с образами и представлениями эпохи палеолита может быть установлена», эти изображения относятся к неолитическому времени. Сравнивая ка-

¹ В. И. Равдоникас. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря. Сов. археол., № 3, 1939, стр. 3.

рельские изображения с нашими приазовскими, нельзя не констатировать большой разницы между ними. Несмотря на наличие и там, и здесь реалистических изображений животных, наш комплекс отличается от карельского не только техникой выполнения изображений, которая может быть обусловлена различием материала, слагающего скалы, но прежде всего преобладанием в нем линейно-геометрических изображений. Подходя к вопросу о соотношении карельских и приазовских изображений во времени, необходимо учесть, что в нашем комплексе почти отсутствуют изображения, которые свидетельствовали бы о наличии в соответствующем обществе развитых космических представлений, что, наоборот, столь характерно для карельских петроглифов. Приазовский комплекс следует считать более древним. Впрочем, в датировке наших изображений сопоставление их с карельскими вряд ли может иметь решающее значение.

Гораздо интереснее сопоставления, ведущие нас в область Средиземья. Мы имеем здесь в виду прежде всего недавнюю находку С. Н. Замятнина в гrotах Мгвимеви (Закавказье). Описанные им начертания «не представляли реалистических изображений, а имели вид схематических знаков линейно-геометрического характера». ¹ Начертания Мгвимеви по своему характеру вполне соответствуют основной части начертаний Приазовья, но это сопоставление нельзя считать надежным, так как начертания Мгвимеви слишком немногочисленны и слишком несложны. Как известно, начертания Мгвимеви датируются кремневым инвентарем и фауной, заключенной ниже в известковой корке, покрывающей отчасти и упомянутые начертания. Кремневый же инвентарь Мгвимеви, по С. Н. Замятину, «в переводе на западноевропейскую хронологическую схему не превосходит, повидимому, древне-мадленского возраста».

Обращаясь «к сравнительному изучению начертаний, найденных в Мгвимеви, на первый взгляд так непохожих на богатейшие памятники палеолитического искусства Франции и Испании», С. Н. Замятин ² справедливо отмечает, «что и в этих странах изобразительная деятельность первобытного человека вовсе не исчерпывается реалистическими фигурами животных». После ряда вполне убедительных сопоставлений с памятниками Франции, Испании и северной Африки он приходит к заключению, «что открытые в Мгвимеви начертания приближаются к палеолитическим гравировкам за-

падной части Средиземноморья...», что именно последним они особенно близки.

На ряду с этим необходимо подчеркнуть, что тот же автор, изучивший кремневый инвентарь целого ряда палеолитических местонахождений Грузии, базируясь на особенностях этого инвентаря, сделал не менее важный вывод о близости материальной культуры верхнепалеолитических пещер Грузии «с местонахождениями этого времени Средиземноморского бассейна». ¹ К тому же пришел в своей известной работе П. П. Ефименко. «Что позднесакской индустрию, — читаем мы у него, ² — удерживающуюся на берегах Средиземного моря вплоть до конца палеолитического времени и возникновения оседлых родовых поселений неолитической эпохи, нельзя рассматривать как чисто местный вариант техники обработки кремня, сложившийся в западном Средиземье; что она имеет очень широкое распространение в тех же условиях значительно далее к востоку, показывают находки, сделанные в пещерах Крыма и Закавказья».

Работы 1936 г. Азово-Черноморской экспедиции ИИМК АН УССР позволили нам сделать предварительный вывод об отсутствии в северном Причерноморье остатков «поселений типично-неолитического облика. В то же время там устанавливается наличие многочисленных позднезипалеолитических стоянок. Эта особенность сближает украинское Приморье с Крымом», ³ а следовательно, в известной мере с восточным Средиземноморьем вообще.

На этом фоне общего сходства в развитии первобытного общества определенных эпох в Средиземье, включая сюда и наше Причерноморье, наши дальнейшие сопоставления приобретают особый интерес.

Не подлежит сомнению тот факт, что «если в пещерных росписях Франции и северной Испании геометрические начертания все же встречаются в значительном меньшинстве, то по мере продвижения на юг Пиринейского полуострова количество их возрастает». ⁴ Чрезвычайно обильный материал в этом направлении мы находим у Брейля в четырех томах его последней работы, посвященных пещерному искусству Испании, к которым мы еще вернемся. Опубликованные же Брейлем памятники, подтверждая лишь общее тяготение наших приазовских

¹ С. Н. Замятин. Новые данные по палеолиту Закавказья. Сов. этнogr., № 2, 1935, стр. 116.

² П. П. Ефименко. Дородовое общество. ОГИЗ, 1934, стр. 492.

³ О. Н. Бадер. Две экспедиции по изучению палеолита в северном Причерноморье. Антроп. журн., № 1, 1937.

⁴ С. Н. Замятин. Пещерные навесы близ Чиатуры. Сов. археол., № 3, 1937.

¹ С. Н. Замятин. Пещерные навесы Мгвимеви, близ Чиатуры (Грузия). Сов. археол., № 3, 1937, стр. 57.

² Ук. соч.

изображений к областям Средиземья, не дают разительных аналогий с Приазовьем и, отличаясь от них к тому же по технике выполнения, относятся преимущественно к более позднему времени.

В смысле близости к приазовским — как

Рис. 13. Наскальные начертания из Joignes (Aisne, Франция).

по содержанию, так и по технике выполнения — нельзя не обратить внимания на геометрические начертания из Joignes (Aisne) во Франции, изданные Алькальде-дель-Рио, Брейлем и Сиерра по фотографии Капитана в их известной работе¹ (рис. 13), и на более сложные начертания из Seinne-et-Marné в виде прямых пересекающихся линий, решеток и пр. (рис. 14), нарезанные, как и мелитопольские, на поверхности песчаниковых скал.² Авторы считают возможным отнесение их к донеолитическому времени и сравнивают их, так же как и предыдущие, с аналогичными начертаниями испанского грота Вента де-ла-Перра (рис. 15). В этом последнем, наряду с линейными начертаниями, находятся выгравированные изображения животных значительно более схематизированные, чем в классических гротах с памятниками палеолитического искусства Франции и Пиренеев, но все же выполненные в натуралистической манере. Эти изображения, в отличие от наших, прочерчены лишь по контуру. Несмотря на столь различный характер изображений Вента де-ла-Перра, авторы не думают, что линейно-геометрические начертания там моложе натуралистических изображений животных, относя таким образом, и первые и вторые ко времени палеолита, предположительно к ориентику.

Для подтверждения полной возможности отнесения реалистических изображений животных и линейно-геометрических начертаний грота Вента де-ла-Перра к хронологиче-

¹ H. Alcalde del Rio, H. Breuil et L. Sierra. Peintures et gravures murales des cavernes paléolithiques. Monaco, 1911, стр. 247.

² Там же, стр. 6.

ски единому комплексу можно использовать грот Романелли, находящийся в южной части Апеннинского полуострова. В этом гроте мы видим¹ весьма близкие нашим приазовским сложные линейно-геометрические начертания, «вырезанные» на поверхности скалы, и здесь же, наряду с ними, реалистические изображения животных (рис. 16), выполненные, однако, более схематично, чем в большинстве пещер Франции, и приближающиеся в этом смысле к вышеупомянутым изображениям животных в гроте Вента де-ла-Перра.

Изображения грота Романелли также относятся к верхнему палеолиту.

Еще большую близость к нашим приазовским представляют изображения, недавно обследованные и частично изданные Воффреем из скалистых навесов Фум-Бир-Сейд и Ле-Дю из навеса Килен.² Эти памятники находятся в северной Африке и содержат культурные остатки верхне-капсийского типа. Древние изображения этих навесов представляют собой, подобно начертаниям Каменной Могилы, процарапанные на поверхности скалы прямые, параллельные, пересекающиеся и изогнутые линии (*Ibid.*, fig. 1), более сложные сочетания тех же элементов (рис. 17), решетки (рис. 18), заполненные параллельными линиями длинные треугольники (*Ibid.*, fig. 6), ряды небольших круглых лунок и пр.

Дата гравировок навесов Фум-Бир-Сейд и Килен определяется условиями их расположения под навесом Килен, где они были наполовину прикрыты культурными отложениями с остатками верхнекапсийского времени.

Обращаясь к поздним изображениям гротов Иберийского полуострова, изданным недавно Брейлем,³ мы можем констатировать лишь некоторое общее сходство их с нашими приазовскими, заключающееся в преобладании там и здесь элементов схематизма. Позднейшие изображения Иберии не дают столь ярких аналогий с приазовским комплексом, как мы наблюдали это выше в отношении некоторых позднепалеолитических гротов Франции, Испании, Италии и северной Африки. Кроме того, они отличаются и по технике выполнения, будучи нанесены красками, преимущественно красной.

Схематическое искусство гротов Испании, в особенности юго-восточной части полуострова, датируется Брейлем преимуще-

¹ Regalia e Stasi. Grotta Romanelli (Castro, terra d'Ornanto). Archivio per l'Antropologia e l'Etnologia, т. XXXV, вып. 2, 1905.

² R. Vaufrey et Le Du. Gravures rupestres capsiennes. L'Anthropologie, т. XLIV, № 3—4, 1934, стр. 327.

³ H. Breuil. Les peintures rupestres schématiques de la péninsule Ibérique, I, II, III (1933), IV (1935).

ственno временем неолита и даже энеолита. Мы видим здесь многочисленные изображения в виде елочек и других растительных мотивов, схематические изображения людей и животных, подчас домашних, фигуры в виде лестниц, металлические кинжалы и пр.,

характеризующуюся более реалистическими изображениями, и относят ее к эпипалеолитическому, в частности азильскому, времени. Обермайер весьма убедительно показал тождество некоторых изображений этой группы с фигурами на раскрашенных гальках Мас-

Рис. 14. Наскальные начертания из Seine-et-Marne (Франция).

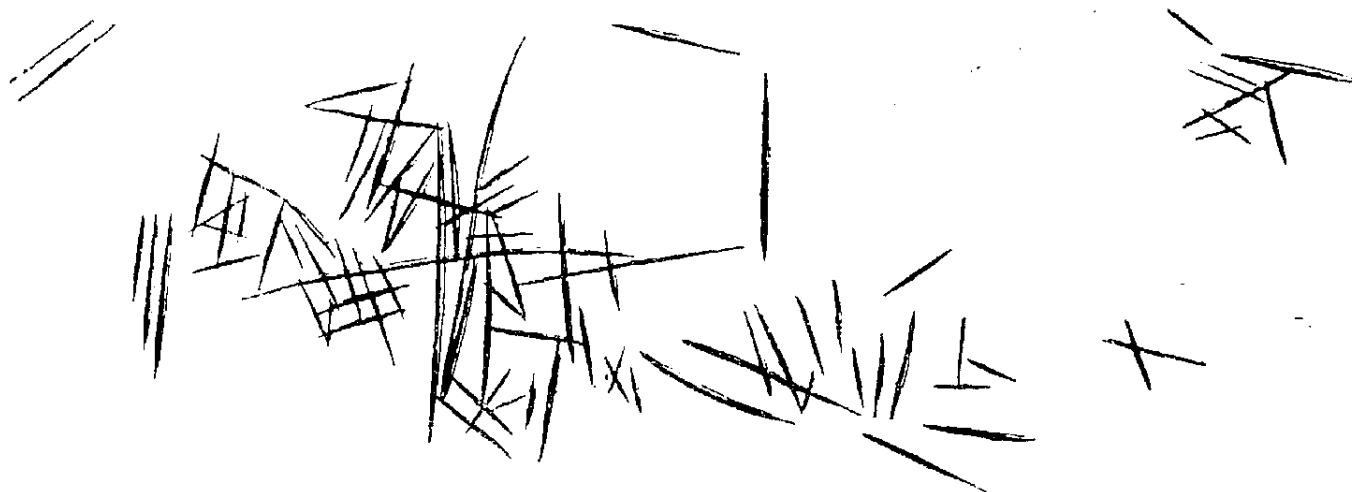

Рис. 15. Наскальные начертания из Venta de la Perra (Испания).

а также солярные и лунарные изображения, столь знакомые нам по Карелии, где они интерпретируются некоторыми исследователями как охотничьи капканы. Однако Брейль и Обермайер различают в пещерном искусстве южной Испании некоторую часть,

д'Азия.¹ В целом ряде местонахождений

¹ См., напр., его последнюю работу: Hugo Obermaier. Nouvelles études sur l'art rupestre du Levant espagnol. L'Anthropologie, т. 47, №№ 5–6, 1937, стр. 477. Г. Обермайер склонен древнейшую часть схематических изображений Испании относить к палеолиту.

изображения этой группы перекрываются позднейшими изображениями. Известны также случаи непосредственной близости их с азиль-тарденузскими культурными отложениями. Рядом авторов устанавливается генетическая связь между этой группой изображений и позднейшими изображениями эпохи неолита и энеолита, вплоть до изображений на мегалитах.

Рис. 16. Изображения из грота Романелли (Италия).
(По Регалья и Стази.)

В этой связи большой интерес для нас представляют изображения, недавно обнаруженные Д. А. Крайновым в западном Крыму, под одним из скалистых навесов Таш-Аир. Они нанесены красной краской (!) и состоят из фигур людей со щитами, животных и пр., а также из знакомых нам фигур в виде лестниц, которым в Испании сопутствуют изображения металлических кинжалов.¹

Мы полагаем, что изображения Таш-Аир относятся к эпохе бронзы.

При сопоставлении их с комплексом Каменной Могилы вряд ли может оставаться место сомнению, что последний является более ранним. Но в то же время оба комплекса сближают их более или менее схематический характер.

Таким образом все три причерноморских памятника пещерного первобытного искусства — Мгвимеви, Каменная Могила и Таш-Аир — обнаруживают явные черты сходства с аналогичными памятниками Средиземья. Как было показано, комплекс изображений

Каменной Могилы тяготеет к мадленским изображениям Мгвимеви и к целому ряду палеолитических изображений северной Африки, Италии, Испании и Франции. В то же время нельзя не обратить внимания на своеобразное выполнение фигур на Каменной Могиле — иное, чем в упомянутых палеолитических памятниках западного Средиземья.

Конечно, приведенные выше аналогии недостаточны для сколько-нибудь точного определения описанных в настоящей публикации памятников во времени, но общую ориентировку они дают. Нам представляется наиболее вероятным, что приазовские изображения относятся к концу палеолита, т. е. к позднекапсийской эпохе стоян Средиземья, по другой же терминологии — ко времени стоянок солютуре-мадленского и эн-палеолитического облика. К слову, стоянка мадленской эпохи недавно открыта в Приазовье близ Амвросиевки, остатки же микролитоидного инвентаря не раз установлены

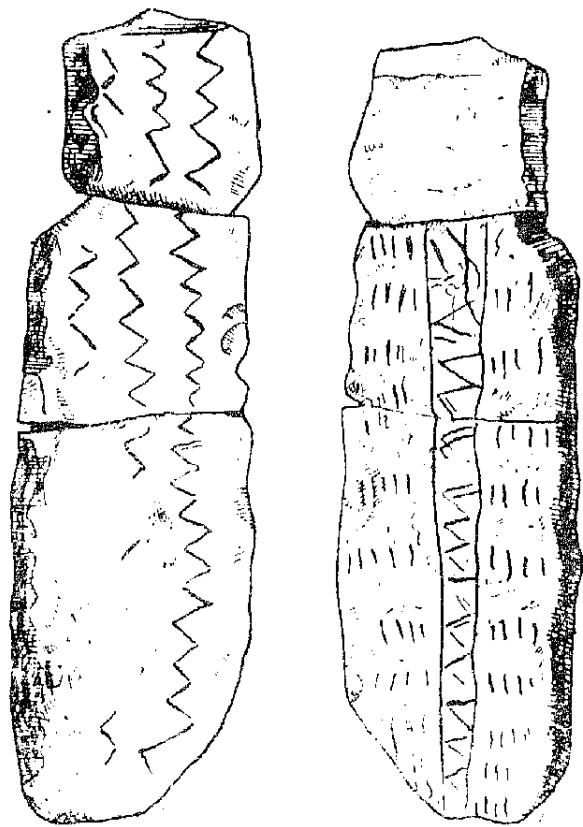

Рис. 19. Одна из каменных „чуринг“ со стоянки Балаклавы (Крым). (Нат. вел.)

нами при проведении Азово-Черноморской экспедиции, причем стоянки эти, как и в Крыму, конца каменной эпохи.

В пользу нашего заключения до некоторой степени говорит также факт изображения здесь туров. «Если наше предположение о том, — пишет в своей записке В. И. Громов, — что на рисунках изображены туры,

¹ H. Breuil. Les peintures rupestres schématiques de la péninsule Iberique. IV, 1935, [стр. 74, фиг. 37. (Изображение из района Теруэля.)

Рис. 17. Линейно-геометрические начертания из навеса Фум-Бир-Сеид (сев. Африка). (По Вофрею, 1/7 нат. вел.)

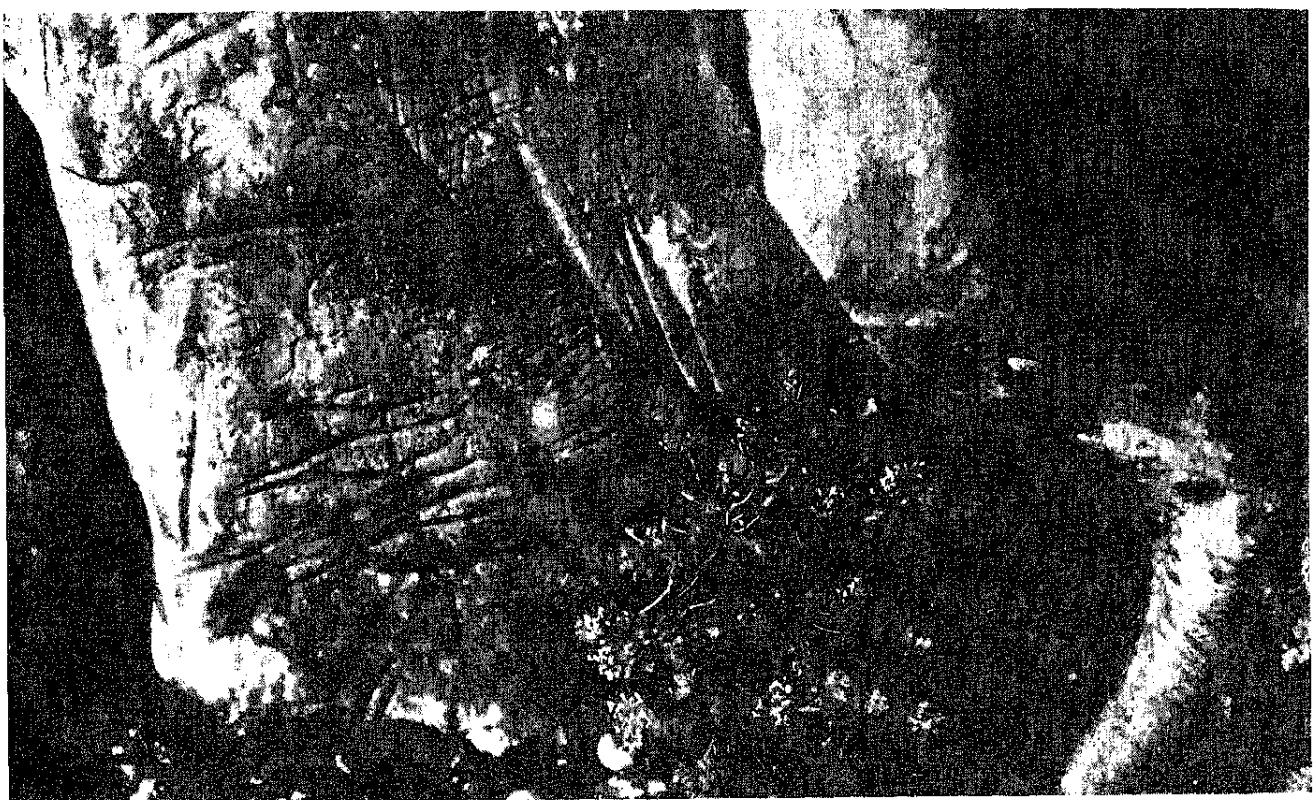

Рис. 18. Линейно-геометрические начертания из навеса Килен (сев. Африка). (По Ле-Дю, 1/3 нат. вел.)
Зак. 4550. Палеолит и неолит СССР.

правильно, то возраст рисунков можно было бы предположительно отнести к эпипалеолиту (азиль-тарденуз) в связи с особым распространением этих животных на данной территории именно в позднечетвертичное время». Фигуры животных мы склонны датировать позднепалеолитическим временем. Небезинтересно указать на относительную близость орнаментов, нацарапанных на гальках и каменных пластинках, с крымской

микролитической стоянки Балин-кош к линейно-геометрическим мотивам изображений Каменной Могилы и к изображениям на гальках Мас д'Азия (рис. 19). Отношение этих «чуринг» с Балин-кошом к эпипалеолиту наиболее вероятно.

Надо надеяться, что при продолжении работ на Каменной Могиле нам удастся, помимо новых изображений, получить более ясные указания и о времени их нанесения.

С. Н. Бибиков

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ УЛИТОК *HELIX* В ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

(По материалам Крымской палеолитической экспедиции в 1935—1936 гг.)

Одной из весьма характерных особенностей стоянок позднепалеолитического времени является присутствие в них остатков моллюсков рода *Helix*. Раковины этих улиток известны из стоянок Западной и Южной Европы, известны они также из позднекаппийских местонахождений Средиземноморского побережья африканского материка и из крымских позднепалеолитических стоянок. Массовое появление улиток *Helix* обычно

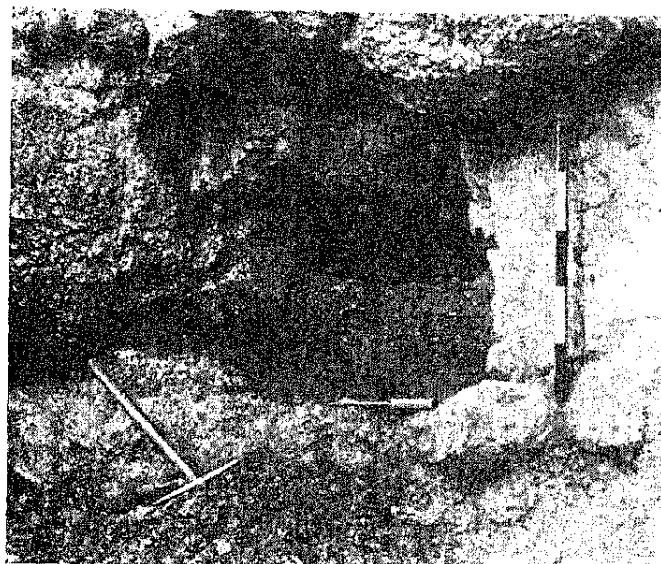

Рис. 1. Кладовая улиток в глубокой нише в стене навеса Шан-коба. Процесс расчистки.

связывают с окончанием последнего ледникового периода и установлением теплого и влажного климатического режима, способствующего усиленному размножению названного моллюска. В условиях Крымского полуострова, где угасание ледниковых явлений сопровождалось наступлением климатического оптимума, улитки *Helix vulgaris* получают широкое распространение и делаются предметом усиленного собирательства, дополняя пищевые ресурсы охотничьих коллектиков. О важном значении съедобных улиток *Helix* в хозяйстве древних обществ в Крыму

свидетельствуют многочисленные факты, полученные в результате раскопок ряда стоянок позднепалеолитического времени. Раковины этих улиток встречаются в виде достаточно мощных горизонтов в навесе Шан-коба (3-й слой) и Замиль-коба. В меньших количествах они обнаружены в скалистых убежищах Фатыма-коба, нижнем слое Шан-коба, Сюрень II, Черкез-керменском гроте, Юсуф-коба I и др. Усиленное собирание улиток не только предполагало поедание их сейчас же после сбора, но и заготовление их впрок, используя для этой цели сырье углубления в скалах. Одна из таких кладовых была найдена в 1935 г. в навесе Шан-коба (рис. 1). Она представляет собой глубокую (до 1 м 10 см) камеру в скале, заполненную раковинами улиток, в толще которых сохранился длинный обломок рога благородного оленя, служивший для выгребания улиток. Выработался определенный прием приготовления их в пищу, описание которого и приведено настоящая заметка.

В процессе раскопок навеса Шан-коба обратили на себя внимание два факта. Во-первых, раковины улиток в значительной своей части сохранились целыми, особенно в местах, удаленных от центра жилых площадок, очагов и пр., и, во-вторых, раковины улиток не носят на себе никаких следов действия огня. Предположение о том, что улитки перед употреблением в пищу подвергались варке, вряд ли имеет основания, так как в слоях, где они находились, не встречается вовсе керамики. Вряд ли вероятно и предположение об употреблении в пищу улиток в сыром виде. Опытным путем нами установлено, что извлечь тельце улитки из раковины, не повредив последней, невозможно, употребляя даже железный крючок.¹

Под действием огня костра или тлеющих углей в течение непродолжительного времени (2—3 мин.) тельце улитки чрезвычайно легко отделяется от раковины. Однако и этот спо-

¹ Опыты производились над улитками *Helix pomatia*.

соб приготовления улиток в пищу тоже не имел места. Даже столь непродолжительное время нахождения улиток в огне или на горячих углях разрушительно отзывается на их раковинах. Сначала появляются палевые пятна, затем раковины принимают белесоватую окраску и рассыпаются при прикосновении.

Восстановить способ приготовления улиток в пищу оказалось возможным после обнаружения ямки в навесе Шан-коба. Эта ямка представляет собой небольшое углубление, близкое к полусферической форме (рис. 2). Размеры ее: ширина в направлении север — юг 22 см, наибольшая глубина 14.6 см. Северная часть ямки оформлена довольно круто, южная более отлогая. К сожалению, она сохранилась не полностью, будучи обнаруженной на срезе траншеи 1928 г. Об истинных размерах ее можно лишь догадываться. Вероятно, ширина ее в направлении восток — запад не выходила за пределы размеров, указанных в направлении север — юг. Ямка была сплошь заполнена раковинами улиток *Helix vulgaris*.

При закладке шурфа в навесе Юсуф-коба I (1936) тоже была встречена подобная ямка, опять-таки заполненная раковинами улиток *Helix vulgaris*, среди которых были найдены и угольки. Ширина ямки из Юсуф-коба I — 30 см, глубина — 17 см. Одна из стенок крутая, другая более пологая. Эта ямка относится к тарденузской прослойке культурных напластований навеса. Не остается сомнений в том, что обе обнаруженные ямки служили для приготовления улиток в пищу. Опыт, поставленный нами в ямке, взятой по размерам найденной в Шан-коба, подтвердил это. Заполнив ямку улитками, предварительно оживив их водой, был разведен небольшой костер над слегка присыпанной землей ямкой. В течение 15 мин. все находящиеся в ямке улитки были умерщвлены, тельца их оказались размягченными и легко отделимыми от раковин. Последние сохранили свой есте-

ственный цвет и не подверглись разрушению. Вполне возможно, что только таким способом улитки приготавливались в пищу обитателями крымских позднепалеолитических убежищ. Вероятно также, что предварительно ямки обкладывались листьями для предохранения улиток от загрязнения землей. Подтверждением этому служит почти полное отсутствие земли, например, в ямке из Шан-коба.

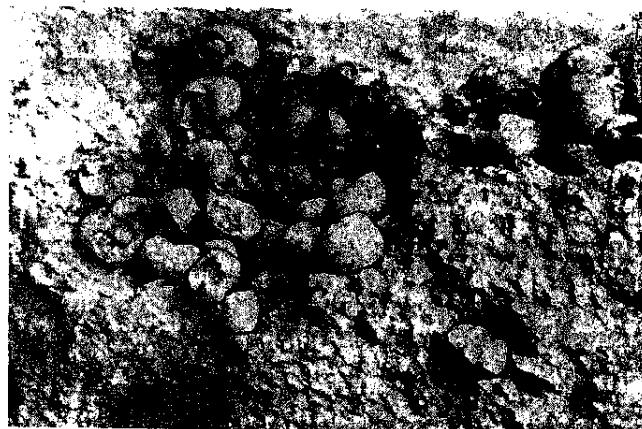

Рис. 2. Шан-коба. Ямка с раковинами улиток.

Современный способ приготовления улиток *Helix* в пищу, практикующийся у ряда народов (греки, французы и др.), в основе которого лежит варка улиток, не имеет ничего общего с древним способом.

В заключение следует указать на некоторую трудность обнаружения ямок в условиях однородности слоя. В обоих случаях выделить их удалось по косвенным признакам: во-первых, на срезе и, во-вторых, выходящими нижними границами за пределы слоев, содержащих улиток. Надо полагать, что и в самых слоях имели место следы таких же ямок, но выявить их с полной достоверностью не удалось.

М. В. Воеводский

СТОЯНКА ГРЕМЯЧЕЕ

Стоянка Гремячее принадлежит к числу очень немногочисленных памятников раннего мезолита — одного из наиболее темных периодов в истории первобытного общества Европы.

Количество известных до настоящего времени стоянок этого типа чрезвычайно незначительно, а более или менее хорошо изученные насчитываются единицами. Поэтому публикация материалов о каждой из таких стоянок представляет большой интерес.

Описываемая стоянка была впервые открыта и раскопана в 1898 г. археологом-любителем Н. И. Булычевым.¹

Раскопки его, произведенные без всякой системы, не дают надлежащего представления о памятнике, а добытый материал остался по существу совершенно не освещенным.

Булычев описывает памятник следующим образом:

«Гора, по которой раскинуто село Гремячее, спускается к правому берегу Оки, сперва крутым обрывом, а затем волнистыми холмиками, отделенными друг от друга небольшими овражками и долами, образованными водами и течением ручейков, которыми изобилует вся местность.

«Последний бугор имеет яйцевидное очертание и тянется вдоль самого берега реки.

«К западной оконечности бугра прилегает курганчик. Верхняя часть горки представляет довольно ровную площадку, с небольшими покатостями по краям, но так как остов самого бугра состоит из куполообразной каменной горки, то понятно, что земляной покров не распределен по ней равномерно. На самом высоком месте, т. е. почти на середине горки, камень выступает наружу; в общем по площадке слой чернозема имеет от $\frac{1}{2}$ до 2 арш. толщины, на краях же бугра, образованных из мягкого сыпучего чернозема, слой этот достигает в толщину до 4 аршин. Между черноземом и камнем идет тонкий прослоек белого песка».

Раскопками, произведенными по «бугру»,

его краям и у подошвы, обнаружено следующее:

Кости, черепки и вещи попадались сравнительно в небольшом количестве на разных глубинах, но всегда выше прослойки белого песка.

Обыкновенно черепки, кости, уголь и пепел лежали вместе; бронзовые, каменные и костяные предметы попадались большей частью тут же, но иногда встречались совершенно отдельно, кое-где поодиночке. Найденные кости принадлежали мелким грызунам, мелким хищникам и птицам (гусь, курица); более всего встречались остатки от скелетов лошадей, коров, лосей и свиней; изредка попадались рыбьи кости.

На северо-восточном склоне бугра найдено 2 топора, каменные обломки скребков, каменных ножей и т. д.; кремневые обломки встречались изредка и по другим местам бугра. Из описания найденных на бугре предметов и их изображения ясно, что почти весь материал, добытый на бугре, относится к остаткам селища раннедьяковского типа. Об этом говорит прежде всего большое количество обломков глиняных сосудов с сетчатой поверхностью и ямочным и шнуровым орнаментом, типичный костяной, бронзовый и железный инвентарь и наличие костей домашних животных.

Кроме того, на площади того же бугра было собрано очень небольшое количество поздненеолитической керамики с ямочным орнаментом (Булычев, табл. VI, 8, 10, 11, 14), которая, по словам автора, встречалась очень редко, и несколько каменных орудий.

Совершенно иную картину представляет расположенный рядом холмик, описанный Булычевым следующим образом: «Курган или вал, находящийся у западного подножья бугра, имел, вероятно, первоначальную форму прямоугольника с закругленными краями. Курган был насыпан из разной земли, песка и глины. Примерно на глубине 1 арш., считая от верхнего дернового покрова, встречен пласт около 1 арш. толщины, очень плотного песчанистого сероватого суглинка. Под ним шел сперва небольшой слой бе-

¹ Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. Москва, 1899.

лого песка, а затем тонкий, часто прерывающийся прослой ила. Под этим илом была плотная желтая глина и, наконец, каменистый грунт.

экспедицией Гос. Музея антропологии и Московского отделения ГАИМК под руководством М. Воеводского.

В результате обследования выяснилась

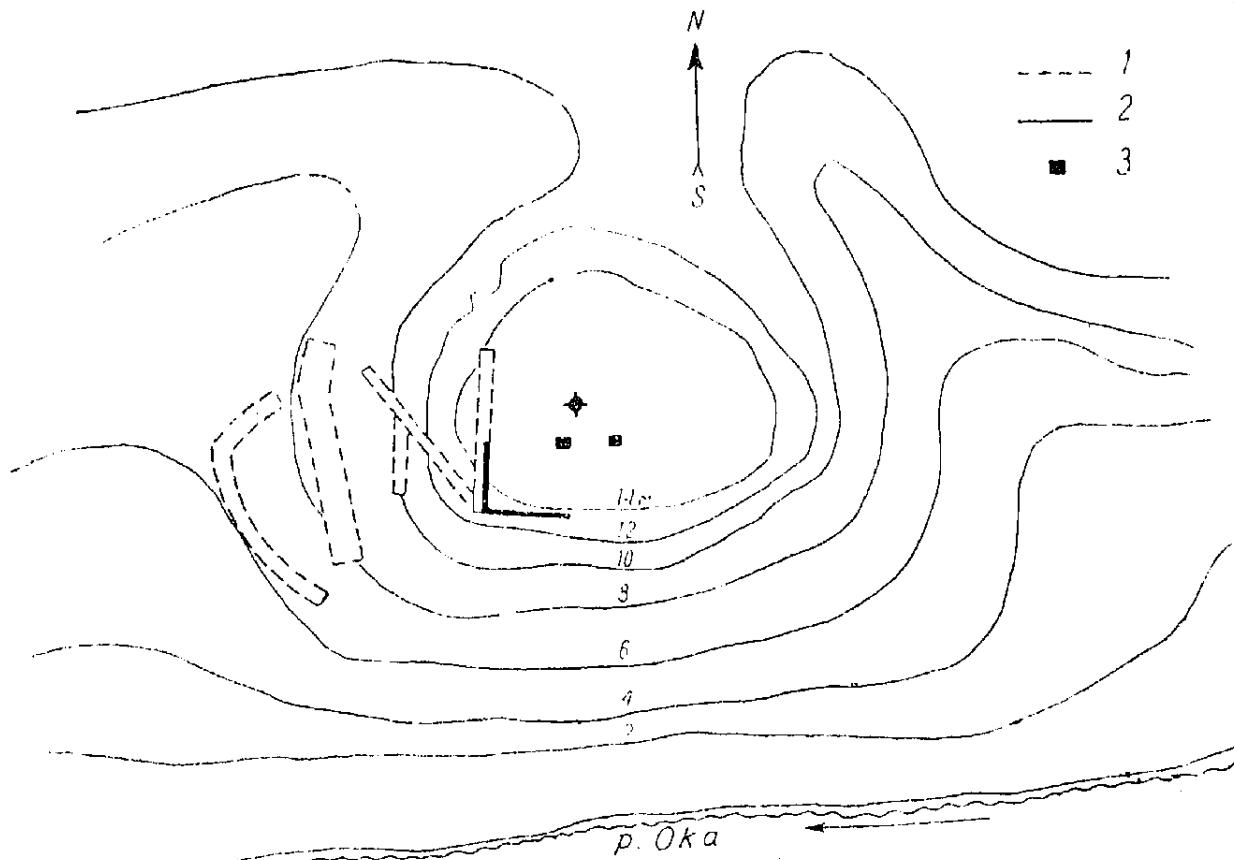

Рис. 1. План стоянки Гремячес.

1 — трапециевидное Булычева; 2 — зачистка Окской экспедиции 1936 г.; 3 — шурфы Окской экспедиции.

N

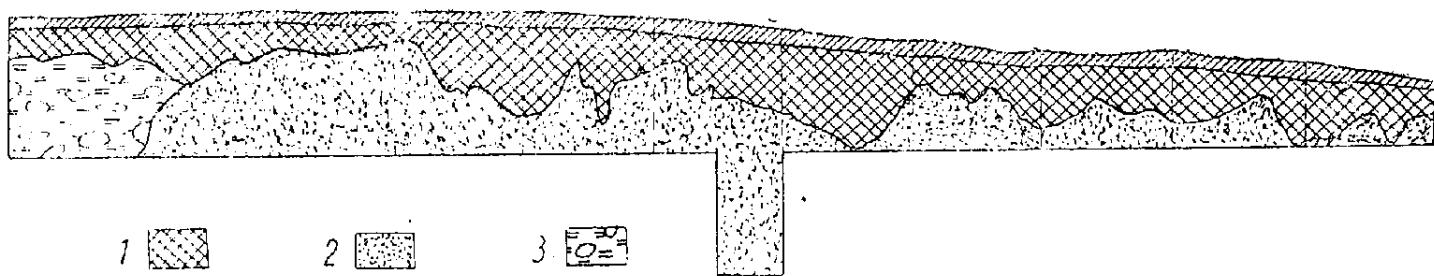

Рис. 2. Профиль стоянки I по трапеции Булычева.

1 — культурный слой черный песчаний; 2 — светло-желтый речной песок; 3 — красная и серая глина с известняком и северными валунами.

«В юго-западном углу кургана, в верхней части пласта плотного суглинка, найдены почти все каменные предметы и осколки кремней. В восточной оконечности кургана, в виде исключения, подняты 2 черепка из глины».

Среди найденного на «кургане» материала лишь несколько предметов относятся к позднему неолиту, весь же остальной кремневый инвентарь, состоящий из большого количества ножевидных пластинок, осколков и небольшого количества орудий, — к раннему мезолиту.

В 1936 г. памятник был обследован Окской

следующая картина. Открытая Булычевым стоянка расположена на небольшом останце боровой террасы, отделенной от коренного берега Оки широкой низкой ложбиной, охватывающей бугор останца с трех сторон. С четвертой, южной, стороны основание его омывается Окой. Останец имеет вид небольшого холма с плоской, слегка выпуклой вершиной и пониженным покатым склоном с западной стороны (рис. 1). Высота верхней площадки над уровнем реки равна 14—15 м. Во время весеннего разлива вода заполняет ложбину между холмом и коренным берегом, и холм превращается в остров. Вершина

холма не заливается никогда. Ядро его сложено из известняка, выходящего на поверхность на вершине и на подмываемых рекой южном и восточном склонах. Поверх известняка на верхней площадке залегает слой (мощностью до 50 см) пластичной серой и желтой глины, прикрытой тонким песчаным интенсивно черным культурным слоем. Юго-западный, пониженный склон холма сложен из мощных, утолщающихся к подножию слоев светлого речного песка с иловатыми прослойками.

Эти аллювиальные отложения подстилаются также известняком. Черный культурный слой, одевающий поверхность площадки холма, выклинивается на западном склоне. Поверхность всего холма задернована. Во время обследования, с целью проверки данных Булычева и нахождения ненарушенных участков, было заложено 2 шурфа и произведена большая зачистка склона и стенки траншеи Булычева в юго-западной части площадки (рис. 2) и ряд мелких зачисток на западном склоне. Произведенные работы показали, что черный культурный слой, покрывающий верхнюю площадку бугра, содержит исключительно материал селища дьяковского типа с типичной керамикой и костями диких и домашних животных. На всей площадке в многочисленных ямах для добывания известняка и в шурфах было найдено лишь несколько нетипичных кремневых осколков.

Весь остальной кремневый инвентарь, состоящий из нескольких орудий и ножевидных пластинок, был собран в зачистках на западном склоне. В большой зачистке на юго-западном углу площадки удалось установить, что кремневые пластинки залегают в песке значительно ниже дьяковского культурного слоя.

К сожалению, памятник настолько изрыт ямами для ломки известняка и старыми траншеями Булычева, что проведение серьезных раскопок на нем оказалось невозможным. Следы раскопок Булычева хорошо заметны в виде беспорядочно расположенных заплывших траншей на западном склоне холма.

Описываемое под именем «кургана» возвышение в конце юго-западного склона в настоящее время почти не выделяется над общим уровнем склона холма.

Судя по описанию Булычева и результатам обследования 1936 г., можно считать, что на описанном останце имеются остатки трех поселений разного времени.

На верхней площадке холма было расположено небольшое селище раннедьяковского времени, а на юго-западном склоне — древняя стоянка свидерского типа, характеризующаяся прекрасными ножевидными пластинками и типичными архаичными орудиями.

Кроме того, здесь же, судя по находкам Булычева, находились остатки очень неболь-

шой временной поздненеолитической стоянки с топорами и наконечниками позднего типа, со скребками, изготовленными из широких отщепов.

Отсутствие древних находок на верхней площадке может объясняться либо тем, что они были смыты с поверхности известняка, либо тем, что обнаженная тогда поверхность каменной вершины холма была неудобной для обитания. Вероятно, что ложбина между холмом и коренным берегом Оки во время мезолитической стоянки была действующим протоком и последняя располагалась на острове.

Коллекция, собранная Булычевым, хранится в настоящее время в Гос. Историческом музее. Весь материал по целому ряду признаков делится на три комплекса.

Инвентарь древнего комплекса, добытый на «кургане», изготовлен почти весь из прекрасного мелового темносерого, почти черного кремня, и лишь небольшое количество предметов — из светлосерого, коричневатого и желтого валунного кремня. Основная масса находок (104 шт.) состоит из ножевидных пластинок и их обломков. Пластинки длинные, узкие с очень правильными параллельными краями. Большинство их имеет длину 5—7 см при ширине 1—2 см, но есть небольшое количество очень тонких — длиной всего 3—5 см и шириной 0.5—0.8 см (табл. I, 1—4).

Почти все ножевидные пластинки — без обработки и следов употребления и лишь на некоторых по краям имеются легкие щербинки.

В коллекции имеется всего один нуклеус (табл. I, 5) конической формы, длиной 7 см, из темносерого кремня с коричневатой пятиной.

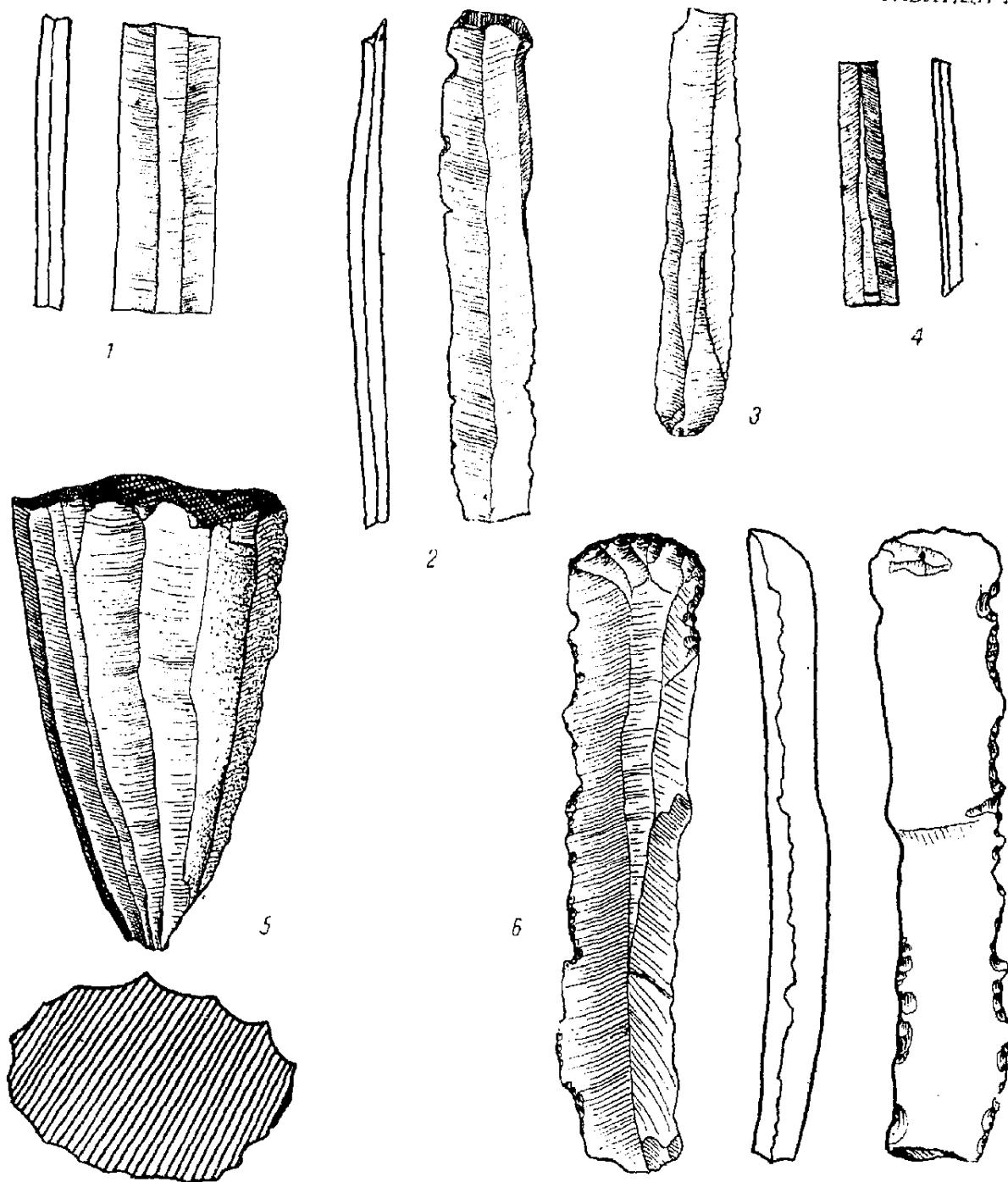
Нуклеус сильно сработан, с основанием, оживленным несколькими сколами. Фасетки от сколов пластинок длинные и узкие. На одной стороне имеется остаток меловой корки.

Производственный инвентарь состоит из двух скребков, четырех резцов, четырех наконечников стрел, одной пластинки с выемками, двух проколок и нескольких пластинок с краевой ретушью, являвшихся, повидимому, вкладышами.

Из скребков один на конце длинной и узкой ножевидной пластинки темносерого кремня (табл. I, 6). Рабочий край дугообразный, довольно массивный, с крутой «пальцевидной» ретушью. Оба длинные края пластинки покрыты очень тонкой притупляющей неправильной ретушью и рядом неглубоких выемок. Ретушь эта не нанесена специально, а является результатом сработанности края.

Из найденных резцов один боковой, типа «с затупленным концом», на короткой, довольно массивной ножевидной пластинке, размером 5.7 × 2.4 см, из почти черного

ТАБЛИЦА I

Орудия из сборов Булычева. Нат. вел.

кремня. Рабочий конец резца прямой, затуплен двумя очень крутыми широкими фасетками. Резцовые сколы имеются на обоих углах рабочего конца. Сколы однофасеточные, широкие и короткие, без вторичной подправки (табл. II, 2).

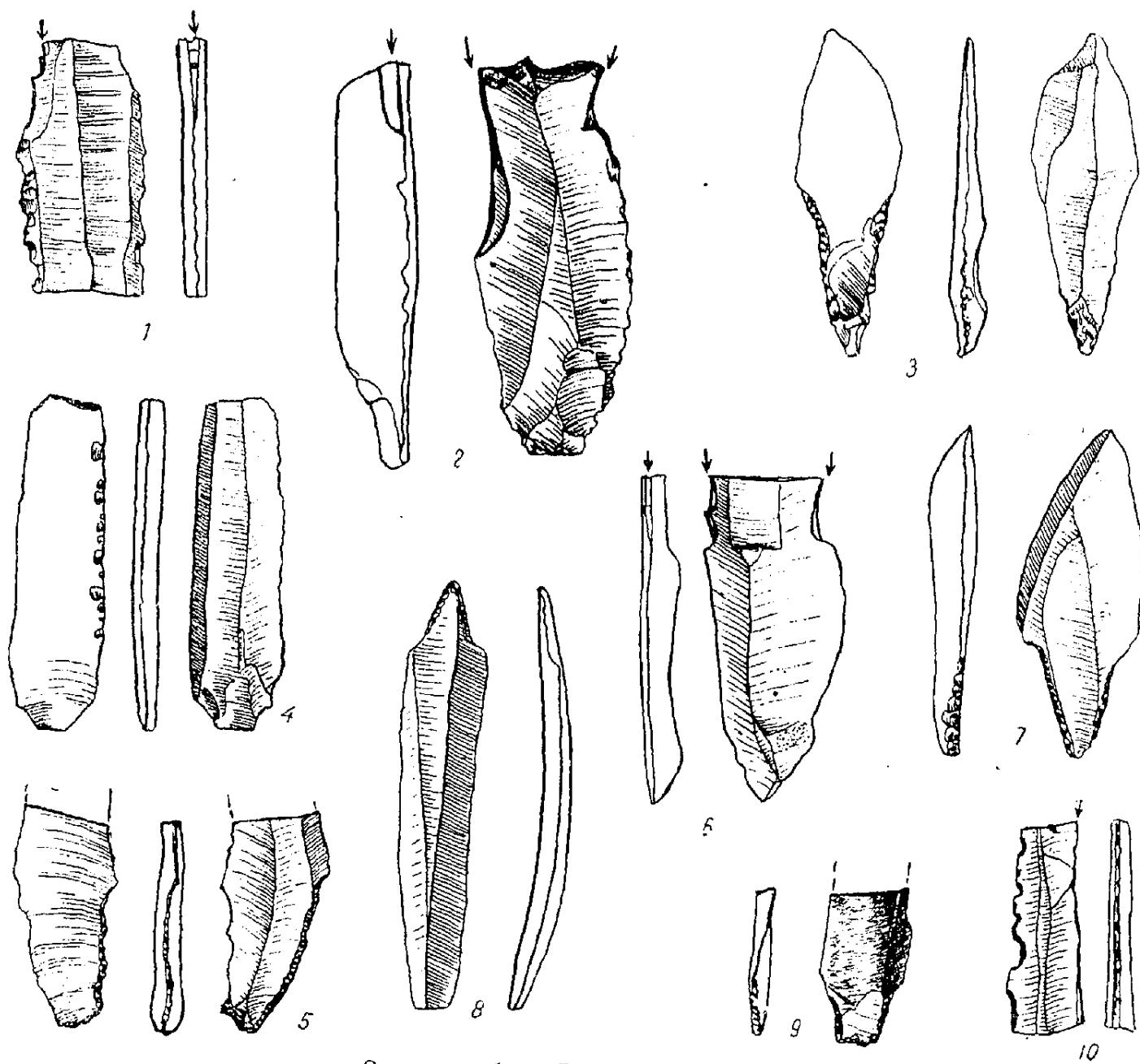
Остальные три резца угловые, типа «на углу сломанной пластинки». Один из них на довольно широкой, плоской пластинке (4.7×2.0 см) темносерого кремня. Резцовые сколы имеются на двух углах — очень короткие, тонкие с несколькими подправками (табл. II, 6).

Второй — также на широкой плоской пластинке из полупрозрачного желтого кремня. Резцовый скол на одном углу, короткий

с несколькими подправками. Один край пластиинки сработан (табл. II, 1).

Третий — на углу тонкой пластиинки (табл. II, 10).

Наконечники стрел (4 экз.). Два целых наконечника из полупрозрачного желтовато-серого кремня, из довольно коротких (длиной 4.6 см) плоских ножевидных пластиинок. Длинные черешки выделены крутой, притупляющей ретушью — на одном наконечнике со спинки (табл. II, 7) и на другом с брюшка (табл. II, 3). Все перо оставлено без ретуши. От третьего наконечника сохранился лишь обломок. Этот наконечник был изготовлен из узкой и плоской пластиинки темношоколадного кремня. Концы пера и че-

Орудия из сборов Булычева. Нат. вел.

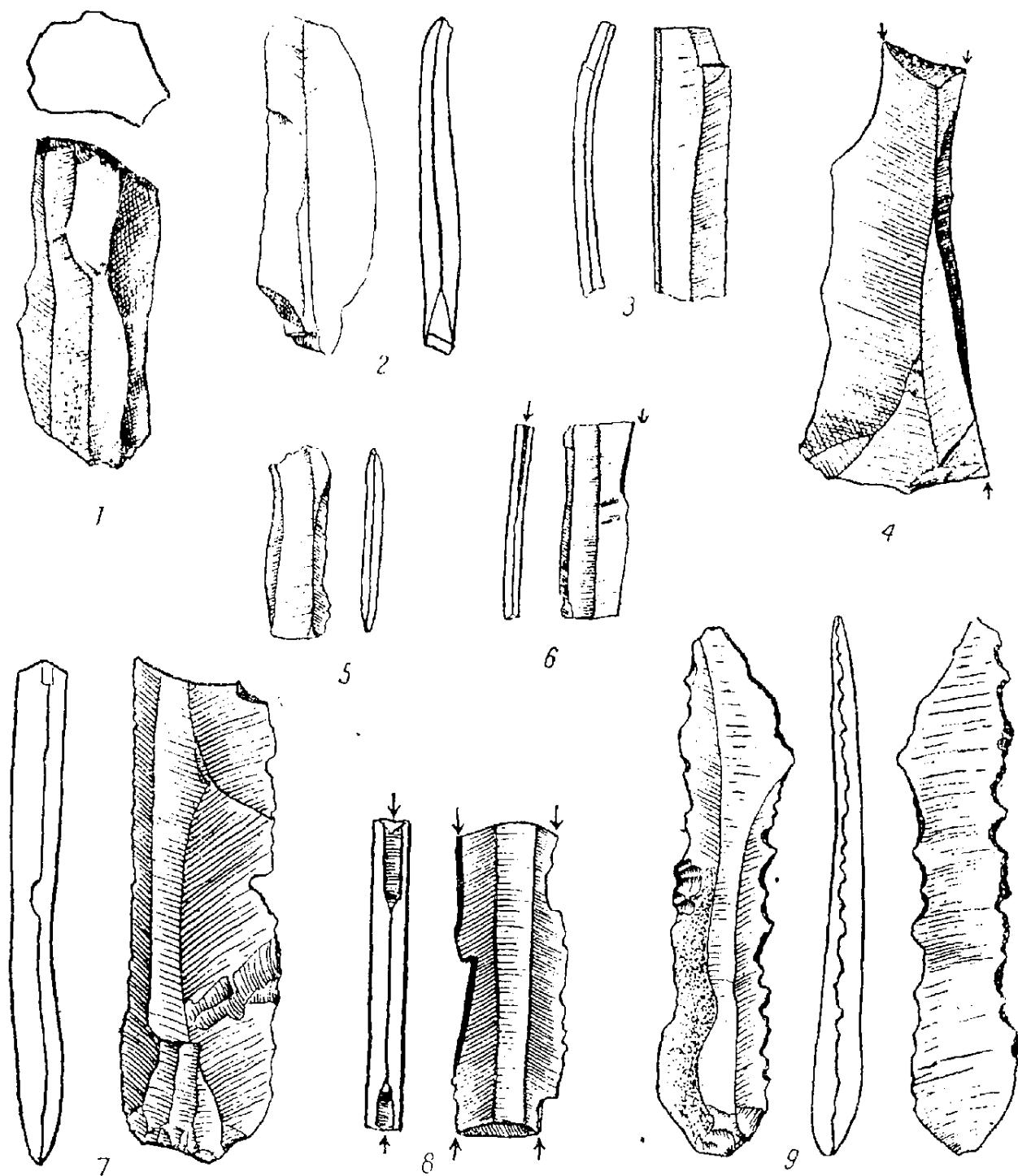
решка обломаны. Черешок слегка выделен крутой краевой ретушью со спинки (табл. II, 9). От четвертого сохранился лишь черешок с частью пера. Он был изготовлен из ножевидной пластинки черного непрозрачного кремня. Края черешка покрыты крутой противолежащей ретушью (табл. II, 5). Перо, повидимому, было без обработки.

Среди прочего инвентаря очень характерной для ранней стадии мезолита является пластинка с многочисленными ретушированными выемками, служившая, по-видимому, скобелем для выделки тонких костяных стержней. Скобель этот изготовлен из прекрасной длинной ножевидной пластинки (табл. III, 9) темносерого кремния со светлосерой патиной. На части спинки сохранилась меловая корка. На обоих краях имеются многочисленные неглубокие выемки, покрытые очень крутой тонкой ретушью.

Проколки изготовлены из длинных узких ножевидных пластинок темносерого кремня. У одной (табл. II, 8) рабочий конец короткий, выделен крутой тонкой ретушью со спинки. От второй сохранился лишь обломок. Рабочий конец у нее длинный и узкий, с крутой тонкой ретушью с брюшком.

Из ножевидных пластинок многие служили вкладышами для костяных и деревянных орудий. Они отличаются небольшими размерами, очень правильной формой и специфической сработанностью краев. На одной из них один конец срезан под прямым углом длинными поперечными фасетками. Аналогичный прием нами уже отмечался на пластинках со стоянки Елин Бор. Оба края у нее слегка подправлены слабой ретушью.

У прочих пластинок-вкладышей края частью покрыты слабой ретушью, снимающей

1—орудие из сборов Булычева; 2—7—Гремячее I; 8—9—Гремячее II. Нат. вел.

неровности и придающей краю более массивный и правильный характер.

Неолитический комплекс состоит из большого количества орудий. Он резко отличается от эпипалеолитического комплекса рядом признаков.

Весь инвентарь изготовлен из светлосерого и коричневатого и желтого валунного кремня. Орудия сделаны из широких, иногда очень массивных отщепов.

Кроме орудий, в коллекции имеется и несколько отщепов без всякой обработки.

Производственный инвентарь состоит из

13 скребков, 6 топоров и 2 наконечников копья.

Большинство скребков крупного размера, округлой формы, на широких плоских отщепах и два на очень массивных (Булычев, табл. I, 17, 22) отщепах. Рабочий край у них обычно дугообразный, с крутой скребковой ретушью. На некоторых скребках ретушь имеется на всех краях пластинки.

Топоры изготовлены частью из массивных сколов, частью из целых желваков. Обе поверхности у них обиты довольно широкими плоскими сколами (Булычев, табл. I,

19, 11, 21). Рабочий край прямой или слегка дугообразный, со спинки и брюшка покрыт рядом правильных сколов.

Один топор плоский, с прямоугольными боковыми гранями, прекрасно полированы по всей поверхности (Булычев, табл. I, 24).

Наконечники копий — один целый и один обломок тыльной части — изготовлены из правильных отщепов. Поверхности у обоих покрыты правильными сколами, а края подправлены ретушью (Булычев, табл. I, 20).

Весь производственный материал имеет типичный позднеолитический характер.

Керамика, представленная несколькими обломками глиняных сосудов, покрытых ямочным орнаментом, также типична для позднего неолита (Булычев, табл. VI, 8, 10, 11, 14).

Весь прочий материал, добытый из культурного слоя на верхней площадке бугра, принадлежит селищу раннедьяковского характера. Материал мезолитического комплекса, собранный Оксской экспедицией в 1936 г., очень невелик, но достаточно характерен.

Он состоит всего из двух нуклеусов, двух резцов, трех ножевидных пластинок и одного скребка. Весь инвентарь, за исключением одной ножевидной пластинки, изготовлен из темносерого и черного кремня и вполне аналогичен описанному выше из раскопок Булычева. Лишь одна ножевидная пластинка из светлосерого, беловатого роговика.

Нуклеусы короткие — длиной 4,5 см. Один почти цилиндрической формы, сильно сработанный, с тонкими, длинными сколами пластинок (табл. III, 1). Второй — плоский, широкий с заостренной вершиной и прямым основанием. Основание оживлено несколькими сколами. Пластиинки скальвались лишь с одной стороны, вторая сторона плоская, с тонким налетом корки.

Из ножевидных пластинок две очень небольшие и тонкие (табл. III, 3, 5) и одна больших размеров (табл. III, 7).

Оба резца относятся к типу «на углу сломанной пластинки». Один, длиной 4,5 см, со сколами на всех четырех углах. Сколы однофасеточные (табл. III, 8).

Второй на небольшой ножевидной пластинке с тонким сколом на одном углу (табл. III, 6).

Как характер самой стоянки, так и производственный инвентарь вполне типичны для азильско-свидерской стадии.

Поселение было очень небольшое, так как площадь всего холма не превышает 3000 кв. м, а судя по распространению найденных орудий, стоянка свидерского времени была расположена лишь в юго-западной части холма на площади не более 200—300 кв. м.

На временный характер стоянки указы-

вает также и сравнительно небольшое количество добытого материала.

В производственном инвентаре, на ряду с сохранением архаичных черт, прослеживаются и резкие изменения, характерные для мезолита. Эти изменения прослеживаются на описываемом нами материале в виде появления нового орудия — наконечников стрел, типичных для стоянок свидерского типа, и на большом количестве мелких правильных ножевидных пластинок, игравших роль вкладышей для костяных и, возможно, для деревянных наконечников.

К сожалению, очень небольшое количество добытого материала, не позволяющего составить представления о всем комплексе бытовавших орудий, и отсутствие сведений о планировке стоянки не дают возможности дать более детальную характеристику.

Судя по сохранению некоторых верхнепалеолитических черт и отсутствию типичных микролитоидных орудий, можно предполагать, что стоянка относится к раннему этапу свидерской стадии.

На расстоянии 0,5 км ниже по течению р. Оки, на том же правом берегу, на краю аналогичной 10—12-метровой боровой террасы были обнаружены остатки второй стоянки (Гремячее II). Она оказалась полностью разрушенной постройками окраины села Гремячее, дорогой и ямами от печей для обжигания извести, расположенным по самому обрезу берега.

Терраса сложена из песка с прослойками суглинка. Сверху идет черный песчаный культурный слой мощностью 15—20 см с обломками сетчатой керамики дьяковского типа. Ниже, на глубине 70—100 см, в слое сильно песчаного суглинка попадаются отдельные кремневые пластинки и отщепы. В стенке ямы одной из обжигательных печей на глубине 80 см был найден один кремневый сильно обожженный резец. Весь собранный здесь материал состоит из 8 отщепов, 1 обломка нуклеуса, 1 ребристой пластинки, 5 ножевидных пластинок и 1 резца.

Кремень большей частью валунный, красновато-желтых оттенков, но 2 пластинки темносерого кремня. Отщепы все мелкие, плоские, являющиеся отбросом производства. Из ножевидных пластинок 3 узкие и длинные, типа табл. III, 3, и 2 более широкие и массивные. Нуклеус, судя по сохранившемуся обломку, служит также для скальвания длинных узких пластинок. Резец представляет собой прекрасный образец бокового резца с затупленным концом архаичного облика (табл. III, 4). Несмотря на небольшое количество материала, стоянка может быть отнесена также к свидерской стадии.

Обе стоянки, повидимому, имели характер небольших охотничих лагерей, характерных для поселений свидерского типа.

М. З. Паничкина

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА БОРКИ

(по исследованию В. В. Докучаева)

Известный русский естествоиспытатель, основатель научного почвоведения В. В. Докучаев является также одним из первых русских исследователей каменного века. Во время своих многочисленных почвенных и геологических исследований он постоянно уделял внимание памятникам каменного века изучаемой им территории.

Так, еще в 1871—1874 гг. В. В. Докучаевым, во время геологического исследования северной и средней полосы б. Смоленской губ., был обнаружен ряд неолитических местонахождений у сел. Изубрево, Марково, Казарево Сычевского у., дер. Замостье Смоленского у., доставивших типичный неолитический инвентарь — кремневые наконечники копий и стрел, шлифованные топорики и другие поделки, ныне хранящиеся в Геологическом кабинете Ленинградского Государственного университета.¹

В 1878 г. В. В. Докучаев, вместе с И. С. Поляковым, А. С. Уваровым и В. Б. Антоновичем, принимает участие в исследовании Карабаровской палеолитической стоянки, одной из первых находок этого рода в нашей стране, и изучает неолитические местонахождения окрестностей Мурома — Волосово, Плеханов Бор, Елин Бор, Лягалин Бор и др.². Затем в 1878—1879 гг. он исследует памятники неолитического времени выше по Оке, в окрестностях Рязани.

В начале 80-х годов им была открыта³ известная группа богатых стоянок близ Балахны (Большое и Малое Козино и др.), позже изучавшихся Каменским и Спицы-

ным⁴ и затем Жуковым,⁵ Воеводским и Бадером.⁶

Таким образом мы видим, что работами В. В. Докучаева были затронуты, а частично впервые открыты многие местонахождения, и поныне имеющие первостепенное значение.

В. В. Докучаев подготовил к печати специальную работу, посвященную его исследованиям по каменному веку, на что имеются указания в ряде его статей, однако не успел закончить ее, а после его смерти сборы его остались неопубликованными и в дальнейшем почти не использовались.

В нынешнем 1938 г. исполняется 35 лет со дня смерти В. В. Докучаева, в связи с чем следует отметить значение его археологических работ хотя бы путем публикации собранных им материалов. Частичному выполнению этой работы и посвящена настоящая статья.

Большая группа неолитических стоянок исследована В. В. Докучаевым в 1878—1879 гг. на дюнах долины р. Оки, близ Рязани. Эти исследования положили начало дальнейшим работам здесь в том же направлении.

Последовавшие через 13 лет работы А. Черепнина, В. А. Городцова и др. подтвердили данные В. В. Докучаева о наличии неолитических памятников в б. Рязанской губ. В частности, А. Черепним, одновременно с В. А. Городцовым, обследованы Борковские дюны, богатые неолитическими остатками, в свое время изучавшиеся В. В. Докучаевым. Исследованиями В. А. Городцова было значительно увеличено число неолитических памятников, известных в долине Оки. Им зарегистрировано более

¹ Отдельные находки В. В. Докучаева в Смоленской губ. были отмечены, а некоторые из них воспроизведены А. С. Уваровым (Археол. России. т. II, стр. 53—54, №№ 961—967; стр. 138, № 5073; табл. 40).

² См. работы В. В. Докучаева в «Трудах СПб. общества естествоиспытателей» (1879, т. X, стр. 20—28, т. XIII, вып. 1, стр. 1—54), а также «Речи и Протоколы VI Съезда естествоиспытателей и врачей» (СПб., 1880, отд. II, стр. 261—265).

³ В. Докучаев. Материалы к оценке земель Нижегородской губернии. Изд. Нижегородск. губернск. земства, 1886, вып. XIII, гл. V, стр. 68—71.

⁴ А. А. Спицын и В. Каменский. Стоянки каменного века близ г. Балахны. Зап. Отд. русских и слав. археол. Русск. археол. общ., т. VII, вып. I.

⁵ Б. С. Жуков. Неолитическая дюнная стоянка близ г. Балахны. Русск. антроп. журн., т. XII, кн. 1—2, М., 1922.

⁶ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. Сб. «Из истории родового общества на территории СССР». Изв. Акад. ист. матер. культ., вып. 106, 1934, стр. 298—346.

40 местонахождений с неолитическими остатками. Из них около 30 определяются им как стоянки, в других же отмечены лишь отдельные находки.¹

Однако, несмотря на такое количество известных сейчас местонахождений, материал из них освещен в печати в очень незначительных размерах. Литература об этих памятниках, к сожалению, состоит из предварительных отчетов и дневников,² не дающих достаточно полного представления о собранном материале и, как правило, без рисунков.

В 1937 г. я имела возможность ознакомиться с материалами В. В. Докучаева, хранящимися в Геологическом кабинете Ленинградского Государственного университета. Там имеются коллекции, собранные В. В. Докучаевым в б. губерниях Смоленской, Нижегородской, Владимирской и Рязанской. Материалы эти совершенно не освещены в печати.

В частности, в этих коллекциях особого внимания заслуживает ранненеолитический материал микролитического облика, к которому привлечено внимание рядом недавних работ М. В. Воеводского,³ П. И. Борисковского,⁴ С. Н. Бибикова,⁵ П. Н. Третьякова⁶ и др.

Поэтому будет далеко не лишним ввести в научный оборот сборы В. В. Докучаева, тем более что его коллекции, в этой части достаточно выразительные, являются одной из первых русских находок подобного рода.⁷

¹ В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки. Тр. XII Археол. съезда, М., 1905, стр. 515—672.

² В. А. Городцов. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Оки 1897 г. Древности, т. XVII, стр. 1—37.—Он же. Результаты археологических исследований в Белевском и Рязанском уездах в 1897 г. Археол. изв. и зам., т. VI, № 7—8, стр. 217—235.—Он же. Дневник археологических исследований в долине р. Оки, произведенных в 1898 г. Древности, т. XVIII, стр. 1—28.—Он же. Результаты археологических исследований 1898 г., произведенных на берегах р. Оки в пределах Рязанской губ. Археол. изв. и зам., т. VII, № 6—7, стр. 181—201.—А. Черепнин. Борковский могильник. Тр. Рязанск. учен. архивн. ком., 1894—1895, т. IX, вып. 1—2; т. X, вып. 1—2.

³ М. В. Воеводский. Стоянка Гремячее. Сов. археол., № 5, 1938.

⁴ М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Стоянка Елин Бор. Сов. археол., № 3, 1937, стр. 77—99.

⁵ С. Н. Бибиков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. Сов. археол., № 1, 1936, стр. 195—212.

⁶ С. А. Трусова. Пленум Комиссии по изучению ископаемого человека Советской секции INQUA. Сов. археол., № 2, 1937, стр. 216—217.

⁷ Необходимо отметить, что собрание В. В. Докучаева представляет собою незначительную часть материала, собранного в Борках. Большие собрания из Борков хранятся в Государственном Историческом музее в Москве и Рязанском музее (собрания

Ранненеолитический материал собран В. В. Докучаевым в 1878—1879 гг. в окрестностях Рязани близ сел. Борки на поверхности развеянных окских дюн. Территориальное совпадение разновременных памятников в Борках до некоторой степени оказалось на составе коллекции В. В. Докучаева. В состав последней входит более 800 кремневых поделок, четко разделяющихся по характеру орудий на две хронологические группы — мезолитическую и поздненеолитическую. Кроме того, в коллекции имеется 136 фрагментов керамики различной древности и несколько предметов типа местных могильников. Как я упоминала, В. В. Докучаев не успел опубликовать подготовленные им работы, посвященные его исследованиям по каменному веку, но в одной из его статей имеется краткая характеристика места и условий нахождения культурных остатков. «В Борках, близ Рязани, — пишет Докучаев, — песчаные бугры достигают высоты высокого нагорного берега Оки, состоят снаружи футов на 20—25 из типичного дюнного песка, обнаруживают в себе несколько культурных слоев, содержат могилы доисторического человека и массы (тысячи) предметов каменного и бронзового периодов».¹

Более детальное описание места находок древних остатков в Борках дает А. Черепнин, проводивший свои наблюдения в 1891 г. и позже.

«Места находок кремневых орудий расположены на Борковском острове. Остров прилегает к северной части г. Рязани и отделяется от него рекою Трубежом. Площадь острова содержит около 12 000 десятин. Часть площади находится под сел. Борки с его выселками и группами разной величины песчаных бугров и холмов, раскинувшихся в северо-западном углу острова. Часть бугров и холмов — все они дюнного происхождения — сохранила слой дернистой почвенной земли... На тех из них, которые в старину были обитаемы, под верхним растительным слоем земли залегает более или менее толстый пласт темной супеси с примесью перегноя. В этом древнекультурном пласте часто попадаются разные остатки... Каменные орудия и оружия... попадаются преимущественно на россыпях и в песчаных

В. А. Городцова, А. Черепнина и др.). Ознакомиться с этими материалами я не имела возможности. Достаточно полное описание их отсутствует, в частности совсем нет воспроизведений. Однако коллекция В. В. Докучаева является сама по себе достаточно крупным собранием, которое, в основном, включает одновременный материал с типичными мезолитическими формами орудий, дающими вполне ясное представление о характере Борковской стоянки.

¹ В. В. Докучаев, рецензия.—А. С. Уваров. Археология России. Тр. СПб. общ. естествоисп. т. XIII, вып. 1, стр. 26.

бузрах, вместе с другими вещами, принадлежащими к более позднему времени».¹

«Особенно в большом количестве, — отмечает А. Черепнин, — находки встречались на Сакор-горе, представляющей собой обширную дюну в северо-западной части Борковского острова, где благодаря разрушению поверхности дюны обнажались культурные слои, которые и послужили причиной обильного сбора разных остатков».²

«Почти все каменные орудия, — говорит он, — найденные на Сакор-горе и других бузрах Борковского острова, относятся к неолитическому периоду, и только весьма немногие из них по форме обделки можно предположительно принять за орудия палеолитического периода».³

Однако, надо отметить, что в коллекции В. В. Докучаева значительно преобладают орудия именно более древних типов.

Возраст и условия залегания ранненеолитических находок в Борках определяются стратиграфическими данными, полученными в результате раскопок Рязанской Ученой архивной комиссии в 1892 г. Оказалось, слои с микролитическим инвентарем подстилают слои, содержащие находки позднего неолита. Говоря об этих раскопках, В. А. Городцов в своем общем курсе⁴ отмечает: «Изучая неолитические стоянки на Окских дюнах в пределах Рязанской губернии, им (В. А. Городцовым) обращено внимание на то, что в наиболее глубоких покровных слоях дюн часто залегают мелкие кремневые осколки чисто микролитических типов, удерживающиеся в одном, совершенно определенном горизонте, соответствующем времени первого успокоения дюн и зарастания их растительным покровом. Описываемые микролиты были найдены *in situ* на дюнах Борковской, Шумашской и Дубровичской (Борок), расположенных в поемной долине р. Оки, недалеко от Рязани. Во всех этих местностях, на ряду с чисто микролитическими формами осколков и орудий, ни разу не было найдено никаких других форм, а также не было найдено и никаких признаков керамики. Микролиты залегали в чистых песках, не содержащих, кроме микролитов, никаких других культурных остатков. Горизонт их залегания обыкновенно изолировался от вышележащих горизонтов, изобиловавших во всех поименованных пунктах неолитическими памятниками поздней поры той же неолитической эпохи. Все эти наблюдения

проводены раскопками на Борковской дюне, ближайшей к г. Рязани».

Изложенные наблюдения трех названных исследователей совершенно четко определяют условия находок в Борках: 1) залегание культурных остатков в нескольких пунктах Борковской дюны; 2) территориальное совпадение разновременных остатков, перемещенных в случаях разрушения слоев; 3) наличие ранне- и поздненеолитических горизонтов, обнаруживаемых раскопками в неразвеянной части дюн.

Таким образом выделение ранненеолитического материала в коллекции В. В. Докучаева в самостоятельную группу имеет достаточное обоснование и в полевых наблюдениях компетентных специалистов.

Прежде чем перейти к описанию интересующего нас мезолитического кремневого инвентаря, дадим очень краткий обзор более позднего материала из сборов В. В. Докучаева в Борках. Как уже отмечено выше, в состав этого собрания входит группа керамики (136 фрагментов), две красные пастовые бусы и обломки бронзовых поделок. Последний материал — бусы и обломки бронзы — датируются временем известного Борковского могильника. Что же касается керамики, то ее состав весьма неоднороден. Ее можно разбить на три группы, из которых одна состоит из 38 обломков глиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге, с тонкими стенками, с линейным орнаментом; она определяется временем поздних славянских поселений.

Вторая группа состоит из сетчатой керамики типа Дьякова городища.

Третья группа состоит из типичной поздненеолитической ямчато-гребенчатой керамики. Одновременными последней, вероятно, являются имеющиеся в коллекции несколько кремней. Из них 2 (в фрагментах) крупных наконечника копий, из коричневого кремня, тщательно обработанные по всей поверхности характерной неолитической отжимной ретушью, и 4 наконечника стрел аналогичной обработки.

Приблизительно 90% всей коллекции В. В. Докучаева из Борков составляет микролитический материал, резко отличающийся по облику от остальных находок. Этот весьма характерный комплекс состоит более чем из 800 кремневых предметов. Из них 150 являются совершенно законченными орудиями. Общий характер инвентаря — мезолитический.

Все поделки изготовлены из кремня очень хорошего качества, преимущественно желто-коричневых оттенков, часто с переходом в красный; нередко кремень просвечивающийся.

Основную массу коллекции (600 экз.) составляют удлиненные пластинки правильной

¹ А. Черепнин. Местная старина. Тр. Рязанск. учен. архивн. ком., т. IX, вып. 1, 1894, стр. 1—3.

² Еще в 1894 г. А. Черепнин обратил внимание на две различных по возрасту группы каменных орудий в Борковских находках.

³ А. Черепнин, ук. соч., стр. 12.

⁴ В. А. Городцов, Археология, т. I. Лгр., 1925, стр. 330.

формы, без следов вторичной обработки. Из них больше половины имеют чрезвычайно миниатюрные размеры: 1—2 см длины и 0.5—0.3 см ширины. На некоторых по краям имеются легкие заполированные выщербинки, свидетельствующие об употреблении их в качестве орудий.¹

На ряду с ними имеются 26 пластинок с ретушью. Они делятся на две группы: первая — пластинки с ретушью на конце. Из них 3 экземпляра имеют ретушь притупляющую, слегка вогнутую (табл. I, 1, 2) и 6 — ретушь приостряющую. Пластинки с приостряющей ретушью выделяются из основной массы более крупными размерами и меньшей правильностью граней. Ретушь на них в виде крупных плоских фасеток (со стороны брюшка) образует режущий конец (табл. I, 3—5). Вторая группа пластинок — с ретушью по краю. Из них на пяти ретушь в виде мелких зазубрин с обоих краев (табл. I, 6—10), а на остальных — приостряющая по одному или обоим краям. Этот тип пластинок имеет характер ножей (табл. I, 11—14).

Единичным экземпляром представлен нуклеус конусообразной формы со следами сколов узких пластинок, с правильными гранями. Размер: длина 5.5 см, ширина 2.5 см.

Многочисленной группой орудий являются скребки (23 экз.). Большинство (15) изготовлено на концах удлиненных пластинок. Из них 13 экземпляров имеют дугообразный рабочий край (табл. I, 16—23 и 25—26) и два — прямой (табл. I, 15 и 24). У некоторых из этой группы нижние концы обломаны. 5 скребков изготовлены на укороченных массивных пластинках, причем 4 с крутой закругляющей ретушью на конце, а один, четырехугольной формы, имеет прямое лезвие с тщательной ретушью, переходящей на края (табл. I, 24). Эта группа орудий включает еще один скребок (половину) окружной формы (табл. I, 23).

Следующую по численности группу орудий представляют резцы. Общее количество их — 13. Из них 11 — характерный для мезолита тип резцов, «на углу сломанной пластинки» (табл. II, 4—10). Два из них двойные (табл. II, 4 и 10). У одного из последних второй рабочий край образован несколькими резцовыми сколами под углом.

Группа резцов дополняется еще одним многофасеточным, на небольшом массивном осколке (табл. II, 3), а также резцами бокового типа на удлиненной пластинке (табл. II, 1, 2).

¹ Вообще в составе коллекции неправильных осколков чрезвычайно мало. Среди 800 кремней имеется всего 50 отщепов случайной формы, причем некоторые со следами употребления. Скорее всего это зависит от характера сборов, при которых на осколки не обращалось большого внимания.

Об изготовлении резцов на месте стоянки свидетельствуют краевые отщепы от резцов, имеющиеся в составе коллекции в количестве 14 экземпляров (табл. II, 11—12).

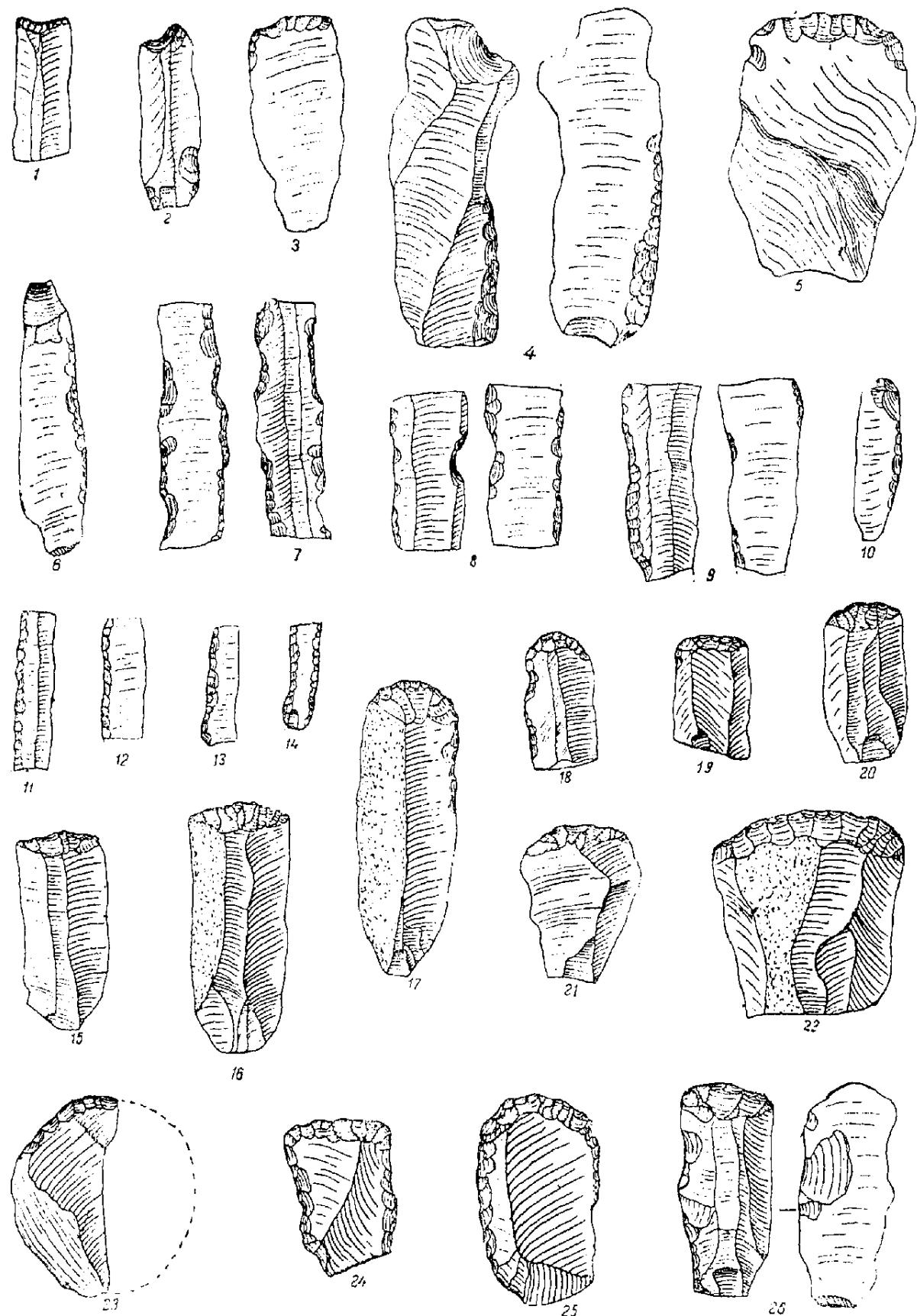
Наиболее многочисленной и типичной для мезолита группой орудий в инвентаре Борков являются кремневые наконечники стрел. Их имеется 32 экземпляра, из которых 23 в фрагментах. Из сломанных наконечников стрел большая часть представляет нижние концы. Повидимому, они были обломаны во время охоты и приносились на место стоянки в сломанном виде для замены их целыми. В отношении всей группы в целом необходимо указать следующее: все наконечники стрел изготовлены на очень правильных, узких пластинках с параллельными гранями; вторичная обработка, как правило, распространена лишь на острие и на черенке, и/or же стрелки без обработки.

Самая большая группа наконечников стрел (16, считая и фрагменты) отличается коротким черенком с плечиками, четко выделенными путем крутой притупляющей ретуши (табл. III, 15—20), иногда с двух сторон. В других случаях ретушь нижней части стрелки, нанесенная обычно с нижней плоской стороны пластинки, не образует плечиков, а постепенно суживается, иногда приостряет нижний конец пластинки, придавая ей удлиненно-листовидную форму (табл. III, 7—14). Обычно ретушь бывает нанесена с двух краев. У некоторых экземпляров ретушь противолежащая. На нескольких экземплярах имеется скашивающая ретушь лишь с одной стороны. Верхние концы стрелок у цельных экземпляров всей группы в целом приострены плоской отжимной ретушью со стороны брюшка.

Особенной правильностью и тщательной обработкой из этой группы отличаются два наконечника стрел, изготовленные на узких, тонких пластинках, с четко выделенными вертикальной ретушью черенками и приостренные отжимной ретушью в верхнем конце. Пластинки изготовлены из кремня очень хорошего качества, серого и светло-желтого цвета (табл. III, 17—18). Несколько иной тип наконечников стрел представлен экземплярами, изготовленными также на узких, удлиненных пластинках, но более массивных в сечении. Нижний конец, постепенно суживающийся, приострен со стороны брюшка отжимной ретушью, распространяющейся до половины стрелки (табл. III, 13, 15). У двух таким же образом обработано и острие. Третий же наконечник стрелы, самый массивный, не имея приострения верхнего конца со стороны брюшка, тщательно обработан по краям (со спинки) крутой притупляющей ретушью (табл. III, 14).

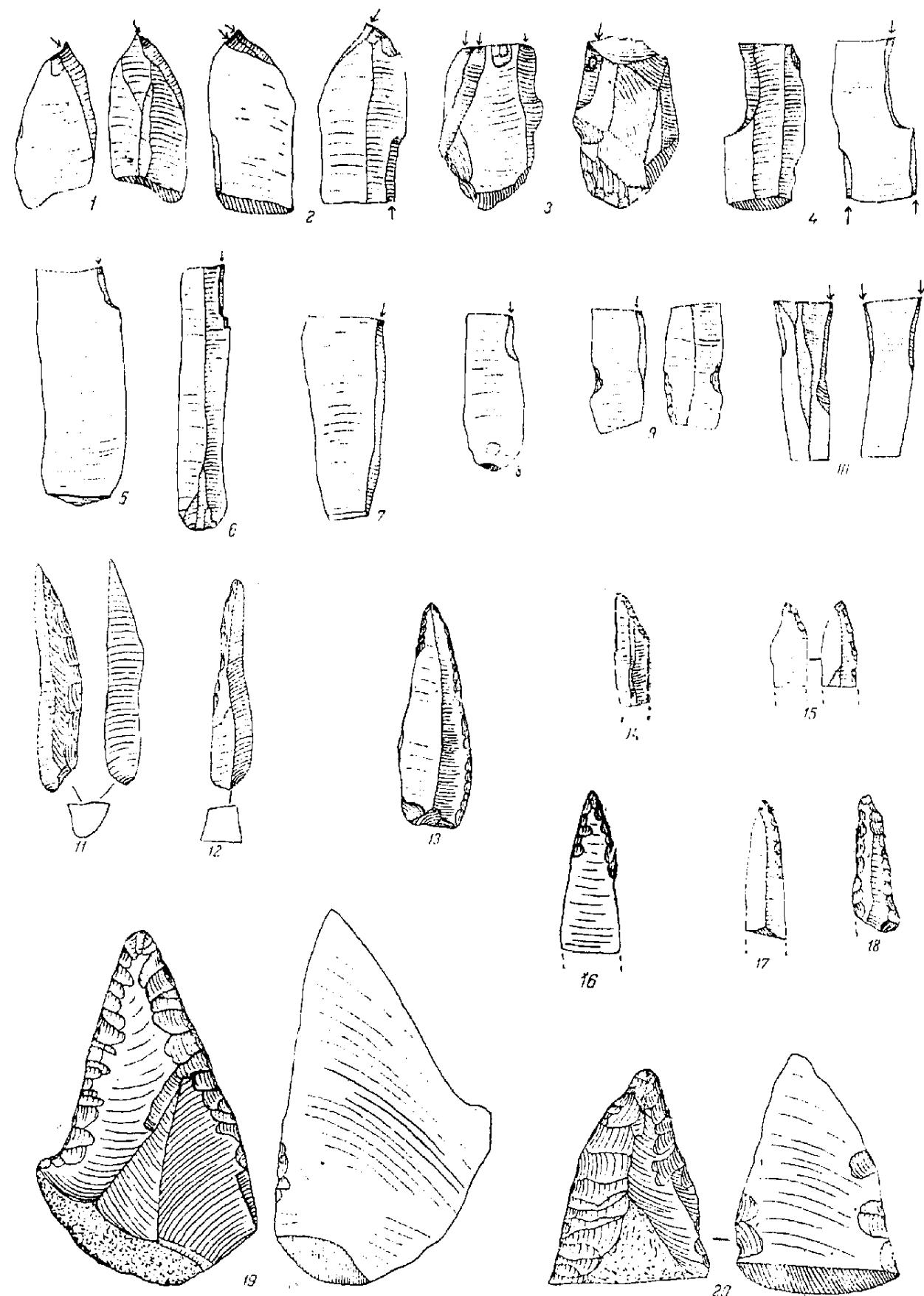
Интересны два наконечника стрел с боковой выемкой (2 экз.). Эта форма неодно-

ТАБЛИЦА I

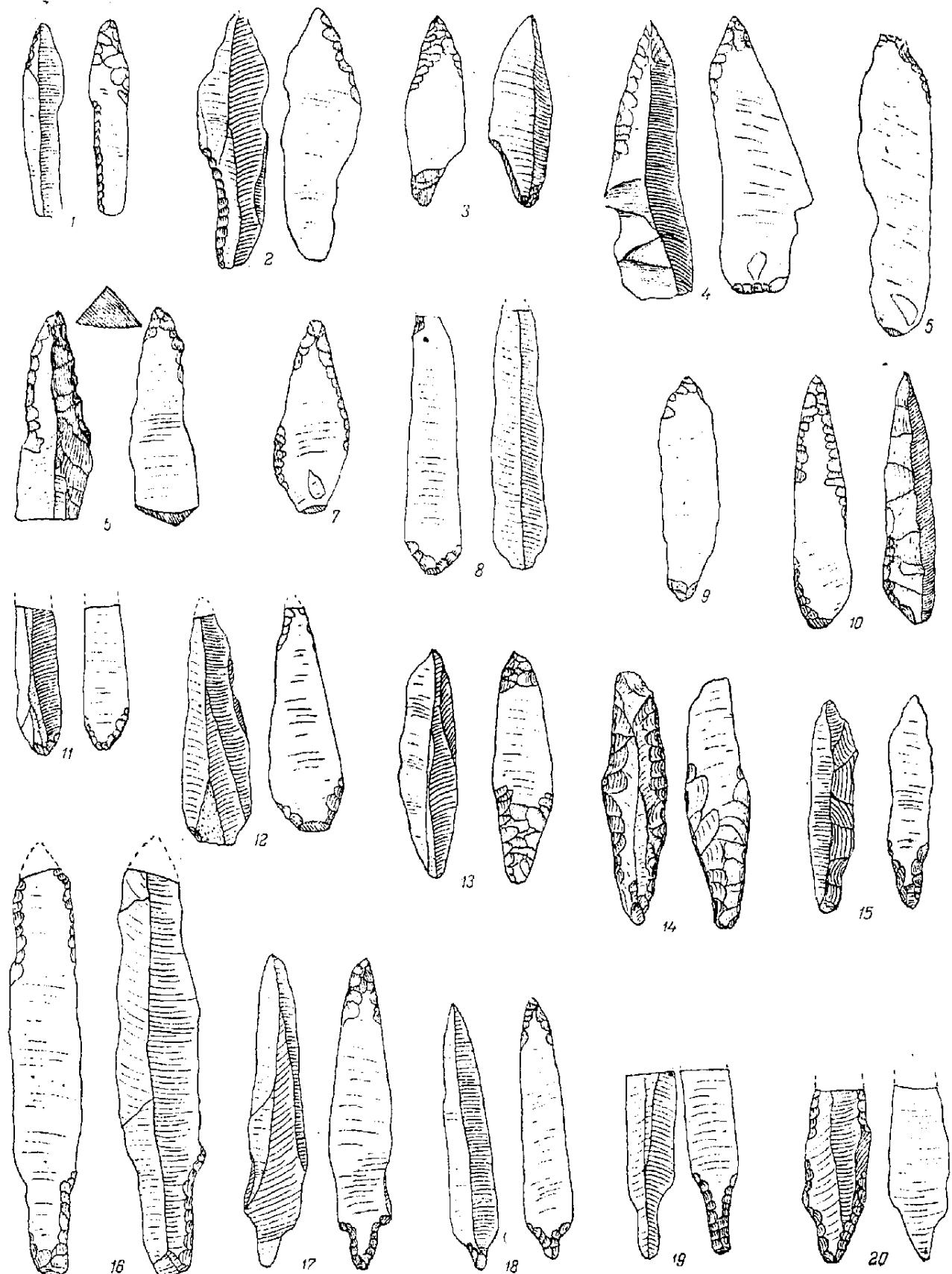
1—14—разные формы пластинок с ретушью; 15—26—скребки. Нат. вел.

ТАБЛИЦА II

1—10—рэзы; 11, 12—рэзовые сколы; 13—18—острия на пластинках; 19, 20—массивные остряя. (Нат. вел.)

ТАБЛИЦА III

1-20—разные формы наконечников стрел. (Мат. вел.).

кратно отмечалась для находок свидерского типа. Один наконечник изготовлен на правильной, тонкой пластинке в 5 см длиной и 1.2 см шириной (табл. III, 2), другой — на пластинке миниатюрных размеров. Длина его 3.5 см и ширина 0.7 см (табл. III, 1).

Совершенно обособленно стоит один наконечник стрелы из длинной узкой пластиинки крупного размера (длиной 7.5 см, шириной 1.5 см). Его концы — черенок и острие — обработаны весьма сходно крутой ретушью по краям. На черенке ретушь противолежащая. На кончике черенка ретушь отжимная плоская. На верхнем же конце ретушь (со стороны брюшка) несколько суживает здесь пластиинку. Самый кончик острия обломан (табл. III, 16).

Весьма близкими, по технике обработки, к описанной группе орудий являются острия (табл. II, 13—18) (10 экз.). Из них шесть изготовлены из узких, ножевидных пластиинок с ретушью на конце и по краям в верхней части. Некоторые приострены со стороны брюшка, аналогично наконечникам стрел. Остальные четыре изготовлены из микролитических пластиинок (табл. II, 14, 15). Следует отметить, что некоторые острия имеют обломанные нижние концы и, до некоторой степени, условно присоединены к этой группе орудий, так как отличить их от обломанных наконечников стрел является не всегда возможным.

Из других орудий Борковской коллекции резко выделяются два крупных орудия, изготовленные из массивных отщепов треугольной формы (табл. II, 19, 20). По краям у них тщательная, отжимная ретушь. Фасетки ретуши удлиненные, захватывают большую площадь поверхности. Не являющиеся типичными для мезолита, они по технике обработки весьма близко все же стоят к орудиям этого времени. На принадлежность этих двух орудий к описываемому комплексу указывает и характер кремня, сходный с остальными находками. Они отличаются от имеющихся в коллекции В. В. Докучаева немногочисленных поздненеолитических находок, о которых упоминалось выше.

Таким образом мы видим, что в целом Борковская коллекция В. В. Докучаева составляет весьма типичный комплекс, состоящий из миниатюрных пластиинок, а также из орудий, приготовленных преимущественно из них же, как то: скребков, главным образом концевого типа, резцов с преобладанием типа «на углу сломанной пластиинки», прошлаков с тонкой отжимной ретушью и, в особенности, наконечников стрел с коротким черенком. Это сочетание характерно для мезолитических стоянок восточной Европы.

Памятники этого времени известны уже в довольно значительном числе. Из наиболее близких территориально к Боркам можно на-

звать прежде всего стоянки Елин Бор¹ и Гремячее² по Оке; на Волге, в верховьях ее — Соболевскую стоянку,³ в низовьях — ряд пунктов с комплексом микролитических орудий; к западу — группу стоянок на р. Со же, близ Чечерска в урочище Гренск, и другие, исследованные К. М. Поликарповичем; южнее на Украине — главным образом в окрестностях г. Изюма на Донце — стоянки у сел. Петровского и другие, исследовавшиеся Н. В. Сибилевым.

Многочисленные памятники этого периода несколько отличаются от перечисленных выше находок присутствием в их инвентаре значительного числа геометрических микролитов (трапециевидных сегментов), почти полностью отсутствующих в более северных памятниках лесо-степной полосы. Впервые выделил эту группу памятников на территории СССР и дал ее хронологическое определение П. П. Ефименко в своей работе «Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний русских стоянок ранненеолитического возраста».⁴

В настоящее время, благодаря исследованиям последних лет, намечается расчленение этого типа памятников на последовательные стадии.

Наиболее характерная форма борковских орудий — наконечники стрел с черенком — находят себе полную аналогию не только в материале стоянок на Оке (Елин Бор, Гремячее), но и в польских стоянках этого времени в Свидрах⁵ и Хвалибоговицах. В описании Хвалибоговицкой стоянки Козловский отмечает наличие наконечников стрел, по форме приближающихся к ивовому листу, как признак позднего мезолита.⁶ Совершенно подобные наконечники стрел описаны нами выше (табл. III, 7—14). Не менее важным моментом для уточнения возраста мезолита Борков является присутствие скребковидных орудий на пластиинках с приостренной ретушью, также проявляющихся, по мнению М. В. Воеводского, в позднем мезолите⁷ (табл. I, 1, 2).

В дополнение к этому, существенным

¹ М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Стоянка Елин бор. Собр. археол., № 3, 1937, стр. 77—99.

² М. В. Воеводский. Стоянка Гремячее. Собр. археол., № 5, 1938.

³ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки родового общества. Археол. работы Акад. на новостройках в 1932—1933 гг., Изв. ГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 146—149.

⁴ Русск. антроп. журн., т. XIII, вып. 3—4, М., 1921, стр. 211—227.

⁵ L. Sawicki. Przemysl swidzki I stanowiska widmowego Swidry Wielkie, I. Przeglad Archeologiczny, т. V, вып. 1, Познань, 1925.

⁶ L. Kozłowski. L'époque mésolithique en Pologne. L'Anthropologie, т. XXXVI 1926 стр. 47—74.

⁷ М. В. Воеводский. Археол. работы Акад. на новостройках в 1932—1933 гг., Изв. ГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 149.

признаком датировки Борков является общий характер инвентаря. Четкие формы орудий, чрезвычайно точно изготовленные, свидетельствуют о развитом навыке в обработке орудий, что в свою очередь определяет развитой этап в мезолите.

Таким образом приведенные выше данные позволяют определить возраст Борковской стоянки как позднемезолитический.

Отсутствие характерных для мезолита геометрических форм в Борковском инвентаре, как и в стоянке Елии Бор, является, возможно, существенной особенностью

окского мезолита¹ и не может явиться противоречащим моментом при датировке.

В заключение следует отметить, что описанные материалы из собрания В. В. Докучаева с настоятельностью ставят вопрос о необходимости последующих обзоров в Борках, а также дополнительных исследований этой интересной стоянки.²

¹ П. П. Ефименко, ук. соч., стр. 224.

² Считаю необходимым выразить глубокую благодарность С. И. Замятину, оказавшему мне большую помощь в моей работе над этой статьей.

В. Ф. Земляков

О ДРЕВНЕЙШИХ СЛЕДАХ ЧЕЛОВЕКА В ОКРЕСТНОСТИХ ЛЕНИНГРАДА (стоянка у ст. Разлив Приморской ж. д.).

Обычным и широко распространенным типом неолитических памятников окрестностей Ленинграда являются стоянки, содержащие типичную ямочно-гребенчатую керамику II фазы развития гребенчатой керамики по I Ailio.⁴

Сюда относятся стоянки на Тарховской
косе,² у Сосновой горы,³ в Сестрорецке.⁴

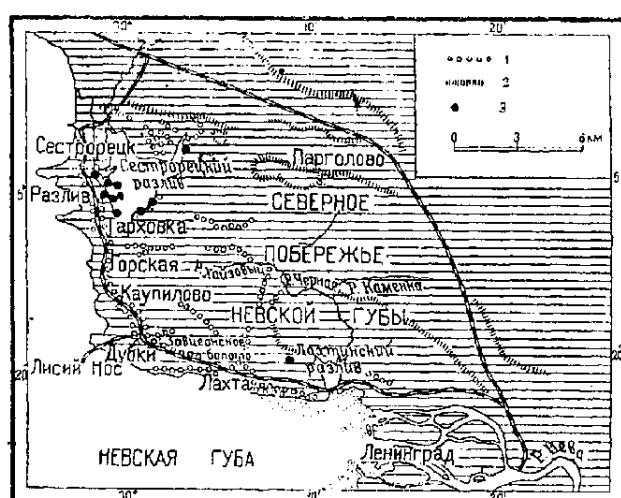

Рис. I. Археологическая карта сев. побережья Невской губы.
1—береговой вал; 2—террасы; 3—стоянка.

5 стоянок в прибрежной зоне западного берега Сестрорецкого разлива,⁵ располагающихся ниже уровня разлива и обнаруженных только после значительного снижения уровня воды во время ремонта плотины

¹ J. Ailio, Fragen der Russischen Steinzeit. Zeitschr. der Finn. Altertumsges., XXIX, Helsingfors, 1922.

² Б. Земляков. О следах каменного века на северном побережье Невской губы. Экскурс. демо, № 4-6, 1922.—Г. Сосновский и Б. Земляков. Каменный век у Тарховки. 1917.

³ С. Гамченко. Исследование Сестрорецких курганов в 1908 г. Зап. Отд. русск. и слав. археол. Русск. археол. общ., т. IX, 1913.

⁴ Б. Земляков. По следам доисторического человека. Естествозн. в школе, № 4, 1929.

⁶ Г. Сосновский. Развеки на Сестрорецком разливе. Археол. раб. Акад. на новостройках в 1932—1933 гг., ГАИМК, вып. 1, 1935.

(рис. 1). Наконец, к этой же группе памятников относится стоянка на южном берегу Кавголовского озера¹ в Токсово.

Еще более позднюю группу неолитических памятников представляют стоянки на Лахте² и на восточном берегу Сестрорецкого разлива у Глининого ручья между Тарховской стоянкой и стоянкой у Сосновой Горы. Эти памятники характеризуются плоскодонной керамикой с текстильным орнаментом.

Геологически стоянки первой, наиболее древней, группы датируются временем II трансгрессии каменного века, по W. Ramsay,³ или древнебалтийской трансгрессии, по С. Яковлеву,⁴ отвечающих второй половине или середине суб boreального периода Блитт-Сернандера,⁵ что при переходе на абсолютную шкалу дает II тысячелетие до н. э.

Вторая, поздняя, группа неолитических памятников датируется самым концом суббореального или даже началом субатлантического периода.⁶

Таким образом все перечисленные памятники являются по существу очень поздними, характеризующими последние этапы озёрного неолита лесной зоны северо-восточной Европы.

Среди перечисленных наименников совер-

¹ Н. Динцес. Неолитическая стоянка в Токсово. Изд. отд. Окр. общ. краевед. на Финско-Ладожск. перешейке. Лгр., 1929.

² Б. Земляков. Неолитическая стоянка на Лахте. Естествозн. в школе, № 4, Лгр., 1928.

³ W. Ramsay. Nivåförändringar och stenaldersbosättning i det Baltiska området. *Fennia*, № 47, Helsinki, 1926. — A. Europeus. Stendalderkeramik från Kustbopläser i Finland. *Helsingfors*, 1926. — E. Hyppä. Die postglazialen Niveauverschiebungen auf der Kareliischen Landenge. *Fennia*, № 56, 1932. — Idem. Postglacial changes of shore-line in South Finland. *Bull. de Com. Géol. de Finland*, № 120, Helsinki, 1937.

⁴ С. Яковлев. Наносы и рельеф г. Ленинграда. Лгр., 1926.

⁵ Б. Земляков. Доисторический человек Сев.-Зап. области в связи с геологией в послеледниковое время. ДАН СССР, 1928, № 5.

⁸ Б. Земляков. Четвертичная геология Карелии. Изд. КНИИ, Петрозаводск, 1936.

именно особое место занимает стоянка у ст. Разлив.¹

Прежде всего обращает на себя внимание археологический материал, лишенный керамики и представленный крупными, грубо сработанными орудиями с некоторыми чертами макролитоидной техники. К сожалению, условия нахождения этих памятников до самого последнего времени оставались не вполне выясненными, а поздняя датировка отложений, в которых они были захоронены, относимых ко времени древнебалтийской трансгрессии, т. е. второй половине суббореального периода, заставляла видеть в этих находках какие-то заготовки для крупных наконечников копий и дротиков, а также топоров. Отсутствие же керамики считалось чисто случайным явлением и отнюдь не рассматривалось как результат того, что мы имеем здесь дело с памятником еще бескерамического периода.

В связи с работой на протяжении ряда последних лет по изучению мезолитических и ранненеолитических памятников севера Европейской части Союза, автором заново был пересмотрен как археологический, так и геологический материал стоянки у ст. Разлив, позволивший совершенно иначе осветить этот памятник, представляющий выдающийся интерес в качестве древнейших следов человека в окрестностях Ленинграда, значительно превосходящих по своему возрасту перечисленные выше стоянки с керамикой ямочно-гребенчатого типа.

* * *

Стоянка у ст. Разлив была обнаружена А. Штакельбергом в 1915 г. на территории, занятой поселком Разлив, между домами №№ 19, 20 и 21 на 4-й Тарховской улице.

Первые находки были сделаны игравшими в песке детьми на глубине 40—50 см от поверхности. В 1920 г. дополнительные сборы материала с указанной стоянки были произведены П. Виттенбургом и Суомолайненом, а в 1921 г. автором, причем площадь сборов была несколько расширена.

Отметки места находок оказались колеблющимися между 18 и 16 м и были связаны с контактом золовых песков с более грубыми морскими.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

Геологическое строение прибрежной полосы Финского залива между Сестрорецким и Тарховкой, включающей и территорию поселка Разлив, было в основных чертах расшифровано еще в 80-х годах прошлого сто-

¹ Б. Земляков. О следах каменного века на северном побережье Невской губы. Экскурс. дело, № 4—6, 1922.

летия в работах Н. Соколова.¹ В приводимых указанным автором описаниях отмечается на всем пространстве гряды, протягивающейся между Финским заливом и Сестрорецким разливом, широкое развитие гравийных песков со следами грубой слоистости и остатками створок раковин из рода *Anodonta*, залегающих под дюнными образованиями. Изучение гравийных песков позволило Н. Соколову заключить, что эти грубыепески, поднимающиеся, как правило, до 12 м над ур. м. и являющиеся цоколем для развитых выше дюн, имеют, несомненно, водное происхождение. Возраст этих песков был определен J. Ailio² в 1915 г. как литториновый, однако более поздние исследования С. Яковлева³ показали, что эти пески правильнее рассматривать как послелитториновые отложения и датировать временем древнебалтийской трансгрессии, поскольку они являются осадками сильно опресненного бассейна и несогласно залегают на типичных солоноводных слоях литторинового моря.

Геологическое развитие этого района описывается С. Яковлевым следующим образом: «Во время максимума древнебалтийской трансгрессии западная часть Сестрорецкого разлива была открытой и находилась в свободном сообщении с морем. В силу того, что волны, выступавшие в этот залив, встречали здесь более спокойную воду, живая сила их уменьшалась и транспортируемый ими песок отлагался при входе в залив, образуя на дне его песчаный риф.

Последний, постепенно увеличиваясь в своей величине, поднялся до поверхности воды и отгородил Сестрорецкий залив от моря, превратив его в лагуну. С выходом песчаного рифа на дневную поверхность, слагающий его песок стал перевеваться ветром в дюны; последовавшее затем поднятие местности вывело на поверхность большую площадь песчаного рифа, в силу чего дюны стали развиваться в более значительных размерах; в дальнейшем в силу поднятия прекращается связь сестрорецкой лагуны с морем и она превращается в замкнутое озеро».

Иную датировку слоистых песков цоколя дюн в районе Сестрорецка выдвинул К. Марков.⁴ Совершенно отрицая существование каких-либо иных трансгрессий после литториновой, К. Марков датирует интересующие

¹ Н. Соколов. Дюны побережья Финского залива. Тр. СПб. общ. естеств., т. XII, 1881.

² J. Ailio. Die geographische Entwicklung des Ladogasees in postglazialer Zeit und ihre Beziehung zur steinzeitlichen Besiedelung. Fennia. № 38, Helsingfors, 1915.

³ С. Яковлев. Наносы и рельеф г. Ленинграда. Лгр., 1926.

⁴ К. Марков. Развитие рельефа северо-западной части Ленинградской области. Тр. Главн. геолого-развед. управл. ВСНХ СССР, вып. 117, Л.—М., 1931.

нас пески временем регрессии литторинового моря. Более поздние исследования Е. Нуурра,¹ произведенные в северной части Карельского перешейка, показали ошибочность построений К. Маркова. Материалы диатомовых анализов, приводимые К. Марковым, говорит в своей работе Е. Нуурра, позволяют предполагать, что ход развития Балтики в окрестностях Ленинграда в послеледниковое время был не так прост, как принимает Марков. Диаграммы галофильтности, которые представляют колебания содержания соли в его профилях, без сомнения, показывают заметное изменение солености воды, что лучше всего объясняется происходившими движениями морского уровня.

В пользу существования послелитториновой трансгрессии высказывались Thomasson, von Post, Asklund, Lundquist, Ramsay и др.

Наиболее полный материал по послелитториновым трансгрессиям приводит Е. Нуурра в своей последней сводке, изданной в конце 1937 г.²

Если после приведенных материалов вопрос о существовании в окрестностях Ленинграда следов не только одной послелитториновой трансгрессии, но даже нескольких едва ли может возбуждать сомнения, то все же упрощенная схема образования и строения косы между Финским заливом и Сестрорецким разливом, которая была сделана на основании работ С. Яковлева, также нуждается в некоторых изменениях и перестройке. Эти корректизы и были внесены после некоторых новых наблюдений.

Прежде всего, исследования в районе поселка Разлив показали, что мощность дюнного песка здесь оказывается значительно меньшей, чем ранее предполагалось. Как правило, золовые пески залегают в этом районе плащеобразно, повторяя с небольшими изменениями очертания цоколя, сложенного морскими песками. Отсюда, естественно, следует, что отметки, до которых достигают в интересующем нас районе галечные морские пески, оказываются более значительными, чем это предполагалось ранее. В частности, в ряде пунктов (и в том числе в поселке Разлив) они располагаются выше наивысшей границы древнебалтийской трансгрессии С. Яковлева, а потому не могли быть отложены этим бассейном.

Отсюда естественно сделать вывод, что толща гравийных песков, слагающих цоколь дюнных образований, далеко не однородна и не синхронична в отдельных своих частях.

¹ E. Nuurra. Die postglazialen Niveaumverschiebungen auf der Karelischen Landenge. *Fennia* № 56, Helsinki, 1932.

² Post-glacial changes of shore-line in South Finland. *Bull. de la Comm. Géol. de Finland*, № 120, Helsinki, 1937.

В частности, пески района ст. Разлив являются более древними образованиями, которые в виде острова возвышались над максимальным уровнем не только древнебалтийского, но даже литторинового моря (если принять последние поправки границ этого моря для интересующего нас района, предложенные Е. Нуурра).

Очевидно, образование косы в районе Сестрорецка — Тарховки, о которой писал С. Яковлев, было в значительной степени предопределено существованием на этой линии более древних островов.

Если мы вспомним, что находки древних орудий были сделаны в поселке Разлив на границе между галечным и дюнным песками, то естественно заключить, что очень плохо морфологически выраженный культурный слой этой стоянки был погребен дюнным песком, а это свидетельствует о появлении здесь человека в момент, предшествующий образованию дюн.

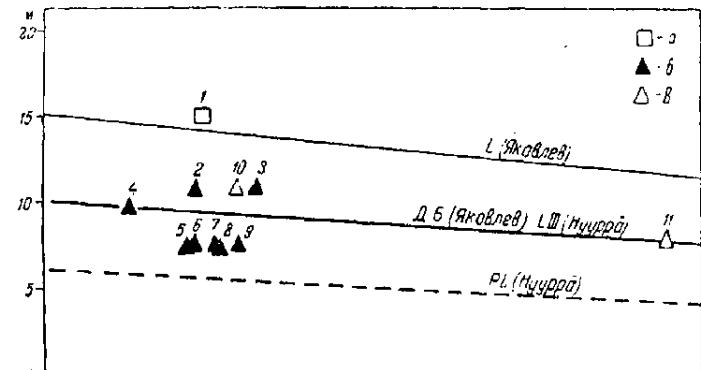

Рис. 2. Схема соотношений неолитических стоянок и послеледниковых морских уровней в районе сев. части Невской губы.

а — ранненеолитическая стоянка (атлантическая), б — неолитическая стоянка II фазы гребенчатой керамики, в — неолитическая стоянка III фазы гребенчатой керамики; стоянки: 1 — Разлив; 2 — Сосновая гора; 3 — Тарховка; 4 — Сестрорецк; 5—9 — на дне Сестрорецкого разлива; 10 — Глиняный ручей, 11 — Лахта; I — литториновая граница (по С. Яковлеву); II — III — древнебалтийская граница (по С. Яковлеву) и Littorina III (E. Нуурра); P.L. — Post Littorina E. Нуурра.

Поскольку осушение небольшого песчаного островка на месте современного поселка Разлив должно было произойти еще в литториновое время, отвечающее атлантическому периоду по схеме Блита-Сернандера, а главным моментом дюнообразования здесь явился более поздний — суббореальный — период, сделанные в районе Разлива археологические находки датируются еще атлантическим периодом. Вероятнее всего отнести их ко второй половине этого периода, соответствующего времени регрессии литторинового моря, когда остров в районе Разлива уже достаточно поднялся над уровнем моря, но еще не успел покрыться дюнными образованиями. К сожалению, пыльцевые пробы образцов с места стоянки не дали, в виду малочисленности находок, достаточно ясной датировки интересующих

нас песков, слагающих цоколь дюнной гряды в районе Разлива, но уже из одних гипсометрических данных можно сделать совершенно определенное заключение о том, что они древнее не только древнебалтийских, но вероятно и литториновых слоев (рис. 2).

Этот вывод существенно изменяет наши взгляды на возраст находок у ст. Разлив, значительно повышая их древность. В какой мере сделанные нами геологические заключения отвечают археологическим датировкам, постараемся разобрать в следующем разделе.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Каменные орудия, собранные на стоянке Разлив, изготовлены из нескольких разно-

вляют поделки, обработанные отжимной техникой, обычной для неолитических стоянок озерного неолита. Нуклеусов не было встречено вообще. Все найденные на стоянке орудия изготовлены из более или менее массивных отщепов.

Особенно крупными размерами отличается массивное эллипсоидальное орудие с измерениями $12.5 \times 9.5 \times 4.5$ см, изготовленное из громадного кремневого отщепа со сбитым ударным бугорком, несущее следы двусторонней обработки при помощи грубых сколов (рис. 3, 1—2). Эта поделка могла служить тяжелым рубящим или режущим орудием, приближаясь к орудиям типа ручных рубил.

Наиболее распространенной группой поделок являются миндалевидные орудия из

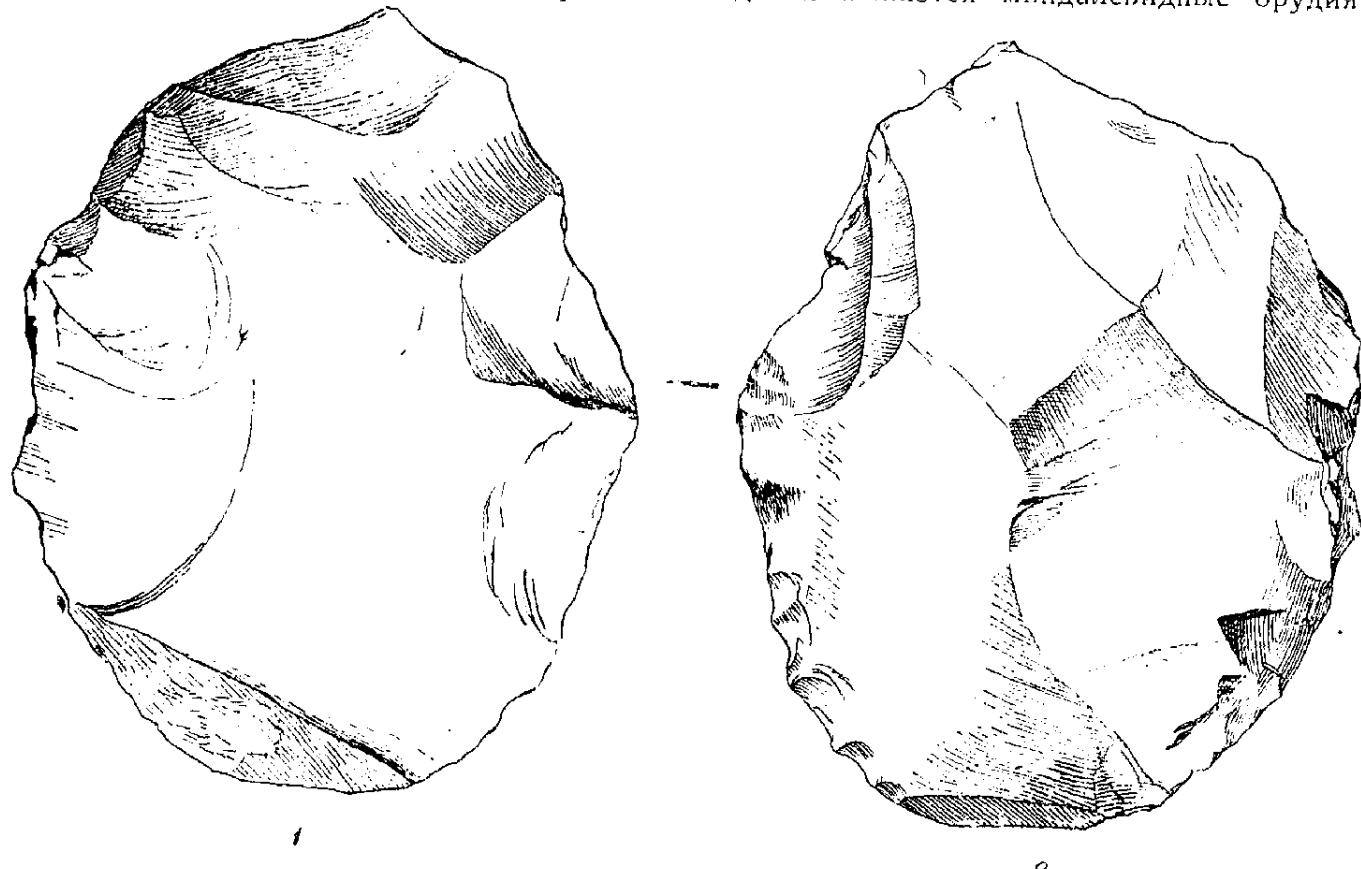

Рис. 3. Ручное рубило. $\frac{3}{4}$ нат. вел.

стей кремня, приближающихся больше всего к материалу кремневых желваков карбоновых отложений. Окраска кремня варьирует в пределах от бурой и желтой до лиловато-розовой.

Значительная часть орудий изготовлена из грубой, опоковидной разности породы, значительно уступающей по твердости нормальному кремню. Патинированность очень слабая.

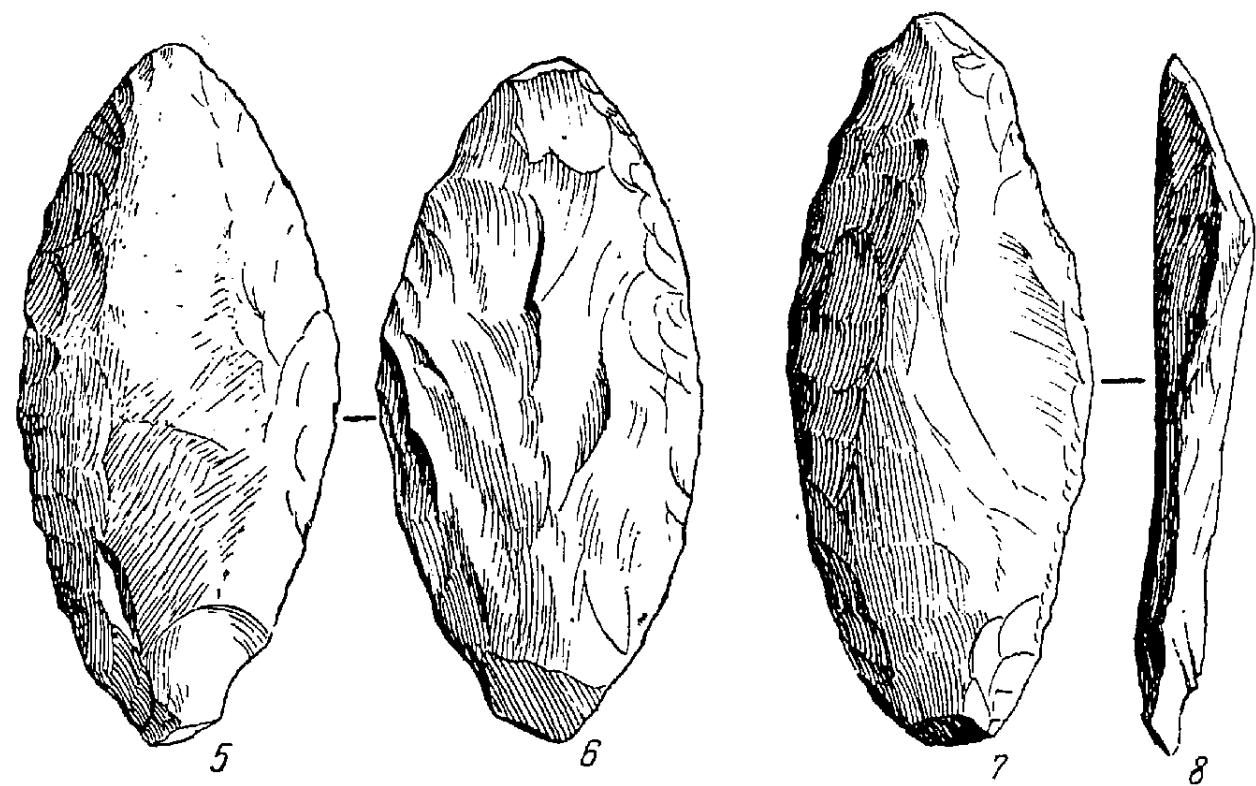
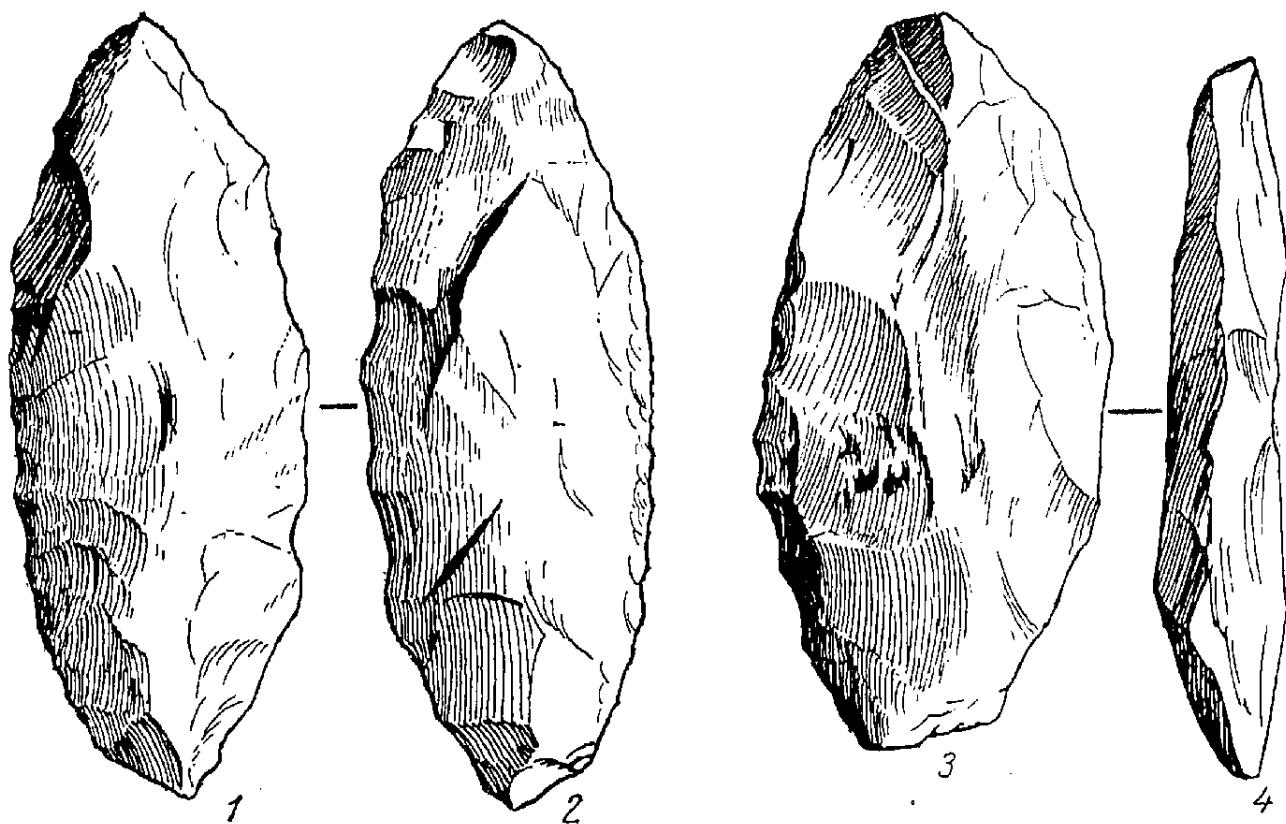
Уже с первого взгляда на материал стоянки у ст. Разлив выделяется группа орудий относительно крупных размеров, обработанная приемами макролитической техники. Другую, меньшую, группу орудий соста-

вляет поделки, обработанные отжимной техникой, обычной для неолитических стоянок озерного неолита. Нуклеусов не было встречено вообще. Все найденные на стоянке орудия изготовлены из более или менее массивных отщепов.

Сюда относится миндалевидное орудие, изображенное на табл. I, 3 и 4, изготовленное из розоватой опоковидной породы, уступающей по твердости кремню, с измерениями $8.5 \times 3.2 \times 1.3$ см. Орудие имеет несколько притупленные концы и несет отчетливую ретушь по одной из сторон. Весьма близкими по форме являются орудия, изображенные на табл. I, 1—2, 5—6, 7—8 с измерениями $8.1 \times 3.9 \times 1.4$, $7.8 \times 3.7 \times 1.2$, $8.2 \times 5.4 \times 1.2$.

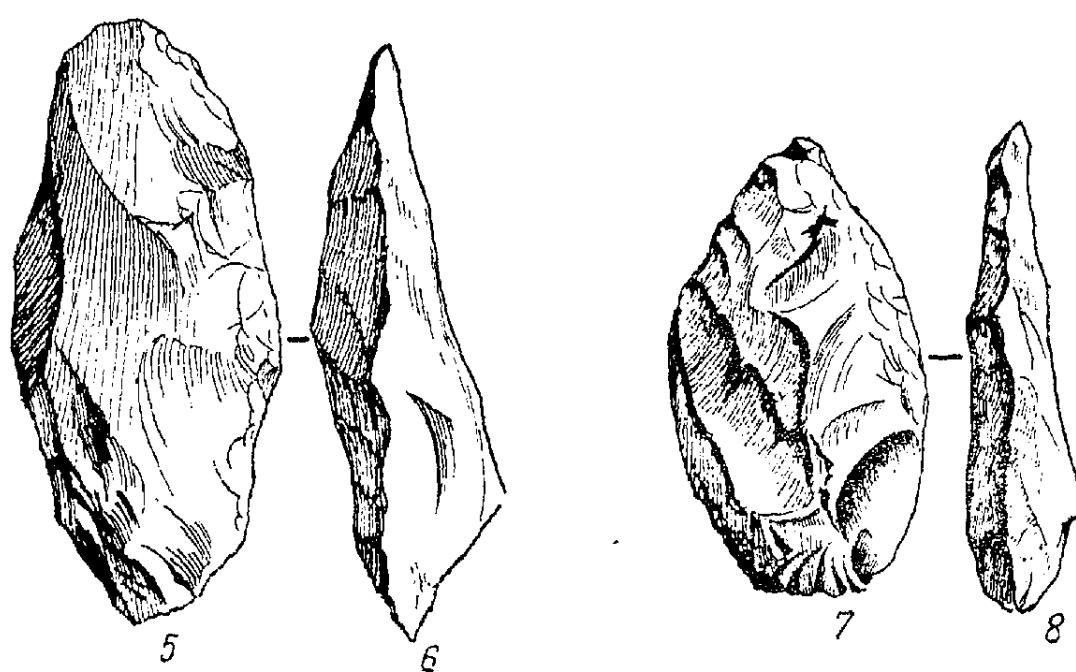
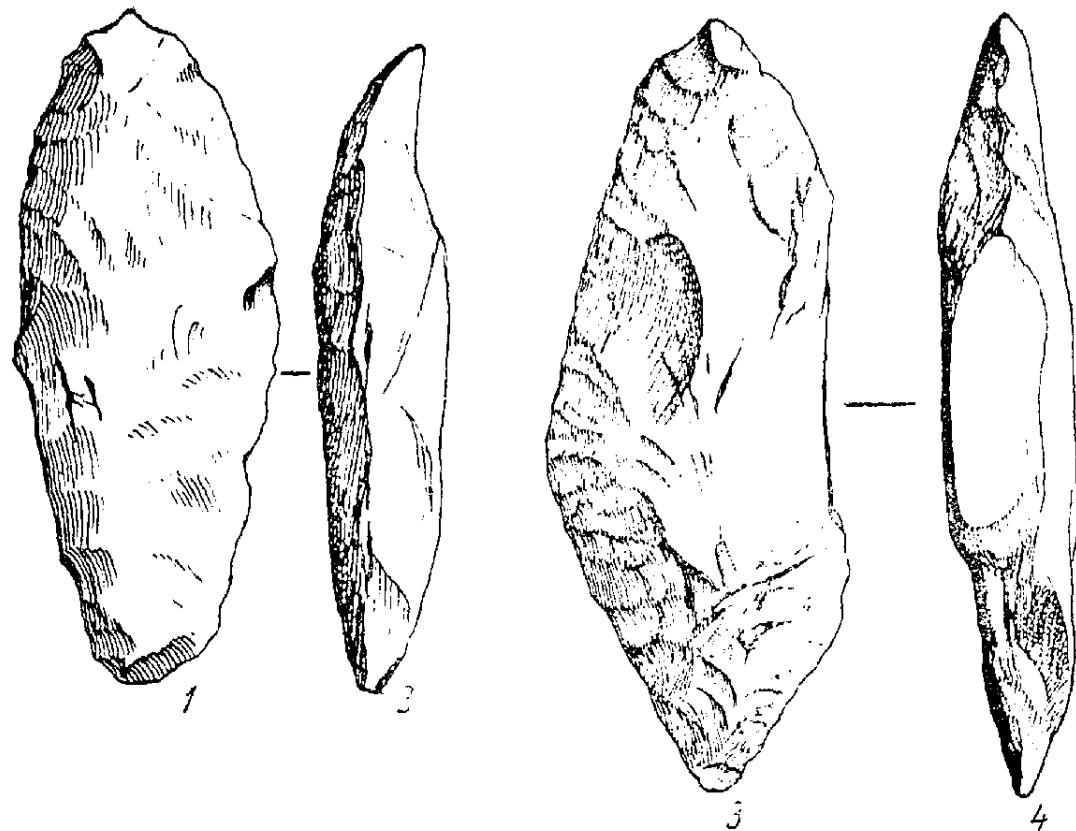
Все перечисленные орудия имеют правильные миндалевидные очертания и харак-

ТАБЛИЦА 1

Миндальевидные орудия Нат. вел.

ТАБЛИЦА II

Миндальвидные орудия. Нат. вел.

теризуются асимметричным продольным сечением. Наблюдающаяся во всех случаях некоторая притупленность концов и в то же время тщательная подправка по крайней мере одной из сторон свидетельствуют о том, что эти орудия употреблялись, главным образом, в качестве режущих инструментов. Особую группу заостренных миндалевидных орудий составляют поделки, изображенные на табл. II, 3—4, 5—6, и табл. III, 1—2, 3, с измерениями: $8.7 \times 3.1 \times 1.5$, $6.9 \times 3.0 \times 1.6$, $10.4 \times 3.7 \times 1.6$, $10.4 \times 3.7 \times 1.6$, $9.6 \times 3.6 \times 1.4$ см.

Отличительными чертами этих орудий является лучшая, чем у описанных выше, заостренность одного из концов и наличие большого плоского скола, притупляющего одно из ребер, в то время как другое всегда имеет следы тщательной, порой очень тонкой ретуши, превращающей край орудия в острое, режущее лезвие. Перечисленные орудия изготовлены из лучшего по своему качеству кремня и служили, очевидно, главным образом режущими инструментами.

Указанный выше плоский скол на одном из ребер этих орудий создавал удобный упор при надавливании на него рукой.

Третью группу миндалевидных орудий составляют поделки из желтоватой или розоватой опоковидной породы, сильно притупленные или даже закругленные с концов, в результате чего они получили удлиненно-эллиптическую форму (табл. II, 1—2, и табл. IV, 4).

К той же группе орудий примыкают эбошевидные формы (табл. III, 5—6).

Особую группу орудий представляют тонкие, неправильной формы пластинки, подправленные мелкой ретушью по одной или двум сторонам (табл. IV, 1, 2, 4, 5), что сообщает этим поделкам характер режущих орудий с одним или двумя лезвиями. В отдельных случаях указанную выше мелкую ретушь удается наблюдать на краях относительно массивных осколков и пластин (табл. IV, 7, 8).

К последнему типу поделок весьма близко подходят небольшие орудия с отчетливым резцовым сколом на одной из сторон (табл. V, 7, 8, 9 и 10).

Последнюю группу поделок составляют скребки обычных для неолита описываемого района типов. В качестве характерной особенности можно указать на отсутствие среди скребков типичных для позднего неолита миниатюрных форм.

Малочисленность находок не дает возможности выявить все черты, характеризующие этот памятник, но из приведенного перечня находок можно заключить, что отсутствие керамики является не случайным, а вполне закономерным явлением и что весь комплекс встреченных здесь орудий совер-

шенно определенно указывает на весьма глубокий по сравнению с соседними памятниками возраст стоянки.

ВЫВОДЫ

Анализируя кремневый инвентарь стоянки в поселке Разлив, необходимо отметить смешанный характер его. В то время как одна часть орудий приближается к типичным макролитам со всеми присущими последним особенностями техники изготовления, другая часть представляет обычные формы развитого неолита с ямочно-гребенчатой керамикой.

Говорить о смешении разновозрастных находок совершенно не приходится, так как все находки собраны в аналогичных геологических условиях. Очевидно, мы имеем здесь дело со своеобразным комплексом орудий, характеризующимся значительным процентом весьма архаических форм, что может служить показателем древности памятника.

Формы орудий, близкие к найденным на Разливе, можно встретить в собраниях макролитов из находок Басовой,¹ П. Шульца,² П. Симсона,³ в описаниях П. Ефименко⁴ и др. Еще, пожалуй, большую близость можно отметить с кремневым инвентарем Льяловской стоянки, изученной и описанной Б. Жуковым.⁵

Как и на Льяловской стоянке, преобладающим типом кремневых орудий мы имеем на Разливе миндалевидные орудия, близкие к кампиньенским «пикам» (pics).

Весьма близко совпадает и техника обработки орудий, только Льяловская стоянка дала керамику, в то время как на Разливе она отсутствует. Это последнее обстоятельство особенно ярко подчеркивает смешанный характер льяловских находок, содержащих типично неолитические формы орудий и керамику наряду с архаическими типами ручных рубил и «пиков», обработанных макролитоидной техникой. Все это те же черты, которые в менее отчетливой форме отмечались уже нами для стоянки у ст. Разлив.

Для нас параллель с Льяловской стоянкой представляет еще особый интерес потому, что последняя является одной из немногих неолитических стоянок средней по-

¹ Е. Басова. Памятники труда человека каменного века под г. Ржевом. Ржевский край, № 1, Ржев, 1926.

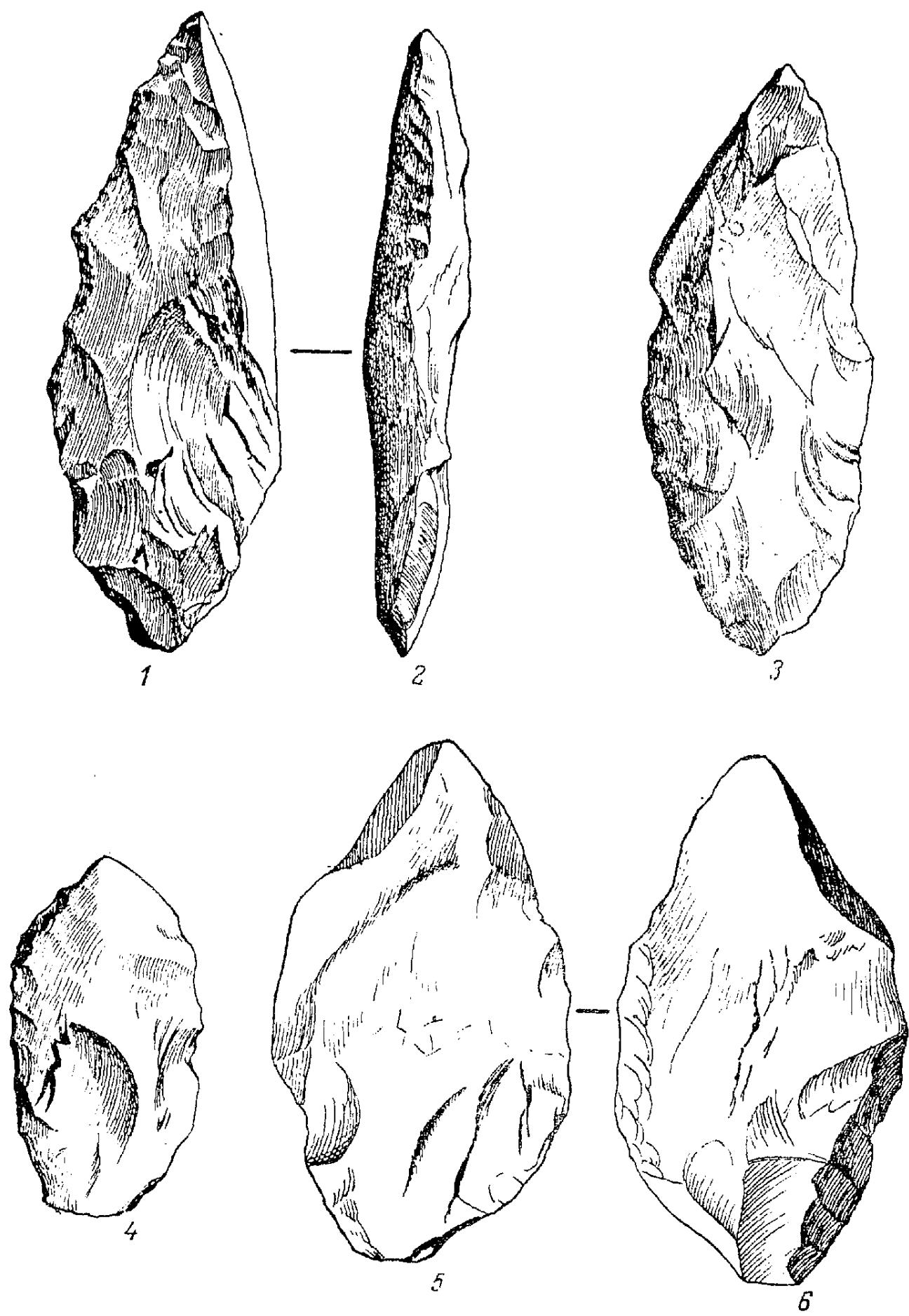
² П. Шульц. Археологические разведки в Ржевском уезде за 1923—1925 гг. Ржевский край, № 1, Ржев, 1926.

³ П. Симсон. Каменный век под Ржевом. Тверь, 1903.

⁴ П. Ефименко. Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородской губ. и их место в системе европейской палеоэтнологии. Русск. антроп. журн., 1916, вып. XXXVII—XXXVIII.

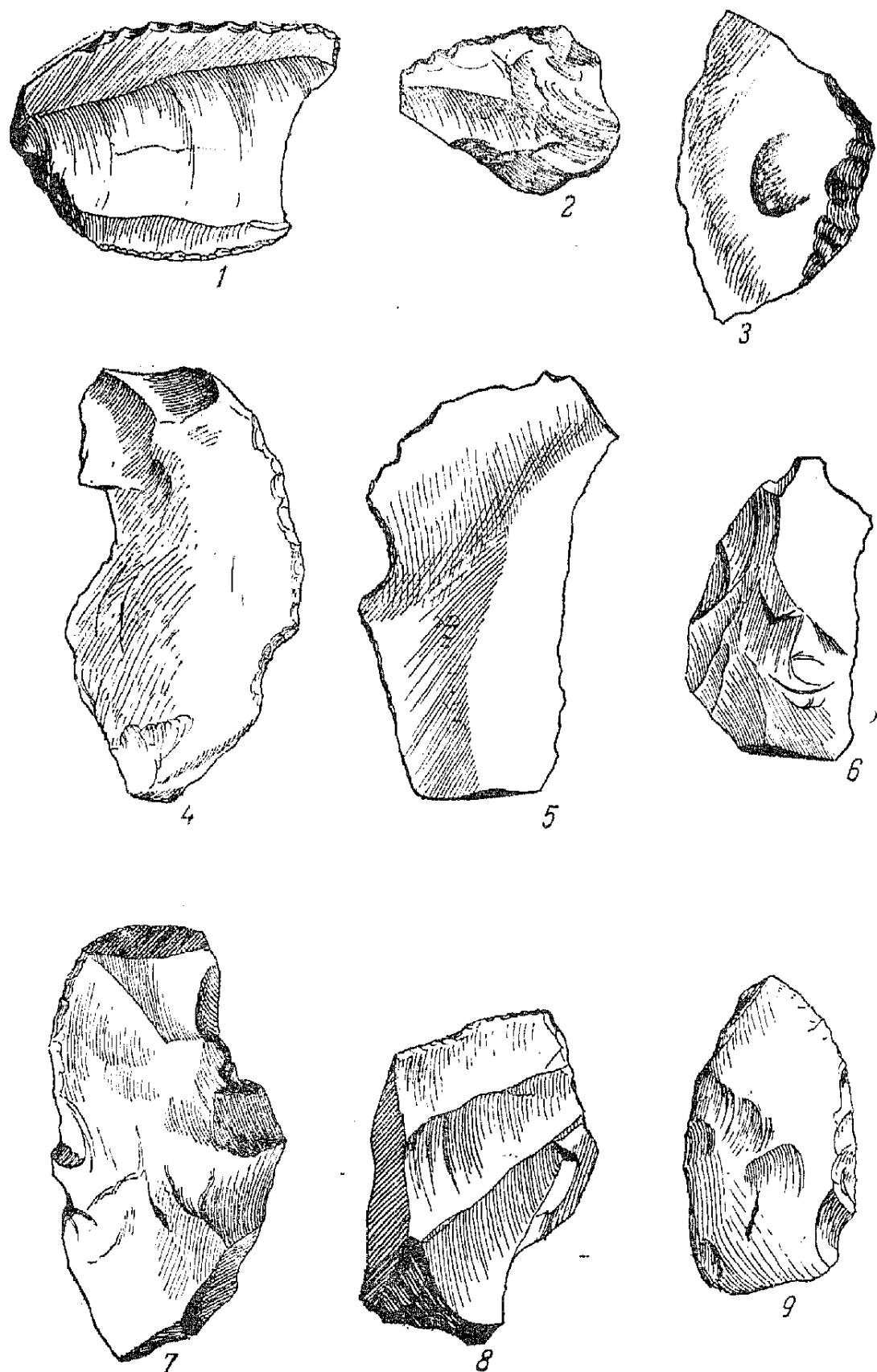
⁵ Б. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялова, Московского у. Антроп. журн., т. XIII, вып. 1—2, 1925.

ТАБЛИЦА III

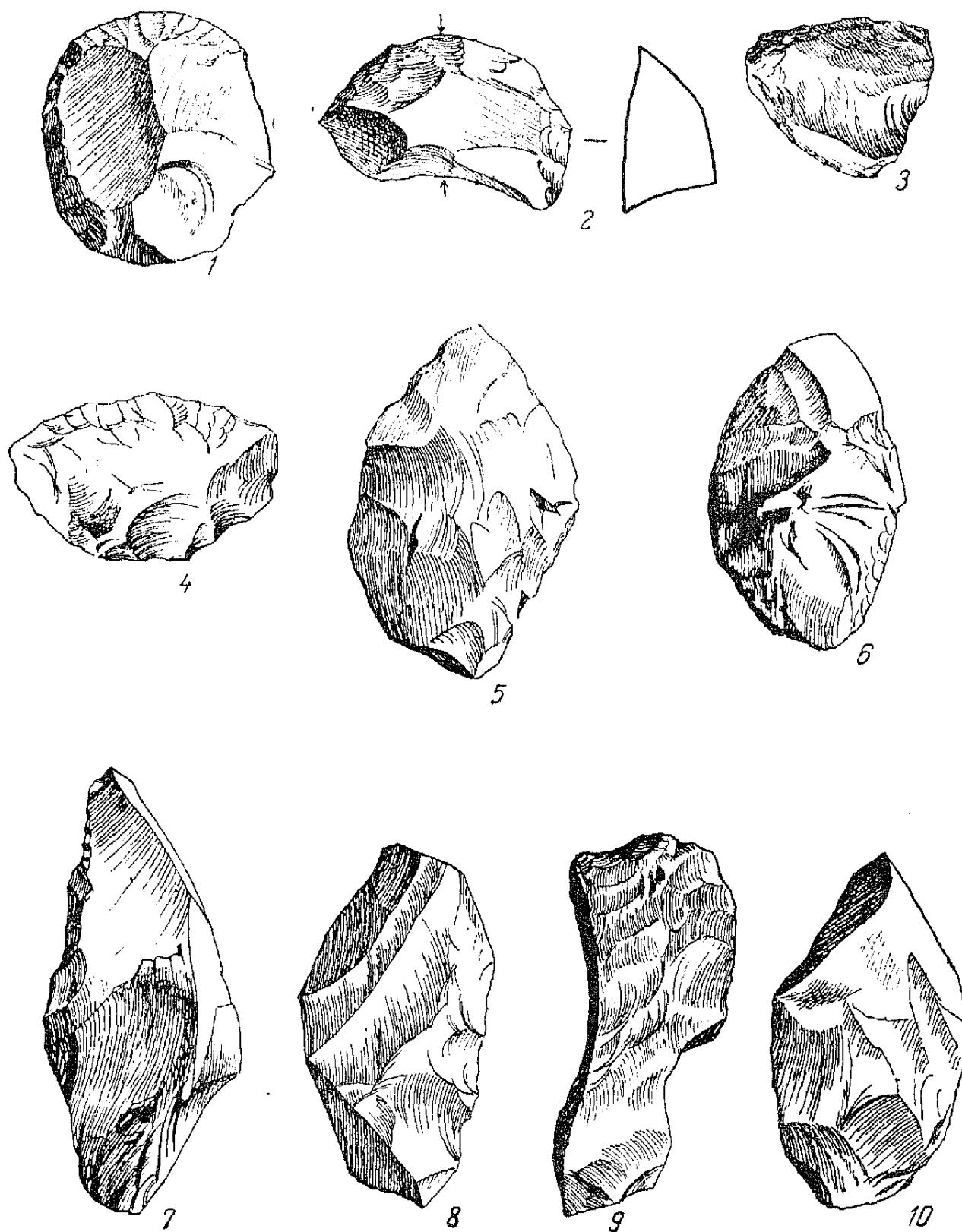
Грубые миндалевидные орудия. Нат. вел.

ТАБЛИЦА IV

Пластинки Нат. вел.

ТАБЛИЦА V

Орудия с резцовыми сколами и скребки. Нат. вел.

лосы Европейской части Союза, хорошо датируемых геологически.

Благодаря работам А. Мещерякова¹ и В. Доктуровского² возраст Льяловской стоянки довольно точно датируется концом атлантического периода, синхроничного литториновому веку Балтики.

Таким образом близость с Льяловской стоянкой намечается не только в характере находок, но и в геологической датировке этих памятников.

С другой стороны, известные параллели находкам у Разлива могут быть намечены в материалах датских къёккемёддингов, также датируемых литториновой порой. Так, например, ряд близких миндалевидных форм орудий вместе с типичными микролитами дают сборы Е. Westerby из Ламмефиорда, представляющие одну из разностей Эртебёлльской культуры.³ Число подобных при-

¹ А. Мещеряков. Торфяник у с. Льялова, как место неолитической стоянки. Тр. Антроп. инст. I МГУ, вып. 1, прилож. к «Русск. антроп. журн.» (т. XIII, вып. 1—2, М., 1925).

² В. Доктуровский. Определение возраста Льяловской стоянки по пыльце в торфе. Тр. Антроп. инст. I МГУ, вып. 1, прилож. к «Русск. антроп. журн.» (т. XIII, вып. 1—2, М., 1925).

³ E. Westerby. Stenalderboplasser ved Klampenborg. Nogle Bidrag til Studiet af den mesolithiske period. København, 1927.—V. Nordmann. Menneskets Invandring til Norden Danmarks. Geol. Undersøgelse, III, № 27, København, 1936.

меров можно было бы значительно увеличить, но это не повлияло бы на конечные выводы.

Таким образом разбор археологических материалов стоянки Разлив приводит нас к заключению, что этот памятник значительно превосходит своей древностью широкораспространенные в описываемых местах памятники озёрного неолита. Как мы уже видели, геологические условия находок на Разливе не только этому не противоречат, но полностью это заключение подтверждают. Уточняя геологический возраст стоянки, мы могли бы датировать ее временем регрессии литторинового моря, отвечающей второй половине атлантического периода и переходу к суб boreальному.

По археологической датировке Разлив может быть сближен во многих отношениях с Льяловской стоянкой и близкими к ней по возрасту находками Дании и т. п., датируемыми также концом атлантического периода. Переходя к абсолютной хронологической сетке, стоянка на Разливе может быть датирована IV тысячелетием до н. э.¹

Близкое совпадение геологической и археологической датировок дает уверенность в правильности определения возраста стоянки на Разливе и вынуждает признать в этом памятнике древнейшие следы человеческих поселений в окрестностях Ленинграда.

¹ W. Ramsay, ук. соч.

Н. Н. Гурица

ОРУДИЯ ВОЗНЕСЕНСКОЙ СТОЯНКИ

Темой настоящей работы является описание каменных орудий из раскопанной В. И. Равдоникасом в 1934 г.¹ неолитической стоянки, расположенной на правом низком берегу р. Свири вниз по течению и занимающей площадь длиной около 1 км.

Здесь на поверхности встречались многочисленные обломки керамики и орудий из сланца и кремня. Эти находки сосредоточивались в узкой прибрежной части, концентрируясь по отдельным участкам, не распространяясь в глубь берега.

Раскопки на площади стоянки были поставлены в трех пунктах.

Стратиграфия Вознесенской стоянки в местах всех трех раскопов более или менее однородна. Верхний слой речного песка намывного происхождения, мощностью от 0.10 до 0.30 м, покрывал обычно всю площадь раскопа. В толще этого слоя встречались отдельные находки неолитической керамики и каменных орудий.

Ниже, под слоем речного песка, залегал слой щепы и древесины позднейшего происхождения, местами переходящий в темнобурую массу древесно-торфообразного слоя, в толще которого, в нижних горизонтах, также попадались отдельные находки. Мощность этого слоя неравномерна; местами же слой отсутствует вовсе. Ниже залегала торфообразная масса с большим количеством крупных валунов. Подстилающим слоем, как это прослеживалось на всех раскопах, повсюду был зеленоватый суглинок без находок. Между этими слоями не прослеживалось резкой границы, а, наоборот, наблюдался постепенный переход от древесного торфа в камышевый, отличающийся по окраске.

Все слои выклинивались в сторону реки. Шурфы, заложенные в глубь берега, дали такую же стратиграфию, но были лишены культурных остатков.

Основная масса находок была обнаружена в торфообразном слое камышевого

происхождения, причем распределение их по площадям раскопов было более или менее равномерным. Отсутствие угля и костных остатков, тем более комплексов жилищ или очагов, является особенностью как этой, так и других стоянок, известных на р. Свири, что дало повод некоторым исследователям предполагать вторичное залегание находок.

Во время раскопок Вознесенской стоянки был собран громадный материал, исчисляющийся в 7000 предметов, причем подавляющее большинство его приходится на I и II раскопы.

Основная масса находок этой стоянки, состоящая из многочисленных обломков неолитической керамики, украшенной разнообразным орнаментом, позволила нам наметить ряд разновременных групп, из которых самой большой является группа с круглоячным и ромбическим, а затем «геометризованным» и «сетчатым» орнаментом.¹

Другая часть материала стоянки, целые орудия и их обломки, подтвердила правильность этого деления. Описание именно этой части находок мы и даем в настоящей статье.

ОРУДИЯ I И II РАСКОПОВ

По характеру материала орудия I и II раскопов распадаются на 4 численно неравные группы: орудия из кремня, сланца, шифера и кварца.

Кремневые орудия представлены тонко отретушированными наконечниками стрел лавролистной формы, скребками и скребковидными орудиями на пластинках различной формы, проколками и проколковидными остриями, резцами, одним рыболовным крючком, ножевидными пластинками и значительным количеством мелких отщепов и осколов.

Орудия из сланца имеются в большинстве случаев лишь в обломках, но достаточно характерных для уяснения формы и типов. Это толстообушные топоры, топоры так наз.

¹ Отчет о раскопках В. И. Равдоникаса см. в «Советской археологии», № 5.

¹ Н. Н. Гурица. Керамика Вознесенской стоянки. Сов. археол., № 5.

русско-карельского типа, долота, округлые или трапециевидные в сечении, тесла и мелкие по размеру стамески. Здесь мы не встречаем уплощенных и плоских орудий из сланца, обычных для позднего неолита. Поделки из шифера малочисленны и относятся к предметам украшений, из которых наиболее интересными являются обломки колец.

Кварц и кварцит использовались для орудий реже, в силу их специфической структуры, которая затрудняла обработку. Мы имеем один кварцевый скребочек и значительное количество бесформенных обломков с частичной подправкой.

Орудия III раскопа немногочисленны. Из сланца мы имеем обломки широкого, плоского тесла и обломок недосверленного ладьевидного топорика. Из поделок имеется привеска в виде просверленной сланцевой галочки и палочка для нанесения ямочных углублений на сосудах.

Ассортимент кремневых орудий также небогат: скребки, наконечники стрел и несколько ножевидных пластинок. Форма наконечников стрел поздняя.

По таким немногочисленным находкам трудно было бы утверждать что-либо определенное о возрасте этой части стоянки, если бы не было сопровождающей их позднеолитической керамики, орнаментированной гребенчатым чеканом.

Одной из характерных черт неолитических стоянок северо-запада СССР (главным образом Карельской АССР) является отсутствие в них крупных орудий из кремня — топоров, долот. Орудия этой категории обычно изготовлены из сланца, и лишь скребки и наконечники стрел, реже ножи, — из кремня. Это явление неслучайно и может объясняться отсутствием здесь кремня (ближайшим месторождением кремня, вероятнее всего, является Вытегра), тогда как сланец выходит на поверхность почти повсеместно. Естественно, поэтому, что изготовление крупных кремневых орудий было невозможно, зато орудия из сланца отличались большим разнообразием форм и высокой технической обработки.

Сланец, являясь породой более мягкой, нежели кремень, легче поддавался обработке, хотя по качеству и уступал кремню. При изготовлении орудий из сланца у неолитического мастера выработались и определенные технические приемы — пиление и шлифовка. Орудия со следами пиления и кварцитовые пилы встречаются в ряде стоянок раннего керамического неолита. Судя по обломку (рис. 2, 1) такой технический прием был хорошо известен и человеку Вознесенской стоянки.

После распиления, тогда когда орудие приобретало надлежащую форму, его подвергали дальнейшей обработке — полирова-

нию. Среди орудий нашей стоянки имеются обломки полировальных плит и заполированные орудия.

В тех случаях, когда пиление почему-либо не применялось, орудие обрабатывалось вначале крупными, а потом более мелкими сколами и лишь после этого подвергалось полированию.

Кроме пиления, к сланцу применялся и способ высверливания отверстий подым сверлом (вероятно, трубчатой костью) с обеих сторон орудия. Такой прием мы видим на шиферных привесках в виде колец, имеющихся в нашем материале, и на недосверленном топорике.

К кремневым орудиям применялся способ мелкой отжимной ретуши, дающий очень красивые, тщательно отделанные предметы.

Скребки. Наибольшую по численности группу кремневых орудий Вознесенской стоянки I и II раскопов представляют скребки различной формы и мелкие скребковидные отщепы с частичной обработкой одной из граней. Всего в обоих раскопах насчитывается 52 скребка и 46 отщепов с частичной ретушью.

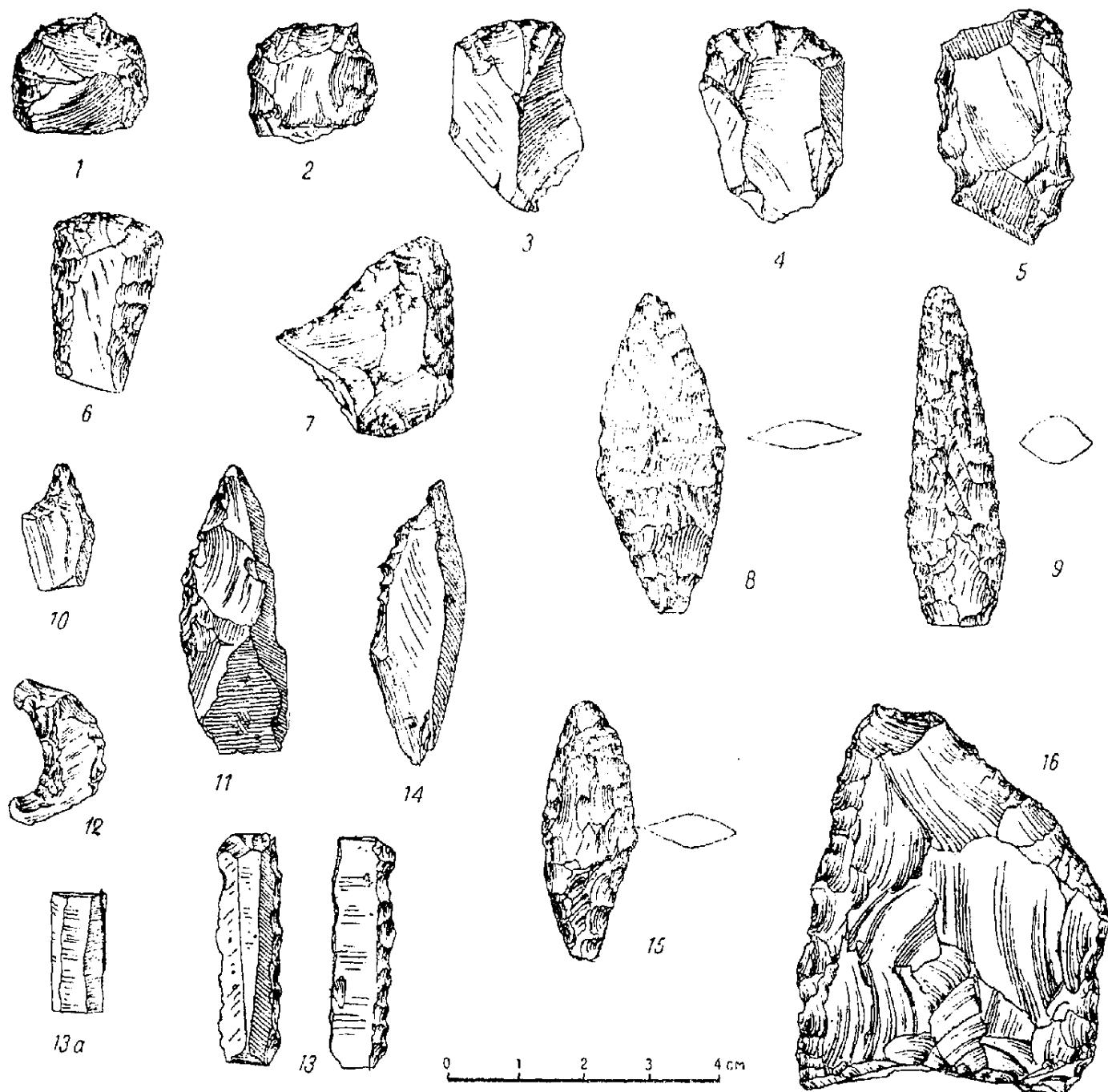
Все они сделаны из кремня, варирующего по цвету от темножелтого и желтого до розоватого, почти белого, лучшего качества по сравнению с тем, из которого сделаны другие кремневые орудия, как, например, наконечники стрел. В основном, величина скребков незначительна (наибольший по размеру скребок имеет 4.5 см длины и 4.5 см ширины). Техника обработки — мелкая, тщательная отжимная ретушь, идущая по одной или нескольким граням (в зависимости от формы).

Все имеющиеся скребки по форме можно объединить в следующие группы: окружные, концевые, удлиненные, трехгранные и, наконец, следует особо выделить группу скребков случайной формы.

Скребки окружные (17 экз.) (табл. I, 1—2) — на массивных, незначительных по величине отщепах (от 3 до 1.5 см в диам.). Одна из сторон обработана тщательной мелкой ретушью, другая (с брюшком) без обработки и прекрасно сохраняет раковистость излома. Мелкая отжимная, чаще крутая ретушь идет по всем граням скребка, за исключением лишь незначительной части, служившей местом скрепления скребка с рукояткой. Рабочий край носит следы частых употреблений в виде характерных заполированных участков и выщербинок.

Концевые скребки (18 экз.) (табл. I, 3—4) — незначительной величины (от 2.5 × 2 см до 2 × 1 см) из кремневых пластинок треугольных или трапециевидных в поперечном сечении, слегка удлиненной формы, с тщательной, крутой отжимной ретушью на одном из концов. Противоположная рабочей

ТАБЛИЦА I

Кремевые орудия из Вознесенской стоянки.

1, 2—скребки окружные; 3, 4—скребки концевые; 5, 6—скребки удлиненные; 7—скребок треугольной формы; 8, 15—наконечники стрел; 9—наконечник стрелы ромбовидный в сечении; 10—проколка; 11—заготовка под наконечник стрелы; 12—рыболовный крючок; 13—ножевидная пластинка; 13а—ножевидная пластинка со следами отжима от нее мелких ножевидных пластинок; 14—проколка; 16—обломок наконечника копья.

части грань обычно не обработана, и лишь в исключительных случаях наблюдается некоторая подправка по длинным сторонам, имеющая случайный характер. Рабочий край носит следы частого употребления.

Удлиненные скребки (табл. I, 5—6) немногочисленны (6 экз. размером от 4×2 см до 2.5×1.5 см), изготовлены из светлого кремня и обработаны мелкой отжимной ретушью, идущей по трем граням орудия. Одна из граней, обработанных ретушью, сужена к тыльной части и, вероятно, в этом месте скреплялась с рукоятью. На двух

скребках этой группы можно наблюдать по одной из удлиненных сторон незначительные, круглые выемки, ретушь которых наиболее сработана, что указывает на произошедшую данной частью скребка обработку какого-то круглого предмета с незначительным диаметром (древко для стрел?).

Скребки треугольные (3 экз. 3.5×3 см) (табл. I, 7) с тремя обработанными гранями, образующими два острых угла. Техника обработки та же — отжимная, мелкая ретушь.

Скребки случайной формы (8 экз. от

4.5×4.5 см до 1.5×0.5 см) из пластинок различных, неправильных очертаний, с мелкой ретушью, располагающейся по двум, реже трем граням. Характерных следов частого употребления не наблюдается. Возможно, что это не скребки, а лишь неоконченные орудия-заготовки.

Количественное преобладание скребков над другими категориями кремневых орудий прослеживается не только на материале Вознесенской стоянки, но также в ряде других, одновременных ей. Это свидетельствует о большом значении подобного рода мелких орудий из кремня, повидимому, с весьма различным функциональным назначением.

Сработанность скребков — обычное явление, это вероятнее всего объяснялось трудностью добычи кремня, не встречающегося поблизости, в связи с чем проявлялась особая бережливость, заставлявшая неолитического человека употреблять их до полной непригодности.

Скребки, как и другие орудия Вознесенской стоянки, имеют ряд общих черт с орудиями этого же типа других стоянок, находящихся с ней в территориальной и хронологической связи. Таковыми прежде всего можно считать стоянку на Ладожском озере, раскопанную А. А. Иностраницевым,¹ Негежемскую,² Медвежегорскую³ и Войнаволоцкую⁴, исследованные Б. Ф. Земляковым.

Необходимо указать на то, что данная категория орудий (неолитические скребки) не может являться объектом для датировки стоянки, в силу чего их следует рассматривать в общем комплексе орудий труда.

Наконечники. Наконечники стрел представлены 11 экз., изготовленными из розового и желтоватого кремня хорошего качества. Форма их удлиненная, лавролистная, овальная в поперечном сечении (табл. I, 8, 15). Обработка — двусторонняя, мелкой отжимной ретушью, образующей ровный край орудия. Тыльные части слегка затуплены. Несколько иную форму имеют лишь два наконечника: № 3364, отличающийся большей толщиной (его поперечное сечение приближается к ромбу) (табл. I, 9) и № 4047, имеющий небольшой черешок. Техника их обработки совершенно сходна с вышеописанной. Величина всех наконечников невелика (от 5×1.8 см до 2.5×1 см).

От наконечников копий и дротиков имеется всего 3 обломка из прекрасного серова-

¹ А. А. Иностраницев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. 1892.

² Б. Ф. Земляков. Негежемская неолитическая стоянка. Тр. Комиссии по изуч. четверт. периода, изд. Акад. Наук СССР, Лгр., 1932.

³ Б. Ф. Земляков. Археол. работы Акад. на новостройках в 1932—1933 гг., стр. 11—22.

⁴ Там же.

того кремня, обработанного мелкой отжимной ретушью. Форма их (насколько это можно судить по обломкам) листовидная. Величина средняя, за исключением № 5088 (табл. I, 16), который отличается своим размером, не типичным для неолитических стоянок северо-запада СССР (длина обломка 5 см, ширина в месте слома 4.5 см). Наконечники подобной величины попадаются исключительно редко. Прочие наконечники стрел и копий совершенно сходны с одноименными им в ряде стоянок.¹

Помимо этих вполне законченных и побывавших в употреблении экземпляров, имеются и заготовки под наконечники (табл. I, 11), болванки, обработанные крупной, а местами мелкой ретушью.

Всего имеется 14 экз., размерами от 3.5×0.5 см до 1×0.5 . Одной из отличительных черт неолитических стоянок северо-запада СССР является немногочисленность находок на них кремневых ножевидных пластинок и ножей. Подобное явление, повидимому, нельзя отнести за счет незнакомства со способами отжимной техники, доказательством чему служат орудия из кремня (такие, как наконечники стрел и копий, скребки), обработанные отжимной ретушью, которые попадаются нам если и не в большом количестве, то во всяком случае во всех стоянках. Следовательно, причину этого явления надо искать в другом. Вероятнее всего, как нам кажется, оно объясняется указанным ранее фактом отсутствия поблизости кремня в виде значительных жертваков, годных для производства орудий. Это обстоятельство заставляло экономить материал и в тех случаях, когда это было возможно, заменять его иным, в частности костью. Естественно, такими орудиями не могли быть скребки, которые по своим функциям должны были обладать несравненно большей сопротивляемостью, чем обрабатываемый ими материал (кость), ими были скорее всего ножи.

Эти две причины — недостаток кремня и относительно низкое его качество — объясняют малочисленность, а иногда и отсутствие на стоянках ножевидных пластинок и кремневых ножей. Доказательством нашего предположения, что не отсутствие знания приемов отжима кремневых пластинок было причиной их малочисленности, является пластинка № 3368 (табл. I, 13, 13а) (а также ряд других) с идеально параллельными гранями, имеющая на одной из своих сторон слабо выпуклые фасетки, идущие параллельно друг другу, — следствие отжима маленьких ножевидных пластинок от куска кремня, от кото-

¹ Негежемская, Войнаволоцкая 9, Медвежегорская 2 — раскопки Б. Ф. Землякова.

рого впоследствии и была отбита описанная пластинка.

Проколки. Найдено всего 6 экз., различных как по величине, так и по форме. На ряду с проколками средней величины (4.5×3 см) имеются и очень мелкие (1.5×0.5 см). Форма их сводится к двум типам. Первую группу составляют проколки с поперечным сечением, близким к треугольнику, места пересечения граней которого обработаны мелкой отжимной ретушью, располагающейся только у рабочего конца. Острье, образованное пересечением трех граней, несет следы частого употребления — правильность фасеток нарушена (табл. I, 14).

Вторую группу представляют проколки на тонких плоских отщепах, острия которых образованы двумя гранями, обработанными односторонней мелкой отжимной ретушью. Эта группа отличается миниатюрностью размера и тонкостью обработки. Подобного рода проколки встречаются в стоянках, на которые мы уже неоднократно ссылались¹ (табл. I, 10).

Резцы. Орудием, приближающимся к проколкам, являются резцы, представленные у нас единственным экземпляром из светлосерого кремня, треугольного в поперечном сечении с характерным резцовым сколом.

Рыболовный крючок. Любопытным представителем кремневой индустрии можно считать небольшой предмет — рыболовный крючок (табл. I, 12). По форме он серповидный, небольшого размера (2×0.7 см) из сероватого кремня очень хорошего качества. По всей плоскости он обработан мелкой тщательной ретушью. Конец слегка закруглен, на тыльной части имеется выемка, служащая, вероятно, для прикрепления. Границы очень остры и ретушь совершенно не повреждена. Вероятно, он являлся составной частью крючка и употреблялся вместе с костью или деревом.

Топоры. Преобладающими по численности являются не целые орудия, а их обломки (3 целых топора и 14 обломков). Все они (табл. II, 1—3) являются фрагментами массивных полированных топоров из серого сланца, круглых или трапециевидных в поперечном сечении. Толщина значительна (от 4.5 до 5 см). Судя по целым экземплярам, длина топоров достигает до 16 см. Они сохраняют типичные черты более ранних топоров керамического неолита. В их числе находятся так наз. топоры русско-карельского типа (№ 4041 — табл. II, 4) трапециевидные в поперечном сечении, с нешироким (4 см) почти прямым и острым лезвием, образованным двумя поверхностями, одна из которых гладкая и слегка выпукло округлая, а другая,

противоположная ей, узкая с параллельными боковыми гранями, более широкими у лезвия и несколько суживающимися к тыльной части. Длина топора 14 см, ширина 5 и высота 3 см. Ближе к тыльной части вокруг всего топора заметны сколы, служившие, по-видимому, для более удобного прикрепления к рукоятке.

Топор № 3301 (табл. II, 6) отличается лишь в деталях: поперечное сечение его близко к треугольному, цвет светлее, полировка не захватывает всей площади граней — ближе к тыльной части они обработаны крупными сколами. Подобная форма топоров широко известна в ряде ранних неолитических стоянок с ямочно-гребенчатой керамикой северо-запада СССР.¹

Другая форма топоров, представленная в Вознесенской стоянке (табл. II, 5), также сохраняет архаические черты. Это массивные топоры, почти округлые в поперечном сечении, с округлым лезвием, образованным постепенным спуском двух граней, суживающихся к тыльной части. Толщина топора 6 см. Полировка на всей поверхности. Обычно в поздненеолитических стоянках топоры подобной формы не встречаются.

Топоры, являясь важнейшими из орудий труда человека неолитического периода, служат хорошим датирующим материалом. Такая форма, как русско-карельская, довольно точно определяет возраст стоянки концом III — началом II тысячелетия до н. э. и исчезает в более позднее время.

Другой характерной чертой топоров нашей стоянки (помимо их массивности) является сильная сработанность. Мы уже высказывали ранее мысль о причинах сработанности кремневых орудий, вызванной экономией материала, наличие же в ряде стоянок сланцевых орудий со вторичной обработкой указывает, как нам кажется, и на экономию времени. У нас имеются чаще всего лишь тыльные части орудий, которые выбрасывались за полнейшей непригодностью. В это состояние сланцевые топоры приходили довольно скоро вследствие плохого качества самого материала. Благодаря своему крупному размеру целые топоры терялись исключительно редко, чем и можно объяснить преобладание здесь обломков, в противоположность скребкам, которые встречаются на стоянке значительно чаще в целом виде.

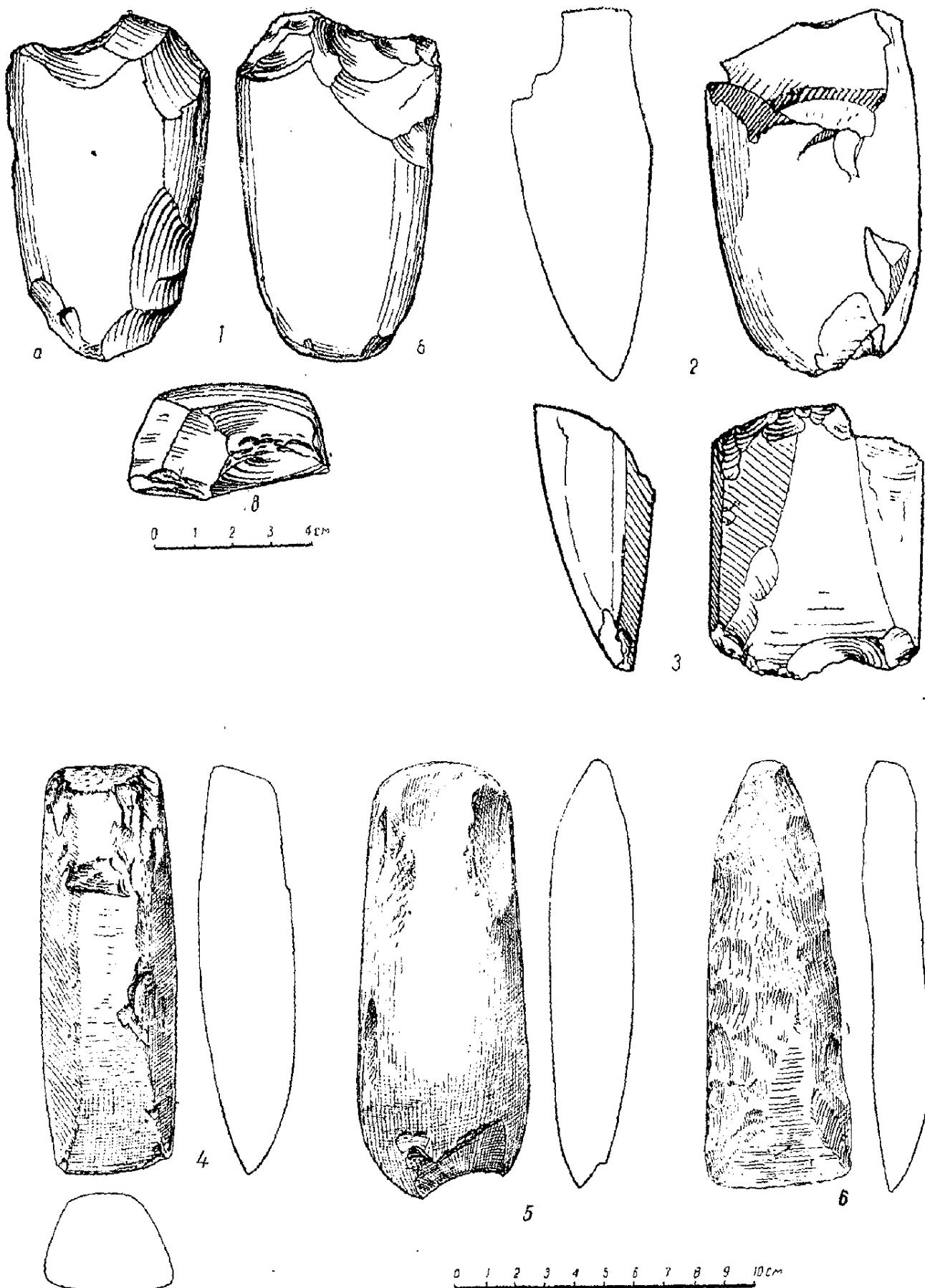
Долота. Среди долот можно наметить две основные группы, неравные количественно: долота прямые (12 штук) и долота желобчатые (2 штуки).

Прямые долота (табл. III, 2, 3, 7, 8) представлены довольно полно, начиная от бол-

¹ Вой-Наволок 9 — раскопка Б. Ф. Землякова, Сунская стоянка — раскопка А. Я. Брюсова.

¹ Негежемская, Медвежегорская 2.

ТАБЛИЦА II

Топоры из Вознесенской стоянки I и II раскопов.

1 — обломки топора ($\frac{2}{3}$ нат. вел.); 2, 3 — обломки топора ($\frac{3}{4}$ нат. вел.); 4 — топор русско-карельского типа ($\frac{1}{2}$ нат. вел.);
5 — топор с круглым лезвием ($\frac{1}{3}$ нат. вел.); 6 — топор близкий к русско-карельскому ($\frac{1}{2}$ нат. вел.).

Долота из Вознесенской стоянки:

1—обломки долота; 2, 3, 7, 8—прямые долота; 4—обломок тесла; 5—6—долота желобчатые и их обломки.

ванок (заготовок) до орудий, побывавших в употреблении, что позволяет проследить стадии их обработки.

Наибольший интерес в этом отношении представляет долото № 4120 (табл. III, 2) как орудие не совсем законченное, в силу чего сохранившее ряд любопытных деталей.

Оно изготовлено, как и все другие, из светлосерого сланцевого бруска, удлиненного по форме, с четырехугольным поперечным сечением. Одна из широких сторон его плос-

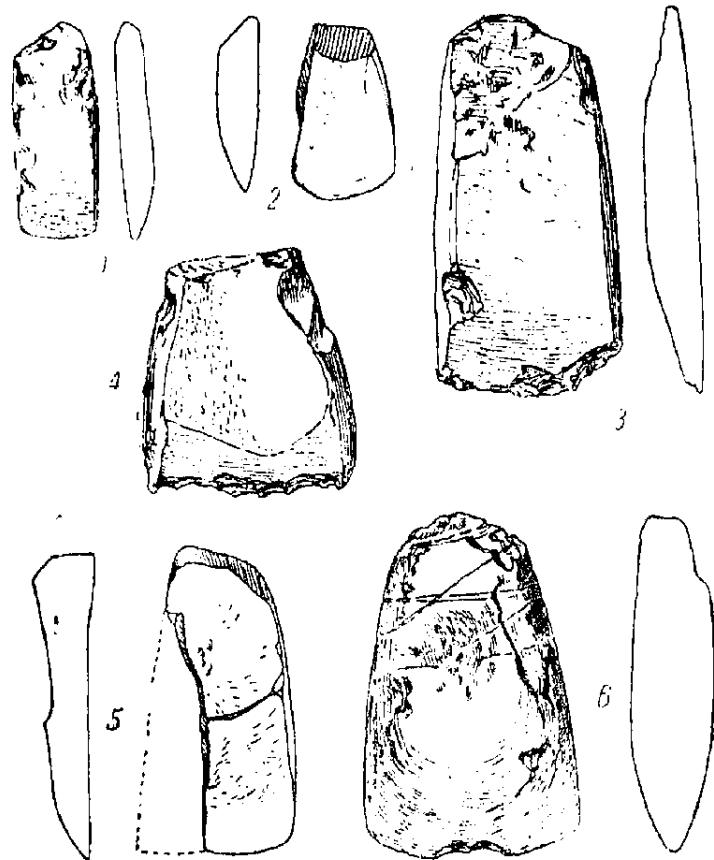

Рис. 1.

1—2—стамески; 3—6—тесла и их обломки. 1/2 nat. vel.

кая, у тыльной части постепенным спуском склоненная к лезвию. Спуск другой очень резкий. Само лезвие имеет форму заполированной площадки шириной в 0.06 м.

Если устанавливать стадиальность процесса изготовления долота, то она будет иметь следующие этапы: болванку из сланца, обработанную сначала крупными, а потом и мелкими сколами (таких болванок имеется у нас 2), подвергали полированию. Работа велась вначале над узкими гранями, затем приступали к полировке широких сторон, доводя ее вплоть до лезвия, причем прилегающую к лезвию часть полировали сильнее. Далее полировку переносили на собственно лезвие. Его делали в виде плоскости, перпендикулярной к другим плоскостям граней. Последним моментом обработки долота являлась пришлифовка широкой грани таким образом, что она резко отделялась от спуска

к лезвию и шла под углом к нему, постепенно захватывая площадку, пока не образовался тонкий, острый край орудия.

Такой процесс производства мы можем наблюдать на долоте № 4120 (табл. III, 2), не прошедшем лишь последней стадии обработки.

Форма долот сильно удлиненная, четырехугольная в поперечном сечении. Это категория орудий, наиболее хорошо сохранившаяся среди материала Вознесенской стоянки.

Долота желобчатые представлены лишь двумя обломками и двумя целыми орудиями. Три из них, насколько позволяют судить оставшиеся части (табл. III, 1, 5, 6), массивные, округлые в поперечном сечении, с неглубоким желобком, доходящим до тыльной

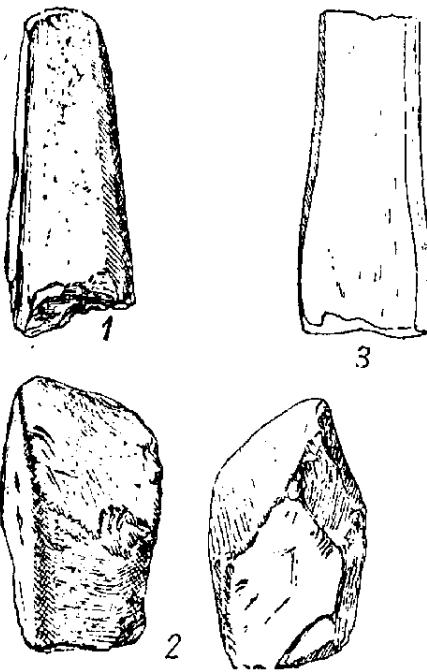

Рис. 2.

1—орудие со следами пиления; 2—лощило; 3—обломок точила. 1/2 nat. vel.

части и образующим полукруглое лезвие долота. Размер их, повидимому, довольно значительный; лишь одно орудие этого типа отличной сохранности и обработки, предназначавшееся исключительно для мелких работ, имеет небольшой размер (4.5×1 см).

Тесла. Представлены в стоянке 7 обломками (табл. III, 4; рис. 1, предметы 3, 4, 5) и одним целым орудием (рис. 1, предмет 6); размеры их от 9×4 см до 55×3 см. Все они из светлосерого сланца, полированные, четырехугольные в поперечном сечении. Одна из широких сторон их плоская, другая резко склонена к лезвию, которое в силу этого асимметрично. Рабочий конец значительно шире тыльной части. На узких гранях заметна ребристость, что указывает на полировку в несколько приемов. Лезвие всех экземпляров отличается сильной сработанностью, совершенно нарушив-

шей первоначальную форму тесла. Они настолько тупы, что имеют ширину до 6 мм. Описываемые орудия были выброшены вследствие полной непригодности, не подвергаясь вторичной обработке.

Стамески. Данная категория (рис. 1, предметы 1, 2) орудий немногочисленна (всего найдено 4 экз.) и не является датирующей в силу своего широкого распространения хронологически и территориально. Это орудия небольшой величины (от 5×2 см до 3×1 см), изготовленные из светлосерого сланца, плоские в поперечном сечении, в основном с симметричным лезвием, образованным постепенным спуском обеих граней. Само лезвие прямое и ост्रое. Тыльные части уплощены и, вероятно, приспособлены тем самым ко вставлению в рукоятку.

Аналогии имеются в раскопках А. А. Иностранцева и в Медвежегорской стоянке 2, раскопанной Б. Ф. Земляковым.

Лощило. Значительный интерес вызывает находка (рис. 2, предмет 2) в раскопе II, изготовленная из темносерого сланца. По форме орудие неправильно-четыреугольное, с четыреугольным поперечным сечением. Две грани не обработаны. Третья грань уплощенная, гладкая, как бы слегка заполированная с большим количеством мелких штрихов, довольно глубоких и беспорядочно направленных. Для нас представляют интерес две грани, которые мы считаем рабочими. Обе они вогнутой неправильно-сферической формы и имеют следы заполированности; кроме того, на их поверхности заметны очень мелкие штрихи, идущие в одном направлении по диагонали. Несомненно, что именно эти грани и были рабочими частями орудия.

Заполированность поверхности говорит о назначении этого орудия как лощила. Повидимому, ими заглаживали поверхность какого-либо предмета, судя по вогнутости граней, с округлым очертанием и незначительным диаметром (вероятнее всего костяного наконечника).

Грань, покрытая коркой, имеет на конце, примыкающем к рабочей грани, незначительную выемку, образованную с помощью скола и сильно заглаженную. Можно предположить, что это углубление служило местом для помещения пальца при работе.

Весь предмет в целом сильно заглажен, точнее затерт, повидимому, вследствие частого употребления. Это указывает на то, что он был одним из необходимейших орудий. Размер его невелик — 6×3 см.

Обломки полировальных плит и точил. Кроме собственно орудий труда, на Вознесенской стоянке имеются и части предметов, способствующих выработке этих орудий, — полировальные плиты

(3 экз.) и точила (2 экз.), изготовленные из песчаника.

Один из обломков полировальной плиты имеет очень хорошо заполированную поверхность с мелкими, едва заметными штрихами, располагающимися кругообразно. Поверхность другого заполирована хуже, зато края его оббиты и заострены, что говорит об использовании его впоследствии как орудия (рис. 3).

Обломок точила представляет кусок красноватого песчаника с заглаженной поверхностью, на которой заметны незначительные по диаметру желобки, полученные, вероятно, вследствие затачивания на нем округлых предметов.

Другой обломок точила (№ 4323 — рис. 2, предмет 3) имеет вид удлиненного бруска песчаника, четыреугольного в поперечном сечении. Широкие и узкие грани его поверхности указывают на их частое употребление. Это подтверждается и формой самого орудия. Ребра широких граней сужены к одному концу и расширены к другому. Это нарушение параллельности граней вызвано сильной сточенностью узких граней, вогнутых внутрь. Такое явление характерно для всех точил. Подобная вогнутость позволяет говорить о том что перед нами не целое орудие, а его обломок. Несомненно, в целом виде точило имело форму правильного бруска с концами одинаковой ширины. После долгого применения узкие грани особенно сильно сточились в середине, и в этой части точило сломалось. Судя по сохранившимся следам, можно предположить следующий способ использования точила: на узких гранях полировались лишь неширокие плоские предметы встречным движением, вследствие чего середина точила получала вдвое большее нажима и потому в этой части сильнее стачивалась. Что касается широких граней, то подобного явления мы не наблюдаем. Они плоски и заглаженность их заметна на всей поверхности. Однако, внимательно всматриваясь, можно наблюдать, что середина имеет небольшой ширины желобок, идущий вдоль орудия. Он мог образоваться, как нам кажется, вследствие полирования выпуклого предмета с небольшим диаметром.

Таким образом, повидимому, узкие грани точила применялись при затачивании плоских предметов, а широкие для выпуклых, небольшого диаметра (костяных наконечников стрел и гарпунов?).

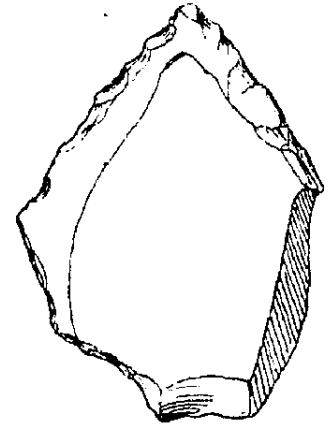

Рис. 3. Обломок полировальной плиты, обработанной по краям. $\frac{1}{2}$ nat. vel.

Размер точила невелик (длина 7.5 см, наиб. ширина 3.5 см).

Сланцевый нож. Несколько необычным для неолитических стоянок северо-запада СССР является не совсем законченный сланцевый нож, плоский, обоюдоострый, ромбовидной формы. Один из его суженных концов образует рукоять, второй лезвие (рис. 4).

Рукоять носит следы заглаженности. Плоскость острия слегка заполирована. По-видимому, несмотря на то, что орудие не было закончено, оно употреблялось в ра-

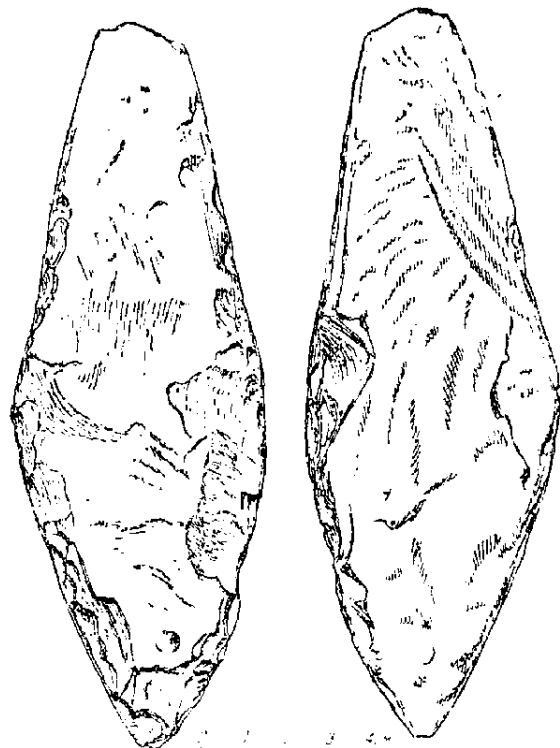

Рис. 4. Сланцевый нож.

боте, о чем свидетельствует сработанность края. Длина ножа 17 см, наиб. ширина 6 см.

Незаконченные орудия. Орудий из сланца, над которыми проведена лишь частичная обработка, на нашей стоянке очень немного: заготовка под топор, заготовка под сланцевый нож и камень со следами пилиния.

Заготовка под топор — из светлосерого сланцевого бруска, овального в поперечном сечении, обработанного крупными сколами в различных направлениях. Следы полировки отсутствуют.

Заготовка из того же материала в виде плоской широкой пластины, с начатой полировкой одной из поверхностей и крупными сколами по краю. Судя по форме и размеру это заготовка под нож. Длина его 14 см, ширина 6 см.

Орудие с надпилом — небольшой обломок орудия (тыльная часть) из серого

сланца, обработанного полированием, которое, не захватив всей плоскости граней, оставило очень отчетливо наблюдаемые следы пилиния в виде неглубокого (0.5 см) желобка, имеющего заглаженную поверхность (рис. 2, предмет 1).

Прием обработки сланцевых орудий пилинием широко применялся в период раннего неолита на северо-западе СССР и в Финляндии, о чём свидетельствуют находки подобного рода орудий и пил в ряде стоянок.¹

Поделки из шифера представлены хотя и

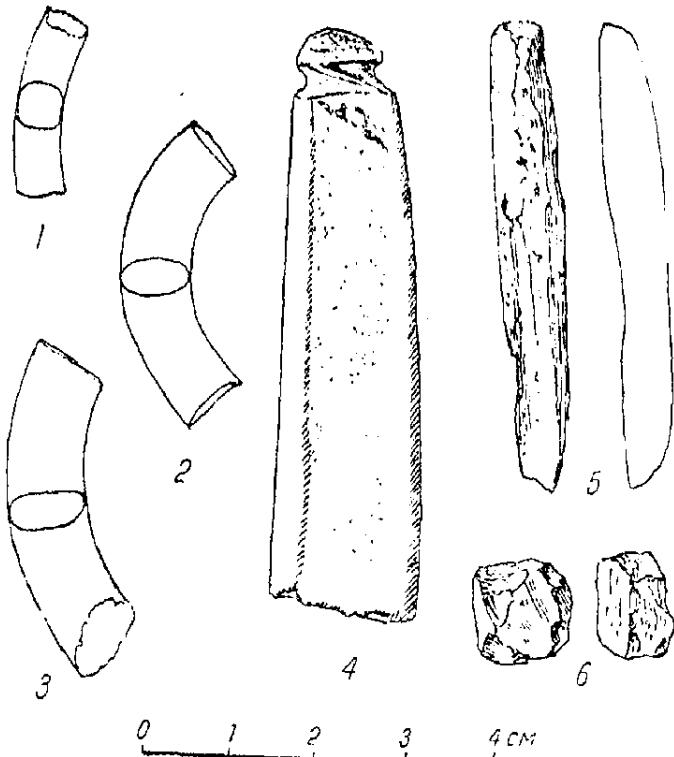

Рис. 5.

1—3 — обломки шиферных колец; 4 — поделка из шифера; 5 — штамп для керамики; 6 — кварцевый скребочек.

немногочисленными, но характерными образцами, вероятнее всего являющимися предметами украшений.

Кольца. Имеется всего 3 фрагмента. № 405 — небольшой обломок кольца серого шифера, в поперечном сечении приближающегося к кругу, прекрасно заполированного. Судя по имеющейся части, диаметр его равен 7 см по внутреннему кругу, толщина 4 см (рис. 5, предмет 1). №№ 4325, 4187 — два обломка (рис. 5, предметы 2, 3), близких к вышеописанному, но отличающихся в деталях. Форма их более уплощена, поперечное сечение — вытянутый овал (диаметр одного по внутреннему кругу 3.5 см, ширина 0.8 см, толщина 0.5 см; диаметр другого 5.5 см, ши-

¹ В стоянке, раскопанной А. А. Иностранцевым и относящейся к III тысячелетию до н. э., и в стоянках, раскопанных А. Я. Брюсовым: оз. Лососиное, Машозеро (Карело-Финская ССР), относящихся ко второй половине III тысячелетия до н. э.

рина 0.8 см, толщина 0.4 см). На одном из фрагментов имеется небольшое просверленное с двух сторон отверстие, вероятно для подвешивания. По тщательности обработки можно предполагать, что эти вещи служили украшениями. Каких-либо следов от работы в виде штрихов или царапин не наблюдается. Вещи, аналогичные описанным, встречаются в ряде стоянок северо-запада СССР, датируемых, исходя из комплекса вещей и геологических данных, ранней стадией неолита. Такова стоянка на Ладожском озере, раскопанная А. А. Иностранцевым, на которую мы неоднократно ссылались, где имеется точно такой же обломок с двумя отверстиями, и Негежемская стоянка, раскопанная Б. Ф. Земляковым.

Поделка № 5308 (рис. 5, предмет 4) удлиненная, в поперечном сечении в форме вытянутого овала. С одного концаужена, к другому расширена. На узком закругленном конце имеется глубокая нарезка, идущая вокруг всего орудия, выполненная в несколько приемов. Назначение указанного предмета аналогично предыдущим. По всей плоскости имеется безупречная полировка. На боковых, округлых гранях она производилась очень незначительными участками, о чем свидетельствует едва заметная гранчность. Каких-либо следов от работы не видно. Конец, противоположный концу с насечками, обломан. Длина 6.9 см, ширина в изломе 1.8 см, ширина в месте нарезок 0.8 см.

Поделка № 2038 (рис. 5, предмет 5) — штамп для керамики в виде удлиненной палочки, округлой в поперечном сечении, заточенной на конце. Полировка недостаточно тщательна. Следов сработанности не наблюдается.

Кварцевые орудия. Одним из отличий неолитических стоянок северо-запада СССР от стоянок того же времени других территорий является использование кварца как материала для выделки орудий труда. На всех неолитических стоянках северо-запада встречаются среди находок куски кварца, принесенные несомненно умышленно на территорию стоянки, но значительно реже мы имеем орудия, сделанные из этого материала. Характер их очень однороден — это исключительно наконечники стрел и скребки.

Кварц, обладая режущими свойствами, превосходящими кремень, отличается от последнего хрупкостью. Орудия, изготовленные из него, ломались значительно быстрее. Отжимная техника обработки кварца была невозможна в силу его кристаллической природы, поэтому кварц обрабатывался с помощью сколотой техники.

Применение кварца как материала для орудий объяснялось недостаточным количеством кремня.

В Вознесенской стоянке имеется 26 отщепов кварца, из которых только одно является орудием: маленький, округлый скребочек, обработанный крутой ретушью. На некоторых отщепах можно наблюдать начальную обработку в виде мелкой, неправильной ретуши (рис. 5, предмет 6).

ОРУДИЯ III РАСКОПА

Третий раскоп по площади значительно меньших размеров, чем два первых, в силу чего он имеет и значительно меньший материал. Инвентарь его отличается по материалу и форме. Сланец светлосерого цвета, почти беловатый, более мягкий. Повидимому, добыча его была в ином месте, чем в период существования поселения на территории I и II раскопов, что может указывать на их разновременность.

По имеющемуся инвентарю находок, происходящих из III раскопа, можно считать, что этот участок не был местом постоянного жительства, а посещался периодически на сезон рыболовства и охоты. Инвентарь здесь исключительно мелкий, топоры отсутствуют.

Установливая разновременность стоянок на I—II и III раскопах, можно считать последнюю более поздней. Об этом свидетельствует как форма некоторых орудий (напр. обломок сверленого молота), так и керамика, свойственные более поздней стадии неолита.

Кремневая индустрия третьего раскопа по численности преобладает над сланцевой. Состав ее таков же, как и двух первых: скребки, наконечники стрел, ножевидные пластинки. Цвет кремня несколько иной — серый и темносерый.

Скребки (7 экз.). По форме различаются округлые, концевые, треугольные. Кроме того, форма некоторых скребков носит случайный характер (табл. IV, 1—4).

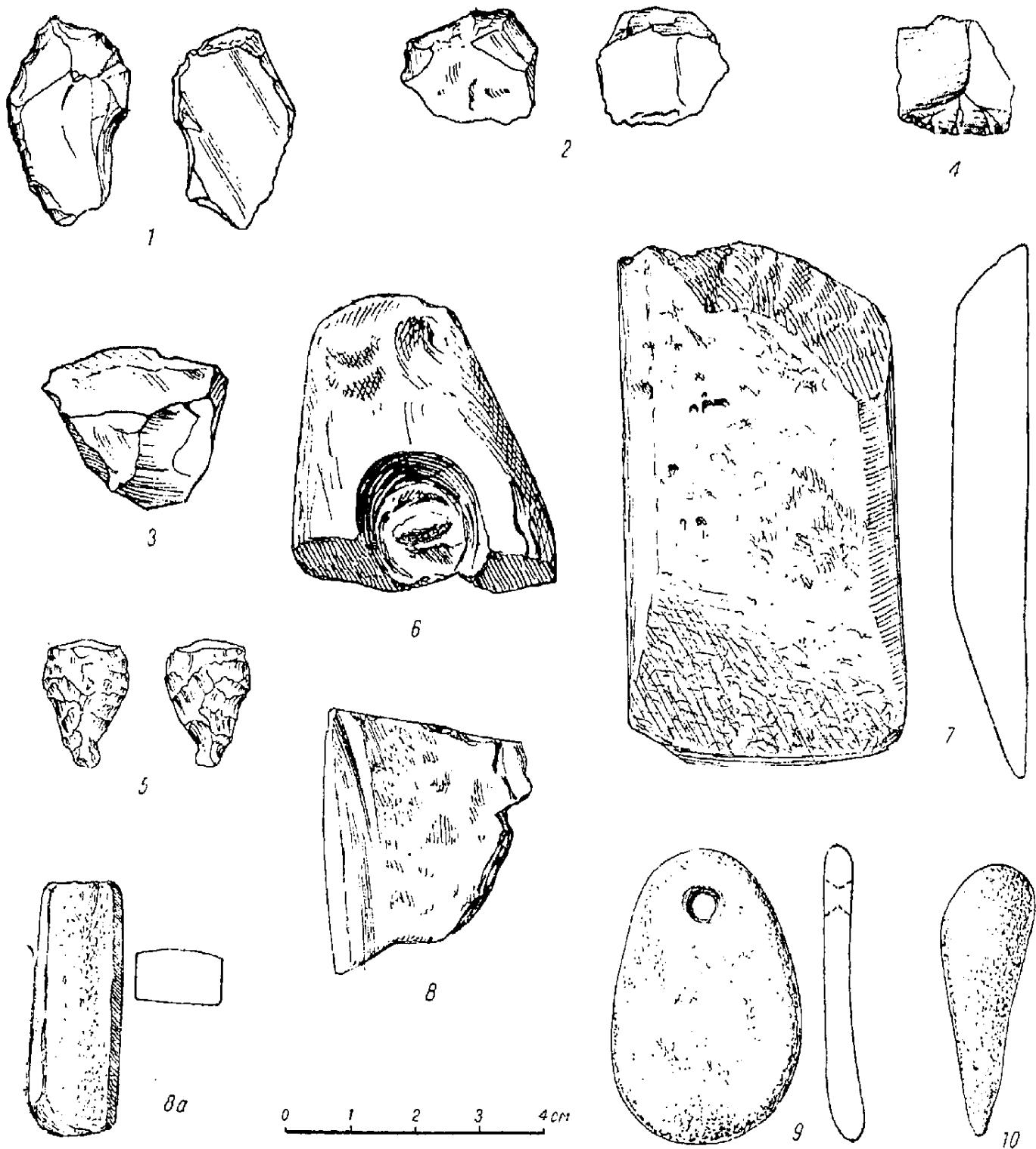
Наконечники стрел (5 экз.) удлиненные, листовидной формы с овальным поперечным сечением. Техника обработки их, так же как и скребков, — мелкая отжимная ретушь (табл. IV, 5).

Ножевидные пластинки (12 экз.) отличаются правильностью формы. Ретуши на гранях не наблюдается.

Орудия из сланца. Всего имеется лишь одно целое орудие — тесло из серого сланца, полированное, четырехугольное в поперечном сечении. Лезвие асимметрично, образовано одной плоской, а другой резко скошенной гранью, слегка закруглено, широкое и острое, тыльная часть орудия обломана (табл. IV, 7).

Обломок орудия (№ 6446) — тыльная часть, по которой весьма затруднительно судить о форме орудия в целом. Оно из серого сланца, суженное с одного конца и расширенное к другому (долото?).

ТАБЛИЦА IV

Орудия III раскопа.

1—4—скребки; 5—наконечники стрел; 6—обломок топора со сверлением; 7—тесло; 8—точильный камень; 8а—обломок точильного камня; 9—галька с отверстием; 10—сланцевая палочка.

Обломок топора из светлосерого сланца интересен для изучения последовательности процесса сверления. С одной стороны против высверлины имеется незначительное углубление, вероятно выбиваемое для того, чтобы сверло при начале работы не скользило по поверхности орудия. Далее работа производилась уже полным сверлом с обеих сторон орудия. В данном экземпляре

это сверление не было доведено до конца, так как орудие сломалось (табл. IV, 6).

Точильный камень (табл. IV, 8). Обломок точилки из красноватого песчаника со следами точки на нем плоских предметов по краю и круглых с очень маленьким диаметром (костяные шилья, иглы?) на плоской стороне.

Галька (табл. IV, 9) — привеска,

овальная по форме с отверстием, просверленным с двух сторон, на конце. Каких-либо следов от работы не имеет.

Сланцевая палочка (табл. IV, 10), стесанная с одного конца, для нанесения, как нам кажется, ямочных углублений (орнамента) на глиняных сосудах.

Точилка (табл. IV, 8а) — обломок небольшого размера в виде четырехугольного бруска с квадратным поперечным сечением. Один конец обломан.

Комплекс орудий Вознесенской стоянки, так же как и ее керамика, не является чем-то оригинальным, а полностью входит в круг памятников лесной полосы восточной Европы.

Форма орудий, техника их изготовления и материал сближают эту стоянку с рядом других, расположенных территориально вблизи нее, позволяя тем самым определить ее положение во времени среди других стоянок.

Как на ближайшие аналогии орудий Вознесенской стоянки, необходимо указать на Ладожскую,¹ Негежемскую, расположенную в среднем течении р. Свири, раскопанную Б. Ф. Земляковым в 1927 г. и отнесенную им ко времени, предшествующему Ладожской трансгрессии, или самой начальной стадии последней;² стоянку на полуострове Вой-Наволок (№ 9) близ г. Повенца, исследованную им же в 1934 г. и датируемую концом суббореального периода;³ наконец на стоянку на р. Суне, близ Петрозаводска (раскопки А. Я. Брюсова в 1929 г., — Суна I).⁴

¹ А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.

² Б. Ф. Земляков. Негежемская неолитическая стоянка. Тр. Комиссии по изуч. четверт. периода, изд. Акад. Наук СССР, Лгр., 1932.

³ Б. Ф. Земляков. Археол. работы Акад. на новостройках в 1932—1933 гг., стр. 11—22. Изв. ГАИМК, вып. 109.

⁴ А. Я. Брюсов. Сунская стоянка.

Кроме сходства в орудиях нашей стоянки со стоянками, указанными выше, между ними наблюдается также сходство и в ямочно-гребенчатой керамике, характерной для I фазы развития неолитической керамики (по Айлио).

Выше уже говорилось, что орудия из раскопа III по своему характеру отличаются от орудий первых двух раскопов. Они так же, как и керамика, по времени более поздние. Повидимому, территория III раскопа была заселена значительно позже и, вероятнее всего, этот участок не был постоянным местом жительства неолитического охотника-рыболова, а был им занят периодически, используясь лишь как наиболее удобный участок для рыболовства.

Поселение на территории I и II раскопов носило несколько иной характер. По количеству орудий и их разнообразию, по количеству разнообразной, но одновременной керамики можно предполагать здесь постоянное поселение, существовавшее довольно длительное время.

На территории этой части стоянки мы имеем полный набор каменных орудий, представленных крупными топорами, мелкими стамесками, теслами, долотами, кремневыми скребками и ножевидными пластинками, и, наконец, штамп для орнаментации керамики, т. е. полный ассортимент предметов, свидетельствующих о длительном существовании поселения. Эти орудия из кремня и сланца несомненно дополнялись богатым набором костяных орудий, не дошедшим до нас.

Судя по характеру орудий Вознесенской стоянки, предполагаемый образ жизни ее населения должен был быть охотниче-рыболовческим, чemu в сильной степени благоприятствовал характер окружающей природы.

М. Фосс и Л. Ельницкий

О ДОБЫВАНИИ КАМНЯ и О ДРЕВНЕЙШИХ КАМЕНОЛОМНЫХ ОРУДИЯХ НА СЕВЕРЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

(по материалам Гос. исторического музея)

Добытие камня из земли для изготовления орудий труда имело место, повидимому, уже на ранних ступенях развития первобытного общества и обычно рассматривается как зачаточное состояние горного дела.

Действительно, древнейшие приемы добывания металла мало чем отличаются от выработанных еще при добывании камня: рытье колодцев и шахт или расчистка от верхних слоев почвы слоя, содержащего руду или самородный металл; те же орудия — каменные кирки, которыми выкапывали, и молоты, которыми разбивали рудносные породы; наконец, тот же способ применения огня и воды для облегчения тяжелой работы раскалывания горных пород.

Вполне вероятно, что с разработкой камня и было впервые связано открытие металлов — меди, олова, свинца и др.

Так как кремневые валуны и их обломки встречаются в большом количестве на поверхности земли и так как кремневые шахты отмечены именно в местах, изобилующих поверхностным кремнем, важно указать на причины, вызвавшие разработку кремневых отложений на глубине нескольких (иногда до десятка) метров.

Поскольку в течение очень большого периода времени камень был главным материалом для изготовления наиболее употребительных орудий, первобытные мастера, имея в руках постоянно один и тот же материал, должны были в совершенстве изучить свойства разных каменных пород и преимущества одной породы перед другой.

Повидимому, довольно рано было замечено важное свойство камня пересыхать и выветриваться от долгого пребывания на земной поверхности под действием атмосферных влияний, от чего некоторые его качества, имевшие значение при изготовлении орудий, изменялись. Камень делался чрезмерно твердым, хрупким и в нем появлялись трещины.

И в настоящее время, несмотря на наличие современных, более совершенных каменотесных инструментов, обработка камня производится непосредственно после его выломки, пока не испарилась «каменоломная влага», с потерей которой камень становится менее податливым при обработке.

Только с повышением производительности труда, в эпоху развитого охотничье-рыболовческого хозяйства, когда появилась возможность подолгу жить на одном месте и когда техника вступила в период, ознаменовавшийся появлением ударных орудий с рукоятками, стал применяться новый способ добывания камня из земли.

Многочисленные разработки глубоких кремневых залежей посредством колодцев, шахт и каменоломен открыты археологическими исследованиями в Западной Европе,¹ Африке² и Америке.³ Не так давно многие племена североамериканских индейцев добывали этими способами самые разнообразные породы камня. Например кремень добывался в Огайо, западной Виргинии, Кентукки, Индиане; обсидиан — в Калифорнии; кварцит — в Воминге; стеатит — в Новой Англии, Пенсильвании, Мериленде, Колумбии и других местах. Добыча везде производилась с помощью каменных орудий.

У нас нет прямых указаний на время возникновения металлургии и горного дела на нашем Севере, но можно думать, что его развитию так же, как и в других странах, предшествовало добывание камня из глубины земли.

В период расцвета техники каменных полированных орудий одно из первых мест по

¹ Déchelle. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine, t. I. Archéologie préhistorique, 1908.

² Де-Морган. Доисторическое человечество. Лгр., 1926, стр. 148.

³ W. H. Holmes. Handbook of aboriginal American antiquities, p. I. Smithsonian Inst. Bulletin 60, Washington, 1919.

количеству и качеству изготовления полированных изделий на европейской территории СССР принадлежит Карелия, изобилующей разнообразными породами камня. Многочисленные находки орудий, приготовленных из различных родов сланцев, гранита, диорита, песчаника и других пород, сосредоточены в районах, известных геологам как места выходов мощных каменных отложений.

Происходящие из этих районов орудия сделаны безусловно из местного материала. Отличные качества их: совершенство и разнообразие форм, тщательная отделка и т. п., свидетельствуют о высоком развитии искусства обработки камня, равно как и больших требованиях, предъявлявшихся каменщому инструменту.

При обработке разных пород камня применялись различные способы. Сланцы, граниты, диориты, употреблявшиеся по преимуществу для изготовления крупных орудий — топоров, тесел, долот, молотков, кирок —шлифовались и полировались; кремень и кварцит, употреблявшиеся на более мелкие изделия — ножи, скребки, наконечники копий, стрел и пр., — обрабатывались главным образом посредством обкалывания и оббивки.

Все это указывает на знакомство с технологическими свойствами обрабатываемых пород камня. Следовательно, мы вправе предположить, что и такое, затруднявшее обработку явление, как выветривание его на поверхности, должно было приниматься во внимание. Надо думать, что и тут применялись способы добывания свежего каменного сырья, тем более, что, как об этом было сказано выше, овладение ими относится к более ранней ступени развития техники.

Кроме того, многочисленные находки каменных изделий в непосредственной близости к источникам материала, из которого они приготовлены, заставляют предполагать обязательное присутствие в том же археологическом комплексе и орудий, специально предназначенных или могущих быть использованными для добывания материала. Иначе пришлось бы предположить, что камень не требовал особых приемов для добывания, а использовался в том виде, в каком он был на поверхности, либо привозился или приносился из более или менее отдаленных мест.

Обе эти возможности исключаются всеми вышеизложенными соображениями.

В древнейших каменоломнях и шахтах Европы и Америки повсюду находили каменные привязные молоты и кирки из рога (Hacke) и камня (pic), предназначенные для разбивания, выламывания и выкапывания камня.

Среди орудий, находимых случайно или при систематических раскопках главным образом в северо-западной и средней частях

СССР,¹ имеются экземпляры совершенно определенного типа, в большом количестве находящиеся в центральных и провинциальных музеях.

В Государственном Историческом музее число их (целых и фрагментов) достигает 36 штук. Это орудие (рис. 1, а и б) представляет собою каменный брускок, сегментообразный в продольном и поперечном сечении, довольно аккуратно отшлифованный и заполированный. Размеры орудия весьма значительны, в среднем 25—30 см в длину и около 5 см (на наиболее высокой части) в высоту.

Толщина орудия у середины основания

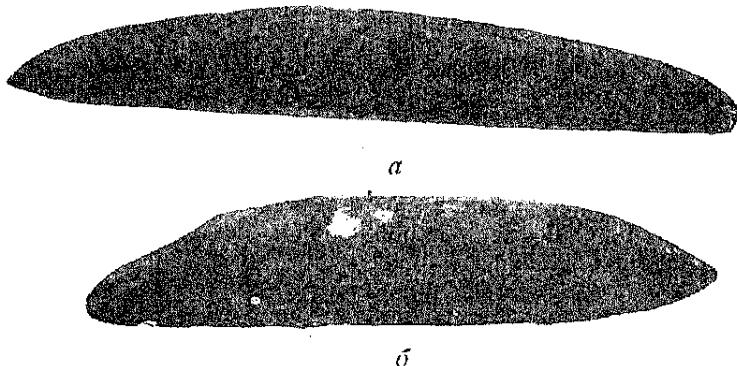

Рис. 1. Кирки олонецкого типа.

в среднем 3—5 см. Вес (по имеющимся в музее целым экземплярам) колеблется от 700 до 1000 г.

Первые же находки подобных орудий привлекли внимание археологов, пытавшихся угадать их назначение. Уваров² полагал, что их могли применять при обработке земли или при выкапывании кореньев, т. е. определял орудие как мотыгу. Бутенев,³ к мнению которого присоединился затем Иностранцев,⁴ называл их «рубилами» и предлагал реконструкцию рукоятки в виде буквы «Т», прикрепленной к середине тыльной части орудия.⁵ Реконструкция Бутенева была принята впоследствии В. А. Городцовым.⁶

¹ а) Коллекции Московского Гос. Исторического музея: находки в разных местах Карелии; раскопки А. Я. Брюсова на р. Суне в Карелии; раскопки М. Е. Фосса на оз. Лаче; раскопки А. Я. Брюсова, А. В. Збруевой и М. Е. Фосса в Костромской обл. у сел. Федоровского. б) Коллекции ленинградских музеев: Эрмитажа, Музея антропологии, этнографии и археологии Академии Наук и Геологического музея университета. а) Найдена в Поволжье (В. И. Заусайлов. Древнекаменные орудия, собранные в пределах Казанской губ. 1884).

² А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I. М., 1881, стр. 351.

³ Там же, стр. 387.

⁴ А. А. Иностранцев. Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882, стр. 139.

⁵ А. С. Уваров, ук. соч., табл. I, № 14.

⁶ См. таблицу В. А. Городцова с археологической классификацией предметов неолитической, палеометаллической и неометаллической эпох.

Айлио,¹ касаясь в одной из своих работ таких же орудий, найденных в значительном количестве в Финляндии, считает их, как и Уваров, мотыгами.

Особняком стоит в своем мнении А. Я. Брюсов,² предполагающий, что эти орудия должны были быть сошниками и прикреплялись к деревянным сохам, служившим для проведения борозд в мягкой почве.

Полемизируя с Брюсовым, Третьяков³ высказывает еще одно, не новое впрочем, предположение о том, что они не что иное, как пешки, употреблявшиеся при рыболовстве зимой для пробивания льда.

Такое разнообразие мнений в определении назначения этого орудия объясняется тем, что прежние методы формальной классификации затрудняли учет реального значения памятников. Отсюда берет начало условная терминология, которая еще и теперь не вышла из употребления. Мотыгами, напр., обычно называют орудия определенных типов, независимо от условий и возможностей их употребления как орудий земледелия. Даже в том случае, если исследователь отрицал наличие земледелия на данной территории и в данное время, все же орудия определенной формы в угоду типологии должны были именоваться мотыгами. В поисках более конкретного определения, интересующее нас орудие обозначалось некоторыми исследователями как «сошник» или «пешня». Однако подобное определение убедительно только в том случае, если оно опирается на внимательное изучение всего круга вещей, включающего в себя определяемое орудие. Ему следует искать подтверждение в свидетельствах, позволяющих осмысливать весь ряд орудий данного комплекса в соответствии с реальным содержанием хозяйственной жизни.

Но и теперь еще попытки определить место орудия в хозяйственном инвентаре и указать его действительное назначение делаются часто на основании более или менее случайных, сомнительных соображений.⁴

Необходимо прежде всего указать, что рассматриваемое орудие получило широкое

¹ J. Ailio. Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finnland, т. I.

² А. Я. Брюсов. Древние поселения на рр. Суне и Черной. Советская Карелия, 1930, №№ 9—10.

³ П. Н. Третьяков. Подсечное земледелие в восточной Европе. Изв. ГАИМК, XIV, вып. 1, 1932, стр. 27.

⁴ А. Я. Брюсов в этом случае следует H. Schumann (*Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropol., Ethnol. und Urgeschichte*, Berlin, 1895, стр. 328), пытавшемуся объяснить назначение каменных орудий, имеющих отдаленное сходство с нашими орудиями и найденными в северной Германии. Это — массивные, доходящие в длину до 48 см и весом до 4,5 кг, плоские орудия, в большинстве экземпляров с узкой сверлиной, служившей, по мнению Шумманна, для привязывания к деревянной сохе.

распространение в местностях, изобилующих камнем. Об этом упоминает вскользь и Иностранцев,¹ замечая, что «орудия такого типа довольно часто встречаются у нас на севере, в особенности в Олонецкой губ., в области сланцев». В дальнейшем он не делает из этого факта никаких выводов. Мы же постараемся учсть его в последующем изложении.

Остатки поселений, на территории которых встречаются наши орудия, как и сопутствующие им случайные находки, открытые в разных местах северо-запада СССР, относятся к концу неолита и к бронзовой эпохе, хотя обработка меди и бронзы у нас на Севере не получила развития, и металлические изделия встречаются лишь как единичные находки. Наличные же здесь орудия из камня, кости и дерева представляют собой инвентарь охотничье-рыболовческого хозяйства в его наиболее развитой форме.

Наконечники стрел разной формы и разной величины, изготовленные из кремня, кости или дерева, безусловно отвечают разнообразию охотничьих приемов, соответственно разным видам дичи. Различен по величине и арсенал кремневых наконечников, копий и дротиков, предусматривающий охоту на крупного зверя, кости которого (лося, медведя, оленя) в изобилии находят на территории поселений.

Орудия для ловли рыбы и других водяных животных — крючки, остроги, гарпуны, главным образом из кости и рога и комбинированные из кости и кремня,² — дополняют эту картину рядом законченных по форме, прекрасно изготовленных орудий.

Среди подобных орудий наше внимание особенно привлекают орудия, предназначенные именно для самого добывания материала и его первоначальной, грубой обработки. Это крупные каменные орудия, подготовленные из сланцевых или гранитных пород, с помощью которых можно было производить ломку камня, рубку и обтесывание дерева, рога и рытье земли.

Выделенные нами орудия объединяют прежде всего их механический принцип. Это — ударные орудия, т. е. такие, которые производят работу за счет живой силы размаха. Для увеличения его и для ослабления отдачи при ударе они были снабжены рукостью, прикрепленной к бойку под углом, близким к прямому. К сожалению ни раскопки, ни случайные находки, произведенные на нашем Севере, не дают целых орудий, а лишь каменные навершия этих орудий.

При попытке реконструкции их решающее значение принадлежит наблюдениям над техникой народностей, близких по соци-

¹ Ук. соч., стр. 139—140.

² А. В. Шмидт. Древний могильник на Колском заливе. Матер. Ком. экспед. исслед., вып. 23, табл. II.

Рис. 2. Орудия из раскопок А. Я. Брысова в Карелки.
а, б — заготовки; в, г — овальные топоры; д — топор с регулярным сечением.

ально-экономическому укладу жителям упомянутых поселений. С их помощью можно судить не только о способах реконструкции, но и об условиях и приемах работы.

Правда, этнографы мало занимались изучением орудий труда и описанием производственных процессов, но и то, чем мы можем воспользоваться, представляет большой интерес.

Прежде всего надо отметить, что племена, живущие в развитом родовом строе или на исходе его и стоящие на соответствующей ступени хозяйственного развития при интенсивной обработке дерева, топор почти совсем не употребляют. Вместо него, как и на наших северных стоянках и в смежной области — восточной Финляндии, применяются различного рода теслообразные орудия, которыми дерево не только обтесывают, но и рубят и раскалывают.

Сличая формы рабочей части этих теслообразных орудий (главным образом тихоокеанского круга) с так наз. «топорами» (из раскопок), мы должны будем признать, что подавляющее большинство этих последних также служило не топорами, а теслами.

Сравнительное изучение заставляет перевести в разряд тесел и значительную часть каменных мотыгообразных орудий. Однако, основываясь на тех же этнографических наблюдениях, приходится считать основные ударные орудия, в частности теслообразные, в значительной степени универсальными. Ими не только рубят дерево, но, напр., копают и землю. Объясняется это прежде всего тем, что они служат не мастеру, специализировавшемуся в пределах одного производственного процесса (такого мастерства еще нет на этой ступени развития), а всему хозяйству с его довольно разнообразными нуждами. Это накладывает на орудие отпечаток некоторой неустойчивости формы, связанной с неопределенностью назначения, чего не будет впоследствии, когда орудия станут более специализированными.

Таким образом само по себе наличие или отсутствие орудия определенного типа еще не обязательно предполагает или исключает какую-нибудь отрасль производства.

Выделенная нами выше группа орудий, названных ударными, содержит несколько разновидностей «теслообразных» инструментов; одни из них резко отличны друг от друга по форме, другие составляют переходные формы, соединяющие в себе различные черты. В этих орудиях приходится видеть основные инструменты обработки дерева.

Рядом с группой теслообразных намечается другая группа орудий, значительно более крупных по размерам, с более массивным рабочим концом, заточенным киркообразно или имеющим вид узкого, часто тупого, лезвия.

Орудия этой группы иногда довольно тщательно обработаны и зашлифованы по всей поверхности, иногда же заточены лишь по лезвию, в то время как остальная поверхность сохраняет следы грубых сколов.

Такие экземпляры (рис. 2, а, б), из-за отсутствия признаков шлифовки, многие считают незаконченными и потому называют «заготовками» орудий. Однако их можно сближать с кремневыми рес, которые, как будет указано ниже, служили землероющими инструментами дрёвних шахт. Поэтому мы допускаем возможность употребления их в таком, якобы незаконченном, виде также в качестве землероющих орудий.

Внимательное изучение орудий, относившихся к этой группе, обнаруживает такие особенности, в частности их рабочего конца, которые явно отличают их от древообрабатывающих инструментов. Эти орудия, повидимому, совсем не употреблялись для обработки дерева или рога — материалов, требующих острого, гладкого лезвия, а по всем признакам были скорее предназначены для объектов более грубых, рыхлых или ломких — земли, глины, камня.

Кроме этих орудий, ничто не указывает на знакомство обитателей наших поселений с земледелием. Поэтому, может быть, и нет оснований называть их мотыгами. Зато имеются прямые свидетельства необходимости орудий для разработки глины и каменных пород.

Так как условия той и другой работы имеют черты сходства, мы в поисках определения назначения орудий последней группы обратимся непосредственно к процессам добычи камня.

Ранее было указано, что районы интересующих нас поселений богаты выходами каменных пород, в частности сланцев. Последние чаще всего использовались как материал для крупных изделий, отличающихся высокой техникой обработки.

При внимательном изучении орудий, описанных в начале этой статьи, можно заметить на концах большинства из них отчетливые следы ударов и сколы, особенно частые и заметные на экземплярах из сланца (рис. 1, б). Самые орудия нередко бывают сбиты, что вместе с большим числом находок фрагментов орудий говорит об употреблении их для нанесения более или менее сильных ударов по твердому материалу. Из 36 экземпляров Исторического музея целых (включая экземпляры с небольшими царапинами и сколами на концах) 8 штук, остальные представлены иной раз очень незначительными обломками.

В виду того что орудие равноплечко, концы его симметрично суживаются и на обоих заметны следы ударов, следует предположить что при сработанности одного

конца в работу вступал другой. В таком случае рукоятка могла быть прикреплена только в средней части бойка, что подтверждается и этнографическими наблюдениями. Подобные орудия (рис. 3), известные главным образом в Сев. Америке,¹ имеют рукоятку в виде буквы «Т», привязанную к середине бойка. Повидимому, Бутенев не ошибался, предлагая в свое время именно такую реконструкцию.²

Совокупность перечисленных признаков, пункты находок и место, занимаемое этим орудием в археологическом комплексе, заставляют искать ему применение именно в области разработки каменных месторождений.

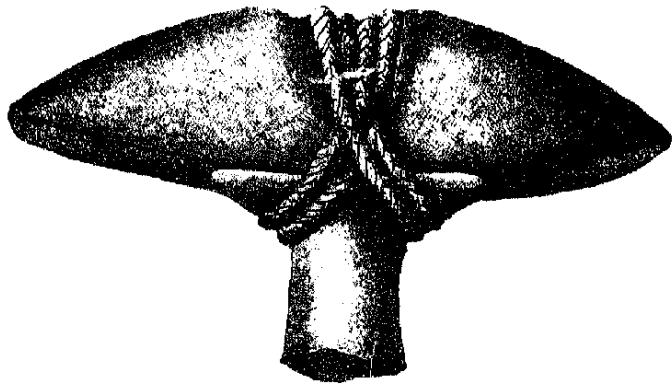

Рис. 3. Североамериканская кирка.

Способы добывания камня с помощью подобных орудий, повидимому, мало чем отличались от простейших, применявшимся в недавнее время способов ломки камня. Конструкция же орудия не отличалась от конструкции обычной, распространенной при каменоломных и других земляных работах, железной кирки с деревянной рукоятью. Еще недавно добыча камня производилась самым элементарным способом, под открытым небом, без шахты и каких-либо других вспомогательных сооружений. При добывании всегда используются естественные трещины в пластах для облегчения тяжелого труда дробления камня. Еще в самое недавнее время, до введения в употребление взрывчатых веществ, применялся способ раскалывания породы огнем.

Тот же способ практиковался в древних шахтах при добывании кремня³ и в поселениях при дальнейшей его обработке. В шахтах под слоем, содержавшим кремень, разводился огонь. После того как камень достаточно нагревался, его поливали водой, отчего он давал трещины, позволявшие без особенного труда удалять из слоя куски расколившейся породы. При последующей

обработке кремневые желваки нагревали на костре, затем погружали в воду и после расщесивания корки удаляли ее ударами. Этот способ обработки практиковался, судя по находкам, напр., на стоянках у Белого моря (р. Галдарея)⁴ и на р. Онеге (Кубенино).⁵

На Андаманских островах, в некоторых местах Австралии (напр. Квинсленд)⁶ и у калифорнийских индейцев⁷ первичная обработка кварцита производится также при помощи огня.

У нас нет сколько-нибудь определенных указаний, позволяющих установить связь между пунктами поселений и местами разработки камня. Вышеописанные, очень простые способы камнедобычи, не оставляющей заметных следов, служат причиной того, что места разработок вообще не отмечены археологами у нас на севере. Не исключена возможность, что и изготовление орудий производилось иногда в местах залегания каменных пород, удобных для эксплоатации. Добытый и обработанный камень часто мог стать продуктом территориального обмена. Для северной Европы могут быть указаны следующие факты: из Швеции и Дании кремень доставлялся в Норвегию, где собственных месторождений кремня почти нет.

Внутри Норвегии, в районе Осло, добывался камень, напоминающий нефрит, из которого делались толоры, находимые на большом пространстве юго-восточной Норвегии.⁸

Любопытные данные на этот счет имеются у Финша⁹ для материка и островов Океании. «Каменные бойки топоров, так же как и сырой материал для этих необходимых изделий, принадлежат к числу самых ходких средств обмена, но относительно их ценности мы располагаем далеко неполными сведениями. Мы недостаточно осведомлены относительно центров производства и торговли, как исходных пунктов, часто очень далеко распространяющихся вещей. Так, в восточной Новой Гвинеи, в Луизиаде особенно успешном пользовались каменные бойки, происходящие из Утианы. Центром распространения таких предметов был Кура, лежащий к востоку от группы Энтрекасто. В окрестностях бухты Сулуга на горе Тубукайя имеется каменоломня „Дебеневату“ (т. е. каменный холм), которую лишь с большим трудом

¹ M. Foss. Стоянка на дюнах Белого моря у р. Галдареи. Сб. Моск. отд. ГАИМК «К десятилетию Октября», 1927.

² Коллекция из раскопок М. Фосс Моск. Гос. историч. музея.

³ A. Morilliet. Le travail de la pierre. Revue de l'ecole d'Anthropol. de Paris, № 1, 1910, p. 5.

⁴ Сб. «Религии наименее культурных племен». ОГИЗ, 1931, стр. 281.

⁵ Schetelig. Vorgeschichte Norwegens. Mannus., 1911, стр. 47.

⁶ O. Finsch. Südseearbeiten. Hamburg, 1914, стр. 236 сл. (откуда и заимствованы сведения касательно всего океанийского круга).

¹ Matériaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme, vol. 9, pl. VII, 1874.

² А. С. Уваров, ук. соч., табл. I, № 14.

³ Déchelette, ук. соч., стр. 355 сл.

удалось увидать Вильяму Макгрегору. Добываемый здесь камень — по Макгрегору кварцит, по Джильоли аfenит, — соответствия своими светлыми полосами по темному фону серпентина, служит материалом для известных каменных бойков из Сулога. Они распространены, посредством обмена, по обоим побережьям Британской Новой Гвинеи, далеко к северу и к западу, значительно шире других видов. Жители Лаутгленд-атолла, получают таким же образом свои отпоры из Вудларка».

Каменные бойки распространяются частью в незаконченном виде, т. е. подвергнутые лишь грубой обработке. «Я покупал, — пишет Финш, — подобные незаконченные орудия в Вари, в 1855 г.» По Макгрегору, жители Пениета (в Луизиаде) еще в 1892 г. обменивали свои лодки на каменные топоры, получая от 10 до 15 штук за лодку; в этой области топоры представляли собой денежную единицу; в ежегоднике Британской Новой Гвинеи за 1894 г. также упомянуты в качестве денежных единиц «каламкуне», т. е. бойки так наз. «орнаментированных томатауков». Камень, имеющийся в горах Горона, на севере Британской Новой Гвинеи, и идущий на выделку топоров, распространялся на значительное расстояние к северу и югу, будучи постоянным предметом обмена. Хорошие каменные бойки шли из внутренней страны через Берлинскую гавань на продажу в Тарвай. По Паркинсону, часть Соломоновых островов получала каменные бойки от горных племен Бугенвилля, главным образом из южной части этого острова.

Об одной старой каменоломне на Гавайях сообщает Арнинг, открывший ее на высоте 12 000 футов, при подъеме на Маунакея. Перед ямой поднималась куча камней на 15 футов в высоту, состоявшая из многих тысяч обломков и испорченных орудий — след работы нескольких поколений. Неподалеку был сырой материал: большие валуны очень твердой базальтовой лавы. Подобная же «мастерская» с тысячами каменных осколков, существовавшая во времена, предшествовавшие приходу европейцев, открыта недавно в Австралии, в окрестностях Сиднея.

Благодаря тому что Меланезийские и некоторые другие острова Вулканического происхождения, обсидиан в Океании имеется, вероятно, во многих местах. Однако местные жители пользуются им очень редко. Единственное исключение представляют Острова Адмиралтейства. Но и на этих островах известно лишь несколько мест, где производятся разработки обсидиана. Такие разработки известны на маленьком Панам-острове, на северном побережье Большого острова, главным же образом на острове Лоу. Там прокладываются глубокие шахты, находящиеся в обладании вождей, которые одни

лишь ведают добыванием и реализацией материала. «Только вождь и его сыновья спускаются в шахту, где при свете факелов добывается камень, — пишет Тилениус об одном маленьком острове к югу от Лоу. — Обсидиан „байло“ представляет к тому же важный предмет торговли и через посредство Моану — береговых жителей Большого острова — распространяется на значительные расстояния».

Не исключена возможность добывания камня и на месте поселения, при условии залегания его на небольшой глубине. Примером разработки камня на территории неолитического поселения может служить стоянка, открытая А. Я. Брюсовым в 1932 г. в Карелии на островах Лососиного озера и Машозера. На песчаной поверхности стоянки, по сведениям Брюсова,¹ были обнаружены сложенные из камня очаги и большое количество полированных орудий. В их числе найдены и такие, о которых мы говорили несколько выше как о землекопных орудиях, применявшимся при добывке камня (рис. 1). Тут же неподалеку от очагов из земли выступают естественные нагромождения валунов и разбросано много каменных осколков и обломков таких же орудий.

Процесс добывания камня предполагает участие в работе нескольких человек. Работа, затрачиваемая при выломке камня, при использовании действия огня и воды и переноске его, требует соединенных усилий известной кооперации. Труд этот очень тяжелый, отнимающий максимум физической силы, исполнялся, повидимому, как правило, лишь мужской частью населения.

Для восстановления самого процесса труда, в его конкретных условиях, у нас нет ни достаточных археологических материалов, ни детальных описаний этнографов. Впрочем о характере работы, ее размахе, количестве участников, некоторых технических приемах, связанных с добыванием кремня, можно судить по описанию раскопок древнейших кремневых колодцев и шахт. Хотя разница в условиях той и другой работы, как и в орудиях, применявшихся в каменоломне и кремневой шахте, есть, все же мы думаем, что более подробное описание шахт может дать некоторое понятие об общих условиях камнедобычи, характере организации труда, общем уровне ее техники и приблизительной величине коллектива древних каменоломов, т. е. о всем том, что вряд ли сильно менялось на протяжении существования родового строя. С другой стороны, надо думать, что и узкотехническая, часть, напр. конструкция орудий и производственные навыки, была усвоена техникой каменоломен. Можно ска-

¹ Раскопки А. Я. Брюсова в Карелии, в Петрозаводском районе. Коллекция Гос. Историч. музея.

зать, конечно, что кремневые колодцы и шахты на территории СССР до сих пор неизвестны. Имеются все же достаточные основания предполагать, что они существовали у нас, как и в других частях света. Во всяком случае мы знаем, что кремень в тех районах, о которых ведется речь, должен был добываться в определенных местах и в большом количестве. На стоянке Веретье¹ в Каргопольском районе все кремневые орудия сделаны из однородного кремня серовато-голубоватого цвета. В окрестностях этой стоянки кремня на поверхности нет, а в песке под культурным слоем находятся кремневые желваки такого же цвета. На стоянке при устье р. Кинемы, расположенной в $\frac{1}{2}$ км от стоянки Веретье, большинство орудий изготовлено из кремня коричневато-желтоватого цвета, которого на поверхности в районе стоянки очень мало.

Нас это убеждает в том, что кремень и тут и там добывался из земли в определенных местах, но мы еще не знаем, где находятся эти места и как производилась его добыча.

О последнем нам дают представление шахты и колодцы, обнаруженные и исследованные в Бельгии и Англии.² В качестве образца самого простого способа добывания камня может служить яма для добывания кремня близ Шампиньоля. Она выыта в том месте, где кремень, залегая в меловых отложениях, поднимается к поверхности земли. Диаметр ее постепенно уменьшается в глубину, которая достигает трех с лишним метров.

Среди земли и щебня, заполнивших колодец после того как он был покинут, обнаружены обломок недоработанного кремневого инструмента и мотыгообразное орудие из оленевого рога.

Понятие о более сложном сооружении дает шахта, открытая в Спиенне. Она достигает 17 м глубины, вертикально углубляется в землю и сохраняет почти на всем своем протяжении ширину, равную 1 м. Только у выхода на поверхность она становится шире приблизительно вдвое. В самой глубине от шахты ответвляются низкие, но значительной ширины горизонтальные ходы (*Grubenfelder*). Залегающий в меловых слоях кремень извлекался, повидимому, и из самой шахты, по мере ее углубления, главным же образом из ее горизонтальных разветвлений. Для подъема добытого камня на поверхность употреблялись веревки, о чем свидетельствуют борозды, сохранившиеся на меловой

глыбе, торчащей в стене шахты на расстоянии около двух метров от поверхности.

В Бельгии следы кремневых разработок, кроме описанной спиеннской шахты, обнаружены еще в Ст. Гертруд, Авеннан-Эсбен, в Обурге, Стрепи, Флену. Но наиболее крупными для Бельгии до сих пор остаются разработки в Спиенне. Кроме шахт, там открыты и следы мастерской, по остаткам которой можно судить о продолжительности производившихся здесь работ. Как кажется, вначале разрабатывались лишь поверхностные залежи, без применения каких-либо подземных сооружений. Из таких разработок происходят два спиенских скелета. Их обнаружили в поверхностных слоях, где они были погребены обрушившимся во время обвала землей. Орудий при них никаких не было. Лишь впоследствии, посредством более значительных ям и шахт, описанных выше, стали разрабатываться глубокие слои. Для предохранения от обвалов потолка подземных галерей строители шахт оставляли специальные земляные подпоры. По мере исчерпания залежей кремня галереи снова засыпали землей и щебнем, среди которого раскопками обнаружено много изломанных и, очевидно, брошенных каменоломных орудий, кремневых ядрищ, осколков и т. п., вместе с черепками грубой неорнаментированной посуды.

В бельгийских шахтах обнаружено несколько скелетов рабочих, задавленных обрушившимся землей. Известна находка в Обурге (скелет мужчины с киркой из оленевого рога в руках), в Стрепи (скелет мужчины с киркой из оленевого рога и рядом скелет мальчика) и, наконец, упомянутые скелеты из Спиенна.

На ряду с кирками из оленевого рога в бельгийских шахтах найдены так наз. «pics de mineur», сделанные из кремня и представляющие подобие «pics de Campigniens». Они употреблялись, наряду с роговыми кирками, для выкапывания из земли кремневых ядрищ. Огромное количество их найдено в Спиенне. Известны находки в шахтах и полированных орудий.

Во многих местах, в верхних слоях шахт или круглых ямах, наполненных щебнем, обнаружены следы мастерских, где из добытого материала выделялись лезвия ножей, топоры и «pics de mineur».

Картину наивысшего развития техники добывания кремня представляют подземные сооружения в Cissbury (Англия). Там функционировали громадные широкие шахты, с выходными отверстиями в 10 м в диаметре. Кремненосные слои были изрезаны глубокими штолнями, шедшими в разных направлениях и часто соединявшими одну шахту с другой. К штолням, в свою очередь, примыкали большие или малые камеры (*Gruben-*

¹ Раскопки М. Фосса на оз. Лач. Коллекция Гос. Историч. музея.

² Déchette, ук. соч., стр. 355 сл.—Ebert, Reallexikon, т. I (Bergbau).—Cissbury Camp. Matériaux pour l'histoire primitive et naturelle de l'homme, т. 18, 1884, стр. 65.

felder). Часто проходящие друг от друга штольни сообщались между собой небольшими окнами, устроеными для вентиляции или тяги.

Насколько можно судить по совокупности находок, способы прокладки кремневых шахт на всем протяжении существования оставались самыми примитивными. Важнейшее и наиболее часто встречаемое орудие — это кирка из оленьего рога. Один из остатков рога служил бойком, главная же ветвь была естественной рукоятью. Прочие отростки обрубались. Попадаются кирки довольно больших размеров и такой формы, что во время работы их нужно было держать, безусловно, обеими руками. Будучи обнаружены в очень большом числе, роговые кирки могут считаться специфическим инструментом горного дела наряду с упомянутыми выше кремневыми «pics de mineur». К ним можно присоединить, в качестве вспомогательных орудий, более редко встречающиеся роговые топоры, клинья и различные молоткообразные ударные инструменты от простых «рабочих камней» до тщательно полированных каменных топоров и молотков.

Добытый в шахтах материал, повидимому, еще под землей подвергался простейшей грубой обработке, на что указывают многочисленные осколки и неудавшиеся, незаконченные экземпляры изделий, извлеченные раскопками из глубины шахт. Имеются, впрочем, противоположные указания — кремневые линзы и куски, разбросанные в необработанном виде на поверхности земли около шахт.

Размеры этих подземных сооружений и количество находимых в них фрагментов орудий заставляют думать о совместной и одновременной работе многих десятков людей.

Добыча камня под открытым небом в каменоломне или выкапывание его из земли на территории самого поселения допускали, конечно, и гораздо меньшее количество участников, при равном количестве добываемого материала, если принять во внимание незначительность подготовительных и вспомогательных работ. Но и в этом случае количество участвовавших в работе людей не могло, пожалуй, быть очень малым. Способы добывания предусматривали разделение трудового процесса и коллективное использование результатов и были рассчитаны на широкое сотрудничество, ибо добытый материал удовлетворял нуждам всей родовой общины, всего поселения. Кроме того, на севере такая работа, безусловно, была сезонной — летней, в виду особых трудностей добывания камня из-под снега и мерзлой земли. Таким образом эксплоататоры каменоломен должны были обеспечить не только текущие нужды в сырье материале, но и

значительный запас его на всю зиму. И если вспомнить, — на это есть определенные указания в этнографии, — что срок службы каменного орудия очень непродолжителен, то такая задача окажется нелегкой и выполнимой лишь при участии значительной части коллектива.

Определить более точно число членов рабочей группы древних каменоломен представляется невозможным. Да оно, безусловно, варьировало от места к месту. Однако недавними исследователями каменоломен американских индейцев был проделан опыт реконструкции¹ и процесса такой работы, и количества ее участников.

При рассмотрении инвентаря северных поселений мы указали группу каменных орудий, употреблявшихся, по нашему мнению, главным образом для разного рода земляных работ, в частности для добывания камня. Мы описали более подробно одно из орудий этой группы, считая его каменоломенным инструментом или, точнее, приспособленным для выкапывания камня.

Группа землекопных орудий, помимо только что упомянутых киркообразных орудий, складывается из так наз. «овальных топоров» (рис. 2, г, д), удлиненных, довольно грубо обработанных с узким, овально заточенным лезвием, и орудий (рис. 2, в), приближающихся по форме к «овальным топорам», имеющим в поперечном сечении вид неправильного треугольника или сечения круга. Таким образом мы отмечаем три близко стоящих друг к другу землероющих инструмента, разумеется с оговоркой, что это лишь основные типы, характерные для значительной территории.

К каменоломным орудиям, в качестве необходимых вспомогательных, должны быть присоединены каменные колотушки и молоты, имеющие желобок для привязи рукояти и приспособленные для нанесения тяжелых ударов при раскалывании камня. Такие молоты отмечены для более поздней эпохи везде, где разрабатывались медные руды, — и на территории СССР и в других странах, как, напр., в Англии, Испании, Португалии,² Сев. Америке³ и др. Этнографическими наблюдениями они связаны с обработкой камня и металла, как и упомянутые несколько выше «овальные топоры», известные у некоторых племен североамериканских индейцев. Американские археологи и этнографы называют их «мотыжками», отмечая их присутствие в большом количестве в давно заброшенных индейских каменоломнях.

Центральное место в этой группе орудий

¹ W. H. Holmes, ук. соч.

² J. Evans. *Les âges de la pierre*. Paris, 1878, стр. 222 сл.

³ W. H. Holmes, ук. соч.

занимает орудие, описание и определению которого посвящена наша работа, — кирка инструмент, предназначенный для добывания камня. Благодаря значению этой отрасли производства, выработанным в ней навыкам и особенно учету при изготовлении орудия того, что можно широко назвать «сопротивлением среды или материала», оно получило своеобразную и довольно законченную форму. Форма ее более отчетлива, чем формы других орудий этой группы. Однако в пределах типа наблюдаются некоторые колебания. Они состоят в том, что большая часть находящихся в нашем распоряжении орудий имеет довольно значительную толщину (около 5 см). Форма передней части округла, и концы заточены совершенно одинаково (рис. 1, а). У орудий толщиной в 3—4 см, известных в значительно меньшем количестве, боковые стороны сходят к тыльной части почти или совсем отвесно. Концы орудий, будучи уже, заточены неодинаково: один так же, как и в первом случае, а другой с боков (рис. 1, б), т. е. конструкциях их приближается к конструкции тех современных кирок, концы которых кирко- и кайлообразны в расчете на роющее и долбящее действие.

Признавая за каменными кирками второго вида преимущество, мы, однако, из-за отсутствия сравнимых и стратиграфических данных не можем разграничить эти типы во времени.

Объяснять это приходится прежде всего отсутствием специализации труда каменоломов, отсутствием в обществе этого времени группы людей, занятой исключительно добыванием камня и изготовлением орудий как постоянным ремеслом.

Если конструктивные особенности этого инструмента и определились под влиянием каменоломной практики, все же следует предполагать, что функции его могли быть значительно шире и что оно применялось при землекопных работах разного рода. Его с успехом могли применять при рытье ям, при устройстве, напр., землянок; вероятно, оно служило и гончарному производству при добывании глины, которой требовалось очень много на выделку всевозможной посуды.

О том, что глина могла добываться именно киркообразным орудием, говорит ряд изображений на памятниках, относящихся к значительно более позднему времени (древнеегипетских и древнегреческих), но дающих образцы очень архаической техники.

Мы рискуем привести здесь рисунок¹ на одной древнеаттической пинаке VI в. до н. э.

(рис. 4), изображающий процесс добывания глины с помощью очень любопытного орудия, аналогии которому имеются в археологии более ранних исторических периодов. На рисунке в руках мастера, отбивающего

Рис. 4. Изображение процесса добывания глины на древнеаттической пинаке.

куски глины от края ямы или оврага, в котором идет работа, изображено киркообразное орудие, по форме и общему своему виду чрезвычайно напоминающее замечатель-

Рис. 5. Каменная кирка. Случайная находка в б. Вологодской губ., Никольского у., дер. Омут.

тельные каменные кирки с цапфами (рис. 5), появившиеся на нашем северо-западе в эпоху распространения металлургии.¹

Античность, наряду с железом и бронзой, сохранила в употреблении и каменные

¹ Древности, т. 21, вып. 1, 1906, стр. 112. Место находки кирки неправильно указано. При проверке выяснилось, что кирка происходит из б. Никольского уезда и найдена крестьянином дер. Омут при поднятии нови.

¹ Perricot et Chipier. Histoire de l'art., т. IX. Париж, 1911, стр. 572, фиг. 280.

орудия, что подтверждается археологическим материалом разных мест, в частности наших причерноморских колоний. Таким образом, повидимому, приведенный нами рисунок дает очень любопытное представление об одном из возможных применений каменной кирки на примере орудия, хотя и являющегося продуктом более высокой техники, но все же еще очень близко примыкающего к орудиям, занимающим нас.

В заключение считаем необходимым уделить несколько слов соображениям, касающимся реконструкции изученного орудия. При реконструкции каменных орудий дело заключается в восстановлении размеров и форм не сохранившихся деревянных или костяных частей его.

У ударных орудий реконструкция сводится к выяснению длины и формы рукоятки и определению способа ее скрепления с каменным бойком. Выше были указаны предположения и подтверждающие их наблюдения в пользу Т-образной рукояти для нашей кирки. Равноплечная деревянная рукоятка вплотную привязывалась жильным или сыромятным кожаным ремнем к плоской тыльной части бойка, так что ремень охватывал его в двух местах, через плечи, и завязывался уже на самой рукояти (рис. 3). Опыт такой реконструкции был проделан нами в Историческом музее.

В настоящее время имеется новый и очень интересный способ определения длины рукояти ударного инструмента посредством нахождения его центра удара или определе-

ния механического коэффициента полезного действия.¹

Рукоять всякого орудия рассчитана на то, чтобы сообщить наивозможно большую живую силу при минимальной отдаче, так что мы можем подобрать для него рукоять «рациональной» длины.

Не приходится сомневаться в том, что в среднем рациональная и действительная длина должны совпадать при незначительных колебаниях в ту или другую сторону в отдельных случаях.

Исследования и наблюдения, производившиеся нами над археологическим и этнографическим материалом, это подтверждают.

Необходимо, конечно, учитывать и специфичность орудия и условия, в которых производится работа.

Основное назначение нашей кирки — нанесение сильных коротких ударов. Вес бойка не допускает рукоятки длиной, напр., в 1 м; это сильно понизило бы коэффициент полезного действия.

Нельзя не подумать и о весьма вероятной ограниченности и стесненности пространства (ям, канавы, оврага), в котором приходилось работать каменоломам и землекопам.

Руководствуясь всем этим, при поддержке некоторых, указанных раньше, этнографических наблюдений, мы полагаем, что в среднем длина рукоятки нашей кирки не превышает 40—45 см.

¹ В. А. Желиговский. Ручные ударные орудия и работа ими. Вестн. металлургии, вып. 4, 1925.

А. Н. Окладников

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КАМЕННЫХ РЫБ
ИЗ СИБИРИ

В группу некоторых своеобразных и наиболее характерных для сибирского неолита каменных изделий входят изображения рыб, выполненные часто со значительным мастерством и реализмом из мрамора, агальматолита, различных сланцев и других пород камня (рис. 1).

Рис. 1. Неолитическая рыба из Прибайкалья.
Нат. вел.

Со времени появления известной работы Д. Н. Анучина о них и «топорах с ушками»,¹ замечательные «каменные рыбы» Сибири стали широко известны и обратили на себя внимание археологов. Многие исследователи стремились выяснить назначение этих загадочных находок, привлекая сравнительный этнографический материал, причем этнографические параллели каменным рыбам находились без особого труда. Это были, преимущественно, культовые предметы — подвески к шаманским костюмам, изображения духов, принадлежности различных обрядов, хорошо представленные в музеиных коллекциях и неоднократно описывавшиеся в этнографических работах.

Предположения о культовой роли каменных рыб не лишены, конечно, оснований, а различные параллели этим изделиям, известные в религиозно-магическом шаманском инвентаре, заслуживают известного внимания. Но вряд ли можно считать правильным то, что исследователи в большинстве ограничивали свои поиски этнографических параллелей каменным рыбам только шаман-

скими принадлежностями. На самом деле, близкие аналогии «каменным рыбам» можно найти не только в культовом инвентаре, но и среди орудий труда, в обыкновенном рыболовном снаряжении.

Таковы очень характерные по форме грузила рыболовов Арктики и Тихого океана.

Способ употребления таких грузил хорошо известен по специальным этнографическим работам.¹ Об их форме и близости к некоторым неолитическим находкам можно судить по ряду вещей, хранящихся в фондах Музея антропологии и этнографии АН СССР и заслуживающих особого упоминания.

В числе рыболовных принадлежностей, входящих в состав коллекций № 666 Сибирского отдела МАЭ, происходящей с «территории чукчей» и принадлежащей, согласно регистрации Л. Я. Штернберга, чукчам (значительная давность коллекции определяется поступлением из кунсткамеры), имеется несколько грузил, изготовленных из моржовых клыков, явно представляющих одновременно и стилизованные изображения рыб.

Предмет № 666-1 из этой коллекции является узой с лесой из китового уса и костяным грузилом. Деревянный стержень удочки обычного эскимосско-чукотского типа, столь характерного вообще для арктического зимнего рыболовства в прорубях, т. е. в виде палочки длиною 50 см с короткими прорезами на концах для наматывания лесы (последняя около 6 м длиною).

На конце короткой лесы прикреплено массивное грузило, круглое в сечении, утолщающееся к нижнему концу и с коническим завершением внизу. Длина грузила 20 см. Грузило имеет по своим общим очертаниям совершенно рыболовную форму. Его суженный верхний конец заменяет хвост. Массивное круглое туловище заканчивается тупой, совершенно рыбьей по очертаниям головой.

¹ Ср.: A. Nelson. The Eskimo about Bering. Strait Annual Rep. of the Bureau of Amer. Ethnol., 1896—1897. т. 18, ч. I, табл. LXIX, 28, 31.—В. Г. Богослов. Очерк материального быта сленговых чукчей. Сб. Музея антропол. и этногр. АН СССР, т. II, СПб., 1901.

Замечательно в этом предмете и наличие отверстий, как бы повторяющих своим расположением сходные отверстия каменных неолитических рыб. Одно отверстие, сделанное в хвосте, служит для привязывания к лесе. Рыба-грузило висит при этом вниз головой.

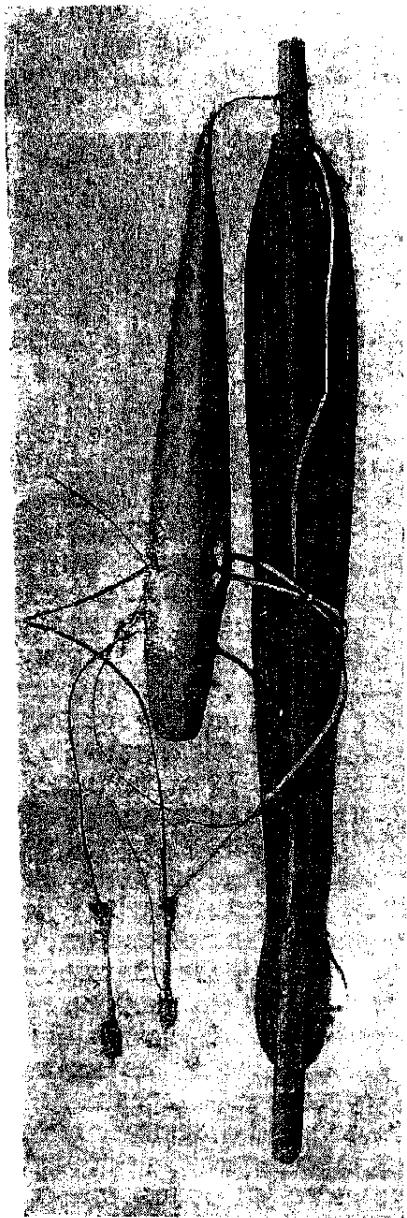

Рис. 2. Костяное изображение рыбки, приманка. Озеро Ессей.

вой. Два отверстия, как и у наших каменных рыб, имеются там, где должны быть жабры. К ним прикреплены на коротких жилках костяные крючки с острыми жальцами из железных выгнутых стерженьков. На уплощенном костяном тельце крючка симметрично расположены отверстия, в которых жилками из китового уса закреплена полоска из очень крепкого блестящего вещества интенсивно оранжевого цвета, имеющая, очевидно, значение приманки (рис. 2).

Другая удочка, № 666-7, с костяным грузилом, 12 см длины и сходной с описанным выше грузилом рыбовидной формы, имеет

несколько более простое устройство. Она снабжена костяными крючками, прикрепленными к двум ушкам грузила, совершенно сходным с ушками неолитических каменных рыб.

Крючки этой удочки с их прямыми костяными стерженьками поразительно близки к сложным крючьям китайских погребений Восточной Сибири. По структуре крючки принадлежат к двум типам. Один из крючков имеет выступ на стерженьке, на который налегают тупым концом два острия без жальцев, туго обмотанные нитями из китового уса. Другой крючок — более массивный, с утолщенной головкой и узкими прорезами-пазами, куда очень плотно вставлены три вкладыша острия.

Удочка № 666-10 — обычного арктического типа, с очень длинным грузилом из кости, тремя отверстиями для крючков и четвертым на конце, служившим для привязывания к лесе. Голова рыбовидного грузила снабжена двумя круглыми вставными глазками из китового уса. Большие черные пятна этих глаз резко выделяются на желтовато-белом фоне моржевой кости.

В старинных этнографических коллекциях МАЭ из Северной Америки имеются удочки, доставленные в 1845 г. И. Г. Вознесенским и хранящиеся под №№ 571-96 и 571-97, причем для первой как место приобретения указан остров св. Лаврентия.

Удочка № 571-96 также имеет обычный, хорошо известный по этнографическим описаниям, вид. Это короткий деревянный стержень с длинной лесой из китового уса, на конце которой висит массивное грузило рыбообразной формы, изготовленное из кривого обломка бивня моржа. Около утолщенного нижнего конца имеются ушки для подвешивания крючков сложного типа — в виде длинного стерженька и прикрепленного к нему острия. Два ушка находятся на более широкой уплощенной стороне изделия, как бы у жабер, а одно на спинке, где должен быть спинной плавник. Отверстие есть и на узком верхнем конце — для привязывания к лесе.

Грузило удочки № 571-97 более массивно, «голова» рыбы тупо срезана и по общей форме изделие больше походит на изображение кита, чем рыбы. Как и в первом экземпляре имеются 3 ушка, расположенные у нижнего конца изделия, со спускающимися от них сложными костяными крючками.

Вторая категория рыбообразных вещей из этнографических коллекций связана с малоизвестным приемом первобытного рыболовства и во всех отношениях стоит еще ближе к ископаемым каменным рыбам неолитического времени.

Под № 1085-32 в описи коллекции МАЭ значится предмет, происходящий из окрест-

ностей оз. Ессея б. Енисейской губернии, от ессейских якутов, доставленный В. Н. Васильевым.

Этот предмет, согласно сообщению собирателя, называется у местных жителей «калар'ом» и употребляется при ловле рыбы зимой в проруби с помощью остроги.¹ Он представляет деревянный стержень с развилками на концах для лесы, свитой из конского волоса. К лесе прикреплена костяная фигурка рыбы, длиной 10 см, подвешенная за особое сквозное отверстие в спинном плавнике. Фигурка трактована вполне реалистически. Она имеет два отверстия на хвосте, одно на брюшке и одно у жабер. Рот рыбы чамчен поперечным желобком. Глаза просверлены насеквоздь. В особых отверстиях на хвосте и у жабер этой рыбки вставлены яркие красные тряпочки. Такой же яркой тряпочкой обшиты кругом хвостовые плавники.

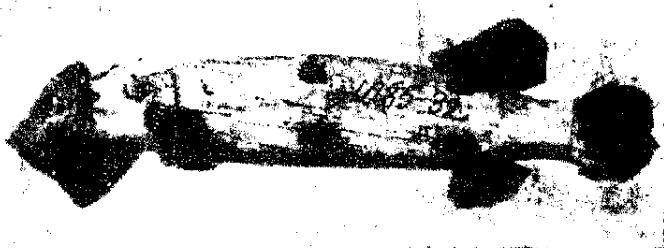

Рис. 3. Костяное изображение рыбки, приманка.

В глаза рыбки вставлены голубые бусинки, а к морде прикреплен четырехугольный лоскуток шершавой и толстой кожи, без чешуи, принадлежащий какой-то крупной рыбе (рис. 3).

Второе скульптурное изображение рыбы из кости значится под № 408-436. Эта рыба (длиною 22 см) имеет обычные для большинства каменных рыб размеры. Она обладает массивным, слегка дугообразно выгнутым туловищем, имеет округленную короткую голову, длинный и высокий спинной плавник, маленькие хвостовые плавники и такие же на брюшке и спине, хвост — с одной окружной лопастью. На голове у рыбки переданы рельефом полукруглые жабры, отделенные крутым уступом от туловища. Посреди головы, сбоку просверлено сквозное и широкое овальное отверстие с прямыми стенками. Сверху, по обеим сторонам, обозначены большие круглые глаза в виде ямок, окай-

¹ Как пишет собиратель, в этих местах рыбу ловят зимой острогами в прорубях, «для чего в последнем случае в прорубь в виде приманки опускают костяную рыбку. Способ добывания рыбы острогой практикуется преимущественно на реках, у половины, где скапливается крупная рыба» (В. Н. Васильев. Краткий очерк инородцев Севера Туруханского края. Ежегодн. Русск. антроп. общ. при СПб. унив., СПб., 1908, стр. 61).

мленных желобками-кольцами. В спинном плавнике просверлено отверстие, предназначенное для прикрепления рыбы к леске. Около жабер и посередине туловища, на брюшной стороне, расположены два узких щелевидных отверстия, через которые проныщены полоски рыбьей кожи, очищенной от чешуи.

Костяная рыбка висит на короткой леске, которая прикреплена к особого вида гарпуну. Вместе с гарпуном рыбка и составляет припасение для рыбной ловли. Гарпун имеет толстое, но удобно помещающееся в ладони круглое древко, снаженное на ударном конце двумя полого расходящимися в стороны и слегка выгнутыми на концах тупыми рожками из кости. Между рожками помещено маленькое железное острие гарпиона (с тремя попарно расположеннымми жальцами), неподвижно закрепленное в древке. Согласно описям, эта вещь была доставлена в МАЭ Л. Н. Гондатти в 1898 г. и про-

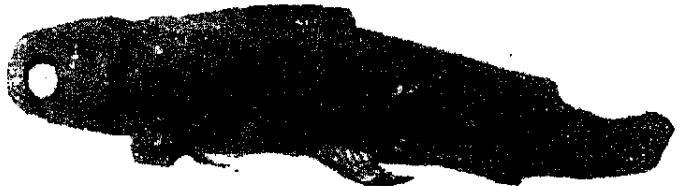

Рис. 4. Костяное изображение рыбки, приманка.

исходит из Приморской области, повидимому из Анадырского края. В регистрационной книге оно обозначено как «керекское» (рис. 4).

В Ленинградском Государственном этнографическом музее хранится скульптурное изображение рыбы, происходящее из области кереков и зарегистрированное в коллекции под № 2329-7. Оно приобретено Н. П. Сокольниковым в 1904—1907 гг. среди «самой северной группы приморских коряков, так наз. кереков». Собиратель сообщает, что этот предмет называется «вабило» и употребляется для приманки рыбы во время подледного лова зимой. Под № 9 в этой же коллекции числится острога длиной 0.85 м, сходная с описанной выше. Изображение рыбки вырезано с большим искусством из бивня моржа. Она имеет удлиненное тело, покрытое по бокам резным узором в виде вписаных друг в друга углов. Голова рыбы овальная с жабрами в виде дуг, глаза сделаны очень тщательно и имеют вид врезанных кружочков с точкой внутри. По средине головы, как у описанной выше рыбки, просверлено большое сквозное отверстие, придающее рыбке большое сходство с кетой-горбушей. Плавник сохранился один — на брюхе, хвостовые же обломаны. На спинке есть отверстие для подвешивания, на брюхе имеется еще два других, в которые, повиди-

мому, вставлялись тряпочки. Длина изображения 20 см.

Совершенно сходная по реалистической трактовке с двумя описанными выше, фигурка из кости хранится в Этнографическом отделе Хабаровского краевого музея (№ 5519-4) и происходит с Алеутских островов. Она имеет вытянутые очертания тела и симметрично расширенный хвост. Округленная голова рыбки снабжена ямками-«глазами», на спине имеется обычное ушко для прикрепления рыбки к лесе.

Из других подобных изделий следует упомянуть также деревянную фигурку рыбы из коллекций Центрального музея народоведения в Москве, доставленную Б. А. Васильевым от орочей из района Советской Гавани (по каталогу ЦМН: Орохи, VIII, 4/196). Эта фигурка имеет четко очерченные общие контуры — прямую спинку и выпуклое брюшко, линия которого круто поднимается у головки вверх, сходясь там с прямым плавником спинки. Хвост прямой, с резко выраженным уступом снизу. Около хвоста находится на брюшке небольшой, косо поставленный плавничок. Поперек головы, параллельно длинной оси изделия, намечены щели рта, а выше помещаются ямки, обозначающие глаза и расположенные очень близко друг от друга, не по бокам, а как у налима, сверху головы. На спинке сделаны 2 сквозных отверстия, в которых закреплены концы лески.

Рыбка крашена графитом в ярко-черный цвет и настолько густо, что вся его поверхность лоснится, отливает характерным жирным блеском. Она хранится в специально сшитом кожаном футляре и употреблялась, согласно документу собирателя, при рыбной ловле как приманка.

Что касается этнографических наблюдений над употреблением таких фигурок, то совсем недавно, в 1927 г., участник экспедиции Антропологического института при МГУ к северобайкальским эвенкам М. Г. Левин мог отметить сходные с орочскими изображения рыбок в качестве своеобразной рыболовной принадлежности: «Как самобытная принадлежность рыболовного промысла интересна искусственная приманка в форме рыбки (каяда), сделанная из дерева и употребляемая при зимней рыбальке в проруби на Байкале и в реках». «Встарину, — пишет он далее, — такие рыбки делались из кости, по форме напоминающие костяные рыбки неолитических стоянок Прибайкалья».¹

Наличие в прошлом у эвенков, коренных

жителей Сибирской тайги, этого рыболовного приспособления доказывается также наблюдениями Нижне-Тунгусской экспедиции ВСОГРО и Сибторга в 1929—1930 гг., привревшей и самые фигурки рыбок у тамошних эвенков. По сведениям, записанным на стойбище Инаригда Наканновского совета Катангского Туз-Совета в 1930 г. от старика-эвенка Д. Е. Каплина, зимой на льду устраивается чум из коры или из бересты, малого размера. Чум делается над небольшой прорубью (диаметром 2—3 четверти) и совершенно темный, так чтобы из воды не было видно света, а следовательно, и человека у проруби.

«Рыбак устраивается у проруби с острогой и спускает в прорубь манку в виде рыбки, привязанной на поводке. Рыбка делается из кости размером до одной четверти, на месте плавников делаются отверстия, в которые продеваются красные тряпочки. Называется эта манка «кольяру». В воде рыбку поворачивают и когда к ней подходит настоящая рыба, рыбак бьет последнюю острогой».

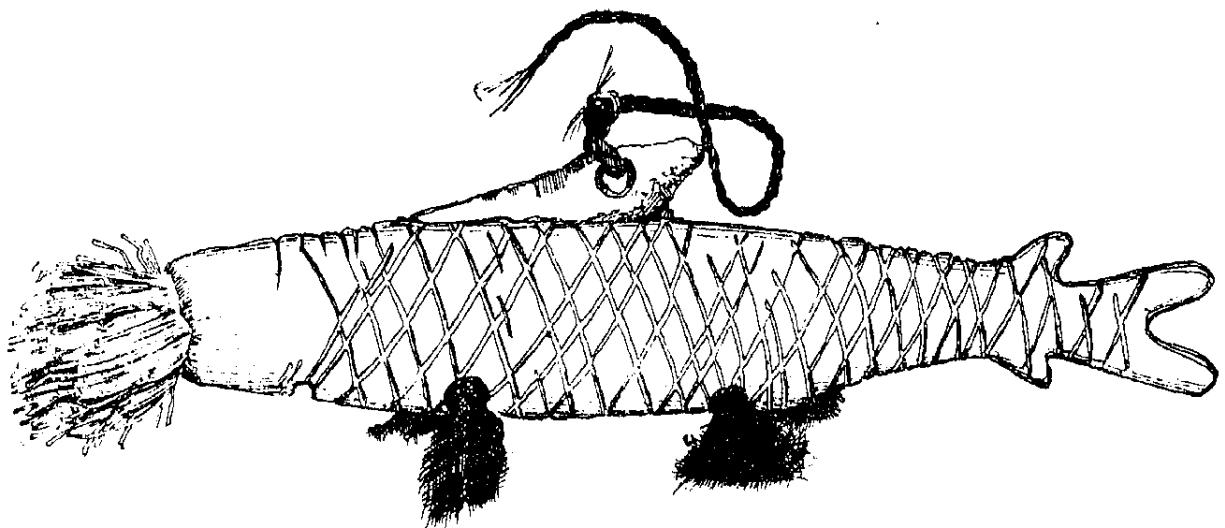
Сам Каплин лично ловил этим способом рыбу на р. Нижней Тунгуске.

В коллекциях Государственного Этнографического музея в Ленинграде хранятся три подлинных рыбки-приманки, употреблявшихся эвенками, и несколько копий.

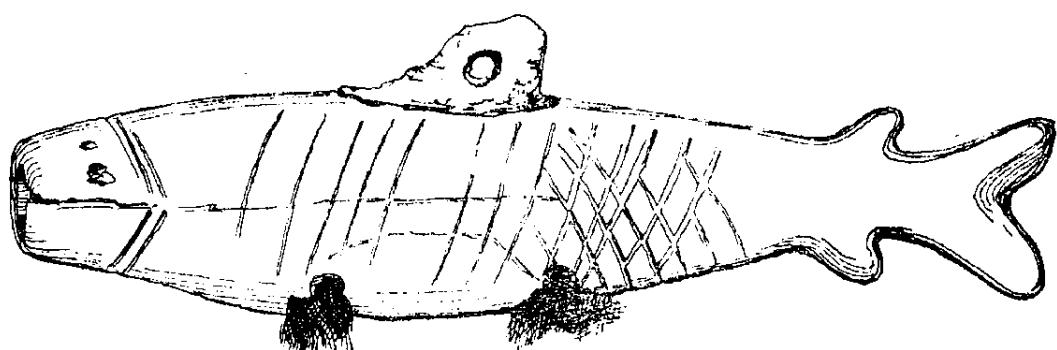
В коллекции, собранной П. Т. Вороновым на Нижней Тунгуске, имеются следующие модели рыбок-приманок предназначавшиеся для «блесны», по словам регистрировавшего их А. А. Макаренко: № 4871-32, теган, рыбаналим; № 4871-33, гуткон, рыба-щука; № 4871-34, бедореhe, чир; № 4871-35, юдучен, елец. Длина их не превышает 13 см, все они сделаны из мамонтовой кости и снабжены сквозными отверстиями в спинных плавниках для подвешивания к леске. Фигурки орнаментированы резными пересекающимися линиями, зачерненными смолой.

В коллекции 1211, под № 104а, числится как «блесна для подледного лова рыбы» костяная приманка (оригинал). Это массивное скульптурное изображение рыбы, изготовленное из желтоватой кости. Рыба имеет удлиненное тело, яйцевидное в поперечном сечении, с выпуклыми боками, круто суживающимися к узкому плоскому брюшку. Спинка рыбки толстая, округленная. Хвост раздвоен, по бокам хвоста имеется пара узких треугольных плавничков. Срединный плавник свинцовый, со сквозным отверстием, треугольный по форме и сильно скошенный сверху. Голова рыбки срезана прямо, и внутри нее высверлено цилиндрическое отверстие, ось которого совпадает с длинной осью тела изображения. Отверстие заполнено пучком оленевого волоса, выступающим пышным сultanом снаружи. Бока рыбки орнаментированы прямыми пересекающимися в виде ром-

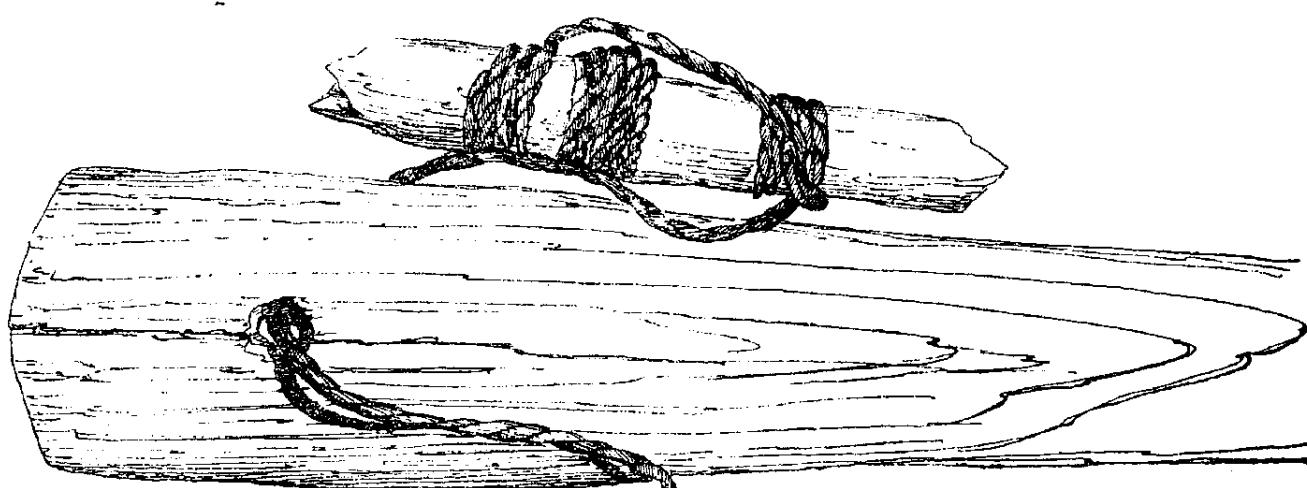
¹ М. Г. Левин. Эвенки Северного Прибайкалья. Сов. этногр., 1936, № 2, стр. 76. М. Г. Левин, говоря о неолитических рыбках, имеет, очевидно, в виду изображения рыб из камня, а не из кости, причем мысль его о сходстве первых с эвенкийскими костяными безусловно правильна.

1

2

3

Рис. 5. Костяные изображения рыб — приманки. Катанга, эвенки.

бической сетки врезанными линиями. По сторонам головы высверлены ямочки-глаза. На боках рыбки снизу имеются щелевидные отверстия, сквозь которые пропущены яркие красные тряпочки. Рыбка подвешена на леске из конского волоса, продернутой сквозь отверстие короткой тонкой планочки, суженной к рукояти. С другой стороны леска закреплена на маленькой круглой палочке. С помощью планочки рыбак опускает рыбку в прорубь и приводит ее в движение (рис. 5, 1), длина 13 см. Приманка приобретена в 1907—1908 гг. А. А. Макаренко в бассейне р. Катанги (Подкаменной Тунгуски) у эвенков. Вторая приманка (тоже оригинал) из той же коллекции (№ 1211—105) изготовлена в виде скульптурного изображения рыбы из оленьего рога, приобретшего от времени и длительного употребления черный цвет. Тело рыбы стройное, вытянутое, в поперечном сечении яйцевидное. Спинка округлена и массивна, брюшко сужено. Голова усечена на конце и снабжена отверстием, хвост раздвоен. Около хвоста по бокам 2 плавника, спинной плавник из свинца, со сквозным круглым отверстием в нем. На голове круглыми ямочками намечены глаза, по бокам ее рельефно выделены дугообразные жабры, отделенные уступом от тела. Тело орнаментировано врезанными линиями в виде ромбической сетки. В середине, у брюшка, сквозь тело рыбки высверлено 2 круглых отверстия, в которых закреплены яркокрасные тряпочки. Длина рыбки 13.2 см (рис. 5, 2).

Третья фигурка (№ 1211-106) сделана из желтоватой кости; она таких же очертаний, как две описанные выше, орнамент аналогичный, резко выделяется черными линиями на светлом фоне изделия. Глаза рыбки — в виде отверстий, заполненных металлическими (из красной меди) заклепочками. Спинной плавник изготовлен из свинца и снабжен 2 отверстиями в средине. Снизу на брюхе имеются 2 щелевидных прореза с вставленными в них красными тряпочками. Голова рыбки для придания ей тяжести изготовлена из свинца. Длина фигурки 12.2 см, вес ее 120 г. (рис. 5, 3).

Определение этих приманок в описях как «блесны», безусловно, неточно. Они не имеют крючка в хвосте, как настоящая блесна, а функция их, близко напоминающая назначение блесны, полностью раскрывается приведенными выше сведениями о способах зимнего рыболовства с такой приманкой на той же Катанге.

О широком распространении описанных приманок и приемов рыболовства на территории Сибири свидетельствуют также, как всегда, образцово-точные наблюдения Палласа в XVIII в. Паллас лично изучал рыболовство осяков и самоедов. Он отмечал в числе наиболее употребительных на Оби

приспособлений для ловли рыбы различные запоры, езы и невода, сети и переметы. Значительную роль в рыболовстве играла на Оби в его время и острога. Острогой, по словам исследователя, обычно «лучат» рыбу с огнем по ночам, но «в речках далее к северу» ему пришлось видеть и другой прием рыболовства с острогой же. «Самоедцы вскоре, как оные [речки] замерзнут, делают пролуби, и над ними будки, потом пущают в воду вырезанные из дерева на нитках с камнем для грузу рыбки, кои им служат для приманки других хищных рыб, коих они весьма мастерово колют острогою; или делают также по таким речкам запоры, у коих при окнах на дно опускают белую бересту, и проходящую рыбу, которая на белом дне весьма ясно видна, вышеписанным образом колют». ¹ Сообщение Палласа, описывающего для XVIII столетия три приема рыбной ловли с гарпуном и в том числе один с применением искусственной рыбки-приманки для хищных рыб, вполне согласуется с приведенными выше данными о рыболовстве с приманкой — костяной рыбкой — у эвенков.

Особого внимания заслуживают два обстоятельства. Этот способ не был зарегистрирован здесь позднейшими исследователями, на Оби же он не был известен и во времена Палласа, а применялся лишь на речках, расположенных севернее, и притом не осяками (хантэ), а самоедами (ненцами). Очевидно, Паллас наблюдал прием рыбной ловли, уже и для того времени ставший архаическим и вытесненный поэтому более усовершенствованными способами с Оби, где издавна развивалось промысловое рыболовство в широких масштабах.

Интересны и некоторые сравнительные данные по рыболовству с искусственной рыболовной приманкой уже за пределами Сибири — на Американском континенте. Описывая рыболовство эскимосов, Боас ² указывает, что наиболее важным объектом рыбной ловли является лосось, которого ловят в течение всего лета.

Когда лед проходит с озер, семга движется в море, следя узким проходом близ берегов и часто заполняя всю воду сплошной массой рыбьих тел.

Рыболовы употребляют в это время для боя рыбы специального устройства острогу, почти аналогичную по форме и размерам описанной выше керекской (рис. 6, 1). Она состоит из рукояти, расширяющейся к верхнему концу, из острия с зазубриной в центре и двух рожек по его сторонам. Острье обыч-

¹ П. С. Паллас. Путешествие по различным провинциям Российского государства, ч. III, СПб., 1788, стр. 113.

² Fr. Boas, The Central Eskimo. Sixth Annual Report of the Bureau of Amer. Ethnol., Washington, 1888.

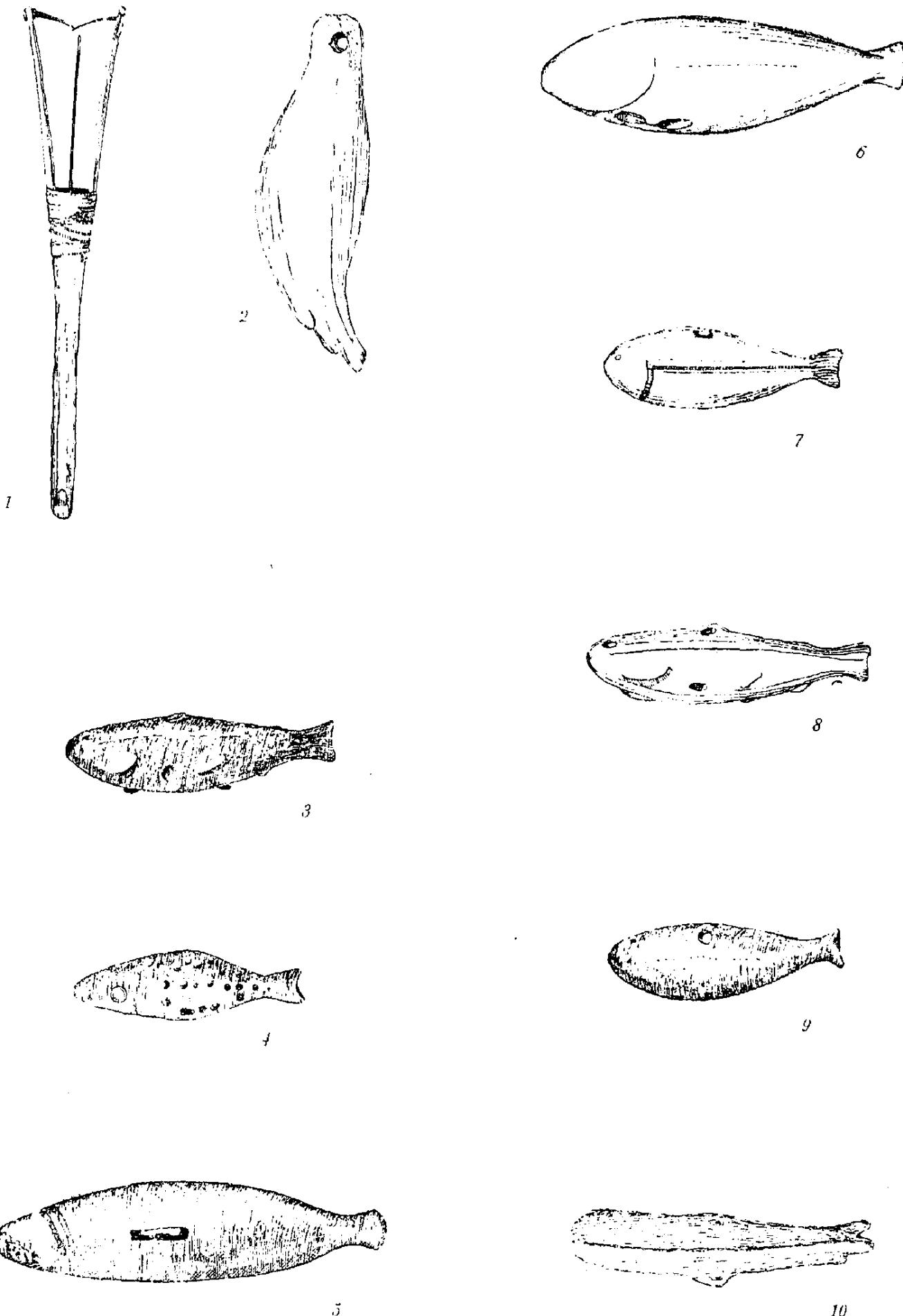

Рис. 6. Рыболовный инвентарь из Северной Америки:
 1 — острога; 2 — клык медведя (приманка); 3, 4, 9, 10 — древнеэскимосские костяные рыбки (приманки); 5, 6, 7, 8 — эскимосские костяные рыбки (приманки)

но костяное, боковые рожки — из рога оленя или мускусного быка и заканчиваются пружинящими поперечными гвоздями-зажимами.

В тех случаях, когда рыбы идет мало, употребляется резная из кости, чаще всего из моржового бивня, рыбовидная приманка небольшого размера. Приманка называется «exalujiang», от exalug (лосось, семга) и ijang (сходный). Сам по себе термин подчеркивает реалистическую форму изделия, представляющего более или менее точное подобие реальных живых рыб. Большинство из костяных эскимосских рыбок-приманок обладает узкой треугольной мордой, как у семги, коротким ~~и~~ тоненьким хвостом, резко выраженным выпуклыми жабрами и снабжено круглыми ямками-глазами. На спине у рыбок всегда имеется отверстие для подвешивания их на леске, реже отверстие на брюшке¹ (рис. 6, 5, 6, 7, 8).

В ряде случаев Боасом и другими авторами отмечается применение в качестве приманок для лососей обыкновенного медвежьего клыка, также хорошо привлекающего рыбу (рис. 6, 2).

Способ употребления приманок таков, что строятся особые каменные сооружения в виде невысоких плотин, сходных с описанными Палласом, и рыболовы пользуются ими, стоя на берегу или в воде. Приманки, привязанные на леске, непрерывно двигаются рыболовом вверх и вниз, привлекая внимание рыбы. Как только рыба приближается к приманке, ее колют острогой, вытаскивая наверх, и нанизывают на шнур с костяным стержнем на конце.

Кроме того, известен прием рыбной ловли с искусственной приманкой зимой и в начале весны, когда еще сохраняется лед на озерах и реках. При этом подледном лове устраивают проруби и пользуются крючьями. Боас также указывает, что возможно было применение рыбок-приманок с непосредственно прикрепленным к ним крючком. У таких приманок поэтому имеются на брюхе специальные отверстия для закрепления крючков.

Исследователь Арктики и знаток быта эскимосов К. Расмуссен рассматривает их способ рыбной ловли с костяной рыбовидной приманкой как одно из характерных и остроумных приспособлений в борьбе за существование, наряду с иными способами охоты. «Если условия жизни „тюленьих эскимосов”, — пишет Расмуссен, — так тя-

желы, то надо удивляться их способностям и умению вести борьбу за существование. Они смекнули, как лучше охотиться на робких и быстроногих оленей: надо загонять их в озера, где можно их настигать в стройных подвижных каяках и закалывать копьеми. Они изучили привычки и пути оленей и устроили на оленьих тропах засады из камней, откуда стреляют зверя из луков. А форелей речных и озерных, которые редко бывают голодны и потому не идут на обыкновенные крючки, выманывают из их убежищ маленькой, похожей на рыбку приманкой и бьют затем острогой».¹

Древность описанных способов рыболовства на той же территории² поселений подтверждается археологическими находками, сделанными при раскопках памятников первобытной эскимосской культуры. Во многих из них, и в том числе древнейших, обнаруживались подобные этнографическим изображения рыбок, небольшого размера, умело вырезанные из кости и моржовых бивней. Они всегда сохраняют очертания рыбьего тела, снабжены хвостом и нередко выступающими плавниками. Жабры выполнены скульптурно, выпуклой резьбой или, реже, гравировкой и проходят сплошными широкими дугами. Очень часто по средней линии туловища, сбоку, проходят пунктирные тонкие линии, как и у живой рыбы. Глаза изображаются в виде ямочек или кружков. Кроме отверстий на спине для подвешивания, древние эскимосские рыбки имеют иногда и добавочные ямки. Таковы, например, предметы, описанные Матиассеном (рис. 6, 3, 4, 9, 10).

Кроме эскимосов, сходный способ рыбной ловли с искусственной приманкой из дерева, кости, а также и камня был известен в прошлом и у алгонкинов. Некоторые алгонкинские приманки, кроме лески, снабжались поводками с крючками, другие же не имели крючков, а рыбу ловили при этом черпаками, сделанными из сети, или кололи острогой и гарпунами. У алгонкинов подобные приманки по археологическим материалам одинаковым образом прослеживаются вплоть до глубокой древности и связаны с неолитической материальной культурой.³

Отмеченные нами скульптурные изображения рыбок, приманки, употреблявшиеся, кроме эвенков, кереками, алгонкинами, эскимосами и другими племенами Северной Азии и Северной Америки для рыбной ловли, ана-

¹ Ср. также изображение рыбки-приманки, опубликованное Нильсоном, и данное им описание способа применения таких приманок эскимосами с р. Юкона. Эта рыбка трактована в обычной реалистической манере, имеет резко выраженные жаберные дуги, рот и глаза; обозначены также и срединные линии по бокам (W. Nelson, ук. соч., стр. 195, табл. LXVIII, 6).

² Knud Rasmussen. Великий санный путь. Лгр., 1935, стр. 175.

³ Therkel Mathiassen. Archaeology of the Central Eskimos. Report of the Fifth Thule Expedition 1921—1924, vol. IV. Copenhagen, 1927, табл. 11, 11, 12, 9, 10; табл. 43, 6, 7; табл. 73, 8.

³ Charles C. Willoughby. Antiquities of the New-England Indians. 1935.

логичны многим из каменных рыб сибирского неолита. Их сближают друг с другом общая реалистическая трактовка и скульптурная форма, а также сходные размеры. Замечательно и то, что почти все каменные рыбки из неолитических находок в Восточной Сибири обладают строго центрированными спинными отверстиями и, будучи подвешенными, сохраняют поэтому правильное горизонтальное положение. Отсюда следует, что они употреблялись в таком же горизонтальном положении, как и костяные приманки. По аналогии с этнографическими объектами становится также ясным, что у рыбок-приманок сибирского неолита отверстия на хвосте и у жабер или на брюшке, где должны быть плавники, предназначались для прикрепления ярких подвесок, тряпочек, подсок рыбьей шкуры и т. п., раздражавших и привлекавших рыбу к приманке.

Темный цвет большинства каменных рыб из сибирских неолитических погребений и поселений не мог служить препятствием для использования их в качестве рыболовных приманок. Деревянная рыбка орочей, как мы видели, густо окрашена графитом и тем не менее при своем интенсивночерном цвете успешно употреблялась в рыболовном промысле. Белые же мраморные фигурки омулей из Улан-Хады были бы издалека видны, особенно на фоне темного песка, гранитных камней и скалистого дна Байкала.

Большой вес каменных рыбок обычного размера (около 20 см), очевидно, был даже удобен в условиях Сибири, с ее быстрыми горными речками, ворочающими камни. Современные приманки эвенков специально дополняются еще свинцом, несмотря на плотность и значительный удельный вес кости, из которой они изготовлены. Понятна особая тщательность в изготовлении каменных рыб и выбор лучшего по качеству и прочного материала для изготовления их. Они составляли важную часть производственного инвентаря, служили долго и постоянно употреблялись их владельцами. Реалистическая передача формы рыб, заботливое выполнение различных деталей, вплоть до чешуи, могли иметь большое значение именно для приманок.

Особый интерес приобретают в связи с этнографическими примерами, приведенными выше, условия находки крупнейшей коллекции каменных рыб в Улан-Хаде. Улан-Хада, поселение позднесеровского и китайского времени, когда вообще заметно повышается роль рыболовства, располагалось на самом берегу Байкала, исключительно богатого рыбой.

«Около ево, — читаем мы в „Житии“, автобиографии Аввакума, — горы высокие, утесы каменные и зело высоки — двадцать тысяч верст и больши волочился, а не видал

таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограды каменные и дворы, все богаделанно... Птиц зело много, гусей и лебедей по морю, яко снег плавают. Рыба в нем — осетры и таймени, стерляди, и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы (?) великия в нем; во окиане в море большом, живущи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирны гораздо, — нельзя жарить на сковороде: жир все будет».¹

«Когда осенью бывает омули ход из Байкала в некоторые реки, то делают они неподалеку от берега из прутьев сплетенную городью и ставят в реке наискось, а сами стоят позади оной в воде и выбрасывают на берег голыми руками, пригоняемую к городью по причине великого множества, и тут останавливающуюся рыбу», — сообщает несколько позже Георги о ловле рыбы на Байкале эвенками.² Славится рыбой, в особенности омулем, Байкал и в настоящее время.

В таких условиях рыбная ловля могла получить большое хозяйственное значение относительно рано, а находки многочисленных (но еще примитивных по форме) крючков и каменных рыб доказывают это со всей определенностью. Найденные в одной из пещерок Улан-Хады изображения омулей и фигурки других рыб свидетельствуют, что омуль, а за ним налим и сиг имели важное значение для древнего байкальского рыболова. Наличие поломанных изображений рыб в слоях Улан-Хады свидетельствует однако о том, что это не были какие-то «рыбобоги». Они, видимо, иногда ломались при неудачных ударах гарпуна, при ударе о камень или лед и затем выбрасывались на площадь стоянки как совершенно негодные вещи. Хвосты, более тонкие, чем туловище, ломались, естественно, чаще и потому утрачивались в воде, а головы рыб приносились обратно. Приманки в виде рыбок изготавливались в то время обитателями Улан-Хады не только из камня, о чем свидетельствует обломок хорошо обожженной и великолепно орнаментированной серовским «гребенчатопунктирным» узором глиняной рыбы из подъемных сборов на территории стоянки.³

Заслуживает, наконец, быть отмеченным совпадение области распространения сибирских каменных рыб с районом, где бывает или недавно бытовал способ рыбной ловли с искусственной рыболовной приманкой и

¹ Житие протопопа Аввакума им самим написанное. Изд. «Academia», стр. 111.

² И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799, ч. III, стр. 41.

³ Соб. археол., I, 1936, стр. 226—227. Археол. отдел МАЭ АН СССР, колл. 2225-57.

гарпуном. Относительно областей к западу от Урала нет указаний на такие приемы рыболовства. Нет там и каменных рыб, сходных с сибирскими, хотя на севере Европейской части Союза давно известны скульптурные изображения животных на фигурных молотах из камня, а в последнее время найдены (на Южном Оленьем острове) и костяные скульптурные изделия, стилистически сходные с волосовскими из долины Оки и с неолитическими сибирскими.

Каменные рыбы, как один из своеобразных чисто локальных элементов неолитической материальной культуры Сибири, находятся, повидимому, в непосредственном соотношении с какими-то особенностями быта и производственного уклада древнего населения тайги.

В связи с этим следует отметить, что рыбная ловля при помощи каменных или костяных рыб-приманок есть по своему характеру еще настоящая охота. Рыбу приманивают в проруби, а потом закалывают гарпуном. Такой способ рыбной ловли близко напоминает различные промысловые приемы охотников, употребляющих особые маньщики для ловли диких животных — флейты и пищики, чучела-приманки, маскировку и прочие приспособления.

Слабое развитие более совершенной крючковой снасти в ранних стадиях развитого неолита тайги, таким образом, хорошо

компенсируется обилием и разнообразием предметов собственно-охотничьего инвентаря, а каменные рыбы входят, по сути, именно в этот чисто охотничий инвентарь, хотя и обслуживали ловлю рыбы¹. Они, как видно, не исчезли в Прибайкалье и в более позднее, посленеолитическое, время, но все более и более утрачивали свое значение вместе с усовершенствованием собственно-рыболовной снасти, крючков и сетей. Ницне естественно, поэтому, что рыбы-приманки всего устойчивее сохранились там, где по сравнению с рыболовством продолжал доминировать древний охотничий уклад, — у охотников тайги и тундры, а также отчасти у оленеводов и приморских зверобоев Арктики, где рыболовство занимало далеко не ведущее, а скорее подчиненное место в общей промысловый жизни. Но это только одна сторона дела. Вряд ли может быть случайным, что нигде в других областях Европы и Азии, кроме Сибири, нет следов столь архаичного и своеобразного способа рыбной ловли и что, вместе с тем, он широко распространен в Северной Америке с неолитического времени. Перед нами, повидимому, еще один элемент культуры, связывающий северную Азию и Северную Америку, еще одно конкретное указание на близость их древнего населения друг к другу.

¹ Сов. археол., т. I, 1936, стр. 238—244.

С. А. Семенов

СЛЕДЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ НА НЕОЛИТИЧЕСКИХ ОРУДИЯХ ИЗ АНГАРСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

Настоящая работа является попыткой приложения микроанализа к каменным орудиям неолитической эпохи.

Неолитические полированные орудия в основных своих видах морфологически близки к орудиям металлическим, чем значительно облегчается исследование вопроса о их назначении и способах применения.

Однако эти особенности неолитических полированных орудий, упрощающие дело изучения их функций, все же не делают выводы, основанные на изучении формы, окончательно достоверными. Нередки примеры, когда аналогичные по форме орудия являются различными по функциям. Большое внешнее сходство неолитических полированных мотыг с полированными теслами иногда служит причиной спора: какое из этих двух видов орудий мы имеем в том или ином конкретном случае?

Что же касается неолитических неполированных орудий, чрезвычайно разнообразных по форме, то здесь сравнительно-морфологический анализ впадает в область таких больших затруднений, что его данные вызывают такие же сомнения, как и выводы, сделанные на материале палеолитическом.

Все исследованные нами каменные орудия относятся к материалам неолитических могильников на р. Ангаре, раскопанных А. П. Окладниковым за время с 1932 по 1937 г., и неолитической мастерской, раскопанной им же в 1937 г. на о. Каменном. Орудия из могильников, как и орудия из мастерской, очень хорошей сохранности. Приготовлены они из различных материалов: из темнозеленого нефрита, из серовато-белого сланца, из темного кремня и кремнистого сланца.

При первом взгляде на орудия из могильников, прежде всего, бросается в глаза факт, который может иметь для нас существенное значение: почти все орудия носят на себе четкие следы их употребления. Эти орудия специально не приготавливались для покойника, а являлись, очевидно, орудиями, которыми умерший пользовался при жизни.

После его смерти они были положены в могилу, чтобы покойник продолжал пользоваться в загробном мире привычными и знакомыми предметами.

Особенно выразительны и представляют, пожалуй, наибольший интерес следы на нефритовых орудиях: топорах, ножах и теслах, причем следы эти прослеживаются не только в виде заполировок — обычных признаков работы. Несмотря на большую твердость, нефрит обладает вязкостью, делающей его очень ценным, менее ломким, чем другие породы, материалом для каменных орудий. Эта вязкость в соединении с прочностью сохранили для нас на поверхности, например, топоров из нефрита совершенно ясно различаемые невооруженным глазом желобки, идущие от лезвия вверх, по направлению к обушку. Желобки расположены на обеих сторонах лезвия и имеют протяжение от 1 до 2 см. Они образовались именно в тех рабочих частях топора, которые испытывают наибольшее сопротивление материала в работе.

Каким образом могли образоваться такие следы на нефритовых топорах?

Едва ли могут быть сомнения в том, что такого характера следы могли возникнуть на топорах лишь в результате работы по определенным древесным породам, имеющим хорошо выраженную слоистую структуру. Таковыми являются хвойные породы.

Кроме топоров, в ангарских неолитических могильниках найдены нефритовые тесла различных размеров и форм.

Тесла отличаются от топоров, которые имеют симметричный профиль, т. е. равномерно сходящиеся на конус внешние линии, профилем асимметричным. Благодаря такому строению, тесло прикрепляется к рукоятке таким же способом, как и мотыга.

Следы работы в виде заполировки располагаются, как правило, на выпуклой стороне тесла, как показано на рис. 1 и 2. По расположению заполировки можно судить, под каким углом тесло было обращено к обрабатываемому объекту. Этот угол очень не-

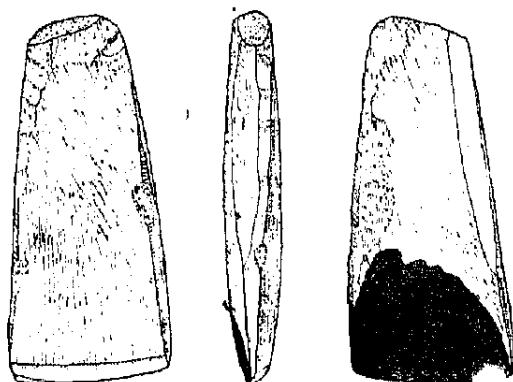

Рис. 1. Тесло из нефрита с асимметричным лезвием, с ярко выраженным следами сработанности. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

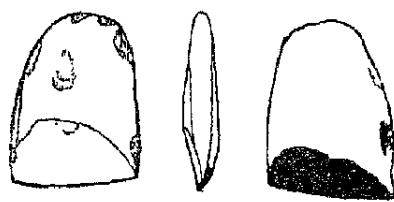

Рис. 2. Маленькое тесло из нефрита. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

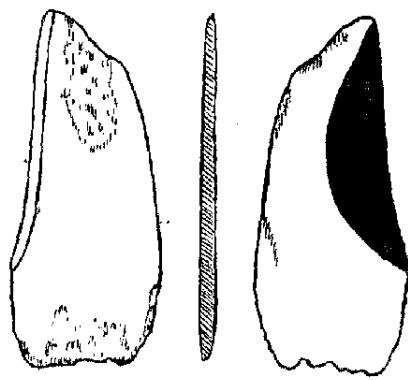

Рис. 4. Нож из нефрита. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

значителен — около 20° . Как на нефритовых топорах, так и на нефритовых теслах имеются, кроме заполировки, желобки, идущие от лезвия вверх, к обушку. Правда, здесь этого рода следы значительно мельче и прослеживаются хорошо лишь в лупу. На прилагаемой микрофотографии (рис. 3) эти следы засняты и дают представление о характере деформации лезвия от работы по слоистым породам дерева.

Весьма любопытно, что третья категория нефритовых орудий — шлифованные полулунные ножи — также имеет на лезвиях следы, аналогичные следам на теслах (рис. 4, 5). Под бинокулярной лупой хорошо видны мелкие желобки, указывающие на применение этого вида ножей для обработки дерева. И это вполне понятно. Мелкая работа, вроде выстругивания древка стрелы, копья, палицы, не могла производиться теслом. Для этого

требовался нож с ровным шлифованным лезвием. В то же время для резания мяса, для препарирования животных и других операций, связанных с обработкой туши убитых

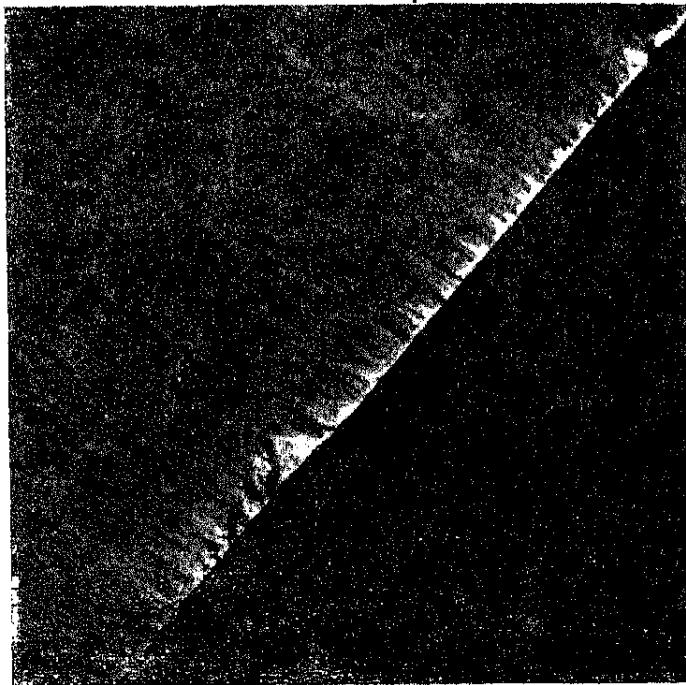

Рис. 3. Лезвие тесла из нефрита сильно увеличенное с ярко выраженным следами сработанности.

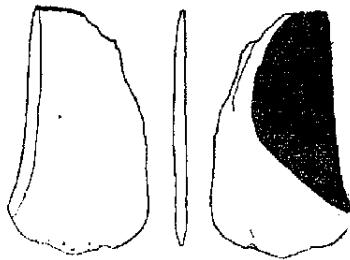

Рис. 5. Нож из нефрита. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

животных, такой нож был мало пригоден. Для этих операций требовался нож с неполированым ретушированным лезвием, имеющим свойства пилы, или свежесколотая кремневая пластинка с острым, как у бритвы, лезвием.

Это положение нами проверено экспериментальным путем. Как бы хорошо ни был наточен шлифованный нож, он все же не будет иметь такого тонкого лезвия, как, например, у свежесколотой кремневой пластины. Имея толстое сечение, лезвие каменного шлифованного ножа не проникает глубоко в упругую ткань тела животного, а скользит поверху, ввиду чего резание чрезвычайно затрудняется. Зубчатая структура ретушированного лезвия дает другой эффект, несмотря на толстое сечение такого лезвия, так как в процессе резания зубья захватывают и рвут волокнистую ткань. Способ зажима

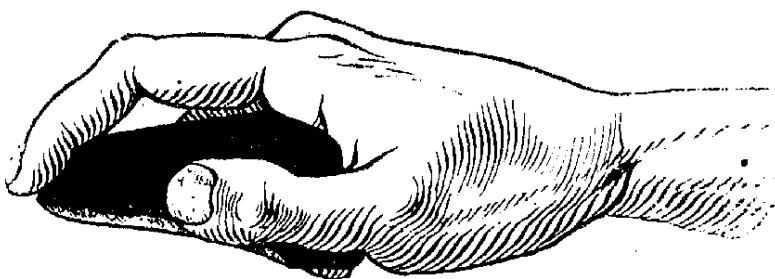

Рис. 6. Способ зажима нефритового ножа полулунной формы.

Рис. 8. Процесс работы желобчатым теслом.

в руке полулунного шлифованного ножа показан на рис. 6.

К числу орудий для обработки дерева принадлежат крупные желобчатые тесла, приготовленные из светлосерого сланца. Это довольно крупные шлифованные орудия, достигающие 20 см длины и 700—900 г веса (рис. 7). Кроме значительной величины и веса, отличительным признаком этого вида орудий является толстый массивный профиль, обусловленный желобчатой структурой рабочей части и выпуклым строением спинки.

Большая кривизна как продольной, так и поперечной внешних линий спинки (линии С—D, А—В) свидетельствует о том что такое тесло специально приготавлялось для производства больших и глубоких выемок на дереве, каковыми могли быть выемки в лодках-долбленах или корытах, необходимых в домашнем хозяйстве.

Следы от работы на этих орудиях, обнаруженные в виде заполировки на спинке рабочего конца, вполне подтверждают такую интерпретацию их назначения (рис. 7). Они захватывают всю кривизну поперечной ли-

нии спинки в рабочей части тесла (линия А—В) и сравнительно далеко идут по линии С—D. Такие следы обыкновенно образуются от выдалбливания в дереве больших углублений. Желобчатые тесла океанийцев

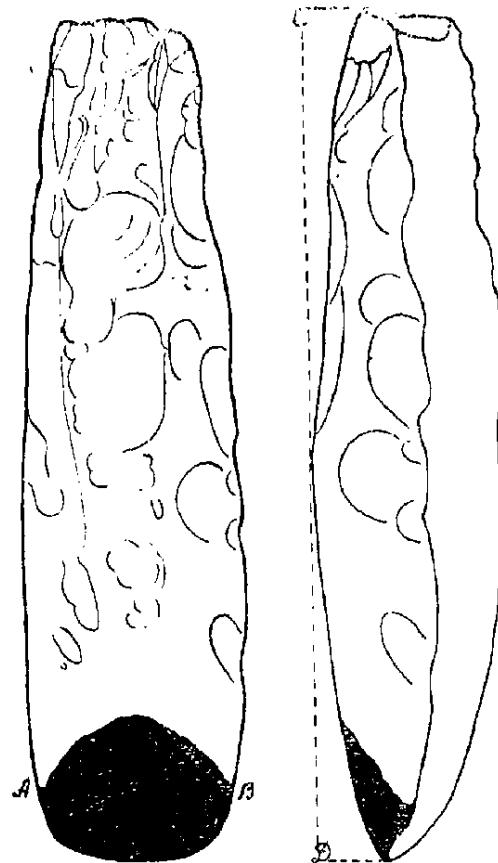

Рис. 7. Желобчатое тесло из кремневого сланца. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

(материалы Музея этнографии Академии Наук СССР), приготовленные из крупных раковин, имеют форму, очень близкую к желобчатым теслам из ангарских неолитических погребений. Они служат океанийцам-рыболовам для выдалбливания лодок. Следы употребления на этих раковинных теслах идентичны со следами на теслах с р. Ангара.

Способ насадки желобчатых тесел на рукоятки и их употребления в процессе работы дан нами в прилагаемой реконструкции (рис. 8).

Из числа нешлифованных орудий из ангарских неолитических погребений представляет интерес орудие, изображенное на рис. 9. Это сравнительно крупное треугольное плоское орудие, обработанное отжимной ретушью. Один, наиболее острый, угол имеет форму острия, заполированного от употребления, причем заполировка не ограничивается только одним острием, а распространяется по выпуклому и вогнутому лезвию. Очевидно, такого рода следы могли образоваться в процессе проникновения острого угла в тело животного. Имея

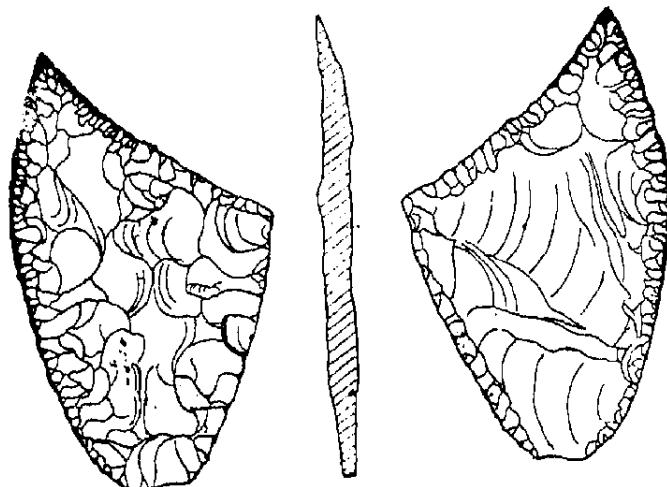
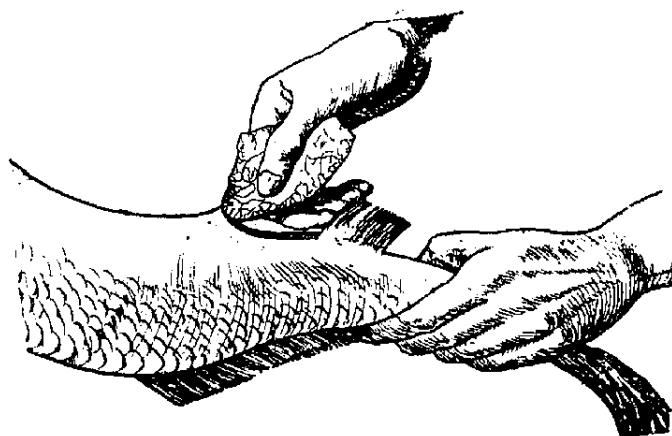
Рис. 9. Треугольный нож. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

Рис. 10. Способ употребления пластинчатого ножа асимметричной формы.

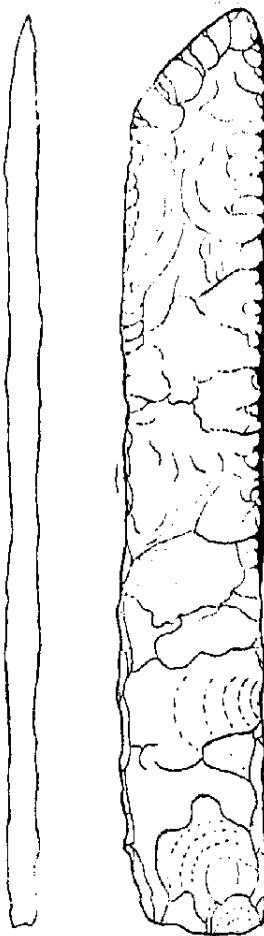
асимметричную форму, такое орудие не могло служить наконечником. Это был нож, специально предназначенный для потрошения животных. Но так как его ширина затрудняла обхват орудия пальцами руки для зажима во время работы, то надо полагать, что в деле потрошения крупных животных такое орудие не давало нужного эффекта. Этот специализированный нож скорее служил для препарирования мелких животных, а лучше всего для потрошения рыбы. Его своеобразная форма как нельзя лучше соответствует последней функции (рис. 10). Кроме того, такой широкий нож мог одновременно служить и для очистки рыбы от чешуи.

Но специализированная форма орудия не может возникнуть без хозяйственных к тому предпосылок. Необходимо допустить, что ангарские неолитические насељники наряду с охотой систематически занимались и рыболовством. Об этом свидетельствует наличие в погребениях крупных желобчатых тесел, служивших для выдалбливания лодок, необходимых в рыболовческом хозяйстве.

Кроме рассматриваемых ножей и желобчатых тесел, в погребениях обнаружены

костяные крючки для ловли крупных рыб, гарпуны и другие принадлежности рыболовческого хозяйства.

Назначение интересующего нас ножа как

Рис. 11. Пилообразный нож из кремнистого сланца. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

орудия для потрошения подтверждает следующий факт: среди энеолитических материалов глазковской стадии имеются аналогичные ножи из бронзы. Глазковская стадия ангарских погребений характерна чрезвычайно богатым рыболовческим инвентарем. Правда, эти ножи были насажены на рукоятки, но среди погребальных предметов более ранних ангарских могильников известны такие же кремневые ножи, насаженные на костяную рукоятку. Размерами они несколько меньше и уже. Край, вставляемый в паз костяной рукоятки, тонок, так же заострен, как и рабочий край, но не носит следов употребления.

Следующими нешлифованными орудиями, тесно связанными с рыболовческим хозяйством, являются длинные пилообразные ножи.

Нож, изображенный на рис. 11, имеет довольно крупные размеры: 22 см в длину и $3\frac{1}{2}$ см в ширину. Приготовлен он из темно-серого очень твердого кремнистого сланца крупной отжимной ретушью. Лезвие обработано мелкой ретушью. Конец ножа обработан под углом. С противоположного конца, служившего рукояткой, оба края имеют

Рис. 12. Пилообразные кремневые лезвия. $1\frac{1}{2}$ нат. вел.

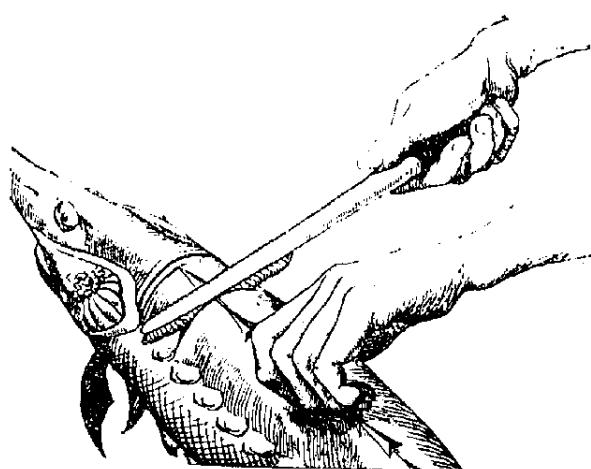

Рис. 13. Способ употребления пилообразного ножа.

утолщение, предохраняющее руку от поражения во время работы, хотя в целом профиль в этой части не имеет утолщения. Лезвие носит следы работы.

Нож, изображенный на рис. 12, отличается от предыдущего меньшими размерами, несколько более тщательной отделкой. Приготовлен он из твердого кремнистого сланца песочного цвета, имеет очень тонкий профиль. Найден вместе с длинной костяной рукояткой, в которую он был вставлен. Длина ножа без рукоятки $14\frac{1}{2}$ см, ширина 18 мм, толщина $1\frac{1}{2}$ —2 мм. Длина вместе с рукояткой более 30 см. Лезвие сильно заглажено и заполировано от работы. Заполировка одинаково располагается на обеих плоскостях лезвия, причем, очень существенным фактом является наличие следов работы не на ровном, тонко обработанном лезвии, а на более толстом лезвии, которому намеренно придана пилообразная зубчатая форма.

Некоторой разновидностью этого ножа служат ножи с такой же длинной рукояткой из кости, но имеющие не один длинный вкладыш, как в приведенном примере, а составленные из нескольких отретушированных пластинок, которые вставлены в паз рукоятки непрерывным рядом.

Назначение этого рода ножей может быть установлено в результате анализа всей совокупности его признаков.

Пилообразное зубчатое лезвие одинаково сработано (заполировано) с обеих плоскостей. Этот факт совершенно бесспорно указывает, что лезвие на обрабатываемый объект устанавливалось под прямым углом,

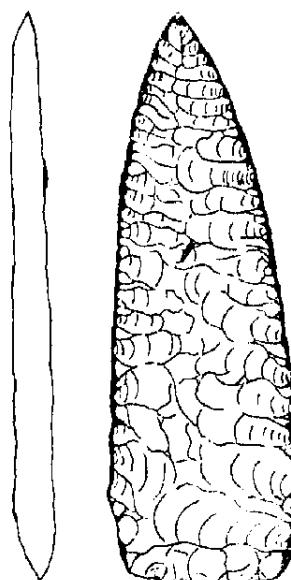

Рис. 14. Клинок кинжала-ловидного орудия. Нат. вел.

как пила. Но пилой для распиливания твердых предметов (дерево, кость) такое орудие не могло служить по следующему признаку: костяная оправа ножа во много раз толще, нежели кремневый вкладыш. Поэтому в твердое тело такая пила могла проникнуть лишь до оправы, всего на 1 см. Кроме того, края этой оправы от трения о твердое тело несомненно носили бы следы определенной сработанности. Ножом для потрошения животных такое орудие тоже очень трудно себе представить. Для этой цели несравненно более соответствовали ножи в форме наконечников, т. е. двусторонние, кинжаловидные. Всего вероятнее, что мы здесь имеем специальный нож для разрезания крупной рыбы.

Продолговатое тело какой-нибудь стерляди, севрюги, осетра, покрытое роговыми пластинками, обладающее очень гибким и очень крепким позвоночником, было бы чрезвычайно затруднительно разрезать на ряд отдельных кусков с помощью короткой отретушированной пластиинки. Для этой цели мог быть удовлетворительно применен только длинный нож с рукояткой, которым можно было действовать как пилой (рис. 13).

Среди погребальных предметов ангарских неолитических могильников известны также и наконечники для копий. Большинство из них однако не носит следов употребления, что вполне понятно: функции наконечников копий отличаются от функций других орудий своим крайне эпизодическим действием

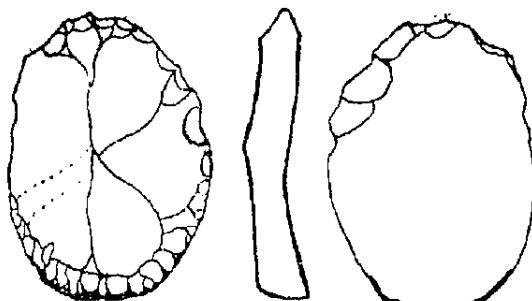

Рис. 15. Неолитический скребок. Нат. вел.

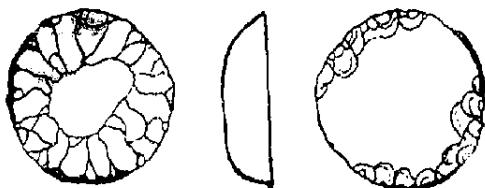

Рис. 16. Неолитический скребок. Нат. вел.

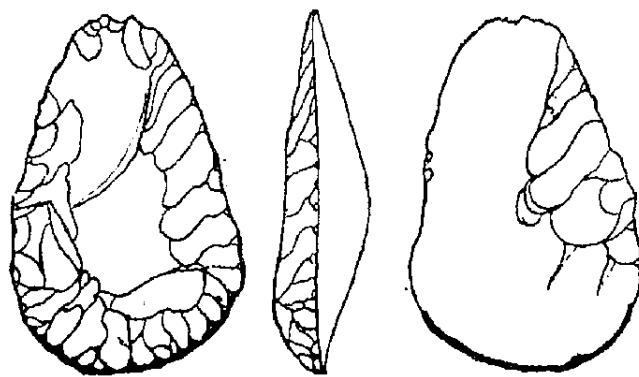

Рис. 17. Неолитический скребок. Нат. вел.

тушированных орудий не исчерпывают всего состава каменного инвентаря, встречающегося в ангарских неолитических погребениях. К числу изученных нами топоров, тесел, строгательных ножей, ножей для

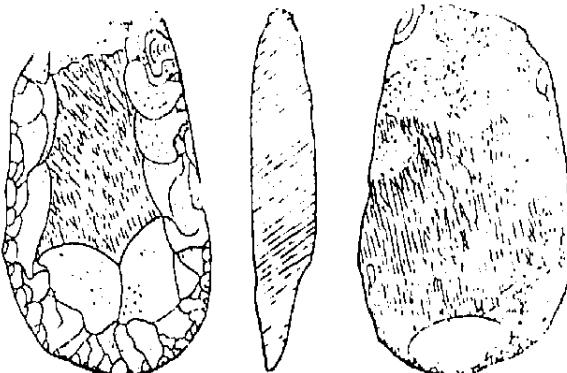

Рис. 18. Неолитический скребок. 1/2 пат. вел.

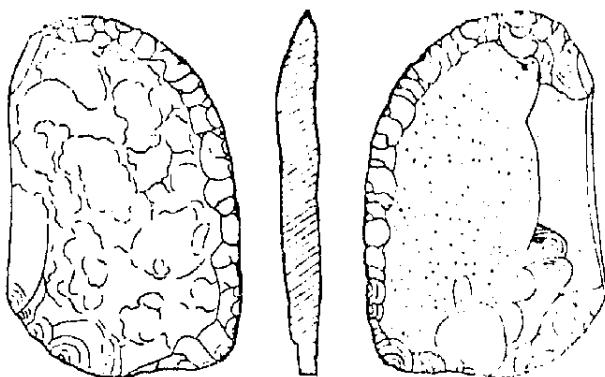

Рис. 19. Скребло. Нат. вел.

Поэтому отсутствие на орудиях этого вида заполировки можно рассматривать как признак его применения в качестве наконечника копья.

Обыкновенно наконечники копий в погребениях находятся у плеча или у головы скелета острием вверх, так как копье кладется в могилу вместе с древком, которое от времени истлевает совершенно.

Но в погребении «Братский камень» № 1 наконечник найден не у плеча, а у поясницы, причем его острие направлено вниз. Приготовлен наконечник из светлосерого кремня. Длина его 14 см, ширина у основания $4\frac{1}{2}$ см, толщина в самой массивной части около 8 мм (рис. 14).

Изучение его поверхности приводит к заключению, что мы здесь имеем не наконечник, а клинок ножа или кинжала. Его края на всем протяжении от острия до основания слегка заполированы.

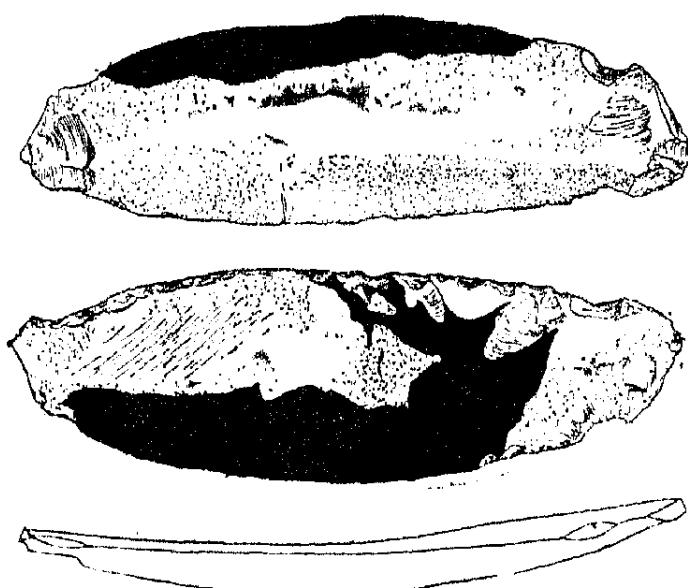
Насаженный на рукоятку, такой кремневый кинжал должен был удовлетворять тем хозяйственным потребностям, которые тесно связаны с охотой на животных, когда необходимо добывать и потрошить животных, снимать шкуру, резать мясо и т. п.

Приведенные виды шлифованных и ре-

потрошения и резания рыбы, наконечников копий, охотничьих ножей необходимо присоединить некоторые виды скребков и скребел (рис. 15—19).

Скребки сделаны в большинстве случаев из отщепов кремня, роговика и других кремнистых пород. Следы употребления на них располагаются, как и на скребках палеолитических, только по самому краю, не распространяясь ни на брюшко, ни на спинку. Следовательно, эти скребки имели фронтальное движение в процессе работы, т. е. ставились под прямым углом на объект и двигались брюшком вперед.

Скребок, изображенный на рис. 18, интересен своей историей, которая запечатлелась на его поверхности. Первоначально это был небольшой топор, изготовленный из темносерого сланца. В дальнейшем от употребления на рабочей части его образовался крупный глубокий фас, для удаления которого шлифовкой потребовалась бы большая затрата времени и сил. Владелец его нашел другой выход. Крупной ударной ретушью он сделал лезвие тоньше, затем мелкой ретушью закруглил его. В результате получился крупный скребок, который, очевидно, вставлялся в двухручную рукоятку. Следы употребления на этом ору-

Рис. 20. Струг из кремнистого сланца. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

Обработка кожи — вот та сфера, в которой имели приложение скребки.

Присутствие в ангарских могильниках каменных наконечников стрел, костяных фрагментов от луков, наконечников для копий и рогатин указывает, что для ангар-

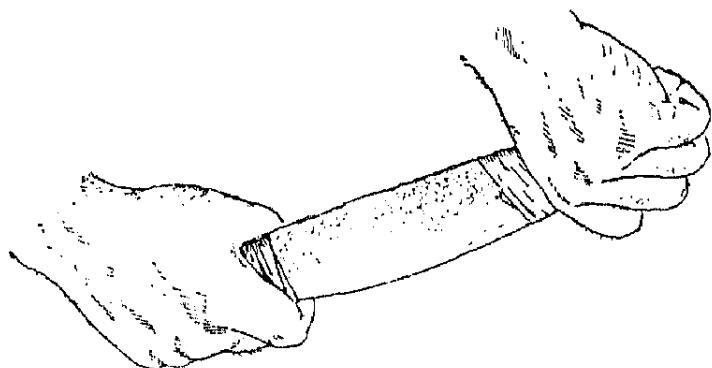

Рис. 22. Способ употребления струга.

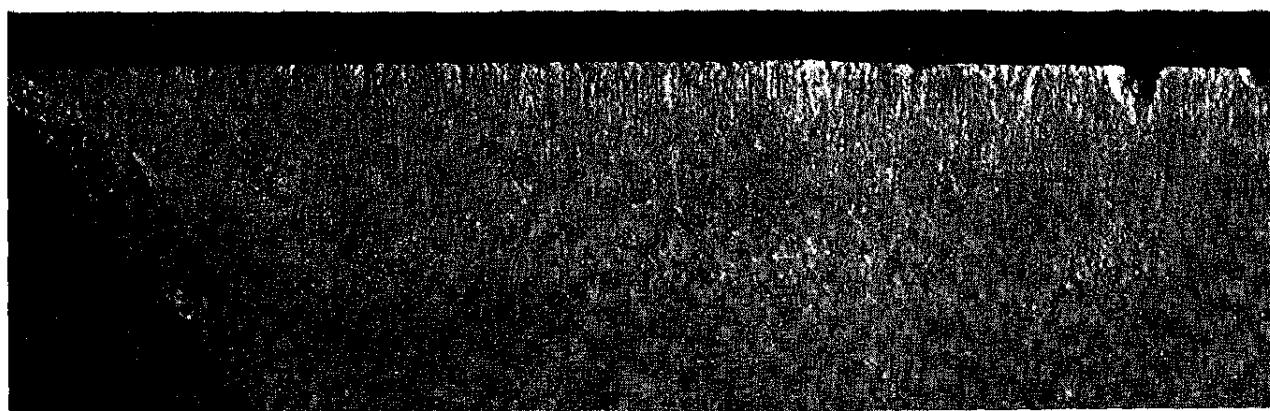

Рис. 21. Микрофотография лезвия струга.

дии таковы, как и на других скребках, т. е. сосредоточены строго на лезвии. При рассматривании в бинокулярную лупу можно видеть на затупленном лезвии поперечные штрихи, с несомненностью показывающие направление, в котором производил движения этим скребком человек в процессе работы.

Каково назначение скребков из ангарских погребений? Все нами просмотренные скребки из кремня, роговика и сланца, несмотря на различия в форме и размерах, носят на рабочих лезвиях одинаковые следы, образовавшиеся от работы под прямым углом и свидетельствующие о фронтальном направлении движения.

Орудия же, имеющие такое направление, в процессе производства могут быть только скребущими орудиями. Однако ни общая форма скребков, ни форма их рабочего края, ни характер образовавшихся следов не дают нам оснований считать, что этими орудиями обрабатывались деревянные или костяные предметы.

ских неолитических насељников рыболовство не было единственным средством к существованию. На ряду с рыбным промыслом имела место и охота как на крупных, так и на мелких животных.

В нашу задачу не входит описание процессов обработки кожи каменными скребками. Это специальная, самостоятельная тема. Функции скребков в этом деле разнообразны. Отметим лишь основные. Очистка свежеснятой кожи от жира, если судить по этнографическим данным, обыкновенно производится не скребками, а скреблами, обладающими широким рабочим краем. Одно из подобных орудий дано нами на рис. 19. Удаление шерсти в том случае, если это требуется, производится также скреблом после воздействия на мех примитивными химикатами (зольная щелочь, моча и т. п.), переедающими волос.

Для соскабливания мездры, — для того чтобы кожа не лопалась, а становилась эластичной, — применяются скребки сравнительно крупных размеров, очень близкие по

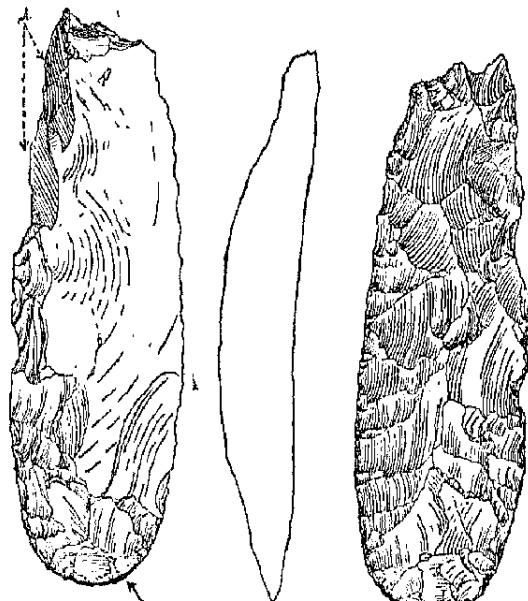
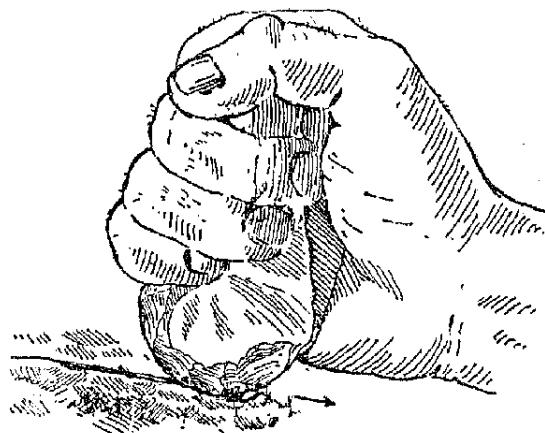
Рис. 23. Ножи для раскрайки шкур. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

Рис. 26. Способ употребления ножа для раскрайки шкур.

форме к скребку, переделанному из топора. Скребок насаживается на двухручную рукоятку.

Следующим существенным процессом обработки кожи является пушение бахтармы. Бахтармой называется противоположная меху сторона шкуры. Размягчение высохшей бахтармы производится мелкими скребками, после чего кожа становится эластичной как замша.

Кроме ангарских неолитических орудий из погребений, в нашем распоряжении была небольшая группа орудий из неолитической стоянки, находящейся на о. Каменном в 35 км ниже г. Кежмы на р. Ангаре. Эти орудия, вместе со скреблами, нуклеусами, костяными орудиями были обнаружены А. П. Окладниковым в 1937 г. Место, откуда они были извлечены, имело характер небольшого культурного пятна, залегавшего не на территории самой стоянки, а по соседству с ней. По мнению А. П. Окладникова, это местонахождение можно объяснить как мастерскую, внезапно покинутую человеком.

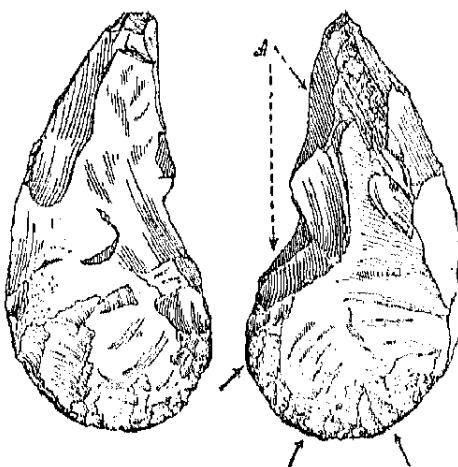
Рис. 24. Ножи для раскрайки шкур. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

Рис. 25. Микрофотография лезвия ножа для раскрайки шкур.

В нашу задачу не входит определение этого памятника. Мы останавливаемся лишь на трех каменных орудиях очень редкой формы, из которых одно приготовлено из серого кремнистого сланца, а другие из темного, почти черного плитнякового кремня. Орудие из сланца (рис. 20) представляет собою крупную узкую пластинку, отбитую от большого нуклеуса. Длина орудия 16 см, ширина 5 см, толщина 10 мм. Оно имеет дугообразно изогнутый профиль. С обеих сторон орудие отшлифовано на зернистом песчаниковом бруске. На обоих концах, в сторону которых орудие суживается от середины, имеются по две друг против друга расположенные зарубки или выщербины, специально сделанные для крепления к обоим концам орудия рукояток.

При первом взгляде это орудие, благо-

даря некоторой симметрии, кажется двухлезвийным. Однако в дальнейшем становится очевидным, что следы употребления имеются только на одном лезвии. Следы в виде заполировки идут сравнительно далеко от края, указывая на малый рабочий угол этого орудия, представляющего собою, скорее всего, двухручный строгальный нож (струг) для строгания мездры во время обработки толстой кожи. Равномерная и двусторонняя заполировка, отсутствие выпирбина на самом лезвии, дает нам основание считать, что этим стругом обрабатывались преимущественно мягкие материалы.

Орудия из кремния (рис. 23—24) на первый взгляд отличаются друг от друга по форме. Одно из них, удлиненное, может быть принято за топор, за тесло или долото. Другое, более короткое, имеет форму лопаточки. С точки зрения типологической эти орудия трудно было бы признать идентичными по своему назначению. И тем не менее, эти два орудия предназначались для одних и тех же функций. К такому выводу нас может привести даже сравнительно-морфологический анализ, если мы подойдем к этим орудиям не с точки зрения их общей формы, а более детально.

Прежде всего бросается в глаза их сходство в рабочей части, которая обработана совершенно одинаковым приемом двусторонней ретуши, а главное, она имеет закругленное лезвие. Последнее сравнительно тонкое и ост्रое. С противоположного конца на этих орудиях также имеется общий признак — площадка, получившаяся в результате стесывания одного ребра от основания. Эта площадка (рис. 24, А) специально подготовлена для зажима орудия в руке без рукоятки.

Исследованием поверхности рабочей части орудий также устанавливается их функциональное единство. На одном и другом орудии лезвие одинаково заполировано с двух сторон, как показано на рис. 23. Равномерная заполировка лезвия с обеих плоскостей, как нам уже известно на примерах других орудий, всегда служит ука-

занием на то, что такое орудие в процессе работы устанавливается на объект под прямым углом. Кроме того, подобного вида заполировка свидетельствует о том, что лезвие орудия врезалось в объект ровно настолько, насколько заполировка захватывает плоскость лезвия.

Исходя из установленных признаков, мы приходим к заключению, что эти орудия должны были употребляться в качестве специальных ножей, предназначенных для разрезания обработанной кожи, для выкраивания из нее необходимых для одежды или обуви пошивных деталей, для вырезывания ремней и т. д. (рис. 26). При этом процесс резания производился, очевидно, при помощи деревянной колодки, которая подкладывалась под кожу, а лезвие ножа устанавливалось на кожу под прямым углом.

Сделанное определение представляется нам единственным выводом, который возможен на основе имеющихся фактов. Однако мы не можем не добавить сюда еще одного факта, значение которого, при первом впечатлении, может быть истолковано в ущерб нашему определению. Микронализ рабочего края этих орудий выявил легкие поперечные линии, какие бывают на лезвиях скребков. Этот факт достаточно очевиден, чтобы его игнорировать, но надо сказать, еще недостаточно характерен, чтобы свести к нулю наши выводы. По всем данным, мы имеем здесь вторичное явление, результат дополнительной функции. На это указывает самый характер линий. Они пересекают лезвие не с одной стороны, как это бывает на настоящих скребках, которыми работают, двигая их всегда в одном направлении, т. е. брюшком вперед, а с двух взаимно противоположных сторон, причем они иногда даже скрещиваются. Бросается в глаза их случайный, неустойчивый характер. А самое главное, у настоящих скребков заполировка сосредоточивается только на самом лезвии, не переходя на плоскости. В наших орудиях имеется достаточно четкая заполировка на обеих плоскостях.

М. Е. Фосс

КОСТЯНЫЕ И ДЕРЕВЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ СТОЯНКИ ВЕРЕТЬЕ¹

На заболоченном низком берегу реки Кинемы в 0,5 км от озера Лача, среди подступающего местами к самой воде леса, поднимается пологое возвышение, частично затапливаемое в сезоны «высоких вод». Этот небольшой бугор известен у местных жителей под названием «Веретье». Наивысшая точка его над уровнем воды (при низком стоянии воды в августе) доходит до 1,5 м. Здесь на берегу реки у самой воды были обнаружены остатки стоянки, уходящие на расстояние 30—50 м от берега под сухой лес. Культурный слой лежит в торфе под дерновым покровом и состоит из двух наслойений, образовавшихся в разное время.

Нижний слой торфа, содержащий остатки более раннего поселения, относится к концу суб boreального периода,² который отличался от современного сухостью и теплотой. В этот период поблизости от поселения произрастали такие виды деревьев, как дуб, отступивший с похолоданием значительно южнее. В воде, окружавшей поселение, водились, наряду с современными видами рыб, виды рыб более тепловодных. В это время поселение занимало сравнительно очень незначительную площадь, в виде прибрежной узкой полосы, в 25—30 м в ширину. С увлажнением климата берег стал заболачиваться, и, повидимому, полное затопление послужило причиной ухода его обитателей. В течение длительного периода Веретье оставалось необитаемым. За это время образовался слой торфа в 10—15 см толщиной, лишенный культурных остатков. И только с возвращением более сухого климатического режима и понижением уровня воды во всем бассейне оз. Лача произошло вторичное заселение Веретья, остатки которого содержатся в верхней, разложившейся части торфяного покрова. Уничтожение пыльцы под влиянием процессов разложения не позволяет судить ни о раститель-

ности, ни о климатических изменениях, прошедших за время нарастания этого слоя торфа. Надо, однако, думать, что естественные условия этого времени были близки к современным. Кости рыб из этого слоя принадлежат современным видам.

Таким образом на Веретье было обнаружено два разновременных и стратиграфически совершенно разграниченных культурных наслойения с двумя комплексами вещей. Нижний комплекс относится по сумме типологических признаков ко II тысячелетию до н. э., что вполне совпадает с относительной датировкой, установленной при исследовании торфа, именно — с концом суб boreального периода. Комплекс же вещей, происходящих из верхнего торфа, должен быть отнесен к концу I тысячелетия до н. э. и к началу нашей эры.

Несмотря на значительную разницу в возрасте, находки из нижнего и верхнего слоев, характеризующие развитое охотничье-рыболовческое хозяйство, почти не отличаются друг от друга. Однообразные естественные условия, замкнутость и изолированность этого района Северного края (порожистые реки должны были затруднять движение к морю и внутрь страны) способствовали консервативности и застойности форм хозяйства. Вследствие этого и материалы для изготовления орудий также не изменились. Неизменно остаются в употреблении те же каменные орудия (главным образом кремневые и сланцевые), те же роговые и костяные изделия. Оба слоя не дали находок металлических предметов.

Большое различие, на первый взгляд, вносят глиняные изделия, представленные в значительном количестве во второй период и совершенно отсутствующие в нижнем слое торфяника. Однако этому обстоятельству нельзя придавать самодовлеющего значения. Раскопки других стоянок бассейна оз. Лача, одновременных раннему поселению на Веретье, содержат многочисленные и довольно разнообразные керамические изделия и не позволяют нам объяснить их отсутствие в нижнем слое Веретья незнам-

¹ Доклад, читанный на заседании ученого совета Гос. Исторического Музея в 1933 г.

² М. Е. Фосс. Стоянка доисторического человека. Торфяное дело, 1934, № 6.

ством его древних обитателей с пластическими свойствами глины и техникой лепки сосудов. Приходится предположить, что в данном случае керамика по каким-то причинам подверглась полному разрушению или в силу внешних обстоятельств, зависящих от характера самого поселения, почему-то не попала на площадь раскопок.

Количество найденных в раскопках вещей весьма значительно. При раскопках была открыта площадь 160 кв. м нижнего и 172 кв. м верхнего слоя. Значительная доля этих находок падает на костяные и роговые изделия, послужившие предметом нашей статьи.

ОБРАБОТКА КОСТИ И РОГА

Торф Веретье насыщен остатками дикой фауны. В некоторых местах костей попадалось больше, чем растительных остатков. Известная часть костей крупных животных дошла до нас в виде обломков со следами обработки, по которым можно судить не только о том, для каких изделий употреблялась кость в качестве материала, но также и о том, как производилась самая обработка, с помощью каких технических приемов и какими орудиями.

Кроме того, целые и фрагментированные изделия из кости и рога дают образцы не только продукции, но и некоторых инструментов, употреблявшихся в той или другой стадии изготовления изделий. Отличаясь в деталях, обработка кости и рога производилась почти одинаковыми способами. Но рог употреблялся как материал значительно реже, чем кость. Из 527 найденных на Веретье целых предметов и фрагментов со следами обработки только 35 сделаны из рога. Вещи изготавливались главным образом из костей лося, а также бобра, различных мелких животных и птиц.

Современная технология кости указывает, что кость могла подвергаться обработке лишь в состоянии размягченном и легко поддающемся воздействию орудий. Обычным способом размягчения кости служит распаривание в горячей воде.¹

Первичная стадия обработки состояла в приготовлении болванки, т. е. в моделировке материала, употребляя выражение, соответствующее этому виду работы у современных кустарей. Для этого, например, у рога лося

¹ В современном кустарном производстве кость до начала обработки обезжиривается посредством выпаривания в воде (Б. Зубакин. Холмогорская резьба по кости).

² Это отмечает и А. В. Шмидт: «Обломки оленых рогов носят следы рубки, может быть, производившейся каменным топором или теслом, как у эскимосов или чукчей еще в недавнее время» (Древний могильник на Кольском заливе. Матер. Комиссии экспед. исслед. АН СССР, вып. 23, стр. 151).

или олена удалялись боковые отростки ударами каменного топора,² тесла или долота.

Судя по следам, сохранившимся в виде коротких фасеток на многих роговых изделиях и напоминающим поверхность отесанного дерева, можно думать, что затупленные и заостренные концы предметов в таких случаях обрабатывались тем же теслом или, быть может, кремневым ножом, короткими срезами (рис. 1, а). Трубчатые кости крупных животных (лося, медведя и др.),

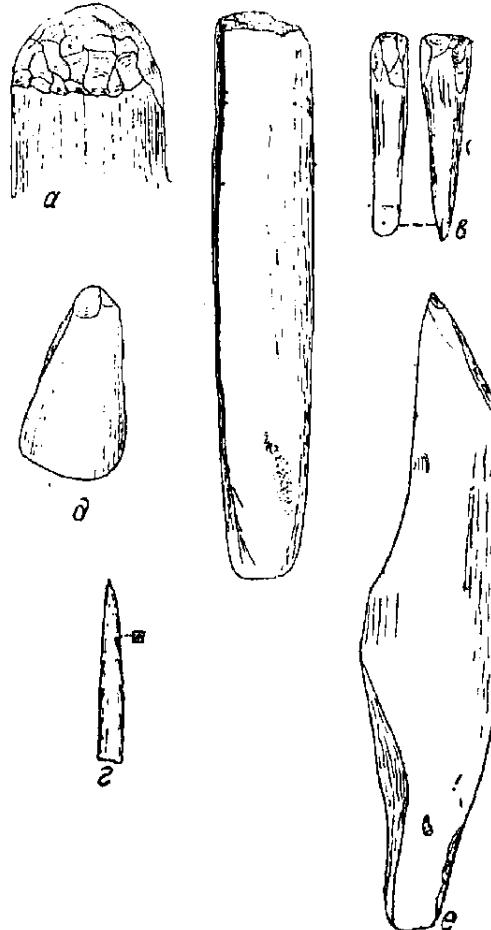

Рис. 1.

а — часть рогового предмета, обработанного срезами; б — обломок костяного ножа с желобком по лезвию для кремневых вкладышей;
в, д, е — долота; г — наконечник стрелы.

после того как у них отрезались крупные утолщения сочленений, раскалывались вдоль каменным клином или долотом. Существование этого приема отмечено еще Иностранным в описании остеологического материала Ладожской стоянки.

Вслед за тем поверхность кости подвергалась обработке скребками для удаления наружного слоя и губчатого внутреннего. Рог, если он расчленялся так, что обозначалась его внутренняя губчатая часть, претерпевал такую же операцию.

Следы работы скребком бывают заметны на поверхности кости и рога в виде грубых царапин, расположенных в беспорядке, иногда покрывающих сплошь всю поверхность кости, иногда же располагающихся

довольно широкими параллельными бороздами. Последнее зависит, очевидно, от лезвия скребка, обработанного с большей или меньшей тщательностью.

Скребки применялись не только для удаления лишних частей материала при первичной обработке, но при следовавшем за этим заглаживании поверхности, для чего должны были употребляться скребки с ровным и прямым лезвием, снабженным вторичной ретушью при работе по горизонтальной поверхности и с вогнутым полуокруглым лезвием — при обработке предметов цилиндрической формы (например при заглаживании и выравнивании черешков наконечников стрел).

При окончательной отделке поверхности могли употребляться особого устройства ножи, подобные тем, какие существовали еще в XIX в. у эскимосов. Они изготавливались по принципу широко распространенных наконечников гарпунов и стрел из костяной основы с пазами по лезвию, куда вкладывались тонкие кремневые пластинки, укреплявшиеся посредством смолы.

Такими ножами эскимосы пользовались при разного рода тонких работах: зачистке поверхности кожи, дерева, кости и рога.¹

Находки костяных орудий с желобками по лезвию и кремневых пластинок мелкого размера с острыми параллельными краями нередки в неолитических стоянках, так же как и в стоянках более поздних культур. Были они и на Веретье (рис. 1, б). Обычно костяные орудия, подобные эскимосским ножам, археологи называют кинжалами, исходя из гипотетических и, очевидно, совершенно неправильных предположений о военно-охотничье их назначении. Археологический материал не может дать этому предположению никаких подтверждений, сравнения же из области этнографии его прямо опровергают. Противоречит ему, кажется, и сама очевидность: трудно представить себе, чтобы орудие, состоящее из довольно основательной костяной основы, заключающей в толстых стенках кремневые лезвия, могло при ударе рукой проникнуть в тело животного. Кинжалу необходим скользящий и тонкий клинок в полную противоположность качествам нашего орудия.

Костяные ножи с кремневыми вкладышами, употреблявшиеся при зачистке и отделке поверхности изделий, не исключают возможности использования для той же цели простых осколков кремня с острыми тонкими краями.

На местах поселений такие осколки встречаются в большом количестве — это неизбежный отход производства при изго-

товлении разнообразных кремневых орудий. Многие из таких осколков имеют выщербины на лезвии, указывающие на то, что ими что-то резали или скобили.

На поверхности кости, при скоблении ножом со вкладышами или кремневым осколком, получались тонкие, сдва видимые штрихи, заметные при тщательном рассматривании на всех костяных изделиях.

При вырезывании из кости и рога, перед тем как пустить в ход специальное режущее орудие, наносили схематический контур намеченной к изготовлению вещи. На многих незаконченных или испорченных в процессе изготовления вещах сохранились отчетливые следы этой контурной наметки (табл. VII, 5). Для этого должно было служить какое-либо кремневое орудие с острым концом, может быть даже случайные остроконечные осколки. При резьбе же по контуру требовалось уже не только острое, но и очень крепкое орудие, так как проникновение его в кость достигалось посредством сильного нажима на рабочий конец. Таким орудием, как и в палеолитическую эпоху, был резец. Резцы в Веретье, по сравнению с палеолитическими, почти не изменили своей формы.

По намеченному на кости контуру резцом проводили со значительной силой много раз, пока не образовывалась глубокая и довольно широкая бороздка (табл. VI, 18). Затем посредством каменного долота, судя по оставшимся следам работы, ударами по проведенным надрезам удалялись лишние части (см. образцы в Государственном Историческом музее). Повторением этого приема, надрезывания и обкалывания, получалась болванка задуманного изделия. При резьбе кости можно допустить также применение кремневых ножей с дугообразным лезвием (см. колл. ГИМ). Опять-таки с помощью резца или подобного ножа вырезались на костяных орудиях (например, на гарпунах и ножах) пазы вдоль лезвия для кремневых вкладышей. При этом употреблялся тот же прием, что и при изготовлении болванки. Тонкими линиями намечались границы паза (табл. VII, 5), по которым затем и производился надрез. Получаемый таким образом желобок в попечном сечении всегда дает острый угол, совпадающий с острым углом рабочего конца резца или дугообразного ножа, что удалось несколько раз проверить при вкладывании этих инструментов в пазы костяных орудий. На конце паза нередко можно заметить тонкие надрезы, образовавшиеся при проникновении режущего орудия за пределы намеченных ранее границ (рис. 1, б). Эти следы лишний раз подтверждают наше предположение о вырезании, а не выпиливании паза, что подтверждается также

¹ См. „Zeitschrift für Ethnologie“ за 1912 г. (кн. III—IV) со статьей Porsild'a „Geräte der Eskimo“.

и едва заметной уступчатостью самих стенок пазов. Таким образом можно думать, что резцы и ножи указанного типа были главными, если не единственными, орудиями, применявшимися для разрезания кости и резьбы по ней.

У многих народов Севера, например у эскимосов и юкагир,¹ обработка кости в недавнем прошлом производилась главным образом с помощью ножа. Им соскабливался поверхностный слой, кость резалась на части, сглаживались различные шероховатости и наносились разнообразные узоры. Таким образом при обработке кости резцы и ножи выполняли функции не только режущих, но и наносящих орудий современности. Неолитические же каменные пилы,² повидимому, употреблялись главным образом лишь для распилки камня (сланца, песчаника и тому подобных пород). В отличие от металлических пил они имеют гладкое, а не зубчатое лезвие. Во время работы каменной пилой под нее видимо подсыпался мокрый песок для ускорения процесса пиления. След распила такой пилой — широкий округлый желобок.

Ни величина пил, ни толщина их, достигавшая 0,5 см, ни устройство самого лезвия не отвечали тем требованиям, которым должны были удовлетворять инструменты, употреблявшиеся для изготовления тонких и хрупких костяных изделий, большей частью обладавших миниатюрными деталями (например зубцы у гарпунов и крючков). Последние могли быть выполнены лишь при наличии тонких и острых кремневых орудий. Впрочем, можно допустить, что в некоторых случаях могли пилить кость и рог каменными пилами, но следов такого пиления на изделиях Веретья ни разу не удалось обнаружить.

Окончательная отделка костяных изделий заключалась в шлифовании и полировке на каменных плитах из песчаника или из каких-либо более твердых пород камня. Посредством шлифовки, состоявшей в трении предмета о каменную плиту с участием мокрого песка, приобреталась законченная форма, отделялись края, затачивалось лезвие. Такая шлифовка оставляла характерные, очень тонкие и частые штрихи, сплошь покрывающие отшлифованную поверхность предмета.

В заключение процесса обработки костяные и роговые изделия подвергались полированию по всей поверхности или частично, в большинстве случаев по лезвию или ра-

бочему концу. При полировании песок не употреблялся, а вещь, касаясь непосредственно мокрой каменной плиты, трением приобретала гладкую блестящую поверхность.¹

Просверливание отверстий в костяных и роговых изделиях производилось преимущественно от руки, с помощью кремневого сверла. У гарпуна (табл. I, 10), найденного в нижнем культурном слое, отверстие в разрезе расширяется в обе стороны книзу, что указывает на двустороннее просверливание с помощью орудия, подобного кремневому сверлу. В эпоху позднего поселения производилось просверливание костяных изделий, повидимому, с помощью полого сверла (из трубчатой кости). Признаком, отличающим подобное сверление от других способов перфорации, служит совершенно правильная круглая форма отверстия, с ровными краями, например у гарпуна (табл. VI, 11) и иглы (табл. VII, 4). Большая же часть материала показывает, что отверстия вырезались и продалбливались. Это особенно хорошо видно на роговых изделиях, например на кирке (табл. IV, 3), овальное отверстие втулки которой тщательно вырезано до губчатого вещества рога, а затем пробито долотом, оставившим следы в стенках отверстия в виде узких желобков.

Здесь не безинтересно отметить, что в одном слое вместе с киркой найдено костяное долото (рис. 1, в) с узким рабочим концом, в точности совпадающим по ширине с желобчатыми углублениями в стенке втулки кирки. Таким образом с большой долей вероятности можно предполагать, что этим или подобным ему долотом пользовались и при пробивании отверстия у кирки. Аналогичным способом сделаны отверстия у выпрямителя каменного тесла или топора (табл. IV, 6) и долота (табл. VI, 20). У некоторых костяных изделий отверстия просто прорезались без применения долбления, как, например, у свистка (табл. III, 3), удильного крючка (табл. III, 9) и др.

ОБРАБОТКА ДЕРЕВА

Веретье сохранило нам в небольшом числе также изделия из дерева. Они происходят главным образом из нижних слоев торфа, лежащих ниже уровня речных и грунтовых вод и поэтому очень влажных. Это обстоятельство способствовало консервации дерева. Судя по древесным остаткам и пыльце,² сохранившимся в торфе, мате-

¹ Такой результат неоднократно проверялся на опыте автором этой статьи.

² Анализ пыльцы произведен в Московском торфяном институте научным сотрудником С. Н. Тюремновым (М. Е. Фосс. Стоянка доисторического человека на торфяном болоте. Торфяное дело, 1934, № 6).

¹ Это отмечает и А. В. Шмидт (ук. соч., стр. 151).

² Находки А. Я. Брюсова у Машозера и о. Лососиного в Карелии; из раскопок М. Е. Фосс на стоянках Кубенино на р. Онеге; из Ладожской стоянки у Иностранцев (А. Иностранцев. Доисторический человек..., стр. 198, фиг. 97).

риалом для изделий в те времена могли служить сосна, ель, береза, ольха, вяз, ива и дуб. По найденным предметам, например древку копья,¹ наконечникам стрел и др., можно думать, что предпочтительно перед другими видами употреблялась сосна.

При обработке дерева применялись те же орудия, что и при обработке кости и рога. Однако на первом месте в данном случае выступают не режущие инструменты, а рубящие — топор и, в особенности, тесло. Это орудие, изготовленное, чаще всего, из сланца, отличается от топора асимметричным профилем своего лезвия. Оно прикрепляется к рукоятке так, что лезвие расположено не в одной с нею плоскости, а в перпендикулярной, как у мотыги, которая сама в сущности представляет не что иное, как разновидность тесла, приспособленного для вскапывания земли.

Таким орудием можно было производить весьма разнообразные работы: рубить дерево, обтесывать болванки предметов, обрабатывать их поверхность и т. д. Тесло, благодаря соединению в себе самых разнообразных функций, было широко распространено во все времена, начиная с неолитической эпохи.² У малокультурных народов, как, например, на Новой Гвинее и других островах Океании, тесло еще совсем в недавнее время также весьма широко применялось при обработке дерева. Там оно очень часто заменяло целый ряд орудий (топор, струг, рубанок), успешно выполняя их функции.

На Веретье же наряду с теслом употреблялись также режущие и скоблящие орудия. Обстругивание мелких изделий, вроде наконечников стрел или древков, удаление сучков, зазубрин, шероховатостей производилось кремневыми скребками и ножами (причем не исключена возможность употребления и простых кремневых осколков).³ Следы работы скребком отчетливо сохранились в виде бороздок, например на обломке весла (табл. III, 15). Обработка дерева, рога и кости была, как мы видели, настолько проста, и основные приемы ее настолько несложны, так немногочисленны применявшиеся при этом орудия, что мы вполне можем представить себе их не в руках мастера-специалиста, но каждого рядового жителя поселения. Всякий, нуждающийся в той или другой вещи, брал имев-

¹ Определение древесины этого копья с помощью шлифа произведено в названном институте; материалы остальных вещей определены автором на глаз.

² Что отмечалось не раз многими исследователями. См., напр., новую работу Goury «L'homme des cités lacustres» (Париж, 1932).

³ Подобно тому, как в настоящее время зачистка древесной поверхности производится осколком стекла,

шийся всегда в большом количестве под рукой сырой материал (дерево или кости животных) и изготавливали из него предметы, необходимые для охоты, рыбной ловли или для выделки шкур, кожи, или, наконец, предметы домашнего обихода, религиозного культа и украшения.

КОСТАННЫЕ И ДЕРЕВЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Изделия из кости, рога и дерева можно распределить по нескольким группам, соответственно их назначению и роли в хозяйственной жизни Веретья.

К первой и самой значительной по объему группе относятся орудия охоты и рыболовства: разнообразные по типам стрелы, дротики, гарпуны, луки и рыболовные крючки, а также поплавки для сетей.

Вторую группу, оять-таки довольно многочисленную, составляют орудия, служившие для обработки сырых материалов и для изготовления различных изделий из дерева, кожи, лыка, волокнистых веществ и пр. Это — долота, струги, лощила, ножи с кремневыми лезвиями, кочедыки, шилья, разнообразные иглы для шитья одежды и плетенья сетей. К этому перечню следует добавить рукоятки, найденные отдельно от орудий, составлявшие, однако, необходимую принадлежность большинства из них, затем костяные пробки, применявшиеся, может быть, для затыкания деревянной и берестяной посуды, и костяные бляхи, служившие, вероятно, застежками для одежды.

Отдельно могут быть упомянуты единичные находки таких орудий, как кирка, топор, выпрямитель древок, штамп для орнаментации посуды, свисток и некоторые другие.

Наконец, имеется несколько предметов непонятного назначения, как, например, лопаточки небольших размеров, крючки (не рыболовные) и т. п. Этим исчерпывается круг хозяйственно-бытовых предметов. Особняком стоит группа, объединяющая предметы искусства, слагающаяся из украшений и вещей культового и магического значения.

Переходя к описанию всех этих находок, мы принуждены будем разделить их по слоям соответственно стратиграфии. Таким образом предметы, происходящие из нижнего культурного слоя, относящегося ко II тысячелетию до н. э., будут рассмотрены отдельно от предметов верхнего слоя, датируемого концом I тысячелетия до н. э. Хотя, как уже было сказано, состав инвентаря обоих слоев мало чем различается, однако формы отдельных орудий претерпели существенные изменения, большей частью в сторону упрощения и известной дегенерации. На ряду с этим в верхнем слое появились

Орудия из нижнего культурного слоя стоянки Веретье.

1, 2—наконечники гарпунов (ок. 2/3 нат. вел.); 3—наконечник стрелы (ок. 1/2 нат. вел.); 4—наконечник стрелы, обломок (нат. вел.); 5—деревянный наконечник стрелы (3/5 нат. вел.); 6—наконечник стрелы (3/5 нат. вел.); 7—наконечник гарпуна (2/3 нат. вел.); 8, 9—наконечники гарпунов (3/5 нат. вел.); 10, 11—наконечники гарпунов (нат. вел.); 12—наконечник гарпуна (немного меньше нат. вел.); 13—наконечник стрелы (нат. вел.); 14—деревянный наконечник стрелы (нат. вел.); 15—наконечник гарпуна (немного меньше нат. вел.); 16—наконечник гарпуна (3/4 нат. вел.).

некоторые новые типы, генетически с формами древнего слоя, может быть, вовсе не связанные.

Вообще древние костяные вещи отличаются чрезвычайной консервативностью форм, способных удерживаться тысячелетиями почти без всяких изменений, так что обычно трудно бывает извлечь из них какие-либо выводы для хронологии того или другого комплекса.

Но на стоянке Веретье, благодаря отчетливому стратиграфическому разделению двух культурных наслойений, возможно совершенно точно фиксировать принадлежность вещей к одному из двух, разделенных сравнительно незначительным промежутком времени, комплексов, проследив внимательно типологические изменения.

Подмечая характерные особенности форм, сравнивая вещи верхнего и нижнего слоя стоянки, можно уловить новые определяющие датирующие признаки. Разница между формами особенно показательна при сопоставлении наконечников стрел (табл. I и VI), гарпунов (табл. I и VI) и рыболовных крючков (табл. III и VI). Помимо формальных имеются и другие признаки, свойственные вещам лишь одного из двух комплексов. Например, вещи из нижнего слоя торфа прекрасно сохранились, и кость, в большинстве случаев, имеет цвет темнокоричневый, иногда зеленоватый или желтоватый; в верхнем же торфе (гумусообразном) вещи приобрели шероховатую поверхность, которая источена, испещрена трещинками; эти трещинки большею частью коричневатого или грязносерого цвета.

ОРУДИЯ ОХОТЫ

Судя по многократным находкам наконечников стрел (в общей сложности найдено целых и обломков в нижнем слое 40, в верхнем — 31), самым распространенным орудием охоты, как и повсюду на стоянках эпохи неолита, был лук.

Но насколько часты и обычны находки наконечников стрел, настолько же редки находки самих луков.

Нам известны находки луков лишь в болотных и озерных стоянках Западной Европы, например в Клерво¹ и Робенгаузене,² а у нас в Союзе — в Шигирском³ и Горбуновском⁴ торфяниках.

Форма древнейших луков отличалась

чрезвычайной примитивностью. Лук изготавливался из прямой, часто обтесанной по четырем граням, палки, симметрично изогнутой, иногда утолщенной в середине, суженной по концам, на которой делались зарубки для привязи тетивы. Длина неолитических луков разных местонахождений колеблется от 0.55 до 1.6 м. Относительно луков малого размера высказывались предположения об употреблении их не в качестве охотниччьего оружия, а в качестве прибора для просверливания камня и кости.¹ Не отрицаю вовсе возможности использования лука и для этой цели (или, например, еще и при добывании огня), мы все же думаем, что луки Веретья могли быть и охотничими.

Судя по луку, сохранившемуся почти полностью, длина его не превышала 0.65 м (табл. II, 1) при толщине в 1.7 см посередине. По обломкам другого определить размеры не представляется возможным (табл. II, 2), но, вообще, размер лука отнюдь не служит определяющим признаком его боеспособности и дальности. Известно, например, что луки бушменов не превышают двух футов в длину² (т. е. около 60 см) при толщине около дюйма (т. е. около 2.5 см), но посылают стрелы на расстояние до 250 шагов. Очевидно, причина дальности лука заключается прежде всего в степени упругости послужившего для его изготовления материала. Из какого материала изготовлены луки, найденные в Европе, известно. Это — тисс и бук, очень крепкое, упругое дерево. Материал же наших луков до сих пор еще не определен. Судя по внешнему виду, лук Веретья изготовлен не из сосны и ели, а, скорее, он березовый или вязовый. В торфе Веретья березовой древесины очень много, анализ же торфа указал на присутствие в нем пыльцы вяза и дуба. Следовательно, в окрестностях стоянки росли дубы и вязы, из которых могли быть изготовлены прекрасные охотничьи луки.

Незначительные размеры луков следует, может быть, объяснить исключительно местными условиями охоты, происходившей в лесу и не требовавшей от оружия такой дальности, которая была бы необходима на открытых пространствах. Размер лука должен был, повидимому, зависеть также и от самого предмета охоты, т. е., в конце концов, от величины дичи. Луки, предназначенные для средней и мелкой дичи, — для птицы, выдры, бобра и других, подобных им по величине, животных, кости которых в огромном количестве найдены на Веретье, могли быть невелики, так как из них не приходилось стрелять большими и

¹ С. Гоугу, ук. соч., стр. 42.

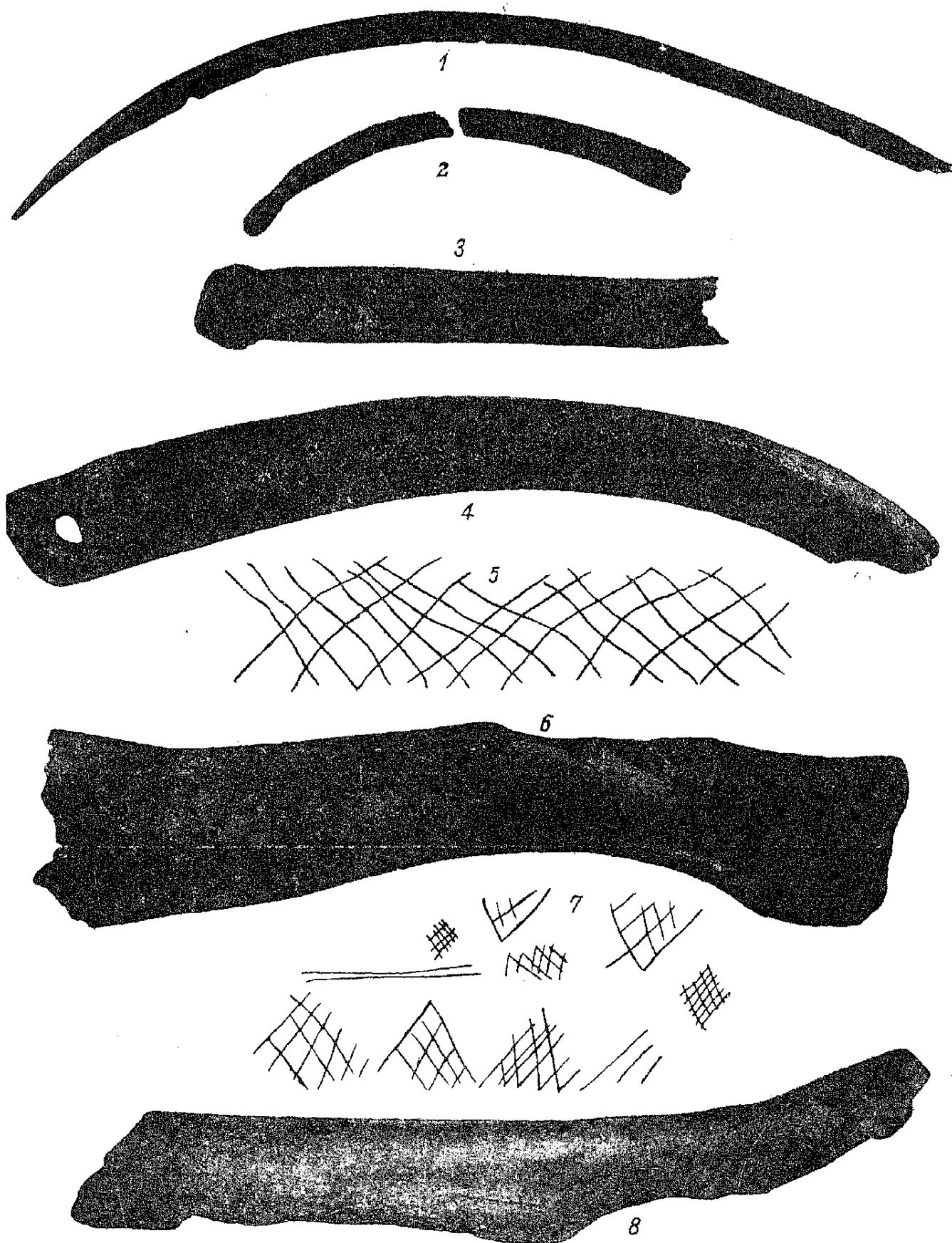
² А. Мортилье. *Musée préhistorique*. Paris, 1881, табл. X, № 410.

³ П. А. Дмитриев. Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе. Из истории родового общества на территории СССР, изд. ГАИМК, 1934, стр. 189—190, рис. 16.

⁴ Д. Н. Эдинг. Горбуновский торфяник. Матер. по изучению Тагильского округа, 1929, стр. 9.

¹ См., напр.: Ранке. Человек, т. II, стр. 590.

² Д. Н. Анучин. О древнем луке и стрелах Тр. V Археол. съезда в Тифлисе, 1886, стр. 342.

Орудия из нижнего культурного слоя.

1, 2—обломки деревянного лука (ок. 2/5 нат. вел.); 3—роговая часть составного лука (ок. 2/5 нат. вел.); 4—выпрямитель древок (ок. 2/5 нат. вел.); 5—резной узор на выпрямителе древок (нат. вел.); 6—струг (1/2 нат. вел.); 7—резной узор на струге (нат. вел.) 8—струг (3/5 нат. вел.).

тяжелыми стрелами, и их убойная сила также могла быть не очень значительна.

Не исключена возможность выделки жителями Веретья и сложных луков, подобных тем, которые употреблялись еще до недавнего времени у народов, живущих в северных областях Европы, Азии и Америки, примыкающих к берегам Ледовитого океана. Сложные луки обыкновенно изготавливались или из разных сортов дерева, соединенных вместе, или из дерева в соединении с костью или рогом. Составные деревянные части таких луков проклеивались и обертывались берестой, и с тыльной стороны, за исключением средней части лука, укреплялись роговые или костяные пластины с зарубками по концам для привязи тетивы.¹ Не был ли роговой, плоский предмет, найденный на Веретье (фрагментированный с одного конца) и изображенный на табл. II, 3, частью подобного лука?²

Наконечники стрел, извлеченные из того же слоя, что и обломки лука, почти все сделаны из кости (36 экз.; деревянных же всего 4, не считая обломков). Все деревянные наконечники — сосновые. Будучи довольно разнообразными по форме, наконечники стрел не одинаковы и по размерам (длина их колеблется от 4 до 27.5 см). Типологически они умещаются в пять групп: стилевидные или игловидные (по Дмитриеву³), четырехгранные, веретенообразные (так наз. шигирского типа), листовидные и ланцетовидные. К стилевидным отнесены наконечники в виде тонких, круглых в поперечном сечении, стержней с заостренными концами (табл. III, 7), как бы напоминающими античные костяные стили для письма.

Близкие им по размерам наконечники, дающие в поперечном сечении квадрат, названы нами четырехгранными (табл. III, 5); к этим приближаются также изображенные на табл. III, 7, с намечающимся черешком и (табл. III, 4) с ребрами, затупленными короткими срезами.

Наконечники с характерным биконическим утолщением на конце, образующим головку, известны в археологии под названием наконечников «шигирского типа» — по месту их находок в Шигирском торфянике.⁴ Основываясь на сходстве с веретеном, их также

¹ Д. Н. Анучин, ук. соч. — Он же. Изделия остатков Тобольск. губ. Изд. Тоб. губ. муз., 1911, стр. 124—126.

² Костные накладки сложного лука были найдены в Нижне-Иволгинском городище в Бурят-Монгольской республике, относящимся к I в. до н. э. и I в. н. э. См. сообщение Г. П. Сосновского в «Проблемах докапиталистического общества» (1934, № 7—8).

³ Охота и рыболовство в восточно-уральском родовом обществе. Сб. ГАИМК «Из истории родового общества на территории СССР», 1934, стр. 191, рис. 18.

называли еще и веретенообразными. Эта группа содержит несколько разновидностей, которые отличаются друг от друга глациальным образом формой головки. Чаще всего ее форма правильно биконическая (табл. I, 13—14), иногда с рельефным ободком по средине (табл. I, 4, 6), иной раз на самом конце головка образует второе, небольшое, утолщение (табл. V, 8). Есть и такие наконечники, у которых головка превращается в сильно вытянутый цилиндр, с заострением на конце, составляющий почти половину длины всего наконечника (табл. V, 1). Иногда подобные наконечники имеют два утолщения у концов (табл. V, 6). Наконечники шигирского типа различаются также по длине черешков, которая колеблется от 1.5 до 17 см. (табл. I и V).

Ланцетовидными мы называем наконечники, изображенные на табл. III, 6, с черешком и плоской, несколько расширяющейся верхней частью. У одного из таких наконечников сбоку вырезан паз для кремневых вкладышей (см. колл. ГИМ, № 317, 1933 г.), образующих ост्रое лезвие. Такие наконечники распространены также в шигирской культуре.

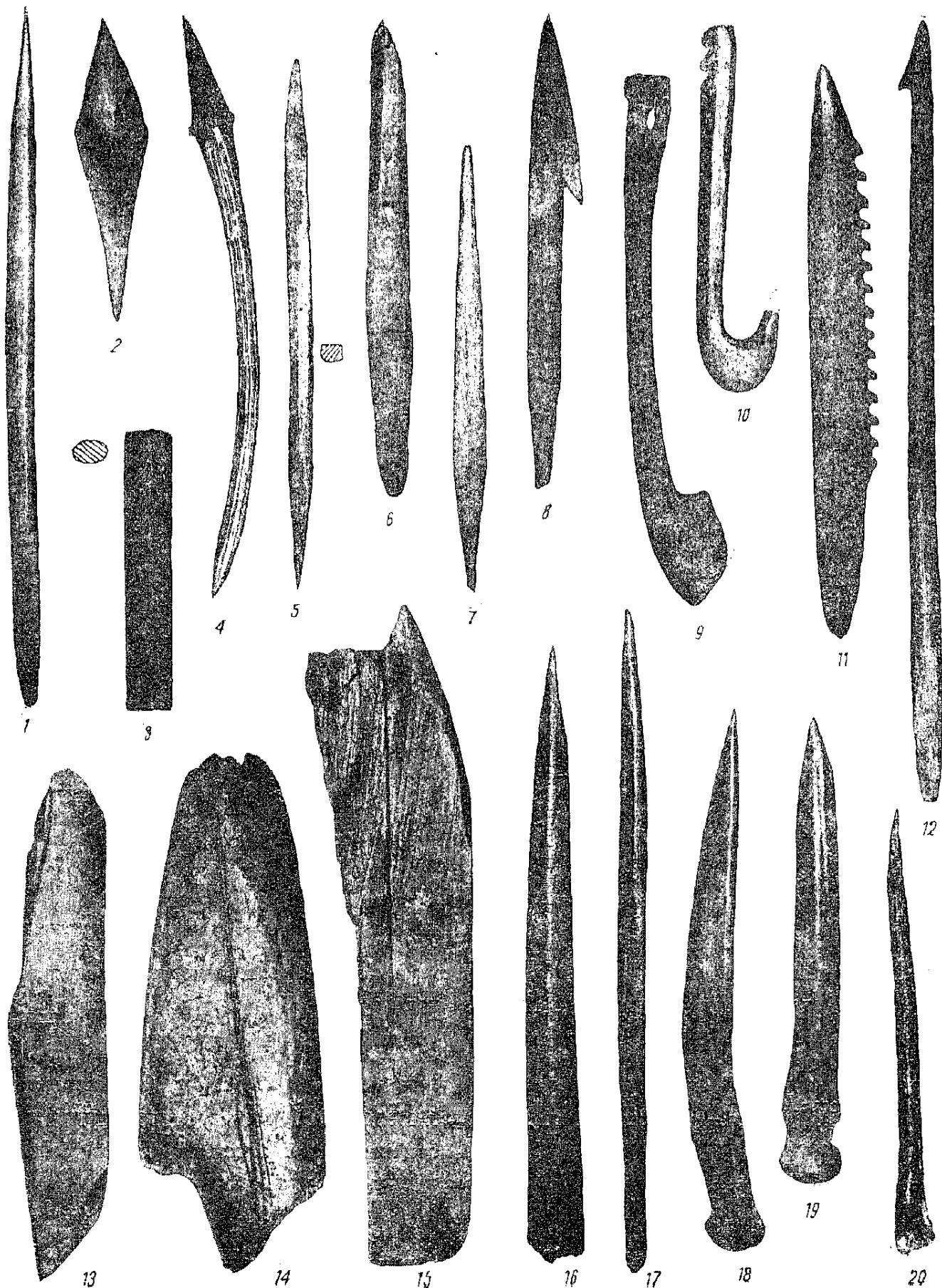
К ланцетовидным весьма близок тип наконечников листовидных. Последние также имеют черешок, но верхняя часть их значительно шире и приближается к форме лаврового листа; в одном случае черешок доходит до 19 см (табл. I, 3).

Разнообразие форм наконечников стрел в одном и том же культурном слое объясняется высокой степенью развития охотничьей техники и разнообразием ее приемов. Очевидно, форма и размер наконечников вариировали применительно к тому или другому предмету охоты, и каждый вариант отвечал определенным требованиям меткости попадания, убойной силы или дальности полета стрелы. Несомненно, что создание и закрепление форм совершилось при воздействии наблюдений и навыков, приобретенных на охоте.

Многообразие типов наконечников стрел наблюдается и на стоянках восточного Урала. П. А. Дмитриев склонен также объяснить это тем, что «почти каждый из основных типов стрел применялся для вполне определенной цели, был приспособлен для охоты за определенным зверем».¹ Он упоминает также о существовавшей в недавнем прошлом у охотничьих народов Сибири (солымских и ваховских ханте) специализации наконечников стрел. Наконечники, предназначенные для медведя, имели треугольную форму, для выдры — имели зубец и колечко, при охоте на уток употреблялись наконечники с развилиной, при охоте на белок —

¹ П. А. Дмитриев, ук. соч., стр. 193.

ТАБЛИЦА III

Орудия из нижнего культурного слоя.

1—наконечник стрелы (немного меньше нат. вел.); 2—наконечник стрелы (нат. вел.); 3—свисток (нат. вел.); 4—деревянный наконечник стрелы (нат. вел.); 5—наконечник стрелы (нат. вел.); 6, 7—наконечники стрел (нат. вел.); 8—наконечник гарпуна (немного меньше нат. вел.); 9, 10—рыболовные крючки (нат. вел.); 11, 12—наконечники гарпунов (нат. вел.); 13—долото ($\frac{3}{4}$ нат. вел.); 14—лопаткообразное орудие, обломок (нат. вел.); 15—обломок деревянного весалка ($\frac{3}{4}$ нат. вел.); 16, 18—шилья (нат. вел.); 17—игла для плетения сetti (нат. вел.); 19—шило ($\frac{3}{4}$ нат. вел.); 20—шило (нат. вел.).

тупые, сделанные из кости или дерева. К этому можно добавить, что и у ханте, живущих на низовьях р. Конды, наблюдалось то же различие наконечников по форме, размеру и применению их. Стрелы для охоты на лося и оленя еще в недавнее время делались из деревянного древка с костяным полированным наконечником. На птицу употреблялись стрелы из деревянных стержней с сильным утолщением на конце и вилообразным железным наконечником. На некрупных зверей охотились тупыми деревянными стрелами, не портящими шкуру животного.¹ Судя по стрелам ханте, форма и размер наконечников главным образом зависели от величины животного.

Среди наконечников Веретья преобладают наконечники шигирского типа. Их много на Урале, есть они и в Прибалтике, находили их и в центральной части восточной Европы,² и в Карелии³ и в Восточной Сибири.⁴ Поскольку широкое их распространение не может быть объяснено ни случайными совпадениями, ни культурным заимствованием, нужно искать причину этого явления в одинаковых условиях хозяйственного уклада и особенно охотничьих приемов.

Если учесть значение наконечника стрелы в сумме его функций, т. е. не только как острия и как более твердой, поражающей части стрелы, но и как детали, служащей для увеличения инерции всего снаряда и сообщения ему большего количества движения,⁵ а в связи с этим и более правильной траектории полета, понятным становится преобладание среди наконечников именно шигирского и листовидного типов, расширяющихся или утолщающихся на конце. Весьма ограниченные технические требования и возможности тех времен, бедность выбора материала, совершенно одинаковые способы и орудия его обработки — все это должно было приводить к появлению, в самых разных местах, орудий одних и тех же типов, с наибольшей степенью совершенства отвечающих требованиям времени.

Наконечники стрел поражают тщательностью отделки, тонкостью работы, законченностью и правильностью форм. Они свидетельствуют весьма красноречиво о громадном значении, которое имели орудия охоты

¹ Изделия остатков Тобольской губ. Изд. Тоб. губ. муз., 1911, стр. 131.

² В. М. Иверсен. Новые вещи Волосовской стоянки. Зап. русск. и слав. археол., т. 5. По сведениям В. И. Смирнова, б. зав. Костромского музея, наконечник подобного типа найден в б. Костромской губ., Чухломского у., на р. Вексе, близ с. Федоровского.

³ По нашим сведениям наконечник шигирского типа найден при погребении на Большом Оленьем острове на Онежском озере.

⁴ Проблемы истории докапиталистического общества, 1934, № 7—8, стр. 153, рис. 3.

⁵ Я. Н. Анучин, ук. соч.

в хозяйственной жизни древнего поселения Веретья, в эпоху их появления и употребления.

Хотя при изготовлении наконечников стрел главное значение имели лишь практические соображения, нельзя не отметить, однако, некоторой доли изящества и вкуса, стремление к которому выражено в орнаментации. Наконечник, изображенный на табл. V, украшен орнаментом из тонких пересекающихся линий.

Другой наконечник (табл. I, 4) украшен рядами скошенных крестиков. У некоторых шигирских наконечников, как уже упоминалось, вокруг головки оставались рельефные ободы (табл. I, 4, б и др.), практического значения, повидимому, не имевшие.

Замечательной и уникальной находкой было древко копья,¹ длиной в 2.7 м при толщине в середине 2.2 см. Одни из концов древка утончаются до 1 см в поперечнике (см. колл. ГИМ). Никаких признаков присоединения к нему наконечника заметить не удалось, и, быть может, следует поэтому предполагать, что перед нами не древко, а самое копье, употреблявшееся без наконечника, подобное некоторым австралийским копьям.

Возможно также, что деревянный наконечник стрелы (табл. I, 5), нижний конец которого фрагментирован, представляет собой обломок целой стрелы. В таком случае мы имели бы стрелу из одного куска дерева с характерным, как у наконечников шигирского типа, утолщением в ее передней части.

Рядом с этими находками можно поставить еще один деревянный предмет, служивший, очевидно, древком дротика. Его длина равна 57 см при диаметре у нижнего конца в 2 см и у верхнего — в 0.5 см.

Кроме того, имеется несколько небольших деревянных обломков с круглым поперечным сечением, представляющих собой фрагменты черешков деревянных наконечников стрел.

При сравнении между собой наконечников стрел нижнего и верхнего слоев, резко бросается в глаза господствующая в последнем дегенерация форм. Отдельных типов, собственно, можно насчитать столько же, сколько и в нижнем слое, но они не имеют отпечатка той законченности и тщательности, которые так характеризуют орудия нижнего слоя.

В верхнем слое имеются наконечники трехгранные, четырехгранные, листовидные, к которым довольно близки треугольно-чешковые, ланцетовидные и шигирские (асимметричные). К трехгранным нами отне-

¹ Известна еще одна находка древка копья в свайных постройках Швейцарии (Ранке. Человек, т. II, стр. 590).

выраженным чёренком, глиняное цилиндрическое грузило и 2 обломка от таких же грузил.

Землянка № 3 находилась на расстоянии 2 м от второй землянки по направлению к ЮЮВ. Ориентировка ее приблизительно та же, форма — неправильно-прямоугольная с округлыми углами. Размеры следующие: длина 4.70 м, ширина 1.90 м. Глубина от нижней границы культурного слоя в северной части 0.71 м, в южной части 0.59 м и в середине 0.35 м. Соответственная глубина от современной поверхности 1.0 м. Стенки землянки почти отвесные (рис. 11).

К восточной стенке землянки, около ее южного конца, непосредственно примыкает неглубокая почти квадратная ямка, размером 75 × 75 см, которая, возможно, служила ступенькой с восточной стороны землянки. У обоих ее концов обнаружены остатки двух деревянных столбов — один в 16 см в диаметре, другой в 12 см. Эти столбы, вероятно, были опорой крыши.

В северной части землянки были замечены остатки очага в виде темного углистого и золистого слоя, в котором найдены кости птиц или мелких животных и рыбья чешуя; под чешуей обнаружены обломки большого глиняного сосуда. Непосредственно около очага, в верхних его слоях, найдено 30 мелких черепков, 2 глиняных грузила «липчинского» типа и несколько обломков от них, костяной нож. В самом очаге найдена кость со следами обработки, кремневый наконечник стрелы, 9 обломков грузил различных типов, 30 черепков, много рыбьих костей и чешуи.

При расчистке дна найдено еще 3 целых и 16 обломков цилиндрических грузил, 17 осколков кремня, обломок ножевидной пластинки и 133 черепка. В южной части землянки замечены следы досок, лежащих вдоль стенки землянки.

Расчистке дна очага сильно препятствовала почвенная вода, заполнившая раскопанную площадь.

Вблизи землянки открыты три ямы, из которых одна расположена на расстоянии 0.50 м к западу от землянки, а две других примыкают к ее южному концу. Первая яма неправильно-пятиугольной формы имеет размеры 1.75 × 2.20 м и глубину от нижней границы культурного слоя 0.31 м и от современной поверхности 1.0 м. При раскопке ямы найдено 24 обломка от разных глиняных сосудов.

Вторая яма непосредственно примыкала к юго-западному углу землянки и имела неправильно-овальную форму. Длина ее 2.20 м, ширина 0.95 м; глубина от нижней границы культурного слоя 26 см, а от современной поверхности 1.0 м. В яме ничего не найдено.

Третья яма находилась около юго-во-

сточного угла землянки. Она также имела овальную форму. Длина ее равна 2.30 м, ширина 1.25 м и глубина от нижней границы культурного слоя 0.53 м. В яме ничего не найдено.

Кроме трех землянок и ям на стоянке были открыты два отдельных очага в виде остатков от костров. Об одном из них уже сказано при описании землянки № 1. Второй находился совершенно отдельно, на расстоянии 10 м к западу от землянки № 2. Он представлял собой круглую яму в 1.25 м в диаметре и в 25 см глубиной, которая была заполнена темной землей, перемешанной с мелкими углами.

Обе стоянки — Липчинская и 2-я Андреевская — были не временными сезонными становищами рыболовов, а длительно существовавшими поселениями, о чем говорит довольно мощный культурный слой.

Для точного восстановления плана поселений и реконструкции отдельных жилищ мы имеем пока слишком мало материала: Липчинская и 2-я Андреевская стоянки еще не раскопаны полностью, а наиболее сохранившиеся землянки не исследованы до конца из-за почвенной воды. Мы можем только предполагать, что на небольшой площади обеих стоянок размещалось по 10—15 жилых сооружений, которые располагались, повидимому, вразброс на некотором расстоянии друг от друга. Общей чертой для обеих стоянок является ориентировка землянок по линии С—Ю. Рядом с жилищами или отдельно от них находились небольшие сооружения, повидимому, хозяйственного назначения и отдельные очаги-костры. Жилищами служили землянки или, точнее, полуземлянки прямоугольной формы. Глубина ям показывает, что над ними должно быть еще довольно высокое покрытие, а может быть даже и вертикальные стены. О типе покрытия можно делать только предположения. Столбы по углам с восточной стороны землянки № 3 2-й Андреевской стоянки, вбитые в землю вертикально, вероятно, поддерживали односкатную крышу или закрепляли стены, хотя это кажется менее вероятным, так как в этом случае такие же столбы должны были бы быть и около западной стены землянки, что раскопками не обнаружено.

Характер входа в жилище также не установлен. В землянке № 3 на 2-й Андреевской стоянке мы видели небольшой почти квадратный придаток, который может быть представлял собой ступеньку земляной лестницы. Не совсем ясно и устройство пола землянок. Во всех без исключения землянках пол неровный, в четырех из них посреди пола, вдоль длинных стенок, наблюдалось гребнеобразное возвышение грунта, а в одной (№ 3 на Андреевском озере) такое

дия для выпрямления древок¹ копий и стрел, а также для разминания ремней. Действительно, подобные орудия являются неотъемлемой принадлежностью инвентаря многих охотничьих народов еще в XIX в. в северной Азии и Америке. Они имели широкое распространение, территориально и во времени, в древних культурах. Выпрямитель древок известен в археологии Западной Европы и у нас в Союзе на протяжении всего верхнего палеолита и неолита,² и распространение его совпадает с расцветом охотничьего хозяйства. К охотничьему же инвентарю принадлежит и найденный в нижнем культурном слое свисток (табл. III, 3), сделанный из трубчатой кости птицы или мелкого четвероногого, с небольшим отверстием на одном конце, как и у теперешних свистков. Найдки подобных предметов крайне редки. Нам известен один лишь свисток, также относящийся ко времени неолита и найденный в б. Тульской губ.³ Позднее свистки встречаются в культурах типа Дьякова (вторая половина I тысячелетия до н. э.).⁴ Смысл свистка как охотничьего орудия заключается в приманивании звукоподражанием птиц. Поэтому правильнее его назвать «манок». Маленькая простейшая дудочка и сейчас кое-где употребляется охотниками и птицеловами. Вообще же говоря, это один из древнейших духовых инструментов, дошедших до нас.

На ряду с луком и стрелами на Веретье в большом ходу были гарпуны. Гарпуном обыкновенно называют метательное орудие со свободно отделяющимся от древка наконечником, соединенным с ним посредством шнура (будь то копье или стрела). При попадании в цель наконечник застревает в теле животного, древко же или падает на землю (при сухопутной охоте) и, цепляясь за растительность и неровности почвы, мешает раненному зверю спастись бегством, или (при охоте на водяного зверя и рыбу) остается на поверхности воды и, служа поплавком, указывает, в каком месте под водой находится добыча. Большая часть наконечников гарпунов снабжена зубцами, выступающими с одной или с обеих сторон орудия. Их назначение — удержать наконечник в теле животного; кроме того, при резких движениях раненного зверя они раздирают мышцы и еще глубже вгоняют острие в рану.

При изучении этого рода метательных орудий археологи располагают лишь одними наконечниками (древки, за редким исключе-

нием утрачены), и поэтому не всегда удается выяснить способы их скрепления с рукостью.

В тех только случаях, когда имеются какие-нибудь специальные приспособления для скрепления на самом наконечнике, например отверстие или желобок для привязывания шнура, можно с уверенностью определить орудие как наконечник гарпуна. Многие kostяные наконечники с зубцами, совершенно подобные наконечникам гарпунов, не имеют приспособлений для привязки шнура и, повидимому, укреплялись на древке наглухо, как всякие другие наконечники обыкновенных копий и стрел. Стрелы и дротики с зубчатыми наконечниками широко применялись у многих охотничьих народов, например в Австралии, Новой Гвинее, в Африке и т. д. Их метут либо рукой, при помощи метательной дощечки, либопускают из лука.

В археологических классификациях всякие наконечники с зубцами принято называть гарпунами. В дальнейшем и мы, не забывая того, что речь идет в сущности о двух сильно разняющихся друг от друга орудиях, будем при описании называть все зубчатые наконечники условно гарпунами, отнюдь не подразумевая под этим всякий раз орудие с подвижным отделяющимся наконечником.

В общей сложности на Веретье найдено 75 (целых и фрагментированных) наконечников гарпунов. Все они изготовлены из кости. Так же, как это было сделано в отношении наконечников стрел, гарпуны нижнего и верхнего слоя будут рассмотрены нами отдельно.

В нижнем слое найдено 50 наконечников. Почти все они, исключая двух, односторонние и между собой различаются как размерами самих наконечников, так и величиной, количеством и формой зубцов (табл. I и III). Величина наконечников доходит до 26.5 см при минимуме, равном 7 см. Однозубые гарпуны отличаются друг от друга лишь размерами всего наконечника. Многозубые же, кроме того, резко разделяются на крупные и мелкозубые (табл. I и III, 11).

Среди мелкозубых гарпунов особенно любопытны два наконечника. Один из них, тщательно отполированный, имеет на спинке желобок для кремневых вкладышей, а с другой стороны — пять зубцов. В нижней части наконечника имеется отверстие для привязи шнура — обстоятельство, указывающее на способ действия и скрепления с древком посредством шнура (табл. I, 10).

Другой наконечник (табл. I, 11) снабжен на нижнем конце желобком, тоже, очевидно, служившим для привязи шнура. Но кроме этого, имеется еще второй желобок на верхнем конце, предназначенный, повидимому, для прикрепления кремневого острия. Это предположение основано на находке А. В.

¹ L. Pfeiffer. Die Werkzeuge der Steinzeitmenschen. Йена, 1920, стр. 62.

² Обермайер, ук. соч., стр. 545. См. также: Mémoires de la Société royale des antiquaires du Nord. 1918—1919, стр. 314—315; 1926—1927, стр. 49, 99, 107.

³ Колл. ГИМ. Найдка Поленова у сел. Бехова.

⁴ Например в Каширском городище (Городище Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, 1934, вып. 85, стр. 32, табл. VII).

Шмидта¹ при раскопках могильника на Оленьем острове в Кольском заливе: к костяному наконечнику гарпуна с помощью клейкой массы был прикреплен каменный наконечник. По предположению Шмидта, ссылающегося на наблюдения ихтиолога Н. А. Смирнова, наконечник этот служил для охоты на морского зайца и других ластоногих.

У эскимосов Гренландии были в употреблении костяные гарпуны с каменными наконечниками для охоты на морских бобров, специально для прободения толстой шкуры животного.² Весьма возможно, что на Веретье подобные гарпуны употреблялись для охоты на речного бобра, кости которого в изобилии встречаются на стоянке.

Среди крупнозубых гарпунов выделяется группа наконечников с клювообразными зубцами (табл. I, 7), аналогии которым имеются в Льяловской стоянке,³ в Волосове,⁴ Шитирской стоянке⁵ и других пунктах восточной и Западной Европы.⁶

Назначение таких же точно гарпунов в охотничьем снаряжении эскимосов Гренландии и некоторые их механические особенности, зафиксированные этнографами со слов туземцев, быть может, послужат нам в помощь при изучении гарпунов Веретья.

У эскимосов гарпуны с клювообразными зубцами служили как наконечники стрел, употреблявшихся охотниками на оленя. Достаточно такому гарпуну хотя бы слегка вонзиться в тело животного, как вращательное движение древка стрелы, развивающееся от оленевого бега, все глубже вгоняет гарпун, зубец за зубцом, в рану животного. При этом, как уверяют охотники, клювообразная форма зубцов чрезвычайно способствует автоматическим действиям гарпуна. Такой наконечник особенно ценится слабыми и старыми охотниками, уже не имеющими достаточно сил, чтобы поразить зверя обычной стрелой.⁷

Не могли ли подобные гарпуны Веретья равным образом служить для охоты на северного оленя и лося? Количество костей лося на стоянке весьма велико. Оно составляет около 45% всего остеологического материала, добывшегося раскопками. Среди охотничьих орудий Веретья, как костяных, так и

каменных, за редким исключением отсутствуют наконечники копий и дротиков. Весь охотничий инвентарь исчерпывается стрелами и гарпунами, вследствие чего, может быть, и следует со значительной долей вероятности предположить возможность применения для охоты на таких крупных животных, как олень и лось, лука со стрелами, снабженными в качестве наконечников зубчатыми гарпунами (табл. I, 7, 8).

Другое назначение этих наконечников, например для охоты на птиц или крупную рыбу, мало вероятно, так как все они весьма велики, и толщина некоторых из них достигает 1—1.5 см. К рассмотренным гарпунам тесно примыкают наконечники с редко расположеными зубцами (табл. I, 2). Из гарпунов, относящихся к нижнему слою Веретья, следует выделить, как более древние по типу, не встречающиеся в верхнем слое стоянки, орудия, изображенные на табл. I, 9 и III, 11 с частыми и мелкими зубцами. Причины разнообразия типов гарпунов, как и наконечников стрел, следует искать в разнообразии приемов и объектов охоты. Значительная часть гарпунов предназначалась, по-видимому, специально для речного зверя и рыбы. Почти в таком же количестве, как и кости лося, на Веретье добыты кости бобра (около 40% всей остеологической коллекции). Много также и костей, принадлежащих крупным экземплярам рыбы разнообразных видов.¹ На Веретье ловились щуки, налимьи, лещи, окунь, карпы, язи, жерехи, красноперки, синцы, караси и плотва. Больше всего оказалось костей крупной щуки, размеры которой достигали 87 см. За ней, по количеству найденных костей идут налим, лещь и окунь, размерами не уступающие щуке. Из прочих видов рыб следует указать на синца, красноперку и жереха, как на более тепловодные и в настоящее время не живущие в бассейне оз. Лача.

Верхний культурный слой Веретья содержит гораздо меньше костных остатков, чем нижний. Это объясняется, конечно, только тем, что гумусообразный, разложившийся поверхностный торф не способствовал их сохранению.

Среди рыбных костей и тут на первом месте кости щуки, затем — окуня и леща, размеры которых опять-таки довольно велики.

Гарпуны верхнего слоя в большинстве случаев повторяют древние формы: однозубые и многозубые с большими, близкими к клювообразным, зубцами. Встречаются, однако, и новые типы, с едва заметными выступами по лезвию вместо зубцов и с крупными зубцами с двух сторон (табл. VI, 16);

¹ Древний могильник на Кольском заливе, т. II, стр. 141.

² Porsild. Geräte der Eskimo. Zeitschr. für Ethnol., вып. III—IV, 1912.

³ Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка вблизи села Льялова Московского уезда. Тр. Антроп. инст., вып. 1, 1925.

⁴ Р. Коудриавцев. Les vestiges de l'homme. Congrès international d'archéol. et d'anthrop., т. II, 1892.

⁵ См. образцы в колл. ГИМ.

⁶ Ближайшие аналогии в Зап. Европе — Кунда. См., напр.: Mengel. Weltgeschichte der Steinzeit. 1931. — Porsild, ук. соч.

⁷ См. образцы в колл. ГИМ.

¹ Определение видов и размеров рыб произведено научным сотрудником Зоомузея МГУ Г. В. Никольским.

есть обломки гарпунов с частыми и мелкими зубцами в виде шпоречных зарубок по краю лезвия.

К типам, отсутствующим в нижнем слое, принадлежат также два наконечника, выдающиеся своей массивностью, изготовленные из трубчатых костей крупного животного, скорее всего лося (табл. VII, 10). Они близки по форме гарпунам древних западноевропейских торфяных неолитических стоянок, и это обстоятельство лишний раз демонстрирует удивительную консервативность форм костяных орудий, устойчивость их во времени и подтверждает нашу мысль, высказанную ранее, о причинах, порождающих одинаковые формы охотничьих орудий.

Из других особенностей, бросающихся в глаза при рассмотрении гарпунов верхнего слоя, следует указать на усовершенствование в способах скрепления с древком подвижных наконечников. Таковы гарпуны со специальными приспособлениями для укрепления их нижнего конца на втулке древка (табл. VI, 11—12). Эти приспособления повлияли, очевидно, и на всю конструкцию гарпуна, сообщив ему новую форму, вполне отчетливую и конструктивно законченную. Наконечники имеют хорошо обточенный черешок. Для соединения их с древком посредством шнура у одного просверлено отверстие и сделан выступ, на другом сделано кольцевидное утолщение. Аналогии этому типу гарпуна можно найти в дьяковской культуре,¹ в коллекции А. В. Шмидта, из раскопок на Оленьем острове,² датируемых второй половиной I тысячелетия до н. э. и среди вещей из раскопок Сольберга на о. Кьюльмо в Варангерфиорде,³ относящихся к значительно более позднему времени — ко второй половине I тысячелетия до н. э.

Таким образом период их бытования измеряется весьма большим промежутком времени.

Для ловли рыбы древние обитатели Веретья употребляли также и удочку. Найденные в нижнем слое Веретья костяные удильные крючки (табл. III, 9—10) поражают своими большими размерами. Крючки, приближающиеся по форме и величине к найденным на Веретье, могут быть также указаны в ранних неолитических культурах Западной Европы (напр. в Дании⁴ и Восточной Пруссии⁵). Как и гарпуны, крючки служили для ловли крупной хищной рыбы. На острый

изогнутый конец крючка насаживалась, в качестве приманки, маленькая рыбка (так наз. «живец»). Такой крючок не нуждался в бородке для удержания схватившей его рыбы. Крупная рыба заглатывала его целиком и, благодаря большим размерам, он сам служил достаточным препятствием к тому, чтобы рыба не сорвалась. На р. Онеге еще в настоящее время ловят щуку на самодельный, очень больших размеров, деревянный крючок. Для ловли же мелкой рыбы, кости и чешуя которой в огромном количестве найдены в торфе Веретья, по всей вероятности, существовали сети. Никаких следов самой сети Веретье не сохранило, но на существование ее указывают находки костяных игл для плетения сети (о чем речь ниже), а также находка деревянного поплавка в виде плоского кружка с отверстием посередине (табл. IV, 12). Найдки на стоянках поплавков для сетей довольно редки. В Гольмгардском торфянике (Дания) найден один подобный поплавок, но автор определил его как предмет неизвестного назначения.¹ У нас на Урале найдено несколько поплавков при раскопках Горбуновского торфяника.²

В позднюю стадию Веретья употреблялись рыболовные крючки простые (найдено 7 штук) небольшого размера и составные (найдено 4) из двух частей: собственно крючка, небольшого гладкого острия и удлиненного стерженька, к которому прикреплялись этот крючок и леска.³

Составные крючки хорошо известны по многочисленным находкам в районе оз. Лача, в Карелии, Финляндии и других местах, например в Окском районе, на Урале и в Западной Сибири. На Веретье обнаружены костяные стерженьки составных крючков. Они уплощенно-продолговатой формы с зарубками на концах для привязки лески в верхней части и крючка — в нижней. Судя по их размерам, эти крючки предназначались для ловли крупной рыбы, на что указывают и находки костей, по которым определены: щука, доходившая как было сказано, до 87 см в длину, налим — 55 см и окунь — 35 см.⁴ Косвенным доказательством тому, что мелкую рыбу, очевидно, ловили сетями, служат находки фрагментов сосудов с отпечатками грубой ткани — несомненный признак знакомства жителей поселения с тканьем, а следовательно, и плетением волокна.

Совершенно не определенными до сих пор остаются предметы из кости, найденные

¹ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, т. XII, вып. 85, стр. 4.

² А. В. Шмидт. Раскопки древнего могильника..., т. II, 3.

³ Solberg. Eisenzeitfunde im Ostfinnmarken, 1909, стр. 38—39, рис. 33—38.

⁴ Mémoire des antiquaires du Nord, 1918—1919, стр. 331, рис. 62; 1926—1927, стр. 112, рис. 60.

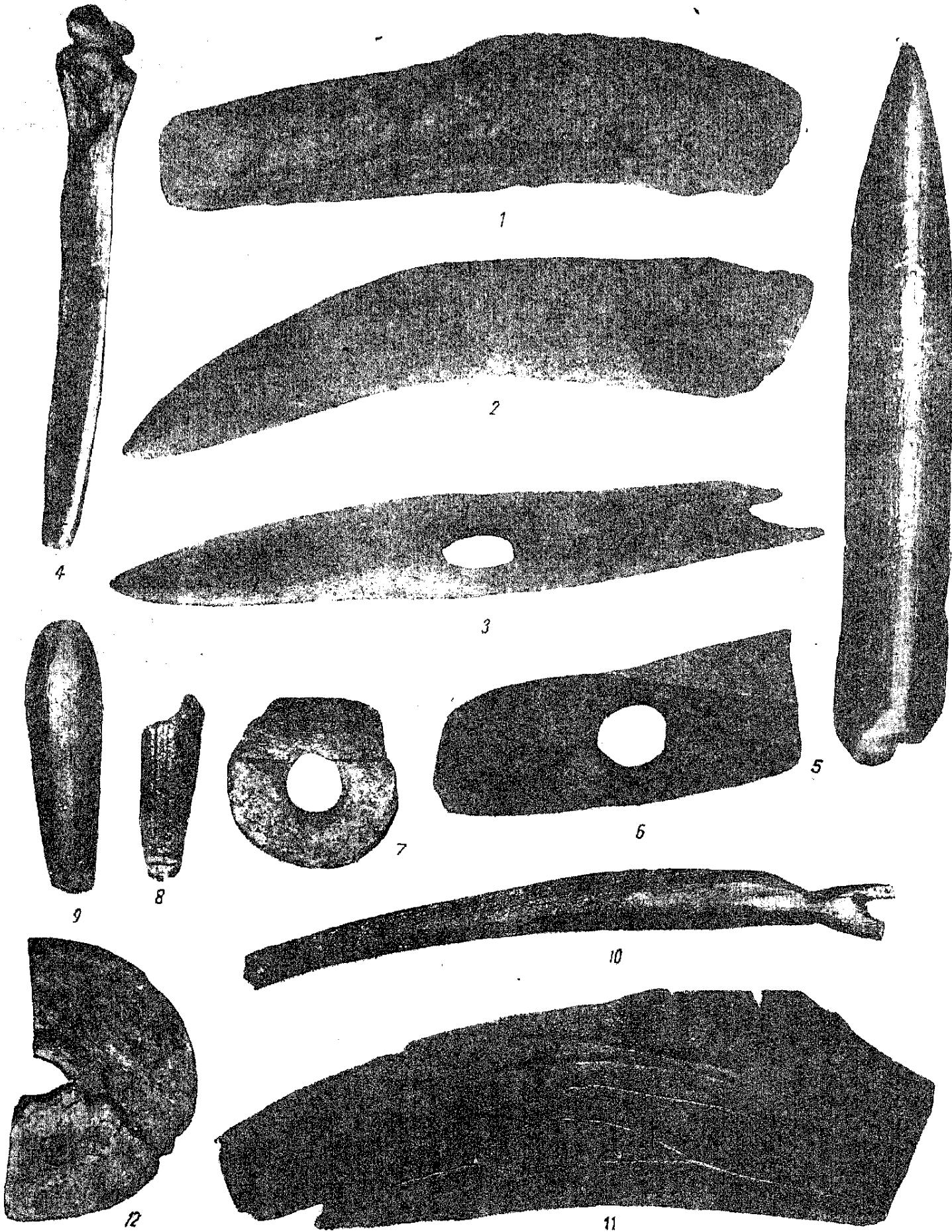
⁵ Carl Schuchhardt. Altenpoga. Leipzig, 1926, стр. 35, рис. 10.

¹ Mémoires des antiquaires du Nord, 1926—1927, стр. 72.

² Раскопки Д. Н. Эдинга. Колл. ГИМ.

³ О способах скрепления частей составного крючка см.: В. В. Федоров. Некоторые орудия рыболовства неолитического времени. Сов. археол., т. 3, 1937.

⁴ Определение научного сотрудника Зоомузея МГУ Г. В. Никольского.

Орудия из нижнего культурного слоя.

1—роговой топор (3/4 нат. вел.); 2, 3—роговая кирка (вид сбоку и сверху) (2/3 нат. вел.); 4—рукоятка (нат. вел.); 5—кочедык (нат. вел.); 6—обломок рогового орудия (3/4 нат. вел.); 7—пражка (нат. вел.); 8, 9—рукоятки (нат. вел.); 10—игла для плетения сети, обломок (нат. вел.); 11—роговая пластинка с орнаментом (3/4 нат. вел.); 12—часть деревянного поплавка (нат. вел.).

в трех экземплярах в верхнем слое, по виду напоминающие раболовные крючки (табл. VI, 15). Однако они совершенно неприменимы для рыбной ловли, так как широкая нижняя часть с тупым коротким крюкообразным выступом не приспособлена ни для наживления приманки, ни для захватывания рыбы.

КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ ДЛЯ ОБРАБОТКИ ДЕРЕВА

На Веретье для обработки дерева, наряду с каменными орудиями, были в большом ходу орудия из рога и кости. На табл. IV, 1 изображен топор, изготовленный из рога лося, с прекрасно заполированным лезвием. Никаких признаков, указывающих на способ скрепления его с рукоятью, нет, за исключением следов обтески обушка, дающих основание предполагать, что боек вставлялся своей обушковой частью в особую роговую втулку, служившую соединением рукоятки и бойка. Вообще такой способ скрепления широко применялся в неолитическую эпоху. Там, где в изобилии сохранились неолитические роговые предметы, как, например, на торфяных стоянках Дании, мы часто видим, что скрепление каменных бойков ударных орудий с деревянными или костяными рукоятями осуществлялось посредством рогового футляра, надевавшегося на конец рукоятки. Вклинивание бойка прямо в рукоять применялось довольно редко, по-видимому, из-за нерациональности этого способа скрепления, способствовавшего разлому рукояти в месте самого скрепления.

Возможно, что найденный нами обломок рогового орудия, изображенный на табл. IV, 6, был частью именно такого футляра для бойка небольших размеров. Посредине его пробито отверстие для рукояти, обломок которой, застрявший во втулке, уцелел до нашего времени. Но так как оба конца этого рогового предмета обломаны, наша догадка остается спорной. Нельзя отрицать и того, что орудие это могло иметь форму кирки, подобно описанной несколько ниже.

При пробивании в дереве втулок и пазов могли употребляться долотовидные костяные орудия. На Веретье имеется целый ассортимент (14 в нижнем слое и 16 — в верхнем) орудий, различающихся по форме рабочего конца и величине.

В нижнем слое стоянки наиболее распространен тип долота со скошенным лезвием (табл. III, 13), известный по описанию Иностранцева¹ под названием «острия под углом в 45°». Делались такие долота из трубчатых костей животных. К единичным экземплярам относятся плоские долота с узким прямым лезвием (рис. 1, в) или с лезвием вогнутым.

¹ Ук. соч., стр. 145, табл. VII.

Долота верхнего культурного слоя ни в чем существенном не отличаются от древних и повторяют их формы (табл. VI, 19; рис. 1, е). Интересно одно долото с широким горизонтальным лезвием, напоминающее современную стамеску (рис. 1, д). Интересно также широкое и плоское угловатое долото с двумя отверстиями вверху и выемками с боков для привязи к рукояти (табл. VI, 20). Обычно же долото, по-видимому, прямо вклинивалось верхним концом в рукоять.

Угловые долота могли применяться не только для долбления дерева и кости, но еще, например, и для сдирания лыка, как это делается в Каргопольском районе, по рассказам местных крестьян, и теперь. Долото, направляемое ударами по рукоятке, скользит лезвием под корой и сдирает с древесины полосы лыка шириной, соответствующей лезвию. Лыко же, судя по найденным в изобилии на Веретье костяным инструментам особого типа, так наз. «кочедыкам», широко использовалось для плетения различных изделий. В Каргопольском районе еще и по настоящее время употребляются кочедыки, деревянные и костяные, плоской формы со слегка заостренными концами. С помощью их при плетении заправляются концы лыковых полос.

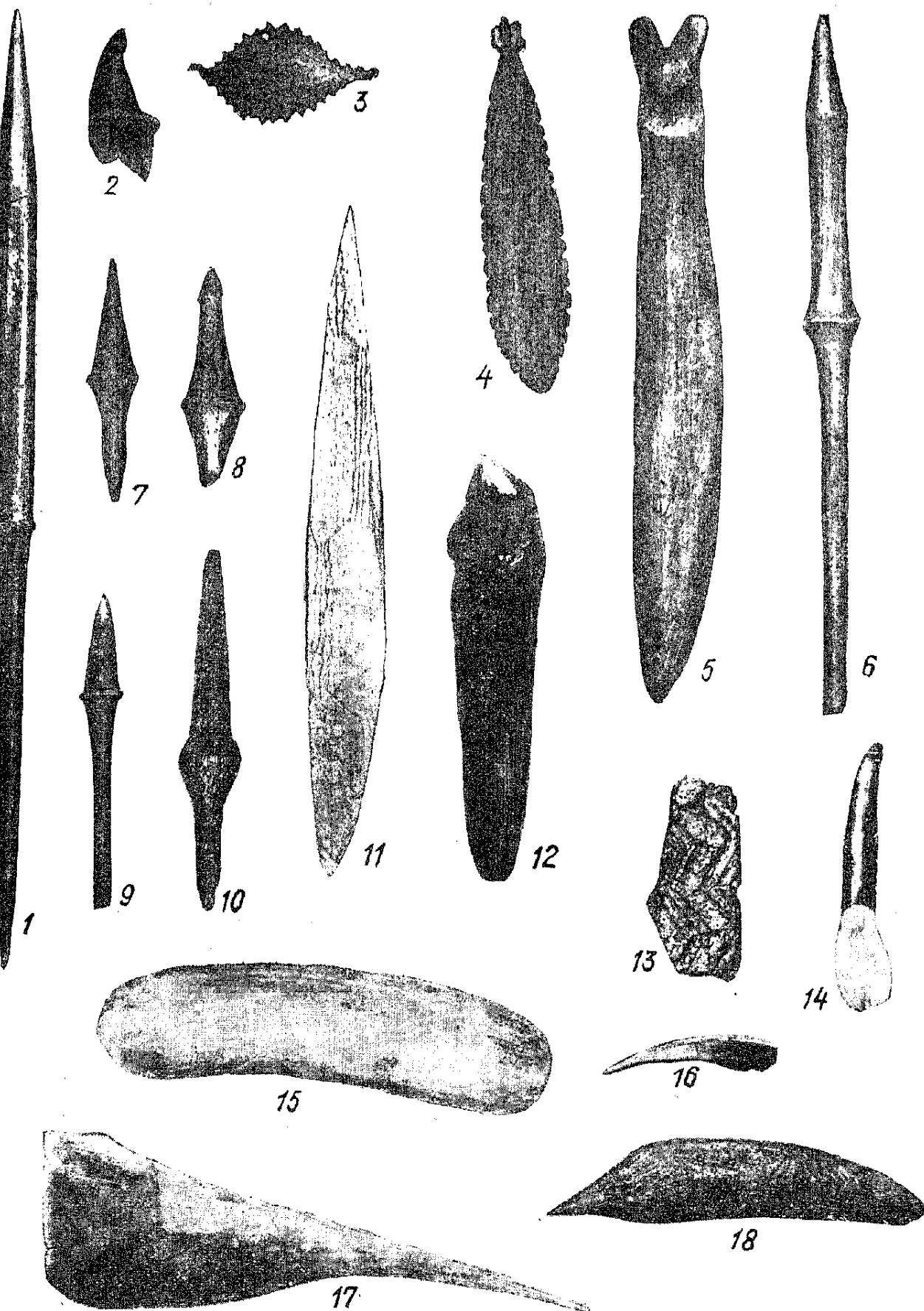
Древние кочедыки (найденные в нижнем слое Веретья) чаще всего делались из грифельных костей лося (табл. III, 19). Среди них выделяется кочедык со скульптурным украшением в виде головки животного на верхнем конце орудия (табл. V, 5). Более основательные и широкие кочедыки сделаны из трубчатых костей крупных животных (табл. IV, 5). Нижний культурный слой доставил нам 14 экземпляров этого орудия, верхний — всего 3 экземпляра. Из них один орнаментирован короткими поперечными нарезками (табл. VII, 7).

ШИЛЬЯ, ИГЛЫ И ДРУГИЕ ОРУДИЯ

В большом количестве найдены на Веретье шилья для прокалывания отверстий в шкурах животных при шитье кожаных и меховых изделий.¹ Шилья нижнего слоя стоянки, так же как и кочедыки, большую частью сделаны из грифельных костей лося (табл. III). Острые концы их затачивались, иногда же тщательно полировалась вся поверхность (табл. III, 16, 18).

Тонкие шила как нижнего, так и верхнего слоев изготавливались из птичьих костей (табл. III, 20) и осколков трубчатых костей крупного животного, обработанных таким образом, что острие получало тонкую и вы-

¹ Подобные костяные шила употреблялись еще в недавнее время при шитье кожаных и меховых вещей остатками (Изделия остатков Тобольской губернии. Изд. Тоб. губ. муз., 1911, стр. 30).

Орудия из верхнего культурного слоя.

1—наконечник стрелы (нат. вел.); 2—подвеска из зуба (нат. вел.); 3—4—подвески (нат. вел.); 5—кочедык, украшенный головкой филина (?) (нат. вел.); 6—наконечник стрелы (нат. вел.); 7, 8, 10—наконечники стрел (нат. вел.); 9—наконечник стрелы (3/4 нат. вел.); 11—наконечник стрелы (?) с орнаментом (нат. вел.); 12—незаконченная скульптура из рога (3/4 нат. вел.); 13—костиная пластинка с орнаментом (нат. вел.); 14—подвеска из зуба (нат. вел.); 15—желобчатое орудие (?) (3,5 нат. вел.); 16—шило из резца бобра (нат. вел.); 17—лопаткообразное орудие; обломок (1/2 нат. вел.); 18—игла для плетения сети (нат. вел.).

тянутую форму (табл. III, 17). Одно из них имеет боковые выемки для привязи к рукоятке, но большинство шил употреблялось, повидимому, без нее. У шил же из грифельных костей сохранились головки суставных сочленений, которые и служили естественными рукоятями. У некоторых экземпляров, сделанных из осколков костей, тщательная обработка тупого конца также может служить признаком отсутствия специальных рукоятей. Упомянем еще одно шильце, выделяющееся своими малыми размерами и кривизной, изготовленное из резца бобра (табл. V, 16). Нижний и верхний слои стоянки доставили одинаковое количество этих орудий — по 22 экземпляра.

Рядом с шильцами должны быть упомянуты костяные иглы, по своему назначению и форме распадающиеся на две группы. Каждая из групп локализуется целиком в одном из слоев. Иглы, найденные в верхнем слое, предназначены, повидимому, для шитья кожаных меховых изделий шнуром или нитями из сухожилий. Иголки имеют для этой цели круглое ушко (табл. VII, 4). Еще не так давно у ханте употреблялись такие же костяные иглы для шитья меховой одежды нитями из сухожилий лося и оленя.¹

Не исключена возможность применения этих игл и при плетении сетей, подобно тому как в настоящее время в Каргопольском крае плетут матицу с помощью толстой деревянной иглы, в ушко которой продевается нитка. Иглы нижнего слоя, употреблявшиеся при шитье, по форме и способам их употребления близки к шильям. Повидимому, в эту древнюю пору стоянки функции иглы и шила еще не были строго между собой разграничены, впрочем, с той оговоркой, что если игла и могла использоваться одновременно и для прокалывания отверстий и для шитья, то шило вместо иглы никак не могло употребляться, так как отверстие, провернутое его острым концом, было непомерно мало по сравнению с остальной частью орудия, нередко снабженного большой головкой. Иглы же для шитья отличались ровной толщиной на всем протяжении, тщательной обработкой и имели желобок для привязи нити.

Иного вида были иглы из древнего слоя стоянки, употреблявшиеся для плетения сетей: плоские, широкие, с заостренным одним концом и приспособленным для привязи шнура другим, снабженным головкой, желобком или ушком в виде петли (табл. IV, 10; табл. V, 18). Ближайшие аналогии иглам, как и шилам Веретья можно найти в материалах Ладожской стоянки.²

При обработке шкур животных и выделке кожи, на ряду с кремневыми ножами и скреб-

ками жители Веретья употребляли костяные струги. Струги эти делались из реберных или лопаточных костей крупных млекопитающих. Одна из длинных сторон выбранной кости затачивалась и служила лезвием, другая же оставалась тупой. Рукояткой служила часть самой же кости.

Струги найдены лишь в нижнем слое Веретья в количестве трех экземпляров. Один из них орнаментирован треугольниками, заштрихованными тонкими линиями (табл. II, 6—8).

Совершенно такие же струги применялись для выделки шкур многими народами северной Азии. Ими очищали мездру, с их помощью могло производиться и самое сдирание шкуры с убитого животного и весьма вероятно, что ими пользовались также и при сдирании коры с деревьев.¹ Струги из кости найдены, кроме того, в Ладожской стоянке и описаны Иностранцевым как костяные ножи;² известны они также и на Урале³ и по Верхней Волге.⁴ Последний из указанных стругов сделан из бедренной или голениной кости крупного млекопитающего. Вообще же костяной струг, появившийся в палеолите, просуществовал почти без всяких конструктивно-формальных изменений в течение многих тысячелетий, вплоть до наступления железной эпохи.⁵

В связи с орудиями, употреблявшимися для обработки кожи и шкур для шитья кожаных и меховых изделий, нужно еще упомянуть о так наз. «лошилах», которые могли служить для разминания и для разглаживания швов при ее шитье. Лошило, найденное в Веретье (табл. VI, 21) в верхнем культурном слое, сделано из обломка кости с округлым концом, который заполированся как бы от продолжительного трения обо что-то мягкое — и скорее всего именно о кожу. Эта полировка отличается от обычной гораздо более сильным лоском.

Совершенно особую группу предметов составляют костяные рукоятки, повидимому предназначенные для каменных и в особенности кремневых изделий. Излишне говорить, что эти рукоятки имели огромное значение: они не только предохраняли руку от повреждений в месте захвата орудия, но, увеличивая самые размеры орудия, делали рабочие движения более свободными и правильными, что способствовало повышению производительности труда. Рукояток на Веретье найдено в нижнем слое — 6, считая фрагменты, в верхнем — 7. Образцы их даны на табл. IV, 4, 8, 9. Способы скрепления

¹ П. П. Ефименко. Дородовое общество. 1934, стр. 246.

² Иностранцев, ук. соч., стр. 151, табл. IX.

³ Из раскопок Д. Н. Эдинга. В колл. ГИМ.

⁴ Из раскопок Б. С. Жукова. В колл. ГИМ.

⁵ В. А. Городцов, ук. соч., стр. 22, табл. IX.

¹ Изделия остатков Тобольской губ., стр. 30,

² Иностранцев, ук. соч., табл. X.

Орудия верхнего культурного слоя.

1—7—наконечники стрел (нат. вел.); 8—наконечник гарпуна (3/4 нат. вел.); 9—обломок наконечника гарпуна (нат. вел.); 10—шило (нат. вел.); 11, 12—наконечники гарпуна, обломки (нат. вел.); 13, 14—обломок рукоятки или пробка (нат. вел.); 15—крючок (нат. вел.); 16—наконечник гарпуна (нат. вел.); 17—часть составного рыболовного крючка (нат. вел.); 18—фрагмент кости со следами вырезания наконечника гарпуна (нат. вел.); 19—долого (3/4 нат. вел.); 20—долого (нат. вел.); 21—лощило (нат. вел.); 22—деревянная пробка для затыкания берестяной посуды (?) (нат. вел.).

этих рукоятей с орудиями, для которых они предназначались, по всей вероятности приближались к способам скрепления наконечников стрел и дротиков с древками, т. е. скрепление осуществлялось посредством смолы и сыромятных ремней или шнурков.

Одна из рукоятей, найденных в нижнем слое стоянки, имеет орнамент, состоящий из продольных резных линий (табл. IV, 8). Другая — гладкая, с уступом на конце, к которому прикладывался при скреплении нижний конец орудия (табл. IV, 9). Третья рукоятка сделана из грифельной кости лося, с обрезанным концом, имеющим отверстие (полость кости), в которое вставлялось, судя по его сечению, тонкое цилиндрическое орудие, повидимому шило. Головка сочленения кости на заднем конце рукоятки обработана и приспособлена для привязи шнура с целью ношения орудия (табл. IV, 4).

Рукоятки из верхнего слоя близки по форме к древним. Один лишь обломок, если только мы правильно определяем его как обломок рукоятки (табл. VI, 13), дает новый для Веретья тип, по аналогичным, найденным на Каширском городище,¹ известным под названием «грибовидного».

К уникальным находкам, помимо упомянутых ранее — рогового топора и свистка, принадлежит также роговая кирка. Она сделана из бокового отростка лосиного рога (табл. IV, 2—3), с продолбленным посередине отверстием — втулкой для укрепления рукоятки. Небольшой фрагмент деревянной рукоятки, застрявший во втулке, сохранился. Форма рога, при изготовлении из него кирки, оставлена была почти без изменений; обушковый конец ее сохранил естественное расширение и утолщение, характерное для основной части рога.

Роговые кирки еще более примитивной конструкции — без втулки для рукояти — представлены в изобилии в западноевропейских неолитических шахтах для добывания кремня.² Кирки, аналогичные нашей, известны в торфяных стоянках Дании.³ Находки роговых инструментов в шахтах и сходство их по форме с современными кирками послужили основанием для определения подобных орудий как орудий, применявшихся при разработке кремня.

На Веретье не обнаружено ни шахт, ни каменоломен, и мы думаем, что кирку Веретья нельзя рассматривать как орудие столь узкого и специального назначения. В условиях Веретья кирка употреблялась, очевидно, как универсальное орудие для всякого рода земляных работ, например для рытья ям, выкапывания корнеплодов, добывания глины,

а также, вероятно, для выкапывания из песка¹ рассеянных в нем кремней, что косвенно подтверждается некоторыми наблюдениями, полученными во время раскопок стоянки. В нижнем слое, где была найдена кирка, кремневые орудия почти все приготовлены из однородного голубовато-серого кремня. Так как на Веретье на поверхности земли кремня вовсе нет, а в окрестностях и на берегу оз. Лача кремень совершенно другого, большей частью красноватого или желтоватого цвета, оставилось предположить, что находимые на Веретье кремневые орудия сделаны из материала, добывшего из глубины земли, где-либо поблизости от стоянки. Сображения эти подтверждаются тем, что под культурным слоем стоянки, в подстилающем его песке, перемешанном с мелкою галько попадаются кремневые желваки одного цвета с орудиями. Таким образом можно говорить о местном происхождении кремня.

Из орудий, связанных с изготовлением глиняной посуды, представленной в изобилии в верхнем слое черепками сосудов разнообразной формы и величины — круглодонных и плоскодонных, орнаментированных (ямочно-гребенчатых, сетчатых и др.) и гладких, может быть указан лишь костяной керамический штамп для нанесения гребенчатого орнамента. Он представляет собой плоский обломок кости с тремя неровными зубцами на концах, при вдавливании которых в глину получался так наз. гребенчатый орнамент. С точно таким же орнаментом на Веретье найдены фрагменты керамики. Находки керамических штампов нередки на стоянках с остатками орнаментированной посуды.²

К единичным находкам могут быть отнесены также два предмета (найденные в верхнем слое стоянки), похожие по форме на пробки (табл. VI, 14, 22). По некоторым современным аналогиям в Северном Крае можно предполагать, что они употреблялись для затыкания деревянной или берестяной посуды.

Довольно значительное число предметов, найденных на Веретье, возможно будет определить только при условии получения новых дополнительных сведений, которые могут быть добыты лишь при продолжении раскопок торфяника, а пока мы вынуждены оставаться в области догадок и предположений.

К таким предметам относятся два роговых кружка с отверстием посередине, найденные в нижнем слое стоянки. Один из них, с круглым отверстием, изображен на табл. IV, 7. Возможно, что он представляет собой бляжу для ременного пояса. Другой,

¹ В. А. Городцов, ук. соч., табл. VIII.

² G. Gougu, ук. соч., стр. 112—115, рис. 75.

³ Mémoires des antiquaires du Nord, 1926—1927, стр. 104, фиг. 52.

¹ G. Gougu, ук. соч., стр. 114.

² М. В. Воеводский. К изучению гончарной техники. Сов. археол., № 1, 1936.

вдвое больший по величине, — с четырехугольным отверстием. В том же слое найдены предметы лопаткообразной формы (табл. III, 14; табл. V, 17) с поперечным лезвием или заостренным концом. Некоторые из них, может быть, служили бойками мотыгобразных орудий, употреблявшихся при земляных работах. Роговой предмет, происходящий из нижнего слоя, имеющий желобчатую форму, напоминает предохранительную пластинку, надевающуюся на большой палец охотниками некоторых североазиатских народов при натягивании тетивы лука, но его размеры несколько больше, чем это требуется для предохранительной пластинки.

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА

Заканчивая обзор костяных, роговых и деревянных орудий стоянки Веретье, в заключение необходимо прибавить несколько слов о памятниках искусства, представленных украшениями и предметами, связанными с культом. Эти вещи несут на себе следы мастерства и определенных художественно-технических приемов и в этой связи могут быть упомянуты в нашем очерке. Искусство, о котором идет речь, — скульптура и резной орнамент на кости.

Самая замечательная из находок этого рода — костяная человеческая фигурка, найденная в нижнем горизонте верхнего слоя стоянки, величиной несколько более 3 см (табл. VII, 8, а, в — увеличено в 2,5 раза). Фигурка сделана без рук.¹ Ее ноги, судя по одной из них, сохранившейся полностью, не имеют ступней и заканчиваются, сужаясь, в одной плоскости с туловищем. Несколько удлиненное туловище имеет косые резные линии по обеим сторонам груди и спины, заходящие на бока и символизирующие, очевидно, грудную клетку. Голова круглая гладкая. На лице ямками намечены глаза и рот. Судя по пропорциям тела, форме бедер, живота, спины, фигурка изображает мужчину.

Здесь не место говорить о назначении подобных изображений. Это — тема для особого исследования. Отметим только, что найденная нами в том же районе (в Кубенине) другая фигурка была частью погребального инвентаря и безусловно служила предметом культа.

Далее, из резных изделий Веретья интересна голова животного, которой украшена верхняя часть одного кочедыка (происходящего из нижнего слоя стоянки). Перед нами

скорее всего условное изображение звериной, но может быть и птичьей головки с торчащими вверх ушами. Сходящиеся книзу крутые дуги глаз переходят в нос, заостренный, как клюв. Вся остальная часть морды ниже этих сходящихся дуг выдолблена сплошной ямкой. Способ изображения вообще очень характерный для примитивной скульптуры неолита, придающий изделию сходство с головой совы или филина. Вторая из фигурок (в нижнем слое) не закончена. Она имеет удлиненную, цилиндрическую форму с закруглением на одном конце и расширением в виде головки на другом (табл. V, 12). На голове лишь намечены, весьма схематично, торчащие вверх уши.

Последние две фигурки (из верхнего слоя) представляют собой, по нашему мнению, схематические изображения животного и птицы (табл. VII, 12 и 9). Первое вырезано из рога с утолщенным туловищем и с торчащими непосредственно из него ушами; голова же никак не выражена. И все же контуры фигурки отдаленно напоминают фигурку филина на кочедыке. Совершенно подобная только что описанной фигурка, но вдвое меньших размеров, имеется в коллекции из Волосовской стоянки.¹

Вторая фигурка может быть принята лишь как весьма условное изображение птицы.

К резным изделиям следует еще присоединить обломок в виде утиного клюва (табл. VII, 11). Этот фрагмент можно сближать, например, с изображениями утки из Горбуновского торфяника² и Волосовской стоянки.³

Довольно многочисленна группа подвесок-украшений и амулетов, сделанных из звериных зубов: резцов бобра, лося и клыков медведя, волка и собаки. Больше всего найдено подвесок из резцов лося, главным образом из нижнего слоя стоянки. Все они имеют глубокие надрезы, по самому краю корня зуба, для привязи шнура. У некоторых подвесок, найденных в верхнем слое, для продевания шнура просверлено отверстие.

Кроме этих простейших украшений из зубов животных, на Веретье имеются подвески (из нижнего слоя) в виде схематического изображения птицы (?) и рыбы (?) с зубчатым орнаментом по краю (табл. V, 3—4) и в виде трубочки с поперечной нарезкой из верхнего слоя (табл. VII, 3).

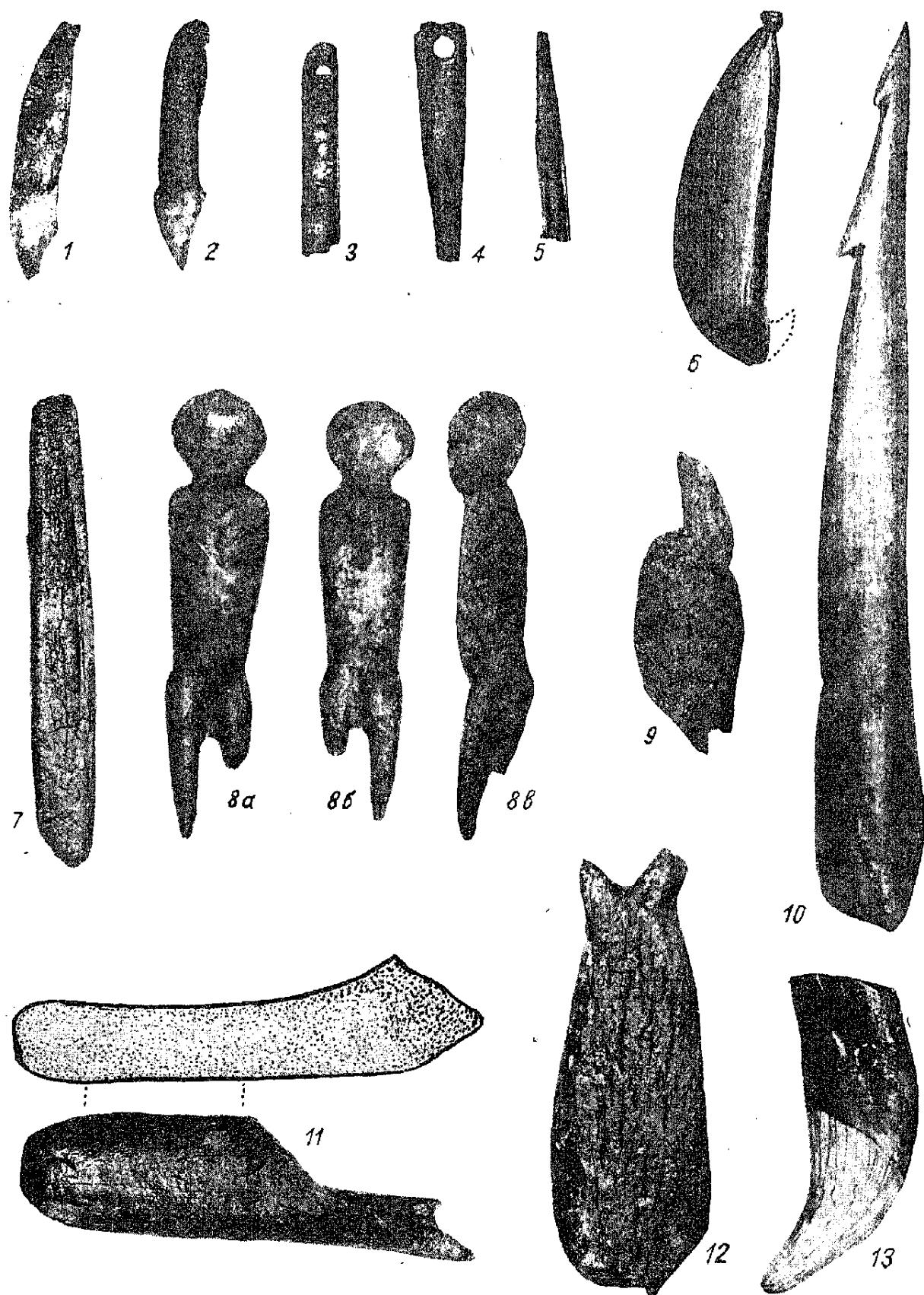
Резьба по кости и рогу в Веретье состоит из простых узоров геометрического стиля.

¹ См. сборник Гос. Исторического музея.

² Д. Н. Эдинг. Горбуновский торфяник, табл. 2. Матер. по изучению Тагильского округа, полутором I, вып. 3.—Он же. Идолы Горбуновского торфяника. Соб. археол., № 4, рис. 6.

³ Р. Koudriavtsev, ук. соч., стр. 254, рис. 32.

ТАБЛИЦА VII

Орудия из верхнего культурного слоя.

1, 2—подвески из резцов лося (нат. вел.); 3—подвеска (нат. вел.); 4—обломок иглы (нат. вел.); 5—обломок незаконченного гарпуна с намеченным для вырезания желобком (нат. вел.); 6—рыболовный крючок (немного меньше нат. вел.); 7—подвеска или кочедык (нат. вел.); 8 а, б, в—человеческая фигурка (увел. в 2½ раза); 9—фигурка птицы (?) (нат. вел.); 10—наконечник гарпуна (3/5 нат. вел.); 11—фрагмент клюва утки (?) (нат. вел.); 12—схематическое изображение животного (?) (нат. вел.); 13—подвеска из клыка медведя (нат. вел.).

Мы уже видели ее на орудиях и наконечнике стрелы, выпрямителе древок, струг и т. п.

Для полноты представления о характере орнаментации в Веретье необходимо еще упомянуть о нескольких изделиях. В нижнем слое стоянки найдены: роговая пластина большого размера с резным изображением, напоминающим лист на длинном стебле (табл. IV, 11); костяной пластинчатый наконечник стрелы (?), орнаментированный точками, волнистыми линиями, расположеннымными группами, последовательно прерывающимися на равных интервалах (табл. V, 11), и, наконец, четыреугольная пластинка, украшенная зигзаговыми линиями, в точности совпадающими с орнаментом одного древне-неолитического орудия из оленьего рога, найденного на берегах Северного моря.¹ По бокам этой пластинки имеются небольшие выемки, повидимому для прикрепления ее, как украшения, к одежде (табл. V, 13).

В общем орнаменты Веретья очень близки по стилю к древнейшим неолитическим орнаментам, известным по торфяным стоянкам Прибалтики. Та же простота узоров, однообразное и последовательное повторение отдельных элементов в нескольких несложных комбинациях, например в виде заштрихованных треугольников,² линий, пересекающихся в виде сетки, зигзага или просто в виде небольших зарубок, точек, без каких бы то ни было попыток введения в линей-

ный орнамент звериных или человеческих изображений.

Заканчивая описание костяных изделий Веретья, мы отметим исключительную ценность этого комплекса в отношении характеристики бытовой стороны жизни поселения, просуществовавшего значительный промежуток времени, — в конце суббореального периода и, с небольшим перерывом, в начале субатлантического.

Большая часть неолитических стоянок на территории восточной Европы не сохранила предметов, изготовленных из органических материалов, и инвентарь их, ограниченный каменными и керамическими изделиями, очень односторонен. Отсутствие же подобных материалов нередко влечет за собой неправильные построения и выводы о «бедных» стоянках, о слабо развитой охоте и т. п.

Но Веретье не только ценно находками, оно интересно и с точки зрения стратиграфии, распределения двух комплексов предметов, отличных друг от друга, в разных культурных наслойниях, расположенных одно над другими, разделенных стерильным слоем. Это обстоятельство позволяет установить различные типы орудий, имевшие распространение только в один из периодов существования стоянки — древний или поздний. На этом основании костяные предметы, мало значившие до сих пор при выяснении даты наших неолитических стоянок, могут быть привлечены на ряду с другими фактами для хронологизирования культурных наслойений и таких памятников, как могильники.

¹ Mémoires des antiquaires du Nord, 1897, стр. 88, рис. 4.

² Mémoires des antiquaires du Nord, 1926—1927, стр. 63, рис. 28.

П. А. Дмитрев

ЗЕМЛЯНКИ НА ЗАУРАЛЬСКИХ СТОЯНКАХ

Исследование мест поселений имеет огромное значение для изучения истории древних обществ, о которых мы можем судить преимущественно на основании археологических источников. Особый интерес представляют жилые и хозяйственные постройки, тип и расположение которых нередко дают хороший материал для реконструкции социальной структуры общества. Поэтому вполне понятно то внимание, с которым советские археологи относятся к раскопкам стоянок, городищ и других мест поселений и к разработке методики археологических исследований этих памятников. Учитывая важность суммирования всех сведений, относящихся к открытым за последние годы жилищам на стоянках неолитического типа, я решил посвятить настоящую статью описанию землянок, обнаруженных мною на зауральских стоянках, относящихся к металлическому периоду, но еще сохранивших неолитический облик, не дожидаясь публикации общих научных итогов проведенных исследований.

Мне уже приходилось писать о различии характера стоянок в лесном горно-озерном районе восточного склона Среднего Урала и в прилегающем к нему лесостепном равнинном районе Западно-Сибирской низменности, ограниченном с севера долиной р. Туры, с юга — долиной р. Исети.¹ В первом районе, в котором во второй половине II тысячелетия и I тысячелетия до н. э. существовала культура, известная под названием шигирской, стоянки довольно многочисленны. Исследования, производившиеся на восточном Урале в последние годы, дали возможность установить, что среди них имеются и постоянные поселения и временные, сезонные становища. Сведения о типе жилищ до последнего времени были самыми скучными. Известно было о находке в шигирском торфянике при золотоискательских работах бревен, сложенных «в виде барака», о неопределенных «балаганчиках», имевших якобы двускатную пологую крышу (на Гор-

буновском торфянике), о каких-то небольших ямах на Юринском селище и на мысу 2-го Карасьего озера — и только. Никаких более подробных данных о них, никаких чертежей или рисунков их не сохранилось, а может быть их и не было совсем. Раскопки Д. Н. Эдинга на Горбуновском торфянике, ведущиеся в течение ряда лет, пока еще не подтвердили правильности сведений о «балаганчиках», упомянутых М. О. Клером, а озерные и береговые стоянки иссле-

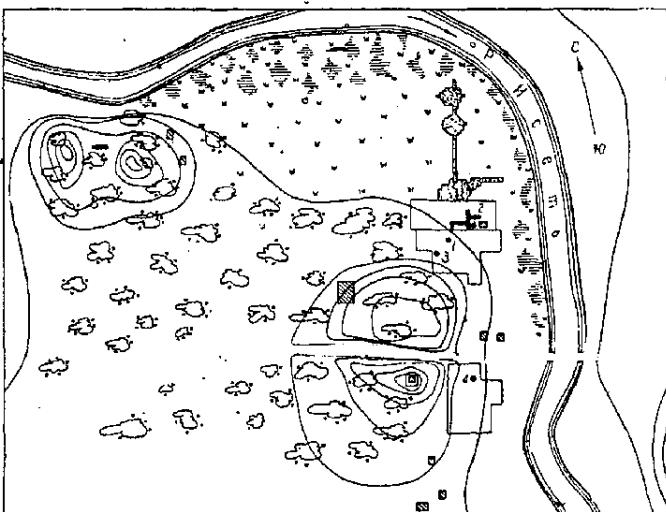

Рис. 1. План стоянки Калмацкий Брод.

дованием не подвергались. Поэтому открытие в 1932 и 1934 гг. трех землянок на стоянке Калмацкий Брод впервые дало точные данные о типе восточноуральских жилищ в эпоху позднейшего неолита.

Стоянка Калмацкий Брод находится на правом берегу р. Исети около железнодорожного моста горнозаводской линии Пермской ж. д. в 18 км от г. Свердловска.

Место стоянки представляет собой обычную на Урале небольшую возвышенность с двумя вершинами. В седловине между ними, а также на склонах к реке и была расположена стоянка (рис. 1). Река Исеть делает здесь очень кругой поворот к югу, обмывая стоянку с северной и восточной сторон, а западный склон возвышенности довольно круто спускается к болоту. Раскопки

¹ Изв. ГАИМК, вып. 106; Сб. «Из истории родового общества территории СССР», М.—Л., 1934, стр. 181 и др.

были произведены в восточной части стоянки, около карьера, из которого брали песок для насыпи при постройке ж.-д. моста в 1927 г. Общая площадь раскопок равна 302 кв. м. Раскопки велись короткими траншеями, которые непосредственно примыкали друг к другу, вскрывая довольно широкую

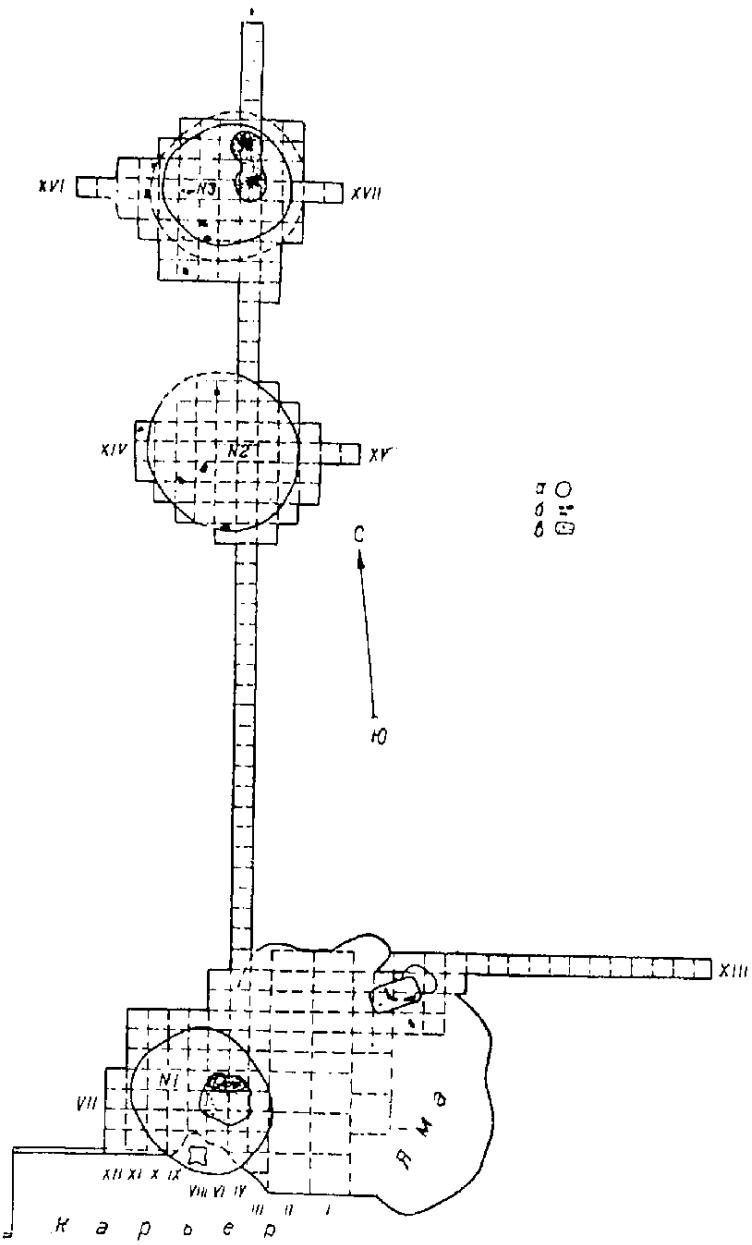

Рис. 2. План раскопок стоянки Калмацкий Брод.
I—XVII—траншеи; №1—3—землянки; а—очаги; б—камни;
в—могила.

площадь. Только одна траншея разрезала всю площадь стоянки в северном направлении от карьера до начала болота. Эта траншея пересекла две землянки, которые были обнаружены благодаря наличию черного культурного слоя. Всего на стоянке было открыто три землянки, расположенных по одной линии (рис. 2).

Землянка №1 была вырыта частью в культурном слое, частью в твердом глинистом грунте и дресве, благодаря чему ее границы были ясно заметны. Обнаружена она

была благодаря понижению культурного слоя в разрезе III и IV траншей и ясно выделившемуся черному пятну на светлом грунте. При помощи перпендикулярной траншеи удалось установить точные границы этого пятна и после этого вскрыть всю площадь землянки.

Землянка имела слегка овальную, почти круглую форму. Ее наибольший диаметр равен 7.50 и меньший 6.50 м. Несмотря на то, что землянка расположена на несколько наклонной плоскости, дно ее, слегка углубленное в центре, горизонтально. Глубина ее от современной поверхности 1.10 м, а от нижней границы культурного слоя 65 см. Стенки землянки, которые оказалось возможным проследить только в грунте, были крутыми, почти отвесными (рис. 3).

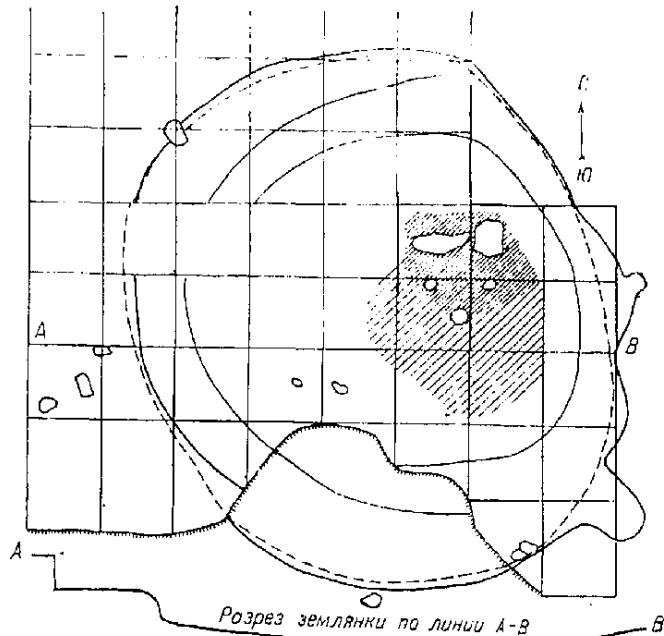

Рис. 3. План и профиль землянки №1.

Около краев землянки с внешней стороны, на глубине от 30 до 45 см от поверхности обнаружены пять больших необделанных камней, находящихся на разном расстоянии друг от друга.

На дне землянки, немного в стороне от центра, были обнаружены следы очага в виде интенсивно-черного углистого слоя, занимающего неправильную площадь немногого более 2 кв. м, и непосредственно к нему примыкающего золистого слоя, занимающего около 4 кв. м. В углистом слое лежали отдельно друг от друга три камня и две очень больших полированных плиты, перевернутых гладкими поверхностями вниз. При расчистке стенок и дна землянки найдено сравнительно небольшое количество обломков от глиняных сосудов, несколько обломков от ножевидных пластинок, скребки, один кремневый наконечник стрелы, два ножа из сланцев, обломок полированного топора с полукруглым лезвием и др. Основ-

ная масса находок сделана в более высоких слоях над землянкой.

Землянка № 2 находилась на расстоянии 25 м к северу от первой. Форма ее почти круглая, диаметр равен 7.50 м. Точные границы землянки удалось определить при помощи коротких перпендикулярных траншей, проведенных в обе стороны от основной траншееи через середину наметившегося пятна. Далее была вскрыта вся площадь, занимаемая землянкой, причем для удобства записи находок и наблюдений эта площадь была подразделена на участки по 1 кв. м в каждом. Для того чтобы не по-

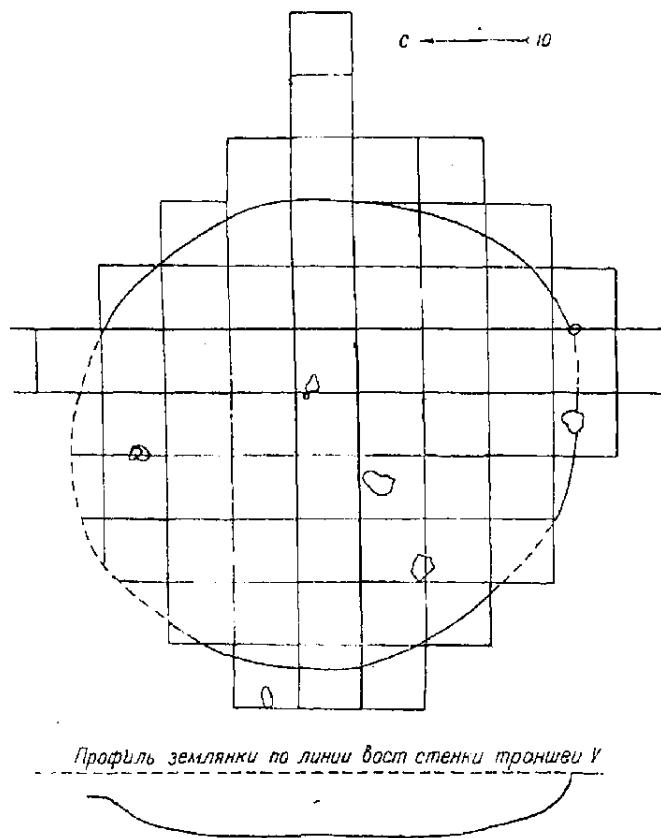

Рис. 4. План и профиль землянки № 2.

вредить стенок землянки и иметь перед собой поперечный и продольный профили вскрываемой площади, между отдельными участками были оставлены узкие полоски нетронутой земли — «экранчики» или «бровки». При таком способе раскопок удалось в некоторых местах проследить стенки ямы землянки не только в грунте, но и в культурном слое. Стенки землянки довольно пологие; постепенно закругляясь, они переходят в неровное пологое дно. Землянка расположена на наклонной плоскости, но дно ее горизонтально. Поэтому южный край землянки выше северного (рис. 4).

Наибольшая глубина землянки от поверхности равна 1 м, а от нижней границы культурного слоя — 50 см.

По краю землянки в трех местах обнаружены довольно большие необработанные

камни. Внутри землянки около центра лежали камни без всяких следов обработки и среди них несколько обломков полированных камней. Возможно, что они составляли прежде очаг, так как их нижние части закопчены. Другая небольшая кучка камней лежала ближе к северному краю землянки. Яркого очажного слоя, как, например, в первой землянке, здесь не было. Углистый слой, но не слишком интенсивный, поступает по всему дну землянки. Около камней он,

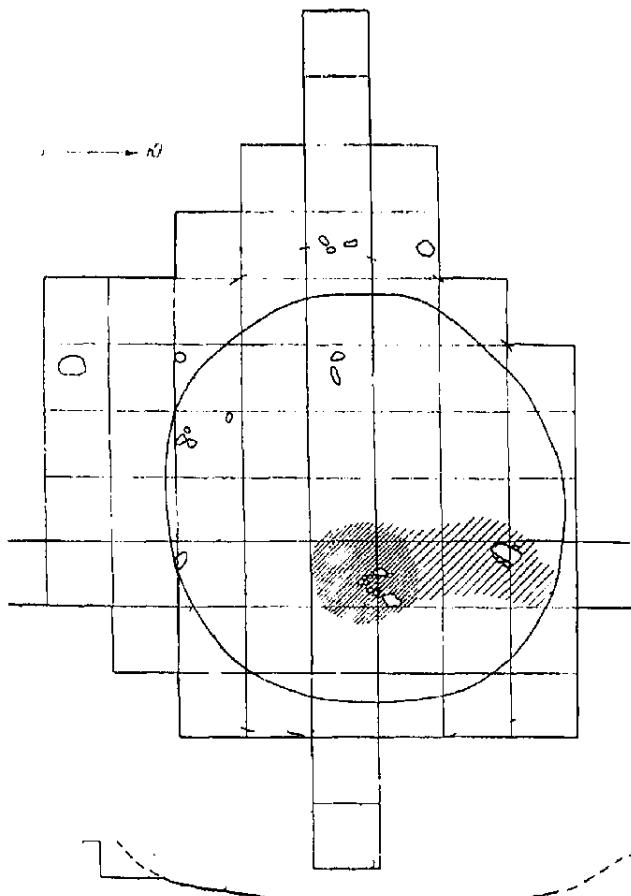

Рис. 5. План и профиль землянки № 3 и очага.

правда, интенсивнее и в нем заметны отдельные угольки. Около юго-западной стенки землянки лежала большая полированная плита и недалеко от нее ближе к центру большой камень.

При расчистке дна землянки, кроме полированной плиты, найдено 23 обломка от глиняных сосудов, два нуклеуса и одно тонкое долотце, подготовленное к шлифовке. Гораздо больше сделано находок в верхних слоях ямы.

Землянка № 3 находилась на расстоянии 5.50 м к северу от второй землянки, недалеко от болота. Эта землянка обозначалась в плане и в профиле траншеи особенно отчетливо, так как ее дно было закрыто тонкой угольной прослойкой. Землянка раскапывалась тем же способом, что и вторая. Стенки ее были заметны не только в грунте,

но и в культурном слое. Форма землянки неправильно-круглая. Диаметр краев ямы равен 7.50 м, диаметр пятна ниже культурного слоя 6.50 м. Глубина от поверхности земли равна 90 см, а от подошвы культурного слоя 40 см. Стенки землянки пологие; они постепенно переходят в почти плоское, неровное дно. Последнее горизонтально, так же как и в предыдущих случаях, несмотря на то, что землянка расположена на склоне к реке. На дне землянки обнаружены четыре небольших груды камней. Одна из них, из семи крупных камней, находилась на расстоянии 1 м от центра и лежала на углисто-зольном слое, в котором различались отдельные угольки и обугленные ветки. Среди этих камней лежали два обломанных полировальных камня, повернутых рабочей поверхностью вниз (рис. 5).

Вторая груда из пяти камней, лежавших плотно, находилась на расстоянии 1.20 см от первой по направлению к северному краю землянки. Под камнями углистый слой, в котором были заметны мелкие кусочки обожженных костей. На этих камнях лежала большая полировальная плита, повернутая рабочей поверхностью вниз, и около нее каменная терка. При расчистке камней около них найден также нуклеус.

Повидимому, обе эти груды представляют собой остатки очагов, сложенных из камней, так как около них наблюдается особенно интенсивный углистый слой.

Третья груда, в юго-западной части землянки, состояла из двух полировальных и одного необработанного камней, а четвертая — из трех камней и одного обломка полировальной плиты, лежавшего стервой поверхностью вниз.

При расчистке стенок и дна землянки найдено, кроме указанных плит, довольно много черепков от различных глиняных сосудов, 3 скребка, 8 ножевидных пластинок, 4 нуклеуса и т. д. Но и здесь, как и в других землянках, гораздо больше находок сделано в верхних слоях ямы. К сожалению, выступившая вода помешала исследовать дно землянки до конца.

Между землянками №№ 2 и 3, ближе к последней, был открыт отдельный очаг, состоящий из семи крупных камней, лежащих полукругом на тонкой углистой прослойке. Камни носят следы обжига. Среди камней лежал обломок большой полировальной плиты, положенной рабочей поверхностью вниз.

Исследованная часть стоянки еще не дает представления о поселении в целом. Мы можем только предположить, учитывая размеры площади стоянки и величину отдельных землянок, что здесь было не больше 10—12 таких жилищ. Для точной реконструкции самих жилищ мы также имеем не-

много данных. Судя по небольшой глубине ям землянок, нужно полагать существование высокой наземной части с вертикальными стенками, или, что более вероятно, просто в виде конического покрытия.

Большие камни, лежащие по кругу землянок №№ 1 и 2, мне кажется, могли служить грузом, укрепляющим вкопанные в землю под углом концы длинных жердей, из которых состоял каркас покрытия. Чтобы покрыть яму в 7.50 м в диаметре, нужно было иметь жерди длиною около 5 м, что технически было вполне доступно. Возможно, что для поддержания крыши внутри землянки был столб, и может быть этим объясняется нахождение очагов несколько в стороне от центра землянок.

Какова была внутренняя обстановка жилища, мы точно не знаем. На дне землянок открыты только остатки от очагов, большие полировальные плиты и некоторое количество каменных орудий и нуклеусов, а также обломков от различных глиняных сосудов. Эти остатки позволяют говорить лишь о том, что обработкой каменных орудий, особенно полировкой их, занимались почти в каждом жилище. Случайность инвентаря и малочисленность целых находок свидетельствуют о том, что стоянка была оставлена насељниками не внезапно. Все ценное и нужное было унесено; это подтверждается также и тем, что почти все большие полировальные плиты были перевернуты стервой поверхностью вниз и некоторые из них были положены в таком положении поверх очагов.

Несмотря на скучность наших сведений о внешнем виде и внутреннем устройстве жилищ, открытие землянок все-таки имеет огромное значение для восстановления общественного и хозяйственного строя древнего населения восточного Урала.

Изучение археологического материала и, в частности, материала стоянки Калмацкий Брод, показывает, что основным занятием общества, жившего на восточном Урале на рубеже I тысячелетия до н. э., были охота и рыболовство и что, наряду с этим, около этого же времени возникает мотыжное земледелие. Те соображения, которые были изложены в моей статье «К вопросу о земледелии в восточно-уральском родовом обществе»,¹ могут быть подтверждены теперь новыми данными. В 1934 г. на стоянке Калмацкий Брод был найден каменный наконечник от кирки или мотыги со сверлиной в средней части (между прочим, это первое просверленное орудие, найденное на восточном Урале), а в фондах Свердловского областного музея, благодаря пересмотру всех без исключения коллекций, мне уда-

¹ Изв. ГАИМК, вып. 106, стр. 206 и др.

лось «открыть» совершенно целую деревянную мотыгу, происходящую с шигирского торфяника. Рукоятка мотыги слегка изогнута и напоминает по форме изданные В. Я. Толмачевым деревянные застуны.¹ На более толстый конец очень плотно надет деревянный же наконечник, заостренный с обоих концов. Для того чтобы наконечник не соскакивал с рукоятки, в нее был вбит деревянный клин (рис. 6).

Найденная этого земледельческого орудия показывает, что на восточном Урале в эту эпоху земледелие уже было известно, хотя оно не являлось еще основным производством. Учитывая это, а также принимая во внимание существовавший тогда коллективный способ производства, натуральный характер хозяйства и, в основном, неолитический облик техники, можно предположить, что мы имеем дело с обществом, находящимся на стадии материнского рода. Открытые на стоянке Калмацкий Брод землянки, площадь которых достигает 44—45 кв. м, могли вместить в себя до 20 человек, и каждая из них, повидимому, являлась большим домом материнского рода.

Совершенно иной характер носят одновременные стоянки лесо-степного, равнинного района, в междуречье Туры и Исети. Этот район еще очень слабо изучен в археологическом отношении, и нам известно всего только 6 стоянок, которые подвергались археологическим исследованиям. Материал этих стоянок говорит о другой, отличной от шигирской, культуре, в которой основным производством были охота и рыболовство, но с явным преобладанием последнего. Открытое мною на Липчинской и 2-й Андреевской стоянках землянки резко отличаются от описанных выше и по размеру и по форме. Липчинская стоянка,² частично исследованная мною в 1925—1926 гг., находится в 59 км к западу от Тюмени на возвышенном, обрывистом и узком мысу, обмы-

¹ Изв. Археол. комиссии, вып. 60. Возможно, что именно это орудие, а не деревянный наконечник, о котором писал в цитированной статье В. Я. Толмачев, последний называет деревянной кайтой (ср.: В. Я. Толмачев. Древности восточного Урала. Зап. Уральск. общ. любит. естествозн., т. XXXIV, стр. 207).

² О Липчинской стоянке см. мою статью «Липчинская неометаллическая стоянка» (Тр. Секции археол. РАННОНА).

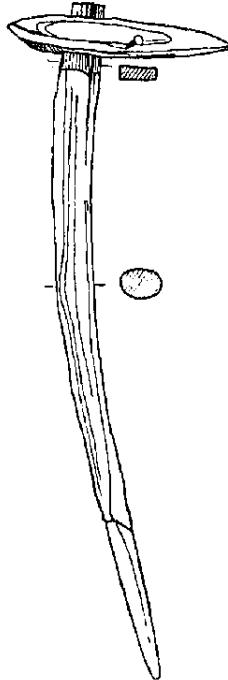

Рис. 6. Деревянная мотыга из шигирского торфяника.

ваемом с одной стороны р. Турой, а с противоположной — впадающей в нее небольшой речкой Липкой (рис. 7). Этот мыс соединялся с основным берегом узкой перемычкой, которая теперь уже размыта водами обеих рек. Культурный слой стоянок достигает 30—50 см толщины и только на самом берегу р. Туры доходит до 90 см.

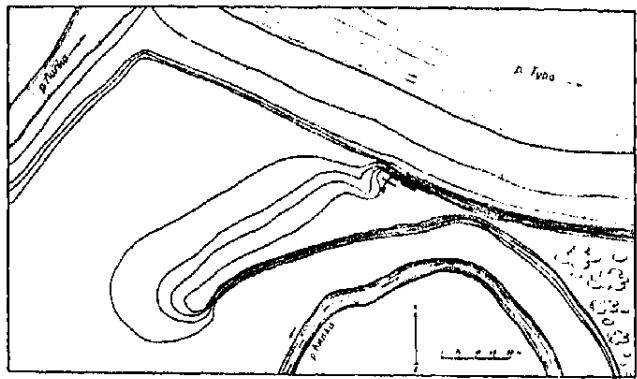

Рис. 7. План Липчинской стоянки.

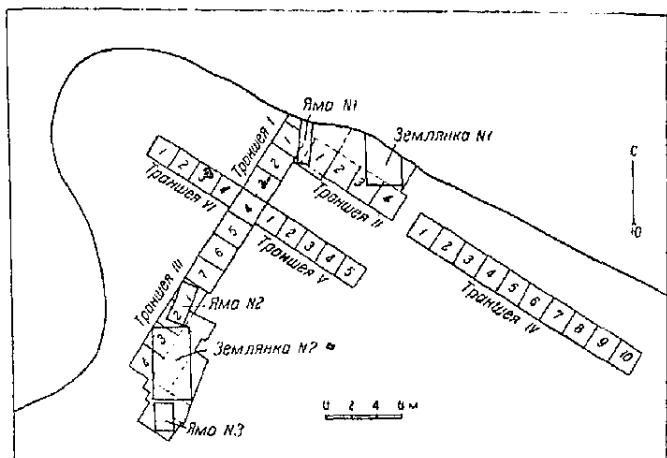

Рис. 8. План раскопок из Липчинской стоянки.

На стоянке были открыты 2 землянки и 3 небольших прямоугольных ямы (рис. 8).

Землянка №1, разрушенная обрывом, имела прямоугольную форму. Пять землянок было обнаружено на грунте только после снятия черного культурного слоя. Землянка ориентирована приблизительно по линии С—Ю. Длина сохранившейся части равна 4.61 м, ширина 2.84 м и глубина — от нижней границы культурного слоя 0.62 м, а от современной поверхности 1.37 м. Стенки землянки крутые; в культурном слое их проследить не удалось вследствие равномерной и интенсивной черной окраски слоя. Стенки землянки, постепенно закругляясь, переходили в дно, слегка наклонное к обрыву (к центру). Вдоль землянки посередине пола возвышалась невысокая узкая полоска грунта. Никакого очага в землянке не обнаружено; возможно, он был уничтожен при разрушении северного конца землянки.

При расчистке землянки были найдены

3 скребка, 2 ножевидных пластинки с ретушью, несколько глиняных грузил с заостренными концами и др., довольно много осколков кремня, много обломков от глиняных сосудов, тонкая трубчатая косточка какого-то животного и кусок шлака (железного). Все эти предметы лежали без определенного порядка и, вероятно, попали в яму землянки после ее разрушения.

поверхности 1.30 м. Посреди землянки возвышалась узкая полоска грунта в виде гребня (рис. 9). Никаких находок при расчистке дна землянки сделано не было. Яма землянки была заполнена плотной землей золисто-серого цвета.

К землянке № 2 к северному и южному концам примыкали две прямоугольные ямы небольших размеров.

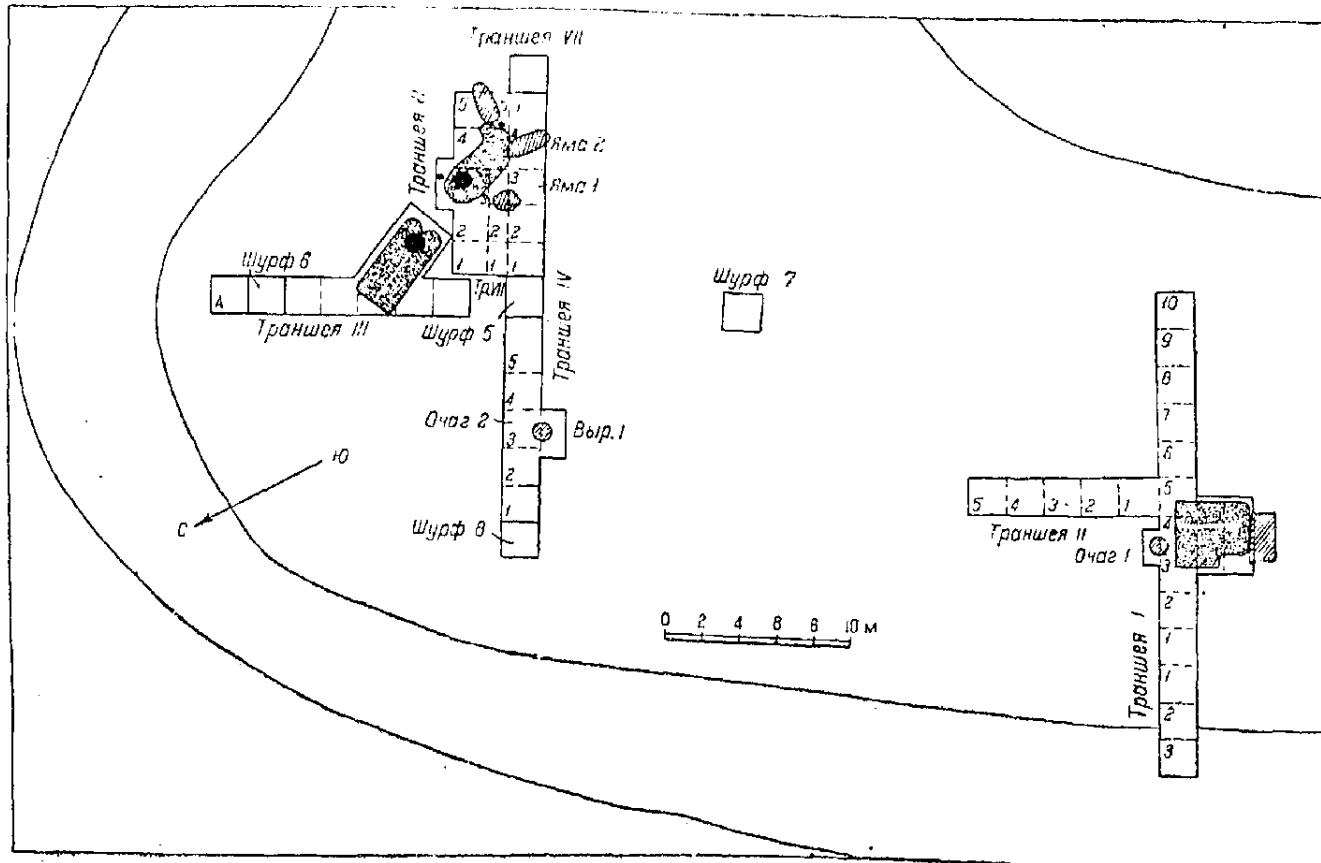

Рис. 9. План раскопок 2-й Андреевской стоянки 1928—1929 гг.

Приблизительно в четырех метрах к западу от этой землянки находилась длинная и узкая, повидимому прямоугольная, яма (№ 1), у которой северный конец был также разрушен обрывом, а южный поздним погребением.

Длина ямы 3.71 м, ширина 1.28 м и глубина от нижнего культурного слоя 0.57 м, а от современной поверхности 1.57 м. Яма была заполнена плотной землей серого золистого цвета. Дно ямы — горизонтальное.

При расчистке ямы обнаружено несколько обломков от разных сосудов, обломок глиняного грузила и обломок грубого сланцевого орудия; ни осколков кремня, ни костей животных не найдено.

Землянка № 2 находилась в 18 м от первой. Она была обнаружена также после снятия культурного слоя. Землянка имела прямоугольную форму и ориентировку по линии С—Ю. Длина ее равна 6.30 м, ширина 3 м и глубина от нижней границы культурного слоя 0.60 м, а от современной

яма № 2 (северная) имела длину 3.20 м, ширину 1.50 м и глубину 0.35 м от нижней границы культурного слоя, а от поверхности 0.95 м. При расчистке ямы найден скребок из яшмы. Стенки ямы в толще культурного слоя проследить не удалось.

Яма № 3 непосредственно примыкала к южному концу второй землянки. Длина ее 2.75 м, ширина 1.30 м и глубина от нижней границы культурного слоя 0.50 м, а от поверхности 1.40 м. При раскопке ямы найдено несколько обломков от разных глиняных сосудов.

Отсутствие очагов и каких-либо находок на дне землянок оставляло сомнение в том, что большие прямоугольные ямы действительно были жилищами. Сомнения эти рассеялись только после раскопок 2-й Андреевской стоянки, на которой были открыты аналогичные землянки с явными признаками их долгого обитания.

2-я Андреевская стоянка, частично раскопанная в 1928—1929 гг., расположена на

южном берегу Андреевского озера, находящегося в 18 км к юго-востоку от г. Тюмени.¹ Она находится на узком песчаном холме подковообразной формы, который с севера граничит с болотистым берегом озера, а с юга с небольшим болотом. Культурный слой стоянки достигал толщины до 1 м.

На стоянке были открыты 3 землянки, 3 ямы, имевшие, повидимому, хозяйственное значение, и 2 костра вне землянок (рис. 9).

Землянка № 1 имела прямоугольную форму, с расширенной северной частью. Длина ее 3.80 м, ширина в северной части 3.60 м, а в южной — 2.80 м, глубина от нижней границы культурного слоя 0.25 м, а от поверхности 0.80 м. Стенки ямы довольно крутые, закругляясь, они переходили в дно.

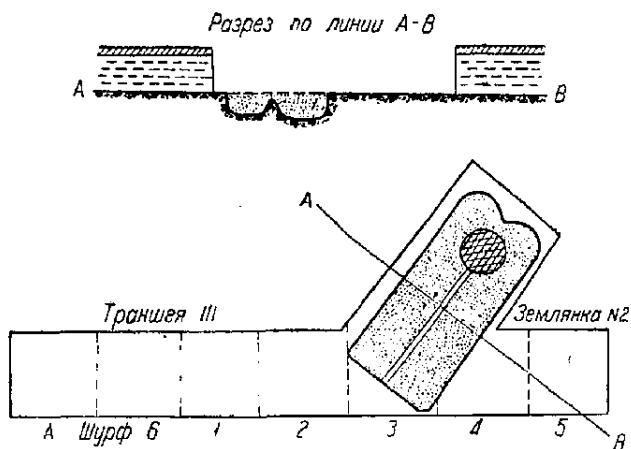

Рис. 10. План и разрез землянки № 2.

Северную и южную стенки проследить не удалось, так как границы пятна были неясны. Ориентирована яма по линии С-СВ—Ю-ЮЗ. Дно ямы неровное. Посредине вдоль всей землянки наблюдалось возвышение из грунтового суглинка в виде узкого гребня.

В южной части землянки лежал большой закопченный камень. Около южной стенки землянки находился не очень большой раздавленный глиняный сосуд с прямыми, слегка наклонными к центру стенками и полусферическим дном. При раскопке ямы землянки в верхних слоях найдено очень много обломков от глиняных сосудов, несколько обломков от грузил разного типа, обломок глиняной плошки, три кости (лося?) очень плохой сохранности и несколько осколков кремня. При расчистке стенок землянки найдено 40 обломков от глиняных сосудов, 4 обломка от глиняных грузил и 1 осколок кремня.

К южному концу землянки непосредственно примыкала какая-то, повидимому также прямоугольная, яма, которая к сожалению осталась в 1928 г. неисследованной,

а в 1929 г. это место было занесено озерным песком и толстым слоем камыша и я, недоделив в то время важности исследования всего комплекса сооружений, стал продолжать раскопки в центральной части стоянки с наиболее мощным культурным слоем.

Около северного конца землянки, с внешней стороны, был обнаружен очаг, состоящий из плотной массы мелких угольков, занимающей пространство в 1 м в диаметре. При расчистке костра найдено несколько обломков от глиняных сосудов и мелких обломков от глиняных грузил.

Землянка № 2 находилась на расстоянии 42 м к северо-востоку от первой. Форма землянки прямоугольная и только южный

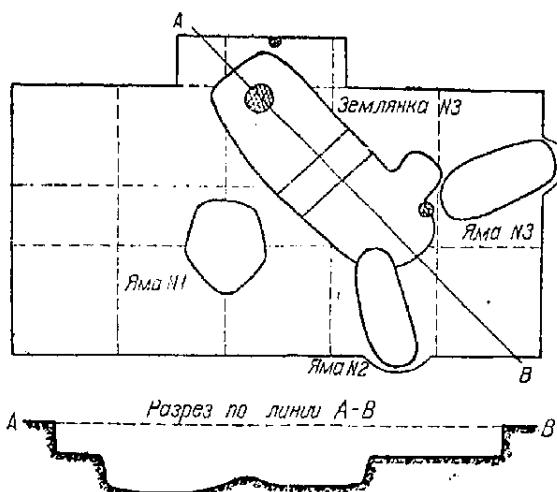

Рис. 11. План и разрез землянки № 3.

конец ее имел в плане вид двух расположенных рядом полуovalов. Ориентирована землянка по линии ССЗ—ЮЮВ. Длина ее 4.80 м, ширина 2.35 м, глубина от нижней границы культурного слоя 0.50 м, а от современной поверхности 1.0 м. Стенки землянки крутые. Дно было неровным. Посреди землянки, вдоль длинных стенок, возвышалась узкая, гребнеобразная полоска грунта (рис. 10). В юго-юго-восточной части землянки, у стены, находился очаг, от которого сохранились обугленные ветки, лежащие в куче, и много мелкого угля. Все дно землянки было покрыто слоем чешуи, достигавшим 10 см толщины. Особенно много чешуи было около очага. К сожалению, почвенная вода залила все дно землянки и помешала расчистить его до конца. Не удалось как следует раскрыть и самий костер.

При расчистке землянки найдено 120 обломков от разных глиняных сосудов, 2 целых и 18 обломков от цилиндрических грузил «липчинского» типа, 1 грузило в виде моталки, обломок блоковидного грузила, обломок неопределенного предмета из глины в виде уплощенной палочки с закругленным концом. Около очага найден кремневый наконечник стрелы с двумя шипами и ясно

¹ Материал о 2-й Андреевской стоянке будет опубликован в «Трудах Гос. Исторического музея».

выраженным черенком, глиняное цилиндрическое грузило и 2 обломка от таких же грузил.

Землянка № 3 находилась на расстоянии 2 м от второй землянки по направлению к ЮЮВ. Ориентировка ее приблизительно та же, форма — неправильно-прямоугольная с округлыми углами. Размеры следующие: длина 4.70 м, ширина 1.90 м. Глубина от нижней границы культурного слоя в северной части 0.71 м, в южной части 0.59 м и в середине 0.35 м. Соответственная глубина от современной поверхности 1.0 м. Стенки землянки почти отвесные (рис. 11).

К восточной стенке землянки, около ее южного конца, непосредственно примыкает неглубокая почти квадратная ямка, размером 75 × 75 см, которая, возможно, служила ступенькой с восточной стороны землянки. У обоих ее концов обнаружены остатки двух деревянных столбов — один в 16 см в диаметре, другой в 12 см. Эти столбы, вероятно, были опорой крыши.

В северной части землянки были замечены остатки очага в виде темного углистого и золистого слоя, в котором найдены кости птиц или мелких животных и рыбья чешуя; под чешуей обнаружены обломки большого глиняного сосуда. Непосредственно около очага, в верхних его слоях, найдено 30 мелких черепков, 2 глиняных грузила «липчинского» типа и несколько обломков от них, костяной нож. В самом очаге найдена кость со следами обработки, кремневый наконечник стрелы, 9 обломков грузил различных типов, 30 черепков, много рыбьих костей и чешуи.

При расчистке дна найдено еще 3 целых и 16 обломков цилиндрических грузил, 17 осколков кремня, обломок ножевидной пластинки и 133 черепка. В южной части землянки замечены следы досок, лежащих вдоль стенки землянки.

Расчистке дна очага сильно препятствовала почвенная вода, заполнившая раскопанную площадь.

Близи землянки открыты три ямы, из которых одна расположена на расстоянии 0.50 м к западу от землянки, а две других примыкают к ее южному концу. Первая яма неправильно-пятиугольной формы имеет размеры 1.75 × 2.20 м и глубину от нижней границы культурного слоя 0.31 м и от современной поверхности 1.0 м. При раскопке ямы найдено 24 обломка от разных глиняных сосудов.

Вторая яма непосредственно примыкала к юго-западному углу землянки и имела неправильно-овальную форму. Длина ее 2.20 м, ширина 0.95 м; глубина от нижней границы культурного слоя 26 см, а от современной поверхности 1.0 м. В яме ничего не найдено.

Третья яма находилась около юго-во-

сточного угла землянки. Она также имела овальную форму. Длина ее равна 2.30 м, ширина 1.25 м и глубина от нижней границы культурного слоя 0.53 м. В яме ничего не найдено.

Кроме трех землянок и ям на стоянке были открыты два отдельных очага в виде остатков от костров. Об одном из них уже сказано при описании землянки № 1. Второй находился совершенно отдельно, на расстоянии 10 м к западу от землянки № 2. Он представлял собой круглую яму в 1.25 м в диаметре и в 25 см глубиной, которая была заполнена темной землей, перемешанной с мелкими углами.

Обе стоянки — Липчинская и 2-я Андреевская — были не временными сезонными становищами рыболовов, а длительно существовавшими поселениями, о чем говорит довольно мощный культурный слой.

Для точного восстановления плана поселений и реконструкции отдельных жилищ мы имеем пока слишком мало материала: Липчинская и 2-я Андреевская стоянки еще не раскопаны полностью, а наиболее сохранившиеся землянки не исследованы до конца из-за почвенной воды. Мы можем только предполагать, что на небольшой площади обеих стоянок размещалось по 10—15 жилых сооружений, которые располагались, повидимому, вразброс на некотором расстоянии друг от друга. Общей чертой для обеих стоянок является ориентировка землянок по линии С—Ю. Рядом с жилищами или отдельно от них находились небольшие сооружения, повидимому, хозяйственного назначения и отдельные очаги-костры. Жилищами служили землянки или, точнее, полуземлянки прямоугольной формы. Глубина ям показывает, что над ними должно быть еще довольно высокое покрытие, а может быть даже и вертикальные стены. О типе покрытия можно делать только предположения. Столбы по углам с восточной стороны землянки № 3 2-й Андреевской стоянки, вбитые в землю вертикально, вероятно, поддерживали односкатную крышу или закрепляли стены, хотя это кажется менее вероятным, так как в этом случае такие же столбы должны были бы быть и около западной стены землянки, что раскопками не обнаружено.

Характер входа в жилище также не установлен. В землянке № 3 на 2-й Андреевской стоянке мы видели небольшой почти квадратный придаток, который может быть представлял собой ступеньку земляной лестницы. Не совсем ясно и устройство пола землянок. Во всех без исключения землянках пол неровный, в четырех из них посреди пола, вдоль длинных стенок, наблюдалось гребнеобразное возвышение грунта, а в одной (№ 3 на Андреевском озере) такое

же возвышение, но только более широкое, пересекало землянку поперек. Объяснить происхождение этих возвышений трудно. Возможно, что на них лежали жерди, поддерживающие поперечные доски пола и предохранявшие их от прогиба. Существование деревянного настила на дне землянок вполне допустимо, тем более, что на 2-й Андреевской стоянке в южной части землянки № 3 обнаружены следы от деревянных досок или жердей, лежащих параллельно ее длинным стенкам; в шурфе № 1 найден кусок глиняной промазки в виде трехгранной призмы.

В каждом жилище, как показало и исследование 2-й Андреевской стоянки, был очаг, находившийся около одной из коротких стен землянки.

Размеры землянок и их вероятное количества на площади стоянок позволяет предположить, что население каждой стоянки состояло из 40—75 человек. Анализ материала стоянок, о чем мне уже приходилось писать, показывает, что мы здесь имели дело с обществом, находящимся на стадии материнского рода. Повидимому, все обитатели каждого поселения принадлежали к одному роду. Небольшие жилища, открытые на Липчинской и 2-й Андреевской стоянках, дают возможность предположить существование уже парной семьи и, таким образом, более точно определить стадию общественного развития древних обитателей края.

К сожалению, сейчас мы должны ограни-

читься лишь одними предположениями, так как в нашем распоряжении нет достаточного материала, чтобы говорить об определенных этапах развития жилища на восточном Урале и в междуречье Туры и Исети.

Чтобы показать жилище в исторической перспективе и наметить верную линию его развития, необходимо иметь представление как о более ранних, так и более поздних жилищах в обоих указанных районах. Те скучные и крайне неопределенные сведения о ямах и других следах жилищ, обнаруженных на восточноуральских стоянках, о которых я говорил в начале статьи, по существу не могут быть использованы для освещения этого вопроса, во-первых, потому, что они дают лишь самые общие намеки на характер древних жилых сооружений, а во-вторых, эти стоянки так слабо изучены, что их относительная хронология остается еще неясной. В другом районе, в окрестностях Тюмени, известны пока только липчинские и андреевские землянки. Эти последние относятся к более позднему времени, чем жилища на стоянке Калмацкий Брод, и, казалось бы, сопоставляя их, мы вправе были бы сделать вывод об уменьшении размеров жилищ, но поскольку мы имеем здесь дело с поселениями разных племенных обществ, такое заключение могло бы оказаться ошибочным.

До тех пор, пока более углубленные и широкие исследования зауральских стоянок не дадут нового материала по жилищам, этот вопрос не может получить окончательного разрешения.

Е. Кричевский

О ПРОЦЕССЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ ТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

За три-две тысячи лет до нашей эры на территории правобережной Украины жили племена, своеобразная и сравнительно развитая культура которых получила название трипольской. Памятники этой культуры привлекали и продолжают привлекать внимание русской и мировой археологической науки. А, между тем, многие важнейшие исторические проблемы, связанные с трипольской культурой, еще остаются совершенно неразработанными. Неясно, например, как возникла трипольская культура; вопрос об ее происхождении в науке, собственно, еще даже не поставлен. Также неизвестно, отчего и как исчезает трипольская культура. Но вопрос о причине и характере исчезновения этой культуры в настоящее время, как нам кажется, уже может быть подвергнут рассмотрению. На ряду с некоторыми прежними и, к сожалению, далеко не всегда высококачественными полевыми исследованиями для освещения этого вопроса мы привлечем и результаты новейших раскопочных и разведочных работ, произведенных в 1936 и 1937 гг. на городище Червоная Гора у с. Городск Коростышевского района Житомирской области. В 1936 г. там производил раскопки В. И. Петров, в 1937 г. кратковременную разведку провел автор настоящей статьи. Городище Червоная Гора представляет собой небольшой, окруженный оврагами мыс высокого правого берега р. Тетерев. С городища открывается прекрасный вид на широкую пойменную низину реки. В качестве городища мыс был использован в так наз. великолкняжескую эпоху, и его верхние слои содержат культурные остатки XIII в. Ниже, однако, располагаются слои, насыщенные культурными остатками значительно более древнего времени. Они-то и являются предметом нашего особого внимания. Раскопки древнего поселения на Червоной Горе дают довольно своеобразное сочетание вещей. Но это сочетание, вместе с тем, не является чем-то совершенно исключительным. Мы можем отметить целую серию ранее уже известных на территории Украины древних поселений, для которых оказывается характерным примерно тот же

комплекс культурных остатков. Речь идет о таких поселениях, которые по целому ряду признаков могут быть названы трипольскими, но вместе с тем заметно уже отличаются от типичных местонахождений трипольской культуры. Начало исследования поселений такого рода положил Хвойко, открыв и раскопав известные «землянки» на б. Кирилловской улице, в б. усадьбе Святославского, в б. усадьбе Петровского и в ряде других мест Киева и его окрестностей. Уже Хвойко стали ясны важнейшие отличия, существующие между «поселениями с землянками», с одной стороны, и «местонахождениями с площадками» — с другой; с одной стороны — наземные залегания обломков обожженной глины (так наз. «площадки»), с другой — жилища в типе полуземлянок; с одной стороны — явная редкость костей и орудий труда; с другой — чрезвычайная насыщенность культурного слоя разного рода остатками; с одной стороны — керамика с росписным или желобчатолинейным орнаментом, с другой — керамика иных технических качеств и иной орнаментации (веревочка, различные штампы и т. д.). Вместе с тем, во многих «землянках», по данным Хвойко, встречаются и типично-трипольские керамические изделия и, в частности, сосуды с росписным орнаментом. Хвойко догадался и о том, что «землянки» и площадки, по крайней мере частично, различаются и хронологически, отвечая различным этапам в развитии украинского неолита и энеолита. Правда, как выяснится дальше, он ошибался, рассматривая «землянки» как памятники более раннего времени, чем время площадок.

В настоящее время достаточноочноочно установлено обратное хронологическое соотношение, и «землянки» теперь выступают в качестве памятников не происхождения, как думал Хвойко, а исчезновения трипольской культуры. Хвойко раскалывал «землянки» и в самом Киеве, и в его ближайших окрестностях (б. Кирилловская улица, б. усадьба Святославского, б. усадьба Петровского, Бортничи), и в окрестностях Ржищева и Канева,

Одновременно Беляшевский открыл близкие залегания на Верхних Юрковицах, близ Киева.

За последние годы стала известна целая серия новых поселений, характеризующихся аналогичным сочетанием культурных остатков. В связи с многими из этих местонахождений велись длительные споры о том, можно ли их вообще относить к трипольской культуре. В этих спорах каждая из сторон располагала достаточными аргументами. Трипольские черты здесь действительно сохранились только частично, более или менее полно вытесняясь новыми элементами материальной культуры. Эта серия местонахождений выражала самый процесс исчезновения трипольской культуры. С этой точки зрения, помимо вышеупомянутых «землянок» Хвойко, в среднем Приднепровье заслуживает внимания поселение у Баликов под Ржищевым, а на Левобережье — поселение у Лукашей в Переяславском районе.

Сюда же относятся поселения, расположенные в наиболее северных районах распространения трипольской культуры — на Остерщине (Евминка) и в Житомирской области (Городск, Райки под Бердичевым).

И, наконец, в этой же связи необходимо упомянуть и о группе наиболее южных позднетрипольских местонахождений, представленных не только поселениями (Усатово под Одессой), но и курганами (Усатово, Шабалат, Тирасполь). К ним примыкает и целый ряд поселений по южному Бугу (Гард у Первомайска, Черный Ташлык и др.), да и вообще близкие связи всех этих комплексов с людьми псевдонеолитическими стоянками на Правобережной Украине не подлежат сомнению.

Какими же важнейшими чертами характеризуются все только что перечисленные местонахождения — от Евминки до Усатова? Чем отличаются они от типичных трипольских поселений культуры А и культуры В.

Прежде всего, обращает на себя внимание более или менее полное отсутствие «залеганий» типа так наз. площадок, остатков малых или больших домов с обожженным глиняным полом. Этот глиняный пол, часто состоящий из нескольких слоев, входил в состав печных подов или использовался в качестве основания «камбарной» части жилого сооружения. Он образовывал мощную по толщине и часто весьма значительную по размерам глиняную площадку; совокупность этих площадок и представляет в настоящее время типичное поселение трипольской культуры.

Иными, однако, оказываются «залегания», выступающие в только что отмеченных наиболее поздних трипольских поселениях.

Насколько можно судить по кратким отчетам Куринского, поселение у Райков (со-

стояло почти исключительно из отдельных небольших «черинцов» из обожженной глины. Эти «черинцы», чаще всего овальной, а в одном случае и ромбической формы, имели не более 1—1.50 м в длину и ширину и от 1 до 8 см толщины. На этих площадочках и вокруг них, прямо на земле, были найдены различные венцы. Эти «черинцы» и окружающее их пространство были покрыты обломками глиняной обмазки, причем в одном случае были обнаружены и куски перегорелого дерева.

Нет сомнения в том, что они соответствовали далеко не всему жилищу, а только одной какой-то его части. Скорее всего, речь идет об остатках печных сооружений, расположенных посреди жилищ с простым земляным полом. Недаром, на одном «черинце» была найдена кучка иепла до 17 см длины. Из этого явствуют отличия этих «редуцированных площадочек» от типично-трипольских многослойных и крупных площадок из поселений культуры А и культуры В. Только в одном случае в Райках было встречено сооружение из обожженной глины до 30 кв. м величины.

Подобно этому, поселение у Лукашей также отличается сравнительно небольшой величиной составляющих его «залеганий» — площадок из обожженной глины. Эти площадки, образованные несколькими слоями обожженной глины, насколько можно судить по отчету, имели от 42 до 8 кв. м величины. В ряде случаев они, видимо, отвечали не всему жилищу, а только печным или очажным сооружениям, причем в качестве пола жилища использовалась непосредственно земля. Большинство «залеганий» у Райков и некоторые площадки у Лукашей принадлежат к одному типу памятников трипольской культуры. Исчезновение полов из обожженной глины в конце существования трипольской культуры обусловливает распространение таких сооружений, в которых из обожженной глины оказываются сделанными только очаги и печи. Остатки их и составляют наши «редуцированные площадки».

В Евминке все найденные фрагменты обожженной глины, видимо, происходят только от печных сооружений, являющихся там единственными уловимыми остатками жилищ. В этой же связи можно упомянуть и о целой серии позднетрипольских местонахождений в Западной Украине — у Невицек, Шипениц, Кошиловцев, где многие залегания представлены только обломками печных и очажных сооружений.

Другой путь исчезновения трипольского домостроительства, представленного глино-битными площадками, выражают некоторые южные местонахождения типа Усатова или Гарда. Все те части, которые в обычных трипольских сооружениях выполнены при

помощи обожженной глины (однослойные или многослойные полы, основания очагов и другие возвышения), здесь образованы каменными кладками.

Изменение форм домостроительства в процессе исчезновения трипольской культуры, следовательно, устанавливается неоднократно и, очевидно, само по себе, уже не может вызывать сомнений. Неизвестно только, все ли варианты этого процесса нами теперь уже могут быть отмечены. Дальнейшие исследования выяснят, например, имеют ли самостоятельное значение «залегания» типа тех, которые были встречены у Баликов под Ржищевым. Там был обнаружен ряд небольших ямок, наполненных мусором, кучами, располагающимися и над краями ям. Высота этих куч 40—80 см, глубина ям 50—88 см и диаметр их 1—1.50 м. Мусор состоял прежде всего из раковин *Unio*, далее из костей рыб и млекопитающих. Керамический материал, с которым мы частично ознакомились в Киевском музее, позволяет относить местонахождение к позднему Триполью. И при этом, как отмечается в отчете, «остатки жилищ не были констатированы». Можно допустить, что мы имеем здесь временные поселения трипольского населения, «которые могли иметь характер легких надземных строений, например типа куреней, следы которых совсем уничтожены вспашкой и смыты водой».¹ Ясно, во всяком случае, что площадок здесь уже нет и что отсутствие их на данном этапе развития трипольской культуры не является случайным. Аналогичные вышеописанным мусорные кучи и углубленные очаги, наполненные речными раковинами, множеством костей млекопитающих и рыб, углами, фрагментами глиняных сосудов, каменных и костяных орудий, были открыты Беляшевским на Верхней Юрковице под Киевом. Беляшевский упоминает об этом местонахождении только в нескольких коротких сообщениях в «Киевской Старине», но изучение собранного им материала² — и отдельных вещей и, в особенности, их характерного сочетания (кремневые топоры, многочисленные и разнообразные орудия из кости и рога, орнаментированные глиняные прядильщицы, разнообразие керамики) — позволяет отнести весь комплекс к так наз. «культуре землянок».

Ведь и раскопанные Хвойко «землянки» в ряде случаев представляют собой только углубленные очаги до 1.5 м в диаметре. Анализ отчетов Хвойко о раскопках на б. Кирилловской улице и в б. усадьбе Святославского показывает, прежде всего, что «залегания» там состояли по большей части из

¹ Коротке звідомлення за археологічні досліди, 1926, стр. 43.

² Хранится в Киевском музее.

округло-продолговатых ям, различных размеров и глубин. Они имели в среднем от 2 до 4 м в длину или в диаметре, 2 м в ширину и до 1—2 м в глубину. Чаще всего эти ямы использовались в качестве очажных. В одних случаях на дне подобного углубления встречались остатки костища в виде слоя золы, черепков и костей, в других случаях основанием очага была обожженная округлая глиняная площадка, в третьих — в качестве печей использовались дугообразные выемки в лесе, в четвертых — обнаруживались остатки небольших сводчатых печных сооружений, состоящих из обмазанного со всех сторон глиной деревянного каркаса и глиняного же пода. Эти сооружения в плане были прямоугольны и имели до 65 см ширины. В одном случае среди остатков такой печи в слое золы было найдено пять сосудов. На фрагментах глиняной обмазки были установлены отпечатки кольев и прутьев.

Хвойко далее обнаружил следы каких-то уступов вокруг ям, может быть следов так наз. «предъямника».

Наконец, он отмечал существование канавок, соединяющих целые группы отдельных ям. Эти канавки имели до 70 см глубины, в одних случаях содержали культурные остатки, а в других были лишены их. Ямы №№ 11 и 12 в б. усадьбе Святославского были соединены глубоким проходом, 70 см ширины и длины; в одной яме были открыты на глубине 1 м остатки глиняной печи, а в другой, на той же глубине — зернотерка. Ямы эти входили в состав одного, состоящего из двух отделений, жилища.

Впрочем, и в этом и во всех других подобных случаях ямы могли соответствовать не всему жилищу, а только одной углубленной его части.¹

Большая часть раскопанных Хвойко в Киеве ям имела круглую форму, и только в виде исключения им отмечаются ямы или полуземлянки прямоугольной в плане формы (№№ 1 и 2). Эти последние ямы одновременно являются и наиболее глубокими (свыше 2 м глубины). Располагаясь по краю плато в поселении по б. Кирилловской улице, они представляют группу наиболее поздних залеганий. Помимо этого, прямоугольные в плане ямы или полуземлянки были раскопаны Хвойко близ Ржищева и Конончи. Каждая из ржищевских землянок состоит из одной менее глубокой (35—65 см глубины), но более обширной ямы (от 6 до 3 м длины и от 4 до 3 м ширины), и другой — более глубокой (от 1.50 до 2 и даже

¹ Настоящая статья была написана до того, как автору стали известны результаты раскопок П. П. Курилова на территории б. «усадьбы Святославского». Раскопки эти подтвердили высказываемое здесь мнение. Древнее поселение состояло из наземных жилищ с углубленными очагами.

3 м глубины), но менее обширной (в среднем 2 м длины и 1.50 м ширины). В этом последнем углублении, всегда вместе с наибольшим скоплением кухонных отбросов, устанавливаются остатки одного, двух или даже трех открытых очагов или прямоугольно-продолговатой глиняной печи (ширина 1.40 м, толщина стенок 0.8—0.12 м, толщина глиняного пода 0.12 м). В ряде случаев прослеживаются ступенчатые или покатые входы в полуземлянки. На ряду с прямоугольными, в поселении у Ржищева встречаются и ямы овальной формы с входным уступом и очагом. Полуземлянки прямоугольной формы, составленные из двух углублений, отмечены Хвойко в б. усадьбе Петровского (Киев) и их же передают его схематические рисунки трех небольших ям у Бортничей.¹

Наконец, по словам Козловского, прямоугольные землянки составляют и позднетрипольское поселение у Бучача. Изменение форм домостроительства, совершающееся в процессе исчезновения трипольской культуры, выражается в распространении, с одной стороны, надземных жилищ с простым земляным полом, очажными и печными сооружениями из обожженной глины или углубленными очагами и, с другой стороны, овальных или прямоугольных землянок и полуземлянок.

Древнее поселение у Городска интересно прежде всего тем, что оно образовано двумя этими типами «залеганий». Это пока единственный известный нам случай такого сочетания. Он вместе с тем подтверждает нашу хронологически-стадиальную интерпретацию этих групп монументальных памятников трипольской культуры.

На Червоной Горе у Городска нами в 1937 г. было заложено два основных раскопа. Один из них располагался почти на самом западном краю городища в непосредственном соседстве с раскопом 1936 г., другой на расстоянии 100 м к востоку от первого.

В первом раскопе на глубине от 25 до 85 см установлено было скопление обломков обожженной глины. Эти фрагменты залегали, примерно, на одном и том же уровне, в полном несоответствии с заметно понижавшейся на юг и восток современной поверхностью земли. Очевидно, древняя поверхность земли на этом месте была ровной и, скорее всего, искусственно выравненной. Можно поэтому думать, что она являлась земляным полом какого-либо жилища. Но от этого жилища не осталось ничего, кроме сравнительно незначительного скопления

обломков обожженной глины. Скопление это не имеет сколько-нибудь определенных границ, сколько-нибудь правильных очертаний.¹ Создается впечатление, что это «залегание» является результатом разрушения небольшого глиняного сооружения. Это подтверждается и изучением отпечатков дерева, сохранившихся на многих фрагментах. Фрагменты эти обычно небольшие — не более 4—5 см длины, ширины и толщины. Большой частью они довольно равномерно обожжены с обеих сторон и несколько хуже в самой середине. На одной из сторон прослеживаются, прежде всего, отпечатки прутьев от 1 до 3 см в диаметре. Этих отпечатков на одном фрагменте бывает несколько и при этом они располагаются не только параллельно, но и перпендикулярно друг к другу, соответствуя какому-то плетению из лозы. В составе этого плетения встречаются также расколотые деревянные щепки не более 1 см толщины. Затем устанавливаются оттиски деревянных колес, 4—5 см в диаметре, и расколотых плах свыше 2.5 см толщины и ширины. Выступает, наконец, серия фрагментов, наружная поверхность которых имеет дуговидно-выпуклые очертания. В целом, мы имеем дело с обломками глиняной обмазки небольшого сводчатого сооружения. Обмазка эта с обеих сторон покрывала деревянный каркас, образованный плетением из лозы, кольями, расколотыми плахами и щепами. В основании этого сооружения также лежало расколотое дерево, сверху покрытое слоем глины. Сооружение это являлось глиняной печью, располагавшейся внутри жилища; наибольшее скопление обломков обожженной глины установлено было примерно в центре залегания, и вероятнее всего именно там и стояла эта печь. В этом же месте были открыты незначительные выкладки из камней и среди них несколько терок.

В описываемом раскопе у Городска был обнаружен, следовательно, тот самый тип монументальных памятников, который и прежде устанавливался в поселениях позднего Триполья. Как в Райках или в Евминке, здесь все обломки обожженной глины происходят от печных сооружений, а в качестве пола жилища используется непосредственно сама земля. Мы знаем уже, что залегания подобного типа выражают один из путей исчезновения трипольского домостроительства, представленного так наз. площадками. Но самым значительным является тот факт, что в том же Городском поселении, на ряду с этим, установлены были и «залегания» типа ям — полуземлянок. Ямы эти были обнаружены в другом раскопе, который от-

¹ Сб. Чернигів і північне Лівобережжя, стр. 60. Разведки у Ржищева, проведенные в 1939 году автором совместно с В. С. Козловской и другими участниками Трипольской экспедиции подтвердили данные В. В. Хвойко о ржищевских полуземлянках.

¹ Весь иллюстративный материал по раскопкам 1936 и 1937 гг. см. в Отчетах В. П. Петрова и автора в «Трипольском Сборнике», Труды Института археологии АН УССР.

стоял от только что описанного на 100 м к востоку. Мы не знаем еще, каково соотношение двух различных типов жилых сооружений, представленных в этом поселении. Во всяком случае их сосуществование в пределах одного позднетрипольского поселения в высшей степени показательно. Ямы были выкопаны в желтом суглинке, выступающем уже на глубине 18—22 см от современной поверхности земли, под верхним культурным слоем. В пределах нашего небольшого (8×4 м) раскопа была вскрыта только часть какого-то комплекса различных по своим размерам и глубине овальных ям. В нашем раскопе были установлены продольные границы этого комплекса, но чоперечные остались еще совершенно неизвестными. Три ямы соединялись друг с другом боковыми своими сторонами, в совокупности образуя довольно узкое и, очевидно, относительно длинное углубленное пространство. Ширина этого ряда ям достигала 2—2.5 м, длина осталась неизвестной. В этом ряду можно было проследить более глубокие ямы и менее глубокие переходы между ними. В нашем раскопе, в частности, была вскрыта одна такая яма 4 м 70 см длины. С запада и с востока, неширокие (55—85 см) перемычки (40—50 см глубины) выражают переход этой ямы в соседние. Сама же эта яма в свою очередь состоит из трех углублений. С обеих сторон выступают чашевидные ямы (1—1.62 см в длину и 0.87—1.2 см в глубину), сплошь заполненные обломками обожженной глины, костями, фрагментами сосудов и орудий. Между этими двумя чашевидными углублениями имеется одна яма котловидной формы, диаметром от 1.15 до 1.34 м и глубиной до 2 м от поверхности земли. Обломки обожженной глины, найденные в этих чашевидных углублениях, по своему характеру и по характеру сохранившихся на них отпечатков вполне аналогичны фрагментам из вышеописанного раскопа. Можно думать, что в этих углублениях располагались небольшие глиняные печи. Напротив, котловидная яма, заполненная гумусированным песком, почти лишенная культурных остатков, предназначалась, очевидно, для хранения запасов.

Северная сторона нашего углубления оказывается более или менее пологой; напротив, южная образует два уступа, высотой от 15 до 34 см, а шириной от 30 до 46 см.

В какой мере вскрытый нами только частично комплекс очажных и амбарных ям отвечал внутренней поверхности жилища, каковы были размеры этих комплексов и самих жилищ — все это осталось еще совершенно неизвестным. Можно думать, что подобные комплексы состояли из ряда отдельных ячеек, включающих очажные и складочные ямы, и что в этом проявлялись еще традиции трипольского домостроительства.

Ямы Городска представляют довольно близкие аналоги некоторым ямам Хвойко, в частности тем, которые в плане имели овальные очертания. По своим размерам и глубине наши ямы вполне им соответствуют. Хвойко также неоднократно отмечал соединение ряда ям более или менее углубленными проходами. В составленном Хвойко плане поселения на б. Кирилловской улице выделены два параллельных ряда соединенных друг с другом углублений. При раскопках в б. усадьбе Святославского Хвойко встретил одно живое углубление, состоящее из двух ям, причем в одной были им обнаружены остатки очага, в другой — зернотерка. Это объединение в один углубленный комплекс нескольких овальных — очажных и иных — ям оказалось еще более характерным для Городска.

Хвойко, наконец, отмечает и уступчатость сторон ям, наличие ступенчатых или пологих входов. Уступчатой оказалась и одна из сторон углубления у Городска.

Все эти сопоставления очень поучительны. Они подтверждают закономерность появления новых форм домостроительства на поздних этапах развития трипольской культуры. Как в Райках и Евминке, в одной части Городского поселения устанавливаются остатки наземных жилищ с простым земляным полом и глиняными печами и, как под Киевом, в другой части того же поселения, комплексы овальных — очажных и иных — ям. Культурный слой поселения у Городска — в одинаковой степени в обоих основных раскопах — резко отличается от культурного слоя обычных трипольских поселений. В поселениях с так наз. площадками слой, как правило, характеризуется очень слабой насыщенностью и при этом сравнительно редки и немногочисленны находки не только орудий из кремня и кости, но и простых обломков костей. Такой вывод можно, например, сделать на основании многолетних раскопок поселения этой культуры близ с. Халепья, в урочище Коломийщина.

Так, при раскопках 1934—1935 гг., когда было вскрыто около 1500 кв. м площади (до глубины в среднем 50—75 см), найдено было всего около 500 костных фрагментов, т. е. в среднем одна кость на 3 кв. м раскопанной до указанной глубины площади. Единично встречаются костяные и роговые (проколки, мотыги), а также кремневые орудия, и, например, до 1937 г. не было найдено ни одного кремневого наконечника стрел. Мотыгообразные орудия из сланца и гнейса являются единственными известными из этого поселения шлифованными каменными орудиями; топоры полностью отсутствуют.

Анализ всех доступных сведений об инвентаре трипольских поселений позволяет нам утверждать, что эта относительная не-

многочисленность костных остатков и это сочетание также немногочисленных орудий труда является правилом для местонахождений культуры А и культуры В. Мы склонны это объяснить, прежде всего, системой хозяйства трипольской культуры с ее полным преобладанием земледелия (огородничества) и со сравнительно подчиненным значением скотоводства, а также и охоты.

И в отношении насыщенности культурного слоя и состава некерамического инвентаря Городск отличается от местонахождений с площадками точно так же, как от последних отличаются «киевские поселения». Культурный слой в этих поселениях в такой степени насыщен костными остатками — как кухонными отбросами, так и фрагментами орудий из кости и рога, — которая не может итти ни в какое сравнение со степенью насыщенности этими же остатками всех других более ранних трипольских поселений. По данным Хвойко, это относится к поселениям на б. Кирилловской улице и в б. усадьбах Святославского и Петровского и на Верхней Юрковице и у Ржищева и Канева (Кононча). По некоторым замечаниям Хвойко можно предположить, что этот рост количества костей шел прежде всего за счет увеличения количества костей домашних животных. Но и костей диких зверей здесь также гораздо больше. Недаром орудия из органических материалов, составляющие свыше 90% всех орудий труда, здесь часто делаются из рогов оленя и лося. Кость стала постоянно поступающим материалом, и это является результатом роста не только скотоводства, но и охоты. Ведь в какой-то мере охота и тогда еще была источником скотоводства. Культурный слой древнего поселения у Городска насыщен прежде всего множеством костных кухонных остатков — расколотых обломков костей, но в противоположность киевским поселениям при полном почти отсутствии костяных и роговых орудий. По нашим подсчетам относительная насыщенность древнего культурного слоя на Червонной Горе костными остатками превышает соответствующую насыщенность культурного слоя Коломийщинского поселения в 15—20 раз. И поскольку основанное на многолетних раскопках сопоставление площадок и «землянок» привело Хвойко к тому же результату, мы можем считать это закономерным. Но отличия в костном материале Городска, с одной стороны, и поселений культуры В, с другой — отнюдь не только количественные. Качественное увеличение сопровождается и качественными переменами, отражающими определенные изменения в составе стада. Среди 428 костей, собранных нами при разведочных раскопках в Городске в 1937 г., только 194 могли быть определены.

Определение это дало следующие результаты:

	Число костей	Число особей
Лошадь	126	3
Домашний бык	51	5
Домашняя свинья	4	1
Лось	3	1
Медведь бурый	1	1
Олень благородный	4	1
Кабан дикий	1	1
Бобр	3	1
Верблюд (?)	1	1

Количественному преобладанию костей лошади в нашей коллекции не вполне соответствует минимальное число отдельных особей лошади. Но поскольку анализ костей из раскопок 1936 г. дал совершенно те же результаты и так же показал полное преобладание костей лошади, постольку мы имеем основание считать лошадь важнейшим домашним животным у древних обитателей Городска. Домашний бык занимал, очевидно, второе место. Остальные животные и в составе стада и в составе охотничьей добычи играли совсем подчиненную роль. Анализ костей из более ранних трипольских поселений дает совсем другую картину. Возьмем ли мы Криничку и Любушку-Посад (Подолье), Сушковку (Уманщина) или Коломийщину (под Халельем), — всюду мы встречаем абсолютное преобладание домашнего быка и крайнюю редкость и даже почти полное отсутствие костей лошади. И только в наиболее поздних трипольских поселениях положение дел значительно меняется. На ряду с Городском об этом свидетельствует и Усатово. Анализ костей из Усатова дал следующие результаты:

	Число фрагментов	Число особей
Овца	2424	322
Бык	1551	186
Лошадь	790	91
Коза	1	1
Свинья	24	13
Собака	11	7
Дикие животные (кулан, сайга, кабан, олень, косуля, лисица и др.)	111	56

В сопоставление с более ранними трипольскими поселениями здесь, прежде всего, устанавливается резкое увеличение костей лошади. Нахodka костяной псалии показывает, что лошадь тогда была уже домашним животным. Но в противоположность Городску в Усатово, наряду с быком и лошадью, большое, даже выдающееся значение имеет овца. Древние обитатели Усатова выступают перед нами как конные овцеводы. Коневодами по преимуществу оказываются жители городского поселения. И все это является результатом роста и специализации скотоводства на поздних ступенях развития трипольской культуры.

Изменение системы хозяйства отразилось и в характере культурного слоя и в инвентаре орудий труда. О костных остатках мы уже говорили выше. Но значительно увеличивается также в наиболее поздних трипольских поселениях количество и разнообразие кремневых орудий. Можно думать, что вызывалось это, прежде всего, возросшими потребностями людей, связанными с обработкой звериных туш.

В Городске обращает на себя внимание целая серия нуклеусов — явление, совсем необычное для более ранних трипольских поселений, — и вместе с ними множество пластин и отщепов, являющихся заготовками и отбросами производства.

Из орудий выступают скребки концевые и овальные, массивные скребковидные орудия высокой ладьевидной формы, вогнутые скребки в форме полумесяца, различные острия — от проколок до наконечников копий — и многообразные ножевидные пластины и отщепы, употреблявшиеся в качестве режущих инструментов.

В 1936 г. близ Червоної Горы был найден и кремневый кривой нож. Это орудие, функционально, видимо, связанное с обработкой звериных шкур и кожи, очень характерно для поздне- и послетрипольских поселений в Днепро-Дунайском бассейне. Единично встречаясь в поселениях культуры В, оно выступает в Райках и во многих дюнных поселениях и курганах эпохи бронзы. В Кукутенах оно встречается только в самых верхних слоях. В 1936 г. в Городске была встречена и серия треугольных, часто с вогнутым основанием, кремневых наконечников стрел. Это орудие очень редко встречается в местонахождениях культуры А и культуры В, чаще в позднейших трипольских поселениях (Райки, киевские поселения, Евминка, Усатово, верхние слои Кукутен), но особенно оно характерно для дюнных поселений эпохи бронзы на Правобережной Украине.

С нашей точки зрения все это является результатом также и известного усиления охоты, частично сопровождающего рост скотоводства.

Одним из основных отличий инвентаря позднейших трипольских поселений от инвентаря более ранних является появление или значительное возрастание количества каменных и, в особенности, кремневых, топоров — специализированных орудий для обработки дерева. В отдельных случаях подобные топоры устанавливаются и в поселениях культуры В (Халепье, Стена, Круто-бородинцы, ряд западноукраинских местонахождений), но значительно чаще они выступают в инвентаре позднейших трипольских поселений, в киевских поселениях, Евминке, Райках и в самых верхних слоях

Кукутен. Трудно считать случайным, что и при наших небольших раскопках у Городска было найдено три топора. Встречены были кремневые топоры и в раскопках 1936 г.

В нашей коллекции имеется обушная часть одного кремневого прямоугольного в разрезе толстообушного топора (3 см толщины), отполированного по широким сторонам и оббитого по узким, один целый кремневый, отполированный у лезвия, удлиненно-трапециевидный в плане топор (9—2 см длины, 2.6—3.9 см ширины, 0.9—1.3 см толщины) и один овальный в разрезе острообушеный небольшой фрагментированный топорик (наиб. ширина 2.6 см, наиб. толщина 1.5 см) из зеленоватого сланца.

При раскопках в Городске был, далее, найден обломок просверленного топоромолота из светло-желтого мягкого сланца,¹ а на поверхности — целый топор-молот из зеленоватого камня. Среди нескольких каменных терок, найденных в раскопе на краю городища, представлена была одна терка для растирания зерна. Она является почти единственным свидетельством земледелия древних обитателей Городска.

Характер культурного слоя и сочетание орудий труда во всех позднейших трипольских поселениях — от Евминки и Городска до Усатова — говорит о том, что земледелие в это время уже теряет свое прежнее преобладание. Это находит свое отражение и в изменении характера мест поселений людей эпохи бронзы на Украине. Трипольские земледельцы постоянно селились на лёссово-черноземных почвах плато верхних надлужевых террас Украинского Правобережья и часто довольно далеко от больших рек с их широкими поймами.

Городское поселение расположено на мысе, граничащем с пойменной низиной р. Тетерев. Поселение у Баликов обнаружено на плато, непосредственно над широкой низиной Днепра. Поселение у Лукашей расположено на левом берегу Днепра, в низине, на краю болота. Полуземлянки у Бортничей открыты также на левом берегу Днепра, на нижней надлужной террасе.

В противоположность местонахождениям культуры А и культуры В, позднетрипольские поселения на южном Буге (типа Гарда) и поселения эпохи бронзы на Буге и Днепре всегда располагаются по соседству с большими реками, с их широкими заливными лугами. Они особенно часто встречаются на дюнных песчаных всхолмлениях нижних надлужных террас. Лёссово-черноземные почвы заменяются песчаными грунтами. Поселение в Евминке расположено на песке. На дюне

¹ Аналогичное по форме и по материалу орудие было найдено в Мали-Вермени (Подолье) в позднетрипольском поселении,

были найдены и остатки другого столь же позднего трипольского местонахождения — у Сирца в Киеве. Поселения во всех отношениях лишаются своего специфически земледельческого характера. Они начинают все больше располагаться в низинах, на нижних надлуговых террасах, на дюнах и не только правого, но и левого берега Днепра. Основной причиной этого изменения мест обитания была все возрастающая потребность в пастбищах, в условиях все расширяющегося пастушеского скотоводства. Еще Энгельс указывал на «заливные луга речных долин» как на излюбленные пастбища в условиях первобытного скотоводства. Их осваивают позднетрипольские племена, по ним происходит постепенное расселение трипольского населения и на юг и на север. Недаром наиболее периферийные пункты распространения трипольской культуры (Усатово — на юге, Райки, Городск, Евминка и Лукаши — на севере) вместе с тем представляют наиболее поздние по времени и по характеру поселения.

Разбираемые нами местонахождения выражают более или менее полное исчезновение всех основных признаков трипольской культуры: исчезают площадки, меняется весь характер культурного слоя, сочетание орудий труда и сама система хозяйства, устанавливаются новые ландшафтно-топографические условия поселений, осваиваются новые территории.

И вместе со всем этим любопытные изменения претерпевает и керамическое производство. Основной особенностью позднейших трипольских поселений с этой точки зрения является разносортность керамического материала.

Показательна в этом отношении керамика из Городска. В нашей коллекции можно выделить три основные группы сосудов. В первую группу входят фрагменты светлосерого, темносерого или коричневого цвета, пористые по своей консистенции и плохо сглаженные.

Хрупкость черепка объясняется неоднородностью состава глины (присутствие выгоревших органических частиц) и недостаточностью обжига. Среди фрагментов этой группы многие (но далеко не все) имеют искусственную примесь толченых раковин. Во вторую группу объединяются фрагменты значительно более плотные по своей консистенции, лучше обожженные и тщательнее сглаженные, иногда даже лощеные. Фрагменты этой группы почти всегда имеют примесь песка и слюды, и среди них выделяется серия черепков, содержащих блестки слюды в громадном количестве. Образцы всех этих серий иногда, кроме того, показывают искусственную примесь толченых раковин. Фрагменты обеих групп дают возможность

установить наличие сосудов в форме чашек и мисок, горшков и кувшинов. Обращают на себя внимание ручки с роговидными отростками или с парой сосочеков у основания, на наружной поверхности орнаментированные перекрещивающимися веревочными линиями или разделенные пологим неглубоким желобком. Близкие по форме или по орнаментации ручки известны из киевских поселений.¹ Встречаются вместе с тем и ушки, характерные для сосудов трипольской керамики.

Свообразной является ножка сосуда 2.8 см высоты, 5 см длины и 4.5 см шириной. Край ножки неровен, он имеет волнистые очертания. Стеники сосуда, к сожалению, совсем не сохранились.

В орнаментации фрагментов обеих групп, прежде всего, обращают на себя внимание веревочные оттиски. Веревочные оттиски составляют орнаментальные построения из вертикальных и горизонтальных, косых и даже кривых линий. На одном фрагменте косые веревочные линии образуют узор в виде сетки. Веревочная орнаментация из Городска очень близка к орнаментации многих фрагментов из киевских поселений² Евминки,³ Мали-Веремени,⁴ Усатова.⁵ С Усатовым можно особенно сопоставить оттиски согнутой веревочки в форме овала или серпа, также представленные в орнаментальных построениях Городска. В некоторых случаях веревочные узоры прослеживаются на поверхности косо срезанного края сосуда — как в Городске, так и в киевских поселениях.⁶ Далее, в городской керамике прослеживаются орнаменты, состоящие из рядов коротких линий и штрихов, выдавленных штампом или прочерченных каким-либо острым инструментом. Эти штрихи складываются в горизонтальные ряды, они располагаются или вертикально или наклонно и особенно часто составляют узор в виде елочки. Этот орнамент тоже очень распространен в киевских поселениях.⁷ Штрихи порой вытесняются дуговидным краем раковины или каким-либо зазубренным штампом.⁸ Иногда из широких, коротких черт

¹ Хв. Вовк. Передісторичні знахідки на Кирилівській улиці у Київі. Матеріали до Українсько-руської етнольгії, т. I, 1899, рис. 12. — Сб. «Чернігів», т. IV, рис. 11.

² Хвойко. Каменный век Среднего Приднепровья. Тр. XI Архсол. съезда, т. XIX, рис. 15, 22. — Вовк, ук. соч., рис. 13. В Киевском археологическом музее ср. фрагменты за №№ 35093, 35504, 35067, 35076 и др.

³ Сб. «Чернігів», т. IV, рис. 17.

⁴ Материал не опубликован.

⁵ См., напр., в Одесском музее из раскопок 1929 г. из могил №№ 1, 2 и др.

⁶ Ср., напр., у Хвойко (т. XIX, рис. 21).

⁷ Хвойко, ук. соч., т. XIX, рис. 3, 19, 20, 24, 25. — Вовк, ук. соч., рис. 13, Сб. «Чернігів», т. IV, рис. 14.

⁸ Ср. Бортничи (Сб. «Чернігів», т. IV, рис. 13, 4),

составляются зигзагообразные линии.¹ Большое распространение в городской орнаментации имеют также горизонтальные, иногда параллельные, ряды ямочек. Ямочки эти круглой, овальной или подтреугольной формы выдавлены различными инструментами, округлыми или прямоугольными на конце, установленными прямо или под углом к стенке сосуда. Этот орнамент широко известен в киевских поселениях,² в Евминке,³ в Усатове.⁴ Края городских сосудов снабжены оттисками пальцев, палочек или раковин, ямочками, зарубками или защипами.⁵ Имеются черепки с одночными просверлинами.⁶ Обращает на себя внимание рельефный валик, покрытый защипами; киевские поселения также знают подобную орнаментацию. Наконец, различные округлые или уплощенные шишечки и обращенные вверх сосочки также связывают городскую керамику с керамикой киевских поселений,⁷ Евминки⁸ и им подобных местонахождений. Все только что отмеченные керамические изделия по технике и по орнаментации решительно отличаются от известных изделий трипольского горшечничества. Они очень близки и даже тождественны фрагментам из украинских дюнных поселений эпохи бронзы. И они-то и составляют основную массу керамических изделий из киевских поселений, Евминки и Городска. Они представлены в Райках, Сирце, Мали-Вермени, Усатове, а единично и в некоторых трипольских

поселениях культуры В. Они характеризуют самые верхние слои Кукутен, что, между прочим, стратиграфически подтверждает нашу стадиально-хронологическую интерпретацию всей разбираемой серии местонахождений.

Но наряду с этой керамикой в Городске встречаются и фрагменты сосудов чисто трипольского характера. С одной стороны, это черепки, которые покрыты полосчатым склаживанием, использованным как орнамент. С другой стороны, в Городске выступает серия фрагментов, которые технологически должны быть объединены в особую, третью группу. Это — тонкостенные черепки желто-коричневого или желто-красного цвета из хорошо отмученной глины. Это — типичные изделия трипольского горшечничества. Чедаром некоторые из фрагментов имеют явные следы одноцветной росписи коричневой краской по натуральному фону. В 1936 г. был найден почти шаровидный и почти круглодонный сосуд с невысоким прямым горлом и двумя ушками на границе плеч и шей; этот сосуд покрыт росписным сетчатым орнаментом. По орнаментации сосуд этот может быть сопоставлен с целой серией росписных сосудов из курганов Усатовской группы, а по орнаментации и по форме — с одним сосудом из позднетрипольского поселения у Кошиловцев.

В киевских поселениях керамика, украшенная веревочным, ямочным, гребенчатым орнаментом, встречается вместе с фрагментами сосудов, сохраняющими следы росписи.⁹

Подобная разносортность керамики характерна и для Евминки, и для Райков, и для Гарда и для Усатова. Это сочетание выражает самый процесс исчезновения росписной керамики, как один из моментов процесса исчезновения всей трипольской культуры.

¹ T. Passek. La céramique tripolienne, т. XIV, 1—4.

¹ Ср. изображения керамики из киевских поселений Хвойко (т. XIX, рис. 9); ср. также из Усатова.

² Ср. в Киевском археологическом музее, напр. №№ 35097, 35516, 35101 и мн. др.

³ Сб. «Чернігів», т. II, рис. 13.

⁴ Ср. в Одесском музее I, 2578—2603, и из раскопок 1933 г. и др.

⁵ Ср., напр., из Евминки (Сб. «Чернігів», т. II, рис. 16, 23, 43), из Бортничей (там же, т. IV, рис. 7), из Киевских поселений (Вовк, ук. соч., стр. 23).

⁶ Ср. из Евминки (Сб. «Чернігів», т. III, рис. 16).

⁷ Вовк, ук. соч., рис. 14.

⁸ Сб. «Чернігів», т. II, рис. 10, 11.

Н. П. Ефименко и Н. А. Береговая
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ СССР

Указатель имеет целью показать состояние исследования палеолитических местонахождений СССР на текущий момент. Материал его расположен в хронологическом порядке (клэктонские и раннемустьерские местонахождения, стоянки времени мустье, памятники позднего палеолита и эпипалеолита) и сгруппирован по территориям в такой последовательности: европейская часть РСФСР, территории УССР, БССР, Крым и Кавказ (как районы, географически обособленные), азиатская часть СССР. Особо выделены памятники т. н. «арктического палеолита». Из памятников эпипалеолита, в виду слишком большого количества подобных находок, в указателе нашли место только немногие, более известные и лучше исследованные стоянки.

Краткая характеристика памятника сопровождена библиографической справкой. В случае отсутствия каких-либо литературных данных указывается откуда почерпнуты сведения о том или другом местонахождении.

Следует иметь в виду, что настоящий

труд был закончен два года назад и отражает состояние изучения палеолита СССР на 1938 г. Однако имеющиеся пробелы в указателе не велики и не относятся к наиболее важным открытиям. Кроме того, при правке текста составители указателя имели возможность внести некоторые дополнения, главным образом для памятников, опубликованных за последнее время. Что касается библиографических указаний, то они не имеют исчерпывающего характера. Авторы не ставили своей целью исчерпывающей библиографии палеолита СССР при наличии прекрасного библиографического справочника по этому предмету, составленному Н. А. Винберг. Приходится выразить сожаление, что последний до сих пор не опубликован.

Наряду с памятниками достоверными, научно полноценными, авторы сочли целесообразным сохранить в указателе, руководствуясь интересами читателя и некоторые вызывающие сомнения в отношении своего возраста местонахождения, в том случае, если они приобрели достаточную известность.

**ПРИМИТИВНО-МУСТЬЕРСКИЕ И КЛЭКТОНСКИЕ
МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ**

Черноморское побережье

Абхазия (1—14) и Крым (15)

1. Анастасьевка. Место находки обработанных кремней мустьерских типов на правом берегу р. Кодора у сел. Анастасьевка. Кремни, в довольно большом количестве, залегают в обнажениях нижнего почвенного горизонта с железисто-марганцевыми конкрециями. Здесь же, на поверхности четвертой террасы встречаются более древние кремни — яштухского типа, отличающиеся по патине. Сборы экспедиции ИАЭ АН СССР (1932).

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии. Тр. Инст. абхазской культуры им. акад. Н. Я. Марра, вып. X, 1937, стр. 15.

2. Алианча. Единичные находки обра-

ботанных кремней яштухского типа на верхней площадке горы Алианча, в седловине между двумя ее вершинами (600 м над ур. м.). Кремни отличаются сглаженностью граней, сильной патинизацией и блестящей поверхностью. Сборы экспедиции ИАЭ АН СССР (1935).

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 1), стр. 12 и 15.

3. Атап. Местонахождение немногочисленных, но характерных кремневых орудий ашельского или примитивно-мустьерского облика на поверхности 80 м террасы у сел. Атап. В сборах имеется ручное рубило. На нижележащей террасе встречаются кремни верхнепалеолитических типов. Обнаружено экспедицией ИАЭ АН СССР в 1935 г.

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 1), стр. 13.

4. **Бырц.** Нахodka единичных обработанных кремней (отщепы яштухского типа) на площадке горы Бырц, в окрестностях Сухуми, на высоте 450 м над ур. м. Интересна окатанность некоторых кремней. Первые находки сделаны Л. Н. Соловьевым в 1934 г.

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 1), стр. 12 и 15.

5. **Гали.** В мустырском местонахождении близ г. Гали экспедицией ИАЭ АН СССР найдено ашельское рубило, использование в мустырскую эпоху как нуклеус.

6. **Гвард.** На окраине селения, расположенного на площадке горы Гвард (450 м над у. м.), по склону холма у большой карстовой выемки находки обработанных кремней, отвечающих наиболее древней группе яштухских кремней. Любопытны наблюдающиеся на некоторых из них следы окатанности и заполированности поверхности. Первые сборы сделаны Л. Н. Соловьевым в 1934 г.

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 1), стр. 12.

7. **Колхида.** Место находок обработанных кремней ранне-палеолитического (клэктонского и примитивно-мустырского) облика на вершине и склонах холма, представляющего останец древней (180 м) террасы у поселка Колхида, близ Н. Гагр. Кремни собраны на поверхности, но происходят из нижнего почвенного горизонта (с железистомарганцевыми конкрециями). Сборы, сделанные экспедицией ИАЭ АН СССР в 1935 г., невелики, но ценные по однородности материала. Некоторые кремни носят следы заполированности и сглажены по граням.

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 1), стр. 9.

8. **Кюрдере.** Место находок обработанных кремней примитивно-мустырского (ашельского) типа в сел. Кюрдере близ Псырцхи; на левом берегу р. Шицхуары, у выхода ее из ущелья, на поверхности древней террасы. Кремни (ручные рубила и орудия из грубых отщепов) встречаются на поверхности террасы и в древнем аллювии вдоль подошвы склона известнякового хребта. Местонахождение открыто С. Н. Замятним в 1934 г.

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 1), стр. 9.

9. **Окум.** См. № 48.

10. **Сухуми.** Обработанные кремни яштухского (примитивно-мустырского или ашельского) типа встречаются как в самом городе в выносах р. Сухумки, прорезающей четвертую террасу в месте расположения Яштухской стоянки, так и в ближайших

окрестностях города на вершине горы Чернавского и в Остроумовском ущелье. Сборы экспедиции ИАЭ АН СССР (1935).

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 1), стр. 12.

11. **Табачная.** На поверхности 100—110 м террасы возле Сухуми на Табачной зональной станции Л. Н. Соловьевым (1936) собраны отщепы примитивно-мустырского характера и ручное рубило. Здесь же встречаются мустырские отщепы и кремни верхнепалеолитического облика.

Сообщение Л. Н. Соловьева.

12. **Тех.** В долине, по дороге из Цебельды к сел. Тех (на высоте 350—400 м), на поверхности суглинков встречены обработанные кремни примитивно-мустырского типа. Здесь же попадаются орудия и пластинки верхнепалеолитического облика. Найдены Л. Н. Соловьевым в 1936 г.

Сообщение Л. Н. Соловьева.

13. **Чубурисхинджи.** Нахodka немногочисленных грубых отщепов и орудий (имеется одно ручное рубило) из темнорозового и серого туронского кремня вдоль дороги в 12 км к юго-востоку от г. Гали у горы Сатанджио по правому берегу безымянного ручья. Остатки приурочены к сохранившемуся участку древней (пятой) террасы. Поверхность кремня носит следы заполированности и сильно патинизирована; грани сглажены. Сборы экспедиции ИАЭ АН СССР (1935).

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 1), стр. 13.

14. **Яштух.** Нахodka обработанных кремней ашельского или примитивно-мустырского характера на поверхности четвертой (100 м) террасы у сел. Нижний Яштух, в 3 км к северу от Сухуми — в ущелье между горами Бырц и Яштух. Кремни — дисковидные нуклеусы, массивные отщепы и изготовленные из них орудия случайного облика, а также ручные рубила — залегают на большой площади, часто на поверхности, местами же в галечнике под делювиальным суглинком. Остатки более позднего времени (кремни мустырского и верхнепалеолитического облика) встречаются здесь же, но стратиграфически связаны с более высокими слоями суглинка. Первые сборы принадлежат С. Н. Замятину (1934).

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 1), стр. 12.—С. Н. Замятин. Новые данные по палеолиту Закавказья. Сов. этногр., 1935, № 2, стр. 121.—В. И. Громов. Некоторые итоги полевых исследований по палеолиту СССР в 1935 г. Сов. археол., № 2, 1937, стр. 191.

15. Кийк-коба (нижний горизонт). Остатки примитивно-мустырского типа встречены в нижнем слое пещеры (грота), расположенной на правом берегу р. Зун, близ сел. Кипчак (около 25 км к востоку от Симферополя). Нижний культурный горизонт, давший большое количество кремневых изделий и отщепов примитивного облика, а также фауну (остатки гигантского и благородного оленя, лошади, быка, сайги, кабана и пр.), залегал непосредственно на скалистом дне пещеры. Раскопки, производившиеся здесь Г. А. Бонч-Осмоловским, относятся к 1924—1926 гг.

Г. А. Бонч-Осмоловский. Палеолитическая стоянка в Крыму (предвар. сообщ.). Русск. антроп. журн., т. 14, вып. 3—4, 1926, стр. 81.—Он же. Остатки древне-палеолитического человека в Крыму. Природа, 1926, № 5—6, стр. 59.—Он же. К вопросу об эволюции древне-палеолитических индустрий. Человек, 1928, № 2—4, стр. 147.—П. П. Ефименко. Некоторые итоги изучения палеолита в СССР. Человек, 1928, № 1, стр. 49—50.—В. А. Городцов. К определению древности мезолитической стоянки в пещере Кийк-Коба. Изв. Тавр. общ. ист., археол. и этногр., т. II, 1928, стр. 33—38.—G. Bonch-Osmolovskij. Le paléolithique de Crimée. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. периода, вып. 1, 1929, стр. 27—30.—А. А. Бялыницкий-Бируля. Предварительное сообщение о хищниках из четвертичных отложений Крыма. ДАН СССР, № 6, 1930, стр. 139.—Г. А. Бонч-Осмоловский и В. И. Громов. Выставка по четвертичному периоду в АН СССР. Сообщ. ГАИМК, № 11—12, 1932, стр. 41.—Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Тр. II Межд. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 123 и сл.—Г. А. Бонч-Осмоловский. Палеолит Крыма, вып. I. Гrot Кийк-коба. Акад. Наук СССР, Ком. по изуч. четверт. периода. Лгр., 1940.

МУСТЬЕРСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ

Среднее течение Днепра (16), бассейн Десны (17, 18), Сев. Донец (19—21), Крым (22—28), Азовское побережье (29), Кубань (30), Кума (31), северная часть Кавказского побережья (32—36), Абхазия (37—54), Мингрелия (55), Узбекистан (56)

16. Кодак. Стоянка мустырского времени на высоком правом берегу Днепра близ с. Кодак (в 10 км к юго-востоку от Днепропетровска). Открыта (1932) благодаря случайной находке нескольких обработанных кремней совместно с остатками плейстоценовой фауны; исследовалась в 1934 и 1935 гг. Находки приурочены к дну глубокой балки Нижней Сажавки, прорезывающей сложенный из лёссов берег Днепра, и залегают в средней части балки, на расстоянии 1 км от реки. На месте стоянки слои (начиная сверху) состоят из 20 м толщи лёсса с несколькими горизонтами погребенной почвы, древнего овражного делювия, красно-бурых глин, пестрых глин и гранитной скалы.

К устью балки овражному аллювию отвечают слоистые пески с фауной пресноводных моллюсков (стоячих и медленно текущих вод). Мустырские остатки встречены в основании слоистых серо-зеленоватых песков (овражный аллювий), переходящих кверху в лёсс. Книзу пески переслаиваются с галечником. Культурный слой, видимо, размыт. Кремни, вместе с расколотыми костями животных, встречаются в нижней части слоя — среди галечников и гравия. Выше попадаются отдельные кости животных. Фауна представлена *Elephas trogontherii*, *Rhinoceros tichorhinus*, *Bison priscus*, *Equus equus*, *Cervus megaceros*, *Rangifer tarandus*, *Felis spelaea*, *Ursus arctos* и др. Обработанных кремней собрано несколько десятков; материал — темнокоричневый кремень, но также кварц и плотный песчаник. Имеется дисковидный нуклеус, остроконечник двусторонней обработки, скребло, скребковидные орудия, широкие пластинки и пр. На фаланге животного (оленя) наблюдаются насечки, как на обычных «наковаленках» мустырского времени.

Сведения по материалам I пленума Комиссии по изучению ископаемого человека (декабрь 1935, Лгр.) — С. А. Трусова. Пленум Комиссии по изучению ископаемого человека Советской секции INQUA. Сов. археол., № 2, 1937, стр. 219.—В. И. Громов. Некоторые итоги полевых исследований по палеолиту СССР в 1935 г. Там же, стр. 193. Л. А. Леникаш. Замітка про геологічні умови знахідки давнього палеоліту в околицях с. Старий Кодак на Дніпропетровщині. Четвертинний період, вып. 10, 1935, стр. 71—76.

17. Чулатово III. Нахodka обработанных кремней мустырских типов на берегу р. Десны в окрестностях с. Чулатова (недалеко от Новгород-Северска). Кремни происходят из береговой террасы, размываемой Десной. Большинство их носит следы окатывания. Сведения относятся к 1938 г.

Деснинская экспедиция. Краткие сообщения ИИМК. I, 1939 г., стр. 19.—М. В. Воеводский. Работы Деснинской экспедиции в 1939 г. Краткие сообщения, IV, 1940, стр. 34—36.

18. Светиловичи. Случайная находка окатанного и патинизированного кремневого остроконечника мустырского типа на правом берегу р. Беседи (левый приток Сожа) в овраге урочища Каменная Гора (на второй надпойменной террасе) у местечка Светиловичи. Найден учителем-краеведом П. Н. Чайковским в 1929 г. Описан К. М. Поликарповичем.

К. М. Поликарпович. Первая находка мустырской эпохи в БССР. Сов. археол., № 3, 1937, стр. 107—199.

19. Деркул. Остатки стоянки мустырского времени, в значительной мере разрушенной

перемещением реки, на правом берегу р. Деркула — левом притоке Сев. Донца — выше его устья, близ хут. Колесникова. Палеолитические остатки залегают в слое мелкоокатанной кремневой гальки, разделяющей два слоя песчаных наносов, из которых нижний, лежащий на поверхности мергеля, представляет остатки древней (третьей надпойменной по Мирчинку) террасы р. Деркула. Остатков фауны не встречено за исключением краиного осколка трубчатой кости большого млекопитающего. Орудия главным образом из кварцита. Открыта П. П. Ефименко в 1924 г. и обследовалась им в 1924—1926 и 1930 гг.

П. П. Ефименко. Палеолитические стоянки Восточно-европейской равнины. Тр. II Межд. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 91.—Он же. Найдены остатков мустырского времени на р. Деркул. Изв. ГАИМК, вып. 118 (Палеолит СССР), стр. 13—25.

20. Каменская. Найдены костей мамонта и других животных в древних галечниковых наносах у стан. Каменской (Донецкая обл.) при впадении речки Рычницы в Сев. Донец. Имеются сведения о находке в тех же условиях дисковидного нуклеуса; наличие стоянки пока не подтверждено.

21. Красный Яр. Найдены на отмели р. Сев. Донца в 15 км к северо-востоку от Ворошиловграда (б. Луганска) у хут. Красный Яр (в 1 км на юго-восток от хутора — по правому берегу реки) многочисленных крупных кремневых отщепов и орудий мустырских типов — остроконечники, скребел и пр. Сборы С. А. Локтюшева (1925—1936).

Сообщение С. А. Локтюшева.

22. Аджи-коба. Пещерная стоянка коридорного типа расположена в горной части Крыма по западному склону Кораби-яйлы. Исследовалась Г. А. Бонч-Осмоловским в 1932—1933 г. Содержит два горизонта находок — верхний, позднепалеолитический типа Сюрени I, с северным оленем, и нижний — мустырский, в составе фауны которого имеется сайга, северный олень, носорог, дикий осел, песец, хорек и пр.

С. А. Трусова. Расколки в пещере Аджи-коба в 1933 г. Сов. археол., № 5, стр. 272—274.

23. Волчий грот. Пещерная стоянка мустырского времени на правом берегу р. Бештирец у дер. Мазанки близ Симферополя. Открыта и исследовалась К. С. Мережковским в 1880 г. В желтом четвертичном слое грота им были найдены вместе с золой и древесным углем мустырский остроконечник, небольшое «ручное рубило» и кости ископаемых животных: мамонта, дикой лошади,

быка, благородного оленя, сайги и др. В 1938 г. раскалывался О. Н. Бадером, обнаружившим здесь мощный культурный слой с остатками мустырской эпохи.

К. С. Мережковский. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. Изв. Русск. геогр. общ., т. XVII, 1881, вып. 2, 1887, стр. 110—111.—К. Мережковский. Station moustérienne en Crimée. L'Home, 1884, № 10, стр. 300—302.—А. А. Синицын. Русский палеолит. Зап. Отд. русск. и слав. археол. Русск. археол. общ., т. XI, 1915, стр. 35. О. Н. Бадер. Крупнейшая мустырская стоянка у Волчьего Грота в Крыму. Вестник Древней Истории, 1, 1939, стр. 258—264.

24. Киник-коба (верхний горизонт). Стоянка позднего мустырского времени в гроте Киник-коба на правом берегу р. Зуи (см. № 15). Верхний культурный горизонт залегает в слое желтой щебневатой глины и отделен от нижнего горизонта с примитивно-мустырским инвентарем прослойкой, не содержащей находок. Среди изделий из кремня преобладают остроконечники и скребла, встречаются остроконечники, обработанные с двух сторон. Определены остатки мамонта, шерстистого носорога, дикой лошади, дикого осла, первобытного быка, дикого кабана, пещерного медведя, гиены, лисицы, грызунов и птиц. Некоторые кости носят следы насечек (наковаленки, отжимники). Здесь же встречены остатки разрушенного погребения неандертальца.

Г. А. Бонч-Осмоловский. Палеолитическая стоянка в Крыму (пр-двар. сообщ.). Русск. антроп. журн., т. XIV, вып. 3—4, 1926, стр. 81.—Он же. Остатки древне-палеолитического человека в Крыму. Природа, 1926, № 5—6, стр. 59.—Он же. К вопросу об эволюции древне-палеолитических индустрий. Человек, 1928, № 2—4, стр. 14.—В. А. Городцов. К определению древности мезолитической стоянки в пещере Киник-Коба. Изв. Таврич. общ. ист., археол. и этногр., т. II, 1928, стр. 33.—Г. Вонч-Осмоловский. Le paléolithique de Crimée. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. пер., вып. 1, 1929, стр. 27.—J. Palibin und A. Наметегман. Kohlenreste aus dem Paläolithikum der Crim-Höhle Kink-Koba. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. пер., вып. I, 1929, стр. 85.—Г. А. Бонч-Осмоловский. О нарезках на палеолитических костях. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 8, стр. 25. Г. А. Бонч-Осмоловский и В. И. Громов. Выставка по четвертичному периоду в АН СССР. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 11—12, стр. 41—45.—Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Тр. II Межд. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 123 и сл.—А. Н. Юзефович. Кость неандертальца. Природа, 1938, № 9.—Г. А. Бонч-Осмоловский. Кость ископаемого человека из грота Киник-коба и ее значение в проблеме антропогенеза. Краткие сообщения, II, 1939, стр. 6—8.—Он же. Палеолит Крыма, вып. I. Грот Киник-коба. Акад. Наук СССР, Ком. по изуч. четверт. периода. Лгр., 1940.

25. Кош-коба. Следы стоянки видимо мустырского времени в гроте Кош-коба в 25 км от Симферополя на правом берегу р. Зуи, рядом с пещерой Киник-коба. Исследовалась Г. А. Бонч-Осмоловским в 1923 г.

На глубине 50—150 см в слое желтого лёссовидного суглинка встречены остатки двух костищ, небольшое количество кремня и много, большей частью расколотых, костей животных: мамонта, носорога, пещерной гиены, благородного оленя, бизона, сайги, лошади, дикого осла, лисицы, сурка и др.

Отчетная выставка Энггр. отд. за 1923 г. Изд. Гос. Русск. музея, 1924.—Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения... (см. № 24), стр. 120.

26. Чагорак-коба. Стоянка среднепалеолитического времени в гроте Чагорак-коба близ Кайнаута в Карабазарском районе. Открыта О. Н. Бадером в 1935 г. Исследовалась им же в 1936—1937 гг. В 1936 г. в четвертичном слое обнаружена ископаемая фауна: шерстистый носорог, дикая лошадь, сайга, пещерная гиена. В 1937 г. в том же слое встречено несколько кремневых орудий мустырского типа.

О. Н. Бадер. Результаты работ Крымской палеолитической экспедиции Московского Института Антропологии в 1936 г. Сов. археол., № 5, 1940, стр. 301—302.

27. Чокурча. Пещерная стоянка позднего мустырского времени в долине ручья М. Салгир около дер. Чокурча в 2 км к северо-востоку от Симферополя. Открыта и исследовалась С. И. Забиным в 1927 г.; раскопывалась затем в 1928 г. и в последующие годы. Культурные остатки четвертичного периода залегают в желтом щебневатом суглинке, доходящем до скалистого dna пещеры, и продолжаются по склону, где они достигают мощности до 4 м. В этом наносе можно различить свыше девяти тонких культурных прослоек с пятнами костров. На склоне перед пещерой найдено скопление расколотых мамонтовых костей, связанное со значительным утолщением культурного слоя. Кремневый инвентарь состоит из большого числа орудий с двусторонней и односторонней обработкой. Имеются орудия из кости (шилья). Фауна: мамонт, пещерная гиена, пещерный медведь, носорог, антилопа-сайга, лошадь, бык, гигантский и благородный олень и лисица.

С. И. Забин. Новооткрытая палеолитическая стоянка в Крыму. Изв. Таврич. общ. ист., археол. и этнogr., т. II, 1928, стр. 146—157.—Н. Л. Эрнст. Четвертичная стоянка в пещере у дер. Чокурча в Крыму. Тр. II Межд. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 184.—Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения... (см. № 24), стр. 120.

28. Шайтан-коба. Пещерная стоянка позднемустырского времени на правом склоне долины р. Бодрак, притока р. Альмы у сел. Тав-Бодрак близ Симферополя. Открыта С. Н. Бибиковым в 1928 г. Исследовалась Г. А. Бонч-Осмоловским в 1929—1930 гг.

Культурные остатки сохранились в остатках разрушенного желтого щебневатого четвертичного слоя, в известковом натеке на стенах навеса и по склону долины. Среди кремневых орудий (крупных размеров из местного темного кремня) наряду с типично мустырскими формами встречаются призматические пластинки, скребки, резцы и пр. Фауна: мамонт, пещерный лев, пещерная гиена, дикая лошадь, сайга, пещерец, грызуны и др.

Г. А. Бонч-Осмоловский. Шайтан-коба. Крымская стоянка типа Абри Оди. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. пер., АН СССР, 1930, № 2, стр. 61—82, табл. I—VIII.—R. Vaufrey, L'Anthropologie, 1931, т. XII, № 5—6, стр. 576—577 (рецензия на статью Г. А. Бонч-Осмоловского).—Г. А. Бонч-Осмоловский и В. И. Громов. Выставка по четвертичному периоду в АН СССР (см. № 24), стр. 46.—Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения... (см. № 24), стр. 120.

29. Бессергеновка. Найдена мустырского характера под толщей лёсса (рисского времени) у Бессергеновки в окрестностях Таганрога на древней террасе по побережью Азовского моря. Сделана В. И. Громовым и В. А. Хохловкиной в 1933 г.

В. И. Громов. Некоторые итоги... (см. № 14), стр. 193.

30. Ильская. Стоянка конца мустырского времени на левом склоне долины р. Иля в станице Ильской, близ нефтяных скважин. Культурные остатки в виде слоя толщиной до 50 см залегают на большом пространстве в верхней части второй (15 м) террасы р. Иля в делювиальной глине с прослойкой ископаемого почвенного слоя. В составе фауны значительно преобладают остатки первобытного быка. Встречаются простейшие изделия из кости. Открыта де-Баем в 1898 г. Исследовалась С. Н. Замятиной в 1925, 1926 и 1928 гг. и В. А. Городцовым в 1936 и 1937 гг.

Ф. К. Волков. Палеолитическая стоянка на Черноморье. Киевская Старина (Археол. летопись южной России), 1899, стр. 74.—А. А. Спицын. Русский палеолит, Зап. Отд. русск. и слав. археол. Русск. Археол. общ., т. XI, 1915, стр. 35—36.—S. Zamjatnina. Station mustérienne à Il'skaja, prov. de Kouvan (Caucase du Nord). Revue Anthropol., 1929, №№ 7—9, стр. 282—295.—V. Стромова. Die Säugetierfauna der mittelpaläolithischen Station bei Il'skaja. Тр. ЗИН Акад. Наук СССР, 1932.—С. Н. Замятин. Итоги последних исследований Ильского палеолитического местонахождения. Тр. Межд. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 207.—В. А. Городцов. Результаты исследования Ильской палеолитической стоянки (предварительное сообщение). Сборник „Палеолит и неолит СССР“, стр. 7—25.

31. Подкумская.* Случайная находка (1918 г.) в Пятигорске при канализационных работах черепной крышки и некоторых других фрагментов костей человека. Описаны

М. А. Гремяцким под именем «подкумского человека». Возможность относить эти остатки к мустырскому времени и даже вообще к палеолиту встречает серьезные возражения.

Ср. Б. В. Лунин. К вопросу о действительном возрасте «Подкумского человека» в свете археологических данных. *Сов. археол.*, № 4, 1937, стр. 63.

32. *Ахштырская пещера*. Близ с. Голицыно Адлерского района, в 4 км от него — на правом берегу р. Мзымты. При разведках в 1936 г., произведенных С. Н. Замятиним, обнаружены мустырские кремни. Раскопывалась им же в 1937 и 1938 гг.

Отчет М. З. Паничкиной в № 5 «Сов. археологии. Исследования по палеолиту Причерноморья в 1936 г.», стр. 302—303.

33. *Навалишенская пещера*. Находится в Адлерском районе, близ с. Навалишино в уроч. Широкий покос на р. Кудепсте. Нижний слой пещеры относится к мустырскому времени; при исследовании ее (С. Н. Замятиним в 1936 г.) доставила характерный кремневый инвентарь и значительное количество остатков пещерного медведя.

См. № 32.

34. *Хоста* («Белые скалы»). В 4—5 км от г. Хосты, близ Воронцовского шоссе в рывинах по склону балки обнаружены (1936) мустырские кремни.

См. № 32.

35. *Нацмен*. Несколько ниже по течению р. Хосты мустырского местонахождения Хоста (см. № 34), на противоположном берегу реки на южном склоне горы Ахун в колхозе «Нацмен» обнаружено (1935) другое местонахождение с орудиями и отщепами мустырских типов.

См. № 32.

36. *Паук*. Находки грубых отщепов мустырского характера в районе Туапсе за Кадошским мысом на территории дома отдыха близ горы Паук. Кремни встречаются на распаханной поверхности древней (100 м) террасы.

См. № 32.

37. *Анастасьевка*. Находки мустырских кремней. См. № 1.

38. *Ахбюк*. Следы стоянки позднего мустырского времени на 80 м террасе (продольная долина) близ горы Ахбюк в 6 км к северу от Сухуми. Довольно большое количество кремней мустырских типов обнаружено на поверхности делювиальных су-

глинков. Открыта Л. Н. Соловьевым в 1935 г. и обследована экспедицией ИАЭ АН СССР.

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии. Тр. Инст. абхазск. культуры им. акад. Н. Я. Марра, вып. X, 1937, стр. 17; сообщение Л. Н. Соловьева.

39. *Ачигвары*. Находки на поверхности 30 м террасы у сел. Ачигвары характерных мустырских отщепов.

40. *Бзыбь*. Находки некоторого числа мустырских кремней в навесе по правому берегу р. Бзыби, на 16-м км Бзыбского шоссе.

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 38), стр. 16.

41. *Боговента*. Небольшое количество характерных мустырских изделий из кремня собрано в 1936 г. на поверхности третьей террасы и выше по склону у сел. Боговенты по течению р. Пшани.

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 38), стр. 16.

42. *Гали*. Находки обработанных кремней мустырского (также верхнепалеолитического) типа. Относятся к поверхности делювиальных суглинков, одевающих древнюю террасу (80—100 м). Первые находки сделаны Л. Н. Соловьевым в 1935 г. См. № 5.

43. *Илори*. Несколько мустырских отщепов собраны Л. Н. Соловьевым в 1935 г. на 16 м террасе в слое желтого суглинка.

Сообщение Л. Н. Соловьева.

44. *Келасури*. Следы стоянки мустырского времени на поверхности третьей террасы, частью же в делювиальном суглике на склоне четвертой террасы, по левому берегу р. Келасури, на усадьбе Всесоюзного Института субтропических культур. Экспедицией ИАЭ АН СССР здесь собран (1935) небольшой, но характерный позднемустырский инвентарь.

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 38), стр. 15.— В. И. Греков. Некоторые итоги... (см. № 14), стр. 192.

45. *Лемса*. На склонах балки (на высоте ок. 300 м над ур. м.) у сел. Нижняя Лемса находки мустырских кремней в двух пунктах: у пещеры и на краю плато.

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 38), стр. 16; сообщение Л. Н. Соловьева.

46. *Лечкоп*. Находки мустырских кремней на поверхности останца 80 м террасы в сел. Лечкоп близ Сухуми сделаны экспедицией ИАЭ АН СССР в 1935 г. Такие же мустыр-

ские кремни встречены (Л. Н. Соловьевым, 1936) и ниже, на ровной поверхности 10—12 м террасы, на расстоянии 100 м от вышележащей террасы. В последнем случае они также связаны с слоем железисто-марганцевых стяжений.

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 38), стр. 16; сообщение Л. Н. Соловьева.

47. *Моква*. На 10—12 м террасе, на ровной поверхности, в расстоянии 2 км от вышележащей террасы, собрано некоторое количество характерных мустырских кремней (дисковидный нуклеус, отщепы).

Сообщение Л. Н. Соловьева.

48. *Окум*. В совхозе «Чай-Грузия» (близ Ачишвар) на поверхности 60 м террасы по левому берегу р. Окум встречаются на чайных плантациях многочисленные мустырские кремни. Среди них имеется ручное рубило тонкой отделки. Поверхность мустырских изделий из кремня сохраняет характерный блеск; на некоторых из них имеются железисто-марганцевые стяжения, указывающие на первоначальное залегание в древнем почвенном горизонте. Выше по склону попадаются более древние кремни. Сборы ИАЭ АН СССР (1935).

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 38), стр. 16; сообщение Л. Н. Соловьева.

49. *Очемчири*. В одном километре от г. Очемчири по шоссе на Сухуми по краю третьей (35 м) террасы встречены характерные позднемустырские кремни. Частью они залегают *in situ* в слое суглинка с железисто-марганцевыми стяжениями. Кремень темнокрасный, туронский, с блестящей желто-коричневой патиной. Первые находки сделаны Л. Н. Соловьевым. В 1934—1935 г. местонахождение обследовалось экспедицией ИАЭ АН СССР с участием геологов Г. Ф. Мирчинка и В. И. Громова.

С. Н. Замятин. Палеолит Абхазии (см. № 38), стр. 16.—В. И. Громов. Некоторые итоги... (см. № 14), стр. 191.

50. *Табачная*. Найдены мустырских кремней. См. № 11.

51. *Цхири*. На 30 м террасе в условиях поверхностного залегания собрано экспедицией ИАЭ АН СССР в 1935 г. некоторое число мустырских кремней.

Сообщение Л. Н. Соловьева.

52. *Эшеры*. Небольшое количество мустырских кремней собрано экспедицией ИАЭ АН СССР в 1935 г. возле сел. Эшеры на поверхности размытой древней (80 м) террасы в слое щебня.

53. *Ягиш*. На площадке возвышенности (на высоте 450—500 м) в 1936 г. собрано экспедицией ИАЭ АН СССР немного мустырских кремней.

54. *Яшух*. Найдены мустырских кремней. См. № 14.

55. *Рухи I*. На пойме р. Рухи близ селения того же названия в 6 км от Зугдиди при разведках А. Н. Каландадзе 1936 г. встречены отщепы и осколки мустырского облика.

Сообщение А. Н. Каландадзе.

56. *Тэшик-таш*. Гrot Тэшик-таш представляет собой высокогорную пещерную стоянку, заключающую остатки мустырской эпохи. Расположен по северо-западному склону горного хребта Байсун-тау (на абсолютной высоте около 1500 м) в 18 км от г. Байсана в долине р. Турган-дарьи (южный Узбекистан). В гроте обнаружено пять культурных слоев, относящихся к мустырскому времени. Кремневый инвентарь представлен дисковидными нуклеусами, характерными треугольными отщепами, грубыми рубящими орудиями, остроконечниками, скребками и пр. Имеются «наковаленки» из обломков костей животных. В составе фауны определены горный козел (*Capra sibirica*) и, в меньшем числе, лошадь, кабан, леопард, сурок, пищуха. Исключительный интерес имеет находка (под верхним культурным слоем) хорошо сохранившегося черепа и других костей детского скелета 8—9 лет, имеющего типичные признаки неандертальского человека. Грот открыт и исследован А. П. Окладниковым в 1938 г. Является первой палеолитической стоянкой, открытой в Средней Азии.

А. П. Окладников. Найдены неандертальца в Узбекистане. Вестник Древней Истории, I, 1939, стр. 256—257.—Он же. Мустырская стоянка в гроте Тэшик-Таш в Узбекистане. Краткие сообщения, II, 1939, стр. 8.—Г. Ф. Дебец. О черепе из Тэшик-ташской пещеры. Там же, стр. 9.—А. П. Окладников. Амир-Темир. Новый памятник каменного века в горах Байсун-Тау (Узбекистан). Краткие сообщения (см. № 17), VI, стр. 67—69.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ ЭПОХИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА И ЭПИПАЛЕОЛИТА

Европейская часть РСФСР

Дон (57—70), Ока (71—79), бассейн Десны (80—85), Сейм (36), верхний Днепр (87), верхняя Волга (88), средняя Волга (89—94), бассейн Камы (95), Южный Урал (96—98), Азовское побережье (100)

57. *Аносовка*. Стоянка времени позднего палеолита в Аносовом логу с. Костенки Гречишченского р-на Воронежской обл. Располо-

жена несколько дальше стоянки Костенки II, вглубь лога, на пологой стрелке, образованной ветвлением лога, во дворе колхоза им. Областного съезда. Найдены сделаны во время работ Костенковской палеолитической экспедиции в 1936 г. при закладке хозяйственной ямы. Культурный слой интенсивно окрашен красной охрой. Встречены кремни верхнепалеолитических типов и кости животных (много обломков оленевых рогов).

58. *Боршево I* (Кузнецов лог). Стоянка ориньяко-солютрейского времени. Расположена у северной окраины с. Боршева Гремяченского р-на Воронежской обл. на берегу Дона, в устье Кузнецова Лога. Культурные остатки и кости животных, главным образом мамонта, залегают на небольшой глубине по склону лога в делювиальном на-носе. Для кремневого инвентаря стоянки характерны кремневые наконечники «с боковой выемкой», определяющие время стоянки как ориньяко-солютрейское. Открыта А. А. Спицыным в 1905 г. Исследовалась С. Н. Замятинным в 1922 г. и П. П. Ефименко в 1923 и 1925 гг.

А. А. Спицын. Исследования в Воронежской губ. Отчет Археол. ком., 1905, стр. 84.—Он же. Русский палеолит. Зап. Отд. русск. и слав. археол. Русск. археол. общ., т. XI, 1915, стр. 32.—П. П. Ефименко. Некоторые итоги изучения палеолита СССР. Человек, 1928, № 1, стр. 52.—Он же. Палеолитические стоянки Восточно-европейской равнины. Тр. II Межд. конф. АИЧПЕ, стр. 95—96.—Г. Ф. Мирчинк. Геологические условия находления палеолитических стоянок в СССР и их значение для восстановления четвертичной истории. Там же, стр. 49.

59. *Боршево II*. Нижний и средний горизонты. Правый берег реки Дона у с. Боршево Гремяченского района Воронежской области. Найдены связаны с невысокой, заливаемой в половодья, террасой Дона, сложенной из аллювиальных и делювиальных наносов. Имеются три горизонта палеолитических остатков. Нижний и средний горизонты, содержащие кости мамонта, особенно многочисленные в нижнем слое, относятся к мадленскому времени. Первые сведения о находках обработанных кремней восходят к 1922 г. (П. А. Никитин). Раскопки производились П. П. Ефименко в 1923, 1925, 1929 гг., П. И. Борисковским — в 1936 г.

П. П. Ефименко. Некоторые итоги... (см. № 58), стр. 56.—Он же. Палеолитические стоянки, (см. № 58) стр. 110.—Г. Ф. Мирчинк. Геологические условия находления... (см. № 58), стр. 53.—П. И. Борисковский. Раскопки палеолитической стоянки Боршево II в 1936 году. Сов. археол., № 5, стр. 281—285.—Он же. Палеолитическая стоянка Боршево II (нижний культ. слой). Сборник «Палеолит и неолит СССР», стр. 37—60.

60. *Боршево II* (верхний горизонт). Верхний горизонт стоянки, приуроченный к слою

погребенной почвы, относится по характеру находок к концу мадлен или раннему азилю. Среди остатков фауны мамонт совершенно отсутствует. Слой, содержащий обработанные кремни, кости животных и пр., перекрыт делювиальным наносом с окатанной щебенкой. Интересно, что погребенная почва, с которой связаны следы обитания, постепенно склоняясь в сторону устья Боршевского лога, уходит под уровень Дона. См. № 59.

61. *Боршево III*. В устье одного из логов (Вишунова), прорезывающих высокий меловой (правый) берег Дона между Кузнецовым логом, где находится стоянка Боршево I, и большим Боршевским логом, еще во время первых раскопок П. П. Ефименко (1923) на береговой террасе было обнаружено скопление костей мамонта. Кости животных находились при всякого рода земляных работах на расположенной здесь усадьбе. При повторных разведочных раскопках в 1936 г., произведенных П. И. Борисковским, при костях мамонта (также быка и других животных) были встречены единичные обработанные кремни.

62. *Гагарино*. Стоянка ориньяко-солютрейского времени на левом берегу Дона выше устья р. Сосны у с. Гагарино (Воронежской обл.). Расположена на северном склоне оврага, выходящего в долину Дона. Культурные остатки, в виде плоской линзы с резко очерченными границами, залегают непосредственно под черноземом в верхней части буровой лессовидной глины. По окружности скопления обнаружены известняковые плиты, которые, повидимому, представляли собой стены неглубокой землянки. Среди остатков фауны преобладает мамонт. Встречаются также шерстистый носорог, северный олень, бизон, песец и грызуны. Кремневый инвентарь стоянки характеризуется наличием наконечников с боковой выемкой. Встречены изделия из кости, среди них 3 женских фигурки из бивня мамонта. Исследована С. Н. Замятинным в 1927 и 1929 гг.

В. И. Громов. Остатки фауны из палеолитической стоянки Гагарино. Природа, 1928, № 1.—П. П. Ефименко. Значение женщины в ориньякскую эпоху. Изв. ГАИМК, т. XI, вып. 3—4, 1931, с. 49.—S. Zamiatnij. Gagarino. Bull. de l'Académie de l'Histoire de la Culture Matérielle, вып. 88, 1934.—То же на русском языке: С. Н. Замятин. Раскопки у с. Гагарина (верховья Дона). Изв. ГАИМК, вып. 118 (Палеолит СССР), 1935, стр. 26—76.—В. И. Громов. Некоторые новые данные о фауне и геологии палеолита восточной Европы и Сибири. Там же, стр. 264.

63. *Костенки I*. Стоянка раннесолютрейского времени в Покровском логу с. Костенок Гремяченского района Воронежской обл. на правом берегу р. Дона (около 30 км к югу от Воронежа). Представляет собой остатки обширного наземного жилища в виде

площадки овальной формы, занятой отбросами обитания с рядом очагов, расположенных по продольной оси жилья. Площадь жилища занята множеством ям-хранилищ. По окружности наземного сооружения сохранились более значительные по размерам ямы-кладовые и три жилых землянки. Кроме очень большого инвентаря находок из кремня и кости здесь встречено много предметов искусства — в том числе 42 женских статуэтки (большей частью в фрагментах), много скульптурных изображений животных в виде целых фигурок и головок и пр. Фауна представлена мамонтом (очень много), лошадью, песцом, пещерным львом, медведем, волком, зайцем. Северный олень и мускусный овцебык имеются лишь в единичных остатках. Культурный слой стоянки залегает под черноземом в верхней части дельвиального лёссовидного суглинка. Глубже, в основании суглинка, в разведочном шурфе (1931) обнаружены следы более древнего поселения, относящегося к начальной поре верхнего палеолита, приуроченные к гумусированной прослойке, с фауной мамонта, лошади и антилопы-сайги. Раскопки Костенок I выполнены П. П. Ефименко в 1931—1936 гг. Первые следы палеолитического обитания были указаны здесь И. С. Поляковым (1879) и А. И. Кельсиевым (1881). Позже здесь небольшие раскопки производились С. А. Круковским (1915), С. Н. Замятниным (1922) и П. П. Ефименко (1923). Кроме исследованного жилища, на небольшом расстоянии от него при разведках П. П. Ефименко обнаружены еще два таких же памятника.

И. С. Поляков. Антропологическая поездка в центральную и восточную Россию. Прилож. к XXXVII т. «Записок Академии Наук» № 1, 1880, стр. 9—43.—А. И. Кельсиев. Палеолитические кухонные остатки в с. Костенках. Древности (Тр. Моск. археол. общ.), т. XI, вып. II.—П. П. Ефименко. Костенковская палеолитическая стоянка. Ежегодн. Русск. антрол. общ., т. V, 1915.—А. А. Синицын. Русский палеолит (см. № 58), стр. 159.—П. П. Ефименко. Статуэтки солютрейского времени с берегов Дона. Матер. по этногр., Русск. музей, т. II, вып. 1, 1926, стр. 139.—Он же. Некоторые итоги... (см. № 58), стр. 52.—Он же. Костенки I. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 11—12, стр. 58.—Он же. Палеолитические стоянки... (см. № 58), стр. 96.—Он же. Итоги работ в Костенках в 1933 г. Проблемы до- капит. обществ, ГАИМК, 1934, № 4, стр. 64.—Он же. Некоторые итоги изучения ископаемого человека в СССР (1932—1935 гг.). Матер. по четверт. пер. СССР, 1936, стр. 111.—В. И. Громов. Некоторые новые данные... (см. № 62), стр. 266.—П. П. Ефименко. Раскопки палеолитической стоянки в с. Костенках в 1934 г. Труды Сов. Секции Межд. Ассоц. по изуч. четверт. периода (INQUA), вып. I, стр. 265—271.—В. И. Громов. Остатки фауны из палеолитической «стоянки Полякова» (Костенки I). Там же, стр. 272—277.—А. Н. Рогачев. Предварительное сообщение о работах Костенковской экспедиции в 1936 г. Сов. Археология, № 5, стр. 278—281.

64. Костенки II. Стоянка раннемадленского времени на правом берегу р. Дона в Аносовом логу с. Костенок. Расположена в устье лога у выхода его в долину Дона. Культурные остатки представляют обширное скопление костей мамонта со следами очагов. В составе фауны, кроме мамонта, единичные остатки лошади, зайца, песца, медведя. Орудия из валунного кремния, главным образом грубые резцы. Простейшие изделия из кости. Открыта П. П. Ефименко в 1923 г.; исследовалась П. П. Ефименко в 1923 г. и С. Н. Замятним в 1927 г.

П. П. Ефименко. Некоторые итоги... (см. № 58), стр. 54.—Он же. Палеолитические стоянки... (см. № 58), стр. 106.

65. Костенки III. Стоянка раннемадленского времени на правом берегу р. Дона, в с. Костенках, близ устья Чекалина лога. Повидимому это место упоминалось Гмелиным в 1769 г. Расположена непосредственно на берегу Дона на плоскодке (террасе), прилегающей к устью лога, у северной окраины с. Костенки, где Дон подходит к возвышенности правого берега, размывая прислоненную к ней древнюю аллювиальную террасу. Культурный слой залегает в разрезе берегового обрыва, в слое желтоватого суглинка, на глубине около 2 м в виде линзовидного скопления на месте жилья. В составе фауны, кроме мамонта, немного остатков лошади, песца, зайца; единично — хищники. Кремневые орудия (из мелового, а также из валунного кремня) — небольших размеров, с преобладанием примитивных резцов. Редкие находки простых изделий из кости. Исследовалась П. П. Ефименко в 1923 г. и С. Н. Замятним в 1927 г.

П. П. Ефименко. Некоторые итоги... (см. № 58), стр. 54.—Он же. Палеолитические стоянки... (см. № 58), стр. 105—106.

66. Костенки IV. Стоянка раннемадленского времени в с. Костенках на правом берегу р. Дона в устье Александровского (Бирючего) лога. Расположена при выходе лога к пойме Дона на невысокой террасовидной плоскодке (отчасти затапливаемой в половодье) по левую сторону Бирючего лога. Культурный слой залегает в слое суглинка на глубине 1.5 м. В составе фауны преобладает мамонт, немного остатков лошади, зайца, песца, единично остатки хищников. Кремневый инвентарь разнообразнее, чем в стоянках этого времени — Костенки II и III. Редкие находки простых изделий из кости. Открыта С. Н. Замятним в 1927 г. Исследовалась Замятним в 1927 г. и П. П. Ефименко в 1928 г. Значительные раскопки произведены А. Н. Рогачевым в 1937 и 1938 гг. Последнему удалось обнаружить здесь остатки двух больших наземных жилищ

удлиненной формы. Их внутренние помещения, слегка углубленные по сравнению с окружающим пространством, заполнены интенсивно окрашенным слоем с отбросами жилья. И в том и в другом жилище имеется свыше десяти очагов, вытянутых в одну линию. Каждое из жилищ состоит из 4—5 округлых помещений (диам. 5—7 м), вилотную примыкающих и сливавшихся одно с другим; часть из них посит характер землянок (одна из них углублен до 0,50 м). Общая планировка жилищ несколько напоминает Костенки I.

П. П. Ефименко. Палеолитические стоянки... (см. № 58), стр. 106. А. Н. Рогачев. Палеолитическое поселение Костенки IV. Краткие сообщения (см. № 17), IV, 1940, стр. 36—41.

67. Костенки V. Под этим названием известно местонахождение в Покровском логу с. Костенки, расположенное дальше в глубь лога за стоянкой Костенки I — напротив ее, т. е. по правой стороне лога. Здесь, в боковом ответвлении оврага (первом со стороны устья), имеются две стоянки верхнепалеолитического возраста, обнаруженные разведочными работами П. П. Ефименко в 1928 г. Первая, расположенная в пониженной части бокового ложка, в устье его, недалеко от ручья, текущего по дну Покровского оврага, дала мощное скопление костей мамонта и некоторое количество изделий из кремня. Судя по условиям залегания культурного слоя под лёссовидным суглинком в слое мелового щебня, этот памятник относится к ранней эпохе верхнего палеолита. Другая находка сделана выше, на подъеме возвышенности, на так наз. Маркиной горе, и имеет хорошо выраженный культурный слой с остатками верхнепалеолитического времени.

П. П. Ефименко. Итоги работ в Костенках (август—октябрь 1933 г.). Проблемы ГАИМК, 1934, № 4, стр. 66.

68. Стрелецкая. Следы верхнепалеолитической стоянки в устье Александровского лога с. Костенок Воронежской обл. — по правую сторону лога (против Костенок IV) на невысокой террасе у подножья береговой возвышенности. Остатки культурного слоя, в виде находок кремней верхнепалеолитического характера и костей мамонта, обнаружены С. Н. Замятниным (1927). Разведочные раскопки П. П. Ефименко подтвердили наличие стоянки, видимо размытой благодаря ее расположению очень невысоко над поймой Дона.

69. Тельманская стоянка. Находится в устье ответвления Александровского (Б. Бирючего) лога с. Костенок — М. Бирючего лога, в том месте, где оба лога, сходясь, открываются в долину Дона. Стоянка расположена на усадьбе колхоза им. Тельмана по левому

склону лога, невысоко над его тальвегом. Обнаружена разведкой А. Н. Рогачева в 1936 г., исследована П. П. Ефименко в 1937 г. В главном раскопе обнаружено жилище типа землянки в форме почти правильного круга, с очагом со стороны входа. Кремневый инвентарь дает сочетание типичных ранних солютрейских изделий (лавролистные наконечники) с мустерьерскими формами. Среди остатков животных преобладает мамонт. Много изделий из кости.

70. Шубное. Нахodka скопления костей четвертичных животных близ с. Шубное (Воронежской обл.) около 15 км к западу от Острогожска. Остатки залегают в древнем овражном делювии. В составе фауны много костей мамонта и лошади; немного тура (*Bos primigenius*) и носорога; в небольшом количестве также кости оленя (*Cervus elaphus* и *C. megaceros*). В выносах оврага встречены отдельные кремни, видимо со следами обработки. Местонахождение обнаружено С. Н. Замятниным в 1925 г. и исследовалось им в 1933 г.

В. И. Громов. Некоторые новые данные... (см. № 62), стр. 270.

71. Гремячее. Стоянка свидерской стадии эпипалеолита на правом берегу р. Оки против впадения в нее р. Жиздры. Открыта и исследовалась в конце 90-х годов Булычевым. Стоянка расположена на песчаном бугре на уровне надпойменной террасы. Находки залегали в верхнем слое наноса, состоящего из суглинка. Кремневые орудия изготовлены из ножевидных пластинок; встречены 3 наконечника стрел с черенками. Остатков фауны и костяных орудий не обнаружено.

Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки, Москва, 1899. — П. П. Ефименко. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннепалеолитического возраста. Русск. антроп. журн., 1925, стр. 224. — М. В. Воеводский. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории восточной Европы. Тр. II Межд. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 237—238. — М. В. Воеводский. Стоянка Гремячее. Сборник «Палеолит и неолит СССР», стр. 142—148.

72. Елин Бор. Стоянка свидерской стадии эпипалеолита на левом берегу р. Оки близ дер. Елиной в 20 км выше г. Мурома. Открыта в 1878 г. П. П. Кудрявцевым (сборы на поверхности песчаной дюны в 1878—1894 гг.). В 1934 г. П. И. Борисковским на песчаном бугре («бору») в 1 км к югу от деревни исследовались остатки стоянки. Кремневый инвентарь состоит, главным образом, из удлиненных пластинок, нуклевидных орудий, скребков, резцов, кремневых вкладышей, наконечников стрел, типичных для свидерской стадии, и большого количества

отбросов производства. Костяных орудий и остатков фауны не обнаружено.

Антропологическая выставка 1879 г. Описание предметов выставки, вып. 2 (Отдел доисторический), 1879, стр. 21—25. — А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. II, 1881, табл. 25, рис. 4109—4118. — L. Sawicki. Materiały do zojotomosci prehistorji Rosji. Przegad Archeologiczny, т. III, вып. 2—3, 1928, стр. 34, табл. XIX. — М. В. Воеводский. К вопросу о ранней стадии... (см. № 71), стр. 238. — М. В. Воеводский и П. И. Борисковский. Елин Бор. Сов. археол., № 3, 1937, стр. 77—99. — П. И. Борисковский. Палеолитические и эпипалеолитические местонахождения бассейна р. Оки. Труды Сов. Секции Межд. Ассоц. по изуч. четверт. пер. (INQUA), вып. I, стр. 302—316.

73. Карабарово. Стоянка раннего мадленского времени на левом берегу р. Оки выше г. Мурома (в 3 км) близ с. Карабарово. Открыта А. С. Уваровым в 1877 г. Исследовалась Уваровым в 1877 и 1878 гг. совместно с И. С. Поляковым и В. Б. Антоновичем. Расположена на левом склоне Карабаровского оврага близ его устья. Палеолитические остатки залегали в нижней части делювиального лёссовидного суглинка на глубине 1—1.5 м. Культурный слой с беспорядочным скоплением костей животных ограничивался пространством около 1.5 кв. м, за пределами которого встречались лишь отдельные осколки кости и кремня. Преобладают остатки мамонта; встречаются носорог, бык, олень. Материалом для кремневых орудий служил валунный кремень.

А. С. Уваров. О совместной находке костей мамонта с каменными орудиями. Тр. IV Археол. съезда в Казани (1877 г.), т. I, 1884, стр. XXXIV, XXXV и CXII (ср.: ЖМНП, февраль 1878, стр. 119—120). — В. Б. Антонович. О результатах трех археологических раскопок в Муромском у. в 1878 г. Чтения в историч. общ. Нестора Летописца, кн. II, 1881, стр. 60—62. — И. С. Поляков. Каменный век в России. Живописная Россия, т. I, ч. I, 1881, стр. 381—402 (О Карабарове, стр. 389—390). — А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I, стр. 112—119; т. II, 1881, табл. 15. — В. В. Докучаев. Археология России. Каменный период, т. I, II. — А. С. Уваров. Тр. СПб. общ. естествоисп., т. XIII, вып. I, 1882, стр. 1—54 (О Карабарове, стр. 17—25). — П. Кротов. К вопросу об относительной древности остатков каменного века на р. Оке. Тр. Общ. естествоисп. при Казанск. унив., т. X, вып. 2, 1881, стр. 1—49 (о Карабарове, стр. 9—15). — И. С. Поляков. Исследования по каменному веку Олонецкой губ., в долине Оки и на верховьях Волги. Зап. Русск. геогр. общ. по отделу Этнографии, т. IX, 1882, стр. 107—125 (то же в немецком пер. в Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches, т. VIII, 1885). — Каталог Собрания древностей А. С. Уварова, вып. I, 1887 (Карабаровские собрания, ср. 4—6). — S. Nikitine. Sur la constitution des dépôts quaternaires en Russie et leur relations aux trouvailles, résultant de l'action de l'homme préhistorique. Congrès International d'anthropologie et d'archéologie préhistoriques à Moscou, т. I, 1892, стр. 29—30. — Указатель коллекций Исторического музея, 1893, стр. 14. — В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. Древности (Тр. Моск. археол. общ.), т. XXIV, стр. 41—43. — А. А. Спицын. Русский палеолит (см. № 58), стр. 33—35. —

П. И. Ефименко. Некоторые итоги... (см. № 58), стр. 55. — С. Н. Замятин. Карабаровская палеолитическая стоянка. Аспирантский сборн. ГАИМК, 1929, вып. I, стр. 5—14. — П. П. Ефименко. Палеолитические стоянки... (см. № 58), стр. 106. — П. И. Борисковский. Палеолитические и эпипалеолитические местонахождения бассейна р. Оки. Труды Сов. Секции Межд. Ассоц. по изучению четвертич. пер. (INQUA), вып. I, стр. 302—316.

74. Мелтиново. Обломки костей некопаемых животных и несколько кремневых осколков найдены в овраге ручья Долец (по Оке, выше г. Белева) у с. Мелтиново. Палеолитический возраст кремней не установлен.

В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины р. Оки. Тр. XII Археол. съезда в Харькове, 1902, т. I.

75. Оксская. Без указания точного места К. И. Лисицыным описана находка «стоянки верхнего палеолита» в отложениях пойменной террасы р. Оки, в виде культурного слоя, содержащего расколотые и обожженные кости быка, кабана и пр., позвонки рыб, раковины пресноводных моллюсков. Определение времени стоянки основано на отсутствии находок керамики. Следует думать, что памятник относится, в действительности, к более поздней эпохе.

К. И. Лисицын. К геологии послетретичных образований Лихвинского у. Калужской губ. и их соотношению с послетретичными образованиями юго-восточной и западной России. Изв. Донского политехн. инст. в Новочеркасске, т. II, 1913, стр. 367.

76. Стенино. Находки костей мамонта и обработанных кремней в окрестностях г. Козельска по ручью Тростянке (бассейн Жиздры) у дер. Стенино. По определению Н. И. Криштафовича, остатки животных принадлежат мамонту, носорогу, лосю, оленю. Орудия из камня и кости (?) остаются не описанными. Первые сведения о находке принадлежат И. Четыркину (1900).

Н. И. Криштафович. Местонахождение костей мамонта в Козельском у. Калужской губ. Ежегодн. по геол. и минерал. России, т. IV, 1901, стр. 173. — И. Четыркин. Открытие в Козельском у. близ д. Стенина остатков палеолитической эпохи. Изв. Калужск. архивн. ком., 1902, стр. 3. — Н. И. Криштафович. О геологическом исследовании палеолитических стоянок в Европейской России летом 1904 г. Древности (Тр. Моск. археол. общ.), т. XXI, вып. 1907, стр. 175.

77. Сходня. Находка части черепной крышки человека в долине р. Сходни (левый приток р. Москвы) в 12 км к северу от Москвы на строительстве канала Волга—Москва. Сделана в 1936 г. на глубине 4 м в отложениях р. Сходни. По мнению Г. Ф. Мирчинка относится к концу вюрмского оледенения или началу современной эпохи.

О. Н. Бадер. Новая палеантропологическая находка под Москвой. Антроп. журн., № 4, 1936, стр. 471—475.

78. Ясаково. Скопление костей четвертичных животных в древней террасе р. Оки по ее правому берегу у ст. Ясаково Московско-Казанской ж. д. возле с. Троица-Пеленица. Обнаружено П. П. Ефименко в 1922 г. В 1934 г. обследовано П. И. Борисковским. Последним здесь найдено в непотревоженном слое несколько обработанных кремней верхнепалеолитического характера.

79. Ясникольское. Скопление костей оленя-мегацероса, лося, лошади и некоторых других видов у истоков речки Аксенъ (приток р. Мосты) на водоразделе между Окой и Доном. Условия залегания костных остатков — аллювиальная глина под слоем торфа. Указываемые здесь находки кремневой пластинки и поделок из кости имеют сомнительный характер.

К. Я. Виноградов. Исполинский олень у дер. Ясникольское. Сов. археол., № 3, 1937, стр. 199.—Н. Кригер. Геологические условия залегания ископаемых костей у дер. Ясникольское. Там же, стр. 204.

80. Тимоновка. На правом берегу р. Десны в с. Тимоновка у г. Брянска. Стоянка мадленского времени; расположена на скате берегового отрога, спускающегося к Десне. В находках, кроме многочисленных кремневых изделий, представлены изделия из кости. В списке фауны, кроме мамонта, имеется северный олень, песец и пр. Стоянка раскапывалась М. В. Воеводским (1928) и В. А. Городцовым (1928—1933); последним обнаружены остатки жилищ.

М. В. Воеводский. Тимоновская палеолитическая стоянка. Русск. антроп. журн., 1929, т. XVIII, вып. 1—2, стр. 59.—Г. Ф. Мирчинк. Геологические условия нахождения палеолитической стоянки в дер. Тимоновка под г. Брянском. Там же, стр. 57.—В. А. Городцов. Предварительные сведения об исследовании Тимоновской палеолитической стоянки близ г. Брянска. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 11—12, стр. 55.—Он же. Исследование Тимоновской палеолитической стоянки в 1932 г. Вест. Акад. Наук, 1933, № 6, стр. 41.—Он же. Тимоновская палеолитическая стоянка. Результаты археол. раскопок в 1933 г., изд. Акад. Наук, 1935.—В. И. Громов. Некоторые новые данные... (см. № 62), стр. 266.

81. Супонево. На правом берегу р. Десны в 4 км к югу от г. Брянска в с. Супонево стоянка раннемадленского времени. Расположена на второй надпойменной террасе Десны. На вскрытой площади стоянки встречены следы каких-то сооружений и скопления костей мамонта. Fauna: мамонт, носорог, северный олень, бизон, лошадь, песец и др. Исследовалась (1926—1928) П. П. Ефименко, Б. С. Жуковым и др.

В. Г. Новая палеолитическая стоянка. Природа, 1926, № 9—10, стр. 95.—Г. Ф. Мирчинк. Геологические условия... (см. № 58), стр. 45.—Он же. О соотношении речных террас и стоянок палеолитического человека в бассейнах рек Десны и Сожа. Бюлл. Моск. общ. испыт. природы, нов. сер., т. XXXVII, 1929, стр. 10.—П. П. Ефименко. Палеолитические стоянки... (см. № 58), стр. 108.

82. Елисеевичи. На правом берегу р. Судости (правый приток р. Десны) у с. Елисеевичей Почепского района. Стоянка раннемадленского времени. Культурные остатки залегают в лессе, покрывающем вторую террасу Судости. Остатки жилищ, культовое скопление черепов и бивней мамонта. Пластины, украшенные резьбой, и статуэтка женщины — из слоновой кости. Fauna представлена почти исключительно мамонтом. Раскопки производились К. М. Поликарповичем в 1930, 1935 и 1936 гг.

К. М. Полікарповіч. Палеоліт на р. Судасьці (вадабор р. Ізяси). Праця Секції археології, Акад. Наук БССР, т. III, 1932, стр. 155.—Он же. Палеоліт і мезоліт БССР і некоторых соседних территорий верхнего Приднепров'я. Тр. II Межд. конф. АІЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 79.—П. П. Ефименко. Некоторые итоги изучения ископаемого человека в СССР (1932—1935 гг.). Матер. по четверт. пер. СССР, 1936, стр. 117. К. М. Полікарпович. Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933—35 гг. Сов. Археология, № 5, 1940, стр. 81—87.—Он же. Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г. Там же, стр. 285—290.

83. Курово. На правом берегу р. Судости у с. Курово. Стоянка верхнепалеолитического времени (небольшие раскопки К. М. Поликарпова в 1930 г.). Fauna: мамонт, носорог, лошадь и пр.

К. М. Полікарповіч. Палеоліт на р. Судасьці... (см. № 82), стр. 154.—К. М. Полікарпович. Палеоліт і мезоліт БССР... (см. № 82), стр. 76.—Он же. Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г. (см. № 82), стр. 289.

84. Новые Бобовичи. На правом берегу р. Ипуть (левый приток Сожа) в окрестностях Новозыбкова у с. Н. Бобовичи следы стоянки верхнепалеолитического времени (обработанные кремни при скоплении костей мамонта). Находка относится к 1927 г.

Г. Э. Гиттерман. Новозыбковские мамонты. Брянский край, № 2, 1928, стр. 27.—К. М. Полікарповіч. Ново-Бобовіцька палеолітічна стоянка. Праця археол. камісії, т. II, Акад. Наук БССР, 1930, стр. 491.—Н. И. Лелянов. Палеолитический человек на территории Зап. Области. Геология и полезн. ископ. Зап. обл., сб. II, Смоленск, 1935, стр. 153.

85. Юдиново. Стоянка верхнепалеолитического времени на правом берегу р. Судости (в 14 км к северу от местечка Погара) на надпойменной террасе у дер. Юдиново в колхозе Первомайском. Небольшие пред-

варительные раскопки К. М. Поликарповича на месте стоянки относятся к 1934 г. Найдены орудий из кремня и костей мамонта сделаны в двух пунктах на расстоянии 200 м по обеим сторонам лощины.

К. М. Поликарпович. Новая верхнепалеолитическая стоянка в бассейне р. Десны. Собр. археол., № 3, 1937, стр. 213.—Он же. Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933—1935 гг. (см. № 82), стр. 82.

86. Сучкино. Следы стоянки верхнепалеолитического времени на левом берегу р. Сейма близ с. Сучкино в 8 км к востоку от г. Рыльска. Обследована С. Н. Замятниковым в 1930 г. Фауна стоянки представлена мамонтом. Изделия из кремня имеют невыразительный характер (преобладают отщепы).

По сообщению С. Н. Замятникова.

87. Гамково. В 17 км к юго-западу от г. Смоленска, на водоразделе речки Уфины (левый приток Днепра) массовое скопление костей мамонта и носорога под лессом, на флювиогляциальных отложениях, покрывающих рисскую морену. Культурные остатки не обнаружены за исключением случайной находки обработанного кремня. Посещалось не раз с 1910 г. Небольшие раскопки производились в 1933 г. К. М. Поликарповичем и Г. А. Бонч-Осмоловским.

Г. Ф. Мирчиник. О соотношении речных террас... (см. № 81), стр. 16—18.—Он же. Геологические условия... (см. № 58), стр. 53.—К. М. Поликарпович. Палеолит и мезолит БССР... (см. № 82), стр. 75.—Он же. Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и Западной области в 1933—35 гг. (см. № 82), стр. 81.

88. Скнигино. Стоянка эпипалеолитического времени на дюнах — по левому берегу р. Нерли в ее устье, недалеко от впадения ее в Волгу. Обильный кремневый инвентарь носит азильско-тарденузский (свидерский) характер. Основываясь на данных пыльцевого анализа, исследовавший Скнигино П. Н. Третьяков (1937) считает возможным относить стоянку к бореальному времени.

Сообщение П. Н. Третьякова.

89. Куйбышев. При прокладке канализационных труб по Вознесенскому спуску в г. Куйбышеве на береговой террасе Волги у подножья возвышенности в октябре 1926 г. были обнаружены кости мамонта. Осмотр места находки, произведенный М. Г. Маткиным и А. И. Тереножкиным, показал, что остатки мамонта залегают на глубине 3,2 м под черноземом и делювиаль-

ным (красно-бурым) суглинком в прослойке желтого песка, подстилающегося песком с известняковой галькой. При костях найдено несколько мелких осколков кремня.

90. Мулинов остров. Местонахождение ископаемых костей на так наз. Мулиновом острове по левому берегу Волги, против дер. Городище, между Тетюшами и Ульяновском. Вместе с остатками мамонта, сибирского носорога, северного оленя, лоси, бизона найдена нижняя челюсть человека. Палеолитический характер находок не установлен.

А. П. Павлов. Геологическая история европейских земель и морей в связи с историей ископаемого человека. 1936; стр. 256.

91. Постников овраг. Местонахождение (азильского или более позднего времени) в устье Постникова оврага, на северной окраине г. Куйбышева, рядом с Постниковской стоянкой с макролитическим инвентарем. Здесь П. П. Ефименко и М. Г. Маткиным в береговом обрыве обнаружен культурный слой, содержащий обработанные кремни микролитического облика и изделия из кости (костяная игла) вместе с остатками фауны, ближе пока не определенной.

92. Ундоры. Местонахождение ископаемых костей на отмели по правому берегу Волги, на острове у с. Ундоры — между Тетюшами и Ульяновском. Вместе с костями мамонта и других животных здесь найдены два черепных свода человека, сохраняющих характерную темную окраску, которая свойственна и остаткам плейстоценовой фауны. Возраст этих находок остается невыясненным.

А. П. Павлов. Ископаемый человек эпохи мамонта в Восточной России. Прилож. к «Русск. антрол. журн.», т. XIV, вып. 1—2, 1925, стр. 6, 9 и сл.

93. Хрящевская коса. Местонахождение ископаемой фауны на левом берегу Волги у г. Сенгилея ниже дер. Хрящевки на косе Тунгуз. Здесь давно известны (с конца 70-х годов) постоянные находки многочисленных костей мамонта, сибирского носорога, первобытного быка и европейского бизона, северного и благородного оленя, лоси, лошади, верблюда и хищных животных. По мнению описавшего это местонахождение П. А. Осокова скопление костей связано с деятельностью человека, так как трубчатые кости животных часто бывают расколоты и несут на себе следы использования. Здесь же найден обломок любой части человеческого черепа, однако имеющий менее интенсивную окраску, чем кости животных. Палеолитический характер находок не доказан.

И. С. Поляков. Антропологическая поездка в центральную и восточную Россию. Прилож. к «Зап. Акад. Наук», т. XXXVII, № 1, 1880, стр. 75.—

П. Осоков. Предварительное сообщение об открытии кладбища костей послетретичных млекопитающих в береговом гравии на левом берегу Волги, между г. Сенгилеем и с. Новодевичицким. Прил. к «Прот. Моск. общ. испыт. природы», 1913.—А. П. Павлов. Геологическая история европейских земель и морей (см. № 90), стр. 253.

94. Яблонов проток. Местонахождение ископаемой фауны по левому берегу Волги на размываемой песчаной гриве между протоком Яблоновым и Собачьей прорвой (у Тетюней). Встречаются кости мамонта, сибирского носорога, лошади, лося, благородного оленя, бизона (зубра), верблюда. Здесь же найдена плечевая кость человека, покрытая тем же почти черным блестящим загаром, что и кости животных. Находки палеолитических кремней отсутствуют.

А. П. Павлов. Геологическая история европейских земель и морей... (см. № 90), стр. 254.

95. Остров. Стоянка времени верхнего палеолита, первая для бассейна Камы, открыта в сентябре 1938 г. М. В. Талицким на р. Чусовой в окрестностях дер. Остров и Гляденова. Культурный слой в виде линзы, мощностью до 10 см, залегает на значительной глубине (11 м) в отложениях надпойменной террасы. Фауна содержит мамонта и северного оленя, видимо имеется также сибирский носорог. Вещевой материал, собранный при зачистке обнажения, представлен отщепами из кремня, сланца, горного хрусталя; имеются ножевидные пластинки и орудия (маленькие скребочки). Повидимому отсюда же происходит послужившая указанием к открытию стоянки случайная находка фрагмента ребра мамонта с вырезанным на нем линейным узором палеолитического характера.

М. В. Талицкий. Островская палеолитическая стоянка близ г. Молотова. Краткие сообщения, (см. № 17), IV, 1940, стр. 41—42.

96. Бурановская пещера. Находится в 8 км к северу от Усть-Катава на берегу р. Юрзани в Челябинской обл. При разведочных раскопках С. Н. Бибикова (1938) на глубине 2 м в слое желтой глины обнаружен культурный слой, содержащий раздробленные кости животных и прослойки угля. Фауна: бык, лошадь, северный олень, песец, волк, медведь, остатки грызунов, птиц, рыб. Обработанный кремень встречается в небольшом количестве. Местонахождение относится к верхнему палеолиту; представляет временный охотничий лагерь.

С. Н. Бибиков. Пещерные палеолитические стоянки бассейна р. Юрзани (Ю. Урал). Краткие сообщения (см. № 17), III, 1940, стр. 35—39.

97. Ключевая пещера. Расположена по соседству с предыдущей, несколько ниже по

течению р. Юрзани, уже на территории Башкирской ССР. Культурный слой хорошо выражен. В составе фауны имеется сибирский носорог, европейский бизон, северный олень, песец и др. Обработанного кремня немного. Интересно, что встречающийся здесь в виде отщепов темный меловой кремень неизвестен в окрестностях пещеры и происходит за 120—150 км. Стоянка особенно интересна как тип охотничьего лагеря, удаленного от места постоянного обитания оставившей его верхнепалеолитической группы. Раскопки (С. Н. Бибикова) относятся к 1938 г.

См. № 96.

98. Усть-Катав. В пещере у станции Усть-Катав на Южном Урале обнаружено значительное количество костей плейстоценовых животных (мамонт и др.). Обследование, произведенное С. Н. Бибиковым в 1937 г., не дало указаний на связь скопления остатков животных с деятельностью человека.

С. Н. Бибиков. Раскопки Усть-Катавской костеносной пещеры и археологические обследования привобережья р. Катав в районе поселка Усть-Катав (Ю. Урал). Сборник «Палеолит и неолит СССР», стр. 61—64.

99. Идельбаева. Следы стоянки поздне-палеолитического времени на р. Губерле к северо-востоку от г. Орска близ дер. Идельбаевой (Оренбургская обл.). Открыты П. С. Назаровым в 1906 г. Кроме кремневых орудий найдено большое количество костей животных: два вида вымерших быков, лошадь, волк, лось, северный олень и собака.

П. С. Назаров. Дополнение к сообщениям И. Т. Пославского о находках каменных орудий в Средней Азии. Прот. засед. и сообщ. членов Туркестанск. кружка любит. археол., год одиннадцатый (I, I 1906—I, I 1907), стр. 78.

100. Лакедемоновка. Находка кремней верхнепалеолитического облика (сделана В. А. Хохловкиной) в лессовых отложениях у дер. Лакедемоновки на северном побережье Азовского моря.

В. И. Громов. Некоторые итоги полевого исследования по палеолиту СССР в 1935 г. Сов. археол., № 2, 1937, стр. 193.

Территория УССР

Донбасс (101), Северный Донец (102—108), среднее течение Днепра (109—124), бассейн Десны (125—138), бассейн Сулы (139—143), Сейм (144), бассейн Припяти (145—147), окрестности Одессы (148), Южный Буг (149), Днестр (150—164). Окрестности Мелитополя (165)

101. Амвросиевка. Весьма интересная позднепалеолитическая стоянка, видимо мадлен-

ского времени, возле с. Амвросиевки (Донецкой обл.) в верховьях балки Казенной, по правому берегу р. Кринки, в расстоянии около 2 км от реки. Открыта в 1935 г. и исследовалась в 1936 г. сотрудниками Музея краеведения г. Сталино. На пологих склонах балки на площади около 6 га собрано большое количество обработанного кремня. Последний напоминает кремневый инвентарь стоянок типа Костенки II и III, Елисеевичей и мадленских местонахождений левобережья Днестра. В находках преобладают резцы. Интересно присутствие огромного количества нуклеусов и отбойников, что указывает на обработку кремня на месте стоянки. Остатки не занимают определенного уровня, встречаясь в разведочных раскопках, начиная от поверхности почвы до глубины около 1.25 м (в лёссовидном суглинке). Возможно, к несколько более позднему времени относится «костище», представляющее мощное скопление культурных остатков, главным образом костей дикого быка (*Bison priscus*) в числе не менее 300 особей на 40 кв. м вскрытой площади. Изделия из кремня имеют здесь несколько иной характер (резцы отсутствуют); встречается обработанная кость — наконечники веретенообразной формы, сходные с найденным в Веселогорье. Характер находок на месте «костища» дает видимо основание предполагать наличие жилища.

Сообщение В. М. Евсеева.

102. Африканова мельница. Следы стоянки, видимо, позднепалеолитического времени в окрестностях стоянки Рогалик-Якимовской, при впадении р. Евсуг в Сев. Донец. Стоянка расположена на склоне высокого правого берега Евсуга у мельницы. Обработанные кремни встречаются на небольшой глубине. По словам С. А. Локтюшева состав находок тот же, что и в Криничной балке, — резцы, скребки, ножевидные пластинки.

Сообщение С. А. Локтюшева.

103. Береговая. В окрестностях хут. Рогалик (см. № 106) на нижнем течении Евсуга близ впадения его в Донец к северу от Ворошиловграда (б. Луганск). Найдены нескольких кремневых орудий, в том числе двух круглых скребочков, в культурном слое. Стоянка, видимо, относится к тому же времени, что и Рогалик-Якимовская (азиль).

С. А. Локтюшев. Доисторический очерк средней Донеччины, 1930; сообщение его же.

104. Веселогорье. На отмели у правого берега Донца, в 15 км от Ворошиловграда (б. Луганск) у с. Веселогорья случайная на-

ходка в 1919 г. наконечника дротика из kostи (мадленского облика) и костей мамонта, носорога, быка, лошади и пр.

С. А. Локтюшев. Доисторический очерк... (см. № 103), стр. 7.

105. Криничная балка. Стоянка позднепалеолитического времени на склоне высокого правого берега р. Евсуг недалеко от его впадения в Сев. Донец. Находится в расстоянии 360 м на юго-запад от Рогалик-Якимовской стоянки, у проселочной дороги. Палеолитические стоянки залегают на незначительной глубине. Встречаются резцы, скребки, ножевидные пластинки, нуклеусы и пр. рогаликского типа. Исследована в 1936 г.

Сообщение С. А. Локтюшева.

106. Рогалик-Якимовская. Стоянка азильского времени на высоком правом берегу долины р. Евсуг при впадении Евсуга в Сев. Донец, в 35 км на СВ от г. Ворошиловграда (б. Луганск), у хут. Рогалик. Открыта С. А. Локтюшевым в 1926 г. и исследовалась в 1927, 1928, 1933 и 1936 гг. Расположена по правому склону Якимовской балки. Культурные остатки залегают главным образом в слое песчанистого, слабо гумусированного суглинка на глубине от 1 м 15 см до 1 м 86 см. В составе фауны преобладает лошадь, имеются находки раковин морских моллюсков. Среди кремневых орудий, очень близких по своему характеру к типу инвентаря верхнего горизонта Борщева II, встречаются уже настоящие геометрические формы (трапеции).

С. А. Локтюшев. Доисторический очерк... (см. № 103), стр. 12—16.

107. Шейшинова балка. Следы позднепалеолитической стоянки при впадении р. Евсуг в Сев. Донец у Шейшиновой балки в окрестностях хут. Рогалик. Культурные остатки — изделия из кремня типа Рогалик-Якимовской стоянки — залегают на небольшой глубине (0.25—0.60 м). Найдены относятся к 1936 г.

Сообщение С. А. Локтюшева.

108. Щуровка. Найдены костей мамонта и нескольких обработанных кремней на р. Сев. Донце у с. Щуров Рог к северу от г. Изюма. Сборы А. С. Федоровского и Н. В. Сибилева в 1923 г. На ряду с кремневыми отщепами в находках имеются угловые резцы. Материал хранится частью в Харькове, частью в Изюмском музее.

Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины, вып. II, 1926, стр. 26 и табл. I.

109. Байрачная. Днепропетровская обл., возле с. Ямбург. В балке Байрачной следы

палеолитического поселения (1935) в виде обработанных кремней и скопления костей древнечетвертичных животных в песчано-глинистых отложениях характера древних овражных образований.

Из материалов I планума Ком. ископ. человека Советской секции INQUA (декабрь 1935).

110. *Бурты*. В окрестностях Канева, возле с. Студенец. Остатки верхнепалеолитической стоянки — кремни и кости ископаемых животных в балке Бурты; залегают в слое древнего овражного аллювия.

Из материалов I планума Ком. ископ. человека Советской секции INQUA (декабрь 1935).

111. *Дубовая балка*. Многослойное позднепалеолитическое местонахождение, нижние слои которого, возможно, относятся еще к мадленскому времени, на левом берегу р. Днепра, к югу от устья р. Плоская Осокоривка, против о. Дубового, между порогами Ненасытцем и Вольническим. Открыто Днепростроевской археологической экспедицией в 1931 г. и исследовалось в 1932 г. Расположено на левом склоне Дубовой балки. Культурные остатки находятся в основании делювиальной лёссовидной глины и частью в слоистых песках аллювиального происхождения второй надлуговой террасы Днепра. Всего обнаружено 8 культурных прослоек. Некоторые слои представлены лишь кострищами и остеологическими материалами. Наиболее богат находками 5-й горизонт. Подавляющее большинство найденных костей принадлежит быку; имеются лошадь, волк; много остатков зайца; мамонт отсутствует. Среди кремневых орудий Дубовой балки преобладают острия. Встречены орудия из кости и украшения из раковин.

В. И. Громов. Некоторые новые данные... (см. № 62), стр. 268.—І. Г. Підоплічка. Матеріали до вивчення минулих фаун УССР, вып. I. Київ, 1938, стр. 154.—І. Г. Підоплічка. Краткий обзор фауны палеолита УССР. Сов. археол., № 5, 1940, стр. 151—155.

112. *Кайстрова балка I*. Поздняя палеолитическая стоянка на левом берегу р. Днепра к югу от устья р. Плоская Осокоривка (к западу от Дубовой балки) в районе Днепростроя. Открыта и исследована (1931) Археологической экспедицией на Днепрострое. Культурные остатки в виде пятна культурного слоя, частью разрушенного овражком, впадающим в балку, залегают в лессе на надпойменной террасе второго уровня. Фауна: европейский бизон и лошадь. Кремневый инвентарь состоит преимущественно из резцов и скребков. Материал не опубликован.

И. Г. Підоплічка. Краткий обзор... (см. № 111), стр. 151—155.—І. Г. Підоплічка. Матеріали до вивчення... (см. № 111), стр. 153.

113. *Кайстрова балка II*. Стоянка позднего палеолитического времени в том же районе. Культурные остатки в виде двух расположенных рядом пятен залегают в лёссовидной глине по правому склону Кайстровой балки, выше первой стоянки, у отрога балки. Фауна: европейский бизон и лошадь. В кремневом инвентаре преобладают резцы и скребки. Встречены 2 орудия из кости (шилья). Материал не опубликован.

См. № 112.

114. *Кайстрова балка III*. Незначительные остатки культурного слоя в лёссовидной глине на левом склоне Кайстровой балки, несколько выше стоянки Кайстрова II. Фауна: европейский бизон.

См. № 112.

115. *Кайстрова балка IV*. Культурный слой со скоплением кремня и пятнами красной краски на левом склоне Кайстровой балки. Остатков фауны не обнаружено.

См. № 112.

116. *Кирилловская* (нижний горизонт). Стоянка раннемадленского времени на правом берегу р. Днепра на Кирилловской ул. в Киеве. Открыта В. В. Хвойко в 1893 г. Нижний горизонт, в виде нескольких наложений кострищ со скоплением костей и бивней мамонта, залегает на поверхности спондило-вой (третичной) глины в основании древней террасы под мощным послеледниковым наносом толщиной до 22 м. Кроме мамонта изредка встречаются кости шерстистого носорога. Среди небольшого количества кремневых орудий из отщепов преобладают резцы случайных форм. В этом же горизонте Хвойко найден обломок бивня мамонта со стилизованным изображением. Исследование стоянки относится к 1893—1900 гг.

П. Я. Армашевский и В. Б. Антонович. О нахождении костей мамонта в Киеве совместно с кремневыми орудиями. Дніви. XI Съезда русск. естествоисп. и врачей, 1894; Зап. Киевск. общ. естествоисп., т. XIV, вып. I, стр. VIII—IX.—В. Б. Антонович. Памятники каменного века, найденные в Киеве в течение трех последних лет. Тр. X Археол. съезда в Риге, 1896, т. III, стр. 83.—П. Я. Армашевский и В. Б. Антонович. Публичные лекции по геологии и истории Киева. 1897, стр. 21—25.—Th. Volkov, L'Anthropologie, т. VIII, № 6, стр. 687—688 (рецензия на: P. Armatchevsky et V. Antonovich. Poublitchnyia lektzii po geologii i istorii Kiéva).—Ф. К. Волков. Передісторичні знахідки на Кирилівській улиці у Київі. Матеріали до Українсько-Руської Етнографії, т. I, Наукове Товариство ім. Шевченка у Львові, Львов, 1899, стр. 1—30.—Он же. Палеолітичні знахідки на Кирилівській улиці у Київі. Там же, стр. 211—219.—Th. Volkov. Défense de mammouth gravée du gisement paléolithique de Kiev. Bull. et mém. de la Soc. d'Anthrop. de Paris, vol. I (V Série), 1900, стр. 478—479.—В. Б. Антонович, Київська

Старина, Археол. летоп. Южн. России [заметка о бивне мамонта с резьбой, фототипия], 1900, стр. 71.—Н. А. Линниченко и В. В. Хвойко. Нахodka орнаментированных костей мамонта. Зап. Одесск. общ. ист. и дрсвн., т. XXIII, стр. 203—206.—В. В. Хвойко. Каменный век Среднего Приднепровья. Тр. XI Арх. съезда в Киеве, т. I, 1901, стр. 736.—V. Khvoiko. Découvertes paléolithiques récemment faites en Russie. L'Anthropologie, 1901, т. XII, № 1—2, стр. 158—159.—Ф. К. Вовк. Магдаленське майстерство на Україні. „Зап. Наукового Товариства ім. Шевченка”, т. XLVI, вып. II, 1902, стр. 1—2.—М. В., L'Anthropologie, 1903, № 3, стр. 326 (рецензия на статью: F. Volkov. Magdalené maisterstwo na Ukrayini).—В. В. Хвойко. Киево-Кирилловская стоянка и культура эпохи мадленской. Археол. летоп. Южн. России, 1903, № 1, стр. 26.—Ф. К. Волков. Искусство мадленской эпохи в Украине. Там же, стр. 14.—М. В. Павлова. Последгречевые слоны из разных местностей России. Ежегодн. геол. и минерал. России, т. XI, вып. 6—7, 1910, стр. 167.—В. В. Хвойко. Древние обитатели среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. 1913, стр. 6—7.—А. А. Спицын. Русский палеолит (см. № 58), стр. 12—19.—П. П. Ефименко. Палеолитические стоянки... (см. № 58), стр. 106—107.—А. П. Павлов. Геологическая история европейских земель и морей... (см. № 90), стр. 278. П. И. Борисковский. Кирилловская палеолитическая стоянка. Сборник „Палеолит и неолит СССР”, стр. 86—103.

117. Кирилловская (верхний горизонт). Стоянка позднемадленского или азильского времени. Открыта В. В. Хвойко в 1897 г. Исследовалась им в 1897 и 1899 гг. Культурный слой в виде округлых зольных утолщений с небольшим количеством обожженных костей залегает в основании серо-зеленоватых песков на глубине 11—16 м от поверхности. В составе фауны: лев, россомаха, волк и сомнительные находки гиены и мамонта. Среди кремневого инвентаря, кроме большого количества отбросов, встречается довольно много орудий.

Ф. К. Вовк. Палеолітичні знахідки на Кирилівській улиці у Києві. Матеріали до Української-Руської Етнології, т. I, Наукове Товариство ім. Шевченка у Львові, 1899, стр. 211.—Он же. Магдаленське майстерство на Україні. Зап. Наукового Товариства ім. Шевченка, т. XLVI, вып. II, 1902, стр. 1.—В. В. Хвойко. Киево-Кирилловская стоянка и культура эпохи мадленской. Археол. летоп. Южн. России, № 1, 1903, стр. 29.—А. А. Спицын. Русский палеолит (см. № 58), стр. 118.—П. П. Ефименко. Палеолитические стоянки... (см. № 58), стр. 111—112.—А. П. Павлов. Геологическая история европейских земель и морей... (см. № 90), стр. 284. И. Г. Пидопличка. Краткий обзор... (см. № 111), стр. 151—155.—П. И. Борисковский. Кирилловская палеолитическая стоянка. (см. № 116).

118. Ковальская балка (Кривой Рог). В окрестности Кривого Рога в 3 км от него близ впадения р. Саксагань в Ингул, в Ковальской балке, на глубине 1—1.50 м в красноватой глине скопление кремневых орудий и осколков, сопровождавшихся костями мамонта. Открыто А. Н. Полем. Стоянка систематическому исследованию не подвергалась. Овраг засыпан выбросом из соседнего рудника.

Е. И. Мельник. Каталог коллекции древностей А. Н. Поль в Екатеринославе, вып. I, 1893, стр. 4.—Н. И. Криштафович. О геологическом исследовании палеолитических стоянок... (см. № 76), стр. 176.

119. Майорка. Стоянка верхнепалеолитического времени на правом берегу Днепра, ниже Ямбурга и с. Волоского у балки Майорки. Открыта и исследовалась И. Ф. Левицким в 1932 г. Культурные остатки залегают под толстым слоем лессовидных суглинков в двух пунктах: в устье балки Майорки (на глуб. 3.5 м) и выше устья балки на берегу Днепра (на глуб. 2.50 м) вместе с костями быка (*Bos sp.*). Левицкий относит обе эти находки, представленные небольшим количеством объектов, к мадленскому времени.

Материалы комплексной экспедиции Укр. Акад. Наук. І. Г. Підоплічка. Матеріали до вивчення... (см. № 111), стр. 152.

120. Осокоривка. Стоянка верхнепалеолитического времени по левому берегу Днепра в районе Днепро-ГЭС, расположена при устье балки Плоской Осокоривки на второй лессовой террасе Днепра. Открыта в 1931 г., исследовалась И. Ф. Левицким в 1932 г. Обнаружено несколько культурных горизонтов. Нижний (на глуб. 5.64 м), в основании аллювиально-делювиальных отложений, относится, видимо, к мадлену. Три вышележащих горизонта, залегающих в аллювиально-делювиальном наносе (глуб. 3.5 м) и в лессовидном суглинке (2 и 2.5 м), относятся, вероятно, к азилю. Фауна: бизон, лошадь, мамонт, носорог, бобр и др.; кремневый материал не опубликован. Имеются указания на наличие жилищ.

І. Г. Підоплічка. Матеріали до вивчення... (см. № 111), стр. 154.

121. Протасов Яр. Следы верхнепалеолитической стоянки в Протасовом Яру в г. Киеве у вокзала. Найдены сделаны (в начале девятисотых годов) при земляных работах по сооружению товарной станции на глубине 16 м под лесом. Место не исследовано.

Н. И. Криштафович. О геологическом исследовании палеолитических стоянок... (см. № 76), стр. 178.

122. Селище. Следы палеолитической стоянки в виде остатков фауны, в сопровождении обработанных кремней открыты (1900) Н. И. Криштафовичем в окрестностях г. Канева на правом берегу Днепра близ с. Селища. Палеолитические остатки залегают в условиях, аналогичных Кирилловской стоянке — под толщей лессовидных песчанистых отложений над моренной глиной.

Н. И. Криштафович. О геологическом исследовании палеолитических стоянок... (см. № 76), стр. 178.

123. Скалка. Нахodka костей мамонта и кремневой пластинки в уроч. Скалка около местечка Городище в районе Кременчуга (1922).

Н. И. Криштафович. О геологическом исследовании палеолитических стоянок... (см. № 76), стр. 150.

124. Ямбург. Стоянка верхнеалеолитического времени на правом берегу Днепра при устье р. Суры. Открыта и исследовалась И. Ф. Левицким в 1932 г. Расположена на третьей террасе, общей для Днепра и Суры. Первый горизонт культурных остатков залегает в лессовидном суглинке на глубине 1.49 м. Левицкий различает здесь всего 9 горизонтов, которые датируют позднемадленским временем.

І. Г. Підоплічка. Матеріали до вивчення... (см. № 111), стр. 153.—І. Г. Підоплічка. Краткий обзор (см. № 111), стр. 151—155.

125. Воронеж. В с. Воронеж Черниговской обл. под г. Глуховом следы палеолитической стоянки. Старая находка (И. Абрамова), материал в виде обработанного кремня передан в Гос. Эрмитаж.

126. Дегтярево. В с. Дегтяреве в районе Новгород-Северска при устройстве ограды около церкви обнаружено скопление костей мамонта, большей частью расколотых.

Д. Я. Самоквасов. Антропологическая выставка, т. III (см. № 58), стр. 338.—А. А. Спицын. Русский палеолит (см. № 72), стр. 158.

127. Мезин. Палеолитическая стоянка на правом берегу р. Десны, ниже Новгород-Северска, в с. Мезине; время, предположительно, конец солютире. Расположена по левому склону Мезинской балки, недалеко от выхода ее в долину Десны. Характер поселения, несмотря на многолетние раскопки, остается не выясненным. Возможно наличие жилища в виде неглубокой землянки (раскопки 1909 г.). В находках, помимо кремневого инвентаря, богато представлены изделия из кости. Fauna: мамонт, носорог, северный олень, мускусный овцебык, лошадь, лесец, росомаха и др. Интересны находки раковин, происходящих из Черного моря. Стоянка открыта Ф. К. Волковым в 1908 г., исследовалась П. П. Ефименко в 1909 г. и другими (Л. Е. Чикаленко, Б. Г. Крижановский и М. Я. Рудинский) в последующие годы (1912—1914, 1916, 1930).

Хв. Вовк. Палеолітичні знахідки в с. Мізині на Чернігівщині. Зап. Україн. научн. товариства в Києві, кн. IV, 1909, стр. 90.—Ф. І. Волков. Палеоліти-

ческая стоянка в с. Мезине Черниговской губ., (Предвар. сообщ.). Тр. XIV Археол. съезда в Чернигове, т. III, 1911, стр. 262.—Th. Volkov. Nouvelles découvertes dans la station paléolithique de Mezine (Ukraine). Congrès intern. d'anthropol. et d'archéol. préhist., Compte rendu de la XIV Sess., Genève 1912, стр. 415.—П. П. Ефименко. Каменные орудия палеолитической стоянки в с. Мезине Черниговской губ., Ежегодн. Русск. антроп. общ., т. IV, 1913, стр. 67.—Г. Ф. Мирчинк. О соотношении речных террас... (см. № 58), стр. 13.—Он же. Геологические условия нахождения... (см. № 58), стр. 50.—П. П. Ефименко. Палеолитические стоянки... (см. № 58), стр. 102.—А. П. Павлов. Геологическая история европейских земель и морей... (см. № 90), стр. 275—279. И. Г. Пидоплічка. Ітоги ізучення фауни Мезинської палеолітическої стоянки. Природа, № 3, 1935, стр. 79—81.—І. Г. Підоплічка. Матеріали до вивчення..., (см. № 111), стр. 132.—І. Г. Підоплічка. Краткий обзор... (см. № 111), стр. 151—155.

128. Новгород-Северск. Стоянка верхнеалеолитического времени в Новгород-Северске на берегу р. Десны. Культурные отложения стоянки залегают частью под обвалом известняковой скалы; в значительной части разрушены карьером. Много остатков плейстоценовой фауны в составе мамонта, северного оленя, несца, леммингов; помимо кремневого инвентаря имеется и обработанная кость. Особенно интересны три «гигантолита» — рубящие (кайлообразные) орудия огромных размеров (до 0.45 м длины и до 8 кг весом) из темного мелового кремня, найденные И. Г. Пидоплічка на месте стоянки в апреле 1936 г. Стоянка исследована И. Г. Пидоплічка (1936) и им же совместно с М. В. Воеводским и П. И. Борисковским (1937 и 1938).

І. Г. Підоплічка. Матеріали до вивчення... (см. № 111), стр. 3, 96—133.—І. Г. Підоплічка. Краткий обзор... (см. № 111), стр. 151—155.—Он же. Кремневые гигантолиты из Новгород-Северска. Сборник «Палеолит и неолит», стр. 26—36.

129. Пушкири I. Стоянка более ранней поры верхнего палеолита, на правом берегу р. Десны близ с. Пушкири, в 20 км к северу от Новгород-Северска. Открыта в 1932 г., частично исследовалась в 1933 и затем в 1937 и 1938 гг. (П. И. Борисковским). Культурный слой, залегающий на глубине 1 м, насыщен обработанным кремнем: имеются наконечники с боковой выемкой, острия, скребки, крупные ретушированные пластинки и пр. Остатки фауны плохой сохранности — мамонт, несец, волк.

П. И. Борисковский. Палеолитическая стоянка Пушкири I. Краткие сообщения (см. № 17), II, стр. 10.—М. В. Воеводский. Работы Деснинской экспедиции в 1939 г. Краткие сообщения IV, стр. 34.—І. Г. Підоплічка. Матеріали до вивчення... (см. № 111), стр. 184.—І. Г. Підоплічка. Краткий обзор... (см. № 111), стр. 151—155.—П. И. Борисковский. Пушкиревское палеолитическое жилище. Краткие сообщения, VII, 1940, стр. 81—86.

130—134. Пушкири II—VI. В районе Пушкирей в 1936 и 1937 гг. И. Г. Пидоплічка

и М. В. Воеводским обнаружено еще несколько стоянок верхнепалеолитического возраста.

М. В. Воеводский. Работы Десинской экспедиции в 1939 г. (см. № 129), стр. 34.

135. Пушкари VII (Покровщина). В окрестностях с. Пушкари в «проходной» долине, на расстоянии 3,5 км от берега Десны, М. В. Воеводским обследована (1938) стоянка, относящаяся, видимо, к концу верхнего палеолита. Культурный слой, содержащий скопление кремня в виде желваков, отщепов и некоторого количества законченных орудий, залегает на небольшой глубине на высоте 1,50 м от дна балки.

См. №№ 130—134.

136. Чулатово I. Стоянка верхнепалеолитического времени в с. Чулатово по правому берегу р. Десны в 8 км к югу от Новгород-Северска. Открыта и исследована И. Г. Пидопличка в 1935 и 1936 гг. Находится на месте меловых разработок, в значительной степени уничтоживших стоянку, в уроч. Крейдяный Майдан. Культурный горизонт находится на высоте около 25 м над уровнем реки. В составе фауны имеются мамонт, северный олень, лошадь, песец,rossомаха, ошейниковый лемминг и пр. Интересна находка части черепной крышки человека со следами распиливания. Значительное количество изделий из кремня, характерных для раннего мадлена восточной Европы (преобладают резцы, немного скребков и фрагменты поделок из кости).

М. В. Воеводский. Работы Десинской экспедиции в 1939 г. Краткие сообщения, IV (см. № 129), стр. 34.—И. Г. Пидопличка. Палеолитическая стоянка Чулатово I. Сов. археол., № 5, стр. 65—80.—І. Г. Підоплічка. Матеріали до вивчення... (см. № 111), стр. 133.

137. Чулатово II (Рабочий ров). Стоянка более позднего мадленского времени, в расстоянии 1 км от Чулатово I; частично разрушена оврагами. Культурный слой залегает на глубине 3,5 м. Найдено несколько мест выделки костяных орудий. Имеются нуклеусы, пластинки; из орудий — почти исключительно резцы. Фауна — мамонт и северный олень. Стоянка открыта в 1936 г. и исследована М. В. Воеводским в 1937 и 1938 гг.

См. № 136.

138. Юхнова. В районе Новгород-Северска у с. Юхнова находки костей мамонта и кремневых отщепов (И. Абрамов).

Хроника археол. та мистецства, Укр. археол. ком., ч. I, 1930, стр. 76.

139. Вязовка. Случайная находка в овраге близ с. Вязовка на р. Суле в окрестностях г. Лубны (Полтавская обл.) нижней челюсти мамонта и вместе с ней кремневых палеолитических орудий, вымытых из древнего глинистого наноса. Сведения Ф. И. Каминского 1873 г.

Ф. И. Каминский. Следы древнейшей эпохи каменного века по р. Суле. Тр. III Археол. съезда в Киеве, т. I, стр. 147.

140. Гай. В Роменском районе у хут. Гай обнаружены кости ископаемых животных в сопровождении грубых кремневых отщепов. Находки переданы в Роменский музей.

141. Гонцы. Стоянка мадленского времени на правом берегу р. Удая у с. Гонцы. Открыта и впервые раскапывалась Ф. И. Каминским в 1873 г. Исследовалась Полтавским музеем в 1914 и 1915 гг. и И. Ф. Левицким совместно с А. Я. Брюсовым и И. Г. Пидопличка в 1935 г. Расположена на надлуговой террасе р. Удая, прислоненной к возвышенности коренного берега. Палеолитические остатки залегают под пластом лёсса в 3—3,5 м толщиной на границе песчано-глинистого аллювия, из которого сложена терраса. Культурные остатки занимают определенные участки. Имеются скопления костей мамонта, вероятно связанные с землянками. Кроме мамонта в находках представлен северный олень, заяц и др. Кремневые орудия небольших размеров с преобладанием резцов и скребков. Встречаются изделия из кости (напр. игла с ушком).

Ф. И. Каминский. Следы древнейшей эпохи... (см. № 139), стр. 147. К. М. Феофилактов. О местонахождении кремневых орудий в Гонцах на р. Удае Лубенского у. Полтавской губ. Там же, стр. 153.—Н. И. Криштрафович. Станции древнейшего палеолитического человека на территории Европ. России и их геологический возраст. Дневн. XI Съезда русск. естествоисп. и врачей, № 1, 1902, стр. 133 и 277.—А. А. Спицын. Русский палеолит (см. № 58), стр. 19.—В. А. Городцов. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. Отд. археол. РАННОН, т. I, 1926, стр. 5—35.—П. П. Ефименко. Некоторые итоги... (см. № 58), стр. 55.—Он же. Палеолитические стоянки... (см. № 58), стр. 109.—Г. Ф. Мирчиник. Геологические условия... (см. № 58), стр. 52.—А. П. Павлов. Геологическая история европейских земель и морей... (см. № 90), стр. 286—289.—А. Я. Брюсов. Гонцовская стоянка. Сов. Археология, № 5, стр. 88—92.—І. Г. Підоплічка. Матеріали до вивчення... (см. № 111), стр. 146.—І. Г. Пидопличка. Краткий обзор... (см. № 111), стр. 151—155.

142. Журавка. Левый берег р. Удая (правый приток р. Сулы) у с. Журавка, недалеко от г. Прилуки. Стоянка азильского времени в аллювиально-делювиальных наносах второго (несущего лёсса) уровня нижней надлуговой террасы. Характерно обилие остатков трэзунов *Marmotta bobak* Müll., *Citellus*

rufescens K. и др., являвшихся предметом охоты, и кремневый инвентарь эпипалеолитического облика.

Из более древних горизонтов той же террасы имеются находки костей мамонта. Стоянка исследовалась экспедицией Укр. Академии Наук в 1927—1929 гг.

М. Рудинський та А. Вороний. З приводу знахідки в м. Журавці на Прилуччині. Антропологія, Укр. Акад. наук, 1927, Київ, 1928, стр. 65—70.
 М. Рудинський. Досліди в Журавці. Там же, т. III, 1928, Київ, 1929, стр. 140—151.— В. Крокос. Умовні залягання палеоліту в м. Журавці на Прилуччині. Там же, стр. 135—139.— М. Рудинський. Журавка. Там же, т. III, 1929, Київ, 1930, стр. 97—122.— А. Вороний. Матеріали до геології Журавської палеоліт. стації 1928—29 р., там же, стр. 123—132.
 І. Підоплічка. Гризуни та хижаки з разкомінні у с. Журавці. Там же, стр. 133—147.— В. Різниченко. Геологічні і геоморфологічні умови Журавської палеолітичної стації. Там же, т. IV, 1930, Київ, 1931, стр. 135—150.— М. Рудинський. Деякі підсумки та більші завдання палеонтологічних вивчень у межах УССР. Там же, стр. 145—184.

143. Сергеевка. Нахodka костей мамонта и некоторого количества кремневых отщепов (1921) в стене оврага по правому берегу р. Хорол (приток Псла) у с. Сергеевки.

М. Рудинський. Деякі підсумки... (см. № 142), стр. 148.

144. Шаповаловка. Нахodka костей мамонта вместе с кремневой пластинкой в бассейне р. Сейма в с. Шаповаловка. Кости обнаружены Н. Д. Зубок-Мокиевским в 1879 г. на берегу озера, в обрыве, на глубине около 2 м.

Д. Я. Самоквасов. Вещественные памятники древности в пределах Малороссии (реферат на второй сессии Общ. любит. естествозн., антроп. и этногр. по поводу Антроп. выставки. Второе заседание 31 VII 1879 г.). Антропол. выставка, т. III, ч. I, стр. 338.— А. А. Спицын, Русский палеолит (см. № 58), стр. 153.

145. Довгиничи. Следы верхнепалеолитической стоянки на левом берегу р. Уж (правый приток Припяти) при сел. Довгиничи в окрестностях г. Овруч. Стоянка исследовалась И. Ф. Левицким в 1929 г.

І. Левицкий. Довгиницька палеолітична станція (попереднє повідомлення). Антропологія, Укр. Акад. наук, т. III (за 1929), 1930, стр. 153.— В. Крокос. Стратиграфія горішнього палеоліту с. Довгиничі на Овручині. Четверт. період, вып. 1—2, 1931. І. Г. Підоплічка. Матеріали до вивчення... (см. № 111), стр. 116.— М. Рудинський. Деякі підсумки... (см. № 142), стр. 150.

146. Искорость. Стоянка позднепалеолитического времени у м. Искорость близ скалистого берега р. Уж на глубине 0,5—0,8 м. При раскопках В. В. Хвойко в 1911 г.

под курганными насыпями в грунте обнаружен ряд кострищ и культурный слой с большим количеством обработанных кремней. Костных остатков мало. В сборах Хвойко имеется большое число нуклеусов и отбросов обработки кремня; материал не описан.

В. В. Хвойко. Древние обитатели среднего Приднепровья (см. № 116), стр. 6—7.— Спицын. Русский палеолит (см. № 58), стр. 142—144.

147. Колодезное. На р. Случи при впадении в нее р. Тюхтеревки случайная находка костей лошади, мамонта и др. в каменоломне у с. Колодезное, сведения И. Ф. Левицкого от 1924 г. Проверочные раскопки С. Гамченко в 1926 г. не дали положительного результата. Кости с изображениями, изданные Левицким, сомнительны.

У. Левицкий. З приводу знахідки в с. Колодязному. Бюлл. Каб. Антр. Укр. Акад. Наук, 1925, ч. I, стр. 35; І. Г. Підоплічка. Матеріали до вивчення... (см. № 111), стр. 118.— М. Рудинський. Деякі підсумки... (см. № 142), стр. 149.

148. Нерубайское. В окрестностях Одессы, у с. Нерубайского, на месте ломок известняка значительные скопления костей древне-четвертичных животных — мамонта, носорога, пещерного медведя, оленей, быков, антилоп, верблюдов, лошадей и пр. Н. И. Криштафович указывает, что при посещении места находок в 1904 г. обработанных кремней ему обнаружить не удалось.

Н. И. Криштафович. О геологическом исследовании палеолитических стоянок... (см. № 142), стр. 181.

149. Семенки. Стоянка верхнепалеолитического времени на правом берегу р. Южного Буга близ с. Семенки Брацлавского района в овраге Виноград. Открыта и исследовалась К. М. Поликарповичем в 1931 г. Находки: кремневые орудия и кости животных, среди которых имеются северный олень и дикая лошадь (фауна стоянки целиком еще не определена).

Сообщение К. М. Поликарповича.

150. Баговицы. Следы верхнепалеолитической стоянки в окрестностях Каменец-Подольска на берегу Днестра у с. Баговицы. Материал (подъемный) не описан.

І. Г. Рідоплітська. Ausstellung „Die Quartärperiode in der Ukraine“. Die Quartärperiode, Ukr. Akad. д. Wiss., вып. 4, 1932, стр. VII.

151. Врублевцы. Стоянка расположена недалеко от Днестра по р. Терновой у с. Врублевцы в окрестностях Каменец-Подольска. Первые сведения относятся еще к 1881 г.

(В. Б. Антонович). Материал (подъемный, 1927) происходит из делювиального суглинка, составляющего поверхностный слой на урочище Монастирниско. Кремневый инвентарь раннемадленского типа.

Е. Сецинский. Археологическая карта Подольской губ. Тр. XI Арх. съезда в Киеве, т. I, стр. 326.—Каталог выставки XI Археол. съезда, коллекции В. Б. Антоновича и Е. Н. Мельник-Антонович, стр. 36.—М. Рудинський. З матеріалів до вивчення передісторії Поділля. Антропологія, Укр. Акад. Наук, т. II, 1929, стр. 154.

152. Калюс. Найдены обработанного кремня (следы стоянки) по левому берегу р. Днестра на плато у р. Калюс близ села того же названия. Кремневый инвентарь мадленского облика. Найдены относятся к 1927 г.

М. Рудинський. З матеріалів до вивчення... (см. № 151), стр. 153.—Он же. Деякі підсумки... (см. № 76), стр. 149.

153, 154. Китай-город I и II. Следы двух стоянок по правому берегу р. Терновы (левый приток Днестра), при сел. Китай-город, в окрестностях г. Каменец-Подольска. Подъемный материал (верхний палеолит) подробнее не описан.

I. G. Рідоплітчка. Ausstellung „Die Quartärperiode in der Ukraine“ (см. № 150), стр. VII.

155, 156. Колачковцы I и II. Следы поздне-палеолитических стоянок по правому берегу Студеницы (левый приток Днестра) у сел. Колачковцы; собранный материал (1928) подробнее не описан.

М. Рудинський. Деякі підсумки... (см. № 142), стр. 149.

157. Кривчик. На берегу Днестра у мелкого села Кривчик при впадении р. Сученки имеются пещеры, возле входа в которые встречается много кремневых орудий. Материал не изучен.

В. В. Антонович. О скальных пещерах на берегу Днестра. Тр. VI Археол. съезда в Одессе, т. I, 1886, отд. отт., стр. 7.

158. Кужелева. Следы стоянки на р. Ушице (левый приток Днестра) близ сел. Большая Кужелева. Подъемный материал (1928) подробнее не описан.

М. Рудинський. З матеріалів до вивчення... (см. № 151), стр. 173.—Он же. Деякі підсумки... (см. № 142), стр. 149.

159. Нагоряны. На левом берегу Днестра, недалеко от устья р. Ледавы, пещера. В пещере и по склону встречаются отбивные орудия из камня, отличающиеся значительной величиной и грубой обивкой. Материал не описан.

В. Б. Антонович. О скальных пещерах... (см. № 157), стр. 11.

160. Недалеко от Днестра, на левом берегу р. Смотрича между селами Нечином и Залучьем пещеры; возле них встречаются каменные орудия. Материал не описан.

В. Б. Антонович. О скальных пещерах... (см. № 151), стр. 3.

161. Озаринцы. В окрестности Каменец-Подольска у с. Озаринцы в тальвеге оврага Борщевецкий Яр найдено (1912) несколько кремней и обломок кости мамонта с изображением этого животного. Найдены вызывают сомнения в смысле их палеолитического возраста.

М. Рудинський. З матеріалів до вивчення... (см. № 151), стр. 153. Он же. Поповгородський вияв культури мальованої кераміки. Антропологія, III, 1929. Київ, 1930, стр. 235—36.

162. Сокол. Следы палеолитической стоянки по левому берегу р. Днестра у с. Сокол, в окрестностях Каменец-Подольска. Материал (подъемный) подробно не описан.

Die Quartärperiode, Ukr. Akad. d. Wiss., вып. 4, 1932, стр. 80.

163. Студеница. Верхнепалеолитическая стоянка, находится на Белой Горе, над Днестром, недалеко от впадения в него р. Студеницы у села того же названия. На склонах горы и в расположенных здесь же пещерах палеолитические кремни собраны еще В. Б. Антоновичем в 1883 г. Значительное количество обработанных кремней на Белой Горе найдено в 1927 г. (подъемный материал). Кремневый инвентарь раннемадленского типа.

В. Б. Антонович. О скальных пещерах... (см. № 157) стр. 8.—Каталог выставки XI Археол. съезда в Киеве, 1899, стр. 179.—Н. И. Криштрафович. О геологическом исследовании палеолитических стоянок... (см. № 76), стр. 178.—М. Рудинський. З матеріалів до вивчення... (см. № 151), стр. 156.

164. Ушица. Следы стоянки на плато между Днестром и р. Ушицей, близ сел. Старая Ушица. Небольшой подъемный материал мадленского характера собран в 1927 г.

М. Рудинський. З матеріалів до вивчення... (см. № 151), стр. 172.

165. Каменный курган (или могила). Песчаниковый холм-останец по правому берегу р. Молочной близ с. Терпенье Мелитопольского р-на Днепропетровской обл. В гrotах, образованных плитами песчаника, обнару-

жены многочисленные изображения, некоторые из коих относятся по мнению исследователя (О. Н. Бадера) к времени эпипалеолита и даже верхнего палеолита. Работа производилась в 1936—1938 гг.

О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. Сборн. «Палеолит и неолит СССР», стр. 126—139.

Территория БССР

Сож (166, 167), Припять (168)

166. Бердыж. На правом берегу р. Сожа близ с. Бердыж Чечерского р-на в уроч. Колодежки. Стоянка солютрейского времени. Расположена в устье небольшой балки по ее правому (южному) склону. Культурные остатки залегают в песках на глубине 5—6 м. Исследовалось главным образом большое скопление остатков мамонта. Кроме мамонта фауна стоянки представлена лошадью, быком, пещерным медведем, пещерцом и некоторыми другими видами животных. Раскопки относятся к 1926—1929 гг. Стоянка открыта К. М. Поликарповичем и исследовалась им же, а также С. Н. Замятинным и другими лицами. В 1929 г. в углу раскопа обнаружен край ямы (дл. 3 м, глуб. до 1.5 м), заполненной культурным слоем, вероятно жилой землянки.¹ Значительные раскопки стоянки проведены К. М. Поликарповичем в 1938 г.

С. М. Замятин. Раскопки Бердыжской палеолитической стоянки у 1927 г. Працы Археол. комісії, Акад. Наук БССР, т. II, 1930, стр. 479. Там же статьи В. И. Громова (по фауне), стр. 7, и Г. Ф. Мирчинка (по геологии стоянки), стр. 1.—К. М. Поликарпович. Палеолит и неолит БССР... (см. № 82), стр. 16.—В. И. Громов. Некоторые новые данные о фауне и геологии вост. Европы и Сибири. Палеолит СССР, 1935, стр. 262.

167. Клеевичи. На правом берегу р. Беседи (левый приток Сожа) близ дер. Клеевичи Костюковичского района. Нахodka немногочисленных костей мамонта и лошади вместе с кремнями (возможно, однако, естественного происхождения) в песках верхней надпойменной террасы. Разведки производились К. М. Поликарповичем в 1919, 1930 и 1934 гг.

К. М. Поликарпович. Палеолит и неолит БССР... (см. № 82), стр. 75.—К. М. Поликарпович. Доследы культуры каменного і бронзовага перыодау у БССР у 1930—1931 гг. Працы Сэкцый археол., Акад. Наук БССР, т. III, 1932, стр. 227. К. М. Поликарпович. Работы по исследованию палеолита и эпипалеолита в БССР и в Западной области в 1933—35 гг. Сов. археол., № 5, стр. 81—87.

¹ По данным, сообщенным К. М. Поликарповичем.

168. Юровичи. По левому берегу р. Притчи на второй надпойменной террасе устье оврага близ местечка Юровичи. Стоянка верхнепалеолитического времени. Культурный слой (с небольшим количеством обработанного кремня) залегает на высоте 24—25 м над уровнем реки в аллювиальном песчаном наносе. Fauna представлена многочисленными остатками мамонта, имеется лошадь.

К. М. Поликарпович. Раэкопкі Юравіцкай палеолітычнай стаянкі у 1929 г. Працы археол. камісії, Акад. Наук БССР, т. II, 1930, стр. 499.—К. М. Поликарпович. Палеолит и неолит БССР... (см. № 82), стр. 78.—Г. Ф. Мирчинк. Геологические условия... (см. № 58), стр. 47.

Территория Крыма

(169—188)

169. Аджи-коба. Верхний горизонт пещеры содержит кремни верхнепалеолитического облика (см. № 22), сходные с инвентарем Сюрени I. Еще выше залегает слой, содержащий орудия микролитических типов (сборы А. С. Моисеева).

С. А. Трусова. Раскопки в пещере Аджи-коба в 1933 г. Сов. археол., № 5, стр. 272—274.

170. Ат-баш. Стоянка тарденузского времени у скалы Ат-баш на Ай-Петринской Яйле (около 1200 м над ур. м.), у обрыва Яйлы к морю почти над Симеизом. Исследовалась в 1927 г. Б. С. Жуковым совместно с О. Н. Бадером. Культурный слой стоянки (большей частью размытый) залегал на глубине 40—60 см от поверхности. В центральной части стоянки открыт «очаг», окруженный каменными плитами, диаметром в 2.5 м. Находки: кремневые орудия тарденузского характера, единичные фаунистические остатки (олень и кабан). Встречены фрагменты слабо обожженной керамики, возможно не имеющие отношения к слою.

Б. С. Жуков. Раскопки и обследование стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской Яйле в июне 1927 г. (предвар. сообщ.). Крым, № 2/4, Изд. Общ. изуч. Крыма, 1927, стр. 99.—Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. Тр. II Межд. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 119, 120 и др.

171. Балин-кош. Стоянка тарденузской эпохи на Ай-Петринской Яйле близ горы Бедене-хыр в уроцище Балин-кош. Сборы микролитических кремневых орудий производились здесь (Е. И. Висниловской и др.) в течение ряда лет. Т. Ф. Гелах нашел здесь гальку с выгравированным рисунком, напоминающую мас-д'азильские гальки.

Б. С. Жуков. Раскопки и обследование... (см. № 170), стр. 103.—Т. Ф. Гелах. Исследование «чуринга» первобытного человека. Антирелигиозник, № 5, 1933.—Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита... (см. № 170), стр. 119, 120, 162, 165.

172. *Буран-кая*. Гrot с остатками азильского времени (обработанные кремни, кости животных, раковины съедобных моллюсков) на правом берегу р. Борульчи в окрестностях сел. Кайнаут Карасубазарского р-на. Открыт О. Н. Бадером в 1935 г., исследовался им в 1935—1936 гг.

О. Н. Бадер. Результаты работ Крымской палеолитической экспедиции Московского института антропологии в 1936 г. Сов. археол., № 5, стр. 301—302.

173. *Джейлау-баш*. Стоянка на открытом воздухе тарденуазской эпохи в уроч. Джейлау-баш или Дамчи-кая на горе Чатыр-даг. Открыта и исследовалась О. Н. Бадером в 1930 г. Два культурных горизонта; в нижнем слое найдены «микролиты» геометрических форм; в верхнем — «микролиты», залегавшие вместе с керамикой.

О. Н. Бадер. Некоторые итоги изучения эпипалеолита Крымской Яйлы (тезисы доклада). Изд. Акад. Наук, 1936.

174. *Замиль-коба I*. Гrot с остатками азильско-тарденуазского времени в окрестностях сел. Черкез-кермен. Открыт Д. А. Крайновым в 1935 г. и исследовался им в 1935 и 1936 гг. Обнаружены два культурных слоя — азильской и тарденуазской эпох.

Сообщение Д. А. Крайнова.

175. *Замиль-коба II*. Гrot с остатками тарденуазского времени рядом с гротом Замиль-коба I. Открыт и исследовался Д. А. Крайновым в 1937 г. В нижнем культурном слое грота — находки тарденуазской эпохи.

Сообщение Д. А. Крайнова.

176. *Качинский навес*. Скальный навес с остатками позднего палеолита по р. Каче у сел. Пычхи близ Бахчисарая. Открыт К. С. Мережковским в 1879 г. и исследовался им в 1879 и 1880 гг. В культурном слое, вместе с каменными орудиями, Мережковским обнаружено несколько костей скелета ребенка. По мнению Г. А. Бонч-Осмоловского остатки поселения в Качинском навесе относятся к мадленскому времени.

К. С. Мережковский. Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму. Изв. Русск. геогр. общ., 1880, т. XVI, 1881, вып. 2, стр. 116—117.—Он же. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. Изв. Русск. геогр. общ., 1881, т. XVII, вып. 2, 1887, стр. 114.—

Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита... (см. № 170), стр. 119.

177. *Кизиль-коба*. Стоянка-мастерская тарденуазской эпохи на склоне Долгоруковской Яйлы у сел. Кизиль-коба близ Симферополя. Открыта и исследовалась К. С. Мережковским в 1879 и 1880 гг. Многочисленные кремневые орудия вместе с ядрицами и осколками кремния были обнаружены в слое темнобуровой глины непосредственно под почвенным слоем вблизи от природных месторождений кремня.

К. С. Мережковский. Отчет о предварительных исследованиях... (см. № 170), стр. 120 и 123.—Он же. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. (см. № 170), стр. 115.—Н. Н. Ефименко. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний. Русск. антроп. журн., 1925, стр. 213—215.—Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма. Крым, № 2, 1926, стр. 89—90.—Он же. Итоги изучения крымского палеолита (см. № 170), стр. 119 и 165.

178. *Кукрек*. Открытая стоянка тарденуазской эпохи на правом берегу р. Зуи близ сел. Кипчак в 3 км к югу от пещеры Кикикоба. Открыта Г. А. Бонч-Осмоловским в 1926 г.; исследовалась им в 1926 и 1927 гг. Нижний культурный слой стоянки залегал на глубине до 1.5 м от поверхности под делювиальными слоями глины и гравия; характеризуется присутствием призматических нуклеусов, круглых скребков, резцов и многочисленных правильных микролитических пластинок. Верхний культурный слой, бедный находками, расположен на глубине около 0.5 м и содержал типичные трапеции и сегменты. Остатки кости и угля немногочисленны. Фауна: волк, дикий кабан, благородный олень, заяц. Флора стоянки характеризуется присутствием дуба.

Крымская палеонтологическая экспедиция 1927 г. Отчет о деятельности Акад. Наук СССР за 1927 г. (II отчет о научных командировках и экспедициях), 1928, стр. 166—167.—Г. Вопь-Осмоловский. Le paléolithique de Crimée. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. пер., № 1, 1929, стр. 32.—Е. Вульф. Палеолит Крыма. Природа, 1930, № 2, стр. 227—230 (табл.).—А. А. Бялыницкий-Бируля. Предварительное сообщение о хищниках из четвертичных отложений Крыма. ДАН СССР, 1930, № 6, стр. 139—144 (табл.).—Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита (см. № 170), стр. 157, 158, 159, 160.—А. Ф. Гаммерман. Результаты изучения четвертичной флоры по остаткам древесного угля. Тр. II Межд. Конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 69 и 70.

179. *Мурзак-коба*. Гrot с остатками тарденуазской эпохи, расположен на левом берегу р. Черной в ущелье Боклу-дере Бала-клавского района. Открыт и исследован С. Н. Бибиковым и Е. В. Жириовым в 1936 г. Культурные отложения грота содержат характерный кремневый инвентарь и орудия

из кости — шилья, проколки и гарпун с двусторонним расположением шилов. Fauna: благородный олень, косуля, дикий кабан, медведь, лисица, домашняя собака, барсук, заяц, кости рыб и большое количество улиток (*Helix vulgaris*). В гроте найдено двойное погребение тарденуазского времени. Раскопки С. Н. Бибикова в 1938 г. обнаружили в основании отложений грота слои с остатками верхнепалеолитического возраста.

С. Н. Бибиков. Мурзак-коба: новая поздне-палеолитическая стоянка в Крыму. Сов. археол., № 5, стр. 159—178. Е. В. Жирков. Костики из грота Мурзак-коба. Сов. археол., № 5, стр. 179—186.

180. Сюрень I. Навес с остатками, относящимися, возможно, к ориньякскому времени, на правом берегу р. Бельбек выше сел. Биюк-сюрень, около 13 км к юго-западу от Бахчисарая. Открыты три культурных горизонта с изделиями из кремня, напоминающими инвентарь ориньякских стоянок. Здесь же, особенно в нижнем слое, встречаются еще орудия мустьевского характера — «рубильца», остроконечники, скребла. Имеются поделки из кости. Fauna представлена мамонтом (немного), пещерной гиеной, северным оленем, песцом, зайцем-беляком, грызунами, птицами северных видов (белая куропатка, альпийская галка) и остатками рыб. Определение древесного угля указывает на boreальный характер растительности. Стоянка открыта в 1879 г. К. С. Мережковским, исследовалась им в этом и следующем году, а также Г. А. Бонч-Осмоловским в 1926—1929 гг.

К. С. Мережковский. Отчет о предварительном исследовании каменного века в Крыму (см. № 176), стр. 111—115; 124, 141—142. — Он же. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. (см. № 176), стр. 113. — Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторическая культура Крыма. Крым, № 2, 1926, стр. 87—88. — П. П. Ефименко. Некоторые итоги... (см. № 58), стр. 51 и 52. — Г. Вопс-Осмоловский. Le paléolithique de Crimée... (см. № 178), стр. 30—31. — А. Наммерманн. Kohlenreste aus dem Paläolithikum der Krim, Höhlen Ssjuren I und II. Бюлл. Ком. по изуч. четверт. пер., 1929, № 1, стр. 39—42. — М. Тичиј. Fische aus dem Paläolithikum der Krim. Там же, стр. 43—48. — Г. А. Бонч-Осмоловский и В. И. Громов. Выставка по четвертичному периоду в АН СССР. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 11—12, стр. 47—49. — В. И. Громов. О геологии и фауне палеолита СССР. Проблемы ГАИМК, 1933, № 1—2, стр. 26—27. — Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения... (см. 170), стр. 119, 120, 124, 127, 128, 148—156. — А. Ф. Гаммерман. Результаты изучения четвертичной флоры... (см. № 178), стр. 66—72.

181. Сюрень II. Навес с остатками, относящимися к позднеазильской (свидерской) эпохе. Расположен рядом с навесом Сюрень I. Открыт К. С. Мережковским в 1879 г. Исследовался им в 1879, 1880 гг. и Г. А. Бонч-Осмоловским в 1924 и 1926 гг. Слой с находками на глубине 75 см в толще из-

вестняковых обломков; ближе к выходу культурный слой понижается до глубины 4 м. Типичный кремневый инвентарь (хорошо представлены наконечники стрел листовидной формы). Fauna носит современный характер, но с некоторыми плейстоценовыми видами (пещерный лев, гигантский олень и др.). Впервые появляются остатки домашней собаки. По остаткам древнего угля из очажного слоя определена только осина.

К. С. Мережковский. Отчет о предварительном исследовании... (см. № 176), стр. 115. — Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма, (см. № 180), стр. 88—89. — П. П. Ефименко. Некоторые итоги... (см. № 58) стр. 57. — Вопс-Осмоловский. Le paléolithique de Crimée... (см. № 178), стр. 32. — Наммерманн. Kohlenreste aus dem Paläolithikum der Krim... (см. № 180), стр. 39—42. — Тичиј. Fische aus dem Paläolithikum der Krim... (см. № 180), стр. 43—48. — Бонч-Осмоловский и Громов. Выставка по четвертичному периоду... (см. № 180), стр. 51. — Громов. О геологии и фауне палеолита СССР (см. № 180) стр. 26—27. — Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения... (см. № 170), стр. 119, 120, 124, 129, 160. — Гаммерман. Результаты изучения четвертичной флоры... (см. № 178) стр. 66—72. — М. В. Воеводский. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эпипалеолита на территории вост. Европы. Тр. II Межд. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 236.

182. Фатымка-коба. Навес азильско-тарденуазского времени на правом берегу ручья Кубалар-су в Байдарской долине в Балаклавском районе близ сел. Уркуста. Открыт С. А. Трусовой и С. Н. Бибиковым в 1927 г. Исследовался Г. А. Бонч-Осмоловским в 1927 г. Нижний культурный слой стоянки принадлежит азильской эпохе, верхние слои — тарденуазскому времени. В тарденуазском горизонте навеса обнаружено погребение того же времени. Fauna во всех горизонтах имеет однородный характер: дикий кабан, благородный олень, дикий осел, лошадь, сайга, волк, лисица, заяц, барсук, пещерный лев, рысь, домашняя собака и грызуны. В тарденуазских слоях стоянки появляются клен и рябина.

Крымская палеонтологическая экспедиция. ДАН СССР за 1927 г. (II отчет о научных командировках и экспедициях), 1928, стр. 169. — Вопс-Осмоловский. Le paléolithique de Crimée (см. № 180) (табл.). — Бонч-Осмоловский и Громов. Выставка по четвертичному периоду... (см. № 180), стр. 52 (рис.). — Громов. О геологии и фауне палеолита СССР, (см. № 180), стр. 26—27 (табл.). — Бонч-Осмоловский. Итоги изучения... (см. № 170), стр. 120, 129, 131, 157, 162, 163. — Гаммерман. Результаты изучения четвертичной флоры... (см. № 178), стр. 70, 72.

183. Чатыр-даг. Следы палеолитических стоянок в пещерах Чатыр-дага открыты К. С. Мережковским в 1879 г. и исследовались им в 1879, 1880 гг. В пещере Бин-башкоба были обнаружены остатки очага, костная брекчия, кремневые и костяные орудия в слое красной глины; в пещере Суук-коба в подобном же слое на глубине ок. 1.50 м

от поверхности — следы очага и раздробленные кости и каменные орудия типа сюреньских. В 1930 г. пещеры на Чатыр-даге исследовались О. Н. Бадером. Обнаружены мощные, до 3 м, культурные отложения.

К. С. Мережковский. Отчет о предварительных исследованиях... (см. № 180), стр. 117—119. — К. С. Мережковский. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. (см. № 176), стр. 114. — Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения... (см. № 170), стр. 119. — О. Н. Бадер. Некоторые итоги изучения эпипалеолита Крымской Яйлы (тезисы доклада). Изд. Акад. Наук, 1936.

184. Черкез-кермен. Стоянки азильского времени в двух гротах близ с. Черкез-кермен. Открыты К. С. Мережковским в 1880 г. Найдены каменные и костяные орудия и среди фаунистических остатков — кость дельфина. Возможно, что эти гроты тождественны с Замиль-коба I и II.

К. С. Мережковский. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. (см. № 180), стр. 113—114. — Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения... (см. № 170), стр. 119, 158.

185. Шан-коба. Навес с остатками азильско-тарденузской эпохи на правом склоне балки Кубарал-дерे близ сел. Укруста в Байдарской долине. Открыт С. А. Трусовой и С. Н. Бибиковым в 1927 г. Исследовался Г. А. Бонч-Осмоловским в 1927, 1928 гг. и С. Н. Бибиковым в 1935, 1936 гг. Обнаружено 6 культурных горизонтов, из них 5 относящихся к эпипалеолиту, со следами очагов, микролитическими кремневыми орудиями, поделками из кости (орудия с вкладышами, шилья, проколки, наконечники и т. д.) и большим количеством раковин лесной улитки (*Helix vulgaris*). Второй и третий культурные слои относятся к тарденузской или к азильской эпохе. Фауна стоянки: благородный олень, лошадь, кабан, бобр, заяц, волк, лисица, рысь, собака домашняя и др. Флора: в нижних слоях встречаются береза, рябина, крушина и можжевельник; в верхних — клен и крушина.

Палеоэтнологическая экспедиция (в Крымскую АССР). Отчет о деятельности Акад. Наук СССР за 1927 г. (II отчет о научн. команд. и экспед.), 1928, стр. 167—168. — Палеозоологическая экспедиция Зоологического музея (в Крымскую АССР). Отчет о деятельности Акад. Наук СССР за 1929 г. (II отчет о научных командах и экспед.), Лгр., 1930, стр. 187. — Е. Вульф. Палеолит Крыма. Природа, 1930, № 2, стр. 228 (табл.). — Бонч-Осмоловский и Громов. Выставка по четвертичному периоду... (см. № 180), стр. 51. — Громов. О геологии и фауне палеолита СССР (см. № 180), стр. 26—27 (табл.). — Бонч-Осмоловский. Итоги изучения... (см. № 170), стр. 120, 123, 124, 125, 129, 157—162. — Гаммерман. Результаты изучения четвертичной флоры... (см. № 178), стр. 70 (табл.). — С. Н. Бибиков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. Сов. археол., № 1, 1936, стр. 195—212. — Он же. Предварительное сообщение о результатах работ Крымской экспедиции.

Тр. Сов. секции Междунар. ассоц. по изуч. четверт. пер. (INQUA), вып. II, 1936, стр. 42—53. — С. А. Трусова. Краткий обзор работ Крымской палеолитической экспедиции 1936 г. Сов. археология, № 5, стр. 298—301. — О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита Крымской Яйлы. Сов. археол., № 5, стр. 93—100.

186. Шпань-коба. Навес с остатками тарденузской эпохи близ сел. Тау-кишчак. Открыт в 1925 г. Г. А. Бонч-Осмоловским; исследовался им в 1925 г. и О. Н. Бадером в 1935 г.

Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма (см. № 180), стр. 90.

187. Юсуф-коба I. Навес с остатками тарденузской эпохи на восточном склоне мыса Ланга, близ сел. Биюк-Мускомья в Балаклавском р-не. Открыт Е. В. Жировым в 1936 г. Культурный слой содержит расколотые кости животных и скопление раковин *Helix*.

С. А. Трусова. Краткий отчет о работах Крымской экспедиции в 1936 г. (см. № 185), стр. 298—301.

188. Яйла. Эпипалеолитические стоянки встречены в большом числе на склонах плато Яйлы от Чатыр-дага до мыса Ляспи. В 1879 г. одна из этих стоянок (Кизил-коба на Долгоруковской Яйле) была открыта и исследовалась К. С. Мережковским. В 1913 г. Н. Н. Клепниным и Н. И. Дубровским были открыты на Яйле 3 тарденузских стоянки. Позднее геолог А. С. Моисеев открыл на плато Яйлы около 30 стоянок. Систематическое обследование в районе Ай-Петринской Яйлы и Чатыр-дага производилось с 1927 г. Б. С. Жуковым совместно с О. Н. Бадером, Е. И. Висниовской и др. Несколько стоянок было открыто С. И. Забниным, Е. И. Висниовской и др. В Феодосийском районе обследования велись П. П. Заблоцким, Н. С. Барсамовым и О. Н. Бадером. Лучше обследованы стоянки Кизил-коба (Мережковский); Ат-баш (Жуков и Бадер), Балин-кош (Жуков, Бадер, Гелах и др.) и стоянки на Чатыр-даге — Джелау-баш, Узун-коба, Кенавуз-коба и др. (Бадер). На всех стоянках встречались кремневые микролитические орудия; в отдельных случаях каменный светильник, гальки с нарезками и пр.

К. С. Мережковский. Отчет о предварительных исследованиях... (см. № 176), стр. 120 и 123—141. — С. И. Забнин. Нахodka каменного века в Крыму. Изв. Таврич. учен. археол. ком., 1917, № 54. — А. С. Моисеев. Предварительный отчет о находках следов каменного века на Яйле и на южном берегу Крыма. Изв. Таврич. учен. археол. ком., 1919, № 57. — Он же. Каменный век на Крымской Яйле. Природа, 1923, № 1. — П. П. Ефименко. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранненеолитического возраста. Русск. антроп. журн., 1925. — Г. А. Бонч-Осмоловский. Доисторические культуры Крыма (см. № 180), стр. 89—90. —

Б. С. Жуков. Раскопки и обследования стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской Яйле в июне 1927 г. Крым, № 2 (4), 1927, стр. 99—107.— Археологическое исследование Крым. АССР. Бюлл. Особ. ком. по исслед. союзных и автономн. республик АН СССР, № 11, стр. 88.— Т. Ф. Гелах. Археологические разведки в Крыму летом 1925 г. Тр. Секции РАНИОН, ч. IV, 1928.— Отчет о деятельности Акад. Наук СССР за 1929 г., ч. I, стр. 191—198.— Т. Ф. Гелах. Предварительный отчет об экспедиции МОНИК в Крым в 1927 г. (работы на Яйле). Крым, № 2/10, 1929, стр. 87—88.— Он же. Крым в археологическом отношении. Научн. работник, № 1, 1930, стр. 28.— Он же. Ископаемая «чуринга» первобытного человека. Антигелиогенозник, № 5, 1933 г.— Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения... (см. № 170), стр. 119, 120, 162, 165.— П. П. Ефименко. Некоторые итоги изучения ископаемого человека в СССР (1931—1935). Матер. по четверт. пер. СССР, 1936, стр. 116.— О. Н. Бадер. Изучение эпипалеолита Крымской Яйлы. Сов. археол., № 5, стр. 93—100.

Пещерные местонахождения Кавказа

Имеретия (189—199), Абхазия (200), Адлерский район (201)

189. *Барташвили пещера*. Пещерная стоянка позднего палеолитического времени близ Кутаиси недалеко от пещеры Вирхова. Открыта и исследована экспедицией Р. Р. Шмидта и Л. Козловского в 1914. Результаты работ не опубликованы.

Н. Овегтайер. Kaukasus. A. Paläolithikum. Reallexikon der Vorgeschichte, т. VI, стр. 263.— Г. К. Ниорадзе. Палеолит Грузии. Тр. II Межд. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 219—220.

190. *Бнеле-клде*. Следы пещерной стоянки верхнепалеолитического времени на р. Квириле близ сел. Чиатуры. Открыта С. Круковским в 1918 г., обследована С. Н. Замятним в 1934 г.

191. *Вирхова пещера*. Пещерная стоянка позднего верхнепалеолитического времени у сел. Моцамети близ Кутаиси. Открыта и исследована экспедицией Р. Р. Шмидта и Л. Козловского в 1914 г. и Г. К. Ниорадзе в 1936 г. Кремневый инвентарь стоянки характеризуется нуклевидными формами орудий и большим количеством пластиночек с затупленным краем, напоминающих геометрические микролиты. Фауна: сильно минерализованные кости пещерного медведя.

Н. Овегтайер. Kaukasus (см. № 189), стр. 263.— Г. К. Ниорадзе. Палеолит Грузии (см. № 189), стр. 219, 220.— С. Н. Замятний. Новые данные по палеолиту Закавказья. Сов. этногр., 1935, № 2, стр. 116—118.

192. *Гварджилас-клде*. Пещерная стоянка позднепалеолитического (азильского) времени на левом берегу р. Квирилы у с. Ргани близ Чиатур. Открыта и исследована С. А. Круковским в 1916—1927 гг. Среди многочисленных каменных орудий стоянки встречаются много мелких орудий, представлены уже настоящие геометрические микролиты,

имеются небольшие грубо оббитые топорики. Встречены поделки из кости и рога (напр. гарпун азильского типа). Fauna: медведь (*Ursus arctos* и *Ursus spelaeus*), бык (*Bison bonasus* и *Bos taurus*), росомаха и другие виды.

С. А. Круковский. Пещера Гварджилас-клде в Ргани. Изв. Кавказск. музея, т. X, 1916, стр. 1—7.— Н. Смирнов. О находке челюсти росомахи при пещерных раскопках в Кутаисской губ. Там же, т. XI, вып. 3—4, 1918, стр. 226—227.— В. И. Громова. Об остатках млекопитающих каменного века из Закавказья. Ежегодн. Зоол. музея АН СССР, т. XXX, вып. 3, 1929, стр. 434 и 443.— С. Н. Замятний. Новые данные по палеолиту Закавказья (см. № 191), стр. 118.

193. *Дарквети*. Следы стоянки верхнепалеолитического времени в гроте близ ж.-д. станции Дарквети на правом берегу р. Квирилы. Открыты разведкой С. Н. Замятнина в 1934 г.

С. Н. Замятний. Новые данные по палеолиту Закавказья (см. № 191), стр. 121.

194. *Девис-хрели*. Пещерная стоянка позднепалеолитического времени на правом берегу р. Чхеримели, в каменоломнях Хандеби между ж.-д. станциями Дзерула и Харагоулы. Открыта Г. К. Ниорадзе в 1926 г. Исследовалась им в 1926—1928 гг. В культурном слое стоянки встречено много кремневых осколков и орудий. Костяные орудия (шилья, отжимник) немногочисленны. В составе фауны по определению В. И. Громовой и М. В. Павловой преобладают дикий кабан, дикий козел и медведь, служившие, повидимому, главным предметом охоты. В пещере найдены также остатки скелета человека (фрагмент нижней челюсти и 2 коренных зуба).

В. И. Громова. Об остатках млекопитающих каменного века... (см. № 192), стр. 427—445.— Г. Ниорадзе. Der Paläolithiker in der Höhle Dewiss-Chwreli. Тр. Музея Грузии, VI, 1933.— Г. К. Ниорадзе. Палеолит Грузии (см. № 189), стр. 219—229.— С. Н. Замятний. Новые данные по палеолиту Закавказья (см. № 191), стр. 116.

195. *Мгвимеви*. Найдки кремневых орудий и следы культурного слоя позднепалеолитического времени под скалистыми навесами Мгвимеви в одном километре к северу от Чиатур, на правом берегу р. Квирилы. Открыты С. Н. Замятним в 1934 г. Вдоль края навеса № 5 на поверхности скалы обнаружен ряд линейно-геометрических знаков.

С. Н. Замятний. Новые данные по палеолиту Закавказья (см. № 191), стр. 120—121.— С. Н. Замятний. Пещерные навесы Мгвимеви, близ Чиатур, Грузия. (Первые следы наскальной палеолитической графики в Закавказье.) Сов. археол., III, 1937, стр. 57—76.

196. *Таро-клде*. Пещерная стоянка оринь-якского времени у с. Шукрути по верхнему течению р. Квирилы в окрестностях Чиатур.

Открыта и исследовалась С. А. Круковским в 1918 г. Культурные отложения стоянки содержат кремневый инвентарь верхнепалеолитического типа с примесью мустерьерских форм и многочисленные изделия из кости в виде наконечников.

С. Н. Замятнин. Новые данные по палеолиту Закавказья (см. № 191), стр. 116.

197. Уварова пещера. Пещерная стоянка времени позднего палеолита на левом берегу Красной речки (Цхали-цители) близ с. Кутаиси недалеко от пещеры Вирхова. В 1914 г. пещера была исследована экспедицией Р. Р. Шмидта и Л. Козловского.

Овертайт. Кавказ (см. № 189), стр. 263.—Г. К. Ниорадзе. Палеолит Грузии (см. № 189), стр. 219—220.

198. Хергулис-клде. Пещерная стоянка ориньякского времени у с. Вачеви в окрестностях Чиатур, на правом берегу р. Квирилы. Открыта С. А. Круковским в 1918 г. Кремневый инвентарь стоянки, наряду с верхнепалеолитическими типами орудий, содержит значительное количество пережиточных мустерьерских форм, отличающихся однако совершенством ретуши. Fauna: медведь, дикая лошадь, бык.

С. Н. Замятнин. Новые данные по палеолиту Закавказья (см. № 191), стр. 116.

199. Цирхвали. Следы стоянки позднепалеолитического времени (близкой по времени к стоянке в пещере Гварджилас-клде) в пещере близ сел. Цирхвали у р. Квирилы недалеко от Чиатур. Открыта разведкой С. Н. Замятнина в 1934 г.

С. Н. Замятнин. Новые данные по палеолиту Закавказья (см. № 191), стр. 121.

200. Планта. Грот у сел. Планта при слиянии рек Амткала и Кодора. На площадке перед ним и на полу грота встречаются кремневые отщепы и орудия тарденуазских типов (среди них «геометрические» формы) вместе с костями животных. Найдены сделаны в 1936 г. Л. Н. Соловьевым.

Сообщение Л. Н. Соловьева.

201. Навалишенская пещера. В Адлерском районе, близ с. Навалишино (см. 33). Верхние слои пещеры содержат остатки верхнепалеолитического времени.

М. З. Паничкина. Исследования по палеолиту Причерноморья в 1936 г. Сов. археол., № 5, стр. 302—303.

Стоянки Кавказа на открытом воздухе

Мингрелия (202—208), Абхазия (209—214), Сочинский р-н (215—216)

202. Дафнари. У дер. Дафнари (в 3 км от Лапчхути) разведкой А. Н. Каландадзе

в 1936 г. встречено несколько верхнепалеолитических пластин на вершине возвышенности, где имеются выходы красного (туронского) кремня.

Сообщение А. Н. Каландадзе.

203. Лия. Следы верхнепалеолитической стоянки на древней террасе р. Ингуре в 1.50 км от шоссе Зугдиди — Джвари. Разведкой А. Н. Каландадзе в 1936 г. обнаружены у кладбища на глубине 0.80—1.20 м *in situ*: кремневый нуклеус, скребки, резцы и пластинки. Местонахождение разрушено проездом шоссе.

Сообщение А. Н. Каландадзе.

204. Одиши. Стоянка позднепалеолитического времени в сел. Одиши Зугдидского р-на. Открыта разведкой А. Н. Каландадзе в 1936 г. На нераспаханной части небольшого плато, спускающегося к долине р. Джуми, обнаружено большое количество подъемного кремневого материала: скребки, резцы, нуклевидные орудия, сечения пластинок, геометрические орудия и т. д., а также некоторое количество неолитических орудий (наконечники стрел и точильные камни). На шоссе Зугдиди — Одиши близ Одишского кооператива встречено небольшое число кремневых орудий, покрытых патиной.

Сообщение А. Н. Каландадзе.—М. З. Паничкина. Исследования по палеолиту Причерноморья в 1936 г. (см. № 201), стр. 303.

205. Рухи II. Следы верхнепалеолитической стоянки, обнаруженные разведкой А. Н. Каландадзе в 1936 г. возле школы в сел. Рухи в 6 км от Зугдиди. На поверхности собраны нуклевидные резцы, скребки высокой формы, пластинки с выемкой, ножевидные пластинки и 3 остроконечника с патиной молочного цвета.

Сообщение А. Н. Каландадзе.

206. Супса — Шрома. Следы палеолитических стоянок на шоссе Супса — Шрома открыты разведкой А. Н. Каландадзе в 1936 г. В 3 км от Супсы на шоссе встречены отщепы и пластинки; перед школой близ усадьбы Джарбенадзе около шоссе на склоне — 2 скребка на конце пластинок; в Моцвиари на правом берегу р. Сефа — отщепы и осколки.

Сообщение А. Н. Каландадзе.

207. Хеты. Найдены кремневых орудий близ ст. Хеты, на склонах горы Урты, сделанные разведкой А. Н. Каландадзе в 1936 г. На небольшой возвышенности встречены отдельные фрагменты костей животных, обломки черепной крышки человека (?) и несколько кремневых отщепов. У подножия возвышенности против усадьбы Латария

крупная, сильно патинизированная кремневая пластинка. Западнее, в обрыве ручейка *in situ* — 2 пластиинки. На левом берегу р. Мунчия у стыка склона горы Урта с Колхидской долиной близ полотна железной дороги имеются следы верхнепалеолитической стоянки.

Сообщение А. Н. Каландадзе.

208. Энцери. Следы верхнепалеолитической стоянки на левом берегу р. Ингуре в сел. Энцери. Разведкой А. Н. Каландадзе в 1936 г. в 70 м к юго-западу от Энцерской школы обнаружены на поверхности древней террасы кремневые пластиинки, нуклеусы, скребки и многофасеточные резцы.

Сообщение А. Н. Каландадзе.

209. Атап. Находки верхнепалеолитических кремней у сел. Атап. См. № 3.

210. Гали. Находка обработанных кремней верхнепалеолитического характера на 80 м террасе (см. № 5).

211. Захаровка. На возвышенности над ущельем р. Амткела на поверхности морены встречены верхнепалеолитические кремни.

212. Табачная. Находки кремней верхнепалеолитических типов на поверхности 100 м террасы возле Сухуми на Табачной зональной станции (см. № 11).

213. Цебельда. Находки кремней верхнепалеолитических типов на возвышенности у Цебельды (см. № 12).

214. Яштух. Находки верхнепалеолитических кремней в окрестностях Сухуми (см. № 14).

215. Абазинка. По р. Мацесте в 6 км от Старой Мацесты вверх по течению, на левом берегу в с. Абазинке, находки верхнепалеолитических кремней.

М. З. Паничкина. Исследования по палеолиту Причерноморья в 1936 г. (см. № 201), стр. 302—303.

216. Семеновка. На улице и на усадьбах с. Семеновки по р. Мацесте найдены орудия верхнепалеолитических типов.

М. З. Паничкина. Исследования по палеолиту Причерноморья (см. № 201).

Памятники верхнего палеолита Азиатская часть РСФСР

Западная Сибирь (217—220), бассейн верхнего Енисея (221—255), бассейн Ангары (256—277), бассейн Лены (278), Бурято-Монголия (279—290),

Хабаровская область (201),
Приморская область (292)

217. Нижне-Енисейская. На правом берегу р. Бии в 12—13 км от г. Бийска. Среди сборов Сергеева и Маркова в 1933 г. на дюнах имеется орудие из кварцита (*pièce écaillée*)

и грубый отщеп верхнепалеолитического облика.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки около г. Бийска. Тр. Сов. секции INQUA, вып. III, 1937, стр. 156.

218. Сростки. На правом берегу р. Катуни (в 36 км от г. Бийска) у с. Сростки. Следы позднепалеолитических стойбищ в виде грубых каменных орудий (преимущественно из кварцита) обнаружены в нескольких, недалеко один от другого расположенных пунктах на склоне высокой, 50-м террасы. Культурные остатки залегают неглубоко от поверхности (до 1.10 м) в лёссовидной супеси. Найдены представления многочисленными массивными скреблами, нуклеусами и орудиями из более мелких отщепов. По характеру инвентарь стоянки близок к енисейскому. Fauna немногочисленна: лошадь и, повидимому, олень.

Г. П. Сосновский. Палеолитические находки в предгорьях Алтая. Тр. Сов. секции INQUA, вып. II, 1936, стр. 37—41. — Он же. Палеолитические стоянки около г. Бийска (см. № 217), стр. 141—154. — Он же. Раскопки палеолитической стоянки в долине р. Катуни. Сов. археол., № 5, стр. 297—298. — Он же. Палеолитическая стоянка у села Сростки на р. Катуни. Сборник «Палеолит и неолит СССР», стр. 109—125.

219. Томск. Временная стоянка охотников верхнепалеолитического времени на правом берегу р. Томи в г. Томске. Открыта и исследована Н. Ф. Кащенко в 1896 г. На глубине 3.5 м в лёссовидной глине им был обнаружен скелет молодого мамонта вместе с остатками кострищ и расщепленным кремнем.

Н. Ф. Кащенко. О находжении остатков мамонта около г. Томска. Изв. Акад. Наук по физико-матем. отдел., 1901, т. XI, № 7. — С. К. Кузнецов. Fund eines Mammutskeletts und menschlicher Spuren in der Nähe der Stadt Tomsk (Westsibirien). Mitt. der Anthropol. Ges. in Wien, 1936, т. XXVI, № 4—5, стр. 186—191. — С. К. Кузнецов. Найдены скелета мамонта и человеческих следов близ Томска в Зап. Сибири. Gaea, 1897, № 4, стр. 221. — Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии. Тр. II Межд. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934, стр. 250.

220. Фоминское. Следы стоянки на правом берегу р. Оби близ с. Фоминского в окрестности Бийска. Первые находки сделаны здесь М. Д. Копытовым в 1911 г. Более поздние сборы со стоянки хранятся в Бийском музее. Культурные остатки в виде довольно грубых орудий (остроконечники, массивные отщепы из кварцита и лидита), напоминающие находки в Сростках, приурочены к нижней надлугловой террасе и залегают на высоте всего около 5 м над уровнем реки.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки около г. Бийска (см. № 217), стр. 154—158.

221. Аешка. Находки Мергарт в 1920 г. к югу от дер. Аешка (Новоселовского р-на) на склоне первой речной террасы Енисея: каменные осколки и скребло палеолитического типа. В этом же слое зубы и обломки костей животных.

Г. Мергарт. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае. Изв. Красноярского отд. Русск. геогр. общ., т. II, вып. 1, стр. 31.—G. Mergart. The Palaeolithic Period in Siberia. Contributions to the Prehistory of the Ienissei Region. Amer. Anthropol., т. 25, № 1, 1923, стр. 29.—Г. П. Сосновский. Палеолитические находки... (см. № 217) стр. 5.—Он же. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 262.

222. Анаш. Красноярский край. Находки Г. П. Сосновского и М. П. Грязнова в 1923 г. у с. Анаш на правом берегу Енисея, в 170 км ниже Минусинска, у протоки Енисея: несколько грубо оббитых каменных орудий, осколки с ретушью и фрагменты костей мамонта и северного оленя, лежавшие на поверхности красно-бурового суглинка в песчаной котловине.

Г. П. Сосновский. Палеолитические находки... (см. № 218), стр. 5.—Он же. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 262.

223. Афонтова Гора I. Стоянка мадленского времени у подножья Афонтовой Горы на левом берегу Енисея у г. Красноярска на участке склона за железнодорожным вокзалом. Открыта И. Т. Савенковым в 1884 г. В разработках глины для кирпичных сараев в слое лёссовидного суглинка им было собрано с 1884 по 1893 г. большое количество остатков: расколотые кости ископаемых животных (северного оленя, мамонта, быков, лошади и собаки), каменные орудия, орудия из кости и бивня мамонта и пр.

И. Т. Савенков. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея. Изв. Вост.-сиб. отд. Русск. геогр. общ., т. XVII, 1886, № 3—4, стр. 28.—Он же. О палеолитической эпохе в окрестностях г. Красноярска. Прилож. к „Протоколам общ. врачей Енисейской губ.“ 1892.—I. Savenkov. Sur les restes de l'époque paléolithique dans les environs de Krasnojarsk. Congrès Internat. d'archéol. préhist. et d'anthrop., Session à Moscou, 1892, т. I, стр. 121—130.—I. de Baye. Rapport sur les découvertes faites par M. Savenkov dans la Sibérie Orientale. Lecture faite à l'Académie des Sciences 27 II 1893. Paris, 1894, стр. 7—11.—I. de Baye et Th. Volkov. Le gisement paléolithique d'Aphonova Gora près de Krasnojarsk. L'Anthropologie, т. X, 1899, стр. 172—178.—Г. Мергарт. Результаты археологического исследования в Приенисейском крае. (см. № 221), стр. 29—32.—G. Mergart. The Palaeolithic Period in Siberia (см. № 221), стр. 21—22.—Н. К. Ауэрбах. Первый период археологической деятельности И. Т. Савенкова. Ежегодн. Гос. музея им. Н. М. Мартынова в г. Минусинске, т. VI, вып. 2, 1928, Минусинск, 1929, стр. 165—185.—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 251 (стр. 290 — литература).—Он же. Поселение на Афонтовой Горе. Изв. ГАИМК. вып. 118, Палеолит СССР, 1935, стр. 125.

224. Афонтова II. Палеолитическая стоянка у г. Красноярска, ниже б. дачи Юдина, где производились сборы с 1912 г. Систематические раскопки велись Ауэрбахом, Громовым и Сосновским с 1923 по 1925 г. Культурные слои залегают в отложениях 15—18 м террасы Енисея: верхний горизонт в песчанистом лёссе на глубине 1—3.5 м; нижний горизонт в лёссовидной супеси на глубине до 12 м от поверхности. В нижнем горизонте встречены остатки жилищ (землянки). В составе фауны преобладают: северный олень, песец, заяц, мамонт, встречается собака. В верхнем горизонте мамонт и песец исчезают. Кроме многочисленных каменных орудий были найдены разнообразные поделки из кости и украшения. В нижнем горизонте на участке № 2 было обнаружено 5 костей человека.

Г. Мергарт. The Palaeolithic Period in Siberia (см. № 221), стр. 41—46.—Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский. Остатки древнейшей культуры человека в Сибири. Жизнь Сибири, 1924, № 5—6, стр. 199—214. В. И. Громов. Остатки древнейшего человека Сибири и современной ему фауны. Там же, стр. 221—233.—A. Наттерер. Kohlenreste aus den Lagerfeuern des sibirischen Paläolithikums. Eiszeit und Urgeschichte, 1928, V, стр. 39—45.—Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский. Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова Гора II. Тр. Ком. по изуч. четверт. пер. при Акад. Наук СССР, 1932, № 1, стр. 45—89.—А. Ф. Гаммерман. Остатки угля из очажных слоев Афонтовой Горы. Там же, стр. 131—137.—В. И. Громов. Геология и фауна палеолитической стоянки Афонтова Гора II. Там же, стр. 145—184.—М. П. Грязнов. Остатки человека из культурного слоя Афонтовой Горы. Там же, стр. 137—145.—А. Ж. Тугаринов. К характеристике четвертичной орнито-фауны Сибири. Там же, стр. 115—131.—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 252—255.—А. Ф. Гаммерман. Результаты изучения четвертичной флоры... (см. № 178), стр. 73—74.—Г. П. Сосновский. Поселение на Афонтовой Горе (см. № 223) стр. 125. Он же. Новые палеолитические местонахождения Ю. Сибири. Краткие сообщения (см. № 17) VII, стр. 86—90.

225. Афонтова III. Палеолитическая стоянка у г. Красноярска в районе нефтяных складов. Открыта И. Т. Савенковым в 1914 г. Исследовалась Н. К. Ауэрбахом в 1925 и 1930 гг. Верхний культурный горизонт стоянки залегает на глубине 90—153 см от современной поверхности в желтом лёссовидном суглинке; нижний, более бедный находками, на глубине 2—3.2 м. Фауна нижнего слоя: мамонт, заяц, лошадь, северный олень, песец и другие виды; в верхнем слое встречены только северный олень и бык. Кроме каменных орудий в обоих горизонтах имеются изделия из кости.

Н. К. Ауэрбах. Доисторическое прошлое Приенисейского края. I каменный период, изд. Средне-Сибирск. геогр., общ., Красноярск, 1929, стр. 7.—Он же. Палеолитическая стоянка Афонтова III.—Тр. общ. изуч. Сибири и ее производств, вып. 7, Новосибирск, 1930.—Г. П. Соснов-

ский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 256—257. — Он же. Поселение на Афонтовой Горе (см. № 223), стр. 125.

226. Афонтова IV (Иванихин лог). Стоянка у г. Красноярска, на верхнем участке склона Афонтовой Горы, между стоянками Афонтова II и III. Открыта И. Т. Савенковым. По условиям залегания соответствует верхнему горизонту Афонтовой II. Фауна: бык, северный олень.

И. Т. Савенков. О памятниках, оставленных на Енисее человеком, современником мамонта. Сиб. летоп., 1916, № 6—8, стр. 247—257. — G. Mergart. The Palaeolithic Period in Siberia (см. № 221), стр. 45. — Н. К. Ауэрбах. Палеолитическая стоянка Афонтова Гора III (см. № 225). — Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. 219), стр. 257.

227. Ачинск. Находки расколотых костей мамонта вместе с углами и обработанными камнями в лёссовидном суглинке в окрестностях г. Ачинска. Сделаны в 1914 г. рабочими при проведении железной дороги.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 263, 264.

228. Батени I. Стоянка палеолитического времени на левом берегу р. Енисея в 150 км ниже г. Минусинска, у с. Батени, на левом берегу р. Таштык у ее устья. Открыта в 1925 г. Культурный слой залегает на глубине 1 м в лёссовидном суглинке надпойменной террасы р. Енисея. Найдены каменные орудия и поделки из кости. Фауна: северный олень и бык (*Bos primigenius*).

Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг., Гос. Русск. музей, Лгр., 1926, стр. 89. — В. И. Громов. О геологии и фауне палеолита СССР. Пробл. ГАИМК, 1933, № 1—2, стр. 31. — Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 262—263.

229. Батени II. Палеолитическая стоянка у с. Батени. Культурный слой залегает в лёссовидном суглинке надпойменной террасы Енисея. Найдены каменные орудия и поделки из кости. Фауна: бык (*Bos primigenius*), сайга, благородный олень, лось, мамонт, волк, заяц, джигетай.

Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг., Гос. Русск. музей, Лгр., 1926, стр. 89. — В. И. Громов. О геологии и фауне палеолита СССР (см. № 228), стр. 31. — Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 262, 263.

230. Батени III. Палеолитическая стоянка в 1,50 км к северу от с. Батени в местности Ярки. Открыта И. Т. Савенковым в 90-х годах прошлого века. Сборы каменных орудий на выдувах около обнаженного глинистого пропластка производились также Г. Мергартом, Г. П. Сосновским и др.

И. Т. Савенков. Каменный век в Минусинском крае. Матер. по археол. восточн. губ., изд. Моск. археол. общ., т. II, 1896. — G. Mergart. The Palaeo-

lithic Period in Siberia (см. № 221), стр. 50—51. — Г. П. Сосновский. Палеслитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 263.

231. Батой. Находка в 35 км к северо-востоку от Красноярска черепа благородного оленя (*Cervus elaphus*) со следами обработки и одного каменного орудия.

В. И. Громов. Из полевых археологических наблюдений на Енисее летом 1933 г. Пробл. ГАИМК, 1934, № 2, стр. 98. — Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 260.

232. Бирюса. Группа палеолитических стоянок на берегу р. Енисея при устье р. Бирюсы (50 км выше Красноярска). Открыта А. П. Еленевым в 1890 г. Исследовались им в 1891 г. и Н. К. Ауэрбахом совместно с В. И. Громовым в 1926 и 1927 гг. В 1928 г. Бирюсинские стоянки были осмотрены Г. Ф. Мирчуком и В. И. Громовым в связи с изучением террас Енисея. На стоянке Бирюсе I три слоя культурных остатков эпохи палеолита залегают в надпойменной террасе в желтовато-серых глинистых песках на глубине 2 м. В слое, переходном от палеолита к раннему неолиту, кроме каменных орудий, осколков и нуклеусов, найдены расколотые кости животных: крупного быка, северного оленя, лошади, благородного оленя, горного барана, волка, зайца и др. Культурные остатки в нижнем горизонте образуют скопление с крупными камнями и золой. Находки: каменные орудия, костяные поделки (иглы, наконечники и др.). Фауна: северный олень, бык, заяц, горный баран, косуля, лошадь.

А. П. Еленев. Раскопки близ устья р. Бирюсы в Красноярском округе (выдержка из письма исследователя). Изв. Вост.-сиб. отд. Русск. геогр. общ., 1892, т. XXIII, № 2, стр. 71—73. — G. Mergart. The Palaeolithic Period in Siberia (см. № 221), стр. 53, прим. — В. И. Громов. К вопросу о возрасте сибирского палеолита. ДАН СССР, 1928, № 10. — Г. Ф. Мирчук и И. В. Громов. Геологические наблюдения над террасами Енисея и Ангара. Сибиреведение, № 5—6, Новосибирск, 1930. — Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. 219), стр. 250. — Н. К. Ауэрбах и В. И. Громов. Материалы к изучению Бирюсинских стоянок близ Красноярска. Палеолит СССР, 1935, стр. 219—245.

233. Бугач. Стоянка на левом берегу р. Качи (левого притока Енисея) при впадении в нее р. Бугач в 1 км в северо-востоку от Красноярска. Открыта Г. П. Сосновским в 1919 г. и исследовалась им в 1923 г. В лёссовидном суглинке на первой надпойменной террасе на глубине около 1 м обнаружен культурный слой очажного характера с кремневыми орудиями и осколками. Фауна: песец, северный олень, заяц и др.

G. Mergart. The Palaeolithic Period in Siberia (см. № 221), стр. 27 и 47, табл. IV. — Г. П. Сосновский. Новые стоянки палеслитического периода

в окрестностях Красноярска. Зап. Иркутского музея, вып. I, 1924, отд. отт., стр. 4.—Он же. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 257.

234. Бузунова. Группа палеолитических стоянок на надпойменной террасе правого берега Енисея в 55 км ниже Минусинска у дер. Бузуновой. В 1920 г. в двух пунктах — ниже и выше деревни — были обнаружены культурные остатки палеолитического времени. Г. П. Сосновским в 1923 г. с правой стороны ложбины, выходящей к реке, в лёссовидном суглинке, на глубине 5.5 м от поверхности в культурном слое очажного характера собраны каменные орудия и осколки и обломок костяного наконечника. В 1925 г. В. И. Громовым и Н. К. Ауэрбахом собран новый подъемный материал на стоянке выше деревни.

G. Meghart. The Palaeolithic Period in Siberia (см. № 221), стр. 31.—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки в Минусинском крае. Сиб. стар., 1924, вып. 2.—Он же. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 263.

235. Военный городок. Палеолитическая стоянка на левом берегу р. Енисея около 4 км ниже Красноярска у второго Коровьего лога. Открыта в 1911 г. А. Я. Тугариновым и А. П. Ермолаевым. Исследовалась Г. П. Сосновским в 1919 и 1923 гг., В. И. Громовым в 1928 г. Культурный слой залегает в лёссовидной супеси на глубине 2 и 4—6 м. Кроме каменных орудий и осколков имеются изделия из рога и кости. Fauna: мамонт, северный олень, песец, волк и лошадь.

Сб. „Двадцатипятилетие Красноярского музея”, 1914, стр. 67.—G. Meghart. The Palaeolithic Period in Siberia (см. № 21), стр. 47 и табл. III.—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 258.

236. Долгова. Найдены И. Т. Савенкова в 1885 г. каменных орудий у заимки Долгова близ Черной сопки. Там же близ мельницы обнаружены в глине кости мамонта, носорога и пр.

И. Т. Савенков. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея. Изв. Вост. отд. Русск. геогр. общ., т. XVII, № 3—4, стр. 29. 30.—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 259.

237. Зыково. Найдена обломка рога северного оленя с нарезками Г. П. Сосновским в 1925 г. близ ж.-д. станции Зыково, где в лёссовидном слое в овраге за с. Пузыревым им обнаружены угольки и кости животных.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 221), стр. 259.

238. Изых. Найдена И. Т. Савенкова на дюнных песках у юго-западного склона горы Изых на правом берегу р. Абакана палеолитического скребла.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 203.—Он же. Новые палеолитические местонахождения южн. Сибири (см. № 224), стр. 86—90.

239. Кача. Палеолитическая стоянка у б. завода в долине р. Качи (правого притока Енисея) обнаружена В. И. Громовым и Н. К. Ауэрбахом в 1928 г.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 257.

240. Ключ Гремячий. Следы стоянки в истоках ключа Гремячего на левом берегу Енисея в 1.50 км от железнодорожного моста через Енисей. В 1919 г. на глубине 125 см в лёссе Г. П. Сосновским были обнаружены следы угля, каменное скребло, фрагмент бивня мамонта, остатки северного оленя и расколотые трубчатые кости животных.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 257.

241. Кокорево I (Забочка). Стоянка на левом берегу протоки р. Енисея около 0.50 км выше дер. Кокорево, в северной части Минусинской котловины. Открыта Г. П. Сосновским в 1925 г. Исследовалась им в 1925 и 1928 гг. Культурный слой залегает на глубине от 2.6 до 4.15 м в лёссовидной супеси, покрывающей надлуговую террасу. Здесь найдены четыре очага, обложенные камнями, вокруг которых были главным образом сосредоточены культурные остатки. Последние состоят из каменных орудий и осколков, небольшого числа обломков поделок из кости и расколотых костей животных — лошади, благородного оленя, быка, горного барана, волка и др. Древесные угли очагов принадлежали лиственнице или сли, иве, сосне и березе.

А. Ф. Гаммерман. Результаты изучения четвертичной флоры... (см. № 178), стр. 73.—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 260, 261.—Он же. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины. Палеолит СССР, 1935, стр. 153—177.—В. И. Громов. Некоторые новые данные о фауне и геологии палеолита восточной Европы и Сибири. Там же, стр. 250—253.—А. Ф. Гаммерман. Остатки очажного угля из палеолитических стоянок Кокорево. Там же, стр. 274—275

242. Кокорево II (Тележный лог). Стоянка расположена по левому берегу Енисея близ дер. Кокоревой в Тележном логу. Исследована Г. П. Сосновским в 1925 и 1928 гг. Культурный слой обнаружен на глубине 6.2 м под слоем погребенной почвы в лёссовидной супеси, одевающей надлуговую террасу. Найдены состоят из каменного инвентаря, обломков немногочисленных поделок из кости, древесных углей (лиственница, ива, березы) и расколотых костей животных — мамонта, песца, северного оленя, лошади, волка, зайца и сурка.

А. Ф. Гаммерман. Результаты изучения четвертичной флоры... (см. № 178), стр. 73.—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 261.—Он же. Позднепалеолитические стоянки... (см. № 241), стр. 177—182.—В. И. Громов. Некоторые новые данные... (см. № 62), стр. 252.—А. Ф. Гаммерман. Остатки очажного угля... (см. № 241), стр. 274—275.

243. *Кокорево III* (Каменный лог). Стоянка к северу от дер. Кокорево в Каменном логу при выходе его устья в Тележный лог. Исследовалась Г. П. Сосновским в 1925 и 1928 гг. Культурный слой залегает на глубине до 1.60 м в глинистых песках древней балки на склоне 40—50 м террасы. Палеолитические остатки группировались в виде отдельных небольших скоплений вокруг очага. Находки: орудия из кварцита, расколотые kostи северного оленя, лошади, зайца, зуб волка и угольки (лиственница или ели).

Г. Мергарт. Результаты археологических исследований в Приморском крае. (см. № 178), стр. 31.—G. Mergart. The Palaeolithic Period in Siberia (см. № 221), стр. 29.—А. Ф. Гаммерман. Результаты изучения четвертичной флоры... (см. № 221), стр. 73.—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 252.—Он же. Позднепалеолитические стоянки... (см. № 241), стр. 182—185.—В. И. Громов. Некоторые новые данные... (см. № 62), стр. 255, 256.—А. Ф. Гаммерман. Остатки очажного угля... (см. № 241), стр. 274, 275.

244. *Кокорево IV* (Кипирный лог). Стоянка расположена в расстоянии 2 км ниже дер. Кокорево в Кипирном логу. Исследовалась Г. П. Сосновским в 1925 и в 1928 гг. Палеолитические остатки встречаются в лёссовидной супеси надлуговой террасы на глубине 1.50—2.10 м. Встречены орудия и kostи животных: северного оленя, благородного оленя, бизон, джигетая.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 262.—Он же. Позднепалеолитические стоянки... (см. № 221), стр. 185—191.—В. И. Громов. Некоторые новые данные... (см. № 62), стр. 254, 255.

245. *Коркино*. Находка на дне лога, последнего в дер. Коркино, на левом берегу Енисея каменного орудия и костяного шила.

Г. П. Сосновский. Новые стоянки палеолитического периода в окрестностях Красноярска. Зап. Иркутского научного музея, вып. I, 1924, отд. отт.—Он же. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 258.

246. *Красноярск*. Находки костей ископаемых животных со следами обработки и каменных палеолитических орудий при земляных работах у Пивоваренного завода и в других местах города.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 62), стр. 258.

247. *Кубеково*. Находки Н. К. Ауэрбаха и В. И. Громова в Лонковом логу и других оврагах близ дер. Кубеково на левом берегу

Енисея в 23 км ниже Красноярска костей четвертичных животных, палеолитических каменных орудий и оленьего рога со следами обработки.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 258.

248. *Ладейки*. Следы стоянки верхнепалеолитического времени близ дер. Ладейки на правом берегу Енисея в 8 км ниже Красноярска, под дюнными песками и в «карманах лёсса» среди галечника. В 1883 г. И. Т. Савенковым обнаружены здесь вместе с kostями крупного быка орудия палеолитического облика в обрезе края надлуговой террасы. Сборы подъемного материала у села продолжались де-Баем в 1896 г., Мергартом в 1920 г. и Г. И. Сосновским в 1923 г.

И. Т. Савенков. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея (см. № 223), стр. 28, 29.—J. de Baye et Th. Volkov. Le gisement paléolithique d'Afontova Gora près de Krasnojarsk. L'Anthropologie, 1899, т. X, стр. 178.—Г. Мергарт. Результаты археологических исследований в Приморском крае (см. № 221), стр. 31.—G. Mergart. The Palaeolithic Period in Siberia (см. № 221), стр. 27.—Г. П. Сосновский. Новые стоянки палеолитического периода в окрестностях Красноярска (см. № 245), стр. 11—13.—Н. К. Ауэрбах. Первый период археологической деятельности И. Т. Савенкова. Ежегодн. Гос. музея им. Н. М. Мартынова в г. Минусинске, т. VI, вып. 2, Минусинск, 1929, стр. 171.—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 259.

249. *Лепешкина (Ирджа)*. Группа стоянок времени позднего палеолита на правом берегу Енисея близ дер. Лепешкиной напротив пристани с. Батени. Первая стоянка открыта Г. Мергартом в 1920 г. (подъемный материал на склоне горы Ирджи—возвышенности, окаймляющей речную долину). В 1923 г. Г. П. Сосновским здесь же были обнаружены в слое «пыльных песков» 3 кости сгруппировавшимися вокруг них kostями животных (бизон и др.), каменными орудиями и осколками. Второе местонахождение открыто Сосновским в 1923 г. по берегу протоки р. Енисея — выше деревни — в виде находок каменных орудий на выдувах. В 1927 г. поблизости от этого пункта В. И. Громовым и Г. Ф. Мирчинком был обнаружен мощный культурный слой.

G. Mergart. The Palaeolithic Period in Siberia (см. № 221), стр. 33.—Г. П. Сосновский. Палеолитические находки в Минусинском крае (см. № 234), стр. 127—132.—Он же. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 263.

250. *Переселенческий пункт*. Стоянка палеолитического времени на правом берегу р. Енисея у протоки против г. Красноярска. Первые находки в районе Переселенческого пункта были сделаны де-Баем в 1896 г. Стоянка исследовалась С. М. Сергеевым в 1912 г. и Г. П. Сосновским в 1923 и 1925 гг. Культурные остатки, обнаруженные в лёссовидном

слое надлуговой террасы Енисея, имеют характер пятен — возможно, это остатки жилищ типа шалашей. Fauna: северный олень, лошадь, бизон, пещерный лев, косуля, грызуны и птицы. Кроме каменных орудий и их осколков встречаются орудия из кости, осколки раковин и кусочки краски.

J. de Baye et Th. Volkov. Le gisement paléolithique d'Afontova Gora... (см. № 223), стр. 178.—G. Meglhart. The Palaeolithic Period in Siberia (см. № 221), стр. 26, 36—40.—Г. П. Сосновский. Новые стоянки палеолитического периода в окрестностях Красноярска (см. № 245), 1924.—В. И. Громов. О геологии и фауне палеолита СССР. Пробл. ГАИМК, 1933, № 1—2, стр. 31.—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 258, 259.—Он же. Позднепалеолитические стоянки... (см. № 241), стр. 191—212.—В. И. Громов. Некоторые новые данные... (см. № 62), стр. 257—262.

251. Тесь. Находки И. Т. Савенкова в 1885 г. на дюнных песках близ с. Тесь на р. Тубе каменных орудий с грубой оббивкой.

И. Т. Савенков. К разведочным материалам... (см. № 223), стр. 43.—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 263.

252. Узунжул. Находка в золотоносных песках р. Узунжул рога северного оленя со следами обработки, скребка и костей четвертичных животных (мамонта, носорога и др.).

И. Т. Савенков. Каменный век в Минусинском крае (см. № 230), стр. 7, 30, 31.—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 263.

253. Улазы. Следы стоянки выше дер. Улазы на правом берегу р. Енисея. Исследовались Г. П. Сосновским во время разведок 1923 и 1925 гг. На выдувах в глинистом слое, подстилаемом песком, им были обнаружены: кости быка, северного оленя и других животных вместе с орудиями палеолитического типа; осколками, нуклеусами и т. д.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 260.

254. Часгол. Находка И. Т. Савенкова в золотоносном пласте по р. Часгол на глубине 4 м ножевидного осколка из зеленого камня.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 263.

255. Янова. Каменное орудие палеолитического типа, в обрыве лога в лёссовидном слое на глубине 1 м найдено Г. П. Сосновским в 1925 г. В 1.50 км от дер. Яновой на левом берегу Енисея (в 5 км от с. Новоселова); в другой части того же лога обнаружена челюсть мамонта вместе с кремневыми осколками.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 215), стр. 260.

256. Бадай I. По левому берегу р. Белой (приток Ангары) у с. Бадай на пашнях вдоль 40 м террасы остатки стоянки времени конца верхнего палеолита. Стоянка расположена у оврага Глубокого близ шамотного завода. М. М. Герасимовым собрано здесь много типичных для этой стадии орудий, главным образом скребел и скребков, также пластинки, нуклеусы и пр.

Сообщение М. М. Герасимова.

257. Бадай II. Остатки распаханной стоянки по правому берегу р. Белой против с. Бадай.

Сообщение М. М. Герасимова.

258. Буреть (Сухая падь). Палеолитическая стоянка на правом берегу р. Ангары в окрестностях с. Нижняя Буреть. Открыта А. П. Окладниковым в 1936 г. Расположена на склоне второй (15—20 м) надпойменной террасы в устье пади «Сухой» в лёссовидном суглинке. Найдены кости мамонта, джигетая, лошади, северного оленя и др. Кроме кремневых орудий встречена скульптура из мамонтовой кости (изображение женщины). Стоянка раскапывалась А. П. Окладниковым в 1936 и 1937 гг. По характеру находок она относится к группе более древних верхнепалеолитических стоянок Ангары — типа Мальты.

А. П. Окладников. Палеолитическая стоянка из Бурети. Сборник «Палеолит и неолит СССР», стр. 104—108.—Он же. Буреть — новая палеолитическая стоянка на Ангаре. Сов. археол., № 5, стр. 290—293.—Он же. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья. Краткие сообщения (см. № 17), V, стр. 59—62.—Г. П. Сосновский. Новые палеолитические местонахождения южн. Сибири (см. № 224), стр. 86—90.

259. Верхоленская гора. На так наз. Верхоленской горе (береговой возвышенности по р. Ангаре, в 3 км от Иркутска) в настоящее время известно четыре пункта, где имеются остатки палеолитического времени: Жарникова падь, Горюнова, Убиенных и падь Ушканка. Обычно именем Верхоленской горы обозначается первая из этих стоянок — расположенная на юго-западном склоне возвышенности, между падями Жарниковой и Убиенных. Культурный слой здесь обнаружен М. П. Овчинниковым еще в 1897 г. Орудия из камня и кости и другие остатки обитания залегают в лёссовидной глине рассеяно до глубины 1.5 м. Fauna: северный и благородный олени, лось, джигетай, бык, собака-волк и др. Видимо, с нижележащими горизонтами связаны находки большегорого оленя, носорога и мамонта (последний происходит из находок Овчинникова). Стоянка исследовалась в разное время с 1919 по 1928 г.

А. А. Бялыницкий-Бируля. Предварительное сообщение о млекопитающих из кухонных от-

бросов стоянки каменного века на Верхоленской горе близ г. Иркутска. ДАН, 1929, стр. 91—93.— Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 272—274.

260. Глазково. На левом берегу р. Ангары в предместье Глазково, напротив г. Иркутска, в слое лёсса М. П. Овчинниковым в 1897 г. найдены (близ дачи «Луна» и в других пунктах) орудия из кремнистого сланца, близкие по форме к орудиям Верхоленской горы, и кости четвертичных животных со следами обработки.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 274.

261. Зайцево (Косой взвоз). Следы стоянки позднепалеолитического времени на левом берегу р. Ангары вблизи г. Усолье, выше устья р. Белой. Открыта А. П. Окладниковым в 1934 г. Инвентарь: крупные скребовидные орудия типа Верхоленской горы.

Сообщение А. П. Окладникова.

262. Звездочка. На левом берегу р. Ангары, против г. Иркутска. По сообщению А. П. Окладникова здесь, в местности, называемой «Звездочка» (у переправы), обнаружены остатки, относящиеся видимо к палеолитическому времени.

263. Иркутск. Находки остатков палеолитического времени известны в трех пунктах города. Первый относится к одному из холмов по р. Ушаковка, где в 1871 г. при постройке здания Военного госпиталя были встречены орнаментированные изделия из бивня мамонта, просверленные клыки олена, осколки и наконечники из сферосидерита вместе с костями мамонта, носорога, северного оленя, лошади, быка и других животных. Второй пункт указан М. П. Овчинниковым неподалеку — на берегу Ушаковки и предместья Рабочая слобода. Третий, по сообщению А. П. Окладникова, находится в пади Пшеничной.

И. Д. Черский. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода. Изв. Сиб. отд. Русск. геогр. общ., т. III, № 3, 1872, стр. 167—172.—А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I, 1881, стр. 231—238; т. II, стр. 4 и 5.—И. Д. Черский. Описание коллекции последтретичных млекопитающих животных, собранных Новосибирской экспед. 1885—1886 гг. Прилож. к «Запискам Акад. Наук», 1891, т. LXV, № 1, стр. 699—702.—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 269—271 (стр. 292 — литература).

264. Кайская гора. У б. Переселенческого пункта г. Иркутска на склоне Кайской горы, при впадении р. Иркута в Ангару, М. М. Герасимовым в 1924—1925 гг. обнаружены остатки палеолитического времени, залегавшие в нижней части слоя лёссовидной супеси. Находки состоят из грубо оббитых каменных орудий и осколков, следов угля и

расколотых костей животных: лошади, мамонта, быка, северного оленя, лося, носорога, мелкого хищника и птиц.

М. М. Герасимов. Палеолитические находки у Переселенческого пункта в Иркутске. «Краеведение в Иркутск. губ.», 1923, № 3, стр. 22—28.—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 271, 272.—Он же. Новые палеолитические местонахождения южн. Сибири (см. № 224), стр. 86—90.

265. Каменоломня. Против с. Мальты по правому берегу р. Белой у старой каменоломни следы стоянки (мастерской) времени верхнего палеолита.

Сообщение М. М. Герасимова.

266. Камень. По левому берегу р. Белой в окрестностях с. Мальта на пашнях по краю 40 м террасы в уроч. Камень следы обширной стоянки времени позднего палеолита (типа Бадай). М. М. Герасимовым здесь собраны грубые нуклеусы, пластины и много орудий, главным образом скребел.

Сообщение М. М. Герасимова.

267. Кова. Следы палеолитической стоянки на речке Кове (левый приток нижней Ангары), близ деревни того же названия. Разведкой А. П. Окладникова в 1937 г. обнаружены в лёссовидном суглинке на глубине 0.6 м остатки кострищ и кости мамонта.

Сообщение А. П. Окладникова.

268. Мальта (нижний горизонт). Палеолитическая стоянка на левом берегу р. Белой (левого притока Ангары) в 85 км к западу от Иркутска у с. Мальта. Открыта М. М. Герасимовым (по указанию местных жителей) в 1928 г. и исследовалась им в 1928—1930, 1932, 1934 и 1937 гг.; в 1932 г. при участии С. Н. Замятнина и в 1934 г.—Г. П. Сосновского. Культурный слой толщиной от 35 до 75 см залегает в лёссовидной супеси на 18 м надпойменной террасе. На стоянке обнаружены остатки надземных жилищ и очагов из каменных плит. Ниже культурного слоя найдено детское погребение. Кроме многочисленных каменных орудий на стоянке встречено около 600 изделий из кости, из них 150 — с орнаментом, 20 женских статуэток из бивня мамонта, скульптурные изображения птиц и т. д. Фауна: преобладает северный олень, значительно меньше остатков песца, носорога, мамонта, единичные экземпляры лошади, бизона, хищников и др. Стоянка относится к числу древнейших из известных в восточной Сибири памятников верхнего палеолита.

М. М. Герасимов. Мальта — палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931.—Он же. Палеолитическая стоянка в Мальте. Сообщ. ГАИМК, 1931, № 11/12, стр. 55—57.—A. Salomon. Die Kunst der Aurgipnacien in Malta. JPEK, 1931.—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 267—269.—М. М. Герасимов. Расколки палеолити-

ческой стоянки в селе Мальта (предвр. отчет о работах 1923—1932 гг.). Палеолит СССР, стр. 78—124.— В. И. Громов, там же, стр. 246—250.— К. К. Флеров, там же, стр. 271—273. Г. И. Сосновский и М. М. Герасимов. Новые находки на палеолитической стоянке в с. Мальте. Труды Сов. секции международного конгресса по изучению четвертичного периода (JNQUA), вып. I, стр. 278—295.— В. И. Громов. Фаунистический состав и геологические данные о палеолитической стоянке Мальта под г. Иркутском. Там же, стр. 296—301.— Г. П. Сосновский. Новые палеолитические местонахождения южной Сибири (см. № 224), стр. 86—90.

269. Мальта (верхний горизонт). На месте стоянки Мальта во время раскопок 1932 г. М. М. Герасимовым обнаружен в верхней части лёссовидной супеси на глубине 0,45 м от поверхности и на 0,50 выше основного культурного слоя второй горизонт находок; плиты известняка, обломки костей животных, осколки кремня и около 30 крупных орудий типа Бадай.

М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта (см. № 268), 78—124.

270. Мальтинка. Следы стоянки верхнего палеолита на краю 40 м террасы, у с. Мальта; по правому берегу р. Белой, между вторым прудом р. Мальтинки и р. Белой. Находки тянутся узкой полосой на расстоянии 300 м. Стоянка распахана.

Сообщение М. М. Герасимова.

271. Монды. Найдена каменные орудия палеолитического характера на левом берегу р. Оки (левый приток Ангары) сделана Частохиным в 1887 г.

Н. И. Витковский. Изв. Вост.-сиб. отд. Русск. геогр. общ., т. XX, № 2, стр. 29—30.— Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 276.— Он же. Новые палеолитические местонахождения южной Сибири (см. № 224), стр. 86—90.

272. Мозговая. Следы палеолитической стоянки на 100 м террасе по левому берегу речки Мозговой (правый приток Ангары в ее нижнем течении), близ деревни того же названия. На распаханной поверхности террасы А. П. Окладниковым в 1937 г. собраны каменные орудия палеолитического характера. Найдена интересна как первое указание на наличие палеолита в этой местности (около 1800 км от Иркутска).

Сообщение А. П. Окладникова.

273. Подострожное. Стоянка позднепалеолитического времени на правом берегу р. Ангары на второй 20 м надпойменной террасе. Открыта А. П. Окладниковым в 1936 г. В лёссовидном суглинке обнаружен обработанный рог марала и каменные скребловидные орудия.

Сообщение А. П. Окладникова.

274. Усть-Белая. Стоянка конца палеолитического времени на краю 8 м (второй над-

пойменной) террасы в дельте р. Белой. Культурный слой стоянки залегает на глубине более 1 м под наслойлениями более позднего (неолитического) времени. Раскапывалась М. М. Герасимовым в 1936 и 1937 гг. Найдено шесть кострищ, остатки фауны — благородный олень, косуля, бобр и, кажется, волк. Кремневый инвентарь обнаруживает сходство с инвентарем Бадая — преобладают крупные скребла, встречаются скребки, небольшие нуклеусы и пластинки. Найдено два плоских гарпуна из кости.

Сообщение М. М. Герасимова.

275. Ушаковка. Найдены каменные палеолитические орудия, сделанные М. П. Овчинниковым в 1893 г. на правом берегу р. Ушаковки за предместьем Рабочая слобода в г. Иркутске.

М. П. Овчинников. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г. Иркутска. Изв. Вост.-сиб. отд. Русск. геогр. общ., т. XXXV, 1904, № 3, стр. 65—67.

276. Ушканка. Стоянка палеолитического времени по правому берегу р. Ангары впади Ушканка (близ Верхоленской горы). Открыта в 1926 г. Инвентарь аналогичен находкам на Верхоленской горе. В составе фауны: лось и первобытный бык.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 274.

277. Черемушник. Следы стоянки времени позднего палеолита (типа Бадай) на пашнях в окрестностях с. Бадай на 60 м террасе по левому берегу р. Белой в уроч. Черемушник. Стоянка находится в 2 км ниже с. Бадай близ Усольского сользавода и занимает обширную площадь. В сборах М. М. Герасимова имеется большое количество отщепов, а также законченных орудий, среди которых преобладают крупные скребла.

278. Пономарево. Найдены орудия позднепалеолитического характера на пашне по р. Бирюльке (правый приток Лены) по краю 80 м террасы у с. Залог. Стоянка обнаружена А. П. Окладниковым в 1927 г.

Сообщение А. П. Окладникова.

279. Ара-цокуй. Подъемный материал в пади Ара-цокуй на правом берегу Селенги, в 12 км к северо-западу от дер. Калинишной Троицкосавского округа в песках близ улуса Нур. В 1928 г. Бурят-монгольским археологическим отрядом здесь собраны каменные орудия палеолитических типов и скорлупа яиц страуса.

А. Я. Тугаринов. Найдена ископаемых яиц страуса в Забайкалье. Природа, 1930, № 7—8, стр. 798, 799.— Он же. Ein fossiler Strauss in Transbaikalien. ДАН, 1930, стр. 611.— В. И. Громов. Элементы африканско-азиатской фауны в четвертичных отложениях Сибири. Бюлл. Информбюро АИЧПЕ, № 2, 1932, стр. 15—17.— Г. П. Сосновский. О находках древней каменной индустрии

и остатков страуса в Селенгинской Даурии. Сообщ. ГАИМК, 1932, № 11—12, стр. 20.—Он же. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье. Тр. Ком. по изуч. четверт. пер., Акад. Наук. СССР, III, вып. 1, 1933, стр. 30—31.—Он же. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 275.

280. **Бозой.** Следы палеолитической стоянки в 18 км выше с. Усть-орда, на правом берегу р. Куды (Эхирит-Булагатский аймак), на надлуговой террасе по склону и у края террасы. Остатки, в виде обработанного кварцита и кремнистых пород (скребла, скребки, нуклевидные орудия и пр.), залегают в слое чернозема и в лёссовидной супеси.

281. **Дурены.** Подъемный материал в песках по левому берегу р. Чикоя в 25 км к востоку от г. Троицкосавска. Найдены каменные орудия, скорлупа яиц страуса и кости ископаемых животных.

А. Я. Тугаринов. Найдена ископаемых яиц страуса... (см. № 279).—В. И. Громов. Элементы африкано-азиатской фауны... (см. № 279).—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 275.

282. **Дурунгуй.** Сборы С. И. Руденко в 1923 г. в долине р. Онона у поселения Дурунгуй каменных орудий, сходных с формами верхнеенисейского и ангарского палеолита. Ранее его в долинах р. Онона и р. Ингоды такие же орудия были собраны А. К. Кузнецовым.

Отчетная выставка Этнографического отдела Русского музея за 1923 г. (отчет С. И. Руденко о находках каменных орудий у с. Дурунгуй на Ононе), стр. 8.—Г. П. Сосновский. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье (см. № 279), стр. 35.—Он же. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 276.

283. **Зарубино.** Подъемный материал с левого берега р. Селенги ниже с. Усть-Кяхта. В 1928 г. Бурят-монгольским археологическим отрядом при участии Г. П. Сосновского в изолированной котловине, в песках близ дер. Зарубино, найдены каменные орудия, нуклеусы, осколки; кости джигетая, крупного оленя, горного барана, зайца и скорлупа яиц страуса.

А. Я. Тугаринов. Найдена ископаемых яиц страуса... (см. № 279).—В. И. Громов. Элементы африкано-азиатской фауны... (см. № 279).—Г. П. Сосновский. О находках древней каменной индустрии... (см. № 279), стр. 20.—Он же. Следы пребывания палеолита человека в Забайкалье... (см. № 279), стр. 23.—Он же. Палеолит. стоянки северной Азии... (см. № 219), стр. 275.—Он же. Новые палеолитические местонахождения южн. Сибири (см. № 224), стр. 86—90.

284. **Ивашка.** Найдена орудий палеолитического облика напротив Усть-Кяхты в уроч. Ивашка.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 275.

285. **Мыльниково.** Местонахождение каменных орудий палеолитического облика на р. Чикое близ д. Мыльниковой.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 275.

286. **Номохолово.** Подъемный материал на правом берегу р. Селенги, в 25 км выше г. Селенгинска в Иирокой наади (Мухор-хундуй), занятой дюнными песками. В песчаных выдувах были собраны каменные орудия и отщепы и скорлупа яиц страуса.

А. Я. Тугаринов. Найдена ископаемых яиц страуса... (см. № 279).—В. И. Громов. Элементы африкано-азиатской фауны... (см. № 279).—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 275.

287. **Няльги.** Местонахождение каменных орудий палеолитического характера в песках выше устья р. Джиды.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 275.

288. **Усть-Кяхта.** В долине р. Савы, в окрестностях с. Усть-Кяхта, в выдувах песков по левому берегу различными лицами (Мостиц, 1894; Лаптев, 1924; Дебец 1928) обнаружены каменные орудия, нуклеусы, осколки и скорлупа яиц страуса (один фрагмент просверленный).

А. Я. Тугаринов. Найдена ископаемых яиц страуса... (см. № 279).—В. И. Громов. Элементы африкано-азиатской фауны... (см. № 279).—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 275.

289. **Хара-Бусун.** Найдены каменных орудий и скорлупы яиц страуса по правому берегу р. Чикоя в песках по Кударинскому тракту, в 4—5 км от дер. Палкановой. Сборы 1928 и 1929 гг.

А. Я. Тугаринов. Найдена ископаемых яиц страуса... (см. № 279).—В. И. Громов. Элементы африкано-азиатской фауны... (см. № 279).—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 275.

290. **Харанхой.** Подъемный материал на правом берегу р. Селенги в уроч. Харанхой в 10—12 км вверх от с. Усть-Кяхта. Местонахождение открыто в 1927 г. Бурят-монгольским археологическим отрядом на песках в месте обнажения глинистого слоя. Собраны каменные орудия и обломки скорлупы яиц страуса. В этой же местности обнаружены кости носорога, быка, полуосла и лошади.

А. Я. Тугаринов. Найдена ископаемых яиц страуса... (см. № 279).—В. И. Громов. Элементы африкано-азиатской фауны... (см. № 279).—Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 275.—Он же. Новые палеолитические местонахождения южн. Сибири (см. № 224), стр. 86—90.

291. Хабаровск. Найдены М. М. Герасимова в 1926—1927 гг. у г. Хабаровска каменных орудий древнего облика в лёссовидном суглинке на глубине 75—100 см. Время остатков точно не определено.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 277.

292. Шкотово. Найдена И. Фаркасом (военнопленным венгерцем) на берегу моря близ Шкотово у Владивостока каменного орудия, сходного с палеолитическими изделиями из провинции Ордос в Северном Китае.

Г. П. Сосновский. Палеолитические стоянки северной Азии (см. № 219), стр. 277.

ПАМЯТНИКИ «АРКТИЧЕСКОГО ПАЛЕОЛИТА»

Север Колского полуострова (293—304)

293. Аникиева I. Следы стоянки (1937) по восточному берегу Рыбачьего полуострова, в 1 км к западу от центральной части становища Цып-наволок, у подножья южной оконечности горы Аникиевой. Стоянка занимает значительную площадь древнего галечникового пляжа (37—38 м над ур. м.).

Б. Ф. Земляков. Арктический палеолит на севере СССР. Сов. Археол., № 5, стр. 107—143.

294. Аникиева II. Следы стоянки на западном склоне горы Аникиевой. Распространение остатков ограничено пространством около 20 кв. м (31 м над ур. м.). Найдены относятся к 1937 г.

См. № 293.

295. Корабельная. Следы стоянки на поверхности берегового вала (33—36 м над ур. м.) у ручья Корабельного по западному берегу залива Б. Мотка. Подъемный материал состоит из кварцевых отщепов и грубых поделок из того же материала. Стоянка открыта в 1935 г. Б. Ф. Земляковым и П. Н. Третьяковым.

Б. Ф. Земляков. Отчет о работах Колской экспедиции. Тр. Сов. секции INQUA, вып. II, 1936, стр. 57.—Он же. Археологические исследования на побережье Арктического океана. Там же, вып. III, 1937, стр. 88.—Он же. Арктический палеолит... (см. № 293), стр. 107—143.

296. Лог-наволок. Следы стоянки по северному берегу Рыбачьего полуострова на гребне галечного берегового вала (около 20 м над ур. м.) между мысом Лог-наволок и Лауш-губой. Найдены относятся к 1937 г.

Б. Ф. Земляков. Арктический палеолит... (см. № 296), стр. 107—143.

297. Морозова. Следы стоянки на восточном берегу залива Б. Мотка, между долиной р. Морозовой и первым, протекающим южнее, ручьем. Многочисленные кварцевые отщепы и изделия из этого материала встречаются на берегу озера на высоте 55—60 м над ур. м. Стоянка открыта Б. Ф. Земляковым и П. Н. Третьяковым в 1935 г.

Б. Ф. Земляков. Отчет о работах Колской экспедиции (см. № 295), стр. 58.—Он же. Археологические исследования (см. № 295), стр. 91—94.—Он же. Арктический палеолит... (см. № 293), стр. 107—143.

298. Озерко. Следы стоянки на гребне берегового вала (на 42 м над ур. м.) по западному берегу залива Б. Мотка, у становища Озерко. Подъемный материал — обработанный кварц; в находках представлены скребки и нуклевидные резцы. Сборы материала относятся к 1935 г.

Б. Ф. Земляков. Отчет о работах Колской экспедиции (см. № 295), стр. 58.—Он же. Археологические исследования (см. № 295), стр. 90—91.—Он же. Арктический палеолит... (см. № 293), стр. 107—143.

299. Перевальная. Следы стоянки по восточному берегу Рыбачьего полуострова, в 1 км к югу от южной окраины становища Цып-наволок, по гребню берегового вала (36—37 м над ур. м.). В 1937 г. собраны многочисленные орудия и отщепы из кварца, роговика, кремня, кварцита.

Б. Ф. Земляков. Арктический палеолит... (см. № 293), стр. 107—143.

300. Сергеева. Следы стоянки по восточному берегу Рыбачьего полуострова, между мысом Сергеева и р. Типуновой, на галечном пляже (27 м над ур. м.). Грубые крупные изделия из кварцита и лучше сделанные из кремня, роговика, кварца и пр.

См. № 299.

301. Типунова. Следы стоянки по восточному берегу Рыбачьего полуострова, на южном склоне возвышенности, разделяющей долины р. Аникиевой и р. Типуновой, на поверхности галечного вала (40 м над ур. м.). В 1937 г. собраны крупные грубые поделки из кварцита.

См. № 299.

302. Цып-наволок I. Следы стоянки по восточному берегу Рыбачьего полуострова, у южной окраины становища Цып-наволок на левом берегу р. Аникиевой. Стоянка расположена на бровке 25 м террасы.

См. № 299.

303. Цып-наволок II. Следы стоянки у южной окраины стойбища Цып-наволок. Стоянка расположена на бровке 25 м террасы, окаймляющей древний залив.

См. № 299.

304. Эйна-губа. Следы стоянки на южном берегу Рыбачьего полуострова, в окрестностях становища Эйна-губа, на бровке древней 20 м террасы.

См. № 299.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК СССР

- Абазинка 215
 Аджи-коба 22, 169
 Аешка 221
 Амвросьевка 101
 Анастасьевка 1, 37
 Аносовка 57
 Анаш 222
 Антиевка I 293
 Антиевка II 294
 Апшанча 2
 Ара Цзокуй 279
 Атаг 3, 209
 Ат-баш 170
 Афонтова гора I 223
 Афонтова гора II 224
 Афонтова гора III 225
 Афонтова гора IV (Иванихин лог) 226
 Африканова мельница 102
 Ахбюк 38
 Ахштырская пещера 32
 Ачигвары 39
 Ачинск 227
 Благовицы 150
 Бладай I 256
 Бладай II 257
 Блайрская 109
 Блайн-кош 171
 Барташвили, пещера 189
 Батени I 228
 Батени II 229
 Батени III 230
 Батой 231
 Бердыш 166
 Береговая 103
 Бессергеновка 29
 Бзыбь 40
 Бирюса 232
 Бнеле-кладе 190
 Боговешта 41
 Бозой 280
 Боршево I 58
 Боршево II (нижн. и средн. гориз.) 59
 Боршево II (верхн. гориз.) 60
 Боршево III 61
 Бугач 233
 Бузунова 234
 Буран-кая 172
 Бурановская пещера 96
 Буреть (Сухая падь) 258
 Бурты 110
 Бырц 4
 Верхоленская гора 259
 Веселогорье 104
 Вирхова пещера 191
 Военный городок 235
 Волчий грот 23
 Воронеж 125
 Врублевцы 151
- Визовка 139
 Гагарино 62
 Гай 140
 Гали 5, 42, 210
 Гимково 87
 Гвард 6
 Гвардисилас-кладе 162
 Глазково 260
 Гонцы 141
 Гремячее 71
 Дарквости 193
 Дафнари 202
 Девис-хврели 194
 Дегтярево 126
 Деркул 19
 Джейлау-баш 173
 Довгиничи 145
 Долгова 236
 Дубовая балка 111
 Дурены 281
 Дурунгуй 282
 Елин Бор 72
 Елисеевичи 82
 Журавка 142
 Зайцево 261
 Замиль-коба I 174
 Замиль-коба II 175
 Зарубино 283
 Захаровка 211
 Звездочка 262
 Зыково 237
 Иавашка 284
 Идельбаева 99
 Изых 238
 Илори 43
 Ильская 30
 Иркутск 263
 Искорость 146
 Кайская гора 264
 Кайстрова балка I 112
 Кайстрова балка II 113
 Кайстрова балка III 114
 Кайстрова балка IV 115
 Калюс 152
 Каменоломня 265
 Каменный курган (или могила) 165
 Каменская 20
 Камень 266
 Карабарово 73
 Кача 239
 Качинский навес 176
 Келасури 44
 Кизил-коба 177
 Кик-коба (нижн. гориз.) 15
 Кик-коба (верхн. гориз.) 24
 Кирилловская (нижн. гориз.) 116
 Кирилловская (верхн. гориз.) 117
 Китай-город I 153
- Китай-город II 154
 Клеевичи 167
 Ключевая пещера 97
 Ключ Гремячий 240
 Кови 267
 Ковальская балка 118
 Кодак 16
 Кокорево I (Забочка) 241
 Кокорево II 242
 Кокорево III 243
 Кокорево IV (Кипирный лог) 244
 Колодезный 147
 Колхида 7
 Колчаковцы I 155
 Колчаковцы II 156
 Корабельная 295
 Коркино 245
 Костенки I 63
 Костенки II 64
 Костенки III 65
 Костенки IV 66
 Костенки V 67
 Кош-коба 25
 Красноярск 246
 Красный яр 21
 Кривчик 157
 Криничная балка 105
 Кубеково 246
 Кужелева 158
 Куйбышев 89
 Куукреk 178
 Курово 83
 Кюрдере 8
 Ладейки 248
 Лакедемоновка 104
 Лемса 45
 Лепешкина (Ирджса) 249
 Лечкоп 46
 Лия 203
 Лог-наволок 296
- Майорка 119
 Мальта (нижн. гориз.) 268
 Мальта (верхн. гориз.) 269
 Мальтинка 270
 Мгвимеви 195
 Мезин 127
 Мелтиново 74
 Мозговая 272
 Москва 47
 Монды 271
 Морозова 297
 Мулинов остров 90
 Мурзак-коба 179
 Мыльниково 285
- Навалишенская пещера 33, 201.
 Нагоряны 159
 Нацмен 35
 Нерубайское 148
 Нижне-Енисейская 217
 Новгород-Северск 128

¹ Цифры соответствуют номерам указателя.

- Новые Бобовицы* 84
Ножохоново 286
Нильги 287
Одши 204
Озаринцы 161
Озерко 298
Окская 75
Окум 9, 48
Осокоривка 120
Остров 95
Очемчири 49

Паук 36
Перевальная 299
Переселенческий пункт 250
Пещеры на сев. бер. р. Смотрича между Нечином и Залучьем 160
Планты 200
Подкумская 31
Подострожская 273
Пономарево 248
Постников Овраг 91
Протасов Яр 121
Пушкири I 129
Пушкири II 130
Пушкири III 131
Пушкири IV 132
Пушкири V 133
Пушкири VI 134
Пушкири VII (Покровщина) 135

Рогалик-Якимовская 106
Рухи I 55
Рухи II 205

Светиловичи 18
Селище 122
Семенки 149
Семеновка 216
Сергеева 300
Сергеевка 143
Скалка 123
Скниатино 88
Сокол 162

Сростки 218
Степнино 76
Стрелецкая 68
Студеница 163
Супонево 81
Сунса-Шромта 206
Сухуми 10
Сучкино 86
Сходня 77
Сюрень I 180
Сюрень II 181

Табачная 11, 50, 212
Таро-кладе 196
Тельманская 69
Тесь 251
Тех 12
Тешик-таши 56
Тимоновка 80
Типунова 301
Томск 219

Уварова пещера 197
Узунжул 252
Улазы 253
Ундоры 92
Усть-Белая 274
Усть-Катав 98
Усть-Кяхта 288
Ушаковка 275
Ушица 164
Ушканка 276

Фатъма-коба 182
Фоминское 220

Хабаровск 291
Хара-Бусун 289
Харанхой 290
Хергулес-кладе 198
Хеты 207
Хоста (Белые скалы) 34
Хрящевская коса 93

Цебельда 213
Цирхвали 199
Цхири 51
Цып-наволок I 302
Цып-наволок II 303

Чагорак-коба 26
Часол 254
Чатыр-даг 183
Черемушник 277
Черкез-коржен 181
Чолурча 27
Чубурисхинджи 13
Чулатово I 136
Чулатово II (Рабочий ров) 137
Чулатово III 17

Шайтан-коба 28
Шан-коба 185
Шаповаловка 144
Шевшинова балка 107
Шкотово 292
Шпань-коба 186
Шубное 70
Щуровка 108

Эана-губа 304
Энцири 208
Эшери 52

Юдиново 85
Юровичи 168
Юсуф-коба I 187
Юхнова 138

Яблонов проток 94
Яши 53
Яйла 188
Ямбург 124
Янова 255
Ясаково 78
Яснокольское 79
Яштух 14, 54, 214

RÉSUMÉ

V. Gorodcov

RÉSULTATS DE L'ÉTUDE DE LA STATION PALÉOLITHIQUE D'ILSKAJA

Communication préliminaire

Résumé

La station paléolithique d'Ilskaja se trouve sur la rive gauche de la rivière Ili, à 30 km de la ville de Krasnodar. Elle fut découverte en 1898 par J. de Haye et étudiée en 1926 et 1928 par S. Zamiatnine. Des fouilles y furent exécutées en 1936 par V. Gorodcov. Les résultats de ces fouilles sont décrits dans le présent mémoire.

Tous les auteurs précédents rapportent la station d'Ilskaja à l'époque moustérienne. Contrairement à cette manière de voir, l'auteur de ce mémoire l'attribue à l'époque solutréenne (Paléolithique supérieur).

L'âge paléolithique supérieur d'Ilskaja est attesté par les restes de faune et par son outillage. La grossièreté et le caractère primitif apparents de ce dernier s'expliquent surtout par les propriétés de la matière dont il est fait. Les instruments en silex, en quartzite et en calcédoine sont rares. La plupart sont tirés de petits galets de jaspe.

Les nucleus prismatiques caractéristiques prédominent à Ilskaja (pl. I, 2, 3); au cours des fouilles de 1936, aucun nucleus discoïde ne fut découvert et on n'a trouvé qu'une seule pierre de jet discoïde (pl. I, 1). La retouche des instruments s'effectuait par quatre procédés: 1) taille, 2) débitage d'éclats, 3) pression, 4) contre-chocs.

L'outillage lithique d'Ilskaja comprend: 1. lames avec ou sans retouche (pl. I, 4—5), 2. grattoirs (pl. II, 1, 3, 6, 7), 3. rabots (pl. II, 2), 4. burins (pl. III, 1—3), 5. perçoirs et forets (pl. I, 7), 6. pointes lancéolées, 7. pointes doubles à retouche solutréenne (pl. III, 5; fig. 10), 8. polissoir (fig. 3), 9. pierre en forme de marteau (fig. 11), 10. pierre de jet (pl. I, 1), 11. enclumes en pierre (fig. 3), 12. anneau de pierre rappelant les anneaux des bâtons servant à fouiller le sol.

On a trouvé également en 1936 sept fragments en os avec traces de façonnage (fig. 15, 16), dont une partie d'un objet de parure, peut-être d'une pendeloque pectorale (fig. 14); on n'a pas rencontré un seul instrument en os.

En outre, on a découvert des morceaux de couleurs et des charbons.

Au cours des fouilles, on a pu relever la disposition en plan des objets trouvés dans la couche archéologique (pières, os etc.) (fig. 17).

I. Pidoplička

LES GIGANTOLITHES EN SILEX DE NOVGOROD-SEVERSK

Résumé

En 1933, on a découvert une station du Paléolithique supérieur à Novgorod-Seversk (région de Černigov, Ukraine), sur la rive droite de la Desna. Les fouilles ont fourni des instruments de silex, ainsi que de très nombreux restes de faune quaternaire. La trouvaille la plus intéressante faite au cours des fouilles de 1936 est celle de trois gigantolithes en silex gisant l'un à côté de l'autre (pl. I, II et III). La même couche recélait un lissoir ornementé (fig. 2). Les gigantolithes mesurent 44 cm, 33,9 cm et 45,4 cm de longueur et pèsent respectivement 8250 g, 4550 g et 8050 g. Ils sont taillés à longs éclats étroits rappelant ceux pratiqués pour les burins. Ensuite ils ont été retouchés.

Semblables gigantolithes existaient aussi à la station paléolithique supérieure de Mesine, située également sur la rivière Desna, à 25 km au sud de Novgorod-Seversk, comme l'attestent les os de mammouth ici trouvés portant des traces de coups et de coupures dues manifestement à de gros instruments. Les gigantolithes de Novgorod-Seversk servaient certainement à des usages divers. Ils pouvaient être utilisés pour le broyage des os, le travail du bois et les terrassements. Il reste à établir s'ils étaient tenus à la main ou bien attachés à des manches en bois.

La découverte des gigantolithes de Novgorod-Seversk témoigne de l'existence au Paléolithique supérieur de gros instruments tranchants.

P. Boriskovskij

LA STATION PALÉOLITHIQUE DE BORŠEVO II. LA COUCHE ARCHÉOLOGIQUE INFÉRIEURE

Résumé

La station paléolithique de Borševo II est située sur la rive droite du Don, non loin de Voronež. Elle a été fouillée par P. Efimenko et plus tard par l'auteur. Elle renferme trois couches archéologiques (fig. 5), dont la supérieure se rapporte à l'époque de transition entre le Magdalénien et l'Azilien (*l'Elephas primigenius* avait déjà disparu).

La couche archéologique inférieure a livré une grande quantité de silex travaillés. Les outils et les lames sont de petite dimension (moins de 5 cm de longueur). Parmi les outils prédominent les burins latéraux (pl. III). Il existe aussi des burins d'autres types (pl. IV et V), des grattoirs sur bout de lame (pl. II), des lames à dos rabattu (pl. VII) et des pointes à bord rabattu (pl. VII) et bout coupé de biais (pl. VI, 10—14). Aux forts grossissements, les lames apparaissent sensiblement polies sur le bord; on les utilisait comme instruments tranchants. Comme instruments en os, on a trouvé des poinçons en os de lièvre et deux outils ressemblant à des pioches ou des ciseaux, taillés avec soin dans un bois de renne, la surface ornementée d'un réseau de losanges. L'auteur presume que c'était des pics pour briser la glace, semblables à ceux des Esquimaux, ou peut-être des pioches pour déterrer les aliments végétaux. La faune de la couche inférieure renferme les espèces suivantes: *Elephas primigenius*, *Equus caballus*, *Lepus* sp., *Rangifer tarandus*, *Gulo borealis*, *Canis lupus*, *Vulpes vulpes*.

La couche archéologique inférieure s'étend le long de la rive du Don sur une distance de 115 m environ et une largeur de 10—13 m. Les restes de culture (silex, os, menus charbons) étaient disséminés isolément sur cette surface et ne formaient de gros amas qu'en trois endroits (fig. 3).

Les amas étaient de composition très différente. Le premier, le plus grand (160 m² environ), renfermait des grattoirs et des burins en nombre presque égal (40 grattoirs, 46 burins), ainsi que des ossements de plusieurs espèces d'animaux; c'était probablement le lieu principal des habitations. Le deuxième et le troisième amas étaient des endroits destinés surtout à la production. Le second amas mesurait envi-

ron 16 m². Il a fourni plus de 1500 silex, dont 68 outils, parmi lesquels 48 burins et 3 grattoirs; on y a trouvé en outre 30 lamelles de coup de burin, beaucoup de petits charbons et peu d'os. C'était peut-être un endroit où l'on travaillait le silex, en particulier les burins. La surface occupée par le troisième amas est de 50 m² environ. On y a récolté environ 500 silex, dont 54 burins et 5 grattoirs, des instruments ornemantés en bois de renne et un certain nombre d'os de mammouth fendus. Cette place était réservée peut-être au travail de l'os.

La couche archéologique inférieure de la station de Borševo II date du milieu de l'époque magdalénienne. Chronologiquement, elle se rapproche le plus de la station de Timonovka, décrite par M. Voevodskij, ainsi que de celle de Goncy.

S. Bibikov

LES FOUILLES DE LA GROUVE OSSIFIÉE D'UST-KATAV ET L'EXPLORATION ARCHÉOLOGIQUE DE LA RIVE DROITE DU KATAV DANS LA RÉGION DU VILLAGE D'UST-KATAV

Résumé

Les travaux d'exploitation d'une carrière située non loin de la station de chemin de fer Ust-Katav (Oural méridional) ont amené la découverte en 1936 d'une grotte, dont l'ensemble des galeries n'a pas moins de 175 m de longueur totale. Dans la première chambre de la grotte (fig. 2) on a découvert une quantité énorme d'ossements d'animaux quaternaires inclus dans un limon jaune reposant sur une argile rougeâtre. La liste des espèces donnée dans le mémoire peut être considérablement complétée aujourd'hui grâce aux déterminations de V. Gromov, qui s'est occupé spécialement de l'étude de la faune des grottes de l'Oural méridional. Elle renferme: *Elephas primigenius*, *Rhinoceros tichorhinus*, *Equus* (*Equus*) sp.?, *Bison priscus*, *Cervus elaphus*, *Alces alces*, *Rangifer tarandus*, *Capreolus pygargus*, *Ursus spelaeus*, *Ursus arctos*, *Ursus* sp.?, *Meles meles*, *Canis lupus*, *Canis* (*Canis*) sp.?, *Vulpes vulpes*, *Vulpes lagopus*, *Lepus* sp.?, *Microtus aeconomus*, *Arvicola terrestris*, *Marmota bobac*. V. Gromov rapporte cette faune au Rissien. Les conditions de leurs fractures établissent avec une entière évidence que la grotte d'Ust-Katav a servi jadis de repaire à des bêtes féroces, probablement à des ours, qui y apportaient leur proie.

L'exploration de la rive droite du Katav, dans la région du village même d'Ust-Katav, n'a pas donné de résultats bien importants, sauf la trouvaille de plusieurs silex appartenant peut-être au Paléolithique tardif.

L'auteur suggère la découverte possible du Paléolithique dans l'Oural méridional, faisant valoir une série d'arguments en faveur de cette hypothèse. Aujourd'hui, après les travaux de 1938—1939, cette hypothèse est résolue affirmativement. On a trouvé non loin de la grotte d'Ust-Katav plusieurs grottes renfermant des restes paléolithiques. Les stations les mieux caractérisées sont celles des grottes Kliucëvaja et Buranovskaja. Leur faune est un peu plus récente que celle de la grotte d'Ust-Katav, dont le complexe faunique de Kliucëvaja se rapproche davantage.

M. Gerasimov

LE TRAVAIL DE L'OS À LA STATION PALÉOLITHIQUE DE MALTA

Résumé

La station de Malta est un des plus intéressants monuments du Paléolithique supérieur connus sur le territoire de l'URSS. Elle a livré un nombreux matériel qui illustre admirablement les principaux stades du travail de l'os au Paléolithique. On y a découvert *in situ* dans la couche archéologique des morceaux de défense d'éléphant non travaillés rangés par groupes, ainsi que différents produits et rebuts de fabrication: raclures, pièces brutes, objets inachevés.

L'auteur donne une description du travail de l'os, en indiquant dans quelle mesure était utilisé l'os de tel ou tel animal; il décrit en particulier la fabrication des couteaux en os, des manches en corne, des aiguilles et poinçons en os, des pointes de lance, des objets de parure (garnitures, perles, pendeloques, boutons), de la sculpture en rond (statuettes de femmes, d'oiseaux) et des objets de culte, à ornementation riche. Il étudie aussi la technique de la gravure sur os.

P. Boriskovskij

LA STATION PALÉOLITHIQUE DE LA RUE KIRILLOVSKAJA À KIEV

Résumé

La station paléolithique de la rue Kirillovskaja, dans la ville de Kiev, fut explorée par V. Chvojka dans les années quatre-vingt dix du XIXe siècle. Toutefois l'outillage de silex qui en provient n'avait presque pas été étudié ni publié jusqu'à ces derniers temps. Le présent mémoire est consacré principalement à la description des instruments en silex de la station Kirillovskaja conservés au Musée histo-

rique central de Kiev et étudiés par l'auteur — au total 750 pièces environ, ce qui représente la majeure partie du matériel recueilli au cours des fouilles et donne une idée de l'âge de la station.

La station Kirillovskaja inclut deux couches archéologiques — inférieure et supérieure chacune formée à son tour de plusieurs lits.

La couche archéologique inférieure recélait une quantité énorme d'ossements de mammouth, de cendre et de charbons. Leurs amas atteignaient par places 50 cm d'épaisseur. A part les os de mammouth, la couche n'a fourni qu'un nombre très restreint d'os de rhinocéros tichorhinus.

Au cours des fouilles, on a extrait de la couche inférieure, à côté de très nombreux os, seulement 250 silex environ (la surface déblayée de la couche mesure plusieurs milliers de mètres carrés), dont 200 environ furent étudiés par l'auteur. Les instruments et pièces brutes en silex sont de dimension très limitée (longueur moins de 5 cm), ce qui s'explique par la petitesse des rognons de silex dont disposaient les habitants de la station et le niveau peu élevé de leur technique. Ils sont très peu nombreux — 20 échantillons au total (pl. I, II). Les burins prédominent (10 échantillons); ils ne présentent aucune forme déterminée, fixe. On y peut distinguer des burins ordinaires, des burins d'angle et des burins nucléiformes à tranchant obtenu par de nombreux coups de burin. Outre les burins mêmes, il y a 16 lamelles de coup de burin.

En plus des trois burins nucléiformes, on a trouvé sept autres outils nucléiformes sur morceaux de silex irréguliers et deux grattoirs sur bout de lame.

La couche inférieure a livré encore une quarantaine de lames et d'éclats de silex à bord montrant des traces de légère retouche et de petites échancrures, qui attestent qu'ils ont été utilisés comme instruments. Enfin, environ 90 lames et 40 éclats ne présentent pas de traces d'utilisation. Les percuteurs font défaut dans la couche inférieure; quant aux nucléus, on n'en a trouvé qu'un seul, peu typique.

La couche inférieure de la station Kirillovskaja renferme des restes d'un lieu d'habitation sédentaire de chasseurs de mammouths du Paléolithique supérieur. La surface découverte par les fouilles représente une parcelle de terrain destinée presque exclusivement aux repas ou, peut-être, la périphérie de la station, qui servait d'entrepôt d'os pour le chauffage et de lieu où l'on vidait le contenu des foyers. Le travail du silex ne s'accomplissait pas ici, mais quelque part ailleurs.

La couche archéologique inférieure se rapporte au début du Magdalénien (datation proposée par P. Efimenko). L'analyse de l'outillage de silex montre qu'il est très proche de celui des stations de Kostenki II et Kostenki III.

(pourcentage élevé de burins, en majorité atypiques et massifs, et d'instruments nucléiformes, caractère général archaïque du mobilier). De même que Kostenki II et Kostenki III offrent très peu de traits communs avec les stations plus anciennes aurignaco-solutréennes de leur région (Kostenki I, Borševo I), la couche inférieure de la station Kirillovskaja ne ressemble guère à celle des stations aurignaco-solutréennes de l'Ukraine telles que Puškari I.

La couche archéologique supérieure de la station (pl. III—VIII), découverte par les fouilles sur une surface de 600 m² environ, était formée de vingt taches de cendre rondes ayant chacune 5—10 cm d'épaisseur et 2 m environ de diamètre. Elles étaient remplies d'os d'animaux broyés et calcinés, de charbon, de cendre et de silex. Contrairement à la couche inférieure, la couche supérieure renfermait beaucoup de silex (plus de mille) et très peu d'ossements. Ceux-ci appartiennent au lion, au loup et à l'hyène et peut-être aussi à l'ours et au mammouth.

L'auteur a étudié près de 600 silex provenant de la couche supérieure, dont environ 35 instruments et 75 lames et éclats avec traces de légère retouche. Le silex dont sont faits les instruments est le même que dans la couche inférieure, le caractère de sa patine également. Les silex sont de petites dimensions, comme ceux de la couche inférieure. A côté de lames et éclats courts on a trouvé de nombreux fragments de lames à bout brisé (de 2—3 cm de longueur), absents dans la couche inférieure. Ils sont parfois façonnés en outils. On compte ici 19 grattoirs sur bout de lame (pl. III), dont 11 sur lames allongées et 8 sur fragments de lame courts de forme régulière. Il y a 4 burins sur lames allongées, ainsi qu'une vingtaine de lamelles de coup de burin. Les 12 pièces nucléiformes sur morceaux de silex (pl. IV—VII) rappellent de près celles de la couche inférieure. Ce sont des burins nucléiformes à facettes multiples, des grattoirs carénés, des rabots et des formes intermédiaires entre ceux-ci.

La couche supérieure n'a fourni qu'une seule lame lancéolée de forme triangulaire régulière (de 45 cm de longueur), retouchée sur deux bords, et un fragment d'une autre (pl. III, 12 et 13). Pas de percuteurs, comme dans la couche inférieure. Il existe 4 nucléus atypiques et une dizaine de fragments de nucléus.

La surface de la couche archéologique supérieure ne représente pas le lieu des repas ou la périphérie de la station (comme la couche inférieure), mais l'emplacement des habitations, où se faisait également le travail du silex. Les indices de la vie sédentaire, bien exprimés dans la couche inférieure, sont ici beaucoup plus vagues. La chasse au mammouth spécialisée disparaît également.

L'analyse de l'outillage de silex ainsi que les données paléontologiques ne permettent pas d'admettre l'opinion des auteurs qui attribuent la couche supérieure de la station Kirillovskaja à l'extrême fin du Magdalénien ou même au début de l'Azilien et qui la rapprochent de Juravka et de la couche archéologique supérieure de Borševo II. L'outillage de silex offre une extrême ressemblance avec celui de la couche inférieure. Les fragments de lame, plus fréquents que dans la couche inférieure, ne prédominent pas, toutefois, comme type de pièces brutes. Les doubles-grattoirs courts et les grattoirs arrondis, qui caractérisent précisément la fin du Magdalénien, sont complètement absents dans la couche supérieure. La lame triangulaire est de dimension assez grande pour cette forme, on n'en a trouvé que deux échantillons. Des échantillons isolés de semblables pièces sont connus bien avant l'Azilien, déjà dans l'Aurignacien. La géométrisation de l'outillage de silex ne commence donc à se faire sentir que très faiblement encore dans la couche supérieure. Les couches supérieure et inférieure de la station Kirillovskaja sont évidemment séparées par un intervalle de temps relativement très court. La couche supérieure peut être datée du début ou du milieu de l'époque magdalénienne.

A. Okladnikov

UNE STATUETTE PALÉOLITHIQUE TROUVEE À BURETI (FOUILLES DE 1936)

Résumé

En 1936—1940, des fouilles furent exécutées dans la station paléolithique située près du village de Bureti, sur la rive droite de l'Angara. Cette station est synchronique et proche par sa culture de la station bien connue de Malta (début du Magdalénien).

Dans le premier des complexes habités de l'époque paléolithique ici exhumés, on a trouvé une remarquable statuette taillée dans une défense de mammouth. Elle était recouverte et protégée avec soin en dessus. A la différence de la plupart des statuettes de Malta et des autres statuettes de Bureti, elle est entièrement couverte, le visage excepté, d'un ornement semi-lunaire caractéristique, „atectonique“, qui représente non pas un tatouage, comme on le pensait autrefois, mais un pelage ou un vêtement de fourrure en forme de combinaison. La tête de la statuette porte un couvre-chef également de fourrure en forme de capuchon, directement réuni au corps. La population ancienne de la Sibérie possédait d'excellentes alènes et aiguilles et s'habillait en conséquence d'un vêtement de fourrure cousu, d'une coupe identique à celle du vêtement des tribus arctiques, surtout des Esquimaux.

La présence simultanée de statuettes „vêtuës“ et de représentations de femmes nues s'explique par les conditions de vie des habitants paléolithiques de la Sibérie et par le caractère de leur habitation: hors de l'habitation, ils portaient un vêtement de fourrure, tandis qu'à l'intérieur, sous le toit bas des huttes en terre, ils devaient rester demi-nus ou tout à fait dévêtus, c'est-à-dire précisément comme on l'observe sur la plupart des statuettes.

Ce sont le vêtement et le mode de vie des tribus arctiques modernes, en premier lieu de celles des régions maritimes.

G. Sosnoevskij

LA STATION PALÉOLITHIQUE PRÈS DU VILLAGE DE SROSTKI SUR LA RIVIÈRE KATUNÌ

Résumé

En été 1936, la mission organisée par la Section soviétique de l'INQUA et l'Institut Marr d'histoire de la culture matérielle et travaillant sous la direction de l'auteur a poursuivi l'exploration de la station paléolithique découverte l'année précédente près du village de Srostki, sur la rive droite du Katunì (à 36 km de la ville de Bijsk).

Les vestiges du Paléolithique ont été décelés en trois points aux alentours du village de Srostki: 1) sur le versant nord-est de Srostinskaja gora, 2) sur son versant sud-ouest, près du lac et 3) sur le versant sud-ouest du „Krutoe solnce“.

Les couches supérieures sablo-argileuses qui constituent la troisième terrasse renferment un outillage lithique et des éclats de taille ancienne. En 1936, les fouilles ont été effectuées sur le versant nord-est de Srostinskaja gora (à 350 m des dernières maisons du village), où furent déblayés 160 m² environ de l'emplacement d'un ancien lieu d'habitation.

La coupe géologique de la troisième terrasse se présente comme suit:

1. Terre végétale
2. Limon sableux loessoïde gris-jaune
3. Limon plus argileux brunâtre
4. Limon à grain fin gris clair
5. Limon sableux gris foncé
6. Limon argileux brun

Le bas de la terrasse est masqué par des éboulis.

Les objets paléolithiques ont été trouvés dans les couches suivantes:

- 1) dans la terre végétale.

2) dans le limon sableux loessoïde.

3) dans le limon sableux brunâtre.

La partie du complexe sablo-argileux qui recélait les restes paléolithiques a de 0.85 à 1 m de puissance.

La distribution verticale des restes archéologiques était inégale. Dans la terre à humus, ils étaient peu nombreux; plus bas dans le limon sableux loessoïde, ils devenaient beaucoup plus fréquents; mais la plupart ont été recueillis dans le niveau de passage du limon sableux loessoïde au limon sableux brunâtre et dans ce dernier.

Dans le limon sableux brunâtre, on a découvert cinq complexes archéologiques, représentant des amas d'outils lithiques et de restes de foyers. Les objets paléolithiques ont été trouvés *in situ* et leur disposition était en relation avec la surface de l'ancienne station. Les complexes étaient séparés par des intervalles où les outils et les éclats n'ont été rencontrés qu'en échantillons isolés.

Dans trois des cinq complexes on a constaté des vestiges de foyers, entourés de rebuts de l'industrie lithique. L'un d'eux (I), sans traces de feu, présente l'aspect d'un véritable atelier pour la fabrication des instruments, avec tous les stades de leur production et les objets achevés.

Les restes de foyers (d'un diamètre de 1.5–3 m) renferment une couche de cendre de 2–6 cm d'épaisseur. On y a récolté de menus morceaux de charbon de bois.

Les os d'animaux n'ont été trouvés qu'en nombre restreint. Ils appartiennent au cheval fossile et apparemment au cerf.

On n'a pas découvert de gros amas de débris de cuisine, caractéristiques des stations plus anciennes de la Sibérie (Malta, Afontova gora).

Les fouilles ont fourni une centaine d'instruments et environ 2000 éclats, fragments de pierre, etc.

On a prélevé des échantillons de la roche qui constitue le haut de la troisième terrasse.

La comparaison des instruments et éclats paléolithiques provenant des différents niveaux n'a révélé aucune différence dans la composition de cet outillage lithique. Des racloirs grossiers d'aspect moustérien, des outils du type du coup de poing, de petits grattoirs et des burins d'angle ont été rencontrés à différentes profondeurs. On a recueilli aussi de petits nucléus du type prismatique, des lames minuscules, des pièces nucléiformes, des perçoirs, des lames au bord retouché, etc.

Tous les objets sont taillés dans des galets de rivière et des blocs (quartz, quartzite, lydite, roches jaspoides, etc.).

Les résultats fournis par les travaux de la mission font rapporter la station de Srostki aux gisements du stade tardif du Paléolithique

supérieur de la Sibérie. Les instruments de pierre trouvés dans la vallée du Katuni se rapprochent de très près par leur technique et leurs formes du mobilier des stations paléolithiques du Iénisséi.

O. Bahder

DESSINS ANCIENS SUR LE PLAFOND DES GROTTES DE LA RÉGION DE LA MER D'AZOV

Résumé

En 1936, au cours des travaux de la mission envoyée dans la région de la mer Noire et de la mer d'Azov par l'Institut d'Archéologie de l'Académie des Sciences de l'Ukraine et l'Institut d'Anthropologie de Moscou, l'auteur a exploré la colline rocheuse dite „Kamennaja Mogila“ („tombe de pierre“), située sur la plaine alluviale de la rivière Moločnaja près de la ville de Melitopol.

Des traces d'anciennes gravures à Kamennaja Mogila avaient été étudiées déjà en 1890 par le prof. N. Veselovskij, mais elles ne furent ni publiées, ni décrites et interprétées. L'auteur a découvert ici en 1936 des dessins anciens en 13 points différents, entre autres dans une remarquable grotte portant au plafond des figurations de taureaux (une figuration de mammouth y fut encore décelée en 1938).

Particulièrement intéressantes sont les représentations suivantes: quatre taureaux (fig. 1), deux taureaux se suivant (fig. 2), un fauve et un homme (fig. 3). Les figures ont une longueur de 30 cm et davantage et sont entièrement taillées ou grattées à la surface du plafond jusqu'à une profondeur de 1 cm.

Les autres dessins étudiés ont comme celui de la fig. 3 un caractère fortement stylisé et sont composés en majeure partie de figures géométriques linéaires (fig. 5–12).

Le Paléolithique de l'Europe nous offre une série d'exemples de représentations géométriques linéaires, telles que celles de Joigny (Aisne) (fig. 13) et de Seine-et-Marne (fig. 14) en France, de Venta de la Perra (fig. 15) en Espagne, de la grotte Romanelli (fig. 16) en Italie, etc.

A mesure qu'il se rapproche des rivages de la Méditerranée, l'art des grottes paléolithiques acquiert un caractère toujours plus stylisé.

Les analogues les plus proches de ces dessins des bords de la mer d'Azov se trouvent dans le nord-ouest de l'Afrique, par exemple dans les abris sous roche de Foum Bir Seid (fig. 17) et de Kifé (fig. 18).

Sur le territoire de l'URSS, on connaît comme dessins semblables à ceux de Kamennaja-Mogila, les figures géométriques linéaires des abris magdaléniens de Mgvimévi (Caucase), décrites par S. Zamiatnine, et l'ornement des „churinga“ de pierre des stations microlithiques de la Crimée (fig. 19).

L'auteur considère comme les plus anciens des dessins de Kamennaja Mogila les figurations de taureaux (fig. 1, 2) et autres semblables. Les autres représentations plus schématiques, reproduites sur les figures du présent mémoire, se rapportent à l'époque épipaléolithique et vont jusqu'au Néolithique.

S. Bibikov

SUR L'UTILISATION DES ESCARGOTS DU GENRE *HELIX* AU PALÉOLITHIQUE TARDIF

Résumé

Les mollusques du genre *Helix* étaient extrêmement répandus au Paléolithique tardif; les coquilles trouvées montrent que les mollusques occupaient une place importante dans l'alimentation de l'homme primitif. Pendant longtemps, on ne s'est pas occupé de savoir comment ces mollusques étaient préparés pour la consommation. La question a pourtant son intérêt, puisque les coquilles recueillies dans les couches archéologiques sont souvent intactes et n'offrent pas de traces de calcination. Par conséquent, elles n'ont pu être préparées sur le feu des foyers. Il n'est guère probable non plus qu'elles fussent bouillies, car la poterie n'était pas encore en usage aux temps azilo-tardenoisiens. Au cours des fouilles de l'abri de Chan-Koba, en Crimée, on a découvert dans la couche archéologique une petite cavité remplie de coquilles d'*Helix vulgaris*, plus tard une trouvaille analogue fut faite dans l'abri de Jusuf-Koba. Une expérience exécutée avec des escargots vivants de l'espèce *Helix nemoralis* a montré que les cavités de ce genre servaient à la cuisson des escargots sous l'action d'un feu allumé au-dessus de la cavité. Ce mode de cuisson ne détruit pas les coquilles et permet d'extraire très facilement le corps de l'escargot hors de sa coquille, ce qui est presque impossible lorsque l'escargot est vivant.

M. Voevodskij

LA STATION MÉSOLITHIQUE DE GREMLIAČEE

Résumé

La station de Gremliačee, située sur la rive droite de l'Oka, a été découverte et fouillée en 1898 par N. Bulyčev. Elle a été étudiée en 1936 par l'auteur, qui a constaté qu'à l'endroit, dé-

crit par Bulyčev il existe, des vestiges de trois habitats d'époques différentes: 1. un sélistché des premiers temps de l'époque de Dlakovo, 2. une petite station temporaire du Néolithique tardif et 3. une station ancienne du type de Svidry, caractérisée par d'admirables lames et un outillage archaïque typique. Le matériel de cette dernière est le plus intéressant. Il comprend une quantité de petites lames régulières servant d'armatures pour les instruments en pierre et en os (pl. I, 4-8), de nucléus coniques et cylindriques de forme régulière (pl. I, 5), des burins, principalement du type des burins d'angle (pl. III, 4), des grattoirs (pl. I, 6); des pointes de flèche à pédoneule (pl. II, 3), une lame à encoches servant de rabot (pl. III, 9) et des perçoirs (pl. II, 7).

Le caractère de la station même, comme l'outillage, sont tout à fait typiques du stade azilo-svidérien. La station était de dimensions très restreintes (pas plus de 200—300 m²) et avait un caractère temporaire, à juger par la quantité relativement petite du matériel fourni. Le maintien de certains traits du Paléolithique supérieur et l'absence d'instruments microlithiques typiques autorisent à supposer qu'elle se rapporte à la première étape du stade svidérien.

Au cours des travaux de 1936, on a découvert à 0.5 km en aval, également sur la rive droite de l'Oka, des restes d'une station Gremiačee II. Elle a livré 5 petites lames, 1 fragment de nucléus, 1 burin (pl. III, 4) et quelques silex. Elle peut aussi être rapportée au stade svidérien.

Ces stations semblent avoir été toutes deux de petits campements de chasseurs caractéristiques du type d'habitat svidérien.

M. Pančkina

LA STATION MÉSOLITHIQUE DE BORKI

Résumé

Le célèbre naturaliste russe V. Dokuchaïev (décédé en 1903) fut en même temps un des premiers à étudier l'âge de la pierre en Russie. Au cours de ses travaux géologiques et pédologiques dans la vallée de l'Oka, accomplis dans les années 70 et 80 du siècle passé, il découvrit plusieurs gisements néolithiques qui offrent aujourd'hui encore un intérêt capital, tels par exemple Bolšoe et Maloe Kozino, près de Balachna, Borki, aux environs de Riazan, etc.

V. Dokuchaïev est mort sans avoir eu le temps de publier intégralement les résultats de ces explorations, et l'on ne possède que de brèves communications préliminaires à leur sujet. C'est pour cette raison que le précieux matériel

récolté par lui n'a pas été suffisamment pris en considération par les investigateurs ultérieurs. Les collections de V. Dokuchaïev sont conservées au Cabinet géologique de l'Université de Léningrad.

Une des plus importantes collections est celle qui renferme le matériel néolithique recueilli à la surface des dunes dispersées par le vent à la station de Borki, dans les environs de la ville de Riazan. Elle compte plus de 800 objets en silex, qui se répartissent en deux groupes chronologiques - mésolithique et néolithique tardif. En outre, la collection comprend un petit nombre d'échantillons de céramique tardive et quelques objets du type de ceux des cimetières finnois de la région. Le mobilier microlithique constitue les 90% du matériel fourni par la station.

Le caractère mêlé de la collection s'explique par les conditions de sa récolte au milieu des sables déplacés par les vents. Néanmoins, la séparation du matériel néolithique ancien en un groupe indépendant est pleinement motivée, tant par les observations sur le terrain faites par V. Dokuchaïev et d'autres spécialistes (V. Gorodcov, A. Čerepnin), que par le cachet nettement caractéristique du mobilier de silex.

L'âge néolithique ancien des objets trouvés à Borki est confirmé par les données stratigraphiques fournies par les stations néolithiques des dunes de l'Oka, dans les environs de la ville de Riazan. Les travaux exécutés dans la partie non remaniée des dunes ont établi la présence de niveaux néolithique ancien et néolithique récent. La couche à microlithes est sous-jacente à la couche renfermant le matériel néolithique récent.

Le mobilier néolithique de Borki est fort typique. Il consiste dans l'essentiel en instruments tirés de lames minuscules de forme régulière. Ce sont des grattoirs, surtout sur bout de lame, des burins, parmi lesquels prédominent les burins d'angle, des perçoirs, etc. Le groupe le plus nombreux et le plus caractéristique de la station est celui des pointes de flèches en silex du type de Svidry.

Parmi les stations se rapprochant le plus de Borki par le caractère de leur mobilier, on peut citer Elin Bor, Gremiačee, ainsi que Svidry et Chvalibogovicy.

Borki, comme tout le groupe des stations mésolithiques de l'Oka, présente des traits caractéristiques propres aux stations de la forêt-steppe, et qui les distinguent des gisements plus méridionaux du type microlithique. Alors que ces derniers possèdent une forte proportion de microlithes géométriques, ce groupe d'instruments fait presque entièrement défaut dans les stations de la forêt-steppe, entre autres à Borki.

L'aspect général du mobilier (régularité, stabilité et diversité de la forme des outils), de

même que la présence de formes aussi caractéristiques que les pointes de flèche en feuille de saule et les outils du type de grattoirs à retouche aiguë, permettent de rapporter la station de Borki au Mésolithique tardif.

B. Zemliakov

SUR LES PLUS ANCIENNES TRACES DE L'HOMME DANS LES ENVIRONS DE LENINGRAD (STATION DE RAZLIV, CHEMIN DE FER PRIMORSKI)

Résumé

La station découverte près de Razliv occupe une place tout à fait à part parmi les stations de l'âge de la pierre connus aux environs de Leningrad. Les récoltes qui y furent faites ne renferment pas de céramique et présentent un mobilier composé de gros outils grossièrement façonnés d'une forme archaïque. On a rencontré un coup de poing massif (fig. 3) et de nombreux outils amygdaloïdes se rapprochant au type „pic“ (pl. I, II et III), des outils à coups de burins, des lames de forme irrégulière et des grattoirs (pl. IV et V).

Ce mobilier, franchement différent de l'outillage en silex trouvé dans les stations néolithiques voisines à abondante céramique du type „à fossettes et au peigne“, permet de lui chercher des analogies dans les stations mésolithiques de la partie ouest des pays baltiques.

Les conditions géologiques des trouvailles faites à Razliv, à des côtes beaucoup plus élevées (16—18 m) que dans toutes les autres stations néolithiques ici connues (7—12 m), indiquent un lien manifeste avec la mer à *Littorina*, à laquelle on relie dans l'ouest des pays baltiques les stations du type d'*Ertebölle* (*kjoekkenmoedding*), qui rappellent par leur mobilier la station ici décrite, unique en son genre dans les environs de Leningrad.

La concordance étroite des datations archéologique et géologique donne la certitude que l'âge de la station de Razliv a été déterminé exactement et la fait considérer comme le plus ancien monument archéologique aux environs de Leningrad.

N. Gurina

L'OUTILLAGE DE LA STATION DE VOZNESENSKAJA

Résumé

L'auteur étudie les outils en pierre de la station néolithique située près du village de

Voznesenskaja sur le Svir, fouillée en 1934 par V. Raudonikas.¹

La couche archéologique de la station était limitée à une étroite bande littorale. La stratigraphie est la suivante: 1) sable de rivière d'origine alluviale, puissance 0.10—0.30 m; 2) couche tourbeuse mêlée avec une couche plus récente d'éclats de bois et de masse ligneuse, puissance variable; 3) couche tourbeuse à gros blocs; 4) couche sous-jacente formée d'un limon verdâtre.

La plupart des objets ont été trouvés dans la couche de tourbe à roseaux. On n'a pas découvert de complexes d'habitations ou autres. Les fouilles ont été menées en trois places. La majeure partie des trouvailles a été faite aux points I et II. La céramique assez abondante se laisse répartir en quatre groupes: „à fossettes rondes“; „à fossettes rhombiques“, „géométrisée“ et „réticulée“. L'outillage se subdivise aussi en quatre groupes: instruments en silex, en schiste, en ardoise et en quartz.

Le groupe des instruments en silex comprend des pointes en feuilles de laurier, des grattoirs et autres pièces d'un type semblable, des perçoirs, quelques lames, des burins et un hameçon.

Les objets en schiste consistent en haches à grosse tête, haches du type dit russo-carélien, ciseaux droits et à rainure, herminettes et petits ciseaux. Ils sont de forme non évoluée.

Les objets en ardoise sont peu nombreux. Ce sont surtout des objets de parure, parmi lesquels des anneaux polis et un objet en forme de petite barre avec profondes entailles pour l'attacher.

La fouille III occupe une surface beaucoup moindre et a fourni en conséquence un matériel moins nombreux. Les objets en silex sont semblables à ceux des deux fouilles précédentes. Il comprend principalement des grattoirs et des lames. L'outillage en schiste se compose de fragments de haches et d'un marteau perforé. Parmi les menus objets, les plus intéressants sont un galet-pendeloque en schiste et un bâtonnet-matrice pour imprimer un ornement sur les vases.

Le mobilier fourni par les fouilles I et II, de même que la céramique, rapprochent la station de Voznesenskaja des stations de Negežma, Voj-Navolok 9 et Suna 1 et se rapporte à la fin de la période subboréale.

A juger par l'abondance et la diversité de l'outillage et de la poterie, cette station fut un lieu d'habitation permanente ayant existé pendant longtemps.

¹ V. le compte rendu des fouilles rédigé par V. Raudonikas, ainsi que le mémoire de l'auteur „La céramique néolithique de la station de Voznesenskaja“ (L'Archéologie Soviétique, № 5, 1940).

Le territoire de la fouille III paraît avoir été occupé beaucoup plus tard et non d'une manière permanente, mais périodique seulement, en tant qu'offrant des commodités pour la pêche.

M. Voss et L. Elinickij

SUR L'EXTRACTION DE LA PIERRE ET LES PLUS ANCIENS OUTILS DE CARRIER DANS LE NORD DE L'EUROPE ORIENTALE

Résumé

Les auteurs distinguent parmi les instruments contondants de l'époque néolithique provenant de la Carélie et de la région d'Archangelsk, des outils en forme de pics, faits en schiste. Ils considèrent ces objets comme des instruments de terrassier destinés à l'extraction de la pierre et de l'argile à potier. Les observations faites sur le matériel livré par les stations néolithiques du bassin du lac Lača les amènent à conclure que le silex et les autres roches utilisées pour la confection des outils étaient extraits dans des gisements déterminés, à une profondeur plus ou moins grande.

En vue d'élucider la technique de l'extraction de la pierre à l'époque néolithique, les auteurs ont recours, en outre, des données fournies par l'observation des outils eux-mêmes, à de larges analogies archéologiques et ethnographiques, qui leur permettent de jeter quelques lueurs sur l'organisation du travail dans les anciennes carrières et sur son envergure.

Tout en signalant des indices d'une certaine spécialisation des outils de terrassement, observés sur quelques échantillons, les auteurs signalent le caractère amorphe de la majorité d'entre eux, témoignage de leur usage à des fonctions combinées ou plutôt multiples.

Pour terminer, les auteurs présentent un essai de restauration du manche du pic ancien et des modes de fixation de la pierre au manche, basé sur les données ethnographiques et tenant compte du coefficient mécanique d'effet utile de l'outil.

A. Okladnikov

SUR LA DESTINATION DES POISSONS DE PIERRE NÉOLITHIQUES TROUVÉS EN SIBÉRIE

Résumé

Les poissons en pierre d'un style réaliste provenant des cimetières et lieux habités néolithiques de la Sibérie étaient interprétés d'ordinaire comme des pendeloques cultuelles, des représentations d'esprits ou des objets se rap-

portant aux rites religieux. Cependant, les parallèles ethnographiques établissent que des analogues très proches de ces poissons de pierre existent dans le matériel de pêche. On y rencontre, outre des poids de filet pisciformes, de véritables poissons sculptés servant de leurre pour les poissons de proie. On les emploie sans hameçons, avec le harpon, dont on perce ensuite le poisson. Ce procédé de pêche est connu chez les Iakoutes, les Evenk (Toungouses), les Kerek, les Aléoutes, les Orotches, les Niénets (Samoyèdes), les Esquimaux et les Algonkins. En Amérique, comme en Sibérie, des poissons-leurres sont signalés aussi dans les trouvailles archéologiques (stations des Algonkins et des anciens Esquimaux). Ce genre de pêche spécial est commun aux plus anciennes cultures de l'Amérique du Nord et de l'Asie septentrionale. Il est en même temps le plus archaïque, dérivant directement de la chasse.

S. Semenov

LES TRACES D'UTILISATION SUR LES OUTILS NÉOLITHIQUES DES SÉPULTURES DE L'ANGARA

Résumé

L'étude des traces d'utilisation sur les outils néolithiques entreprise par l'auteur n'est qu'une première tentative d'appliquer la microanalyse à un matériel nouveau. Jusqu'ici, il s'était occupé principalement des outils paléolithiques.

Le matériel soumis à l'examen provient des cimetières néolithiques des bords de l'Angara, fouillés par A. Okladnikov dans la période de 1932 à 1937, et d'un atelier néolithique découvert également par lui en 1937 dans l'île Kamennij (sur l'Angara).

En règle générale, les traces d'utilisation sont plus nettes sur les outils néolithiques que sur les outils paléolithiques. Les herminettes, haches, ciseaux et couteaux en néphrite présentent comme traces, outre le poli dû au frottement, de petites rainures sur le tranchant discernables à l'oeil nu. A juger d'après celles-ci, les haches et herminettes servaient à travailler un bois à structure en couches, qui existe surtout chez les conifères. Pareilles traces s'expliquent par la viscosité de la néphrite.

Les traces d'utilisation sur outils en pierre qu'on a réussi à fixer par la microphotographie montrent non seulement quel matériel était travaillé, mais aussi comment l'outil était tenu en main et de quelle manière il était emmanché.

Les outils faits d'une autre espèce de pierre — herminette à rainure en schiste siliceux pour le marquage, couteau en silex pour vider le poisson, longs couteaux en silex pour couper le gros poisson, grattoirs, poignards,

couteau à raboter, couteau pour le découpage des peaux — ont comme traces d'utilisation le poli. La reconstitution de leur mode d'emploi, donnée par l'auteur, s'appuie sur l'étude de ces traces et sur la forme des outils eux-mêmes.

M. Voss

LES OBJETS EN OS ET EN BOIS DE LA STATION DE VERETIE

Résumé

Les objets en os, en corne et en bois trouvés dans la tourbière de Veretie (district de Kargopol de la région d'Archangelsk, bassin du lac Lača) proviennent de deux couches archéologiques superposées, séparées l'une de l'autre par un lit de tourbe stérile. La couche inférieure se rapporte à la fin de la période subboréale (II-e millénaire avant notre ère), la couche supérieure — au début de la période subatlantique (seconde moitié du I-r millénaire avant notre ère). En comparant les complexes d'objets fournis par les deux couches, l'auteur établit les types d'instruments caractéristiques de la période d'existence ancienne et récente de la station de Veretie. Les documents ethnographiques ont été largement mis à contribution pour reconnaître la destination des objets. On a tenté de reconstituer le processus de leur fabrication en s'appuyant sur les traces de façonnage observées à la surface de l'os et de la corne.

P. Dmitriev

LES HABITATIONS DEMI-SOUTERRAINES DES STATIONS TRANSOURALIENNES

Résumé

L'étude des localités et des habitations a une grande importance pour la reconstitution des relations de famille et de clan dans les sociétés anciennes. Le présent mémoire est consacré à la description des habitations découvertes au cours de ces dernières années dans les stations de l'Oural oriental et de la région comprise entre les rivières Tura et Iseti. Ces stations se rapportent à la période du métal, mais conservent encore un cachet néolithique. Les localités et les habitations des deux régions diffèrent nettement entre elles.

Dans l'Oural oriental, l'occupation des habitants, à la fin du II-e millénaire avant notre ère, était la chasse et la pêche, mais à la même époque apparaît la culture du sol à la houe, qui ne jouait qu'un rôle accessoire dans l'économie. A la station „Kalmackij brod“ (cours supérieur de l'Iseti, à 18 km de Sverdlovsk),

on a découvert, pour la première fois dans l'Oural, trois huttes de forme ronde (fig. 1—5), d'un diamètre de 7.50 m et d'une profondeur de 0.90—1.10 m. On y a constaté des vestiges de foyers sous forme de taches charbonneuses et d'amas de pierres, disposés à une certaine distance du centre. Près des foyers se trouvaient de grandes dalles polies, des tessons de vases en argile et plusieurs outils en pierre. Les grosses pierres gisant à la périphérie des cabanes servaient probablement à soutenir les perches qui constituaient la carcasse du recouvrement conique. Ces cabanes, qui occupaient une superficie de 44—45 m², étaient apparemment de grandes maisons habitées par plusieurs familles monogamiques vivant sous le régime matriarcal.

Dans la région d'entre Tura et Iseti, où la population se compose de chasseurs-pêcheurs, c'est la pêche qui prédomine dans l'économie. Des habitations ont été mises au jour dans les stations de Lipčinskaja sur la rivière Tura, à 59 km à l'ouest de la ville de Tlumeni (fig. 7—8) et Andreevskaja 2 sur le lac Andreevskij, à 20 km au sud-est de Tlumeni (fig. 9—12). Elles étaient de forme rectangulaire et de dimensions restreintes (18—19 m² à Lipčinskaja et 9—10 m² à Andreevskaja 2). La profondeur des excavations des cabanes mesurait de 1 à 1.8 m à partir de la surface actuelle du sol. Dans toutes les cabanes, on a constaté un exhaussement en crête du sol, sur lequel reposaient probablement les perches qui supportaient les planches du plancher. Les foyers, sous forme d'une couche de cendre et de charbon avec débris de cuisine, étaient situés près des courtes parois des cabanes. Dans l'une des cabanes, le sol était couvert d'une couche d'écaillles de poisson atteignant 10 cm d'épaisseur. Deux poteaux sur le côté est de l'une des cabanes soutenaient sans doute le toit à une pente (fig. 12). Là se trouvait aussi l'entrée de la cabane, dont il subsiste une marche.

Aux cabanes confinaient d'étroites fosses ovales, qui devaient avoir quelque destination domestique. De plus, on a découvert sur le territoire des stations, en dehors des habitations, des restes de foyers isolés.

Les petites cabanes représentent selon toute vraisemblance une forme plus récente d'habitats séparés pour famille monogamique à régime maternel.

E. Kričevskij

SUR LE PROCESSUS DE LA DISPARITION DE LA CULTURE DE TRIPOLIE

Résumé

L'auteur étudie les lieux d'habitation se rapportant aux derniers stades de développement de la culture de Tripolie (découverts sur

Résumé

le territoire de Kiev, Bortniči, Lukaši, Ržisčev, Rajki, Evminka, Gard, Usatovo et surtout Gorodsk sur la rivière Teterev). Leur culture présente d'une part diverses traditions et survivances de Tripolje, d'autre part elle révèle l'apparition de nouveaux éléments culturels propres à l'époque du bronze en Ukraine. Le processus de la transformation de la culture de Tripolje en nouvelles formations culturo-tribales ressort d'une manière particulièrement nette à l'examen des matériaux fournis par les fouilles de la station près du village de Gorodsk. Le mode de bâtir tripolien, caractérisé par les "plateformes", disparaît graduellement, faisant place à des constructions établies sur le sol avec simple plancher de terre et fours en argile cuite (Rajki, Gorodsk, Košilovcy, etc.) ou cavités croussées dans le sol pour les foyers et les dépôts de grain (Kiev, Gorodsk), ou à des habitations de type demi-souterrain (Ržisčev, Bučač). En même temps, l'élevage du bétail prend un développement marqué (particulièrement au dépens de l'agriculture), la composition du troupeau se modifie (augmentation des chevaux à Gorodsk, des chevaux et des moutons à Usatovo), la chasse occupe une place un peu plus importante et de nouveaux instruments de production se propagent peu à peu (hache en silex, couteau à lame courbe en silex).

Les lieux habités perdent leur liaison permanente avec les sols du loess et de terre noire du plateau de la rive droite du Dniepr; ils passent sur la rive gauche et descendent sur les dunes des basses terrasses (Evminka, Bortniči, Lukaši, etc.). Leur disposition montre nettement l'attrait qu'offraient pour les habitants les prairies fertilisées par les crues printanières (Kiev, Ržisčev, Gorodsk) et les pâturages des steppes (Usatovo).

Non moins significatif est le changement subi par la poterie. La comparaison des com-

plexes de céramique des différentes localités fait constater la disparition graduelle des principales sortes de céramique tripolienne, entre autre de la céramique peinte, et la propagation progressive de types nouveaux, parmi lesquels la céramique "cordée".

La disparition de la culture de Tripolje et sa transformation en "culture de la céramique cordée" de la rive droite du Dniepr est liée moins à la migration des tribus qu'au développement autochtone de leur économie et de leur culture.

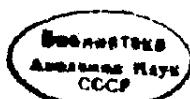
P. Efimenko et N. Beregovaja

LES GISEMENTS PALÉOLITHIQUES DE L'URSS

Résumé

Le présent répertoire des gisements paléolithiques de l'URSS donne la liste complète des stations de cet âge connues sur notre territoire jusqu'en 1938 inclusivement, avec brefs renseignements sur la géologie, l'archéologie et la paléontologie de chaque gisement et la bibliographie principale.

Le répertoire a été rédigé en tenant compte de la classification chronologique des stations (gisements moustériens primitifs et clactoniens, moustériens, paléolithiques supérieurs et épipaléolithiques) et de leur distribution territoriale: stations de la Crimée et du Caucase (séparément: stations abritées et stations en plein air), des parties Européenne et Asiatique de la RSFSR, de la République Soviétique Socialiste Ukrainienne et de la République Soviétique Socialiste Biélorusse. Les monuments du "Paléolithique arctique" sont réunis en un groupe à part

Редактор издательства А. М. Барабанов
М 52281. Объем 98 печ. л.+18 вкл. 38,55 уч. авт. л. Зн. в л. 41984 Тираж 1000 экз.+25 отд. отт. Заказ № 4550 Цена 26 р.
4-я типография ОГИЗа РСФСР треста «Полиграфкнига» им. Евгении Соколовой. Ленинград, проспект Красных Командиров, 29.

Подписано к печати 14/V 1941 г.

Рис № 1045